

Владимир СОРОКИН

РОМАН

OBSCURI VIRI

Владимир СОРОКИН

РОМАН

OBSCURI VIRI

и издательство

"Три Кита"

МОСКВА

1994

Продюсер издания
продюсерское агентство Spleen Entertainment

в книге сохранена авторская орфография и пунктуация

© Владимир Сорокин
© Оформление OBSCURI VIRI

Нет на свете ничего прекрасней заросшего русского кладбища на краю небольшой деревни.

Тихое, неприметное издали, лежит оно под густыми кучами берез, теряется в зарослях боярышника, бузины и сивой, годами не кошеной травы, что стоит высокой, до пояса, стеной на месте бывшей здесь некогда ограды.

Случайный прохожий, следующий мимо по неширокой полевой дороге, замечает эту своеобразную изгородь, возведенную матерью природой взамен развалившейся человеческой, покосившиеся, но всегда гостеприимно распахнутые ворота, кресты, неброско, но явственно мелькающие меж толстых березовых стволов, заставляющие невольно замедлить шаг, или вовсе остановиться.

Прохожий останавливается, смотрит, затем сходит с пыльной дороги на неприметную тропку и медленно идет к кладбищу. Пройдя ворота, он делает несколько шагов и останавливается, теперь уже надолго.

Как все заросло вокруг! Какое запустение и торжество жизни над смертью. Сочная, густая трава покрывает все. Как красива она, сильна и разнообразна. Здесь зверобой и иван-чай, душица и мята, кукушкин лен и пижмы. Земляника стелется по еле различимым холмикам могил кудрявым ковром, дразня алыми бусинками ягод, папоротник заслоняет трухлявые кресты своими резными листьями, крапива высится, перерастая ржавые ограды.

Трудно разыскать здесь знакомую могилу: иной крест упал, другой сгнил, лишившись перекладин, превратившись в столб, а на третьем порос мраморно-белый мох, начисто скрыв имя погребенного.

Вот простенькая ограда, завалившаяся под натиском колючих веток шиповника, а рядом - другая, побогаче, - проросшая молодой березкой и повисшая на ней: растет юное деревце, тянет за собой ржавые прутья.

Тихо, прохладно под раскидистыми кронами. Полуденное солнце почти не проникает сюда - лишь изредка скользнет тонким лучом по замшелой крестовине и пропадет в обильной зелени.

Как хорошо здесь. Как свободно и спокойно дышится. Хочется сесть на траву, прислониться к бугристому стволу старой березы и слушать, слушать немолчный шум крон, забывая обо всем бренном, мелочном, недолговечном.

Пахнет земляникой, прелью и лесными цветами. Птицы переключаются в зеленой выси. Жужжит толстый шмель на белorozовом цветке клевера. Ни глазу, ни душе не требуется привыкать к кладбищенскому ландшафту, - здесь все как-будто существует для молчаливого созерцателя, все рассчитано на него, дабы помочь ему обрести душевный покой, прояснить мысли, возвысить чувства. Долго сидит он, думая о вечном и преходящем, истинном и ложном, конечном и бесконечном. А над кладбищенскими

березами, тем временем, неторопливо проплывают облака, собираясь вдали, у синей стены бора в грозовую тучу.

За перелеском, в неширокой извилистой речушке босоногая деревянная детвора ловит плетенкой пестикарей, так что веселый плеск и крики иногда долетают до забытых могил. Но ничто не потревожит спящих вечным сном - ни восклицания, ни смех, ни грозный в своих продолжительных раскатах июльский гром, оживающий в недрах надвигающейся тучи. Гремит он, заставляя путника встать, напоминая о земных делах и заботах, - пора под крышу, к людям, гроза уж близко.

Уходит путник поспешным шагом, минуя старые ворота, оставляя следы на сочной траве.

Кладбище провожает его, как и встретило - немо, внимательно. Кресты молча смотрят вслед - большие и малые, покосившиеся и прямые, созревшие и целые. Стоят они бессловесными хранителями покойных, с русской покорностью распростирая деревянные руки...

Снова гремит гром. Темно-лиловая, с палевыми краями туча надвинулась, дыша прохладой. Темнеет. Смолкают голоса птиц. Перелетая с ветки на ветку, спускаются они ниже, порхают меж крестов. Вот одна - серогрудая остроноса овсянка присела на верхнюю перекладину высокого креста. Он поновей остальных - стройный, дубовый, крепко сбитый, не успевший посереть. Да и могила не заросла - молодая травка пробивается из песчаного холмика.

Овсянка чистит клювик, царапая крест. Темнеет настолько, что все теряется меж белых стволов, смешиваясь в зеленом полумраке, и уже трудно прочесть надпись на кресте. Только крупно вырубленное имя покойного - РОМАН - различимо на большой перекладине, да и оно скоро пропадает в усиливающемся сумраке.

Гремит уже над самой головой, бьют по листьям первые увесистые капли. Слышно, как дети весело бегут домой.

Проходит еще несколько мгновений сумрачного затишья и теплый, благодатный ливень обрушивается на притихшую землю.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Поезд дернул в тот самый момент, когда Роман опустил свой пухлый, перетянутый ремнями чемодан на мокрый перрон.

Короткий свисток заставил его оглянуться. Зеленые, забрызганные дождем вагоны тронулись со скрипом, усатый проводник, стоящий в проеме двери, помахал рукой:

- Зонтик-то раскройте, а то промокните!

- Merci! - ответно махнул ему Роман, и стал раскрывать большой, черный китайский зонт с ручкой в форме драконьей головы.

Кругом было все мокро - узкий деревянный перрон, перила, скамейка, голые, прямые, словно шпаги, ветви тополей с набухшими почками. Набирающий ход поезд снова засвистел, хлопнула железная дверь, замелькали зашторенные окна.

Роман подошел к перилам, положил руку, затянутую в серую замшевую перчатку на крашеное облупившееся дерево.

Теплый дождь, первый дождь в этом году мелким бисером сыпался на зонт, слабые порывы ветра качали тополя, несли водяную пыль.

За перилами лежало просторное, запаханное с осени поле со следами снега, почти уже сошедшего. Дальше было мелкокольесье прозрачное, синеватое, растворяющееся в белесом утреннем воздухе.

Вокруг не было ни души.

"Значит не встретил никто", - весело подумал Роман, - "Ну и прекрасно! Пойду через лес. Напрямик здесь три версты, это чудное путешествие".

Сунув руку в карман своего светло-серого пальто, он достал часы. Было четверть восьмого.

- А уже вовсю светло, - проговорил Роман вслух, подхватил чемодан и бодро зашагал к концу перрона, небрежно прикрывшись зонтиком, подставив свое молодое красивое лицо свежему апрельскому воздуху.

Роман был красив той красотой, которая встречается обычно у скандинавов, а в России именуется "немецкой". Его высокая, худощавая, слегка сутулая фигура с не очень широкими плечами всегда бросалась в глаза из-за чересчур размашистой и быстрой походки, выдающей характер искренний и порывистый. Белокурые волосы, выбивающиеся из-под светло-серой, как и пальто, шляпы были мягки, волнисты. Черты лица отличались правильностью, если не считать некоторой тяжеловатости подбородка и тонкости губ, в то же время имевших неуловимое детское выражение полуулыбки, несоответствующее глубокому взгляду больших серо-голубых глаз. В свои тридцать два года

Роман носил небольшие светлые, всегда аккуратно подстриженные усы и такие же небольшие бакенбарды.

Перрон быстро кончился деревянными ступеньками и обутые в неглубокие калоши ботинки Романа пошли по мокрой, совсем недавно избавившейся от снега земле. Она была мягкой, словно губка, и испуганно прогибалась под тяжестью этого молодого, полного сил человека. Но не успел Роман пройти и десятка шагов, как справа из-за небольшого пристанционного сарая выехала телега, запряженная каурой широкогрудой лошастью, ведомой под уздцы таким же широким, коренастым, чернобородым мужиком, узнать которого Роман смог бы и за версту.

От неожиданности он остановился, а чернобородый, лукаво скаля белые крепкие зубы, одной рукой ведя чавкающую копытами лошадь, другой же, прихватив кнут, приподнял мокрый лисий трех:

- Здравия желаем, Роман Алексеич!

- Аким... - только и проговорил Роман, опуская зонтик, а через мгновение уже тряс крепкую смуглую руку Акима.

- Аким! А я уж думал никто не встретит!

- Ну, как можно, Роман Алексеич. Мне ж Лидия Константиновна еще завчера сказала...

- Спасибо тебе огромное! Как рад тебя видеть! - Роман не выпускал руки Акима, - Борода-то, борода-то все такая!

- А чего ей будет-то бороде! - еще шире оскалился Аким, - А вы вот сильно переменялись. Сильно...

- Неужели? За три года!

- Сильно! - с непоколебимой уверенностью тряхнул черными с проседью кудрями Аким, - Я сразу никак не признал.

- Seriously? - усмехнулся Роман.

- Точно! Поглядел было - кто он это идет? Думаю, что ж это за французский посланник сюды заехал!

Они расхохотались так громко, что лошадь вздрогнула, испуганно тряхнув мокрой гривой, попятилась в сторону.

- Балуй, балуй у меня! - поддернул ее Аким, потянулся к чемодану, но Роман уклонился.

- Не беспокойся, я сам.

Только сейчас он заметил, что перед ним была вовсе не телега, а двухколесные дрожки с протертым кожаным сиденьем и красной расписной спинкой.

Роман заложил чемодан за спинку, а Аким принялся быстро крепить его пеньковой веревкой.

- Что ж ты за сараем прятался? - спросил Роман.

- Так ведь вот из-за этой твари, прости Господи! - Аким кивнул на лошадь.

- А что такое?

- Да не переносит она всякую машину, хоть убей! Как поезд идет - держи крепче, не то всю амуницию разнесет к лешему!

- Так она вроде и не молода.

- В том-то и дело! Третий год дубине, а все с таким диким манером. Вона и щас - как свисток дали - дергает, быдто черт ее седдает, ей-богу. Такая, прости Господи, староверка.

Он затыкнул веревку узлом, прикрыл чемодан прибитой к спинке рогожей и, сняв треух, вытер ладонью мокрый лоб:

- Ну, славу Богу, Роман Алексеич, что добрались до наших захолустьев. А то я уж ожидаючи грешным делом такое напередумал... - он махнул рукой и выразительно кивнул в сторону железной дороги, - Я, отец мой, в эту технику тоже не шибко верю...

- Ну, это ты зря! - усмехнулся Роман, с облегчением кладя ему руку на плечо, - Техника - наше будущее.

- Да оно может и так, - недоверчиво пробормотал Аким, разбирая мокрые вожжи, - А все-таки кобылка-то никогда не подведет. Это не железяка какая-то.

- Кобылка, Аким Петрович, сдохнуть может! - улыбаясь и, прикрываясь зонтом, Роман влез на сиденье.

- Ну так корми лучшей и не сдохнет! - засмеялся Аким, проворно вскакивая на сиденье, - А ну-ка, девка, поехали!

Он чмокнул, замахнулся коротким кнутовищем, но не ударил, так как лошадь, несмотря на вязкую землю и перечисленные недостатки, легко взяла с места резвой рысью. Дрожки покатались, разбрасывая грязь. Аким правил не на широкий разбитый большак, а на чуть приметную окружную дорогу, тянущуюся по краю поля и исчезающую в мелколесье.

Роман жадно всматривался в окрестности. Здесь все было на своих местах - поля, лесок, сломанная липа, серые валуны, разлегшиеся вдоль дороги. Но какая-то печать тревоги и бессилия лежала на всем знакомом, много раз виденном, - то ли потому что весной Роман никогда раньше не приезжал в Крутой Яр, то ли из-за почти бессонной ночи все казалось таким жалким, родным, до боли маленьким; кусты, деревья были голы, в них стоял легкий туман, они тянули свои мокрые ветви к серому, слепящему дождем небу, словно молили о пощаде и милости. Да и поле - широкое, уходящее левым краем в туманную даль, не было сейчас тем самым ПОЛЕМ, по искристому снежному савану которого, визжа мерзлыми полозьями, гнали, бывало, акимовы санки; или летом, жарким июльским летом встречало оно Романа раскинувшись ковром цветущей гречихи: в розовом, пахнущем медом воздухе кружили мириады пчел, ветер гулял по полю, заставляя ходить волнами, колокольчик под синей, обвитой лентами дугой тонко звенел, серый в яблоках рысак Нила Тимофеича несся, оставляя за коляской шлейф пыли... Роман вздохнул, придерживая зонт, достал серебряный портсигар с вензелем АВ.

Он давно уже отметил это необычное свойство русской природы терять ранней весной свое величие, сжываясь, застывая в жалкой немоте под мелким дождичком. До чего жалок и нем русский лес ранней весной! Стоят богатыри-дубы, вековые дуплистые липы, белоствольные березы, стройные ясени и осины, словно слуги, брошенные своим господином на произвол судьбы, стоят с понурой покорностью, распростав голые ветви, будто ожидая неминуемой смерти на этой мокрой безжизненной земле, облепленной прошлогодними листьями. Все мертво кругом - и кусты, и болото, и поля, все одинакового серо-бурого цвета. Только что сошел снег. Ветер гонит облака по бледному небу. Пролетит с тоскливым криком ворона, едва не задев тяжелыми крыльями голых макушек, и снова тишина. Стоит лес, ждет чуда - воскресения своего.

"Совсем как люди", - подумал Роман, закуривая.

Проехав мелколесье, они въехали в молодой смешанный лес. Держа вожжи, Аким покосился на Романа, с грустной улыбкой оглядывающего окрестности:

- Что-то вы загрустили, Роман Лексеич. Не нравится наша-то глухомань опосля столицы?

- Да что ты вздор говоришь... - поморщился Роман, - Мне может столица меньше твоего нравится.

И добавил, глубоко затянувшись папиросой:

- Самая грустная пора в природе. Экая мертвенность... Не прав, был Пушкин насчет осени. Унылая пора. Нет. Вот - унылая пора...

Он кивнул на проплывающий мимо лес. Лошадь бежала все той же неспешной рысью, поsteгивая себя мокрым хвостом.

- А места наши, Аким Петрович, я ни на какие столицы не променяю, - уверенно добавил Роман, хлопнув Акима по колену, - На этих вот полях, березах, на таких мужиках, как ты, - все столицы и держатся!

Усмехаясь в бороду, Аким качнул головой:

- Ну уж, прямо на таких как я...

- Именно, именно, дорогой.

Тот снова недоверчиво усмехнулся:

- Вам стало быть видней. Вы человек ученый, науки знаете. А вот насчет местов наших - святая правда! Других таких нету. И по землице, и по лесу. И опять же - река, запруда, рыбка разная. А луга какие! Вот за Семеновой делянкой - коси день, не сподкнесси. Гладкота какая. А Рогаткин луг! А Кострюков! - он зацокал языком, - Как еду, бывалоча, заглядюся!

- Ты по-прежнему в объездчиках?

- А куда ж я денусь? Такое уж ремесло мое.

- Жена не бранится, что дома не бываешь?

- Да чего ей браниться... Тпру! Куды тебя лихоманка несет!

Зачмокав губами и, натягивая вожжи, он выровнял лошадь, норовящую свернуть на пересекшийся большак.

- А что, Аким, Нил Тимофеич все также лесничествует? - рассеяно спросил Роман, с жадным любопытством осматриваясь по сторонам.

- Прошлом годе преставился, царствие небесное, - проговорил Аким.

- Ей-богу?

- На Троицу. От удара. Сердце, стало быть, не выдержало.

- Жаль. Хороший человек был...

- Хороший.

- Охоту любил, как никто.

- Святая правда. Без ружья и собаки в лес не ходил. Большой знаток был в охотничьих искусствах.

Аким удовлетворенно вздохнул, довольный произнесенной им фразой.

- А кто теперь лесничий?

- Новый. Адам Ильич Куницын.

- Откуда?

- С Чернигова.

- Дельный человек?

- Ничаво, - без особого энтузиазма ответил Аким, - Порядок любит. Чтоб без воровства, опять же. Рыбку ловить уважает. Говорят, раньше большим военным был, да что-то там проштрафился и теперь у нас царствует.

- А лет ему сколько? - спросил было Роман, но чувствуя, что биография нового лесничего ничуть его не интересует, тут же перебил, - Слушай, Аким Петрович, что, Красновские приезжали летом?

- Красновские... - наморщился Аким, отчего лицо его стало непривычно угрюмым, - Да, приезжали. Как же. Надежда Георгиевна, Петр Игнатьич. Зоя Петровна опять же.

- Она замужем? - быстро спросил Роман, бросая недокуренную папиросу.

Аким пожал плечами:

- А почему я знаю? Может и замужем.

- Сережка приезжал с ними?

- Сергей Петрович? Как же. Приезжал. Они тут каждое лето бывают.

- Все такой же шалопаи?

- А что ему делается.

Роман хотел было еще о ком-нибудь спросить Акима, но в это время лес неожиданно расступился, открывши прекрасную, подлинно живописную панораму.

Она всегда, во все приезды Романа заставляла его врасплох, появляясь неожиданно, как и положено всему чудесному, поражая и радуя до слез, заставляя каждый раз замирать.

Аким знал об этом и, не ожидая просьбы, натянул вожжи.

Дрожки остановились.

Чудный вид открывался впереди, дорога тянулась дальше и стремительно шла вниз, под уклон, как и все огромное поле, окаймленное по краям синей полоской леса. А внизу в утренней прохладной дымке по берегам извившейся неширокой лентой реки лежал Крутой Яр.

Дождь перестал и, несмотря на легкий туман, отсюда с пригорка были хорошо видны дома, сараи, бани, изгороди, ивы, склонившие голые ветви к реке, "журавли", нависшие над колодцами, мостики, огороды с пугалами.

А над всем этим, чуть подале, вырастала из тумана небольшая, но изумительно красивая белая крутояровская церковь. Роман смотрел так, словно это было последнее, что суждено ему увидеть на земле, словно вот-вот сейчас промелькнет мгновенья и разлетится этот чудесный мир, исчезнет навсегда среди мрака Вселенной по непримолненной воле Создателя. У Романа перехватило дыхание.

Он смотрел не отрываясь, боясь пропустить что-то.

А внизу перекликались петухи, слышались голоса людей и лай собак, тянулись вверх утренние дымы. За церковь, чуть правей, после быстрых изгибов реки виднелся флигель Красновских. Он, казалось, был совсем рядом, - протяни руку и заскрипит дубовая дверь с медной ручкой, пахнёт сушеными травами, встанет из кресла, блестя очками, Петр Игнатьич... Сердце Романа оглушительно билось.

Он привстал, хотел было дотянуться взглядом и до дубовой роши, за которой... но тут рука сама опустилась на плечо Акима, а с полураскрытых губ сорвалось на одном дыхании то радостное, опьяняющее, что срывалось всегда:

- Гони!

И Аким погнался, залихвацки посвистывая, крутя кнутом над головой, так что влажный ветер засвистел в ушах, вырвал зонт из рук Романа.

- Черт с ним! - не оглядываясь, крикнул Роман и снова хлопнул Акима по плечу, - Гони, Акимушка, гони родной!

Они неслись вниз по бескрайнему, круто клонившемуся полю.

- Эгей! Пошлааа! - раскатисто покрикивал Аким.

Цыганские глаза его озорно посверкивали, белые зубы скалились в разбойничьей усмешке. Лошадь мчалась галопом, мокрая грива ее билась по ветру.

Роман замороженно смотрел вперед, вцепившись одной рукой в акимово плечо, а другой придерживая шляпу.

Ветер высекал слезы из его глаз, сердце, казалось, остановилось.

Он не просто любил быструю езду, как свойственно всякой русской душе, а питал к ней невыразимую, сильную страсть, охватывающую все его существо с быстротой степного пожара. И особенно сильно страсть

эта проявлялась здесь - на уклонном крутояровском поле.

Сколько раз уже раздавалось сокровенное, словно сердцем промолвленное "Гони!", вслед за которым свистел кнут, звенел колокольчик, мелькали лошадиные копыта. А как неслись, бывало, акимовы сани, как пели полозья! Дух захватывало у Романа, он забывал обо всем, сливаясь душою с этим ветром, полем, с озорным гиканьем Акима, становясь почти бесплотным ангелом удали, простора и страсти.

- Пошла! Пошлааа! - кричал Аким, нахлестывая лошадь по сытому крупу, но она и без того мчалась во весь дух, нещадно разбрызгивая дождевую воду.

Крутой Яр был совсем рядом, - дома приблизились, засверкала чистая поверхность речки, деревья уже тянулись к Роману, уж до церкви было рукой подать. Показалась развилка.

- Как, через Яр, Роман Лексеич? - крикнул Аким.

- Нет! Давай окружной! - очнулся от опьяняющего забытья Роман, решив в последнее мгновенье прежде все же встретиться с родней.

Аким послушно потянул правую вожжу и дрожки, сбавив ход, стали огибать Крутой Яр по берегу реки.

II.

- Ромушка! Мальчик мой! - Лидия Константиновна торопливо спускалась по широкому деревянному крыльцу, придерживая черную кружевную шаль, сползающую с ее худых плеч.

Спрыгнув с еще не остановившихся дрожек, сняв шляпу и улыбаясь, Роман шел ей навстречу.

- Боже мой! Рома! - выдохнула Лидия Константиновна и тонкие руки ее опустились на мокрые плечи Романа.

Стоя еще на ступеньках, она оказалась почти вровень с ним поцеловала его влажный бледный лоб.

- Тетушка... - пробормотал Роман, целуя ей руку.

- Ромушка! - качала она головой, отстраняя и разглядывая его, - Господи, как ты вырос! Промок весь!

- Пустяки, тетушка.

- Я так волновалась, ужасно! Слава Богу! Акимушка! - глядя романовы волосы, она обратилась к Акиму, который отвязывал чемодан, - Спасибо тебе огромное! Просто спаситель, наш.

- Да что уж, Лидия Константиновна, - усмехнулся Аким, - Мы

завсегда...

- Рома, Рома! - быстро повторяла она, - Как славно, что ты приехал. Как славно.

- Я не мог не приехать, тетушка. Я же писал дяде Антону.

- Да что ж с того - писал! Ты прошлый год тоже писал, а потом и не приехал. Ромашка ты, ромашка! - Она потрепала его по волосам, чмокнула в щёку.

- Эге, слышу, слышу звуки жарких поцелуев! - раздался наверху громкий басистый голос Антона Петровича и его полная большая фигура появилась в распахнутой двери.

- Дядя Антон!- воскликнул Роман и Лидия Константиновна с грациозным проворством уступила ему дорогу наверх.

- Приехал, приехал, разбойник! - ступеньки жалобно заскрипели под дядиными ногами и через мгновение он уже обнимался с племянником.

Аким тем временем, высвободив из пуг чемодан, поднес его к крыльцу:

- Куда прикажете определить, Лидия Константиновна?

- Снеси наверх, Акимушка.

Не переставая усмехаться своей озорной цыганской усмешкой, Аким пошел в дом.

- Ну, здравствуй, брат! - разжал объятия дядя и они трижды поцеловались. Лидия Константиновна, смахнув краем шали слезы, смотрела на них.

Дождь перестал.

Редкие капли срывались с навеса над крыльцом, звучно падали в лужи.

Лошадь спокойно стояла, поодаль, пожевывая удила.

- Ну, брат, - качнул осанистой головой Антон Петрович, - Ты просто этакой Чайльд Гарольд, или Багратион! Эка! Усы-то, а усы! Красив, красив. Ничего не скажешь.

- Да полноте, дядюшка, - отмахнулся Роман, - Как хорошо что вы здесь. И тетушка. И вообще, - он оглянулся по сторонам, - Как все мило.

- Да, брат, Рома, мы теперь здесь всерьез и надолго. Как Робинзон с Пятницей.

- Значит я - Пятница? - засмеялась Лидия Константиновна, кутаясь в шаль, - Хорошо, что не Баба-Яга!

- Ты Лидочка - царица Савская, леди Годива, Жанна д'Арк нашего живописного захоластья! - зарокотал Антон Петрович, обнимая сразу Романа и Лидию Константиновну.

- Медведь, медведь! - отмахнулась тетушка, - Ну, пойдем в дом, что же мы на крыльце...

- В шатер, в шатер, сын Тамерлана! В шатер, дитя Атиллы! Где яства ждуг и одалиски пляшут! - гремел Антон Петрович, простирая руку к

двери.

Они прошли в дом.

Это было обширное двухэтажное строение с двумя большими террасами, бесконечными комнатами, переходящими одна в другую билиардной, гостиной с роялем и картинами, с тремя облепленными изразцами печками, мезонином, украшающим крышу, наподобие сторожевой башенки.

На внешний взгляд дом мог показаться совершенством: окруженный кустами сирени он был покрашен в голубой цвет, козырек крыльца подпирался двумя деревянными колоннами, водостоки сверкали новой жстью, крыша являла собой образец кровельного искусства, блестящий стеклом мезонин был украшен башенкой с резным петухом.

Но внутри все было не так совершенно: пол, на который ступил Роман был гнил и прогибался, обещая когда-нибудь провалиться вовсе, террасы были заставлены и завалены всяческой рухлядью, - рассохшимися комодами, дырявыми корзинами, птичьими клетками, многочисленными цветочными горшками, чемоданами, саквояжами, смятыми шляпными картонками и книгами, лежавшими почти на всех вещах; гостиная при внешней помпезности, походила, тем не менее, на обнищавшего аристократа - черный, громоздкий рояль с потрескавшейся полировкой и желтыми клавишами был вконец разбит и расстроен, персидский ковер протерся в нескольких местах, кожаный диван провалился, кресла тоже; картины, занимающие почти обе стены и изображавшие - одна - Неаполитанский залив лунной ночью, а другая - битву при Каннах, местами облупились, золоченые рамы имели совсем плачевный вид и кусочки позолоты хрустели под ногами, как яичная скорлупа на Пасху. Однако мраморный бюст Вольтера на ребристом постаменте сиял белизной. Комнаты были тесны, запылены, старая мебель сплошь рассохлась и покосилась так, что дверцы шкафов не закрывались, а выдвинуть ящики представлялось возможным разве что Геркулесу.

Очутившись в просторной прихожей, где по-прежнему, как и три года назад, было сумрачно, висели огромные, намертво прибитые к стене лосяные рога, а рядом стояло изъеденное молью, заваленное одеждой чучело кабана с желтыми клыками и стеклянными глазами, Роман улыбнулся, повесил шляпу и стал расстегивать пальто.

- Раздевайся, Ромушка, и иди за мной наверх, я тебе комнату укажу, - проговорила Лидия Константиновна, направляясь к винтовой лестнице, ведущей на второй этаж.

В этот момент по ней, скрипя и топя, спускался Аким.

- Акимушка, поставил?

- Поставил, Лидия Константиновна. Все, как велено.

- Смотри не сверзнься, Сатир Крутояровский! - громко посоветовал ему Антон Петрович, открывая застекленную дверь террасы, где виднелся

накрытый стол, украшенный букетом распустившейся вербы.

- Роман! Как расквартируешься - немедленно сюда! На расправу! - стоя в двери, гремел Антон Петрович, - Здесь у нас брат, Крутояровские сатурналии!

- Непременно, дядюшка.

Роман повесил пальто на рога, погладил твердую, шерстистую морду кабана.

- Спасибо, Акимушка, - Лидия Константиновна дала спустившемуся Акиму деньги.

- Благодарствуйте, - широко улыбнулся он, зажав их в кулак, - Ежели что - так я завсегда.

- Мы с тобой, Аким, обязательно на вальдшнепов съездим. В Мамину Рошу, - проговорил Роман, разматывая шарф.

- А как же, Роман Лексеич. Съездим, - Он шагнул к двери, - Ну а теперь до свиданьица. Пора мне.

- Прощай, Акимушка! - крикнула Лидия Константиновна, проворно поднимаясь вверх по лестнице, - Рома, за мной!

Роман махнул рукой Акиму и стал подниматься по скрипучим, но еще крепким ступеням, держась за гладкие прохладные перила.

Воздух на темной лестнице был тоже прохладным, он пах старым деревом и чердаком.

"Как славно", - думал Роман, медленно, с удовольствием ступая и слушая хорошо знакомый скрип, - "Я опять здесь. В этом милом доме. С этими милыми людьми".

- Ромушка, не отставай!

Лидия Константиновна уже ждала его в верхней столовой с полинявшими обоями и разлапистой, похожей на паука бронзовой люстрой.

В столовую выходили четыре комнаты.

Дверь самой большой из них была открыта.

- Проходи сюда, Ромушка.

Она вошла первой, поправляя шаль. Роман последовал за ней.

Это была его комната. Просторная, с окном, выходящим в сад. И все в ней по-прежнему оставалось на своих местах, - и небольшой платяной шкаф, и конторка красного дерева с бронзовым чернильным прибором, и три книжные полки, и кровать с резными деревянными спинками. И икона Почаевской Божьей Матери.

Чемодан Романа стоял возле шкафа.

- Располагайтесь, Роман Алексеевич, - тетушка подошла к нему и сняла с его плеча своими тонкими пальцами крошку побелки.

Роман был в отличном твидовом костюме серо-голубого цвета, белоснежной рубашке, белизну которой эффектно оттеняла черная шелковая жилетка и узкий черный галстук.

- Выглядишь английским лордом, - качнула головой Лидия

Константиновна, с улыбкой разглядывая Романа, - И костюм подобрал под цвет глаз.

- Это вышло само собой. Я, право, не стремился.

- Ну, ну, не притворяйся, - она легонько шлепнула его по руке, - Комната тебе хорошо известна, так что будь здесь хозяином.

- Спасибо, тетушка.

- Ждем тебя завтракать через десять минут, все страшно голодные.

- Прекрасно.

Она хотела уже выйти, но вдруг повернулась:

- Рома, может ты устал с дороги и сразу желаешь отдохнуть?

- Я сразу желаю есть и говорить с вами! - усмехнулся Роман, снимая забрызганные дорожной грязью калоши.

- Отлично. Расскажешь нам про столичную жизнь. Про тетю Катю, про всех - всех.

- Конечно, расскажу.

- Ждем тебя.

Она вышла.

Роман, тем временем, покончив с калошами, задвинув их в угол под коротенькую этажерку, положил чемодан на кровать и принялся развязывать ремни.

Затянутые еще в столице, они поддались не сразу, зато крышка отскочила сама, едва худошавые пальцы Романа прикоснулись к замкам. Чемодан был беспорядочно набит вещами. При всей своей внешней элегантности, Роман никогда не был аккуратистом.

Он не хотел, да и не умел беречь те красивые дорогие вещи, окружавшие его и служившие ему туалетом. Их состояние привлекало внимание Романа дважды, - когда они покупались и когда исчезали в мешке старьевщика. За этот, как правило, короткий период жизни, они терпели полное равнодушие хозяина, находясь подчас в весьма плачевном состоянии, в то время как он сам, удивительным образом, был всегда элегантно одет, тщательно выбрит и модно подстрижен. Так и сейчас облаченный в прекрасные новые, купленные им неделю назад костюм, рубашку, жилетку, галстук и туфли, он склонился над распахнутым чемоданом, содержание которого во всей полноте могло являть картину первозданного хаоса.

Чего только не было здесь!

Мятые рубашки с оставшимися в манжетах запонками, китайские цветастые полотенца, голландские носовые платки, нательное белье, галстуки, парусиновые брюки, панамы, карманные шахматы, бритвенный прибор, флакон французского одеколona, расческа, пара книг, дневник, коробка патронов, - все было перемешано, спутано, скомкано и, казалось, не могло принадлежать этому красивому, точному в движениях человеку.

С небрежностью он разгреб цветастое месиво, извлек дневник,

набор вязальных крючков и бутылку французского коньяка, оказавшуюся на самом дне.

Все это было положено на конторку, сам же чемодан был мгновенно закрыт и запихнут под кровать.

Схватив бутылку и набор, Роман поспешил вниз.

Антон Петрович и тетушка ждали его на террасе.

- Спешите, спешите, принц датский, а то гунны и варвары разорят все базилики! - басил Антон Петрович, стоя у застекленной веранды и протирая пенснэ замшевой тряпочкой, отчего его прищурившееся массивное лицо выглядело одновременно беспомощно и угрожающе.

- Тетушка, это вам от Екатерины Андреевны.

Антон протянул вязальный набор Лидии Константиновне, ставящей на стол корзинку с нарезанным хлебом.

- Спасибо, Ромушка, хорошо, что она прислала... Садись.

- А это, дядя Антон, вам, - Роман поставил бутылку на стол, напротив огромного неподъемного кресла, где обычно сидел Антон Петрович.

Внушительным движением надев пенснэ, тот подошел, взял бутылку в руки:

- Тэкс. Прекрасно. Спасибо, брат. Мы его на обед оставим. А сейчас - немедленно всем по местам!

Его могучие руки опустились на плечи Лидии Константиновны и Романа, и им пришлось опуститься на старые венские стулья.

Только теперь Роман увидел, какие прелести ждут его на этом старомодном овальном столе, покрытом белой, с кружевной вологодской вышивкой, скатертью.

В центре, рядом с очаровательной китайской вазочкой, в которой стояли веточки ожившей вербы, распласталось такое же фарфоровое китайское блюдо с нежно-розовым куском окорока, маленькими солеными огурчиками, облепленными зернами и метелками укропа, блестящими от рассола. Чуть поодаль стояли три чаши серо-зеленой смальты, полные соленых груздей, помидоров и рыжиков. В солёностях тускло поблескивали серебряные ложки с вензелем НВ. По правую руку Антона Петровича сверкали тонким стеклом два пузатых графинчика, наполненные зеленовато-золотистой и темно-розовой жидкостями. С графинчиками соседствовало другое, не менее просторное фарфоровое блюдо, в центре его высилась горка квашеной капусты, из окропленной постным маслом массы которой выглядывали бордовые ягодки клюквы и оранжевые палочки моркови. Этот "Везувий" окружали некрупные моченые яблоки, от одного вида которых рот Романа наполнился слюной.

Моченые яблоки дяди Антона!

Роман помнил их неповторимый вкус с детства, с того далекого времени, когда в большой столичной квартире отца стали появляться эти

изумительно пахнущие плоды цвета воска.

Собранные с развесистой, стоящей в самом дальнем углу сада яблони, посаженной еще дедом Антона Петровича, они заквашивались вот уже двадцать с лишним лет в одном и том же дубовом бочонке по рецепту, взятому покойной матерью дяди у ключницы Почаевского монастыря сестры Алевтины почти пятьдесят лет назад.

Антоновка дяди Антона... Без нее не обходилось ни одно крутоярское застолье, как не обходился без высокопарностей сам Антон Петрович.

Этот рецепт, переписанный монахиней в свою очередь у Архангельского старца старовера Никодима, именовался вслух "староверскою закваской", держался Антоном Петровичем в шкатулке на запоре и никому не показывался.

Не выдержав, Роман протянул руку, взял яблоко, которое, несмотря на долгую, тесную зимовку в пряном рассоле, осталось крепким, и откусил.

- Не вынесла душа поэта! - усмехнулся дядюшка, без спроса наполняя мужские рюмки анисовой до краев, а женскую вишневой наполовину, - Чу и как староверская наша?

- Дай же человеку прожевать, Антоша, - укоризненно качнула головой Лидия Константиновна, поднимая рюмку.

- Изумительно... - искренне пробормотал Роман, разглядывая яблоко, - Аромат-то какой. Прелесть... А вкус все тот же остался.

И правда, вкус был все тот же - кисловато-соленый, терпкий и нежный, пряный и неповторимый.

- Ну-с, Роман Алексеевич... - большая белая длань с перстнем красного золота на безымянном пальце подняла рюмку. Роман тут же взялся за свою, и через секунду по террасе поплыл тонкий перезвон старинного хрусталя:

- За твой приезд, Ромушка...

- Ваше здоровье, тетушка.

- Будь здоров, Рома.

Анисовая наполнила рот Романа и тут же, как положено только ей одной, исчезла сама по себе, оставив непередаваемый аромат. Роман откусил от яблока.

- Ха... смерть моя... - выдохнул Антон Петрович, ставя рюмку и цепляя вилкой аккуратенький огурчик.

- Прекрасная настойка, - пробормотал Роман, наблюдая за точными движениями тетушки, наполнявшей его тарелку поочередно всеми соленьями.

- Ромушка, ты уж не обессудь, мы люди отсталые, не прогрессисты, постимся вот, - с улыбкой произнесла она, накладывая капусты, - И трапеза у нас монастырская.

- А окорок? - спросил Роман.

- Окорок, брат, по случаю твоего приезда, - дядя, сосредоточенно шурясь, наполнял рюмки, - Мы же не знаем, может ты давно уже всех богов к чертовой бабушке послал.

- Антоша, как тебе не стыдно! - качнула головой Лидия Константиновна.

- А что? - удивленно поднял брови Антон Петрович. - Дело молодое. В эти годы атеизм просто необходим. Я, брат, в тридцать-то лет эдаким хулиганом был. Никаких авторитетов, кроме матушки Науки и великого Иммануила. Звезды над нами, нравственность внутри нас. И ничего более. Ничего!

Он громко захрустел огурцом.

- Дядюшка, я безоговорочно в науку не верю. А поэтому окорока в страстную есть не стану, - проговорил Роман, принимая от тетушки свою тарелку.

- А вот это - молодец! - загремел дядя, - Правильно! Они, эти Дарвины, сами-то ни черта не знают, а туда же - людей учить подряжаются с их ланцетами, да микроскопами. Не верь им, Рома, не верь ни на мизинец! И вот что, - он приподнял рюмку, - Давай-ка выпьем за человеческую самостоятельность, за трезвый ум и истинную мудрость.

- А за женщину вы пить не собираетесь? - улыбаясь, спросила Лидия Константиновна.

- Еще как собираемся! - потрянул своей крупной головой дядя Антон, - За женщину, за Крутояровскую Лилит, за прекрасную Лидию-вдохновительницу и заступницу, обожательницу и утешительницу!

- Антоша, что ты мелешь! - засмеялась тетушка, прикрываясь ладонью.

- За вас, тетушка, - Роман приподнял рюмку.

- Спасибо, Ромушка.

- За тебя, Лида.

- Мегсі, Антоша.

Выпили.

- Ах... чудеса в решете! - пробормотал Антон Петрович, закусывая рыжиками, - Лидочка, милая, уברי-ка ты этого кошона от греха, а то мы его невзначай с чем-нибудь перепутаем.

Лидия Константиновна, развернув салфетку, накрыла ей блюдо с окороком.

- Вот и прекрасно, - одобрительно причмокнул дядя Антон, - А теперь, друзья, давайте воздадим должное нашим яствам, после чего, Рома, ты нам поведаешь о столичном житье-бытье.

Все принялись с аппетитом есть. Поглощая пряные огурцы, хрустящую капусту и тугие, полные густого сока помидоры, Роман искоса поглядывал на завтракающую чету Воспенниковых.

Целых три года он не видел этих простодушных милых людей и сейчас, в минуту тишины, столь редкую в этом доме, с любовью

всматривался в их почти не изменившиеся лица.

Антон Петрович Воспенников был высоким полным пятидесятилетним мужчиной с крупной головой, крупными белыми руками и породистым, характерным лицом драматического актера, коим ему и довелось быть тридцать без малого лет. Почти тридцать лет столичные сцены сотрясала богатырская поступь этого осанистого, беспредельно уверенного в себе человека, а его громоподобный бас раскатывался по притихшим залам монологами Антония и Отелло, Лира и Бориса Годунова.

В годы своего отрочества Роман успел застать закат этого светила, всю свою жизнь дарящего окружающему миру потоки щедрых, светоносных лучей.

Он и только он открыл для Романа театр, заставил ожить по-новому страницы многих книг, засверкать новыми красками галерею известных образов.

Как он играл Бориса! Какие чувства являло его освещенное рампой лицо! С какой жадностью ловил пятнадцатилетний Роман каждое движение этого лица, каждый жест этих рук, в данный момент спокойно и деловито расправляющихся с большим соленым помидором.

Роман улыбнулся.

Милый, милый, дядюшка Антон. Тот же развал седых прядей, то же шеголеватое пенсне "стрекоза", за хрупкими стеклышками которого все те же умные, слегка усталые глаза в ореоле припухших век. И шутки прежние - как пять, десять лет назад. И смех. И трогательная, по-детски беззащитная любовь к Лидии Константиновне.

Роман перевел взгляд на нее - спокойную, немолодую женщину с необычайно мягкими чертами бледного лица и всегда несколько удивленными большими зелеными глазами.

Нет, конечно, она изменилась за это время: и морщинок стало больше, и просесть в густых, стянутых в большой пучок волосах обозначилась сильнее и в худых плечах уже заметней проступала слабость, нежели былая грация. Черная кружевная шаль эту слабость подчеркивала.

Роман любил этих людей, заменивших ему умерших родителей, в их доме он не чувствовал себя чужим и никогда не испытывал стеснения, почти всегда преследовавшее его в обществе столичных родственников, в сердобольных речах которых ему постоянно мерещилось ненавистное, серое слово "сирота".

- Рома, что же ты рыжиков не попробуешь? - нарушила тишину Лидия Константиновна.

- Спасибо, тетюшка. Непременно попробую.

- Попробуй, брат. Обязательно попробуй, - жуя, дядя положил вилку, нравоучительно поднял палец, - Заявляю тебе со всей прямоотой, на коею способен истинный аматёр всех искусств, таких рыжиков ты не

отведает нигде! Ни-где!

- Верю, дядя Антон, - улыбнулся Роман, накладывая рыжиков с заботливо поданной тетушкой чашки, - У вас так все изумительно вкусно, так мило. Мне, ей-богу, кажется будто я еще трясусь в поезде и вижу чудесный сон.

- Жизнь, дорогой Роман Алексеевич, и есть сон, как сказал Платон, - тут же вставил Антон Петрович, с ловкостью хирурга разрезая моченое яблоко на четыре дольки, - Очень даже возможно, что действительно все это тебе снится. Но, рыжики не есть сон. рыжики остаются рыжиками, даже во сне. А наши рыжики и подавно. Они, как совершенно верно заметил бы все тот же Платон, есть некий изначальный эйдос, в себе и для себя сущее, черт меня задери!

- Антоша, прекрати, - махнула рукой Лидия Константиновна, - Ромушка, как здоровье тети Кати?

- Она в добром здравии.

- Слава Богу. Мы здесь всего два месяца, а мне кажется будто не видела ее вечность. Как успехи Любани?

- Только что вернулась из Швеции.

- У нее были гастроли?

- Да. Два концерта.

- Интересно, как она теперь играет? Я не слышала ее больше года.

- Чудно. Накануне своих сборов я упросил ее сыграть.

- Что она играла?

- Партию Баха. Изумительно. И скрипка у нее прекрасная. Новая.

- Какая?

- Гварнери.

- Любана - прекрасный музыкант, судари мои, - проговорил Антон Петрович, - Одно менястораживает в ней - слишком легкая творческая судьба.

- Что ты имеешь в виду? - спросила Лидия Константиновна.

- Слишком все прямо и очевидно: консерватория и сразу же - признание.

- Но, Антоша, она действительно очень одарена.

- Безусловно. Однако, когда талант принимается публикой с такой легкостью, это может повредить ему. Я имею в виду талант исполнительский. Человек в таких условиях быстро теряет чувство меры, перестает трезво оценивать себя.

- Но, дядюшка, это зависит от человека, - Роман отодвинул пустую тарелку и принялся вытирать губы белой салфеткой с тем же вензелем НВ, - По-моему, Любана как никто трезво оценивает себя. Она запрещает даже вслух хвалить ее игру.

- Рома, ну какая женщина способна трезво оценить себя! - развел руками Антон Петрович, - Если она умеет это делать, значит просто это загримированный мужчина. Сей род лукав. И в лукавстве черпает силу.

- Какие глупости, - отозвалась тетушка, вставая и направляясь к маленькому плетеному столику, на котором стоял, попискивая, самовар.

- Позвольте, сударыня, - дядюшка встал с нарочитой проворностью и перенес самовар на стол.

Вскоре Роман пил из низенькой китайской чашки душистый, крепко сдобренный мятой чай, а на столе вместо соленостей стояли вазочки с вареньем и медом.

Разговор шел о новом увлечении молодого гостя.

Уже более года, как Роман оставил место адвоката и занялся живописью, беря частные уроки и посещая рисовальные классы. Отправляясь в Крутой Яр, он просил тетю Катю выслать заботливо упакованные им этюдник, холсты и краски через неделю, полагая, что не стоит живописать в предпасхальную седмицу.

- Значит, ты теперь рыцарь кисти и палитры, - Антон Петрович прихлебывая чай из своей огромной фарфоровой кружки.

- И мольберта, - добавил Роман, накладывая себе прямо в чай клубничного варенья.

- Да. И мольберта, - серьезно произнес дядя, пространно вздохнув, - Что же. По-моему это расчудесно. Знаешь, я всегда настороженно воспринимал сообщения Катерины и Любани о твоих успехах в области права. Все-таки, зная твой характер... Слава Богу, что ты ушел оттуда.

- Но, с другой стороны, это давало неплохой доход, - осторожно встала Лидия Константиновна.

- Ерунда. Главное - человек свободен...

- Тетушка, я же даю уроки студентам. Конечно, получается гораздо меньше моего прежнего заработка, но мне хватает.

- Ну и прекрасно, - одобрительно тряхнул белыми кудрями дядя Антон, - Деньги хороши, когда не залеживаются в карманах. В противном случае от них начинает тошнить. Меня, признаться, жуткое любопытство съедает по поводу твоего искусства.

- Меня тоже, - добавила Лидия Константиновна.

- Страшно интересно, - дядя допил чай и, чмокнув губами, с легким стуком опустил кружку на стол.

- Я уверена, что Рома все может делать талантливо.

- Тетушка, вы преувеличиваете. Я ведь совсем недавно увлекся живописью.

- Ромушка, а что тебя сподобило на это?

- Трудно объяснить... - Роман пожал плечами, - Я давно, с детства, завидовал художникам.

- Вот это здорово! - воскликнул дядя, - Завидовал! Значит пойдет дело. Если б ты сказал - преклонялся, любил, уважал - я бы в тебя не поверил. Завидовал! Это замечательно.

- Я попросил тетю Катю выслать все мои принадлежности через неделю. После Пасхи.

- И это верно. Богу - богово, Аполлону - аполлоново. И все-таки мне страшно хочется посмотреть на твои картины.

- Картины - это громко сказано. В основном я пишу этюды.

- Пейзажи?

- Да.

- Ну, тогда здесь ты отведешь душу.

- Надеюсь, дядюшка, - промолвил Роман и тут же спросил, - А что, Красновские приезжали прошлым летом?

- Приезжали, - ответила тетушка, - Все вместе приезжали.

- Как они поживают?

- Слава Богу, хорошо. Петр Игнатьевич преподает в академии, Надежда Георгиевна проводит спиритические сеансы.

- А Зоя?

- Зюечка? Она чудно расцвела за последнее время. Такая милая стала, красивая.

- И уже замужем, наверно?

- Нет, не замужем.

- Нынче они приедут?

- Грозилась в мае.

Роман кивнул и молча допил свой чай. Антон Петрович, неожиданно задумавшись о чем-то, сидел с отрешенным взглядом, теребя снятое пенснэ. Лидия Константиновна стала убирать со стола.

За стеклами террасы сквозь облака проглянуло солнце, узкий луч упал на край стола.

- Спасибо, тетушка.

- На здоровье, Рома.

Роман встал, подошел к мутным стеклам. Разросшаяся сирень терлась о них голыми ветками.

- Пойду-ка я пройдуся, - бодро решил вслух Роман.

Его реплика вывела дядю из забытья.

Он зашевелился, вздохнул, надел пенснэ и тяжело приподнялся:

- Пойди, пойди. Погуляй по нашим палестинам. Я бы тебе составил компанию, да извини, брат, что-то кости ломит с утра.

- Не беспокойтесь, дядюшка. Я все здесь знаю наизусть.

- Только непременно надень сапоги, Рома, а то промокнешь.

- Конечно, - пробормотал Роман, направляясь к себе наверх.

III.

Село, а точнее - поселение Крутой Яр упоминалась еще в летописи иеромонаха Усть-Покровского монастыря Мефодия, умершего в начале XVII века и повествовавшего о размещении войска Ивана Грозного во время похода на Казань лета 1552-го близ места "Яром Крутым нареченну". Роман не раз перечитывал эти строчки, выписанные отцом дяди Антона из неподъемной (по его свидетельству) книги в железном переплете, украшенным изображениями двух Усть-Покровских святых - старцев Алексия и Агриппы.

В юности, прогуливаясь по краю крутояровского оврага, Роман давал волю своему воображению, рисовавшему яркие картины: войска Иоанна, расположившиеся вокруг, двенадцать жалких, крытых соломой изб, расседланные лошади, затерявшиеся среди гомона, ржания и скрипа, жадно пьющие воду из на глазах мелеющей речки, царский походный шатер, сооружаемый проворными опричниками...

"Неужели и это все - склоны, поросшие густой травой и ракита, гнушаяся к воде и сама река - было тогда?" - думал Роман, - "Неужели эта глинистая земля, эти валуны возле мостика помнят татар и смутное время, Пугачевских мужиков и французских гвардейцев?"

Вероятно, в те времена овраг был меньше, а речка - шире, полноводней. Не было ни ракушек, ни берез на взгорке. А вот укоренившийся над самым обрывом дуб - двухобхватный, кряжистый, с гордой свободой несущий просторную крону - был и помнит все...

Ступая новенькими сапогами по мягкой, хлюпающей водой земле, Роман подошел к дубу. Он всегда любил начинать отсюда - с крутого обрыва и могучего дерева, на бугристую кору которого так приятно положить ладонь.

Кора была прохладной и влажной.

Туман почти рассеялся, ветер разгонял серые кучевые облака, солнце показывалось все чаще.

Роман погладил неровную, твердую, как камень, кору дуба, оглянулся. Дом Воспенниковых остался позади на взгорке, а впереди лежал Крутой Яр. Роман двинулся вперед.

С каждым шагом все приближалось, росло, наплывало, напоминая о старом, о том, что бережно хранилось в памяти и о другом - что было уже забыто и вот только сейчас вдруг толкнулась в сознание приятным известием.

"Господи, не сон ли это..." - радостно думал Роман, шагая навстречу избукам, тянувшим вверх белые дымы.

И это был не сон: вон уж проступили белые наличники избы хромого пастуха Николая, вот залаял на Романа тот же старый пастуший

кобель, из раскрытых сеней высунулась, вытирая руки тряпкой, полная жена пастуха, внимательно разглядывая приближающегося человека.

Роман шел, с улыбкой следя за постепенным изменением выражения ее лица. Застыв в неудобной позе, она долго и напряженно всматривалась, потом испуганно прижала к щеке коричневую ладонь:

- Батюшки... Роман Алексеич...

- Здравствуй, Матрена! - весело проговорил Роман, стараясь голосом пересилить заливающегося хриплым лаем пса.

- Ой, здравствуйте, - тихо, нараспев протянула она, качнув головой, и тут же прикрикнула на собаку уже другим - сильным звонким голосом, - Да уймись ты, рыжий черт!

Пес смолк, завилал хвостом и отошел, лениво переставляя лапы.

Из сеней высунулись любопытные личики двух ребятишек.

- Как живешь, Матрена?

- Ой, да как мы живем! - протянула она с улыбкой, - Хлеб жуем, да и рады. Вы-то коли проехали-то?

- Только что.

- Господи... - качнула она головой, поправляя слезший на лоб платок, - Ну и красавец же. Ненасмотрисси.

- А где же хозяин? Неужель уже стадо гоняет?

- А как же, родимый, не гонять? - оживленно запела Матрена, - чай и травы-то нету, еще, а что ж ей скотине-то в хлеву сидеть, пушай хоть ветки поглотит! У меня вон и то корми не корми - все одно худая, хоть на ребрах палкою играй, так пушай уж походит!

Тем временем босоногие ребятишки, выбежав из сеней, стояли рядом с матерью, во все голубые глаза глядя на Романа. По всей вероятности они были погодки - белобрысые, веснушчатые, в просторных рубахах, заправленных в синие сатиновые портки.

- Милые какие дети у тебя.

- А, сорванцы, - довольно прогворила она, опуская свои загрубевшие ладони на белобрысые головки, - На месте не удержишь... Роман Алексеич, медовухи не желаете?

- Спасибо, Матрена, какнибудь в другой раз. Будь здорова, - Роман нетерпеливо двинулся дальше.

- И ты будь здоров, сокол ты ясный! - улыбнулась Матрена, провожая его добрым взглядом.

Возле следующей избы Романа громко приветствовал высокий сутулый мужик, стоящий возле распахнутых ворот с топором в руках.

Усмехаясь шербатым ртом, он приподнял с головы выцветшую фуражку:

- Здравствуйте вам, Роман Алексеич!

- Здравствуй, Федор, здравствуй.

- Надолго к нам?

- Надолго.

- Ну и слава Богу.

Он взмахнул топором и, не переставая усмехаться, принялся затесывать торец одной из створ, видимо, просевшей за зиму и поэтому цепляющуюся за другую.

С аккуратной избой Федора соседствовала большая каменная хата Черновых - многочисленного семейства, скорого на работу, на гульбу и дебоши. Во всем облиции этого просторного дома с двумя резными крыльцами, жестяной крышей, большими палисадом и скотным двором, чувствовался достаток, - следствие доброй дюжины спорных мужицких рук. Жестяной петух, украшавший крышу, блестел на выглянувшем солнце, у ворот стояла телега, запряженная широкогрудым жеребцом. Возле телеги сутились два брата Чернова - Степан и Михаил. Один разбирал спутанные вожжи, другой обертывал холстиной полотно двуручной пилы, дабы не порезаться во время езды. Оба брата были в серых косоворотках, черных, распахнутых долгополых пальто и черных картузах, которые они охотно приподняли, завидя идущего мимо Романа.

- Здравствуйте вам! - проговорил Степан, а Михаил тодько качнул кучерявой головой.

- Здравствуйте, - ответил Роман.

В распахнутые ворота было видно, как на дворе круглолицая молодка в расшитом деревенском платье и новеньких сапожках раздувала большой медный самовар, а двое ребятишек - мальчик и девочка, сидели на корточках и смотрели.

"Неужели это Катя Большакова?" - подумал Роман, успевая на ходу пристально взглянуть в миловидное личико с черными глазами и высокими красивыми бровями - "Да. Сомнения нет. Это Катя".

Она же, не замечая постороннего взгляда, продолжала раздувать самовар сапогом, уверенным движением хозяйки. А Роман живо вспомнил другую Катю - босоногого худенького подростка в ситцевом коротеньком платьице, с плетеным кузовком в руке прибежавшую ранним утром под окно воспенниковского дома и будящую тяжелых на ранний подъем обитателей дробным постукиванием в окна:

- Вставайте!

Она изумительно ориентировалась в родном лесу, выводила на земляничные поляны, залитые солнцем и обрызганные росой, бежала на середину, смешно поднимая худые коленки, припевая "сярёдочка мне, сярёдочка мне!" садилась, и смуглые пальцы с непостижимой для городского человека быстротой обирали ягоду. У ручья она смешно пила из ладошки, по дороге рассказывала деревенские небылицы про ведьм и леших, испуганно крестясь; за обедом у Воспенниковых притихала, ела молча, искоса поглядывая на хозяев.

"А теперь она женщина. Мать двоих детей", - грустно усмехнулся Роман, следуя дальше по кругояровской дороге.

Кругом стояли лужи.

Солнце вышло из-за туч и поблескивало в воде. Роман миновал долгий забор по правую руку, череду бань, погребков и ледников по левую и, пройдя овраг с остатками черного снега, оказался возле двух домов, стоящих друг против друга по обеим сторонам дороги.

Это были дома двух братьев Егоровых - Бориса и Петра.

Старший - Борис, жил справа, младший Петр - слева. Дома их были похожи, как две капли воды - крепкие, добротные поставленные срубы с дощатыми крышами, палисадами, большими воротами, просторными сенниками, скотными дворами и огородами.

Да и сами братья походили на свои дома, оба коренастые, широкоплечие, с сильными мускулистыми руками, с толстомордыми женами и многочисленными детьми.

Подходя ближе к домам и присматриваясь к ним, Роман живо вспомнил оба егоровских семейства - образцы деревенской хозяйственности и достатка.

Но, чем ближе приближался он к ним, тем все более странным казался правый дом: если возле Петровского подворья оживленно сновала детвора, лаяла собака, двое мужиков в простанных рубахах пилили березовые дрова, а третий - голый по пояс - громко крикая и ухая, тут же рубил их колуном, то возле избы Бориса не было никакого движения: никто не хлопал дверьми, не кричал и не бегал.

Роман невольно поднял голову и заметил, что дым из трубы в этом доме не шел, в то время как во всем Кругом Яре в этот час топились печи.

Роман подошел ближе.

Мужики прекратили пилить и колоть, повернулись к нему. Сидящая на крыльце старуха приподнялась и, опершись на клюку, прищурилась на Романа.

- Бог в помощь! - громко произнес Роман, подходя.

Раскрасневшийся Петр с размаху воткнул колун в колоду, шагнул к Роману:

- Никак Роман Алексеич. С приездом, здравия желаем.

Роман пожал его крепкую руку, двое мужиков, видимо, нанятые работники, молча поклонились.

- Здравствуй, батюшка, - скрипучим голосом проговорила старуха и стала медленно спускаться по деревянным ступенькам.

- Давыно не были у нас - давыно, - качал головой Петр, разглядывая по-столичному одетого Романа маленькими живыми глазами, спрятанными под густыми рыжеватыми бровями. Рыжая шевелюра его торчала во все стороны, под расплюснутым веснушчатый носом пушились такие же непослушные, но густые усы. На годой груди, в рыжеватой растительности блестел серебряный крестик.

- Здравствуй, Петр, - Роман сунул руки в карманы пальто, разглядывая все вокруг, - Как живешь? Как семейство твое?

- Да, слава Богу, не жалуемся.
- Сколько же детей у тебя? - Роман посмотрел на трех ребятшек, подбежавших и, как и подобает всем без исключения деревенским детям, бессловесно осматривающих незнакомца.
- Семеро Бог дал, - усмехнулся Петр.
- Где ж старшие?
- Семен в плотники в город нанялся, Любашка замужем, Васька с Сережкой рыбу бить поехали.
- Хорошее дело. И что, много рыбы в этом году?
- Да хватает. Мы с Ваською вчера трех вот таких щук лягнули, - он развел широко ладони.
- Молодцы, - Роман повернулся к подошедшей старухе и вдруг заметил, что все окна Борисова дома наглухо закрыты ставнями.
- А что, Петр, брат твой не живет здесь? - спросил он, в то время, как старуха снова повторила своим скрипучим голосом "Здравствуйте, батюшка".

Широкое лицо Петра приняло выражение унылого безразличия, по которому Роман, еще не услышав ответа, понял, что отвечал на этот вопрос Петр уже не однажды.

- Так он ведь помер у прошлом годе.
- Умер? - искренне удивленно проговорил Роман, глядя в маленькие глаза Петра.

- Помер, помер батюшка, царство ему небесное, - заскрипела старуха, крестясь и морща маленькое белесое личико. Руки и голова у нее мелко тряслись, словно держались на нитках.

- Отчего же?
- Так от дифтериту, - Петр кивнул одному из крутящих себе сигарки мужиков, и тот подал ему лежащий прямо на дровах тулуп.

- А что же доктор ваш, Ключин?
- Ну, дохтур... - равнодушно протянул Петр набрасывая тулуп на свои голые плечи, - Коли б дохтур был, рази ж они померли.

- Кто они?
- Так Борис, Марья, да младшой их.
- Что и Марья умерла?
- И Марья, и Марья-то сердешная, батюшка, прости Господи, - всхлипывая, тряслась старуха, опершись на клюку.

- Они ведь как, дохтур-то, - развел руками Петр, подступая к Роману и не обращая внимания на причитания старухи, - У них ведь тоже оказия вышла - мать пралич разбил у городе, так Андрей-то Викторович и поехали. А как же, все-таки мать - не кто-нибудь. А тут Бориска с заработков возвратался и на второй ден - на тебе, слег да и все. А потом Марья и Матюха. А Федьку с Нюркой мы к себе забрали. А через девять ден-то и померли. Сначала Матюха, апосля Марья, да и Бориска...

Он замолчал, отошел и вытянул из колоды топор рывком крепкой

руки.

Старуха по-прежнему причитала, тряслась, глядя в землю.

Роман помолчал, ярко представив себе лежащего в гробу Бориса, потом спросил:

- А детишки как же?

Петр поставил полено на колоду, поплевал на руки:

- А что детишки. У нас живут. А подрастут, так хата за ними, куда она денется, - Он размахнулся и, ухнув, легко расколол полено.

Мужики, не вынимая сигарок из ртов, поднялись, неторопясь взялись за пилу. Постояв немного, Роман достал бумажник, шагнул к Петру.

Тот снова воткнул топор в колоду.

- Вот, - Роман отсчитал несколько бумажек, протянул Петру, - Купи борисовым детям что-нибудь.

- Благодарствуйте, - Петр взял деньги, быстро поклонившись, спрятал их во внутренний карман тулупа.

Чувствуя как-то внутреннее неудобство от всей этой сцены, Роман, сказав "до свидания", повернулся и зашагал прочь.

А за спиной звенела пила, ухал Петр, расшибая поленья и еле слышно причитала старуха.

"Да. Какие суровые повороты судьбы", - печально рассуждал Роман про себя, шагая своим широким шагом, - "Три года назад, идя с охоты или с рыбалки я часто останавливался возле подворья Бориса, пил прохладный домашний квас, вынесенный радушной Марьяшей в большой белой кружке. А Петра я почти не знал. Борис, Марьяша. Какие спокойные, приветливые люди были. Да и красивые, статные. Работящие. И вот - под гробовой доской. Как быстро и безжалостно".

Проходя мимо старой, лежащей на земле ивы, он сломал ветку с набухшими почками, похлестывая себя по сапогу, подошел к реке. Деревенская дорога шла по самому берегу, поросшему осокой, через которую тянулись к воде деревянные мосточки. На одном из них, наверно ближнем к дому, обычно мыла белье Марьяша - белые полные руки, босые ступни из под подобранного платья, улыбочное лицо.

- Роман Алексеевич! - раздалось позади. Он обернулся. В десяти шагах по дороге стоял, оперевшись на палку, деревенский учитель - неизменный Николай Иванович Рукавитинов .

- Николай Иванович! - радостно воскликнул Роман и поспешил подойти.

- Роман Алексеевич, - улыбаясь тихой улыбкой пожилого интеллигента, Рукавитинов приподнял старомодную широкополую шляпу, обнажая маленькую аккуратную головку, с прядями белых, слегка вьющихся волос. Лицо его с прямым, маленьким, острым, как у птицы носом и выцветшими глазами, спрятанными за круглыми линзами очков, светилось радостью и благожеланием.

Роман в свою очередь снял шляпу и пожал неширокую, но крепкую руку Николая Ивановича.

- Видеть вас здесь, на берегу этой речки, так, право, странно и удивительно! - проговорил Рукавитинов, не выпуская руки Романа.

- Любезный Николай Иванович, что ж здесь удивительного? - рассмеялся Роман, искренне радуясь встрече.

- Ну как же, не говорите, не говорите, Роман Алексеевич. Я издали вас заметил и, право, не узнавал долго. А потом удивился, признаться. Вы здесь, в это время, весной. Удивительно!

- Да, полноте, Николай Иванович, - Роман взял Рукавитинова под руку и они пошли рядом, - Что же здесь необычайного? Просто я теперь свободный человек.

- Как? Вы больше не служите русской Фемиде?

- Увы! - усмехнулся Роман, отбрасывая прутик, - Не служу.

- И не жалеете об этом?

- Ничуть.

Николай Иванович покачал головой, достал платок из кармана черного, слегка потертого пальто, вытер край глаза. - Да... Вы решительный человек. Я помню, как тогда на Троицу скакали на перегонки на лошадях. С тем, с объездчиком.

Он задумался, неторопливо ступая, опустил голову. Его черные ботинки были обуты в калоши, толстая палка с медным наконечником осторожно трогала дорогу. Без малого тридцать лет прожил в Крутом Яре Николай Иванович в небольшом каменном доме возле деревенской школы. Роман привык видеть его в окружении детворы, со стопкой школьных тетрадей подмышкой, в белой летней панаме. Был он холост, или точнее - вдов, жена его умерла весьма давно, - когда еще жили они в Киеве, где Николай Иванович служил инженером. После смерти жены он сразу взял расчет, продал имущество и с небольшим саквояжем приехал в Крутой Яр, где в те времена учительствовала его дальняя родственница. Вскоре она, по причине почтенных лет, уступила ему место деревенского учителя, сама же переехала в Калугу доживать свой век в спокойствии и уюте. Николай Иванович принял новый статус с той спокойной решительностью, на которую по-настоящему способны лишь русские интеллигенты, ломающие свою судьбу раз и навсегда. Все эти тридцать лет он нес свой нелегкий крест мужественно и безропотно, борясь со скукой и однообразием деревенской жизни энтомологией и книгами, доставшимися ему в наследство от добросердечной предшественницы. Их было более тысячи и в скромном, хотя и просторном доме, они по-праву занимали главное место.

Роман любил и уважал этого человека. Ему нравились добросердечность, простота и бескорыстие Николая Ивановича, он ценил его светлый ум, эрудицию и деликатность. И сейчас, ступая с ним рядом, Роман с удовольствием отмечал постоянство и неизменность всех

этих качеств, ничуть не утратившихся за три года.

- Так где же ваши ученики? - спросил Роман, помогая Рукавитинову перебраться через лужу.

- Отдыхают. Сегодня воскресенье.

- Да. Я забыл, что дети не учатся по воскресеньям.

- Но, Роман Алексеевич, взрослые, как мне разумеется, тоже не учатся по воскресеньям.

- Вы правы... Да и вообще, ну ее к чертям эту учебу, службу, зависимость! - весело воскликнул Роман, сдвигая шляпу на затылок и всей грудью вдыхая чудный весенний воздух, - Посмотрите какая прелесть вокруг! Эти поля, этот лес ждущий пробуждения. И скоро все это оживет, засверкает, зашумит... Дорогой Николай Иванович, - Роман сильнее сжал локоть учителя, - Я так рад, что снова здесь! Как здесь хорошо. Как чудно. Ей-богу, теперь отсюда - никуда. К черту эти города, эти спруты, перемалывающие людей. Нет ничего лучше и выше природы.

Николай Иванович, улыбаясь, кивал головой:

- Да, да. Но это, милый Роман Алексеевич, вы теперь говорите. А пройдет месячишко-другой и завоюете от тоски. И побегите от этой самой расчудесной природы в ваши, как это вы выразились, спруты-города.

- Да нет же, нет! - горячо перебил Роман, - Не побегу! Вот сердцем чувствую - не побегу! Нет у меня в городе ничего - ни дома, ни семьи, ни друзей. *Omnia mea mecum porto* Так что и возвращаться незачем.

- Ну что ж. Посмотрим, - проговорил Рукавитинов, продолжая улыбаться своей тихой, с оттенком загадочности, улыбкой. Они были почти возле его дома, стоящего по соседству с двумя избями и школой.

- Прошу пожаловать ко мне, - Николай Иванович, словно учительской указкой, махнул палкой в сторону своего опрятного белостенного домика.

- С удовольствием, - охотно согласился Роман, расстегивая пальто. От ходьбы и пригревающего солнца ему стало жарко. Николай Иванович, зажав палку подмышкой, достал из кармана связку ключей, и очень скоро они уже сидели в удобных, хотя и не новых, кожаных креслах, оживленно беседуя. Роман курил, стряхивая пепел в нефритовую пепельницу, Николай Иванович сидел напротив, закинув ногу на ногу и подперев щеку ладонью. Дом Рукавитинова представлял собой обычную пятистенку, только сложенную из кирпича. Полвека назад его построил один богатый мужик, впоследствии продавший дом деревенской учительнице и уехавший в город. Просторная, почти квадратная комната отгораживалась деревянной перегородкой от кухни с традиционной русской печью и служила Николаю Ивановичу кабинетом, гостиной и спальней. Большая часть пространства здесь была занята книгами. Они до отказа заполнили многочисленные книжные полки, висящие то тут, то там, книжный шкаф, буфет, аккуратными стопками лежали на двух столах - рабочем и обеденном, на подоконниках на отгороженной

ширмой кровати и даже на белых выступах небольшой печки-голландки.

Над большим письменным столом висели, как и прежде, портрет Канта в строгой черной рамке, большая гравюра с изображением Вены и любительский портрет маслом покойной супруги Николая Ивановича.

Простенок между окнами был занят развешанными коробками с прищипленными насекомыми, а именно - жуками, которых Рукавитинов собирал уже лет двадцать. Коробок было много - до тридцати, а покоящихся в них жуков - тьма-тьмушая: большие и маленькие, чудовищные и микроскопические, они располагались ровными рядами, сверкая сотнями оттенков и поражая причудливостью форм.

Эта причудливость конструкций всегда притягивала Романа: будучи мальчиком, он часами простаивал возле застекленных коробок, разглядывая жуков и читая латинские надписи, сделанные каллиграфической рукой Николая Ивановича.

И сейчас, глядя издали на аккуратную коллекцию, он с удовольствием вспомнил, что вон там висит его любимый *Acrocisnus Longimanus*.

- Вы по-прежнему пополняете свою коллекцию? - спросил Роман.

- По мере сил.

- И переписываетесь с энтомологами всех континентов?

- Мои иностранные коллеги не такие уж известные энтомологи. Они собирают жуков. А это дело трудное, хотя бы потому, что их разновидностей и видов не так уж много. Бабочек, например, гораздо больше.

- Да, я помню, Николай Иванович, вы говорили это всегда.

- Ну вот и старый же я попугай! - рассмеялся Рукавитинов, привставая, - Знаете что, Роман Алексеевич, коль уж вы пришли, я позволю себе похвастаться...

- Новое приобретение? - Роман тоже встал, оставив папиросу на краю пепельницы.

- Оно самое, оно самое... - Рукавитинов подошел к столу, отпер дверцу, выдвинул ящик и бережно вынул небольшую коробку, обшитую черным бархатом.

- Смотрите, - он открыл коробку, - Это мне прислали из Берлинского музея. В обмен на моих сколий.

Роман взял коробку в руки. На шелковой подкладке лежал жук удивительной красоты. Он был золотисто-зелёного цвета и весь, с витиеватых рогов до задних ножек переливался непередаваемым перламутром, словно светясь изнутри.

- Узнаёте? - приблизился Рукавитинов, - Это гвинейский рогач. А по-нашему *Neolamprina adolphinae*.

Своими формами жук напоминал облаченного в доспехи самурая, но странные пропорции делали это сходство смешным, отчего жука было немного жалко.

- Чудный экземпляр, - Роман вернул коробку Николаю Ивановичу.

- Еще бы, - с довольной улыбкой ответил тот и принялся убирать коробку в стол.

- Николай Иванович, я вам завидую, - Роман сел в свое кресло и принялся раскуривать потухшую папиросу.

- Есть чему?

- Вашей... - Роман задумался на мгновение, - Вашей воле.

Рукавитинов, улыбаясь, опустился в кресло:

- Можно подумать, что у вас ее нет!

- Такой - нет, - твердо и искренне ответил Роман.

- Ну нет такой - есть другая. Ваша воля. У всех они разные и, ей-богу, я не верю Шопенгауэру, что волевые импульсы индивидов могут быть соотнесены. Это не мускульное усилие, а нечто другое.

- Но разве мы не говорим, например, что сила воли одного человека больше силы воли другого. Что один - волевой, а другой - безвольный.

Николай Иванович снял очки, протирая их платком, ответил:

- Милейший Роман Алексеевич, а вы твердо уверены, что воля к жизни это и есть главный волевой импульс человека?

- Не совсем понимаю вас.

- Ну а воля к смерти не может быть?

Роман молча пожал плечами. Вопрос Николая Ивановича застал его врасплох.

- И не ошибаемся ли мы, безапелляционно награждая званием "безвольного" человека, сидящего в грязной каморке и пьющего дешевое вино, или какого-нибудь босяка, ставя в пример ему делового человека, трудящегося не покладая рук, пробивающего себе дорогу в жизни, по-нашему - "волевого"?

Роман по-прежнему молчал.

А Николай Иванович, надев очки продолжал свою мысль:

- На самом деле вполне вероятно, что у босяка-то воля совсем другая, противоположная воле к жизни, как черное противопоставлено белому. У босяка или у пьяницы - это воля к небытию, ибо небытие, то есть покой не менее притягательны, чем сама жизнь.

"А ведь это верно", - подумал Роман, глядя в спокойное лицо Рукавитинова. - "Но, тогда придется ставить под сомнение весь промысел Божий. Ведь не может же Бог посылать людей на землю, чтобы они стремились к небытию?"

Он уже собрался задать этот вопрос, но в это время протренировал дверной звонок. Николай Иванович удивленно поднял брови, но потом, сморщась, приложил ладонь к виску, покачал головой:

- Аа... Я и забыл совсем...

Он приподнялся с кресла:

- Простите старика, Роман Алексеевич. Я же сегодня трем ребятам назначил прийти. Они болели, по математике отстали. И вот запоматывал, думал мы с вами чаю напьемся, а вы мне про столицу расскажите.

- Да полноте, Николай Иванович. Поговорить мы в любое время сможем, например, сегодня вечером. У нас. Прошу вас отужинать с нами.
- С большим удовольствием. Я ведь у ваших, не был почти неделю.
- Вот и прекрасно, - Роман встал, и они вместе направились через кухню к двери.

Николай Иванович открыл.

Вошли, тихо поздоровавшись, трое ребят с тетрадками подмышками.

- Николай Иванович, как Красновские? - спросил Роман, надевая пальто.

- Вроде хорошо, - пожал плечами Рукавитинов, показывая ученикам рукой на распахнутую в комнату дверь - Петра Игнатьевича я частенько вижу. Все так же бодр и оптимистичен. И гедонист, вашего дядюшку за пояс заткнет. Все меня в баню приглашает. Париться квасом. Это при моем-то сердце!

Николай Иванович засмеялся.

- Зою вы тоже видели? - спросил Роман, беря шляпу и чувствуя как забилося сердце при произнесении этого имени.

- Зою. То бишь Зою Петровну. Видел летом... Ну что ж, она очень мила, - серьезно и с теплотой ответил Николай Иванович, - И умна к тому же... Вы зайдете к ним?

- Да, - ответил Роман берясь за ручку двери, - Я сейчас же иду к ним.

Николай Иванович улыбнулся своей доброй тихой улыбкой. Его пронизательные глаза светились пониманием.

IV.

Впервые Роман увидел Зою Красновскую почти семь лет тому назад. Сейчас ему казалось, что это было страшно давно, - душным июльским вечером он, выпускник университетского юридического факультета, в новом бежевом, но слегка запыленном от быстрой езды костюме, с букетом алых роз, промучившихся ночь в духоте вагона, вбежал по ступенькам дядюшкиного дома и был приветствован десятками радостных возгласов гостей, собравшихся на дядюшкино пятидесятилетие за тремя составленными буквой Т столами, занявшими почти всю террасу. Юбилей удался на славу. Антон Петрович был в ударе:

облаченный в белый фрак с огромным малиновым бантом, с разметающимися прядями, он, казалось, ни на минуту не присел к ломившемуся от яств столу; его громоподобный голос гремел, не умолкая, так что избранному на грузинский манер тамаде - столичному тенору Сергею Никаноровичу Прянишникову оставалось лишь молча улыбаться происходящему и пить свою любимую померанцевую. Роман, как и все, тоже много пил, ел, смеялся, слушая то слова Фамусова о девушках-патриотках, льнущих к служивым людям, то поучительные речи Фальстафа, то отрывки из "Сорочинской ярмарки", то мятежный монолог Карла Моора, то, наконец, куплеты-размышления о том, что произошло бы, "если б милые девицы все могли летать, как птицы".

После застолья на берегу реки был устроен фейерверк, проведенный Рукавитиновым по всем пиротехническим правилам и вызвавший восторг гостей и местных жителей; затем предлагалась лодочная прогулка с зажженными факелами, в которой все гости конечно же приняли участие. Здесь-то Роман и обратил впервые внимание на пятнадцатилетнюю девушку, а точнее сказать - девочку, оказавшуюся со своим флегматичным балагуром-отцом в лодке Романа.

Она была худенькой, черноволосой и черноглазой, подвижной, как обезьянка, и удивительно милой.

Роман греб, отец Зои - Петр Игнатьевич Красновский держал пухлой рукой факел, сидя на носу лодки, а Зочка резвилась на лавке супротив Романа.

Всю дорогу она вертелась юлой, плескалась черной, как смола, водою, опуская руку за борт, раскачивала лодку, вызывая беспомощные нарекания отца, требовала от Романа, чтобы он "греб изо всей-всей мочи", чтобы они "непременно были первыми." Это в конце концов и произошло - Роман обогнал все лодки, включая лодку именинника, неистовавшего за веслами под многоголосное "из-за острова на стрежень", пролетел на одном дыхании узкий перешеек, соединяющий реку с озером, и, выплыв на середину, бросил весла.

Подсвеченное по краям ночное небо сверкало низкими звездами, теплая, как парное молоко, вода мягко плескалась о борта, Петр Игнатьевич, покрывивая и хваля все на свете, стягивал с себя одежду, готовясь ухнуть в озеро своим семипудовым телом, а Зочка, вспрыгнув на лавку, танцевала, прихватив края белого платяца кончиками пальцев и громко распевая:

Promenons-nous dans le bois!
Pendant que le loup n'y est pas!
Si le loup y était!
Il nous mangerait!

Тем летом Роман еще несколько раз встречал Зою, и всегда это смешное создание вызывало в нем почти детскую радость. Он смеялся,

глядя на ее дикие выходки, а иногда и участвуя в них, смеялся, не подозревая, что через два года безнадежно влюбится в нее.

За те два года во внешности и характере Зои произошли невероятные изменения, так что перед Романом предстала совершенно другая, будто заново рожденная личность, неведомая, и необычайно притягательная. Все яркие черты детского характера Зои, что выделяли ее из круга подружек, нашли себе не менее яркие эквиваленты в характере восемнадцатилетней девушки, развившись и преобразившись с такой чистотой, быстротой и последовательностью, что Роман не мог поверить своим глазам.

С новым, будоражающим и волнующим чувством он отмечал, что там, где раньше было беспримерное озорство - теперь беспримерная для девушки смелость, где была детская хитрость - теперь тонкий ум, где непомерное любопытство - сейчас неутолимый интерес к миру.

И только одна черта ее характера - независимость - осталась неизменной, укрепясь в своем принципе еще сильнее: Зоя была удивительно красивой девушкой, красота ее была яркой, сразу же требующей внимания и признания. Роману часто казалось, что она, красота - существует помимо Зои, как некая самоотдельная субституция, наделенная свободой и волей.

И сейчас, приближаясь к дому Красновских, он живо, во всех подробностях представил, как Зоя встретит его в их гостиной, хотя понимал, что застать ее здесь весною просто невозможно. Их последняя встреча была давно, очень давно...

Роман медленно поднимался по довольно крутому холму, за которым виднелся большой дом с флигелем. Перед домом росли четыре липы - высокие могучие деревья, голые ветви которых были усеяны галдящими грачами.

Сколько раз они расставались под сенью этих лип и в прохладной темноте он целовал худые изящные руки Зои, а она, высвободившись, быстрым поцелуем обжигала ему уголок губ и убегала. В просторных кронах мягко шелестел полуночный ветер, Роман стоял, положив руку на дерево, вслушиваясь, как тихо приотворяется невидимое окно, не запертое заботливой няней, и шуршит о подоконник Зоино платье...

В то лето он уезжал раньше обычного - в начале августа, выдавшегося очень жарким. Они прощались тяжело, неестественно, отчего чувство горечи долго потом не покидало Романа, а Зоины глаза черные, как угли и дурмящие, как винные ягоды, следовали за ним повсюду.

И когда Аким гнал дрожки, запряженные длинноногим каурым жеребчиком, через дышащие зноем гречишные поля, Роман клял себя неистово за робость, за непоследовательность, за то, что так и не сказал Зое главного, за те неиспользованные мгновения, когда, казалось бы, и так все ясно, и слова застревают в горле, как ненужные, но потом вдруг

начинаешь понимать, что именно слова и **были бы** важнее всего, важнее объятий и поцелуев...

Поравнявшись с липами, Роман поднял с мокрой земли мокрую черную ветку и, размахнувшись, кинул вверх. Потревоженная стая грачей с шумом снялась с деревьев и, покружившись, полетела прочь.

Большое, немного вычурное крыльцо Зоинога дома напоминало Роману портал какого-нибудь венецианского собора эпохи Ренессанса, в глубине которого, однако, виднелась простая некрашенная деревенская дверь с кованым кольцом.

Он взбежал по ступенькам и постучал. За дверь никто не подавал признаков жизни, но Роман, упорно ждал с уверенностью: подходя к дому, он видел дым, идущий из трубы.

Прошли долгие минуты, прежде чем кто-то оттянул задвижку и дверь отворилась. На пороге стояла, вытирая руки тряпкой, кухарка Красновских - крутояровская баба Настасья. За три года она поседела и оплыла, но глаза смотрели на Романа все так же лукаво и приветливо:

- Роман Лексеич. Пожалуйте.

Ничего не спрашивая у Романа и не выказав особого удивления, она отошла в сторону, пропуская в широкую прихожую. Роман шагнул через порог, остановился, осматриваясь:

- Здравствуй, Настасья.

- Здоровы будья, Роман Лексеич.

- Кто дома из хозяев?

- Петр Игнатьич. Они там пишут.

Роман снял пальто и шляпу, передал Настасье.

- Пойду доложу, - двинулась было она всем своим пухлым телом, но Роман предупредительно обнял ее за плечи, - Не надо, не беспокойся. Я сам пройду.

- Ну как желаетя.

Роман поправил сбившийся галстук перед овальным зеркалом в медной оправе и пошел вперед по коридору, такому же широкому, как прихожая.

Все здесь было знакомо - и ковер на полу, и распахнутая, как всегда, дверь в бильярдную, и старые полинялые обои.

Он открыл дверь кабинета и вошел.

Первое, что бросилось Роману в глаза - это отсутствие книжных полок, занимавших прежде обе стены сверху до низу. Теперь на их месте были развешаны фотографии семьи Красновских.

За небольшим письменным столом сидел спиной к Роману грузный лысый человек - профессор истории Петр Игнатьевич Красновский. С этим человеком Роман был знаком с детства, отношения их были почти родственными. При всей своей полноте и флегматичности Петр Игнатьевич был страстный жизнелюб, большой поклонник охоты, русской бани и лошадей; которых на конном дворе Красновских

(располагавшимся сразу за домом и санными сараями) держалось целых четыре.

Роман прикрыл за собой дверь, но этот звук не заставил Красновского обернуться. Он по-прежнему что-то писал, то и дело поглядывая в раскрытую справа толстую книгу.

- Здравствуйте, Петр Игнатьевич, - громко проговорил Роман.

Красновский удивленно обернулся, мгновенно смотрел, потом движением пухлой руки как-то сгреб с лица очки и стал подниматься, опершись правой рукой о стол, а левой о стул. И стол и стул закричали:

- Рома! Голубчик!

Они шагнули друг другу навстречу, и вскоре Роман ощутил на своих плечах пухлые объятия Петра Игнатьевича.

- Приехал! Приехал! - говорил тот, отстраняя и тряся Романа, - Приехал... Вот так молодец!

- Я, право, не ожидал вас застать здесь весною, - улыбался Роман, с теплотой глядя в круглое, с двойным подбородком лицо Петра Игнатьевича, которое за все это время раздалось еще сильнее и как-то просело вниз, теперь напоминая больше грушу, нежели яблоко. А вот глаза - подслеповатые, маленькие, но по-детски добрые и доверчивые, остались такими же.

- Приехал, - качал головою Петр Игнатьевич, не выпуская Романа, - Большой-то какой. Ну, совсем взрослый мужчина. Как хорошо... Как хорошо... А я-то думал, так одному и придется на тяге стоять. Ну, хорошо! Теперь отведем-то душу... Ну, садись, садись, дорогой, расскажешь... или, нет, нет! Идем вон отсюда, идем водку пить!

Обняв Романа, он отворил дверь. Они вышли в коридор и вскоре уже сидели в гостиной, за узким длинным столом черного дерева, друг напротив друга.

Петр Игнатьевич разливал желтоватую, настоенную на лимонной коже водку в граненые хрустальные стопки:

- Вот... Сейчас мы ее, проклятую...

Вошла Настасья, неся в одной руке глиняную миску соленых грибов, в другой - корзинку со свежеспеченным ржаным хлебом. Поставив все это на стол, она с улыбкой покосилась на Романа и вышла.

- За твоё здоровьице, голубчик, - Петр Игнатьевич поднял стопку.

- За ваше здоровье, Пётр Игнатьевич, - чокнулся с ним Роман.

Они выпили. Петр Игнатьевич смешно сморщился, тряхнул рукой, затем взял кусочек хлеба, понюхал и отложил в сторону, бормоча:

- Закусывай, закусывай, голубчик...

Роман подцепил вилкой шляпку подосиновика и отправил в рот, отметив про себя, что настоена водка очень недурно.

- Ну да как же ты решился на такое путешествие? - спросил Петр Игнатьевич, сцепив руки замком и облакачиваясь на стол.

Роман ответил, и между ними завязался долгий оживленный

разговор . Петр Игнатьевич спрашивал обо всем подряд, но, не дослушав обстоятельных ответов Романа, сразу же сам превращался в не менее обстоятельного рассказчика, повествуя о шукке, которую он убил из ружья позавчера, о намерении немедленно отстроить второй этаж, о том, как полезна русская баня, как хорошо вплетать в банный веник мяту и душицу, о его новой гениальной догадке по поводу миграций чувашей, об крутояровских колодцах и, конечно же, о нынешних тетеревиных токах.

- **Вообрази**, Рома, - торопливо говорил Петр Игнатьевич, прижимая руки к груди и наваливаясь на стол всем телом, - Я лежу в шалашике и премило чуфыркаю. Да, чуфыркаю. И вдруг - фырр-р летит. Слышу - сел. Но где - не понимаю. Тишина. Я снова натуральным делом.- чуфыр, чуфыр. Тишина. Я высовываюсь из шалашика, а он, подлец, как над моей головой загрохочет! Господи, так он же на шалашике сидел, вот ведь оказия какая!

- А вы что же?

- **Я выскочил**, вдогонку ему из обоих стволов - бац, бац! Да бестолку, где же в таком тумане-то попасть!

- Да, забавный случай.

- Еще бы! Еще бы, голубчик мой! Я сроду тридцать пять лет охочусь, а такого, чтобы на шалаш надо мной уселся - упаси Бог...

- Петр Игнатьевич, как ваши лошади? - перевел Роман разговор на другую, совсем уж изъезженную колею, чувствуя, что не в силах больше сидеть и слушать бесконечные истории. Разговор же о лошадях требовал похода на конюшню.

И действительно, минут через десять они уже стояли на деревянном настиле, под которым хлюпала грязь и навозная жижа, Петр Игнатьевич в наброшенном на спину полушубке оттягивал увесистую задвижку стойла:

- Ну-ка, родимые мои...

Он дернул ворота и они со скрипом подались, открывая темное пространство конюшни, где стояли в стойлах, жуя сено и потряхивая гривами три лошади.

Петр Игнатьевич отвязал всех трех и выпустил во двор.

Лошади неторопливо вышли, пофыркивая и постегивая себя хвостами. Настил прогибался под их копытами, и чавкающие звуки заполнили двор.

- Вот красавцы мои, - Петр Игнатьевич стоял, сложив руки на животе и не в силах оторваться от лошадей.

Они действительно были красивы - две тонконогие, поджарые кобылы каурой масти и серый в темных яблоках рысак.

Роман подошел к нему, протянул руку, положил на плечо.

Рысак вскинул голову, ноздри его трепетали, он стриг ушами и подрагивал мускулами.

Роман гладил его теплое, налитое силой плечо:

- Какой красавец... Давно он у вас?
- Второй год. Я его жеребенком взял.
- Как звать?
- Перун.

Услышав свое имя, жеребец вскинул голову и покосил глазом на Петра Игнатьевича. В такой стойке он был отменно хорош.

Кобылы, тем временем, пофыркивая, обнюхивали бревенчатый забор.

- Как их звать? - спросил Роман, подходя к кобылам, но при его приближении, они дернулись в сторону.

- Лада и Кострома. Хорошие лошадки? - Красновский неотрывно смотрел на них, улыбаясь и моргая. Глаза его слезились от бодрящего весеннего воздуха, гладкая лысая голова сияла на полуденном солнце, как бильярдный шар. Роман хотел было спросить родословную, но со стороны дома послышался какой-то шум, чье-то бормотанье и резкий, почти визгливый голос Настасьи.

- Что там за черт... - недовольно пробормотал Петр Игнатьевич, поворачиваясь.

Судя по голосам, Настасья бранилась с каким-то мужиком. Она что-то быстро внушала мужику, потом прикрикивала на него; он же возражал ей достаточно настойчиво, хриплым глуховатым голосом. Постепенно вскрики Настасьи участились и закончились настойчивым призывами в адрес Петра Игнатьевича.

- Ааа, чтоб вас черти разорвали! - пробормотал он, хлопками ладоней пытаясь загнать лошадей в стойло.

Но лошади не слушались, топтались, жались по углам двора. Весенний воздух притягивал их.

- Ну, ладно, проказники, подышите, - проговорил Петр Игнатьевич, - Пойдем, Ромушка, посмотрим, что там эти древляне творят. Они вышли с конного, Красновский запер косую дверцу на деревянный клин и своим косялапым, но решительным шагом направился к дому.

Драма разыгралась в открытых воротах скотного двора, который, в отличие от конюшен, прямо примыкал к дому.

Когда Роман с Петром Игнатьевичем вошли на скотный, их взору открылась следующая картина: Настасья выпихивала рогатым ухватом для горшков здорового бородатого мужика в распахнутом армяке, надетом на голое тело, в грязных красных штанах и еще более грязных сапогах. Мужик что-то ожесточенно бубнил, то и дело перехватывая направленный ему в голую волосатую грудь ухват и легко отводя его в сторону своей ручищей, Настасья же голосила непрерывно, трясясь и приступая к нему:

- Иди, иди, отсюда, пролик окаянный, пьяница чертов, прости Господи! Чтоб тебя собаки съели, бес ты водяной! Чтоб ты в подпол

провалился! Чтоб у тебя брюхо лопнуло, живоглот проклятый, наказание мое!

- Да погоди ты, дура, непонятливая! - пытался вставить слово мужик, но Настасья перебила его, заголосив на добрые полоктавы выше:

- Петр Игнатьич! Петр Игнатьич! Петр Игнатьич!

- Я Петр Игнатьич! - сердито проговорил Красновский, стоя позади их, - Что здесь происходит?

Звук его голоса магически подействовал на пререкающихся: они перестали браниться, повернулись к Петру Игнатьевичу и подошли ближе, имея вид довольно-таки покорный, хотя подбородок у Настасьи все еще подрагивал, а мужик косил на нее диким взглядом неистовых смоляных глаз, спрятанных под густыми черными бровями.

Роман тут же узнал в нем одиозную крутояровскую фигуру Парамона Коробова по прозвищу Дуролом.

Этот, похожий на исхудавшего медведя-шатуна мужик давно уже стал ходячей крутояровской притчей во языцех. Еще мальчиком, приезжая летом в Крутой Яр, Роман слышал передаваемые из уст в уста бесконечные истории о проделках и похождениях Дуролома. Говорили, что он родился где-то в Сибири, чуть ли не в семье ссыльных бунтовщиков. Потом судьба занесла его в здешние места. Двадцати трех лет он женился на девушке из соседнего села, но прожив с ним год, она умерла в родах. Ребенок родился слабеньким и умер через несколько месяцев. Парамон запил, постепенно продавая имущество, и кончилось тем, что продав дом, пристал к цыганскому табору и пропал на девять лет. Вернулся он, по словам старожилов, "каким-то чумовым", - хозяйство заводить не стал, а нанимался на работы к старикам да вдовам, живя у кого придется. Работу ему поручали самую простую и грязную, в основном используя его непомерную физическую силу. Он копал колодцы и погреба, таскал мешки с зерном, чистил выгребные ямы и пас свиней.

Но прославился Парамон не выкопанными погребами, а своими дикими и нелепыми проделками.

Так, вывернув тулуп наизнанку и вымазав лицо сажей, любил он зимним субботним вечером попугать выходящих из бани баб; или во время службы в церкви так выкрикнуть "Господи помилуй!" чтоб местный священник отец Агафон испуганно присел, уронив кадило. Он катался с ледяных гор в липовой шайке без дна, бил ворон из какого-то невероятного турецкого пистолета, заряжая его горохом, лазал весной по деревьям, воруя и поедая птичьи яйца, ездил на ярмарку "дабы попотешить жилку", то-есть подраться в кулачных боях, и возвращался весь избитый и изорванный, с ворохом невероятных историй. Любил он затевать споры, биться об заклад по любому поводу, или быть свидетелем на тяжбе; любил подговаривать мужиков на различные рискованные предприятия, как то: гнать телеги наперегонки по полю, ловить ночью

раков на поросычий визг (поросенка полагалось держать по шею в воде), меняться, чем попадая - сапогами, жилетками, шапками, копать несуществующие клады и конечно же - пьянствовать.

Пить горькую Парамоша Дуролом мог бесконечно и выпивал все, что ставилось перед ним, долго не хмелея. Потом, однако, пьянел самым чудовищным образом, наводя страх на окружающих.

Так однажды на деревенской свадьбе он залез под стол и, приподняв его, опрокинул на гостей; в другой раз, страшно напившись на Пасху у вдовы Кораблихи, разделся донага и отправился "креститься водою и Духом Святым во реке Иордане", то есть в местной речке.

Много раз бывал бит за мелкое воровство, - то горшок каши стащит из теплой печи, то сушащуюся на заборе дырявую рубашу, неоднократно изгонялся из Крутого Яра всем миром, но всякий раз возвращался с повинною, желая усердной работой загладить грехи, и бывал прощен.

Сейчас же он, слегка ссутулившись, стоял перед Петром Игнатьевичем и Романом, быстро переводя глаза от одного к другому, и выражение его чудного лица было таким, словно он решал: бить ли ему их, или покорно подставить себя под удары. Роман с интересом разглядывал Парамона. Его узкое, скуластое лицо с острым, слегка горбатым носом, большим ртом, кустистыми бровями и черными глазами не было ни красивым, ни безобразным. Оно было ч у д н ы м , и эта характеристика, по мнению Романа, была наиболее точною.

Парамоша Дуролом совсем не изменился за эти годы, разве что седина кое-где мелькала в его лохматой голове и бороде.

- Что здесь происходит? - повторил свой вопрос Петр Игнатьевич.

- Да вот, пролик окаянный, пристал ко мне, как репей! - затараторила Настасья, во все широко выпученные глаза глядя на Красновского и идя к нему своим мелким утиным шагом, - Говорит, денег ему надо на лекарства, а какое же лекарство-то дубине-то эдакой, это ж я знаю какое такое лекарство-то - зелья своего змеиною напитокся и опять срам творить, вот какое такое лекарство!

- Да что ты мелешь, дура! - перебил ее Парамон, подходя следом к Петру Игнатьевичу, - Тебя да за такие слова живьем съест мало! Начхать мне на вино, ты мне деньги отдай! Я ж ей, вше платяной, позавчера два воза дров сколол, а она все харчами, да харчами! А мне мои лекарства нужны! У меня мож грудя горят! - И словно в доказательство сказанного он распахнул свой выдавший виды армяк, обнажив широкою волосатую грудь с болтающимся на толстом шнурке медным крестиком:

- У меня, Петр Игнатьевич, третий ден у грудях быдто змеюшный царь поселился! Вот здесь! - Дуролом глухо стукнул себя в грудь, сверкая глазами и наступая на Красновского, - Быдто игрища свои справляет, на мою погибель! Я уж и свечку ставил, и отец Агафон водою святой брызгал - ничего не помогает! А она, дура невразуменная, деньгу зажала, а я-то мож лекарства купил бы, да и поправился, за что ж мне помирать во

цвете лет?!

- Погоди, погоди, Парамон, - строго перебил его Петр Игнатьевич, - Не кричи, Настасья, он тебе вправду дрова колол позавчера?

- Колол, батюшка, - тихо проговорила Настасья как-то сразу обмякнув и опустив глаза.

- Колол! А как же! Вон вишь, поугихла сразу, мокруша подтынная! - загудел Парамон, но Петр Игнатьевич махнул на него рукой:

- Замолчи!

- Да как же молчать-то, отец родной! - выкрикнул Парамон, дернувшись всем телом, - Ведь люди-то звери! Ведь я ж с чистым сердцем, со святою простотой, а мне вон - рогачом в бок! Я ж колю, колю, а сам-то, как святые угодники, - все даром, да опосля, мол, отдашь! Яко наг пришед, мзды не имал, прости Господи душу раба твоего!

Он стал быстро креститься своей большой жилистой рукой.

Настасья вслипнула и опять заговорила быстро-быстро, но уже с повинной интонацией:

- Батюшка, Петр Игнатьевич, я же ему дураку-то говорила вперед как нанять-то, что вдовица ведь, я ж коровку купила в Рождество, до сих пор должная, я ж говорила, что отдам к Пасхе, мне ж кум привезет денег, а он приперся с ножом к горлу пристал - отдай и все. Отдам, отдам, пролик окаянный! Отдам, только жилы-то из вдовицы беззащитной не тyani...

Она влипнула и волоча ухват по грязи, пошла к дому.

- Успокойся, Парамон, отдаст она тебе, - проговорил Петр Игнатьевич без прежнего напряжения и даже с неким безразличием, - Отдаст...

Роман достал портсигар, открыл и протянул Красновскому.

- Мерси, - Петр Игнатьевич взял папиросу.

Парамоша Дуролом между тем с упрямой тоскою смотрел вслед удаляющейся Настасье:

- Да мне денег не жаль. Что деньги - труха, пыль подметная. Мне, Петр Игнатьевич, лекарства надобно.

- Лекарствия? - вяло переспросил Петр Игнатьевич, прикуривая от поднесенной Романом спички.

- Лекарствия. - убежденно повторил Парамон, - А то выгорит все нутро дотла и, стало быть, не в чем будет душе держаться. Так вот и пекет и пекет...

Он почесал голую грудь.

- Настасья! - неожиданно крикнул Петр Игнатьевич еще не успевшей скрыться кухарке.

- Аиньки? - живо обернулась она.

- Принеси стакан водки с огурцом!

Настасья постояла немного, потом, вздохнув, пошла в дом.

Ее возвращения ждали молча.

Петр Игнатьевич курил, философски оглядываясь вокруг, Роман

стоял, сунув руки в карманы пальто, думая о Зое. Дуролом несколько растерянно топтался перед ними.

"А если Зоя не придет?" - подумал Роман, стряхивая легковесный пепел себе под ноги, - "Да и вообще я же ничего не знаю о ней. Где она? Свободна ли она? Помнит ли обо мне?"

Вскоре появилась и Настасья. Мелко семена и шлепая сапогами по грязи, она несла перед собою небольшой круглый медный поднос, крепко держа его обеими руками. На подносе стоял стакан с водкой и лежал на блюдечке соленый огурец. Поравнявшись с Петром Игнатьевичем, она остановилась.

- Вот, Парамоша, тебе лекарство, - проговорил Красновский, бросая недокуренную папиросу и наступая на нее ногой, - выпей и ступай с Богом.

При этих словах Парамон как-то весь сгорбился, руки бессильно повисли и лицо словно постарело. Он подошел к Настасье, перекрестился, взял стакан и выпил одним глотком, по-петушиному дернувшись головою вверх.

- Оооха... грехи наши... - шумно выдохнул он, ставя стакан на место и нюхая левый рукав армяка, - Благодарствуйте, Петр Игнатьевич, благодарствуйте...

Голос его сразу стал спокойным.

- Закуси хоть, эфиеп, - прошипела Настасья.

- Благодарствуйте, - Дуролом взял огурец и сунул в карман штанов, - Мы огурчик-то лучше к обеду сберегем.

- Сбереги, брат, сбереги, - кивнул со смехом Петр Игнатьевич, - А к Настасье не приставай. Отдаст она тебе деньги.

- Да что мне деньги! - улыбаясь махнул рукой Парамон, - Аз есмь птица Божья - что клюнул, тем и жив...

Он стремительно развернулся и зашагал прочь своей дерганой походкой.

- Иишь, фанфарон... - усмехаясь и втягивая голову в плечи пробормотал Петр Игнатьевич. Настасья молча двинулась назад. Роману вдруг стало скучно. Он зевнул, не прикрывая рта, и только теперь почувствовал сильную усталость. Ему представилась большая белая подушка со все тем же НВ, заботливо вышитым тетиной рукой.

- Петр Игнатьевич, а что, Зоя придет летом? - спросил Роман.

- Так она с Надеждой на Пасху обещались, - лениво откликнулся Красновский, по голосу которого чувствовалось, что и он не прочь соснуть.

- На Пасху? - переспросил Роман.

- Ага...

Романа словно подтолкнули.

Он быстро попрощался с зевающим и вяло удерживающим его Петром Игнатьевичем и, пригласив его на ужин, пошел домой.

V.

На обрызганной кельнской водою, обшитой кружевами свежевзбитой тетиной подушке Роман проспал часа четыре.

Проснувшись, он открыл глаза и первые мгновения с удивлением взглядываясь в очертания притемненной сумерками комнаты. Но неповторимый переплет рамы тут же вывел Романа из забытья. Он все вспомнил и, улыбаясь, сладко потянулся. Дневной сон в дядюшкином доме всегда во все времена для Романа был легким и восстанавливающим силы, и теперь, потягиваясь, он с радостью почувствовал бодрость и сладкую истому.

"Как хорошо, что я здесь", - подумал он, откидывая стеганое пуховое одеяло и закладывая руки за голову, - "Наконец-то". Он вспомнил, как, просыпаясь в маленькой квартирке, которую снимал в столице, каждый раз думал о своей кругояровской комнатке, о том блаженном состоянии покоя, когда, пробудившись ото сна, можно вот так лежать, глядя в высокий белый потолок или в окно и чувствовать себя по-настоящему свободным.

Роман протянул руку, взял со стоящей у изголовья тумбочки папиросу, размял и закурил.

"Нет, человеку творчества нужна только свобода", - думал он, спокойно затягиваясь и скашивая глаза на янтарный огонек, - "Любая зависимость, будь то служба или семья, губят человека. Даже не собственно человека, а то свободное дыхание, которое и способно породить мысль или художественное произведение. Творческая личность не должна ни с кем делиться своей свободой. Но, с другой стороны - любовь? Ведь безумно влюблялись и Рафаэль, и Гёте, и Данте. И это не вредило их творчеству, а наоборот, помогало"....

Роман встал и подошел к окну.

"Ведь они же делились своими чувствами со своими возлюбленными. И это их наоборот - вдохновляло, придавало силы. А по человеческим меркам большая любовь должна целиком подчинить человека, не оставляя места ни на что другое".

Он задумался, разглядывая сумеречный сад под окном с голыми переплетенными ветвями, подпирающими вечернее чистое небо, и тут же пришла мысль, пришла легко и просто:

"Да ведь они же любили-то не как обычные люди! Вот в чем дело. Ведь свою любовь они сделали частью своего творчества, поэтому она и

помогала им. А любви они просто, по-человечески, так может быть и не было б тогда ни Божественной комедии, ни сонетов Петрарки и Шекспира. Их возлюбленные были их персонажами, вот в чем суть".

Роман отошел от окна, зажег две из четырех свечей стоящего на бюро шандала и, не вынимая папиросы изо рта, принялся переодеваться.

Спал он всегда в своей любимой шелковой китайской пижаме, подпоясанный шелковым шнурком с кистями.

Снявши ее, Роман надел белую рубашку, вязаную розовую безрукавку, легкие бежевые домашние брюки и, причесавшись перед зеркалом костяным гребнем покойного отца, стал повязывать серый галстук.

"Интересно знать, который теперь час?" - думал он, завязывая узел и прилаживая его строго по центру, - "Попробую угадать. Проверим, Роман Алексеевич, как вы чувствуете время".

Повязав галстук, он опустил руки и, стоя перед зеркалом, проговорил:

- Сейчас шесть часов вечера.

Потом подошел к бюро, взял свои круглые плоские карманные часы на черном шелковом шнуре, поднес к свечке. Стрелки показывали без четверти семь.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! - усмехнулся Роман, пряча часы в задний кармашек брюк, - Наверно все уже за столом, а ты спишь, как Силен.

Быстро погасив свечи медным колпачком, он поспешил вниз.

Роман не ошибся: внизу гости и хозяева ужинали в гостиной, куда был перенесен стол с веранды ввиду значительной прохлады весенних вечеров.

Ужин начался недавно - с полчаса назад. По настоянию тетушки Романа решили не будить, поверив заверениям Антона Петровича, что "Рома непременно проснется сам, так как он никто иной, как настоящий gentleman".

Роман быстро вошел в гостиную, громко желая здравствовать всем присутствующим, тут же раздались радостно-удивительные возгласы, загремели отодвигаемые стулья, гости принялись здороваться с ним и целоваться.

Их было не так уж много, в основном, одни мужчины: Рукавитинов, Красновский и батюшка отец Агафон, а в миру - Федор или Агафон Христофорович Огурцов с супругой Варварой Митрофановной.

- Ну вот, судари вы мои, что я говорил! - рокотал Антон Петрович, сидящий во главе стола и тоже приподнявшийся с места.

Роман пожал руки Николаю Ивановичу и Петру Игнатьевичу, поцеловался с отцом Агафоном и с Варварой Митрофановной, которые буквально прилипли к нему с двух сторон и, не переставая издавать радостные восклицания, взявши Романа под руки, повели к столу. Это

была милая простодушная чета, и он и она до удивительного походили друг на друга. И Федор Христофорович и Варавара Митрофановна не отличались высоким ростом, имели полное сложение, пухлые короткие руки с пухлыми белыми пальцами, мучнистые, слегка одутловатые лица с почти одинаковыми маленькими круглыми носами, походившими на молодой розовый картофель. Отец Агафон был пятидесяти восьми лет, носил рыжеватую, с сильной проседью бороду и такие же по цвету, длинные до плеч волосы, обрамляющие гладкую розоватую плешь. Его маленькие острые глазки с рыжеватыми, а поэтому - незаметными ресницами непрерывно моргали, словно стараясь поспеть за ртом, не закрывающимся ни на миг.

Службу и приходские дела о. Агафон вел исправно, хоть и с некоей суетливостью, причиную коей были отнюдь не скарденность и расчет, а особая склонность его мягкого и отзывчивого характера. Сердце у о. Агафона было добрым, крутояровцы его любили и уважали.

Варвара Митрофановна была лет на шесть моложе супруга и ничуть не отставала от него в суетливой подвижности членов и в непрерывных словоизлияниях.

Огурцовы жили в Крутом Яре уж более тридцати лет, детей им бог не дал, зато у них был прекрасный яблоневый сад с пасекой в пятьдесят колод, большое подворье с бесчисленной скотиной и птицей, и просторная, изукрашенная местными дроворезами баня с купальней, стоящая на речке на крепких дубовых столбах.

О. Агафон и его супруга были на удивление радушными людьми. По гостеприимству и хлебосольству в округе с ними никто не мог сравниться, их двухэтажный дом всегда кишел родственниками, знакомыми, малознакомыми, а то и вовсе незнакомыми. В будние здесь садились обедать сразу человек пятнадцать-двадцать, в праздники - все сорок. Но особенно трепетно и ласково здесь относились к детям. Им позволялось все, все двери для пяти, семи, семнадцатилетних Танюшек, Тишек и Настасьюшек были открыты, что подчас приводило к разного рода оказиям: битью посуды, потасовкам, объеданиям сладостями и многому другому.

И хотя вообще к детям чета Огурцовых питала невероятную слабость, то слабость и симпатия по отношению к Роману у них вовсе не знала границ.

И сейчас, идя с ними под руки и слушая непрерывный поток восторженных, радостных и удивительных восклицаний, Роман сразу вспомнил все свои шалости в их доме, вспомнил пироги и кулебяки, печеные Варварой Митрофановной на его именины, вспомнил их сад, где он валялся в траве, пасеку, где ел сотовый мед, запивая молоком, купальню, с мостков которой нырял в речку. И церковь, милую крутояровскую церковь, где он впервые уверовал в Бога...

- Голубок ты наш ясный! Прилетел, наконец, к родному гнездышку!

Обрадовал всех, слава тебе, Господи! - быстро говорила Варвара Митрофановна, крепко держа Романа под левую руку, а справа шуршал черной шелковой рясой отец Агафон:

- Облагодетельствовал, Ромушка, истинно облагодетельствовал! Ко святому празднику, Богу на радость, нам на умиление! Ой, как же я рад, помилуй Боже!

- Федя, так я ведь сон видела вчера, как-будто журавлики мимо нашего дома летели, а один спустился и на крышу сел!

- Сны вещие мы все видеть мастера, - перебил ее Антон Петрович, - Я видел как зимою липа цвела, а Лизочка - как у нас под окном клад нашли золотой.

- Да не золотой, Антоша! - махнула рукой Лидия Константиновна! - Клад, а в нем младенец живой.

- Господи, вот чудеса! - удивилась, крестясь Варвара Митрофановна.

- Обрадовал, вот обрадовал! - повторял отец Агафон, свободной рукой поглаживая свою бороду, - Теперь пасхальную утреню служить сил прибавится! Экий гость в наших краях!

- Надежда Георгиевна с Зюечкой тоже к Пасхе обещались, - проговорил Петр Игнатьевич, тяжело садясь на свое место.

- Ей-богу?! - почти одновременно воскликнули Огурцовы, еще крепче сжав руки Романа.

- Обещались, обещались, - кивал лысой круглой головой Красновский.

- Дай-то Бог, вот славно было бы!

- Надежда Георгиевна! Я ее год не видала!

- А Зоинька, деточка моя! Ну вот уж радости-то было б!

- Вот был бы праздник-то, Господи, твоя воля!

- Как хорошо, как хорошо бы! - жмурясь и качая головой, повторял отец Агафон, - И Антон Петрович с Лидочкой, и Петр Игнатьевич с Надеждой Георгиевной, Ромочка, Зоинька, Куницыны, и опять же, Николай Иванович с...

Он запнулся, моргая белесыми ресницами, а Николай Иванович тут же дополнил своим мягким вкрадчивым голосом:

- Со своими жуками.

Все рассмеялись, Антон Петрович захохотал, звучно хлопнув от удовольствия в ладоши:

- Ах-ха-ха! Ну те-с, честные господа, шутки-шутками, а стол не забывать! Таков приказ фельдмаршала! Прошу садиться, хоть у нас и страстная, а овощами Бог не обделил, так что прошу покорнейше!

Посмеиваясь над шуткой Николая Ивановича, все стали садиться.

Батюшка с попадьей сели слева от Романа, Лидия Константиновна и Антон Петрович - справа. Петр Игнатьевич и Николай Иванович расположились напротив.

В отсутствие Романа гости и хозяева успели отведать всю ту же

анисовую и закусывали теми же мочеными яблоками, квашеной капустой и грибками. Рюмка Романа во мгновение ока наполнилась желтовато-золотистой настойкой, а его тарелку тетушка принялась заботливо нагружать всем, что было на столе.

- Милые мои братья во Христе! - громко, но с теплотой в голосе проговорил, приподнимаясь о. Агафон, держа рюмку пухлой, слегка подрагивающей рукой, - Позвольте просить вас всемилостиво выпить за здоровьице нашего Ромушки.

Всем пришлось снова встать, потянуться рюмками к Роману, который уже начинал ощущать неловкость от обилия всех приветствий и тостов, обращенных к нему за сегодняшний день:

- За соколика нашего сизокрылого! - пропела Варвара Митрофановна и первая чокнулась с Романом.

- Благодарю вас... покорнейше благодарю...- бормотал Роман, улыбаясь и чокаясь.

Все выпили, и каждый, как водится, отреагировал на анисовую по-своему: Роман коснулся кончиком сильно накрахмаленной салфетки своих усов; Антон Петрович издал звук, похожий на тот, что издавал сегодня Петр Егоров, расшибая поленья; отец Агафон сморщился, качнул головой и, прошептав, "Грехи наши..." сразу принялся закусывать; попадья сказала "ой"; Петр Игнатьевич крикнул, выпучил глаза, оттопырил губы и некоторое время не двигался; Николай Иванович зябко передернул плечами, смахнул мизинцем слезу из-под очков; Лидия Константиновна, по обыкновению, не отреагировала никак, словно воды выпила.

- Хорошо, - пробормотал Петр Игнатьевич, выходя из оцепенения и тыча вилкою в рыжики.

- Чай, не разучились еще, - ответил Антон Петрович, закусывая капустой, - Рука тверда. И меч булатный сдержит...

- Лидия Константиновна, а где же Ключин? - спросил Николай Иванович.

- Сама не пойму. Я пригласила его, послала Акима сказать. Может болен?

- Эскулап, и болен? Быть не может! - Отрезал Антон Петрович, - Да еще такой Агасфер, как Андрей... Этот никогда ничем не болел. Он, судари мои, болезням неподвластен.

- Это почему так? - спросила Варвара Митрофановна, громко орудуя ножом и вилкой в попытке разрезать соленый огурец.

- А потому что он давно уже почил в Бозе и смерть его не берет!

- Господи, что ж вы такое, Антон Петрович, говорите!

- Антоша! Как тебе не стыдно.

- В страстную-то, Антон Петрович, ай-яй-яй... - закачал головою, быстро, как кролик, жующий отец Агафон.

- Да я не к тому, чтобы унижить или что там, упаси Бог! - воскликнул

Антон Петрович, потрянув прядями, - Я же просто толкую вам о мертвом теле и живой душе! Андрей давно уж телом мертв, а дух живет в нем и ого-го какой дух! Поэтому то и болезни его минуют, как апостола Петра.

- Ну, Антон Петрович... - словно от зубной боли сморщился Красновский, - Как можете вы сравнивать Ключина со святым апостолом. Это же чистая нелепость.

- Его лучше с юродивым сравнить, Антоша. Их ведь тоже болезни не брали, - улыбаясь вставила Лидия Константиновна.

- Андрей Викторович человек с чудиною, - замстил отец Агафон, - В храм Божий не пойдет, лба не перекрестит. Много глупостей мужикам наговорил. Станный, странный человек..

- Да, ну полноте вам, - с мягкой укоризной проговорил Рукавиных, - Андрей Викторович прекрасный врач, скольким людям жизнь спас, скольких мужиков да баб вылечил. А что в церковь не ходит, так что ж с того? В Европе многие умы в соборы до кирхи не ходили, а вышли великие ученые.

Отец Агафон непримиримо качал головой:

- Нет, Николай Иванович, никак нельзя без церкви, без храма. Церковь - невеста Христова, святыми апостолами нам завещана. Чрез церковную общину человек спасение обретает, веру, покой душевный. Что люди в миру - грубители, прелюбодеи, мшелоимцы. А в церкви все яко агнцы пред Господом-то нашим. А одному, да в миру противу зла трудно устоять.

- А подвижники? Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский? Одни жили, одни и молились.

- Батюшка вы мой, Николай Иванович. Так это ж подвижники, святые люди, угодники Божьи! А вы мне про мирян толкуете!

- А что миряне... Подвижники тоже сначала мирянами были...

- Да и какими греховодниками! - живо вмешался в разговор Антон Петрович, - Я читал в одной апокрифической книге об этих вот... отцах пустынниках, что один из них, не помню кто, кажётся - Марк Антиохский, - был жутким бабником! Не было в Антиохии ни одной бабенки, которую бы он не соблазнил к блюду. А еще, говорят, содержал он у себя двух пони, опять же, не для езды там и гужевых надобностей, а прямо скажем, для...

- Антон! - вскрикнула Лидия Константиновна, стукнув своей узкой ладонью по столу, отчего приготовленные к чаю, стоящие с краю чашки, задребезжали, - Прекрати сейчас же! Ей-богу, ты же не младенец!

- Молчу, молчу, - сложил огромные руки Антон Петрович на подобие индуистского приветствия.

- Неужели больше не о чем говорить накануне светлого Воскресения? Николай Иванович, голубчик, право мне так плохо, когда начинаются эти querelles absurdes!

- Прошу прощения, Лидия Константиновна, - поспешил

извиниться Рукавитинов. Отец Агафон вздохнул, склонил голову к тарелке и, время от времени повторяя "без церкви нельзя, нельзя без храма", занялся квашеной капустой.

- Однако, странно у нас с вами получается, - заговорил Петр Игнатьевич, - Приехал наш дорогой Роман Алексеевич, из столицы, а мы на него нуль внимания, и вот обсуждаем Ключина. Как это право... - он нахмурился, подыскивая нужные слова, - Не по-русски.

- Святая правда! - подхватила Варвара Митрофановна, кротко и даже несколько испуганно молчащая во время спора, - Ромушка, соколик наш, расскажи как живешь, как твои науки?

- Да, да, Рома, я утром запаятовал спросить, кто за Прянишникова Ленского поет? - оживился Антон Петрович.

- А что, Ромушка, отец Валентин, дай Бог ему здоровья, по-прежнему в вашем приходе? - повернулся к Роману, шурша своей шелковой рясой отец Агафон.

- Рома, я про Эльвиру Авксентьевну и не спросила до сих пор, как ее здоровье, как Ванечка? - поспешила произнести Лидия Константиновна

Роман положил вилку и нож, отер губы салфеткой, и принялся рассказывать всем обо всем, стараясь ничего по возможности не упустить. Он поведал о своем решении стать живописцем, обрисовал положение и жизнь столичных родственников, а свадьбу Ванечки, пересказал так живо, с такими подробностями (впервые прослезившийся "железный" министр Сергей Борисович, пьяный шурин, кусок кулебяки, упавший Машеньке на колени и пролежавший там почти весь вечер), что вызвал бурное оживление у всех, особенно у Антона Петровича. О племяннице Лидии Константиновны - Эльвире Авксентьевне - он дал исчерпывающий во всех отношениях ответ; благопристойного отца Валентина назвал "истинно святым человеком", к величайшей радости батюшки Агафона, прослезившегося по этому поводу и долго не перестававшего повторять "Святая правда! Святая правда!" Но, конечно же, более всех порадовал Роман Антона Петровича рассказом о новой постановке "Свадьбы Кречинского". В характере Романа была одна черта, ставившая его в ряд людей необычных и даже - странных. Еще в детстве он заметил, что ему доставляет большое удовольствие освещать интересующие кого-либо события так, чтобы сильнее всего поразить слушателя, добиться в нем желаемого душевного трепета, отчего и самому затрепетать. Это вовсе не значило, что Роман был лжецом и фантазером, напротив, он пересказывал все точно до мелочей, но делал это так, как никто другой. Он словно зажигал в себе какой-то невидимый волшебный фонарь, наводил его на описываемое событие, и все вдруг начинало сверкать в этих лучах необычными красками, воспламеняя и будоража и слушателей, и Романа, так, что неизвестно кто больше из них радовался.

Так и теперь, повествуя дядюшке о премьере, он вдруг опять

почувствовал в груди этот "волшебный фонарь", это воодушевленное желание воспламенить собеседника, и заговорил в свойственной ему манере - страстно и увлеченно.

Безусловно, Роман знал, что "Свадьба Кречинского" - одна из любимых пьес Антона Петровича, а роль самого Кречинского - шеголя, сердцееда и мошенника - одна из любимых ролей, которой дядя отдал более двадцати лет театральной жизни. Как он играл его! Роману никогда не забыть этой осанки, этих уверенных, точных и в то же время изысканно-небрежных движений больших дядиных рук, этого голоса жуира и бонвивана, в циничной музыке которого нет-нет, да и прослышатся обертоны грусти, раскаяния и вселенской тоски... Роман рассказал о новом Кречинском, о новом Расплюеве, о новых декорациях, о публике, о критике, и, наконец, поделился своим мнением о постановке. Всё это необычайно взволновало дядю. Уже где-то на середине Антон Петрович встал из-за стола и, скрестив руки на груди на манер шиллеровского Моора, стал мерно прохаживаться от рояля к бюсту Вольтера и обратно, глаза его загорелись, массивное лицо все как-то подобралось, он весь словно напряжился и, казалось, сам готовится через мгновение выйти на сцену.

Роману тут же передалось его состояние, кровь прилила к щекам, глаза блестели. Все молча слушали его, а когда он кончил, тишина повисла в гостиной, лишь поскрипывали половицы под дядиными ногами.

- Да... - проговорил наконец Антон Петрович, - Молодцы.

И, помолчав, серьезно добавил:

- Спасибо тебе, Рома. Надо будет съездить посмотреть. Молодцы, черти!

После этой фразы все сразу ожили, заговорили и задвигались.

- Ах, как чудно. Я так давно не была в театре!

- Я тоже видал нового "Кречинского", правда не премьеру.

- Театр дело богоугодное, а как же. Только поменьше бы разных водевилей, где барышни ноги задирают...

- А я, Антон Петрович, помню вашего Кречинского! Тогда мы на Рождество гостили у Кораблевых и пошли в театр. И что вы думаете, как они нас приглашали - на "Свадьбу Кречинского"? Ничего подобного! Пойдемте, говорят, сегодня Воспенников играет!

- А как ты, Антоша, помнишь, Расплюева вытолкнул слишком сильно, а он бедняга в декорацию вломился! Господи, то-то хохоту было!

- Антон Петрович, я вас тоже помню. Я в ту пору совсем был мальчиком. А ту фразу: "Эге! Вот какая шуточка! Ведь это..."

- Ведь это целый миллион в руку лезет! - громово подхватил Антон Петрович, мгновенно преображаясь в Кречинского, - Миллион! Эка сила! Форсировать или не форсировать - вот вопрос! Пучина, неизведомая пучина. Банк! Теория вероятностей - и только. Ну, а какие здесь

вероятности? Против меня: папаша раз. Хоть и тупенек, да до фундаменту охотник. Нелькин - два. Ну, этот, что говорится, ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец. Теперь за меня: вот этот вечерной колокол - раз! Лидочка - два! И... да! Мой бычок - три! О, бычок штука важная, он произвел отличное моральное действие. Как два к трем. Да! Надо полагать - женюсь. Женюсь! Резким движением он скрестил руки на груди и замер, обеда присутствующих самодовольными и наглыми глазами.

Все заплодировали:

- Браво!

- Браво! Антон Петрович, браво!

- Bis! Превосходно!

- Чудно, право, чудно!

Антон Петрович медленно, с достоинством поклонился, его седые пряди красиво свесились вниз.

В это время в двери показалась кухарка Воспенниковых Арина с большим фарфоровым блюдом в руках.

После одобрительного кивка Лидии Константиновны, она внесла его и поставила на стол.

- Ааа! - оживился Антон Петрович, садясь на свое место, - А вот и наше овощное рагу á la Крутой Яр! Прошу.

Наклонившись над столом, он снял крышку с блюда и чудный аромат тушеных овощей наполнил гостиную.

- Ну, Лидия Константиновна, вы просто змий искуситель! - воскликнул отец Агафон.

- Батюшка, не беспокойтесь, все на постном масле...

- Ой ли? Ой ли? - тряс головой батюшка, принохиваясь, - Вон эдак шибает-то!

Арина тем временем, переменяв приборы, вышла.

Выпили еще и принялись за рагу, на этот раз уже молча. Роман ел с удовольствием, его собственный рассказ и импровизация Антона Петровича сильно подействовали на него и он был сейчас, что называется в духе.

Ему хотелось каких-нибудь событий, и воображение его интенсивно работало. Он думал о Зое, о том как они встретятся, что она ему скажет и что он скажет ей, как они будут вместе гулять по лесу или кататься на лодке по реке до озера.

Но эти мечты о девушке, в которую он был влюблен три года назад, сопровождала постоянная внутренняя тревога, словно горький привкус отравлял прекрасный напиток. Если бы Роман не понимал причину этой тревоги, он счел бы ее следствием возбуждения и обострения чувств, сопутствующих ему всегда в первые дни приезда в Крутой Яр. Однако, он знал истинную причину, или вернее чувствовал ее сердцем, боясь до конца признаться самому себе. Он чувствовал Зою как личность, как девушку, и чем больше чувствовал, тем больше узнавал в ее характере

свой порывистый, как весенний ветер, характер человека свободы. И это пугало его.

И сейчас, сидя за столом среди этих милых простодушных людей, он вдруг неожиданно понял, что его чувство к Зое нельзя назвать любовью, в том смысле слова, в котором он понимал его. Он был влюблен в нее, влюблен сильно, но - любовь... Это что-то совсем другое. Что-то высшее, основанное не только на обожании и восхищении, но и на доверии. На вере. В Зою он до конца поверить не мог, как ни старался. Может быть именно потому они и расстались так мучительно, с таким душевным надрывом...

Подали чай.

Роман полностью ушел в свои мысли и плохо замечал, что происходит вокруг. Ему стало неудобно, словно он оказался в чужой малознакомой компании; все говорили, смеялись, а он все думал и думал про Зою, образ которой с такой яркостью стоял в воображении, что заслонял все вокруг.

Роману захотелось уйти. Он встал и, сославшись на головную боль, вышел в сад, набросив пальто на плечи.

В саду было темно и прохладно. Стояла тихая весенняя ночь с низким темно-фиолетовым небом, кое-где тронутым едва различимыми искорками звезд. Ветра не было, но откуда-то снизу от земли проистекал прохладный бодрящий воздух, он забирался под пальто и охлаждал. Роман пошел меж деревьев, чувствуя, что легкие заморозки коснулись земли и она уже не такая мягкая под ногами, как днем.

Сад был запущен, это было видно даже теперь, ночью. Яблони разрослись, въехав ветвями друг в дружку, на месте вишен вообще стояли какие-то немислимые заросли, малинник захватил все пространство у забора.

Роман прошел вглубь сада и присел на небольшую скамейку, стоящую меж двух старых яблонь.

Сюда летом выносили круглый стол и пили чай.

Роман потрогал сиденье скамейки. Оно было сухим и холодным.

"Неужели я увижу ее?" - подумал он и сердце, успокоенное холодом апрельской ночи, забило в его груди с новой силой.

VI.

Чистый четверг и пятница, полные предпасхальных хлопот, пролетели незаметно. К тому же Роман получил свои художественные принадлежности и большую часть времени посвятил оборудованию летней мастерской, под которую пошел мезонин - не очень большое, но чрезвычайно светлое помещение, пол и потолок которого были сработаны из струганных еловых досок, что очень нравилось Роману.

Он перенес сюда пару стульев, тумбочку для красок, ломберный столик, кучу склянок и горшков, и лишь потом, усевшись на стуле, принялся распаковывать краски. Они сразу поразили его своим присутствием в этом доме - казалось немыслимо, что охра, жженная кость, берлинская лазурь и тиюиндиго существуют здесь, в Крутойяровской обители Воспенниковых. Радуюсь, словно ребенок, Роман выдавливал их из тюбиков на клочок бумаги, смотрел, любуясь цветами, казавшимися почему-то еще более притягательными и необыкновенными.

Забыв про тумбочку, он стал раскладывать их на узком подоконнике, тянущемся по двум застекленным стенам, раскладывать в порядке дисперсного разложения света - от красного кадмия и охры до ультрамарина. Белила и жженную кость он убрал в тумбочку - Роман редко пользовался ими.

Покончив с красками, он распаковал картонный тубус с кистями; кисти лежали в нем, как стрелы в колчане, каждая была обернута в пергамент.

Роман не забыл переправить из столичной мастерской китайскую синюю вазочку, в которой обычно хранились кисти.

Распаковав вазочку, он поставил ее на ломберный стол и, освобождая каждую кисть от пергаментного плена, водружал на прежнее место. Кисти были разные и каждую из них он знал, помнил, мог отличить от другой, - плоские, круглые, колонковые и беличьи, - они все, как и краски, были неповторимы.

Роман наполнил ими вазочку и улыбнулся, любуясь этим ошетинившимся букетом, вид которого всегда будил чувства Романа, заставлял забывать про усталость и разрушал равнодушие.

После кистей он занялся сборкой мольберта - не очень большого, но крепкого, удобного и простого в конструкции. Собрал мольберт, Роман поставил его в самом центре комнаты, по привычке задрапировав холстом.

Потом настала очередь подрамников, потом пришлось зачистить и поточить мастихины, проолифить палитры, развести грунт и

прогрунтовать дюжину картонок для эскизов, и многое, многое другое. Роману хватило работы на два дня, он стучал, тер, мазал, скоблил, двигал, не выпуская папиросы изо рта, так что тетя, принесшая ему в полдень на подносе стакан компота, назвала его "столяр" и, зажав носик - "как остро пахнут эти все художества!" - смеясь и качая головой, поспешила ретироваться. Зато Антон Петрович отозвался о трудах Романа с одобрением, посетив новую мастерскую и досконально осмотрев реквизит молодого живописца.

- Славно, славно... - повторял он, прохаживаясь возле окон и трогая краски, - И хорошо, что наверху. Здесь, брат, тебя мирская суета не так будет тревожить. Будешь зрить красоту нашей земли во всей полноте.

И, уходя, добавил со значительностью:

- Успехов тебе, Рафаэль Крутойоровский!

Роман поблагодарил витиеватой сентенцией из Кальдерона, чем вызвал громоподобный хохот удаляющегося Антона Петровича...

А между тем все кругом готовились к Пасхе.

Арина под неустанным руководством Лидии Константиновны испекла шесть больших куличей, замесила пасху, покрасила три дюжины яиц. Все это в пятницу носили освещать в церковь, а в субботу разложили по веранде на большом столе, накрыв рушниками.

Роман проснулся поздно - тетушка и кухарка уже вернулись с заутрени и собирали на стол. Антон Петрович читал газеты, мурлыча что-то себе под нос.

Позавтракали одним чаем и разошлись по своим делам - тетушка с Ариной на кухню, Антон Петрович в спальню.

Роман же решил съездить в сосновый бор. Это было не так далеко - сине-зеленая полоска виднелась за большим полем, примыкающим к Крутому Яру с южной стороны.

Погода стояла теплая - солнце грело мокрую землю, галдели грачи на деревьях, мальчишки бегали взапуски, шлепая по лужам. Роман надел свою темно-коричневую замшевую куртку, сапоги, одел на голову черную широкополую дядюшкину "конную" шляпу с резинкой под подбородок и, взяв любимый стэк с желтой ручкой из китового уса, отправился через сени на скотный двор, где со вчерашнего дня томился в стойле каурый жеребец, нанятый тетушкой у Архипа исключительно для верховых прогулок племянника.

Перепрыгивая через лужи, Роман прошел мимо хлева, где уже который год вместо коров содержались свиньи, и открыл сильно перекошенную дверь конюшни. Она заскрипела так протяжно и громко, что свиньи вопросительно захрюкали, заворочались в навозе.

Роман, меж тем, прошел в дверь и оказался в весьма просторном, но темном и запущенном помещении.

Здесь было четыре отгороженных стойла, три из которых пустовали, а в четвертом стоял, прядая ушами, архиповский жеребец Орлик.

Роман приблизился к нему, ласково повторяя это весьма распространенное лошадиное имя, достал из кармана шерстяных галифе большой кусок сахара и на ладони протянул жеребцу.

Тот, отфыркиваясь и, переминаясь с ноги на ногу, покосил на Романа черным, как смоль, глазом, протянул морду над старой, облизанной и обглоданной не одним поколением лошадей переборкой, и, взяв мягкими, словно бархатными, губами сахар, захрустел им.

- Ну вот и познакомились, - гладил Роман его по красивой морде с белой звездочкой на лбу, - Кататься поедем?

Жеребец грыз сахар, поглядывая на Романа. Уздечки и седла висели вдоль стены на крепких кованых гвоздях. Роман снял уздечку, сразу отыскал свое любимое седло, которое, кстати говоря, было единственно приемлимым для езды, ибо остальные давно пора было выбросить.

Надев узду на морду Орлика, Роман отпер переборку и повел коня на двор, неся в левой руке седло. Стэк он, по привычке, заткнул за голенище сапога.

Орлик шел за Романом, подрагивая мышцами плеч и отфыркиваясь.

Роман вывел его с конного к палисаднику, оседлал, достал из кармана куртки легкие замшевые перчатки, натянул на руки, вынул стэк и, продев левую ногу в стремя, ухватившись за луку седла, сел на Орлика.

Конь всхрапнул, дернулся и, скаля зубы, прынул вперед, уши его торчали словно рожки.

- Спокойно! - натянул повод Роман и сжал ногами Орлика.

- Что, норовист Буцефал? - раздалось сверху и Роман заметил Антона Петровича, стоящего на балкончике, расположенном над террасой.

- Ничего, справлюсь, - усмехнулся Роман, отклоняясь назад и хлопая коня ладонью по крупу.

Орлик заржал и взял легкой рысью.

- Весна, весна его сердце тревожит! - продекламировал Антон Петрович, простирая руку перед собой, - Счастливый путь!

- Счастливо оставаться, дядюшка! - крикнул удаляющийся Роман. Орлик взял наметом, они миновали толстые старые дубы, росшие неподалеку от дома Воспенниковых, и оказались на дороге, ведущей через поле к бору. Роман привстал на стремянах и слегка ударил Орлика стэком по крупу.

Конь сразу пошел растяжистым ровным галопом, воздух засвистел под полями Романовой шляпы.

Роман обожал верховую езду.

Научившись ездить еще мальчиком, он не упускал ни малейшей возможности скакать верхом навстречу крутояровским просторам, минуя поля, перелески, углубляясь в лес.

Езда на лошади будила в нем радость, будоражила душу и воображение. В юности он представлял себя то Ланселотом, то королем

Артуром, то смелым и бесстрашным Тристаном, пробирающимся сквозь лес к замку своей возлюбленной.

Сейчас же Роман просто с удовольствием отдавался езде, радуясь прекрасной солнечной погоде, вешнему воздуху, простору полей, раскинувшихся во все стороны, молодому горячему коню и сознанию того, что сегодня ночью будет чудесный праздник, самый любимый и таинственный.

Орлик легко скакал, хрипло и шумно выдыхая, в нем чувствовалась порода и сытая легкая жизнь скакуна, шея которого никогда не знала хомута.

Миновали середину поля, а бор, казалось, оставался на том же самом месте; ни приближаясь, ни отступая он лежал на горизонте зелено-голубой лентой, словно пояс, сброшенный лесной богиней Дианой.

Справа, шагах в двухстах по другой дороге тащилась чья-то телега, которую Роман не сразу заметил. Мужик, сидящий в ней, снял шапку, махнул ей Роману. Роману показалось, что это Сидор Горбатый, но он, не обращая внимания на мужика, скакал дальше, наслаждаясь простором и волей.

Дорога уже пошла под уклон, замелькали знакомые овраги, показался край поля с зарослями ивняка. Бор был близок. Роман смотрел на него глазами художника, замечая как по мере приближения исчезает в сосновых кронах голубое, уступая место зеленому, как явственно проступают оранжеватые стволы и наливаются коричневым проемы меж стволами.

Он ударил Орлика еще раз, пролетел сквозь кустарник, проехал выжженную пожаром просеку и, совсем возле бора натянул повод. Орлик остановился, всхрапывая и перебирая ногами. Опустив повод на луку седла, Роман любовался высокой частой стеной могучих сосен, вставших у него на пути молчаливой суровой ратью великанов.

Сосновый бор. Он всегда поражал Романа единством и монолитностью. Как сильно разнится он с простым смешанным лесом, высылающему навстречу путнику сначала кустарники с подростом, потом подлески и одиночные деревья, а потом уж наползающему стихийно, где дубом, где березами, где осинником вразброд, подобно пестрому войску наших предков. Не таков сосновый бор. Нет перед ним ни подлесков, ни бурьяна. Он наступает широким фронтом, сразу обрушивая на путника всю свою вековую мощь и разя его в самое сердце.

Роман замер, пораженный величием и красотой.

Легкий ветерок шевелил вечнозеленые кроны, шуршал по стволам отслаивающейся корой. Он доносил до Романа запах хвои - такой необычный, терпкий и будоражащий.

За три года бор несколько не изменился, как и положено всему великому, - сосны не стали выше и не поредели, все осталось на своем

месте.

"Какое чудо", - думал Роман, стараясь охватить единым взглядом живую стену, - "Лес вечен, как сама жизнь. И, как жизнь, прекрасен. Но как странно отчужден он от человека, как далек он от него в своей самости! Он существует сам по себе и живет своей особой жизнью, в которую мы можем вмешиваться со своими топорами, пилами и огнем, но с которой мы не можем слиться, соединиться, поиметь родство. Она так или иначе проходит мимо, не дается в наши грубые руки. Мы идем по лесу, а он стоит, не обращая на нас внимания. Мы любим его красотой, а он не видит нас. Мы кричим, а он молчит, возвращая нам наши голоса многократным эхом. Ему ничего не нужно от нас. Он свободен. Как это прекрасно..."

Роман тронул упругие бока Орлика пятками сапог, конь пошел быстрым шагом и они оказались среди сосен. Сразу стало прохладней, дорога наполнилась талой водой, и чем дальше въезжал Роман в лес, тем чаще мелькали внизу меж стволов белые пятна не растаявшего снега. Солнце скользило по могучим стволам, играло в лужах. В вышине перекликались редкие птицы.

Роман стегнул Орлика стэком и тот поскакал дальше по дороге тянувшейся через бор ровною полосой. Сосны неохотно расступались, пропуская ее.

Роман захотел побыстрее добраться до "креста" - пересечения двух дорог, - места, которое он так любил.

"Как чудно, что можно наконец увидеть то, о чем помнилось все эти годы", - мелькало в его голове, - "Как прекрасно, что все это существует помимо меня..."

Орлик неся галопом, разбрызгивая воду. Мелькнула знакомая груда валунов. От нее было совсем недалеко до "креста". Вдали по правую сторону дороги стал вырастать силуэт огромного камня, прозванного в семье Воспенниковых "слоном". "Слон" лежал возле "креста".

Вдруг из-за него выехали двое конных. Роман натянул повод, переведя Орлика на рысь и, всматриваясь, подъехал. Люди на лошадях смотрели на Романа. Одним из них был незнакомый молодой человек в жокейской фуражке, другим... другой была... Зоя.

"Не может быть!" - содрогнулся Роман, придерживая повод и переводя Орлика на шаг.

- Да это же Роман! - громко произнесла Зоя своим звонким неповторимым голосом, и Роман убедился, что это - действительно она.

Он остановил Орлика.

В пяти шагах на каурой лошади сидела Зоя - молодая, ослепительно красивая, в черном бархатном платье с серыми каракулевыми обшлагами и стоячим каракулевым воротником. Голову ее покрывала небольшая черная амазонка.

Ее маленькие руки, затянутые в черные шелковые перчатки

небрежно держали повод и стэк - тот самый, из светлой кожи, с самшитовой рукоятью.

- Здравствуйте, Зоя Петровна, - проговорил Роман, глядя в ее черные, быстрые глаза.

- Здравствуйте, здравствуйте! - весело и звонко повторила она, - Я вас долго узнать не могла. Вижу кто-то скачет comme un chevalier galant. Прямо страшно стало! Мы с Олегом Ильичем перепугались, за камень спрятались... Кстати, познакомьтесь, пожалуйста, Роман Алексеевич, это Олег Ильич Воеводин, наш большой друг.

- Очень рад, - проговорил Роман, переводя взгляд на спутника Зои и кивнув головой.

Молодой человек, учтиво улыбаясь, сделал тоже самое. На вид ему было лет двадцать пять. Он был приятной наружности. Под жокейской фуражкой у него оказались курчавые белокурые волосы, лицо его с округлым подбородком, ямочками на белых щеках и маленьким круглым носом напомнило Роману тициановского Купидона.

Он только что заметил, что Воеводин облачен в коричневый полосатый жокейский костюм на английский манер. Руки в серых перчатках сжимали черный, длиннее обычного, стэк.

- Как хорошо, что вы здесь, - проговорила Зоя, поворачивая свою лошадь на дорогу и приглашая мужчин следовать за собой, - А то мы с Олегом Ильичем уже успели умереть со скуки. Nous, pauvres russes, sommes nés dans le plus ennuyeux des pays.

- А вы... давно приехали? - Роман всеми силами старался побороть охватившее его волнение.

- Вчера вечером. Здесь по ночам еще так холодно! Представьте себе, утром, когда Настасья топила печь, я сидела рядом и грела руки.

- Это нетрудно представить, - с улыбкой проговорил Воеводин, и они с Зоей засмеялись.

Лошади шли шагом, Зоя ехала в центре, мужчины держались по бокам.

- Я рассказывала Олегу Ильичу про вас, - говорила Зоя, вполуборот глядя на Романа, - Но никак не думала, что вас можно здесь встретить. Сейчас, весною.

- Mais pourquoi pas? - спросил он.

- Parce que cela contredit votre image de dachnik.

- Vous me voulez dire que pour vous j'ai été toujours un dachnik? - Роман резко дернул повод влево.

- Pas toujours! - нервно рассмеялась она.

- Et quelles sont les circonstances qui vous ont obligés à venir ici à cette époque de l'année?

- Ce serait trop difficile vous expliquer, - она снова нервно рассмеялась, поигрывая стэком.

- Trop difficile? - переспросил Роман, уклоняясь от молодой

сосновой ветки.

- *Trop difficile!* - звонко откликнулась она и вдруг неожиданно резко ударила стэком по лошадиной шее.

Всхрапнув, лошадь рванулась вперед, Зоя, грациозно изогнувшись в седле, махнула стэком у себя над головой, срезав молоденькую веточку.

- Ай-да Зоя Петровна! - выдохнул от неожиданности Воеводин, и Роман удивился поразительному несоответствию глухого басовитого голоса этого человека и его купидоноподобной внешности.

Они хлестнули своих лошадей и пустились за Зоей.

Рой мыслей и чувств, как и бывало во время быстрой езды, охватил Романа, но это был какой-то бурный, клокочущий и поэтому нечленораздельный поток, в котором выделить что-либо было невозможно. Роман неся, словно через пургу, или сквозь раскаленные крутящиеся вихри, неся, видя впереди всю ту же черную, влитую в седло фигуру.

Воеводин не отставал от него.

Краем глаза Роман заметил, что тот по-жокейски высоко привстал в стремях, уцепившись одной рукой в поводья, а другую - со стэком - на отлете вытянув назад.

Лошадиные копыта громко врезались в мокрую землю, отвечавшую не глухим, а открытым поверхностным звуком. Дорога стала петлять и вскоре они догнали Зою, которая придержала лошадь, опасаясь по-видимому многочисленных корней, выступающих из земли на этом участке дороги.

- Испугались? - весело воскликнула она, крепко натянув поводья и успокаивающе похлопывая по шее всхрапывающую лошадь.

- Вы просто настоящая амазонка, Зоя Петровна! - почти выкрикнул возбужденный Воеводин, - Это было так неожиданно!

- Здесь легко разбиться, - пробормотал Роман, косясь на корни, - Очень неудобное место для галопирования.

- И это вы говорите? - рассмеялась она, - Ну, Роман Алексеевич, я вас не узнаю! Такой отчаянный наездник и толкует, что можно разбиться.

- Я просто вам советовал... - пробормотал Роман, чувствуя, что начинает краснеть.

- Роман Алексеевич прав, Зоя Петровна, - промолвил Воеводин, подъезжая к ней ближе, - Здесь коварное место. Взгляните, какие корни. Они похожи на змей... - он указал стэком вниз.

- Милый, Олег Ильич, - перебила его Зоя, - Я не боюсь ни змей, ни черта, ни рара. Я так рада, что сегодня весна, что я снова в Крутом Яре! Поедьте лучше к моему любимому месту!

- Где же ваше любимое место? - спросил Воеводин, пропуская вперед Зою, которая развернув лошадь, направила ее по узкой просеке.

- Пока это тайна. Впрочем, не для всех... - проговорила она улыбнувшись и кольнув взглядом Романа.

Роман вздрогнул, сердце его тяжело забилося. Он понимал, о каком месте говорила Зоя, но не мог, не хотел верить, что они направляются именно туда.

Просека за эти годы стала еще уже. трем всадникам пришлось выстроиться друг за другом. Роман оказался последним. Он ехал шагом, изредка придерживая всхрапывающего Орлика и поглядывая на едущего вперед Воеводина. Своей клетчатой фигурой тот полностью заслонил Зою, которая что-то напевала вполголоса, похлестывая стэком по кустам.

"Господи, неужели это не сон?" - думал Роман, - "Неужели это и впрямь Зоя? С этим странным человеком? И мы сейчас едем туда?"

И словно в подтверждение того, что это действительно не сон, ветка орешины больно стегнула его по колену.

- Роман Алексеевич, не отставайте! - прозвучал впереди голос Зои.

Роман почувствовал, что губы его совсем пересохли, а сердце готово выскочить из груди. Зоя разговаривала с ним так, будто он всего лишь знакомый по летней дачной жизни и кроме несчастных встреч у кого-нибудь на именинах за чашкой чая их ничего не связывает.

Он лихорадочно вспоминал их встречи, объяснения в любви и клятвы верности, тайные прогулки при луне и тайные объятия. Эти картины быстро наплывали одна на другую, будоража сознание Романа, поток мыслей проносился в его голове.

"Как все это неожиданно", - думал он, - "Она совсем другая. А может она потому так ведет себя, что рядом этот Воеводин? А если они помолвлены? Как это все глупо... Я еду за ними... Так вот почему она целый год не отвечала на письма..."

Впереди мелькнул просвет, просека кончилась, кончился и лес.

Они выехали на широкое просторное место, именуемое Луговиной, и Зоя, снова ударив стэком свою лошадь, понеслась вперед.

Роман с Воеводиным понеслись следом. Издали могло показаться, что они преследуют молодую беглянку. Луговина упиралась в берег речки, вдоль которой и направила свою лошадь Зоя.

Этот берег был ровный, почти без растительности и назывался Лысым. Зато на другом берегу росла прекрасная березовая роща - постоянное место встреч и прогулок Зои и Романа. И теперь, скача по Лысому берегу, Роман смотрел направо, туда, где мелькали высокие, пока еще голые березы. Над ними летали грачи, устраивая в черных ветвях свои гнезда.

Зоя опережала мужчин на добрых два корпуса, ее грациозная черная фигурка, казалось, слилась с лошадью.

Воеводин скакал все так же на жокейский манер, а Роман по своему обыкновению, прямо держась в седле. Теперь он уже окончательно понял, куда вела их Зоя и старался справиться с нервной дрожью, постепенно овладевающей им. Лысый берег тянулся недолго: промелькнули появившиеся то тут, то там кусты, молоденькие ивы, а

потом влажная, дышащая паром земля вдруг вздыбилась, поднялась, заставив всадников натянуть поводья.

Лошади покорно остановились.

Все трое оказались на высоком обрыве. Впереди распласталось Крутоярское озеро. Голубое небо отражалось в нем, солнце играло по краю воды, наползающей на белый песчаный берег. Некоторое время все молчали, лишь вздрагивали, брэнча сбруей, лошади.

- Какая красота! - покачал головой Воеводин.

- Это и есть мое любимое место, - проговорила Зоя, глядя вниз.

Роман молча смотрел туда же, до боли сжав рукоятку стэка.

Зоя сказала правду. Этот обрыв действительно был ее любимым местом. Каждый раз выезжая с Романом на верховую прогулку, она не могла не оказаться у обрыва и, бросив поводья, подолгу смотрела на озеро. Обычно выражение ее красивого лица было такое. словно она готовится броситься вниз и, обернувшись диковинной птицей, лететь, лететь над водою, полем, лесом. В такие минуты она, казалось, забывала обо всем и это тревожило Романа. В нем зрело смутное предчувствие чего-то резкого и безжалостного, что может обрушиться на него по воле этой девушки-птицы, так упоенно жаждущей свободы. Теперь же в ее лице, помимо неутомимой жажды свободы, появилось выражение абсолютной уверенности в себе. Роман искоса смотрел на Зою и чувствовал какой-то демонический холод, проистекающий от черной, влитой в седло фигуры, от прекрасного, словно выточенного из слоновой кости лица.

- Да, лихое место, - проговорил Воеводин, поправляя свою жокейскую фуражку, - Зоя Петровна, у вас голова не кружится?

- Кружится. От желанья прыгнуть, - ответила Зоя, не отрывая взгляда от раскинувшихся за озером полей, - Были б у моей Розы крылья, сейчас бы так и полетели с нею над землей...

- Et vous nous laisseriez manger par les loups du coin, - пробормотал усмехаясь Воеводин.

- Я люблю летать, - проговорила Зоя чуть слышно, - Очень люблю.

Они постояли молча и вдруг Роман неожиданно для себя произнес:

- Завтра Пасха...

Зоя повернулась и, внимательно посмотрев на него, ничего не сказала.

Воеводин быстро кивнул и произнес рассеянно:

- Мдас... действительно...

Роман устыдился своей фразы, а потом устыдился и собственного стыда. "Как все глупо", - мучительно подумал он, глядя как Зоя разворачивает лошадь, - "Совсем рехнулся. Веду себя, как олух..."

Развернувшись, они поехали шагом.

- Роман Алексеевич, вы надолго здесь? - спросила Зоя.

- Боюсь, что надолго.

- Почему?

- Я больше не служу.

- Правда? И кто же вы теперь?

- Ну... наверно - свободный художник.

Она улыбнулась и повторила, растягивая слова:

- Свободный художник. Но все-таки это лучше, чем ад-во-кат.

- Я тоже так думаю, - проговорил Роман и попытался улыбнуться.

- Вы служили адвокатом? - спросил или вернее выкрикнул Воеводин, ехавший справа от Зои.

- Да, - быстро ответила за него Зоя, - У Романа Алексеевича была очень хорошая репутация. Он столько спас от безжалостной Российской Фемиды.

- Вы преувеличиваете, - усмехнулся Роман, - Последнее время я был вовсе равнодушен к моим подзащитным.

- *C'est difficile à croire*, - молвила Зоя, - Для вас - все что угодно, только не равнодушие. Вы не умеете быть равнодушным...

Впервые за все это время ее голос обрел естественность и стал похожим на голос той Зои, которая была раньше. Но эти знакомые интонации не успокоили Романа, а наоборот, укололи его сердце новой болью. Эта фраза о равнодушии невероятно просто и ярко напомнила Роману, что перед ним та самая Зоя, которую он целовал под сенью ночных лип и подсаживал в растворенное окно террасы.

И словно почувствовав это, Зоя снова резко ударила стэком свою Розу, сорвалась с места. Воеводин заспешил следом, а Роман слегка поотстал, не слишком погоняя Орлика.

Так, друг за другом, они проскакали до самого бора.

Зоя выбрала другую дорогу - широкий большак, ровно и прямо пронизывающий бор, и понеслась черной молнией сквозь залитый солнцем лес. Лишь на середине поля, у развилки дорог, остановила тяжело дышащую Розу, похлопав по взмыленной шее:

- Ah, ma chère petite fille.

Разгоряченный ездой Воеводин подъехал к Зое и, сняв на отлет свою фуражку, произнес, почти декламируя:

- Зоя Петровна вы бесспорная чемпионка всех наездниц и наездников! Браво!

- Я боялась что вы потеряетесь в бору! - рассмеялась Зоя.

- Ни за что! - выкрикнул своим хоть басовитым, но все еще юношеским голосом Воеводин, - Как тут замечательно! Какие места! Вот бы где устраивать скачки!

- Вы тоже так думаете, Роман Алексеевич? - неожиданно спросила Зоя, взглянув на подъехавшего и стоявшего поодаль Романа.

- Не думаю, - сухо ответил Роман.

- Ах, да, вы же боялись разбиться, - насмешливо, но с какой-то мягкостью в голосе проговорила она.

- Я боялся за вас, - все так же сухо проговорил Роман и вздрогнул, поразившись неуместности своей фразы.

Зоя замолчала, перестав улыбаться.

Воеводин непонимающе смотрел на нее. Молча они стояли на развилке. Правая дорога вела в сторону дома Романа, левая к Красновским.

Роман приподнял шляпу:

- Прошу простить. Мне уже пора.

- Очень рад был познакомиться, - кивнул Воеводин.

- До свидания, Роман Алексеевич, - тихо проговорила Зоя.

- До свидания, - ответил Роман и, развернув Орлика, хлестнул его стэком по крупу.

VII.

"Боже мой, неужели это была Зоя?!" - мысленно в который уже раз спрашивал себя Роман, расхаживая по своей комнате и нервно курая, - "Холодная красотка с патологическим кокетством, упивающаяся собой - Зоя? Зоя - не замечающая меня, Зоя - со смехом принимающая идиотские комплименты этого клетчатого паяца? Зоя - с артистической глумливостью перечеркивающая все, что было между нами? Не верю, не верю!..."

Сжав себя пальцами за локти, он присел на кровать.

Его душа напоминала теперь большое и глубокое горное озеро, растревоженное и взбаламученное неожиданно налетевшим на него штормом. Еще вчера гладкая, как стекло, поверхность, с величественным спокойствием отражала простершийся над ней голубой небосклон, а сегодня мутные пенные валы с грохотом обрушиваются на каменные берега, грозя разбить их и вырваться на свободу. Все чувства, помыслы и переживания связанные с Зоей, что дремали в глубине этого озера под прозрачной толщей обыденного и повседневного, теперь ожили и с шумом поднялись на поверхность.

"Я одного не могу понять", - размышлял Роман, жадно втягивая в себя дым, - "Если она действительно забыла меня, то почему так зло играет со мной? Эта демонстративная поездка на место наших тайных свиданий, эти колкости в мой адрес... Если она полюбила Воевудина или еще кого-то, то отношение ко мне по всем законам женской психологии

должно быть мягкое и доброе. Даже грязных соблазнительей женщины впоследствии вспоминают как правило без злобы. Но - я! Я же любил ее и люблю. Неужели она не видит этого? Или не хочет видеть. А может она на меня в обиде? Но за что? Я столько раз посылал ей письма и ни разу за три года не получил ответа. Один Бог знает что я пережил тогда. Я думал, что она больна, но потом выяснил через знакомых, что Зоя Красновская - жива, здорова и даже берет уроки игры на фортепиано у Блюменфельда... А может я обидел ее раньше? Но чем?"

Он провел рукой по своим мягким вьющимся волосам и рассеянно потер висок. Сегодняшняя Зоя совершенно не укладывалась в рамки старых представлений и воспоминаний о ней. Сравнить этих двух абсолютно разных девушек было мучительно трудно, и чувствительное сознание Романа буквально разрывалось, силясь совместить прежнюю Зою и теперешнюю.

Неужели за три года человек способен так перемениться? Где ее искренность и непосредственность? Где порывистость и доверчивость? Где, наконец, ее честность, - тот нелюбимый критический взгляд на людей, всегда выделявший ее в кругу сверстниц? Неужели она не видит кто рядом с ней? Или она вправду влюблена в этого клетчатого жокея?"

- Я должен с ней говорить, - неожиданно произнес он вслух. Папироса успела потухнуть.

Роман бросил ее в пепельницу, встал с кровати и подошел к окну. Оно было раскрыто, длинные лучи вечернего солнца ползли по еле колышущимся занавескам. Озаренный этими красноватыми лучами сад казался зловещим. Что-то угрожающее было в переплетении темных ветвей, кое-где тронутых алой кровью заката. Да и земля, раскинувшаяся за садом пахаными и непахаными полями тоже выглядела сумрачно и отчужденно. Виднеющийся за полями лес багровел, слившись с алыми слоистыми облаками, в которых плавился оранжевый солнечный диск.

Оперевшись руками о подоконник, Роман долго вглядывался в необычный пейзаж и чувство тревоги постепенно овладело им. Он всегда остро чувствовал связь с родной природой, а иногда и вовсе - ощущал себя частью этих полей и лесов, переживая в душе все их перемены. Теперь же этот неестественно красный закат еще больше встревожил и без того возбужденную душу Романа.

Стоявшая кругом тишина усиливала впечатление.

"Кровь..." - подумал Роман и прошептал, - Кровь.

Он вдруг явственно представил себе худые руки Христа, пригвожденные к кресту и содрогнулся от привычного, сотни раз испытанного переживания. Оно проснулось в нем в юношеском возрасте, когда история Иисуса Назарянина перестала быть простой книжной историей и вошла в юную душу Романа огненным стержнем веры. И, как часто бывает в юности, он уверовал сразу, уверовал бесповоротно и

сильно, обретя на всю жизнь тот прочный некольшимый фундамент, позволяющий по-настоящему верующим людям жить без страха и упрека. Именно так и жил Роман. Вера дала ему некое новое небо - огромное и бесконечное, на фоне которого проплывали облаками различной конфигурации все душевные порывы Романа; здесь были любовь и ненависть, радость и надежда, грусть и печаль, горе, и наконец, сомнения. Здесь было все, но ничто из всего этого не могло уже затуманить ту беспредельную синеву, раскинувшуюся в душе Романа от края и до края...

Роман любил Христа как Бога, но как человека он п е р е ж и - в а л Его. Это было сложное невыразимое чувство, целиком охватывающее Романа и заставляющее его отождествляться с Иисусом, ощущая все движения Иисусовой души. Роман все пропускал через свою душу - Нагорную проповедь, исцеление прокаженного, моление о Чаше. Во всех случаях душа его трепетала радостью, и он явственно понимал, что такое б ы т ь в Д у х е.

И только слова "распят же за ны при Понтийстем Пилате" давали волю боли и отчаянью. Роман понимал, что распятие - поистине самая страшная казнь для человека: подвешенный между небом и землей, оторванный от людей и от Бога, он умирает, чувствуя страшное сиротство и физические страдания. Только смерть способна избавить его от мук. И все существо Романа содрогалось, чувствуя, как широкие четырехгранные гвозди намертво входят в его ладони...

Остаток вечера Роман провел у себя в комнате, куря и прохаживаясь по скрипучему полу. Солнце зашло, миновали голубоватые весенние сумерки, из окна потянуло холодом, наступила пасхальная ночь.

Роман почувствовал, что озяб, сунул папиросу в переполненную окурками пепельницу и, подойдя к окну, стал закрывать его. В этот момент, старый сорокапудовый колокол крутойровской колокольни протяжным басом возвестил на всю округу, что пора идти к заутрени. Вслед за этим внизу послышались женские голоса. Роман принялся собираться. Переменив рубашку, он облачился во все тот же серый костюм с жилеткой, повязал сдержанного голубого тона галстук и спустился вниз.

Там в прихожей Лидия Константиновна и кухарка Аксиныя громко помогали Антону Петровичу влезть в синее осеннее пальто, а он, кряхтя, и двигаясь своим грузным телом, наподобие тюленя, бормотал ругательства в адрес далекого портного, подложившего по его мнению слишком много ваты в подстежку рукавов.

- Чтоб тебя собаки сожрали... чтоб тебе... ни дна, ни покрыва... - бормотал Антон Петрович.

- Антоша! Антоша! - укоризненно качала головой Лидия Константиновна, - Перестань, пожалуйста.....

Наконец пальто было надето и Аксиныя принялась старой платяной

щеткой чистить спину Антону Петровичу, а он, повернувшись к Роману, нравоучительно поднял вверх свой толстый палец:

- Вот, сударь, вы мой, что бывает, когда доверишься мошеннику!

- Полноте, Антоша. Ну какой он мошенник? - качнула головой тетушка, поправляя выбившееся кашне. Она была уже одета в свое легкое бежевое весеннее пальто, подчеркивающее ее прекрасно сохранившуюся фигуру.

- Мошенник, истинно мошенник... - не унимался Антон Петрович, застегивая пуговицы и берясь за свою неизменную черешневую палку. Аксинья, открыв картонную коробку, достала шляпку с вуалью и подала Лидии Константиновне.

Роман надел пальто, шляпу и вскоре уже шел рядом с четой Воспенниковых, вдыхая сырой ночной воздух, вслушиваясь в размеренные удары колокола. Дорога к церкви пролегла сквозь дубовую аллею, затем тянулась вдоль речки и по деревне. Можно было идти коротким путем - через школу и дом Рукавитинова, но такой путь показался Антону Петровичу не по-праздничному поспешным. Лидия Константиновна была солидарна с ним.

Шли молча. Только поотставшая Аксинья вздыхала, изредка бормоча "Господи, Твоя воля".

Когда шли по берегу, Роман залюбовался бледным месяцем, чисто и спокойно отражающимся в черной воде. Ему подумалось, что звон идет от этого неяркого серпа, повисшего над сумрачной зеленью.

На деревне было оживленно.

Мужики, бабы, ребятишки - по праздничному одетые все шли к церкви, галдя и переговариваясь. Завидя чету Воспенниковых и Романа, мужики, снимая картузы, кланялись, а бабы громко здоровались в темноте, склоняя свои аккуратные, повязанные новыми белыми платками головы. Возле церкви разговоры смолкали, все дружно крестились и тихо входили. Только совсем маленькие ребятишки бродили возле, смеясь и озорничая.

Прежде чем войти, Роман оглядел церковь.

Это было незатейливое каменное строение, сложенное почти полвека назад и стоявшее прочно, на радость крутояровцам. Вокруг храма не было ни ограды, ни кладбища, лишь два гранитных креста торчали из земли почти возле самых зарешеченных окон. Под ними покоились отец Владимир и отец Ювеналий - священники, ранее содержащие Крутояровский приход. Отец Владимир умер молодым сорок два года тому назад и помнился только местным старожилам, отца Ювеналия Роман смутно помнил, - этот тихий, любящий уединение человек умер когда Роману было шесть лет.

Оба купола - и придела и колокольни - были в весьма плачевном состоянии, что замечалось и в сумерки. Но стены храма, выступы и перекрытия светились белизною,- в прошлом году его основательно

побелили. Колокол, ухавший над самой головой, смолк, послышалось слабое кряхтение старого звонаря Григория, спускающегося вниз по узкой винтовой лестнице.

- Всегда опаздываем, - пробормотали тетушка и первой вошла в раскрытую настежь дверь храма.

Роман вошел следом и, вдохнув до боли родной запах ладана и горячего воска, улыбнулся радостной, почти детской улыбкой.

Церковь была полна народа. Сотни свеч озаряли её.

Справа, как обычно, стояло мужское население Крутого Яра старики, мужики и молодые - все одетые по-праздничному, в новых пиджаках и кафтанах. Слева расположились бабы с детьми, старухи и молодые девки. Эта половина пестрела плисовыми поддевками, плюшевыми фуфайками и разноцветьем юбок и платков.

Было празднично, светло, тепло, слышался тонкий голос дьяка, уже кончающего читать "Деяния святых апостолов".

Купив свечку и пропустив вперед тетушку с дядей Антоном, Роман двинулся за ними по узкому, еле различимому проходу и, по мере того, как они пробирались вперед, все поворачивались и смотрели на них. Впереди на аналое дьяк, облаченный в серебристый стихарь, читал "деяния", вокруг него полукругом стояли первые ряды.

Дядюшка с тетей встали справа, поближе к алтарю, Роман по своему обыкновению прошел налево и встал у самой стены, между иконами святых Пантелеймона и Варвары.

Дьяк читал плохо, неразборчиво, глотая слова, но это нисколько не печалило Романа, он с радостным праздничным чувством стоял, держа в скрещенных на животе руках шляпу и скользил глазами по всему, что его окружало. Напротив, по ту сторону аналая, рядом с Антоном Петровичем и Лидией Константиновной стояли Петр Игнатьевич и Надежда Георгиевна Красновские. Ни Зои, ни Воеводина с ними не было. Зато большой группой теснились многочисленные родственники и знакомые о. Агафона и Варвары Михайловны, стоявшей в их окружении.

"Зои нет", - подумал Роман и тоска опять наполнила его сердце, - "Значит она и в церковь уже не ходит... Да, впрочем, не в этом дело. Ведь это личное, тайное... Но где же она? С этим Воеводиным? Как это глупо..."

Он бессознательно, но искренне надеялся, что она непременно будет в церкви и его праздничное настроение отчасти было и из-за этого. Он видел в этом последнюю надежду, ибо это была их церковь, в которую они почти всегда ходили вместе...

Дьяк читал, а Роман все более и более погружался в свою печаль, равнодушным взглядом скользя по лицам. Все улыбались ему и Петр Игнатьевич, и Надежда Георгиевна, и какая-то дальняя родственница отца Агафона, но он уже не различал этих улыбок.

"Как все зыбко и обманчиво в этом мире человеческих чувств", - думал он, - "В нем не на что опереться, не в чем увериться так, чтобы потом не обмануться. Любые клятвы в любви и верности, любые обещания совместного счастья могут быть нарушены, преданы, забыты. Да и что такое любовь? Влечение сердца? Страсть? Желание совместной жизни? А может просто сиюминутное удовлетворение своего эго,¹ требующего сердца другого человека, как дитя требует игрушки? Требуется. А после, наигравшись вдоволь, ломает ее и бросает... И это называется любовью. Но, с другой стороны, есть которые любят всю жизнь одного и не бросают. Но может тогда это уже не любовь вовсе, а привычка, или привязанность, что-то наподобие близости родственников? Зачем же называть это любовью? Как глупо читать в романах: "Они любили друг друга все эти сорок лет". Как это пошло..."

Роман рассеянно смотрел на дьяка, на его острую бородку, впалые щеки и сухие смуглые руки,двигающие линейку по строкам старой толстой библии, на серебряные кресты его стихаря, на огни двух витых свечей, стоявших в высоких подсвечниках по углам аналая и колеблющихся от невыразительного, торопливого голоса.

"Но стоит ли винить ее? Видно так уж устроено сердце человека - оно хочет перемен. Трудно видеть одно и то же лицо перед собою и бесконечно слушать одни и те же уверения в любви. Рано или поздно это становится похоже на дьяка, монотонно читающего о благих деяниях апостолов. Он читает о чудесном, но кого тронет этот жалкий фальцет?"

Вышел отец Агафон в золотой ризе с дымящимся кадилом и с крестом в руке, хор на клиросе запел "Воскресение Твое, Христе Спасе..."

Народ в церкви зашевелился, все принялись зажигать свечки, началась пасхальная заутреня. Всеобщее оживление вывело Романа из забытья, он вспомнил, где он и, протянув руку, зажег свою тонкую красную свечку от голубого огонька лампады, висящей перед иконой святой великомученицы Варвары .

В этот момент тонкая женская рука с такой же свечкой слева приблизилась к лампадке и замерла в ожидании.

Роман отвел свою свечу с затеплившимся фитилем и, невольно повернув голову, глянул налево. Там стояла девушка лет восемнадцати в глухом темно-зеленом платье и такого же цвета шляпке, вуаль на которой была откинута наверх, открывая девичье лицо, светящееся той вдохновенной радостью праздника, которая посещает человека только в эти годы. Это лицо не было красивым, но очень милым и доверчивым, с мягкими правильными чертами. Радость, написанная на лице девушки, как и красота ее, тоже была не яркой, а тихой и глубокой, она вся словно светилась этой радостью, этим чистым и спокойным светом.

Затепливши свечку, девушка стала смотреть пред собой своими радостными зелеными глазами, ее полуоткрытые губы казалось шептали слова молитв. Она была настолько зачарована происходящим, что,

казалось, ничего не видела. Это ослепление юной души тотчас поразило Романа, живо напомнив его собственные восторги десятилетней давности, в зачарованном лице девушки он увидел себя. И, устыдившись своей недавней печали, тоски, он впервые за всю заутреню улыбнулся.

А вокруг уже пели "Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ", отец Агафон ходил по церкви с кадилом и громко сообщал радостно расступающемуся народу чудесную весть: - Христос Воскресе!

И народ - мужики, бабы, Антон Петрович, супруги Красновские, девушка с зелеными глазами, - все отвечали радостно: - Воистину Воскресе!

Это радостное, искреннее, почти детское согласие этих разных по уму и по положению людей захватило Романа с прежней, хорошо знакомой в юные годы силою, и вместе со всеми он радостно отвечал:

- Воистину воскрес!

С каждым новым ответом светлый дух праздника все глубже и глубже входил в него, напрочь вытесняя все дурное, ненужное, мешающее, так, что к концу службы Роман был совсем уж другим. Все неприятные, нагоняющие тоску мысли покинули его, уступив место чистому и воодушевленному состоянию...

Выйдя из храма, полной грудью вдохнул он прохладный ночной воздух.

- Христос воскрес, Роман Лексеич! - раздался рядом знакомый глуховатый голос.

Роман обернулся.

Перед ним стоял Парамоша Дуролом. В темноте его лицо казалось молодым и благообразным.

- Воистину воскрес, - ответил Роман и, приблизившись, трижды поцеловался с Парамоном.

Почувствовав, что Дуролом кладет ему в руку прохладное крашеное яйцо, Роман безотчетным движением достал бумажник, вынул пять рублей, отдал Дуролому и пошел прочь.

Расправля бумажку на грязной ладони, Дуролом поднес ее к лицу, вздрогнул и размашисто перекрестившись, стал истоиво кланяться вслед Роману, бормоча:

- Спаси Христос, Спаси Христос...

А Роман быстро шел в темноте, не разбирая дороги, поглядывая на звезды, и улыбаясь ночному миру, только что встретившему Светло-Христово Воскресение.

VIII.

Главным событием первого дня Пасхи, как и всегда, был праздничный обед у отца Агафона.

Роман слегка опоздал и вошел в просторную столовую, являющуюся в то же время и гостиной, когда человек тридцать уже сидели за огромным дубовым столом. Отец Агафон, только что отслуживший вторую обедню, сидел во главе стола в лиловой праздничной рясе, красиво оттеняющей его белые волосы и бороду. Заметив вошедшего Романа, он приподнялся и, умилительно качая головой, направился к Роману.

Роман подошел к о. Агафону и, проговорив "Христос воскрес", трижды поцеловался с ним, вдохнув запах ладана, одеколона и лимонной водки. Обняв Романа за локоть и, не переставая умилительно повторять: "воистину воскресе, голубчик, воистину воскресе", о. Агафон повел Романа к своему концу стола.

- Вот сюда, Ромушка, вот сюда, с нами рядышком, - зачастила сидящая также во главе стола Варвара Михайловна.

Роман поклонился обедающим и сел между попадьей и Надеждой Георгиевной Красновской, с которой он уже успел похристосоваться раньше. За Надеждой Георгиевной сидели жующий и улыбающийся Роману Петр Игнатьич, Зоя, выглядящая несколько усталой и отстраненной, Воеводин, делающий себе бутерброд с черной икрой, Рукавитинов и многочисленные родственники Огурцовых.

Напротив Романа в ряду по правую руку от о. Агафона располагались Лидия Константиновна, Антон Петрович и... та самая девушка, привлекавшая в церкви внимание Романа. Она сидела рядом с седовласым мужчиной, по всей видимости - отцом, имевшим вид сумрачный и строгий. За ним начиналась череда родственников батюшки и попады, занимавших противоположный конец стола и оживленно беседующих между собой. Роман не успел еще опустить взгляд на стол, как массивная белая длань, могущая принадлежать только одному человеку, властно протянувшись, наполнила хрустальную рюмку, стоящую перед Романом, золотистой лимонной водкой.

- И не спорь, брат! - пробасил Антон Петрович, наливая о. Агафону и себе, - Наливочками пусть дамы балуются.

И действительно, почти у всех дам в рюмках светилась рубиновая вишневка. Отец Агафон приподнялся с рюмкою в руке, обвел собравшихся взглядом ласковых, слезящихся от водки и умиления глаз:

- Дорогие братья и дети мои во Христе. Коли уж первый раз изволили мы пить в честь великого праздника, так позвольте теперь провозгласить здравицу за всех нас, ныне собравшихся, за скромных, но

достойных сынов и дочерей, исповедующих веру, надежду и любовь!

- Bravo! - качнул головой Антон Петрович и первый стал с трудом приподнимать со стула свое грузное тело.

Все встали и, оживленно выражая благодарность о. Агафону, стали чокаяться и пить. Роман выпил залпом холодную, приятно отдающую лимоном водку, успев заметить, что Зоя пригубила вишневку, со все тем же отрешенным выражением держа рюмку перед собой, в то время как соседи тянулись к ней чокаяться, а Воеводин так просто непрерывно терся своей рюмкою о ее.

Опустившись на стул, Роман поставил пустую рюмку и обвел глазами стол, раскинувшийся перед ним во всем своем великолепии. Каких только закусок не было здесь! Красная семга и нежно-розовая осетрина, паюсная икра и копченый окорок, заливной судак и фаршированная щука, соленые помидоры, рыжики, грузди, белые грибы, моченые яблоки, квашеная с клюквою капуста, - все это теснилось на тарелках, блюдах, одно к другому, образуя причудливый ландшафт, посреди которого то тут, то там высились разноцветными хрустальными башнями графины с водками, настойками, винами и наливками.

И, как всегда, с легкой руки Варвары Михайловны и ее трех неизменных кухарок, вместо хлеба подавались пироги с капустой, луком, грибами, вязигой и картошкой.

Подцепив на вилку соленую шляпку белого гриба, Роман отправил ее в рот и потянулся к семге, но, сидящий напротив Антон Петрович нравоучительно поднял палец:

- Не тем интересуетесь, юноша. Всему свое время...

И этим же пальцем указал на небольшую посудину, где лежали в густом томатном соусе тушеные раковые шейки.

- Роман Алексеевич, вы что-то совсем ничего не едите, прямо как индус. Позвольте-ка! - проговорила Надежда Георгиевна и проворно положила в его тарелку кусок заливного судака.

- Ромушка, голубок, ну-ка наших грибков-то гладеньких, - запримечала справа Варвара Михайловна, накладывая ему грибов деревянной расписной ложкой.

- Окорочек, окорочек, Рома, - бормотал о. Агафон, снова наполняя рюмки. Роман улыбнулся. За ним опять все ухаживали словно за мальчиком, как много лет назад. Его тарелка нагружалась незатейливыми, но любовно приготовленными, а поэтому и вкусными закусками; рюмка, казалось, сама собой наполнялась желтой жидкостью, нежные раковые шейки, пропитанные томатным соусом, таяли во рту.

Третий тост провозгласил Антон Петрович за хозяйку дома, назвав ее, как и всегда, "славную Ксантиппой" и, как всегда, слезы покатались из добрых глаз Варвары Михайловны, когда десятки рюмок поднялись в ее честь.

Четвертую пили за дам, и приподнявшись с места, как и положено

джентльменам, Роман снова взглянул на Зою. Она, казалось, почувствовала его взгляд и, слегка повернувшись, посмотрела на него. Ее лицо было не то чтобы грустным, а каким-то равнодушно-усталым, будто она выполняла скучную и ненужную работу, или разуверилась в чем-то близком и некогда дорогом.

Воеводин непрестанно что-то тараторил ей на ухо, усиленно предлагая вино и закуски. От выпитой водки его округлое лицо покраснелось, а движения сделались суетливыми и смешными.

"Странно видеть их вместе", - думал Роман - "Зоя с ее острым светлым умом, горячим сердцем, свободолюбивой душой - и этот пухлощекий жокей".

Выпивая и закусывая вместе со всеми, он думал о Зое, о Воеводине, о себе, о прошлом, но уже без надрыва, а как-то спокойно и рассудительно, словно разглядывая всю эту ситуацию со стороны, а не участвуя в ней. Что-то произошло за эти сутки в его душе; словно впущенный в нее яд потерял свою силу, перестал действовать. Он видел выразительный Зоин профиль, видел, как заискивающе наклоняется к ней Воеводин и это уже не будоражило его, как день тому назад.

Теперь ему было просто жалко ее, он понимал, он чувствовал всем своим существом, что она не любит Воевотина и при этой мысли ему уже не больно было сознавать, что она не любит и его самого. А вокруг уже пили просто так - без тостов; застольный разговор висел над простыми огурцовскими яствами густым облаком, в нем было трудно разобраться, в него надо было просто нырять, как в омут:

- Отец Агафон, что же это дьячок ваш, будто ногу подволакивает?

- А он, спаси его Христос, на Крещение напился, пошел с бабами танцевать, да ногу подвинул...

- Прянишников, батенька вы мой, пел с пятилетнего возраста. Мне доподлинно известно от его покойной тетки, что сидючи pardon, в спальне на горшке, он выводил такие glissando, что нянька стояла и слушала, открыв рот...

- Тройную-то ушицу, матушка, сварить все одно, что три акафиста прочесть: сперва ершей да окуней в марлице вываришь до крошева, потом в этой же всдице судака, пока не развалится, а потом уж и осетринку белую варишь с перчиком, да с петрушкой, да с лучком невторопях...

- Ксения гостила у нас прошлым летом и, представьте себе, не то чтобы искупаться, - к воде ни разу не подошла. Оказывается, она страшно боится пиявок...

- Да как же мне не знать Евдокию Тимофеевну, если ее дядя, ныне протоиерей Тихон, меня собственноручно, можно сказать, крестил. Прохор Витальевич был крестным отцом, а тетушка восприемницей.

Между тем три кухарки, исполняющие в этом хлебосольном доме заодно и роль прислуги, подали стерляжью уху с расстегаями. Это вызвало новые здравницы в честь хозяйки, все чокались с нею; Антон

Петрович с серьезным видом принялся доказывать, что именно стерляжью уху имел в виду Крылов, когда писал "Демьянову уху". Петр Игнатьевич принялся возражать ему, толкуя о двойном, а может и тройном содержании ухи, которой Демьян потчевал своего друга...

Роман с аппетитом ел прекрасную, переливающуюся блестками уху с теплым расстегаем. От выпитой водки ему вдруг стало легко и хорошо на душе, он вновь почувствовал искреннюю любовь ко всем этим простым добрым людям, и эта любовь, граничащая с умилением, вытеснила не только тревожные, но даже ироничные помыслы. Он смотрел на Зою, на Воеводина и искренне желал им счастья; он любил Надежду Георгиевну, Антона Петровича и, улыбаясь, пил за их здоровье; он любил всех родственников и приживалов о. Агафона, он любил эту безымянную девушку с ее седовласым, немногословным отцом...

Подали жареного поросенка, а к нему - свекольный, морковный и яблочный хрен, Красноовский заставил дьяка пропеть "Еже радуйся..."; Антон Петрович по обыкновению громко вспомнил что-то из оперы Рубинштейна "Нерон", какие-то "пиршеств пышные веселья"; отец Агафон целовал руку Надежде Георгиевне, слезно моля смилостивиться над грешными селянами и остаться до яблочного Спаса, дабы откушать новой прививочки имеющей вкус "прямо на удивление исключительный". Воеводин, принявший за чистую монету каверзный совет Зои "положить ей непременно поросячьего пяточка", и в самом деле стал отрезать пяточок от поросячьего носа что вызвало громкий хохот гостей и Зоино хлопанье в ладоши...

Вдруг посреди всеобщего веселья отец той самой, пока еще безымянной, но уже памятной для Романа девушки, приподнялся со своего места с рюмкой водки и, дождавшись тишины, произнес глуховатым низким голосом:

- За здоровье наших детей.

Роман удивился этой серьезной фразе, казалось столь неуместной среди захмелевших, смеющихся людей, произнесенной с глубокомысленной, почти грустной интонацией. Да вроде и не очень уместно было в доме бездетного о. Агафона произносить такую здравицу. Тем более здесь и Антон Петрович с Лидией Константиновной тоже бездетная пара, да и Рукавитинов...

Веселье сразу поутихло, но все дружно подняли рюмки и бокалы. Роман поднял свою и, отпив анисовой, успел заметить, что тост седовласого молчуна заставил всех как-то подобраться и пить, что называется, по-серьезному: Антон Петрович перестал смеяться и, многозначительно выдохнув, выпил, предварительно показав глазами, что пьет за Романа, Лидия Константиновна тоже смотрела на Романа; смотрела и, мгновенно прослезившаяся, Варвара Михайловна, а отец Агафон так просто прошептал:

- За тебя, Ромушка....

Красновские чокнулись с Зоей, Рукавитинов поднял рюмку, странно глядя поверх голов, по всей видимости в душе пия за науку; со стороны же родственников хозяев поплыл дружный малиновый перезвон, дающий понять, что потомством они не обижены.

Посреди всего этого виновник тоста вел себя несколько странно: явно не торопясь пить, с неподвижным и глубокомысленным, словно мраморным лицом, он стоял, некоторое время глядя в полураскрытое окно и не замечая никого...

Потом словно опомнившись, повернулся к своей дочери, лицо которой после тоста стало удивительно мягким, печальным и покорно-прекрасным, коснулся своею рюмкою ее бокала и медленно, стоя выпил. С этого мгновенья Роман не спускал глаз с необычной пары - и отец, и дочь заинтересовали его, тем более, что в предобеденной суматохе их никто не познакомил. Теперь же Роман стеснялся справиться о незнакомцах и лишь наблюдал за ними.

Праздничный обед, тем временем, плавно катился под гору: полные краснощекие кухарки подали трехведерный самовар, завалив стол сладкими пирогами, плюшками, ватрушками, печеньями, вареньем всевозможных сортов в разнокалиберных вазочках и розетках, лафитники и графинчики с ликерами, хересом и мадерой - все сверкало, искрилось, светилось оттенками в лучах вечернего солнца наподобие сказочного хрустального городка.

Уже было много и выпито и съедено, уже отец Агафон целовался с дьяконом, повторяя слезно "будешь мя отпевати, отец благочтивый", а попадьё уговаривала родню "навекы поселиться в их доме", уже хлещущий из самоварного носика кипяток норовил угодить мимо чашек, а пироги и ватрушки с мягким проворством исчезали под столом; уже возникла в окне наподобие лешего ликующая физиономия хмельного Парамоши Дуролома, заставившего забросать его плюшками, уже, наконец, привставший Антон Петрович картинно выхватил из кармана карточную колоду, требовательно объявив, что "пора, наконец, и по бубендрасам!" В пылу веселья незаметно исчезли Зоя с Воеводиным, Рукавитинов и те самые девушка с отцом.

Роман почувствовал, что ему тоже пора. Раскланявшись с хозяевами, он пробрался в прихожую, накинул пальто, взял шляпу и вышел. Время праздничного дня пролетело незаметно, - солнце не так давно зашло и сиреневые сумерки легли на Крутой Яр.

Распахнув пальто, Роман пошел по дороге, с наслаждением подставляя лицо и грудь вечерней прохладе.

"За такими пирушками время летит так быстро", - думал он, неторопливо идя вдоль плетня, огораживающего большой сад и пасеку отца Агафона, - "А главное легко и просто забываешь кто ты. Да. Веселье сближает людей и освобождает от тревог. А для русского человека оно кажется просто панацеей от многих бед. От одиночества, от замкнутости,

от бедности, наконец. А все-таки, какие милые люди..."

За плетнем показались кусты ивняка, сквозь голые ветки которых засветилась белая речка. По узкой тропке Роман стал спускаться к ней. От речки еще больше тянуло прохладой. Спустившись к самой воде, он остановился, с удовольствием разглядывая деревянные мостки, полузатопленный кустарник и избы на том берегу, тронутые еле заметным туманом. "Гляжу на снег прилежными глазами", - вспомнил он Пушкина и с улыбкой произнес:

- Гляжу на воду я прилежными глазами.

Вдруг сзади его тихо окликнули по имени. Роман обернулся.

Возле старой, согнувшейся до земли ивы стояла Зоя.

- Ты? - проговорил он удивленно и подошел ближе.

- Да я, - с грустной или просто усталой усмешкой ответила она, положив руки в бежевых перчатках на ствол.

- Почему ты здесь? - спросил Роман, смотря в ее смуглое красивое лицо.

- Хотела повидаться с тобой.

- Но... я же шел домой.

- Я была уверена, что ты спустишься сюда.

- Вот как.. Где же твой друг?

- Воеводин? Спит, - проговорила она, - Совсем, оказывается, не умеет пить.

- Ну... это не самый страшный грех, - произнес Роман.

Некоторое время они стояли молча, Зоя смотрела на свои руки, бессмысленно перебирая ими по ивовой коре. Роман смотрел на нее, в душе удивляясь и радуясь своему спокойствию.

- Послушай... - с трудом произнесла она, - Ты и вправду думаешь, что я такая скверная?

- Скверная? Отчего же ты - скверная?

- Как отчего... оттого, что я теперь не с тобой, а с этим человеком.

- Зоя, полноте. Ты свободная девушка, так что вольна в своих желаниях и в своем выборе...

- Ах, перестань, ради Бога! - перебила она его в резкой, одной только ей свойственной манере.

Она подошла к нему ближе и взяла его за отвороты пальто:

- Роман... Роман, я так страдала эти годы, так много думала о тебе...

- И поэтому ни разу не написала.

- Да нет.. нет же... - она вздохнула, не находя слов, - Я... понимаешь.

Что-то произошло во мне. Я не могла тебе писать тогда, сразу. Слишком тяжело мы расстались. А после мне что-то мешало, постоянно что-то мешало, будто между нами возвели какую-то стену... Но я каждый день думала о тебе... А потом, потом...

Она смолкла.

В ее глазах показались слезы.

Роман взял ее маленькие, стянутые перчатками руки в свои.

- Почему ты ни разу не приехал к нам?

- Я не мог, Зоя.

- Почему?

- Потому что я тоже чувствовал ту самую стену, о которой ты говорила.

- Правда?

- Правда.

Она снова замолчала.

Потом, высвободив руки, подошла к самой кромке реки, устремив вдоль взгляд черных блестящих от слез глаз:

- Как все глупо.

Роман молчал.

Удивляющее спокойствие не покидало его.

Глядя на стоящую к нему в профиль Зою, он вдруг понял, что в глубине души равнодушен к ней. Это было настолько просто, что он улыбнулся.

Она, словно почувствовав его улыбку, повернула голову:

- Ты смеешься? Надо мной?

- Над собой, - проговорил он, не переставая улыбаться.

Она подошла к нему.

- Рома. Скажи, ты меня.. совсем уже не любишь?

Он помолчал и, прямо и спокойно глядя ей в глаза, произнес:

- Ты сама все знаешь. Зачем спрашивать.

С нее словно сняли невидимые оковы. Вздохнув, она легким движением рук поправила свою маленькую шляпку и, сломив ивовый прутик, двинулась по тропинке, похлестывая себя по левой ладони.

Роман пошел следом.

Когда тропинка стала подниматься вверх, Зоя остановилась, повернулась к Роману. Они стояли возле старого замшелого колодца, похожего на заброшенный, давно покинутый птицами скворечник.

- Воеводин - мой жених, - проговорила Зоя со спокойным равнодушием, - Осенью я выхожу за него замуж и мы едем в Англию.

Роман молчал.

- Я знаю, ты осуждаешь меня. Считаешь дурной, сумасбродной... Но, понимаешь, мне так скучно...

- Скучно? - переспросил Роман, - тебе скучно? В это трудно поверить.

- Не то, чтобы скучно, - пожала плечами Зоя, - А как-то все опостытело, надоело. Родные, знакомые, ухажеры. Все глупо, однообразно .

- И любовь - тоже скучно? - неожиданно для себя спросил Роман.

- Любовь... - еле слышно произнесла она, - Ты знаешь, мне кажется, я просто не представляю что это такое. И никогда не узнаю... Но, ты

только не думай, тебя я любила, как могла. Да... странно, все это - детство, юность, Крутой Яр, наши с тобой встречи под липами - все это ушло куда-то в один миг и вот здесь, - она коснулась груди, - Только пустота и скука. Скука, скука...

Она смолкла, сцепив руки и подняв их ко рту.

Роман вглядывался в ее отрешенное лицо и постепенно понимал, что ей - Зое Красновской, той самой неутомимой, бесстрашной, сгорающей от интереса к миру, теперь действительно скучно. Он словно коснулся ее души и почувствовал ледяной холод. Это открытие заставило его оцепенеть. Зоя молчала, стоя неподвижно. Молчал и Роман. Сумерки сгущались, туман повис над рекой. От старого колодца пахло речным песком и прелыми досками.

Зоя первая нарушила тишину:

- Да. Не получилось у нас разговора.

Роман спросил:

- Почему ты решила уехать?

- Мне все здесь опротивело, надоело. Я, понимаешь ли, совсем недавно поняла, что я в душе - не русская. Не люблю я Россию.

- Не любишь?

- Не люблю. Какой-то серый мир. Пьяный, темный. И скучный. Мне так здесь скучно, Рома...

Она вздохнула и, вдруг быстро подойдя к нему, крепко взяла за руку, заговорив горячо и сбивчиво:

- Послушай, послушай... давай уедем, давай уедем вместе. Ты думаешь я люблю этого Воеводина? Да я к нему безразлична, понимаешь, безразлична! Если я и любила кого, так только тебя, Рома. А с ним... я решила, потому что все меня бросили, и ты бросил, не приехал, а он, он меня увозит отсюда, увозит, поэтому и согласие дала, только поэтому...

Глаза ее блестели в темноте.

Сжав руку Романа еще сильнее, она приблизилась к нему.

- Рома, прошу тебя, давай все забудем, возьми меня, уедем куда-нибудь, в Париж, в Англию, в Германию - куда угодно, только увези меня! Я все брошу, родных, Воеводина, все, только увези меня из этой грязи, серости, глупости, увези... понимаешь я...

Она замолчала и выдохнула:

- Я жить хочу. А тут я, как мертвая.

Роман молчал. Сердце его тяжело билось.

С трудом разжав губы, он проговорил:

- Я люблю Россию.

Минуто она смотрела ему в глаза, потом, отпустив его руку, шагнула в сторону. Ее лицо в темноте казалось гипсовым слепком.

- Прощай, - шепнули ее губы.

Повернувшись, она пошла вдоль берега и вскоре скрылась в темноте, среди ивовых кустов. Роман долго стоял, вслушиваясь в звуки

ее удаляющихся шагов, словно наблюдая за угасающим пламенем сгоревшей до конца свечи.

Огонь их любви, три года назад горевший ярко и сильно, потух навсегда.

IX.

Простившись с Зоей, Роман выкурил папиросу на берегу все той же безымянной крутояровской речки, бросил окурочек в воду и направился домой не слишком прямой дорогой.

Душе его было в эту ночь как-то легко и непривычно спокойно.

В темноте, мимо спящих изб, в которых спали нагулявшиеся хмельные крутояровцы, он шел со спокойствием местного призрака, дыша тьмой и тишиною. Невидимая неровная земля колебалась под ногами, звезды и тонкий месяц горели на безоблачном черно-синем небе. Дойдя до крайней избы, он свернул и двинулся через молодой березняк. Не успел он пройти двадцати шагов, как прямо впереди залаяла собака, а знакомый голос не слишком энергично осадил ее:

- Тубо, Динка.

Роман заметил темную фигуру и светлую собаку, переставшую лаять, но начавшую угрожающе рычать. И снова этот очень знакомый вяло-пренебрежительный, но и язвительно-резкий голос обратился к собаке:

- Тубо, дура. Это же шляпный человек.

Эта фраза заставила Романа сразу же признать в темной фигуре крутояровского фельдшера Андрея Викторовича Ключина.

Андрей Викторович, видно, тоже узнал Романа и приветствовал его первый:

- Если не ошибаюсь - Роман Алексеевич. Мое почтение.

- Здравствуйте, Андрей Викторович! - с радостью проговорил Роман, подходя и пожимая узкую несильную руку Ключина, - Христос Воскресе!

- Здравствуйте, здравствуйте, - усмехнулся Ключин, не отвечая на последнюю фразу Романа, - Давно слышан о вашем приезде, а встретиться довелось эвон где. Темно, хоть глаз коли...

- Да! - рассмеялся Роман, - Романтическая встреча. Вы уж простите меня, Андрей Викторович, что до сих пор не посетил вас.

- Пустое, - вяло махнул рукой Ключин, беря в зубы мундштук с горячей янтарным огоньком папиросой. Лицо его было трудно различимо в темноте и Роману показалось, что он совсем не изменился

за три года.

- Пошла вперед, - Ключин толкнул ногой обнюхивающую колени Романа собаку, и та послушно побежала прочь.

- Второй год твержу дуре - нельзя лаять на шляпных людей, лай на шапочных, картузовых, фуражковых. Нет, не доходит...

- Что же вы не были у отца Агафона? - спросил Роман и тут же пожалел, что спросил неподумавши: Ключин переступал порог дома священника только в качестве фельдшера.

- Во-первых, любезный Роман Алексеевич, меня туда никто не звал. Да и даже если б позвали - не пошел. Вы верно забыли в каких я отношениях с этими убогими Гаргантюа.

- Признаться, вспомнил только теперь.

- Вот, вот. Дядюшка ваш - забавный человек, тетушка мила. Рукавитинов - толковый малый, но педант, Красновские - фанфароны, а эти... - он презрительно махнул рукой, - Тюфяки с соломой.

- Ну, вы их строго судите. Они милые, простые люди...

- Вы только что от них?

- Да.

- А... - опять махнул рукой Ключин. - Ну да Бог с ними. Пойдемте-ка, коли мы уж встретились, ко мне, да потолкуем. Выпьем моей фельдшерской настойки, а вы чего-нибудь расскажете.

- Что ж, пойдете, - согласился Роман.

Ключин взял его под руку и они пошли в темноте.

Березняк кончился, впереди разверзся дышащий холодом овраг с силуэтами лепившихся по краям ледников, но Ключин с уверенностью слепого повел Романа вниз по невидимой тропке.

Динка бежала где-то рядом, шурша прошлогодней травой.

- Вот они, наши прорехи да расселины, - все тем же вялым голосом говорил Ключин, поддерживая оступающего Романа, - Поселившиеся на овраге люди! Да, еще на каком овраге-то - на крутом! И живем себе. Даже вот гости наведываются. Из столицы.

- Ну, к вам-то, положим, не только из столицы, а из каждой избы наведываются...

- Верно, верно, друг мой. Каждый смерд ползет ко мне за эликсиром бессмертия. Дескать, дай мне, эскулап, хоть каплю, чтобы прожить еще один день в грязи и вони...

- Вы, Андрей Викторович, совсем сегодня не по-праздничному настроены.

- Аааа. Это их праздник.

- Господь с вами. Это праздник всех.

- Это их праздник. Но не мой, да и не ваш.

- Отчего вы так думаете?

- Оттого, что мой праздник - это покой ума, а ваш - покой сердца.

Вот, что нас по-настоящему радует.

- Неправда. Меня радует и беспокойство сердца.
- Полноте. Что такое беспокойство? Ну-ка, вдумайтесь. Это же - без покоя. А без покоя-это мука, страдание. Так что не называйте черное белым. Ну-ка, дайте руку.

Они стали выбираться из оврага по кругому склону.

Клюгин шел первым, вытягивая Романа за руку.

Наконец они оказались наверху.

Выплывший из-за туч месяц слабо освещал вездесущие кусты ивняка, темные избы, оставшиеся справа, и громоздкий черный силуэт дома, стоящего прямо на краю оврага.

Это был дом Клюгина.

Романа всегда удивляло это строение, готовящееся вот-вот свалиться вниз.

Теперь же, ночью, оно виделось угрюмым и неприветливым. Непонятно кем и когда построенное, оно являло собой полное отсутствие каких-либо стиглевых архитектурных признаков, позволяющих отнести его либо к казенному помещению, либо к жилому дому, и по сути своей оставалось чем-то средним. Одну половину дома занимала лекарская, в другой жил непосредственно сам лекарь. Никогда под этими окнами не росли ни цветы, ни смородина. Клюгин не держал ни сада, ни огорода, ни тем более, скотного двора, покупая все продукты у населения. Даже необходимой фельдшеру лошади и то не было у него, поэтому вытащить его в другую деревню было делом невероятной трудности.

Когда же по казенным надобностям он собирался в город, то обычно нанимал Акима в качестве возницы.

- Прошу, - равнодушно пробормотал Клюгин, кивнув головой в сторону своего дома и они двинулись по еле приметной тропинке. Динка бежала впереди. Подойдя к небольшому крыльцу, Андрей Викторович достал из кармана ключ, поднялся по расшатанным ступенькам, отпер дверь и пропустив вперед собаку, прошел сам.

Роман осторожно последовал за ним. В тесном, пахнущим тряпьем коридоре, Клюгин зажег спичку и, не раздеваясь, затеплил большую керосиновую лампу, стоящую возле вешалки на табурете .

- Разоблачайтесь, - предложил он и Роман, сняв пальто, кашне и шляпу, пристроил их на небольшой деревянной вешалке местного производства. Клюгин, также раздевшись, подхватил лампу и открыл дверь в гостинную, куда тут же проскользнула Динка.

- Пойдемте, - пробормотал Клюгин, входя первым, - Проходите, садитесь.

Роман вошел, оглядывая скупое освещенную гостинную, или вернее - комнату хозяина, ибо кроме кухни, "лекарской", других комнат в этом доме не было.

- Такс, - проговорил Клюгин, водружая лампу на стол, - Вот мы и дома. Динка, разбойница... Жрать хочешь? Сейчас, сейчас.. Сначала мы,

потом ты.

- Андрей Викторович, я только что от стола, так что прошу покорно не беспокоиться на мой счет, - поспешил предупредить хозяина Роман, расположившись в старом кресле.

- Ну, есть я, положим, и сам не желаю, а вот настойкой моей вас угощу. Уж не отказывайтесь.

- Спасибо, не откажусь..

Клюгин секунду-другую постоял, потирая над лампой свои длиннопалые руки, потом повернулся и прошел в дверь, ведущую на кухню. Собака прошмыгнула за ним. Пользуясь случаем, Роман принялся подробно осматривать помещение.

Комната была немаленькой, хотя и казалась с первого взгляда тесной из-за двух огромных одинаковых старых комодов, стоящих вдоль стен друг против друга и занимающих почти половину всего пространства. Также как и весь дом, эти громоздкие чудовища были на удивление безликими, хотя и хранили на своих дубовых боках следы добротной и грамотной работы.

Но более всего удивляла их одинаковость и те, никому неведомые обстоятельства, в результате которых эти близнецы оказались в доме Клюгина и поселились здесь навечно, немо и угрюмо созерцая друг друга.

Остальная мебель была, напротив, малозаметной: круглый стол, невзрачные стулья, этажерка с книгами, бюро и два кресла с прохудившимися сиденьями. Под потолком висела еще одна керосиновая лампа с картонным абажуром. В комнате было не очень чисто и пахло лекарствами. Клюгин вернулся с медным подносом в руках, поставил на стол. На подносе, посверкивал круглыми боками миниатюрный графинчик, похожий на колбу, и стояла тарелка с мочеными яблоками.

- Вот, - Клюгин поставил тарелку перед гостем, - Я Нюрку мою отпустил к своим яйца катать. Поэтому хозяйничаю сам...

Подойдя к правому из комодов, он открыл дверцу и достал две рюмки.

- Не был у вас почти три года, - заметил Роман, усаживаясь поудобней, - А вроде в вашей обстановке ничего не переменялось.

- И слава Богу. Терпеть не могу каких-либо перемен. У меня вот перед Рождеством Нюрка заболела, две недели у себя провалялась на печи, а я другую бабу нанял. Так, вообразите, это просто кошмар, да и только - все, все по-новому. И рожа новая, и ухватки, и привычки. И щи у ней по-другому пахнут.. Нет, перемены Роман Алексеевич, не в моем вкусе.

Расставив рюмки, Клюгин сел напротив Романа, вытянул из графина притертую стеклянную пробку и стал аккуратно разливать почти прозрачную жидкость.

Роман в это время рассматривал его.

Андрей Викторович Клюгин был человеком необычной

наружности. В свои сорок четыре года он имел худую сутулую фигуру, чуть выше среднего роста; худые руки его были длинны, костисты и придавали телу некое обезьяноподобие, особенно проявляющееся во время ходьбы. Но самым замечательным в облике Андрея Викторовича была его большая голова с лысиной и массивным белым лбом, нависающим над лицом. Голова была столь крупной, что почти не имела шеи, по всей видимости постепенно вдавив ее в плечи. Казалось, что все тело Ключина худощавое только потому, что ему приходится нести эту солидную, блестящую лысиной голову, в которой заключено главное богатство Андрея Викторовича - его мозг.

И сейчас, когда Ключин разливал по рюмкам настойку, его выпуклый бледный лоб сосредоточенно навис над столом, заслоняя лицо своего хозяина. Лицо же Андрея Викторовича, в противоположность голове, было малозаметным, бледным, с густыми черными бровями, подплывшими влажными глазами, широким, как бы утиным, носом, маленьким подбородком и большим ртом, имевшим всегда презрительно-плаксивое выражение. Ключин и судьбу имел такую же странную, как и наружность. Двадцати пяти лет он, студент-медик Казанского университета, был арестован, якобы за участие в антиправительственном заговоре и после суда провел семь долгих лет в Сибири на соляных копях. Затем, поселившись где-то под Архангельском, лет десять фельдшерствовал в тамошних деревнях, даже по его словам женился, но прожив с женой год и семь месяцев, схоронил ее вместе с мертворожденной дочерью, взял расчет и после долгих мытарств и переездов с места на место, поселился в Кругом Яре.

Как правило, реальный статус деревенского врача гораздо выше его идеального статуса. В критических ситуациях лекарь ценится крестьянами гораздо дороже представителя власти, священника и, тем более, лесничего. Как люди непосредственно реальной жизни, крестьяне чрезвычайно внимательны к местному врачу, имеющему власть над их болезнями, а значит и телами, а следовательно, как это ни парадоксально, - и душами.

Они почтительны к священнику, послушны властям, но по отношению к "дохтуру" они - внимательны, в полном смысле этого слова, и это внимание, по своему покорству и искренности, зачастую гораздо сильнее уважения и послушания. К Ключину же крутояровцы были внимательны вдвойне: во-первых, потому что он был толковым врачом; во-вторых, потому, что он держался со всеми независимо, и, в-третьих, потому что он был приезжим человеком со странным поведением, странным образом жизни и странною судьбою.

Наполнив рюмки, Андрей Викторович опустил на сиденье небольшого стула, напротив Романа и сделал жест рукой, предлагая выпить:

- Прошу. Оцените мои химические изыскания.

Роман поднял рюмку и, кратко пожелав хозяину здравствовать, выпил одним глотком прозрачную жидкость.

Сначала ему показалось, что он выпил легкое вино, но прошло мгновение после глотка и он понял, что в графине - простая вода.

- Хе, хе, хе! - рассмеялся Клюгин своим негромким, словно стариковским смешком, - Ну что, оценили? Чистый продукт! Хе, хе хе.

Его рюмка тоже была пуста.

Роман от неожиданности растерялся, потом тоже рассмеялся:

- Ну... да вы просто хулиган...

- Хе, хе, хе!

- Ну, Андрей Викторович! Вот к чему приводит затворничество...

Надеюсь, это не слабительное?

- Хе, хе, хе! Чистая аш два о.

Клюгин довольно потирал свои длиннопалые белые руки:

- Ладно, не сердитесь. Я смерть как люблю шутки шутить... А графинчик этот нам пригодится.

Он встал, подошел к правому комоду, достал точно такой же круглый графин и две точно такие же рюмки.

- Теперь шутки в сторону. Я вам предлагаю питье титанов. Честно говоря, последние десять лет из алкоголя признаю только это. Spiritus vini. Прошу.

- Спирт?

- Чистейший. Почти стопроцентный.

- Помилуйте...

- Ну, ну, будьте мужчиной. Как выпьете, сразу запейте вот этим...

Он наполнил две пустые рюмки водой из другого графинчика.

Роман поднял рюмку и, опасаясь нового подвоха, взглянул на Клюгина. Но тот ловкими движениями фокусника одним духом опрокинул в свой большой рот обе рюмки одну за другой.

Роману пришлось сделать тоже самое.

Спирт обжог горло, но вода смягчила ожог.

Роман кашлянул. На его глазах выступили слезы.

- И впрямь питье титанов...

- Закусывайте, Роман Алексеевич, - Клюгин подвинул тарелку с мочеными яблоками.

- Мерсі...

Роман принялся за яблоко. Оно оказалось кислым и безвкусным.

Клюгин, между тем, достав из кармана пожелтевший костяной мундштук и легонько постучал им по графинам:

- Вот. Без этих двух сосудов обедать не сажусь. Мои альфа и омега.

- Пьете чистый спирт?

- Да. И не говорите только, что он хуже всяких поповских настоек!

Эти разные доморощенные наливочки да ликерцы, - он презрительно скривил рот, - Эдакие подслащенные духи. Терпеть не могу...

- Да, не праздничное у вас настроение, - усмехнулся Роман.

- Не в настроении дело. Нет ничего чище, проще и здоровее спирта. И не спорьте с медиком. Лучше расскажите-ка что нового в столице? Я слышал недавно был процесс над политическими?

- Да, был. Правда, я не знаю подробностей. Знаю только, что все осуждены и надолго.

Клюгин пространно вздохнул, многозначительно кивнув своим массивным лбом:

- Мдаа... Плетью обуха не перешибешь. Ну, да ничего. Сибирь - это горнило для настоящих людей. Свинец, олово, всякая дрянь все в ней расплавится и сгорит, а сталь закалится. И кто знает, кто знает....

Он снова вздохнул и, неожиданно усмехнувшись, спросил, глядя на Романа своими карими мутноватыми глазами:

- А вы сочувствуете этим политическим?

Роман пожал плечами:

- Я... в общем сочувствую, хотя, честно говоря, давно уже равнодушен к политическим и к государственным проблемам.

- И правильно, - махнул рукой Клюгин, - Надоело все. В наших российских топах по-моему еще лет сто настоящей демократией не запахнет. Как гнули мужички спину при царе Горохе, так и гнуть им. Скука смертная эта наша Русь. Скука...

Он снова наполнил две рюмки спиртом и две - водой.

- Постойте-ка, - проговорил Роман, вспоминая, - От кого же я совсем недавно слышал тоже самое? Скучно, скучно в России... Господи, да от Зои Красновской... конечно.

- Зоя Петровна? Она здесь? - равнодушно поднял глаза от рюмок Клюгин.

- Да. Была здесь.

- Что, уехала?

- Уезжает. В Англию с мужем. Ей, как и вам, в России скучно.

- Ну, в Англии не веселей. Лорд с восковым лицом и жестами машины не веселее нашего Дуролома. Тоже тоска порядочная.

- Тоска? А где же, позвольте спросить, не тоска?

Клюгин усмехнулся, поднимая свою рюмку и глядя сквозь нее на Романа:

- Да нигде.

И снова беззвучно и ловко опорожнил обе рюмки.

- Аах. Славно, - качнул он головой, не притрагиваясь к яблокам. Пейте, молодой человек, это промывает перистальт и мозги лучшим образом...

Роман, хотел было отказаться, но легкий хмель снова проснулся в нем и он совершил процедуру выпивания, на этот раз гораздо удачнее.

Тем временем Клюгин, извлеки откуда-то полдюжины папирос, положил их на стол, одну из них размял и вставил в мундштук. Роман

достал свой портсигар и спички. Они закурили.

После недолгого молчания Ключин спросил:

- Так как же ваша столичная жизнь?

Роман усмехнулся:

- По всей вероятности кончена. Начинается моя сельская жизнь. Так что теперь мы с вами *compagnons dans la misère*.

- Ну, ну, - улыбнулся Ключин, затягиваясь из мундштука, который он держал между большим и указательным пальцем, - И на какое же время эта ваша сельская жизнь? На неделю? На месяц?

- Навсегда, - твердо и серьезно сказал Роман.

- Вы хотите жить здесь? - спросил Ключин без тени удивления.

- Да. Я взял расчет. Теперь буду заниматься живописью и хозяйством. Земледелием, пчеловодством.

- И вы готовы к этому?

- Готов.

Ключин равнодушно пожал плечами:

- Ну, а что... Коли не наскучит - живите. Все равно где гнить - в городе или в деревне.

- Я с вами не согласен, Андрей Викторович. Гнил я в городе, в столице. А здесь, мне кажется, я буду жить. По-настоящему. Буду работать, читать, писать картины. С вами беседовать.

- Ну, ну, - кивнул лбом Ключин, затягиваясь папиросой с характерным для него шипением.

В его голосе не чувствовалось ни одобрения, ни осуждения.

Он курил, откинувшись на спинку стула, и глядел мимо Романа, словно рассматривая, хорошо ли скроено плечико пиджака. За эти годы лицо Ключина стало более вялым, морщинистым и бледным, а голова, казалось, ещё увеличилась. Роман вспомнил, как сегодня Ключин не ответил на его христианское приветствие и спросил:

- Андрей Викторович, вы в Бога не верите?

- Не верю.

- И в Христа не верите?

Ключин усмехнулся, стряхивая пепел на пол:

- Не верю.

- И в то, что смерти нет не верите?

Ключин поморщился, отчего его лицо приняло плаксивое выражение:

- Голубчик, вы мой, да я и живу-то может быть спокойно только потому, что верю в настоящую смерть. Что рано или поздно вот все это, - он мотнул головой в сторону, - пропадет и исчезнет навеки.

- Вы так не любите мир?

- Люблю, не люблю... причем тут это? Просто он мне подноготно известен так, что успел надоесть. А смерть это - *tabula rasa*. Это покой и отсутствие всяких миров. И мое отсутствие. Вы надеетесь на воскресение

из мертвых, а я - на смерть...

- И вы полагаете, что мир, человек - это результат слепой игры слепых сил?

- Да мне наплевать откуда мир взялся - демиург ли создал, или матушка-природа. Я вообще старался никогда не думать на тему происхождения. Это все равно что пытаться представить бесконечность. Мы, голубчик, живем в реальном мире. Вот изба, вот стол, вот рюмка. Вот, наконец, наши руки, глаза, мозги, лимфа. В качестве объекта нашим чувствам дан только этот мир и никакой другой.

- Но вера... - начал было Роман.

- Вера - это имя, - быстро перебил его Ключин и рассмеялся, - Без Веры мы можем обойтись! Без этого мира - нет!

- Каждый человек верит. А помимо физического мира, нам еще дано чувство трансцендентального, которое есть в каждом человеке и с которым тоже приходится считаться.

- Трансцендентальное? Спросите об этом Парамошу Дуролома или мою кухарку Нюрку. У первого трансцендентальное - водка, у второй - чулок с деньгами.

- Они верят в Бога, это и есть их трансцендентальное...

- Верят потому, что так принято. Вместе молотят, вместе жнут, вместе в бане парятся. Вместе и в церковь ходят.

- Вы не правы, Андрей Викторович. Вера живет в человеке с рождения. Христос нам заповедывал...

- Да что мне ваш Христос! - устало взмахнул руками Ключин, - Таких безумцев, как он, в миру было пруд пруди. Взяли, выбрали одного и вот молется на него. А я вам, голубчик, так скажу. Я когда в ссылке жил, много литературы по психиатрии прочитал. А потом вспомнил Евангелие, и меня словно молнией ударили: это же чистый клинический случай! Шизофрения. Вам знакомо это слово?

- Какая глупость...

- Нет, не глупость. Давайте еще выпьем и я вам расскажу... все расскажу о Христе.

Ключин быстро наполнил рюмки и заговорил:

- Так вот, Роман Алексеевич. Родился мальчик в Вифлееме у старого плотника Иосифа и его молодой жены Марии. В ту ночь была комета, а по иудейским верованиям, под звездой рождаются только цари, да пророки. Политические дела, надо сказать, в Иудее тех времен складывались весьма худо, - подчиненная Риму, она не имела собственного правителя. Ждали мессию, то есть попросту - царя Иудейского. Иосиф же будучи человеком явно психически не совсем здоровым, женился уже на беременной Марии (иначе, посудите сами, какая бы молодая барышня пошла за старика), вбив себе в голову или точнее - услышал голоса, напевшие ему о высшей причастности к зачатию. Мария же тоже была не совсем нормальна. И вот в таких

условиях растет малыш. С детства отчим - безумец и ненормальная мать внушают ему, что он мессия. Постепенно он сходит с ума, то есть становится настоящим шизофреником, бродящим без дела из города в город, резонерствуя и совращая слабохарактерных, или таких же сумасшедших. У него настоящий шизофренический букет: раздвоение личности, мания величия, его одолевают видения и галлюцинации, он постоянно слышит голоса и разговаривает якобы со своим небесным отцом. Вся эта карусель длится довольно долго, наконец он становится слишком заметен, заместники боятся волнений, первосвященники - потери доверия народа, и вот его решают убрать. Его распинают. И вот здесь-то, милостивый государь вы мой, Роман Алексеевич, происходит самое замечательное. Знаете ли вы что такое шизофренический Schub?

- Нет, не знаю, - проговорил Роман, с неприязнью слушая Ключина.

- Это по-просту - приступ, наивысшая точка болезни, когда больной впадает в так называемое реактивное состояние, то-есть просто совсем заходитя. Вывести его из такого состояния могут или сильные лекарства или сильная боль. Не так давно в наших сумасшедших домах бедных больных выводили из Schub'a простым способом. Им делали "мушку". То есть, взявши мокрое полотенце за оба конца, прижимали к макушке несчастного, а потом изо всех сил дергали. В результате у него снимался скальп с макушки, он терял сознание от боли и потом приходил в себя. Так вот. Для Христа такой "мушкой" было распятие на кресте. Страшная боль отрезвила его, вывела из Schub'a и он произнес фразу, проливающую свет на всю его историю и подтверждающую мою правоту. "Почто меня оставил?" Вот что он спросил. Болезнь - вот что оставило его, дав на мгновение перед смертью трезвость ума. Если бы он и впрямь был сыном божьим - спросил бы он у отца подобную глупость? Schub кончился, ангелы и голоса исчезли. И умер по-человечески, в рассудке... Так-то. А вы мне - Христос воскресе, Андрей Викторович. Не воскресе. Не воскресе, голубчик...

Отложив мундштук с папиросой на край стола, Ключин взял рюмки в обе руки и выпил одну за другой.

Роман не притронулся к своим рюмкам. Его папироса давно потухла. Помолчав немного и собравшись с мыслями он произнес:

- Мда... Как тяжело вам жить, Андрей Викторович.

- И не говорите! - мотнул лбом Ключин, вытряхивая окуроч из мундштука на пол и топча его ногой, - Я бы, признаться, еще в Сибири на себя б руки наложил, да как-то уж совсем противно. И самое противное то, что приходится выбирать способ самоубийства. И вот начинаешь ломать голову - удавиться или утопиться. Будешь взвешивать что безболезненней. Вроде - утопление. Но, с другой стороны - дольше мучиться. Продумаешь всю ночь, а на рассвете решишь, что лучше все-таки застрелиться в рот. С тем и заснешь.. Хе, хе, хе...

Он винтил в мундштук новую папиросу, зажег спичку и закурил.

От выпитого спирта лицо его приобрело бледно-лиловый оттенок, глаза блеснули. Чувство неприязни, охватившее Романа во время монолога Ключина, прошло, и Роману было просто жалко этого одинокого человека, вытесненного жизнью на край крутояровского оврага. Он и раньше слыхал от Ключина подобные речи, дававшие повод считать фельдшера циником и позером, но теперь он вдруг понял, что ни то, ни другое не могло точно характеризовать Ключина как личность.

Только в эту ночь Роман почувствовал и понял, что перед ним настоящий убежденный жизнененавистник, твердый и последовательный в своей ненависти.

Ключин сидел перед ним, пыхтя папиросой, подперев руками свою большую голову. Роман понял, что вести разговор на ту же тему бессмысленно, но все-таки задал еще один вопрос:

- Андрей Викторович, на что вы надеетесь?

- Так я ж вам, уже говорил, - произнес Ключин, не меняя позы и тупо глядя в стол, - На смерть, на смерть моя надежда, защита слабому она.

- От чего защита?

- Как - отчего? От мира форм.

- Он так вам ненавистен?

- Он мне скучен. Я от него зеваю...

И Ключин действительно зевнул, прикрыв свой большой рот кулаком.

Роман почувствовал, что устал и хочет спать. По всей вероятности была уже глубокая ночь.

- Андрей Викторович, мне пора, - проговорил Роман, приподнимаясь с кресла.

- Уходите? - сонно спросил Ключин, - Ну, ну.

Он с неохотой встал, зябко передернул узкими плечами и взял себя за локти.

По своему обыкновению он никогда никому не передавал поклонов и на пожелание свидеться неизменно отвечал "прошайте". В этот раз он нарушил свой угрюмый обычай и, попросив Романа как-нибудь взять его "на вальдшнепов", протянул, ему свою влажную безвольную руку со словами:

- До свиданья....

Х

Праздничная неделя пролетела быстро: в воскресенье отец Агафон отслужил Антипасху и дал последний из восьми праздничных обедов, отличившийся наличием почти одних лишь сладких блюд, так как все другое было уже съедено.

Роман, сибаритствующий всю неделю, в понедельник утром решил отправиться на этюды. Вставши пораньше, он быстро позавтракал, взял собранный и снаряженный загодя этюдник, средних размеров картонку, надел широкую соломенную шляпу и отправился в путь.

Стояло ясное весеннее утро. Солнце только что взошло, его лучи легли на молоденькую ярко-зеленую травку, заскользили по влажным крышам, блеснули на речных мостках.

Крутой Яр жил бурной утренней жизнью: лаяли собаки, тянулись вверх ночные дымки, слышались голоса. Роману хотелось писать озеро, он прошел овраг и двинулся по правому берегу реки.

Идти было легко.

От реки тянуло свежестью, кусты ивняка и молоденькие березки были все в молодых зеленых листочках и ветерок шелестел ими, радуя этим новым долгожданным звуком. Пробуждение жизни в природе всегда остро волновало Романа. Во время весны он чувствовал все совершенно по-особому: его душа переживала состояние человека вернувшегося, спустя много времени, к своим родным местам. И это было так потому, что зима всегда воспринималась Романом как некая пауза между веснами, пауза, которую он никак не мог назвать живой, а именовал лишь - существующей. Поэтому он считал, что зимою и природа, и люди не живут, а существуют в ожидании весны. Теперь это существование кончилось, о чем так явственно шептали ему клейкие листочки.

Он шел, трогая свободной рукой ожившие ветви, вдыхая запах реки и пробудившейся зелени.

Вокруг не было ни души, - справа за полем зеленела стена соснового бора, слева тянулся берег, также поросший кустами и ивняком, за берегом расстилалось большое, недавно запаханное поле. Оно уходило вдаль и на самом горизонте венчалось голубой полоской леса. Впереди же блестела на солнце выровнявшаяся лента реки, с берегами, все сильнее поднимающимися вверх, с обнажившимися песчаными откосами. Песок здесь был белый, мелкий; в детстве Роман так любил пересыпать его с ладони на ладонь, чувствуя как холодящие струйки текут между пальцами. Теперь ему хотелось писать этот песок, эти белые берега, и он прибавлял шагу, думая о первом мазке, который он положит на свою картонку.

Берег с каждым шагом поднимался вверх, теряя растительность и

оставляя реку внизу. Здесь уже отмели не были такими чистыми - осока и камыш подступили к воде.

Роман пересек два небольших оврага и, преодолев продолжительный подъем, вышел на обрыв. Под ним лежало крутояровское озеро. Как и впадающая в него река, оно было безымянным. Не слишком большое, мелеющее с каждым годом озеро, тем не менее, было поразительно красиво. Левый край его сплошь порос камышами, правый был чист и белел длинной отмелью. Позади озера был луг, а за ним старая березовая роща.

Роман опустил этюдник на землю, положил на него картонку, достал портсигар и закурил. Еще в столице он много раз представлял себе, как придет сюда на обрыв, нетерпеливыми руками разложит этюдник, подготовит палитру и примется за этюд. Он заранее, почти полгода назад, знал, что писать он будет дальний край озера, луг и березовую рощу - чудную с зеленовато-голубым верхом и черно-белым низом.

Нетерпение его сейчас было столь велико, что он чувствовал дрожь пальцев, сжимающих папиросу. В его характере было броситься немедленно к этюднику, и он бы сделал это, если бы не помнил совет своего покойного учителя живописи Владимира Селиверстовича Магницкого: не начинать этюда, а тем более картину, пока нетерпение не уступит место желанию.

На озере никого не было, только две чайки кружили над плесом, покрикивая высокими хриплыми голосами. Солнце светило Роману в спину и он чувствовал возрастающее тепло его лучей.

"Как чудно, что никого поблизости", - думал Роман.

Он терпеть не мог, когда кто-то подходит посмотреть "как рисует художник", да и просто присутствие человеческой фигуры в этом пейзаже было бы неуместно. Докурив, он бросил окурочек вниз и стал расставлять этюдник. Это был старенький, немецкой работы, ящичек с тремя складными ногами, стоящий на них красиво, но не вполне надежно. Он, словно строптивый породистый жеребец, часто взбрыкивал, выказывая норов, угрожая завалиться на бок со всем живописным содержимым, и Роман не раз подхватывал его налету к радости столичных зевак. Установив этюдник, Роман открыл его, снял лежащую сверху палитру и замер, положив руку на теснившиеся тюбики с красками. От них сразу пошел до боли знакомый запах, солнце играло на их свинцовых боках.

Роман закрепил картонку на штативах, вынул из кармана своей замшевой куртки остро отточенный карандаш и быстро набросал фигуративные черты будущего пейзажа. Затем, выдавив на палитру из каждого тюбика, взял свою любимую плоскую, китайского колонка кисть, обмакнул в плосечку с льняным маслом, тщательно вытер бархатной тряпкой, тремя движениями смешал на палитре кобальт синий с оливковой светлой и положил первый мазок.

Живопись легко давалась Роману. За это он любил ее сильной горячей любовью. Быстро и успешно освоив ее тонкий механизм, он вошел в этот новый мир цвета и формы не учеником, а сопричастником, навсегда избавившись от робости и ложных страхов. Как правило, такая уверенность в себе характерна лишь при первых шагах в искусстве, о чем не раз напоминал ему Магницкий, предупреждая, что вскоре его ждет и разочарование и ослепление и, наконец, ненависть к самому себе.

Но Роман не боялся ничего, он работал с самозабвением и ему удавалось многое. Всего за полгода он стал лучшим и любимым учеником Магницкого, опередив других молодых людей в чувстве цвета и тона. Свои пробелы в области рисунка он с лихвой восполнял живописью, в которой был с первых шагов невероятно свободен и точен. Он никогда не писал портретов и жанровых сцен, его призванием был русский пейзаж. И он питал особую любовь к пейзажистам, чувствуя с ними почти родственную связь.

Он любил фламандского Брейгеля, открывшего для живописи жанр пейзажа и увековечившего себя замечательной серией "Времена года", любил великолепный колоризм Тернера, и неповторимые акварели Бонингтона, вечерние поля Милле, и цветущие кущи Клода Лоррена, любил смелость Сезанна, и открытый взгляд Моне. Но больше всех в пейзаже Роман ценил и любил Левитана.

Еще давно он заметил, что у каждого из русских пейзажистов есть свои привязанности. Так Шишкин любил писать сосновые леса, Васильев - болота, лужи и проталины, Венецианов - хлебные полуденные поля, Куинджи - излучины рек. Но никто из них не был привязан непосредственно, целиком, к Русской Природе, и никто не выразил ее с такой полнотой и искренностью, как Левитан. Роман часами простаивал у его полотен, поражаясь простоте и ясности левитановского взгляда, и в то же время удивительному, как бы незаметному мастерству художника.

"Пейзаж - это состояние души", - не раз повторял Магницкий и Роман знал, что единственный пейзажист выразивший до конца состояние русской души - Левитан. Роман не подражал ему, но п е р е ж и - в а л такую же одержимость русским пейзажем.

И каждый раз, начиная этюд или картину, он вспоминал спокойное, с налетом грусти лицо этого человека, его большие еврейские глаза, в которых навсегда отразилась Россия...

Роман самозабвенно работал над этюдом до самого полудня. Солнце за это время встало над озером и грело сильно. Этюд был готов, и только теперь Роман почувствовал, что ему жарко. Положив кисть, он снял куртку, бросил ее, сел рядом и с наслаждением откинулся спиной на пожухлую прошлогоднюю траву, под которой чувствовалась прохладная земля.

Огромное голубое небо раскинулось над ним.

Где-то рядом пел жаворонок. Роман закрыл уставшие от

непрерывного напряжения глаза. В них стояло озеро и вспыхивали смешиваемые краски.

"Как прекрасна воля", - думал он, лежа с закрытыми глазами и прислушиваясь к непрерывной руладе жаворонка, - "Как хорошо быть свободным, и жить по законам свободы воли. Наверное, нет на свете ничего, хуже рабства, страшнее зависимости от воли другого человека. Еще страшнее быть рабом собственных обстоятельств, положения, мнения большинства... И как радостно сознавать, что ты свободен. Что ты волен просто встать, бросить все и идти куда глаза глядят, или вот так лежать, слушая крохотную птицу..."

Он открыл глаза.

Ему вспомнилась столица со своими людьми, домами, фабриками, ресторанами, со своею суетой.

"Я уехал отсюда. Уехал навсегда. И я никогда больше не буду стремиться стать знаменитым художником или известным адвокатом, не буду слушать бред самодовольных людей, не стану лгать их некрасивым женам, что они красивы... Только бы свобода. Единственное богатство мое. Оставь мне его, Господи!..."

Он перекрестился, глядя в бескрайнее небо.

Вдалеке послышался слабый плеск весел.

"Чья-то лодка." - подумал Роман и, приподнявшись, сел.

Из обросшей камышом протоки на озеро выплыла лодка. Человек, сидящий в ней, тоже заметил Романа и приподнял фуражку. Загордившись ладонью от солнца, Роман рассматривал гребущего. По всему виду это был человек пожилой. Вероятно, встреча с Романом изменила его планы и он стал грести к берегу. Вскоре его лодка причалила, и Роман узнал старика Савву-бобыля, заядлого рыбака и балагура.

- Роман Лексеич, здравствуйте вам! - крикнул Савва, вынимая весла из уключин.

- Здравствуй, Савва! - громко ответил сверху Роман, улыбаясь старику, которого он всегда любил за сметливый ум и меткое слово. Савва хотел уже вылезать из лодки, но Роман вдруг решил, что с большим удовольствием вернулся бы домой речным путем и, вскочив, махнул ему рукой:

- Погоди Савва, я спущусь, вместе назад поплывем!

- И то дело! - весело ответил старик и принялся вставлять весла обратно.

Роман протер насухо кисти, быстрым движением счистил краску с палитры, убрал все в этюдник, закрыл его, свинтил ножки, и, подхватив вместе с картонкой и курткой, пошел к тропке, ведущей вниз к воде.

Савва терпеливо ждал его в лодке.

Найдя крутую тропку, Роман стал осторожно спускаться вниз, держа свою работу двумя пальцами за уголок.

- Никак картинка? - спросил Савва, когда Роман оказался на берегу перед лодкой. Ничего не отвечая, Роман подошел, передал старику этюдник с курткой и потом уже сам ступил в закачавшуюся лодку, придерживая "картинку".

- Поплыли, Савва, - с облегчением выдохнул Роман, опускаясь на кормовую лавку.

- Поплыли! - закричал старик, налегая на весла.

Заскрипели уключины, лодка стала удаляться от берега.

Роман обернулся. Обрыв, на котором он простоял почти пять часов, был пуст, величественен и безжизнен. Он высился над водой подобно утесу.

"Какое все-таки странное место," - думал Роман, - "И какое оно не русское. Как будто взяли кусок испанского берега, да и перевезли сюда..."

Где-то наверху пронзительно и противно закричали чайки.

Роман вздрогнул.

- Господи, воля твоя! - пробормотал Савва, - Ишь вопиет, быдто упырь. Роман Лексеич, я зорькой вам рыбки отвез. Пару щучек.

- Спасибо Савва!

- Аксинье отдал. Ваши-то спали. Так я, значит, чтоб не тревожить, хотел было просто на окошко положить, да потом, думаю положу на окошко - стащит кошка, подвешу на палку - сключет галка! Пришлось Аксинью будить, да с ней рядить. Сначала ругались, потом бранились, после расстались да помирились. Во как!

Роман рассмеялся, а старик, привыкший сыпать прибаутками почти на каждом шагу, только улыбнулся в свою густую белую бороду. Он был маленький, но крепкого сложения, и в свои семьдесят с лишним сохранял удивительную подвижность.

- Что ж это вы там понавели? - размеренно гребя, спросил Савва, кивая на картинку.

- А вот что, - Роман повернул к нему эскиз.

- Ишь ты, - Савва бросил весла и, прищурившись долго рассматривал пейзаж, - Во как. Быдто живая. Лепота...

- Ты что же, утром рыбку ловил? - спросил его Роман.

- Утром, - старик снова взялся за весла, - А щас вот хочу донку проверить. Утречком становил. Может, кто и сунулся...

Проплыв еще немного, лодка остановилась возле протоки. Старик подрулил к камышам, покопался в их бурых прошлогодних зарослях, вытащил палку с примотанной к ней леске и потянул. Леска напряглась.

- Так, так. Кого-то зацепило... - пробормотал Савва, наматывая леску на палку.

Роман с любопытством наблюдал, как все туже и туже напружинивается леска.

- Ну, ну, полекше, полекше... - шептал старик, упираясь в дно лодки ногами, обутыми в старые кирзовые сапоги.

Морщинистое, коричневатое, словно печеная картошка, лицо его казалось испуганным.

Леска дернулась вбок, зазвенев, как струна, и Роман различил в воде длинную черную рыбину, мечущуюся возле лодки. Положив свой эскиз на корму, Роман схватил лежащий на дне лодки сачок с толстой деревянной ручкой и, сунув его в воду, стал подводить под рыбину.

- Погодь, погодь, - шептал старик, изо всех держа пляшущую по воде леску.

Рыбина была сильной и хитрой и не шла в сачок, норовя нырнуть под днище. Савва бормотал что-то Роману, но тот, ослепленный мгновенно вспыхнувшим азартом, ничего не слышал, приковавшись взглядом к мечущемуся черному профилю.

Вдруг Роман почувствовал удар, сачок в его руках заходил ходуном, лодка накренилась, чуть не вывалив обоих за борт.

- Аааах! - хрипло выкрикнул Роман, откидываясь назад и выдирая из воды невероятно тяжелый сак.

- Держи! Держи! - выкрикнул Савва, протягивая мокрые, блестящие на солнце руки к возникшему из воды саку, в сетке которого бился с трудом поместившийся сом.

Роман перекинул сак в лодку, слегка задев им Савву. Старик прижал рыбину сапогом, но черноспинный гигант не хотел успокаиваться и, прогнувшись, ударил широким, как лопата, хвостом о борт.

- Погодь, погодь, - повторял старик, хватая со дна топорик с короткой рукоятью.

- Держи, а то выпрыгнет! - выкрикнул Роман, стараясь прижать сома ручкой сака.

- Господи, твоя вода... - прошипел старик, занося топор над головой.

Сом затих лишь после трех сильных ударов.

- Ооох, ты ооох, да воскреснет Боог! - пропел Савва, не выпуская топорик из рук и разглядывая неподвижно лежащую рыбину, - Полпуда, как пить дать!

Роман высвободил сак и потрогал рукой широкий, усыпанный темно-бурыми пятнами хвост. В пылу азарта сом казался ему гигантских размеров. Но и теперь он лежал увесистым кольцом, занимая почти треть лодки; разбитая усатая голова по ширине не уступала голове Саввы. Желтовато-белое брюхо мелко подрагивало и дрожь передавалась прилипшему к лодке хвосту.

- Ишь, не отошел еще, бродяга, - замахнулся было Савва, но передумав, пожил топор и стал вынимать крючок из полуоткрытого косога сомого рта.

- С добычей тебя, Савва! - проговорил Роман, вытирая рукавом водяные брызги с лица.

- Спасибочки, Роман Лексеич! Да, мил ты мой, без тебя б рази ж

мне справиться? Это ж живоглот вон какой, он бы меня под лодку утянул! Вот Господь послал тебя, как нарочно!

Старик вытащил крючок и, сматывая ловкими движениями леску, негромко запел:

- Бог нам рыбки послал, да ловить помогал, да тянуть подсоблял, Роман Алексеича послал, а мы рыбку-то тянули, да спинушки погнули, да ручки натерли, да жилки перетерли, да опа-пá-па, опа-пá, опа-пá, полезай-ка живоглот, да в наш-от огород...

Страхивая попавшую на куртку и этюдник воду, Роман машинально оглянулся, вспомнив про этюд и остолбенел, - четырехугольная некрашенная корма была пуста.

- Что за черт... - Роман вскочил, шагнул через лавку и, свесившись, посмотрел в зеленую воду.

Во время борьбы с сомом написанный Романом этюд упал в воду. Прессованный тяжелый картон, вероятно не обладал плавучестью.

Загораживаясь от солнца, Роман смотрел вниз, но дна не было видно.

- Савва, тут глубоко? - спросил он у мурлычущего что-то себе под нос старика.

- Глыбко. Такие твари на мелкоте не ходют, - бормотал ничего не ведающий старик, - Я ж почему у камышей стремку привязал? Он, бродяга, в камышах лягухами нажрется, а опосля в омуг, вот сюда, где мы шас. Тут яма. И лежит там в тине...

Голос Саввы был настолько мягок и безмятежен, что Роман, хотевший уж было заявить о потере, передумал.

"Радость старику омрачать", - подумал он, рассеяно глядя в воду, - "Ладно, что ж теперь. А этюд хороший вышел, цвет я точно взял. Значит, не судьба..."

- Ну, да первой блин комом, - проговорил он вслух.

- Чаво? - поднял голову копошащийся над сомом Савва.

- Ничего. Все к лучшему, говорю. Поплыли домой, старик. Дай-ка я за весла сяду.

- Да чего уж вам руки мозолить, мне ж привычной...

- Садись, говорю, на мое место, - решительно приказал Роман.

Старик послушно перешел на нос, Роман сел за весла, подрулил к протоке и стал грести быстро и широко. С одной стороны ему было обидно за утеранный этюд, но с другой он видел в этом некий знак судьбы, постоянно испытывающий его.

"Так неожиданно и бесповоротно," - удивлялся он, - "Пять часов я работал в самозабвении, пять часов стремился оживить краски, и мне это удалось. И вот в одно мгновение, провидение отнимает у меня плод моего творчества. Даже не отнимает, а прямо... крадет... Причем крадет при помощи того самого озера, что я писал. Будь на моем месте Сведенборг, так он сейчас бы нашел этому мистическое объяснение. Но мне всегда

была чужда мистика, я не верю, что человек - это всего лишь поле брани для невидимых сил. Я же сам по себе, мне Бог дал внутреннюю свободу, и живу лишь собственной волей и верой в воскрешение. Да безусловно, и мир и природа равнодушны ко мне. Волна слизала с кормы произведение искусства, теперь оно тихо сгниет в озерной тине. Да, но почему это так глупо, так смешно? И я смешон. Сел за весла и гребу, как будто ничего не случилось. И старик этот, глупый, как пробка, и этот дурацкий сом, и это дурацкое озеро..."

Роман поднял весла.

Некоторое время лодка скользила по инерции, потом остановилась.

Они плыли против течения, но речка текла так медленно, что, казалось, будто лодка совсем не движется,

- Уморились? - заботливо спросил Савва, с готовностью приподнимаясь с места.

- Нет...нет.. - опустив весла в воду, Роман рассеянно потер виски.

Лодка стояла на середине реки.

- Роман Алексеич, давайте-ка я, - не унимался старик, и Роман снова налег на весла, плечами и спиной чувствуя упругую силу воды. Лодка набрала ход и понеслась дальше. Берега были все в яркой молодой зелени. Отсюда, с середины они казались особенно красивыми.

- Что ж, вы утруждаетесь, Роман Алексеич. Это ж наше дело мужицкое, а вы - руки бить... - укоризненно качал своей кругленькой опрятной головой Савва, - И Николай Иванович тоже туда. Зимой с мужиками дрова пилил. Ладно - себе, а то просто так, придет на двор, как батрак, и пилит, пилит, пока не уморится. Чудаки, ей-богу...

- Не чудаки, Савва, а умные люди. Он, во-первых, себе кости разомнет, во-вторых, вам дуракам поможет. А вы, вместо спасибо, охаете, да смеетесь.

- Упаси Бог смеяться! - замахал руками Савва, тем не менее улыбаясь, - Не смеемся. Токмо чудно, право...

- Скажи лучше, что рыбы много весной шло?

Старик зажмурился, словно после выпитой водки, тряхнул головой и быстро запричитал, похлопывая себя по коленям:

- Ох, много-много было рыбки - рыбешки, я ловил ее дырявой плетешкой, я хватал ее рубахой, да руками, я глушил ее, душил сапогами! Посолили, да повялили, поварили, да пожарили, опа-пá-па, опа-пá, опа-пá, всю сожрали с головы до хвоста!

Роман усмехнулся:

- Ну, Савва, и шутник же ты.

- Шутки шутим, да воду мутим, улыбку ловим, да Бога молим: дай нам, Боже, и завтра тоже! - тараторил Савва, дергаясь и приплясывая на корме всем телом. Роман рассмеялся:

- Скажи, а ты с молодости балагурить любил, или под старость научился?

- Я-то? Н-е-е-ет. В молодых годах я сурьезный был, - проговорил старик, придавая своему загорелому лицу действительно серьезное выражение, - Мы с батей люди богатые были, жизнь за глотку держали. Думал, женюсь, отделюся, мельницу свою поставлю, работников займю, лавку открою. А тут батя возьми и помре. А после мать с сестрой в бане сгорели. А после - холера, братья померли, а после я уж сам горел. А после по миру пошел. Вот тогда и развеселился сурьезный человек Савва Прохоров. Хорошо еще в Кругом Яре осел, вдовица Дарья Матвевна, покойница, царствие ей небесное, пригрела, да уговорила. А то б так и бродил бы кусошником, проплясал бы всю жизнь.

- Ты что, жалеешь?

- А то как же! - лукаво шурысь от солнца, усмехнулся старик, - Побирухой спокойней. Иди, ни о чем не думай. Хлеб подадут - съешь, в сеновал пустят - переспышь. А тут вот хозяйство, каждый раз бойся, чтоб не стряслось чего.

- И ты боишься?

- Н-е-е-т! - засмеялся Савва, открыв свой шербатый рот, Мне все одно! Коли в третий раз гореть - и слава Богу. Жалеть не буду. Все одно помирать, чего ж тут за избу бояться!

- А зачем же жить тогда, если знаешь, что все равно умирать придется?

- Жить-то? А ради волюшки вольной... Вот ради чего. Чтоб сам себе голова. Что хочу, то и ворочу. Хочу, сома этого сам съем, хочу, тебе подарю, хочу, кому продам, хочу, кошке отдам, хочу, в муку истолку, хочу, с блином испеку, а захочу - на забор повешу, баб потешу, буду показывать, да рассказывать, да подпрыгивать, да подмигивать, опа-пá-па, опа-пá, опа-пá, поглядите на мово на сома!

Подпрыгивая по корме, Савва шлепал себя по коленям, ляжкам и груди, тряс головой и непрестанно выкрикивал свои "опа-пá-па, опа-пá, опа-пá!"

Роман греб, любясь забавным стариком.

"Волюшка-воля", - вспомнил он только что сказанное Саввой, - "Вот что по-настоящему радует людей, что удерживает их на земле. Свобода воли позволяет им побороть страх смерти, так как только свобода воли может быть предпосылкой чувства трансцендентального. А следствием этого глубинного чувства является вера. А где вера, там уже нет смерти. Там есть Христос, есть Надежда и Любовь".

А лодка между тем, уже вплывала в пределы села. По берегам показались бани и ледники, перевернутые кверху днищами лодки.

Роман почувствовал в руках усталость и бросил весла:

- Все, Савва, дальше ты меня вези.

- С превеликой радостью! - подхватился с места старик и, перешагнув через сома, уселся за весла.

Роман расположился на корме, возле своего этюдника.

В отличие от неторопливой, но размашистой гребли Романа, Савва греб быстро, лишь слегка касаясь веслами воды, словно боясь намочить их. Однако лодка от такой гребли плыла быстрее и быстрее. Опустив руку за борт, Роман шевелил пальцами в холодной журчащей воде, складывая и раздвигая их.

"И не буду я жалеть об этюде," - думал он, оглядывая знакомые берега, - "Эти пять часов я просто упражнял свое художественное видение, оно первичной любой картины, оно всегда со мной и никакая волна его не смоеет. А этюдов будет много. Будем считать, что сегодня я просто попробовал кисти..."

Савва греб, воруя веслами с завидной легкостью. Полощущие на мостках белье бабы окликнули Романа, когда лодка поравнялась с ними:

- Здравствуйте, Роман Алексеич!

Роман в свою очередь пожелал им здравствовать.

- Никак рыбку ловили? - спросила одна из них и Савва, бросив весла, схватил сома под жабры, поднял двумя руками:

- Вот какую рыбку ловили! Видали?

Бабы одобрительно покачали головами, но удивления не выказали: к крупной рыбе в Крутом Яре привыкли. К тому же сомов считали не лучшей рыбой, им предпочитали судаков, сазанов, шук.

Положив сома на дно лодки, Савва ополоснул испачканные рыбьей кровью руки, поплевал на них и опять налег на весла:

- Эх, прокачу!

Роман достал портсигар, закурил, бросив спичку за борт.

Речка делала кругой поворот, огибая церковь и дом отца Агафона.

- И эх! Прокачу! - приговаривал Савва, ловко работая веслами.

- Прокати вон до тех мостков, - Роман показал папиросой вперед на небольшую дощатую пристань с полдюжиной привязанных лодок.

- Слушаюсь, ваше сиятельство! - подпрыгнул на лавке Савва и заработал, как машина, непрерывно напевая "опа-пá-па, опа-пá, опа-пá!"

Лодка причалила к мосткам, Роман вылез вместе со своим багажом, повесил на плечо этюдник, перекинул через руку куртку и махнул рукой Савве:

- Спасибо, Савва.

- За что же мне-то? Вам спасибочко, Роман Алексеич, вам спасибо-то спасибочко, наше красное спасибочко! - запричитал старик.

- Мы с тобой еще сетью половим.

- Ох, половим, ох половим мы, ох, полуполополовим мы! - не унимался Савва, - Как сеточку доштопаю, так к вам и притопаю. А в утречко я щас ловлю помалень на переметы, да на донки, а как рыбка покрупней выпадет - сразу к вам.

- Приноси. Заплатим тебе хорошо, не обидим.

- Спаси вас Бог, Роман Лексеич!

- Будь здоров старик.

Минуя двух белобрых, остолбенело глядящих ребятишек, удивших до этого с мостков рыбешку, Роман прошел к берегу и, поднявшись по склону, направился через село домой. Бабы и мужики, старухи и ребятишки, все глядели на него во все глаза, отрываясь от работы, от беготни или просто от сиденья на завалинке. Мужики снимали шапки, и громко, с поклоном, здоровались, бабы кланялись своими повязанными головами, старухи долго смотрели из-под руки, провожая взглядом. Каждый раз, когда приходилось идти по селу, Роман чувствовал на себе этот пристальный взгляд народа, заставляющий испытывать неловкость.

Самое главное, что в их взгляде не было ни укора, ни осуждения, ни зависти. Нельзя было назвать его и чистым любопытством. Но было в нем то, что сразу и навсегда разделяло Романа с этими людьми, ставило их в совершенно противоположные положения. Как ни старался Роман держаться проще с мужиками, близости не получалось; между ними всегда пролегало что-то вроде крутояровского оврага, даже когда они смеялись над одним и тем же, вместе ловили рыбку, или охотились. Овраг этот существовал вечно и моста через него не было...

"Пожалуй, только вера сблизает нас", - думал Роман, подходя к знакомой липовой аллее, - "Только в церкви мы равны, хоть и одеты по-разному. Хотя они и в церкви уступают мне место, пропускают вперед... Но я люблю их и буду любить всегда".

XI.

Прошло еще несколько дней, полных по-весеннему радостных хлопот, и наступил вечер, ожидаемый Романом в течение трех лет. Это был вечер первой после столь долгого перерыва охоты.

Еще в среду было задумано пойти на "тягу" в Мамину рошу, место, столь любимое вальдшнепами, тетеревами и рябчиками. Поход откладывался дважды, и, наконец, в пятницу ему случилось осуществиться.

Сборами руководил Антон Петрович. Сразу после обеда на террасу была вынесена вся охотничья амуниция дома Воспенниковых, сын кухарки Аксиньи Бориска был послан к Акиму с письменным уведомлением об отбытии в Мамину рошу, а другой мальчишка - приятель Бориска, в свою очередь отправился предупредить Петра Игнатъича, Клюгина и Николая Ивановича, что "нынче зорькой

отправляемся на вальдшнепову тягу". Как только Роман, прилегший по своему обыкновению с книжкой Шопенгауэра в руках на полчаса после обеда, спустился вниз и прошел на террасу, его ноздрей коснулся не сравнимый ни с чем запах ружейного масла, и хорошо знакомое предчувствие охоты охватило его. Он любил охоту страстной, почти безумной любовью, и, если живопись была у него любовью осознанной, то охота была его настоящей страстью.

Роман вырос в семье заядлых охотников: и его покойные отец и дед, и Антон Петрович отдавали охоте много времени и сил, о чем, естественно, ничуть не жалели. Каждый раз выезжая летом в Крутой Яр, маленький Роман погружался в романтический, почти сказочный мир охоты, постоянно царящий в их доме. Этот мир начинался с лосиных рогов и кабаньей головы в прихожей, со скрещенных ружей, висящих над кроватью Антона Петровича, с завораживающих охотничьих рассказов и, конечно же, с этого запаха ружейного масла. Мальчиком, каждый раз, когда взрослые отправлялись на охоту, Роман выходил в сад и, забравшись на яблоню, жадно прислушивался к далеким выстрелам. Его детское воображение рождало фантастические картины, полные порохового дыма и агонизирующей дичи, он ждал, забыв про все игры, и когда дожидался, со всех ног бежал навстречу устало идущим по аллее фигурам, за плечами которых висели эти вороненые игрушки, эти двустольные волшебные флейты, испускающие громоподобные звуки, флейты, на которых он так мечтал играть. Вскоре мечта сбылась. Первые произведенные им выстрелы потрясли его и навсегда укрепили в охотничьей страсти, в любви к оружию. Как и впоследствии в живописи, так и в стрельбе, Роман проявил поразительные способности, и уже к восемнадцати годам считался лучшим стрелком среди знакомых охотников. Наделенный прекрасной реакцией и отличным зрением, он стрелял с удивительной легкостью, быстротой и точностью, почти не оставляя шансов на спасения своим летящим или бегущим целям. Стрельба по живым мишеням была для Романа подлинным искусством, не похожим ни на что, и ни с чем не сравнимым. Каждый раз, стреляя по летящему рябчику и попадая, он испытывал то непередаваемое чувство, которое легче испытать, нежели пересказать:

неожиданный вылет птицы, вскидывание ружья, ловля быстрого профиля на планку, выстрел, неповторимое падение жертвы, звон в ушах и запах пороховой гари, - все это слагалось в тот аккорд, яркий обертон которого не переставал звучать в душе Романа. Но не всегда эти звуки радовали его, - к двадцати годам Христос вошел в него и заповедь "не убий" Роман понял, как относящуюся ко всему живому.

Пять лет он не брал в руки ружья, отправляясь в лес, а стрелял лишь возле дома по пустым бугылкам, которые подбрасывал вверх кто-нибудь за деревенских ребятишек.

Но потом охотничья страсть вернулась, и вместе с ней и более

трезвое отношение к заповеди.

И снова гремели его победоносные выстрелы, и капельки птичьей крови повисали на стебельках лесных трав.

- Прошу вас, sir, выбрать оружие! - Антон Петрович указал рукой на шесть ружей, стоящих прислоненными к стене. Сам дядюшка, сидя за столом, вставлял гильзы в гнезда двух поношенных патронташей.

Роман подошел к ружьям. Все они были ему знакомы, у каждого ружья была своя незабываемая история. Он взял в руки крайнее. Это был старый одноствольный "Зимсон", из которого Роману довелось впервые выстрелить. Легкое, удобное, с изящной ореховой ложей и курком в виде оленьей головы, это ружье сделало Романа охотником, его он брал в лес в свои пятнадцать, шестнадцать и семнадцать лет. Следующим стояло тяжелое французское ружье деда, простое, без замысловатостей, оно, словно кафедра в католическом храме, являло образец постоянства и надежности, верою и правдою служа Воспенниковым почти полвека. Рядом с ним прислонился к стене своими гравированными стволами великолепный немецкий штуцер, из которого покойный отец уложил того красавца - секача, клыкастая голова которого пугала гостей в прихожей. Затем стояли две верные, безотказные, словно сторожевые собаки, "тулки", использовавшиеся, в основном, на октябрьских утиных перелетах, когда стрельба велась непрерывно и вороненые стволы нагревались так, что порой обжигали руки.

Последним в шеренге ружей стоял "Зауэр" Романа, перешедший ему от покойного отца. Это безкурковое, покрытое серебряной гравировкой ружье, купленное отцом четверть века назад на Берлинской ярмарке, Роман по праву мог назвать своим и знал его, как собственную руку. Он взял его и, по привычке, преломив стволы, посмотрел сквозь них на свет. Они сияли чистотой.

- Соскучился, поди? - спросил Антон Петрович, откладывая готовый патронташ на стул.

Не отвечая, Роман закрыл стволы и погладил изогнутую буковую ложу с искусно вделанным костяным подщечником.

Подойдя к распахнутому окну, он вскинул ружье, прицелился в верхнюю ветку яблони, покрытую молодыми листьями, и нажал спуск.

Щелчок заставил Антона Петровича поднять голову и продекламировать:

Пора, пора! рога трубят;
Псари в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.

Роман спустил другой курок, целясь в черное пятно грачиного гнезда, еще заметного в распустившейся липе.

- Готовсь, Роман свет Алексеич, через пару часов, коли Бог даст, выступим! - проговорил Антон Петрович, отодвигая другой патронташ и принимаясь осматривать сваленные в одну кучу ягдаши. Роман, прижавшись щекой к холодным вороненым стволам, с улыбкой смотрел на дядю.

И пушкинское четверостишье, и эта фраза - все повторялось каждый раз накануне охоты с постоянством старых террасных стенных часов, внутри которых скрипнула пружина и ожил протяжный, слегка дребезжащий звук, отмерявший половину четвертого. А к пяти часам просторная Акимова телега подкатила к крыльцу дядюшкиного дома.

По краям телеги, свесив обурые в сапоги ноги, сидели Красновский, Ключин и Рукавитинов. Аким правил, примостившись спереди.

- Приветствую вас, вассалы славного Артура! Святой Грааль да будет вам наградой! - раскатисто, на всю окрестность продекламировал Антон Петрович, стоя на крыльце и опираясь на ствол французского ружья.

- Ave cesar moritori te salutan! - вялым голосом прочитал Ключин.

Все засмеялись.

Роман с дядюшкой сошли с крыльца. Они были в тех самых охотничьих уборах: в замшевых куртках, подпоясанных поскрипывающими кожаными патронташами, в шляпах, в высоких сапогах, с ружьями за плечами. Вслед за ними с крыльца сошла Лидия Константиновна, сопровождающая Аксинью, несшую большую плетеную корзину с провизией.

Завидя хозяйку дома, сидящие в телеге сошли на землю и откланялись. Антон Петрович и Роман пожали прибывшим руки, положили свои ружья в середину телеги, на сено, где уже лежали три ружья, затем, оживленно переговариваясь, стали занимать места.

- Антоша, только умоляю - не долго, - произнесла свое обычное напутствие Лидия Константиновна, помогая Аксинье получше уложить корзину.

- Радость моя, не кручинься! Иль на щите, иль со щитом! - басил дядюшка, лоя и целуя ей руку. Затем он, тяжело подпрыгнув своим грузным телом, ввалился в телегу.

- Ромушка, Петр Игнатьич, вы уж не оставляйте его... - начала было тетушка, но Антон Петрович сердито погрозил ей пальцем.

- Не беспокойтесь, тетушка, все будет хорошо, - успокаивал ее Роман, занимая место рядом с Антоном Петровичем.

- Благословите нас лучше на убийство, - обратился к ней сидящий с Красновским Ключин, - Чтоб нам получше нынче убивалось.

- Ах, бросьте... - махнула она рукой, - Акимушка, вези полегче, не гони.

- Довезем в лучшем виде, - оскалил свои белые зубы Аким, разбирая вожжи и влезая на передок.

- Ну, с Богом! - проговорил Антон Петрович и шлепнул Акима по

спине, - Трогай Самсон!

Аким чмокнул губами, дернул вожжи. Широкогрудый жеребец легко взял с места и телега покатила. Сняв шляпу, Роман помахал тетушке. Улыбаясь и качая головой, она ответно подняла руку.

Телега проехала сквозь липовую аллею, свернула вправо и, поскрипывая и побрякивая, покатила по дороге, именуемой "дальней", так как вела она к дальнему лесу, тянущемуся на горизонте голубой полоской. Ехать было не тряско - Аким наложил в телегу вдоволь сена, да и дорога была ровной, не побитой.

- Если не ошибаюсь, едем в Мамину рощу? - поинтересовался Рукавитинов.

- Святая правда, дорогой Николай Иванович! - громогласно отозвался Антон Петрович, - В Мамину, ибо все другое меркнет по сравнению с ней!

- Вы имеете в виду Выруб и Желудевую падь?

- Именно.

- В Вырубе тоже хорошая тяга бывает, - проговорил Петр Игнатьевич.

- Бывает. Но не всегда.

- Там ноне токовали богато, - вставил Аким.

- Так тетерева токовали, а не вальдшнепы, - усмехнулся Ключин.

- Я слышал вчера в той стороне вроде стреляли, - заметил Роман, - Интересно - кто?

Красновский пожал плечами:

- Понятия не имею. Мужики на вальдшнепов не ходят. Это им не ворон бить. Сноровка нужна.

- Роман Алексеевич, вы стрелять не разучились? - с улыбкой спросил Рукавитинов. Роман пожал плечами.

- Он никогда не разучится, - сказал Антон Петрович, - У него это в крови.

- Смотрите, не сглазьте, - пробормотал Ключин, покачивая своей массивной головой в такт движению телеги.

Аким стегнул жеребца вожжами, он побежал резвей.

Вокруг распласталось огромное поле.

Позади остался Крутой Яр, справа виднелся зеленый островок соснового бора, слева вдалеке - мелколосье, за которым находилась станция, а впереди выплывала из предвечерней розовой дымки все та же полоса леса, край которого именовался Маминой рощей.

Роману было приятно ехать с этими людьми, привычки и манеры которых он хорошо знал.

Дорога была сухой и даже слегка пылила.

Легкий западный ветер гнал по небу низкие кучевые облака.

- Антон Петрович, вы случаем патронами не богаты? - спросил Ключин.

- А что, батенька, у вас мало? - не поворачиваясь, в свою очередь спросил Антон Петрович.

- Десять штук.

Все сидящие в телеге при этих словах дружно выразили сочувствие Ключину: Роман улыбнулся, покачав головой, Красновский обреченно протянул: "ну-у-у...", Рукавитинов пробормотал: "это несерьезно", Аким обидно крикнул, подстегнув лошадь.

Антон Петрович жетяжело вздохнул и многозначительно произнес:

- Мдаааа...

Некоторое время ехали молча, потом Воспенников сказал:

- Дитя и то не отправится на тягу с десятью патронами. Что ж вы, голубчик, давеча не сказали?

- Запомятовал, признаться, - с кислой усмешкой пробормотал Ключин..

- Запомятовали! - покачал головой Антон Петрович, - У вас оружие какого калибру?

- Двенадцатого.

- Мда... Стало быть только я один и могу вас выручить. Что ж, дам вам штук семь.

- Благодарю вас, - кивнул лбом Ключин.

- Антон Петрович, вы бекасинником заряжали? - поинтересовался Рукавитинов.

- Точно так.

- Бекасинником? - переспросил Красновский, - Зря. Очень зря.

- Это почему же? - обернулись к нему Роман и Рукавитинов.

- Потому что вальдшнеп - не бекас. Вот почему. Я на гаршнепа и то восьмым заряжаю, а гаршнеп гораздо subtilней вальдшнепа.

- Голубчик, Петр Игнатьевич, - нравоучительно начал Антон Петрович, - Я имею удовольствие уже тридцатый год ходить на тягу. И ни разу - слышите - ни разу не заряжал чем-либо другим. Только бекасинником. Вашим восьмым номером можно смело бить рябца, а вы на гаршнепа им заряжаете. Из пушки по воробьям...

- Да что вы говорите, Антон Петрович! - всплеснул руками Красновский, - Я в позапрошлом году ходил по бекасам и этим вашим бекасинником сбил молоденького витютеня. Сбил, положил в ягдаш и пошел домой. А дома вытряхнул Настасье в подол пару бекасов и этого подлеца витютеня. А он на моих глазах крыльями захлопал, подлец, да из подола и улетел. Летел, а из него ваш хваленый бекасинник так во все стороны и сыпался!

Все за исключением Антона Петровича рассмеялись.

- Позвольте вас спросить, любезный Петр Игнатьевич, вы сколько порошу кладете в заряд? - с непроницаемым лицом задал вопрос Воспенников.

- Полторы мерки.

Горько усмехнувшись, Антон Петрович вздохнул:

- Как терпит небо? Нет громов в запасе? С вашими полугорами мерками можно смело отправляться на воробынью тягу. А вальдшнепа и пятым номером не пробьешь.

- Полторы маловато, Петр Игнатьевич, - сочувственно произнес Рукавитинов.

- Маловато, - мотнул головой Ключин.

- Да нет, это просто смешно! - воскликнул Антон Петрович, - С испокон веку я сыпал две. А тут - нате. Полторы! И это говорит мне Петр Игнатьич Красновский! Бывалый охотник!

Красновский махнул рукой, словно отгоняя мух:

- Всю жизнь клал полторы и буду класть. От ваших двух мерок, Антон Петрович, скулу на бок своротит. И ружья быстрее ломаются.

- Это просто невозможно! - восклицал Антон Петрович, - Причем здесь скула?

Красновский молчал, глядя в сторону приближающегося леса. Роман с улыбкой смотрел на дядю, покусывая сухую травинку. Ключин, опустив голову, болтал длинными ногами, обутыми в старые хромовые сапоги. Николай Иванович поглядывал вокруг, поблескивая стеклами очков.

До Маминой рощи ехали молча.

Когда телега въехала в мелколесье, Антон Петрович властно положил свою руку на плечо Акима:

- Стой, любезный.

Аким остановил жеребца.

Антон Петрович слез на землю, морщась и держась за поясницу, сделал несколько шагов:

- Итак, братья-разбойники, предлагаю спешиться и следовать к месту боя. А ты, Чернобородый, езжай к Лысой поляне, разложи там костерок и к темноте жди нас.

Аким понимающе кивнул.

Охотники слезли, разобрали ружья.

- С Богом! - потрянул головой Антон Петрович и, держась одной рукой за патронташ, другой - за ремень висящего на плече ружья, шагнул с дороги в молоденькую траву.

Остальные последовали за ним.

Аким хлестнул жеребца, телега тронулась и поехала в лес.

Роман шел рядом с дядюшкой, с каждым шагом молодея все больше. Этот край Маминой рощи, исхоженный им вдоль и поперек, хранил в своей земле стреляные гильзы, брошенные шестнадцатилетним Романом; в стволах молоденьких берез еще были целы дробины выпущенных им зарядов, а где-нибудь в кустах лежали останки его соломенной шляпы, потерянной им в то печально памятное августовское утро когда, двадцатилетний, он бежал за своей собакой, смертельно

раненой заезжим столичным идиотом, в тумане принявшим ее за волка.

С Маминой рощи начался Роман-охотник, и не было во всей округе места более близкого его охотничьему сердцу. В этих смешанных перелесках он бил вальдшнепов; совсем на краю - сидел в шалаше, слушая токующих чернышей; в глубине рощи - ходил по тетеревиным выводкам, а по первой пороше - тропил зайцев и лис. Здесь ему доводилось убивать по семь тетеревов за зорю, здесь он подстрелил огромного старого глухаря, здесь, в левом краю Маминой рощи он учил Зою стрелять...

Он шел, глядявываясь во все знакомое и такое родное, что сердце замирало в груди и слезы подступали к глазам.

"Вот сейчас за теми кустами будут два валуна и дядя Антон скажет, что для себя места лучшего, чем это, не видит", - думал Роман, направляясь к кустам.

Следующий за ним Антон Петрович, обогнул широко разросшийся куст волчьего лыка, подошел к двум наполовину ушедшим в землю валунам и, поставив ногу на один из них, произнес:

- Итак, господа хорошие, давайте становиться. Мне признаться, это место дороже всех других, так что прошу не оспаривать. Я с вашего позволения здесь стану... Андрей Викторович, возьмите патроны... - Он расстегнул патронташ.

Клюгин подошел, и обеими руками стал вынимать гильзы из гнезд. Красновский покрутил головой и махнул рукой в сторону двух берез, возвышающихся над мелколесьем шагах в пятидесяти:

- Я там стану.

Николай Иванович снял ружье с плеча, преломил, и, достав из кармана два патрона, вложил в стволы.

Затем направился к зарослям орешника:

- Господа, я буду в орешнике.

- Хорошее место, - одобрительно кивнул Антон Петрович, доставая пенснэ и протирая его замшевой тряпочкой.

Клюгин, расставив патроны по карманам светло-зеленого плаща, молча двинулся прочь и вскоре исчез за молодыми деревьями.

Роману не пришлось выбирать стоянку: он, как и Антон Петрович, всегда придерживался своего любимого места, находящегося шагов на сто левее валунов.

- Ни пуха, ни пера, дядюшка, - пожелал он Антону Петровичу, отправляясь.

- К черту, к черту, голубчик, - ответил дядя, заряжая своего французского двенадцатикалиберного монстра.

Пройдя по кустам, Роман подошел к своим "трем грациям" - молодым осинам, зеленым островком поднявшимся над кустами.

- Здравствуйте, милые мои, - прошептал он, становясь в образованом осинами треугольнике и трогая рукой их гладкие светлые

стволы.

На одной из них еще виднелся вырезанный знак Марса - планеты, покровительствующей охотникам. Роман вырезал его двадцатилетним. За двенадцать лет знак расплылся, круг его стал овальным, а стрела больше походила на секиру. Роман откинул кожаную крышку висящего на поясе патронташа, достал два патрона и зарядил ружье. Затем, повернувшись лицом к нагромождающимся на западе оранжевым и розовым облакам, скрывающим заходящее солнце, стал ждать.

Молодой, обступивший его со всех сторон лес, был прекрасен. В прохладном предвечернем воздухе перекликались птицы, а где-то неподалеку пробовал голос соловей. Роман стоял, глядя в небо, положив ружье на запястье правой руки, так, что ложа оказалась подмышкой, а воронённые стволы смотрели в траву.

Было безветренно, и покой недавно пробудившейся природы заворожил Романа. Он стоял недвижно, вслушиваясь в птичьи голоса и чувствуя хорошо знакомое состояние азартной готовности, пронизавшей каждую клеточку его тела. Прошло некоторое время и вдруг справа грянул выстрел, за ним другой.

Роман почти всегда мог каким-то высшим чувством определить по выстрелу - попал ли заряд в цель или нет.

Эти два были явно мимо. Наверно, это стрелял Красновский.

Все чувства и мысли Романа вмиг ушли куда-то, остались только зрение и слух. Замерев, он ждал.

Прошло еще минут десять.

Вдруг впереди послышался слабый, ритмично повторяющийся звук. Затаив дыхание, Роман поднял ружье. Звук приближался, рос и вскоре превратился в повторяющееся "хор", "хор", "хор".

А через мгновенье слева из-за макушек молодых берез вылетел вальдшнеп. Казалось, что он стремительно и в то же время плавно скользит по невидимой струне, ритмично, но не резко взмахивая остроконечными крыльями. Роман вскинул ружье и, нажимая спуск, понял, что промахнется. Раздался выстрел, вальдшнеп зигзагом метнулся вбок и скрылся, испуганно цвиркая.

- Вот и первый блин! - улыбаясь, шепнул Роман, преломил ружье, и, вытянув дымящуюся гильзу, бросил в траву. Но не успел он до конца всунуть новый патрон в казенник, как снова послышалось нарастающее "хор, хор" и теперь уже справа вылетели одна за другой две острокрылые птицы.

Захлопнув ружейный замок и выцелив первую, Роман выстрелил быстрым дуплетом и сбитый вальдшнеп, сложившись комком, упал в кусты.

Роман быстрым шагом прошел к месту падения и после недолгих поисков увидел лежащего в траве вальдшнепа. Теперь он казался совсем маленьким, и это знакомое несоответствие между налетающей

острокрылой тенью и пестрым комочком живо всплыло в памяти. Он поднял мягкую теплую птицу, подержал на ладони, разглядывая ее красивое оперение, переливающееся коричневыми, зелеными и серыми оттенками. Круглые глазки вальдшнепа были полны влаги. На длинном тонком клюве виднелась кровь. Роман положил его в ягдаш и вернулся к "трем грациям".

Известную охотничью поговорку "Стрелять легче, когда в ягдаше тяжелее", он понимал буквально и поэтому, как правило, после первой убитой птицы стрелять ему становилось и впрямь как-то легче, - в осанке, в движениях, в выборе цели и в самой стрельбе появлялась вдруг та самая свобода, позволявшая стрелять почти без промаха.

Вложив в пахнувшие пороховой гарью стволы две латунные гильзы, снаряженные день назад пристрастными руками Антона Петровича, Роман захлопнул замки. Вскоре показался вальдшнеп. Роман сбил его первым выстрелом, а через минуту сбил и другого, налетевшего сбоку.

Охота была в полном разгаре.

То тут, то там гремели выстрелы стоящих в засаде охотников, эхо подхватывалось, неслось в рощу, а там раскатистые звуки повторялись на разные лады. Пороховой дым стелился по траве, зависая на тронутых вечерней росой кустах. Солнце зашло, спустились сумерки. В это время стремительно налетающие вальдшнепы казались Роману потусторонними существами, призраками, со странными похрипываниями скользящими над землей. В этих негромких "хор, хор" было что-то завораживающе-колдовское, несущее в себе непостижимый тайный смысл и равнодушие ко всему земному.

Стоя возле трех осинок, Роман следил за полетом птиц и стрелял только по близлетящим. Иногда на него с цвирканьем налетали мечущиеся вальдшнепы, мгновенье назад попавшие под чей-то неточный выстрел; таких он всегда пропускал.

Сумерки быстро густели. Небо потемнело, на нем проступили звезды, кусты и деревья слиплись в темно-зеленые формы, от них веяло прохладой. Несмотря на непрекращающийся пролет вальдшнепов, выстрелы звучали все реже. Постояв еще некоторое время и пропустив без выстрела трех птиц, мелькнувших темно-серыми молниями, Роман повесил ружье на плечо.

Тут же, в наступившей тишине, трижды прозвучал утиный манок Антона Петровича, своим пронзительным дребезжащим кряканьем возвестивший об окончании охоты.

ХII.

Костер, разложенный Акимом посередине Лысой поляны, ярко горел. Вокруг него, расположившись на подостланном сене, неторопливо, по-походному ужинали пятеро охотников. Сам же Аким, выпив водки и закусив подогретой на костре курятиной, спал в телеге, стоявшей неподалеку. Стреложная лошадь паслась в стороне возле берез.

Кругом было темно и тихо; лишь где-то на краю Маминой рощи в молодом овсе покрикивал козодой.

- С полем, друзья! - проговорил своим поставленным голосом Антон Петрович, поднимая серебряную походную стопку.

Все подняли такие же стопки и, вразнобой бормоча "с полем", выпили.

- Эх, славно! - крикнул от удовольствия Красновский, поспешно закусывая соленым огурцом.

Антон Петрович, напротив, неторопясь с закуской, отер губы платком, положил стопку на разостланную подле него скатерть.

На этой, видевшей виды походной самобранке Воспенниковых, были разложены яства, собранные охотникам в дорогу заботливой Лидией Константиновной: возле фляжки с водкою лежали соленые огурцы в марле, моченые яблоки, вареные яйца, лепешки, хлеб, ветчина и то, что осталось от полдюжины жареных цыплят.

Перевернутая корзина служила опорой для прислоненных к ней ружей. Рядом с ружьями лежали пустые патронташи и ягдаши с дичью, распределенной изменчивым охотничьим счастьем далеко не поровну: Роман убил пять вальдшнепов, Красновский четыре, Антон Петрович и Николай Иванович - по два и, наконец Клюгин - ни одного.

Выпив водки, Роман с аппетитом ел, бросая цыплячьи косточки в костер и наблюдая как они, потрескивая, горят. Он был доволен своим охотничьим выходом после столь долгого перерыва, доволен компанией, костром и тихой теплой ночью. От водки на душе было тепло и весело. Первое время разговор шел об охоте. Антон Петрович с подробностями и выразительными жестами рассказал, как он сбил четырех вальдшнепов, из которых нашел только двух; Красновский поведал о замечательном бое своего ружья, способного, по его убеждению, поразить вальдшнепа за сто шагов; Николай Иванович поделился наблюдениями о направлении и частоте пролетов вальдшнепов, а заодно рассказал про одну из разновидностей птиц колибри, внешностью чрезвычайно похожей на вальдшнепа, но величиной со шмеля.

Только один Клюгин ничего не рассказывал, а лишь молча пил и ел, бросая в костер недоеденные куски.

Наконец, Антон Петрович спросил его:

- Андрей Викторович, вам, стало быть, не очень повезло?

- Не очень, - неохотно ответил Клюгин, катая меж ладоней вареное яйцо.

- Что ж, бывает, - заметил Антон Петрович.

- У меня так всегда бывает, - усмехнулся Клюгин, счищая скорлупу с яйца и кидая в огонь, - Пустое это занятие по птицам палить, скажу я вам. Зря пошел...

- Почему же пустое? - откликнулся Красновский, - Просто вам не подфортунило, вот и все. А занятие ох как не пустое.

Не споря, Клюгин открыл свой большой рот и вложив в него яйцо, принялся жевать.

Доев цыпленка и отерев губы салфеткой, Роман спросил:

- Андрей Викторович, у вас ружье какой марки?

С трудом проглотив яйцо, Клюгин мотнул головой:

- Понятия не имею...

- Позвольте взглянуть?

- Сделайте одолжение.

Роман приподнялся, подошел к корзине, отыскал ружье фельдшера и, вернувшись с ним, сел к костру.

Все, за исключением Клюгина, повернулись к Роману и принялись разглядывать. То, что держал в своих руках Роман, вряд ли с первого взгляда можно было назвать ружьем, скорее это напоминало какую-то железно-деревянную дубину непонятого назначения. Роман рассматривал ржавые стволы с отбитой на конце планкой, странно большое цевье, притянутое к стволам двумя жестяными полосами, забитые грязью замки с погнутыми курками, два коротких обрубка вместо спусковых крючков, узкую засаленную деревяшку вместо ложи.

- Мдааа, - покачал головой Красновский, - Из этой аркебузы наверное еще солдаты Кромвеля стреляли.

- Аркебуза? - переспросил Антон Петрович, - Да это пицаль Стеньки Разина! Бог мой... Как же вы из него стреляете?

- Так и стреляю, - зевая и глядя в огонь бормотал Клюгин.

Несмотря на идущее от костра тепло, он сидел в своем зеленом наглухо застегнутом плаще из под ворота которого выбилось черное кашне. Алые блики играли на его выдвинутом вперед лбу и казалось, что лоб светится сам по себе.

- Как-нибудь оно разорвется у вас в руках, - заметил Роман с трудом открывая казенник и разглядывая изъеденные пороховой гарью замки.

- И слава Богу, - с тем же равнодушием ответил Клюгин, - Может прибьет раньше срока. Вот радости-то...

- Горький вы человек, - с тяжелым вздохом вымолвил Красновский.

Клюгин молча смотрел в огонь.

В этот момент всеобщего безмолвия ночная бабочка средних

размеров слишком низко пролетев над костром и опалив крылья, упала на скатерть.

- Несчастливая... - вздохнул Антон Петрович, откусывая от яблока.

- Тэк, тэк, - Николай Иванович протянул руку и бережно взял трепыхающуюся бабочку на ладонь, - Сосновый коконопряд. А проще говоря... *Dendrolimus pini*.

Бабочка с сильно опаленными крыльями, ползала по руке Рукавитинова.

- Да-с, милая барышня, - с грустью говорил он, внимательно следя за движениями бабочки своими острыми стариковскими глазами учителя и ученого, - Боюсь, вы совершили роковой полет. Наука бессильна подарить вам новые крылья.

- А медицина, - он покосился на Клюгина - Тоже, кажется, вряд ли сможет помочь.

- Сможет, - буркнул Клюгин и, вытянув свою длинную руку, вдруг быстрым щелчком костистых пальцев сбил трепетавшую бабочку в огонь.

Упав на дышащие жаром угли, она затрещала и вмиг превратилась в черной огарок.

Никто не проронил ни слова.

Николай Иванович снял очки, вынул платок и стал протирать их.

Красновский привычным жестом провел пухлой рукой по виску:

- А знаете, я вот сейчас вспомнил... Мы как-то с Ипполитом Кузьмичем поехали на Мсту порыбачить. Так вообразите, - тамошние рыбаки эдаким вот манером ночуют на берегу, разводят побольше костров и вокруг них дежурят. А на костры летят вот такие, как положим, эта, бабочки. Крылья опаляют и падают. Они их подбирают, а зорькою смешивают с загодя приготовленным тестом, как следует мнут, и готовят из этого снадобья наживку в виде шариков. И на них удят рыбку, да так, что просто только успевай таскать. Я могу засвидетельствовать - клюет изумительно. Просто изумительно.

- Серьезно? - спросил Роман.

Красновский приложил руки к груди:

- Изумительно! Рыба хватает, как угорелая.

Николай Иванович надел очки и сказал:

- А что. Надо попробовать.

Антон Петрович продолжал жевать яблоко:

- Я про это слышал. Хотя признаться, никогда не пробовал...

- А вы попробуйте, попробуйте, - оживился Красновский, - У мужика смекалки подзанять не грех. Мы с вами привыкли на них свысока смотреть, а выходит, что многому у них поучиться придется. Многому....

- Это чему же, позвольте вас просить? Жареным бабочкам? - спросил Клюгин.

- Доброте и мудрости, - убежденно произнес Красновский и не менее убежденно повторил, - Доброте и мудрости.

Густые черные брови Клюгина поползли вверх:

- Вы собираетесь учиться у них, - он ткнул пальцем в сторону спящего в телеге Акима, - Доброте и мудрости? Вы, профессор истории?

- Собираюсь. И вам советую.

- Мне?

- Да, вам.

- Доброте и мудрости?

- Доброте и мудрости.

Клюгин повернул свое лицо в сторону Красновского, недолго посмотрел на него, оттопырив нижнюю губу, потом заговорил:

- Хорошо. Давайте по порядку. Про какую доброту вы мне толкуете?

- Я говорю, милейший Андрей Викторович, о той первозданной, исконно русской доброте, которую не спугаешь ни с какой другой. Слава Богу, я по миру поездил, даже в Индии был. Русский мужик безусловно беден, неграмотен и бесправен, в чем, естественно, виноват вовсе не он; он беднее и бесправнее западных крестьян, он невзрачнее их, но при всей своей серости он чрезвычайно добр. Православной добротой, которой нет ни у немцев, ни у англичан, ни у французов.

- И что же это за православная доброта?

- Это то, что позволяет им называться русскими.

- Не понимаю... - дернул плечом Клюгин.

- Конечно не понимаете! Да и невозможно это понять, невозможно.

В это только поверить можно или сердцем почувствовать, а понять ни-ни. Я и сам раньше-то, когда в столицах - эдакий ученый муж, просвещение, да наука, а сюда, бывало, приеду - так чувствую себя чуть ли не Юлием Цезарем. А потом попозже понял, что ни наука наша, ни культура ближе к Богу нас не делают. И главное, что я вам скажу - мужики нас гораздо сильнее в вере, хоть и неграмотные и плохо понимают, что там отец Агафон читает. А еще... - он задумался на мгновение, теребя свой пухлый подбородок, - Есть в них что-то такое, что словом выразить трудно. Надежда... или святость какая-то... в общем то, что наш русский мужик святой - я не сомневаюсь.

- Я тоже, - подхватил Антон Петрович, жуя яблоко, - Только святость та в нем слишком глубоко запрятана. Я бы даже сказал - завалена, засыпана всяким хламом.

- Вы имеет в виду его необразованность? - спросил Красновский.

- Я имею в виду, дорогие мои, его горбатость. Они все привыкли веками спину гнуть, вот и ходят до сих пор горбатыми. А как только распрямится - тогда и святость покажется, стало быть, тогда и поговорим. В русском мужике, вы правильно заметили, много хорошего. Но слишком тяжелые вериги прошлого...

- И грех над этими веригами смеяться, Андрей Викторович! - Красновский повернулся к усмехающемуся Клюгину, - Грех! Дело любого просвещенного русского человека - помочь своему забитому собрату по нации. Просветить, научить, направить. Наши предки из него кровь пили. Стало быть, нам и их вину искупать.

- Bravo! - засмеялся Ключин, лениво хлопая в ладоши, - Точь в точь мои слова двадцатипятилетней давности! Правда я-то шел несколько дальше. Я мужика призывал свергнуть власть придерживающих и установить с нашей помощью подлинную демократию. За что и поплатился .

- Ну, батенька, зачем же кровь-то проливать? - иронично, и в то же время строго, заметил Антон Петрович, - Нет бунта русского глупей и гаже. Точнее не сказать..

- Отчего же, - быстро вставил Ключин, - Умрешь не даром, дело прочно, когда под ним струится кровь. Автор почти тот же.

- Поэт имел в виду жертвенную, духовную кровь. И не зарубленных дворян, а добровольно идущих на эшафот, за просвещение, за, наконец, свободу! - с жаром ответил Красновский.

Ключин отрицательно мотал головой:

- Ну, ну. Значит на Сенатской площади господ дворяне в себя стреляли, а не по государевым генералам?

- На Сенатской площади, любезный Андрей Викторович, случилась самая ужасная нелепость России! - горячась, говорил Красновский, - Ей пытались привить чужеродную ветвь и сделали это чудовищным способом! Но идеи Бабефа и методы Робеспьера тогда Россия не приняла. Русский человек не француз, у него хватило ума отказаться от кровавой диктатуры якобинских трибуналов. Вот в этом-то и есть российская мудрость, о которой я говорил. Россия сама свой путь выбирала. Пусть собственный. И верно выбирает. Верно.

Красновский смолк.

То ли от близости костра, то ли от волнений на его лбу выступила испарина.

- Россия сама, как вы сказали, ничего никогда не выбирала, - резко произнес Ключин, - Ей нечем выбирать-то, у ней головы своей сроду не было. Вспомните, вы же историк. Как только из землянок выползли наши незабвенные предки, так сразу к варягам челом бить - дайте правителя, сами собой править не в силах. И вот, *s'il vous plaît*, Рюрик, Трувор, Синеус...

- Россия не с Рюрика началась.

- А с кого же?

- С крещения. Рюрик, древляне, вятичи, дреговичи, Перун, все это первозданный хаос, строительный материал. Как только принял народ крещение, поднялся с четверенек на обе ноги, так и государство появилось, и зажили не хуже французов...

- Да, полноте, какое там - не хуже французов! Лаптем ши хлебали, на Константинополь молились, перед татарами спину гнули. Что у России было свое? Лапти, балалайка! И воз невежества впридачу. А все остальное у чужих заимствовали: и веру с иконами византийскими, и грамоту греческую, архитектуру с миру по нитке, я уж не говорю о государях. Кто из них русским был? Разве что Гришка Отрепьев... Так что не поминайте французов...

- Французы, батенька, и остались французами только потому, что до них татары не дошли, потому как в России увязли. Всей нынешней Европе России надо в ноги поклониться, что она себя кочевникам в жертву принесла. До Польши докатились, а дальше сил не было идти. А коли б были, посмотрели бы мы теперь на французов, да на немцев. Бог их сберег через Россию. Мы в тринадцатом веке кровью на пепелищах обливались, а они на турнирах тешились, да все ко гробу Господню походы снаряжали...

- А столетняя война?

- Ну, сравнили! Сто лет с англичанами фландрийских баб делили, потом свою же Жанну д'Арк сожгли, Карла VII короновали, освободили Париж и расстались друзьями, братьями во Христе! O la la! Nous sommes de braves hommes!

Клюгин вместо ответа рассмеялся, махнул рукой:

- Да ну вас. Скучно. За Россию лапотную горой стоите, у мужика мудрости решили подзанять...

- И вам советую! - горячился Красновский.

- Ну, насчет мудрости - не знаю, - Антон Петрович кинул огрызок яблока в костер, - А вот добродушия и простоты я бы у наших крутояровских мужиков подзанял. Все мы с вами столицами несколько подпорчены. Слава, признание, достаток - все это для истинно русской души, как червоточина для яблока. По-моему, надо быть проще с мужиками... Я не прав, Николай Иванович?

Рукавитинов, все это время лишь молча наблюдающий за развернувшейся дискуссией, заговорил неторопливым мягким голосом:

- Да почему же не правы? Правы. Только мне кажется, опрощение чреват крайностями не менее отвратительными, чем спесь и чванство. Я видел однажды такого опростившегося аристократа и, признаться, зрелище было не из приятных... Вообще, мне кажется, нам, русским, надо поменьше впадать во всякого рода крайности. Это касается и собственно жизни и взглядов на жизнь. У русского если не черное, то непременно белое, а не серое... Я послушал ваш спор. Если конечно его можно назвать спором... - Николай Иванович слегка наклонился вперед, сложил руки вместе и потирая их, продолжал:

- Я не смею давать какие-либо советы, но мне хочется спросить вас, почему мы так много говорим о России, о русской душе, о русском мужике?

Красновский пожал плечами:

- Как почему? Да потому что мы живем здесь.

- Этого мало, - с мягкой решительностью перебил его Рукавитинов, - Немец живет в Германии, однако он, как правило, занят делом, а не разговорам. Ему все ясно, он знает что делать.

- Вы хотите сказать, что мы не знаем? - спросил Красновский.

- Именно! Иначе бы мы не спорили. У нас ни одной вечеринки, ни одного застолья не проходит без споров о России. О ее прошлом,

настоящем, но больше о будущем. Спорят все и спорят уже довольно долго. Спорят потому, что проблема будущей России действительно существует. Она не решена.

- И никогда не решится! - засмеялся Ключин, привставая с сена и потягиваясь.

- Вам бы конечно хотелось, чтоб она никогда не решилась! - с раздражением проговорил Красновский.

- Да отчего же. Я не против... - бормотал Ключин, разминая затекшие от полусидячей позы конечности, - С удовольствием посмотрел бы на осушение Российского болота. Даже готов поучаствовать. Признаться, в молодости я всем сердцем жаждал этого и готов был самим собой, своей, так сказать, плотью унавозить почву для будущего сада демократии и прогресса. Да вот бес сомнения поупугал и, хоть убейте меня, господа, а не верю я, что место сие когда-либо перестанет быть болотом! Просто не верю!

- Не верите, и Бог с вами! - в сердцах махнул рукой Красновский, - Вы, Андрей Викторович, ни во что и не верите, даже в Бога! Так что ж про Россию говорить? Не верите, так и не верьте!

- Не верю, не верю... - повторил Ключин передергивая плечами, словно в ознобе, - Хотя понимаю Тютчева. И то, что умом Россию не понять, и что аршином, опять же, общим не измерить. И то, что у нее, в некотором роде, особенная статья. Прекрасно понимаю. Но верить в нее не могу. Не верю.

- Ну не верите и ладно! Не верьте!

- Не верю.

- Не верьте, не верьте!

- Да я и не верю... - Ключин зевнул и, достав из кармана плаща потертый кожаный портсигар, стал закуривать.

- Россия и не нуждается в таких людях как вы, - с обидой в голосе заключил Красновский.

Ключин промолчал, зажигая спичку, зато Рукавитинов быстро возразил:

- Не скажите, Петр Игнатьевич. России всегда, во все времена не хватало холодного критического взгляда на себя. И не западного, а своего. Маркиз де Кюстин безусловно во многом прав. Но он судил Россию, глядя на нее из столицы просвещенной Европы.

- А я смотрю на нее из глазниц своего переразвитого русско-неандертальского черепа! - резко перебил его Ключин и отрывисто засмеялся, не выпуская мундштука с папиросой из зубов, - Я духовный неандерталец, я ни во что кроме смерти не верю! Хэ, хэ, хэ! И поэтому я объективен, господа! И вообще, я спать хочу, - он сунул костлявые длинные руки в карманы плаща, резко повернулся и пошел к телеге.

- Я спать хочу, спать, - повторил он уже менее разборчиво, словно для себя.

Подойдя к телеге он сел на ее свободный край и плавно откинулся

назад, угодив головой прямо на спину спящему Акиму.

Объездчик, не пошевелившись, продолжал спать.

- Несносный человек, - пробормотал Красновский, косясь на прилежного Клюгина, - Прямо какой-то Гамлет Крутояровский. Черт знает что!

- Андрей Викторович большой чудак, - с одобрением в голосе произнес Антон Петрович отвинчивая пробку у фляжки, - Я его люблю.

- Да за что же?! - восторженно воскликнул Красновский, - За цинизм и безответственность ?

- За равнодушие к себе и за критический, как выразился Николай Иванович, взгляд. Хотя в большой дозе фельдшер утомителен.

- Какой критический взгляд! Какое там... - махал руками Красновский, - Циник. Циник и фигляр. Ничего не признает, никого не любит. Базаров какой-то доморощенный..

- Между прочим, я все слышу, - сонным голосом пробормотал из телеги Клюгин.

- Ну и на здоровье, - слегка стусевавшись, буркнул Красновский.

- Давайте-ка промочим горло, - предложил Антон Петрович, отвинтив наконец крышку фляги, - Прошу, судари, ваши бокалы.

Красновский, Роман и Рукавитинов протянули ему свои стопки.

Антон Петрович наполнил их, налил в свою и бросил пустую фляжку на скатерть:

- Давайте-ка выпьем за нашу Русь.

- Давайте, - с каким-то облегчением произнес Красновский.

Четыре потемневшие серебряные стопки сошлись вместе, стукнулись друг о дружку.

Все выпили.

Антон Петрович шумно выдохнул, бросил стопку, потянулся за огурчиком. Рукавитинов отер усы и бородку платком:

- Чудно... Право не помню, когда так вот в лесу, при костерке. Чудно...

- А я помню, - улыбнулся Роман, - Три года назад. В Вырубке. Но только не в мае, а в августе. И также вот четвером. Не помните, Николай Иванович?

- Что-то не совсем припоминаю...

- Мы тогда по тетеревиным выводкам ходили. Вы убили тетерку, по которой Петр Игнатьевич промахнулся.

- Аааа. Да, да. Вспомнил. Вы еще мне помогали вытаскивать ее из кустов. Вспомнил, вспомнил. И так же вот сидели, выпивали. Вы помните, Антон Петрович?

- Припоминаю, - кивнул дядюшка, жуя огурец, - Тогда мой покойный Дик был и ваша Лада, Петр Игнатьевич, которая вскорости после этого принесла вам кучу премоулых шенят.

- Лада? - восторженно воскликнул Красновский, - Чудная была собака! Верхнее чутье изумительное, стойку держала превосходно.

- Ну, Дик, положим, работал не хуже.

- Что вы! Лучше Лады собаки сроду не было. Сколько я с ней походил... Да. И так быстро померла. За три дня кончилась. Наденька с Зоей так плакали...

Он вздохнул и, взяв со скатерти половинку яблока, откусил, стал рассеянно жевать, глядя на красные угли прогоревшего костра.

Кругом было по-прежнему тихо, но темнота уже не была непроглядной: небо посветлело и меж деревьями стало угадываться пространство.

Клюгин и Архип спали в телеге, лошадь безмятежно шипала траву.

- А знаете, господа, я сейчас подробно вспомнил ту ночь у костра, - проговорил Рукавитинов, - Что удивительно, мы тогда тоже говорили о России и спорили о ее будущем. Но тогда главным спорщиком был Роман Алексеевич. А сегодня вы, Роман Алексеевич, молчали. Вам, значит, надоело спорить на эту вечную тему?

Роман ответил не сразу, выпитая водка, усталость и костер давно уже погрузили его в состояние полубытья. Страхивая дремоту, он повел плечами:

- Три года назад я действительно любил говорить о России. Потом я любил думать о ней. А теперь, Николай Иванович, я решил, что и то и другое мне не подходит. Теперь я люблю жить в России, совсем так, как я любил в детстве. Но тогда это было бессознательно, теперь же я понимаю, где я живу и мне от этого так хорошо, что даже не хочется говорить.

- Мудро сказано! - воскликнул Красновский, - Вы, Роман Алексеевич, мудры не по годам. А я вот, старая перешница, готов о России спорить на каждом углу, хоть с сапожником.

- Отчего так? - спросил Рукавитинов.

- Да оттого, что из-за таких вот нигилистов да разных темных личностей, - он посмотрел через плечо на спящего Клюгина, - У нас, у русских в голове полная каша: одни на запад смотрят, раскрывши рот, другие в страхе на восток пялятся, третьи пьют горькую. У русского человека хамства и лени и так отбавляй, что поделаешь, наградили нас татары этими грехами, а тут еще крикуны, да критики с кукишем в кармане: Россия болото, Россия - провинция беспросветная, России надо к немцу-англичанину в ноги бухнуться, России надо старую кровушку спустить, России надо то, России надо это.... Кричат на все лады, как сороки, мужик для них - пешка, Россия - шахматная доска, хотим - пешки сюда, хотим - сюда, а хотим - и смахнем их вовсе к черту, да позовем немцев, пусть научат gut arbeiten!

- Ну, положим, этому у немцев действительно не грех поучиться! - заметил Рукавитинов.

Красновский махнул рукой:

- Учился я у них! Не спорю, головы есть толковые, но простите, мне в кирхе ихней не просто скушно, а как-то страшно становится, - для

них, что университетская кафедра, что церковная, одно и то же. В их народе нет страха Божьего, он у него заменен воспитанием. А ученые их так все поголовно безбожники. Все верят в науку. Да и вообще, Европа меня давно уже разочаровала. Там душе как-то холодно. Русской душе. Нет теплоты там. И русскому человеку нет места. Мы там всегда были гостями, гостями и останемся. И я никогда, слышите, никогда не променяю последнего русского нищего на марбургского профессора. Я лето провожу в Крутом Яре, и я нигде так не отдыхаю душой, как здесь. Посмотрите вокруг, полюбуитесь красотой русской природы, послушайте как девки поют, как парни острословничают, как старики балагурят! Это же как живая вода! Все в народе нашем есть, все в нем крепко и ладно. А то что он, как выразился Антон Петрович, - горбат, то-есть, покамест по-настоящему не свободен, - так это беда поправима. Дайте время - он распрямитя. И распрямитя сам, без крикунов, без террористов, без разного рода темнил. Больно видеть, как они нас оболещают. Русский народ доверчив и прост, как дитя. А они искусны, очень искусны. Пользуются его неграмотностью, сулят золотые горы и свободу... Ничего, дайте время.

Он замолчал, нахмурившись. В этот момент тишины все услышали равномерное тихое посапывание Антона Петровича, который, оказывается, спал, привалившись спиной к корзине и свесив голову на грудь.

Николай Иванович улыбнулся и прошептал:

- Кажется, мы договорились. Как сказал бы Ключин - вот чем кончаются ваши споры о России.

Красновский зевнул, посмотрел вокруг:

- Светает. Надо б собираться, да домой ехать.

- Чур, Петр Игнатьич, будить спящих будете вы, - шепнул Николай Иванович, подвигаясь к скатерти и начиная ее сворачивать.

Роман встал со своего места, потянулся и вздрогнул всем телом, словно от холодного душа.

- Знаете, я пожалуй пройду пешком, - объявил он, застегивая куртку и надевая шляпу.

- Что так? - сонно спросил Красновский.

- Трястись не хочется.

- Ну, смотрите. А то б вместе сели да поехали.

Но Роман, приподняв шляпу и поблагодарив за чудесный вечер, повернулся и зашагал прочь.

В лесу уже было совсем светло. Небо побледнело и звезды погасли. Только широкий серебристый месяц висел над лесом, привлекая к себе взгляд. Роман шел по молодой траве между деревьев, в листве которых уже перекликались проснувшиеся птицы. Ему было легко, и усталостная дремота с каждым шагом покидала его тело. Он шел налегке, бросив там у костра и охотничье снаряжение, и трофеи, но воспоминания об этой удачной охоте были при нем. Он был доволен и чувствовал в себе силу,

свободу и уверенность. Может быть именно эти чувства и не позволили ему включиться в недавний спор, хотя он тогда сквозь полудрему слышал каждое слово и на каждое слово имел возражение. Он понимал и желчную слабость мизантропа Ключина, и наивность славянофильских притязаний Красновского, и осторожность раба науки Рукавитинова, и простодушное барство Антона Петровича. Но именно то поющее чувство, пробудившееся в его душе на охоте, и не покидающее его с тех пор не позволяло ему опуститься до бессмысленного спора.

Он шел, переполненный силой и свободой, с каждым шагом чувствуя себя еще сильнее и еще свободнее.

"Боже, как прекрасно, что аз есмь", - думал он, - "Как чудесно, что я могу идти по этому пробуждающемуся миру, не разбирая протоптанных людьми дорог, никого не встречая, и ни от кого не завися! И как прекрасно, что нет у меня ни с кем родства и в то же время есть любовь ко всем, и что по этому утреннему миру, который создан вовсе не для меня, я могу идти с любовью и радостью!"

Выйдя на край Маминой рощи, он сразу свернул влево, решив пройти к селу краем, а потом через Выруб. Мамина роща тянулась долго, но Роману показалось, что он прошел край на одном дыхании, перебрался через Гнилую балку, подняв из камышей стаю диких уток, и оказался перед стеной густого старого елового леса. Эту стену рассекла широкая просека.

Роман вошел в нее, и опять же на одном дыхании своего чудесного чувства прошел Выруб, который кончился уже смешанным лесом.

Здесь, на краю просеки стоял дом лесничего, в котором когда-то жил славный Георгий Михайлович Сотников. Теперь дом принадлежал новому лесничему. Это было просторное добротное строение без особых затей, но с двумя трехгранными верандами, со вторым этажом и с балконом, нависшим прямо над крыльцом. Со стороны Выруба к дому подступал прекрасный яблоневый сад, весь усыпанный яблоневым цветом.

Роман подошел к крайней яблоне и остановился.

Кругом было тихо. Все ждало восхода солнца. Роман стоял, наслаждаясь чудесным мгновением.

В это время дверь балкона отворилась. На балкон вышла девушка в ночной голубой рубашке с русыми распущенными волосами. Роман тут же узнал ее. Это с ней они зажигали в церкви пасхальные свечи от одного пламени. Затаив дыхание и не смея шевелиться, он смотрел на нее из-за белой яблоневой ветки. Она же, оперевшись о перило балкона, стояла с лицом, еще не отошедшим от сна, глядя на восток.

И когда первый луч скользнул по кронам деревьев, ее юные, по-детски припухлые губы тихо произнесли:

- Здравствуй.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Что может быть красивой, милей и проще букета из луговых цветов и трав, собранного в горячую пору сенокоса?

Ни яркие розы, ни пышные гладиолусы, ни изысканные лилии и орхидеи не в силах затмить этой неповторимой красоты, этого подробного многообразия форм и соцветий: темно-синие, невинно склонившиеся колокольчики на тоненьких, робко подрагивающих стебельках, приветливые в своей простоте ромашки; грациозная "куриная слепота" с нежно-желтыми слезящимися цветками; пушистый нежно-розовый, доверчивый клевер; подробный, густой, как цветущая липа, зверобой; буйный, по-царски яркий татарник; скромный иван-чай; опьяняюще нежный "львиный зев"; прямодушный и неприхотливый, как средневековый воин, осот; желчная, крепкая сурепка; затейливые, словно вырезанные из сандалового дерева "кукушкины слезы"; незаметный тысячелистник, и, наконец, изумительный, вплетающийся резными листьями папоротник. Сколько гармонии в таком букете! Свежесобранный, с еще не скошенного луга, перетянутый травинкой, он радует глаз, дышит густым ароматом трав, притягивая гудящих над лугом насекомых: ему не нужны ни кубок, ни ваза. Граненая рюмка, или узкий бокал подчеркнут его неповторимость....

Роман любил полевые цветы. Теперь, когда жаркий июль стоял на дворе, он собирал их часто, и почти в каждой комнате большого дома Воспенниковых стояли в рюмках, бокалах или просто в стаканах эти любовно подобранные букеты. Одно время он пробовал их писать, но маслу было не под силу передать все многоцветье луговой палитры, а акварель Роману не давалась. Рисовать же цветными карандашами казалось скучноватым занятием.

Букеты долго не давали покоя, притягивая глаз, отвлекая от почти ежедневных пейзажных экзерсисов, но - о, радость! - пришла пора сенокоса и все - букеты, живопись, чтение Шопенгауэра - ушло на задний план.

Как забилося сердце Романа, когда сквозь утреннюю дрему долетел до его слуха звонкий стук набиваемой косы! Зародившись в прохладном воздухе, он повис над рекой неповторимой мелодией, обещавшей очень, очень многое: ранние зори, блестящую от росы траву, с сочным шорохом падающую под жалом косы, приятную усталость плеч, обед на лугу с крестьянами, прогулки по лесу к дикому колодцу и, наконец, ни с чем не сравнимый запах подсыхающего сена.

Воспенниковы любили сенокос - и покойный отец, и Антон

Петрович всегда ходили "покосить с мужиками", причив к этому и Романа. Поэтому сегодня, пятого июля, все обитатели дома с раннего утра были подняты на ноги: на кухне стряпался скорый завтрак, в гостиной Роман и дядюшка обувались в лапти, у крыльца стояла на привязи запряженная в телегу одна из лошадей Акима, в то время как хозяин, кряхтя и цокая, смазывал дегтем оси колес. Роман первый покончил с новенькими, желтого лыка лаптями и, поднявшись с дивана, потопал ногами, проверяя, удобно ли в непривычной обуви. Ногам было легко и удобно.

- Не спеши, не спеши, Роман, свет Алексеевич, - бормотал Антон Петрович, аккуратно наворачивая полотняные онучи на полную широкую ногу, - Лапки - это тебе не яловый сапог. Тут, брат, как обуешься, так и походишь. Обуешься ладно - и походишь складно, а на скорую руку - обуваются на муку!

Эту прибаутку он повторял каждый раз при обувании лаптей, напутствуя Романа.

- Прекрасно, дядюшка! - усмехнулся Роман, застегивая расшитый ворот косоворотки и расправляя складки рубахи под плетеным кожаным пояском.

- В лапте, брат, - сила! Величайшее изобретение русского ума. В нем нога, как младенец в люльке, - заправляя конец онучи, басил Антон Петрович.

- Господа косари, к столу! - донесся из столовой веселый голос тетушки.

- Спешим, спешим! - загремел в ответ Антон Петрович, обувая лапоть и топая ногой.

Они быстро позавтракали и вышли из дома.

- Ну, как наш славный Россинант? - похлопал Антон Петрович смиренно стоящую лошадь по бурой шее.

- Все ничаво, да телега стара, - поднялся с четверенек Аким, - На новой Марфа нонче дор продавать повезла.

- Ничего, борода, доедем! - успокоил его Антон Петрович, отвязывая лошадь.

Роман сел на край телеги, щедро застланный прошлогодним сеном, из которого торчали два плетеных кузова с едой и бочонок с квасом; в самом низу лежали две косы со спелеными полотнищем лезвиями.

- Ромушка, возьми топленого молока, - Лидия Константиновна, спустилась к ним по крыльцу. За ней, придерживая крынку с перевязанным горлышком, осторожно сошла Настасья.

- Поставь, душа моя, - кивнул Антон Петрович, - В поле все сгодится, что пьется и ядятся!

- Под горку шибко не гоните, - осторожно напутствовал Аким, - **Порассохлася**, чтоб ее...

- Бог не выдаст - свинья не съест, - отрезал Антон Петрович,

разбирая вожжи и грузно усаживаясь в заколыхавшейся телеге, - Ну, Господи, благослови честных тружеников!

Он чмокнул губами, поддернул вожжи и, увлекаемая не слишком резво потянувшей лошастью, телега покатилась.

- Ромушка, голубчик, проследи, чтоб он не сильно увлекался! - крикнула Лидия Константиновна.

- Непременно, тетушка! - махнул рукой Роман.

Антон Петрович подстегнул вожжами лошадь и, когда она нехотя побежала, запел свою неизменную попутную:

Раззудись, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни в лицо,
Ветер с полудня!

Они ехали "луговой" дорогой, которая пролегла через спрятавшуюся в ивняке водяную мельницу, пересекала по крепкому, свежесработанному мосту реку, долго ползла в гору, а потом, рассекая огромное ржаное поле надвое, тянулась до Маминой роши, - молодого лиственного леса, как плешинами, выеденного крестьянскими лугами. Когда поехали рожью, лошадь побежала резвее, дядюшка достал часы, глянул:

- Мдас. Седьмой час. С опозданием, с опозданием... Мужики с пяти косят.

- Ничего, нам простительно, - пробормотал Роман, закуривая.

- Смотри, хлеб не сожги, Герострат! - хлопнул его дядя по плечу, - Косу держать не разучился в своих столицах?

- За три года... не знаю.

- Ничего, вспомнишь, - дядя убрал часы и со вздохом произнес, - Косить русскому человеку непременно нужно. Непременно! Трудиться физически - святое дело. А мужику помочь еще святее. Он ведь на всех на нас работает, спину гнет. На артистов, на художников....

- Значит, дядюшка, вы всегда ездили косить из чисто альтруистских побуждений? - усмехнулся Роман.

- Не совсем так, - Антон Петрович махнул своей большой рукой, отгоняя слепня, - По молодости - пробовал себя, форсил, осваивался, так сказать, в новой сценической обстановке. Потом в средние годы косил для поддержания тонуса. А теперь кошу в основном ради христианской помощи ближнему.

- Не верю, дядя Антон! - засмеялся Роман, обнимая Антона Петровича, - Ой, не верю!

- Святая правда! - укоризненно приложил руку к массивной груди дядюшка, но глаза его сияли лукаво и озорно.

- Дядюшка! Дядюшка! - сильнее рассмеялся Роман, откидываясь

назад.

Смех овладел им неожиданно и сильно. Он хохотал до слез, откидываясь назад, сжимая в руке гаснущую папиросу, хохотал, пряча лицо в ладони, постепенно заражая смехом Антона Петровича.

- Дядюш...ка... ой... ха-ха-ха!!! Дядя Антон!

- Что ты, Господь с тобой, - бормотал, подсмеиваясь, Антон Петрович.

- Дядя... ох... не могу.... ха-ха-ха!

- Смотри, воздухом подавишься!

- Да как же... да..ха-ха-ха! ох....

- Рома.... хе-хе-хе... Роман... Прекрати... хе-хе-хе.

- Ох-ха-ха!!! Ох-ха-ха!! Дядя.. Ох-ха-ха!

- Рома.... хе-хе-хе... Рома... хе-хе-хе... телегу... телегу не развали...

- Ой...ха-ха-ха!!!

- Хе-хе-хе... хе-хе-хе... хе-хе-хе.

Антон Петрович начинал смеяться сильнее и сильнее. Вскоре и он затрясся и захохотал так, что лошадь, вздрогнув, покосилась на них.

Некоторое время дядя и племянник были отданы во власть безудержному смеху.

Когда, наконец, приступ прошел, Антон Петрович, отерев рукавом слезы, пробормотал:

- Да, грешен, грешен, чего уж говорить. Грешен.. ох... и лукав. А все потому, что лицедействовал тридцать лет.

- Дядя, с вами не соскучишься, - Роман в свою очередь вытирал слезы, - Теперь я и впрямь косу не удержу.

- Ничего, Бог поможет, народ научит.. Ээ... Да что же мы эдак плетемся. А ну-ка... - Антон Петрович раскрутил над головой конец вожжей и звучно вытянул лошадь по лоснящемуся на солнце крупу, - Пошла!

Лошадка взяла резвой рысью. Телега с грохотом понеслась по дороге. Поле кончилось. Въехали в Мамину рощу. Почувяв лес, лошадь пошла шагом.

- Дядюшка, а почему роща зовется Маминой? - спросил Роман, раскуривая потухшую папиросу.

- Понятия не имею. Надо будет у стариков спросить.

- Спросим на покосе.

- Спросить-то, спросим, а я вот ломаю голову с кем косить..

- Ну, у кого народу поменьше.

- Безусловно. Но как тебе сказать. Косить - это как поприше идти вместе. Не с каждым человеком хочется.

- Дядюшка, решайте сами.

- Я вот и решаю...

Дорога ползла через молодой ольшанник. Вокруг лошади вились слепни и мухи. Взмахивая по ходу смоляным хвостом и потряхивая шей,

она вяло отгоняла их. Впереди уже слышались отдаленные голоса. Лес густел и старел с каждым шагом. Дорогу обступили березы, частый орешник протянул длинные ветви, из-за которых выплыл красавец дуб с курчавой просторной кроной. Осматривая проплывающий мимо лес, Роман покачивал спущенными вниз ногами, с удовольствием пускал папиросный дым, замечая, как красиво повисает он в безветренном лесном воздухе. Справа показался просвет и яркая зелень луговой травы. Там же виднелись фигуры косцов. Это был луг Костичковых - семейства богатого и многодетного.

- Эти сами справятся, - проговорил Антон Петрович, - Там за ними еще два луга - Павликовых и Федоровых. Тоже людьми Бог не обидел...

Роман вспомнил многочисленных белобрых детей одноглазого балагура Тимофея Федорова по прозвищу Дубец и улыбнулся.

- Слева косит вдова Гудилиха. Поедем-ка к ней.

Антон Петрович сильно потянул за левую вожжу, лошадь свернула с дороги и поехала не очень старым дубняком, по продавленной в траве колее. В неподвижных зеленых ветвях перекликались птицы, косые лучи еще не жаркого солнца падали вниз, на обрызганную росой траву.

Задевая свешенными ногами верх травы, Роман сразу сквозь лапти и онучи почувствовал прохладу.

Он прыгнул с телеги и пошел рядом.

Дорога свернула вправо, дубовая роща неожиданно расступилась и не слишком большой Гудилихин луг распластался перед ними. Однако весь он был аккуратно скошен и ровные ряды травы лежали от края и до края.

- Тппрр! - Антон Петрович натянул поводья, - Вот тебе, бабушка Гудилиха и Юрьев день. Когда ж она успела? Неужели вчера?

Роман потрогал срезанную траву. Она еще не успела завясть.

- Может сегодня?

- Кто его знает, Мда.... - почесал щеку Антон Петрович, - Ну да ладно. Все к лучшему, Роман Алексеевич! Садись! Поедем на Миронов! Там, брат сейчас если не Бородинское сражение, то уж в крайнем случае - Куликовская битва! Нно!

Роман вспрыгнул на телегу, лошадь потрусила краем луга.

Они немного проехали по лесу и въехали на огромный Миронов луг - принадлежащий Красновским - красивейшее место во всей Маминой роще. Впечатляющая картина открылась им: человек пятьдесят мужиков шли ровным строем, равномерно взмахивая косами. Поодаль, с края леса стояли шесть подвод, вокруг которых бегали ребятишки и суетились несколько женщин. Все здесь дышало настроением большой и спорой работы.

- А мы, олухи, хотели ехать к какой-то Гудилихе! Вот где настоящее раздолье! - дядя хлестнул лошадь и, по скошенным рядам, она подъехала к другим телегам.

Ребятишки и бабы окружили прибывших.

- Желаю здравствовать вам, труженники поля! Бог в помощь! - произнес на весь луг Антон Петрович, встав на телеге во весь рост.

Бабы, наклоняя повязанные платками головы, зачастили свое "здравствуйте", косцы, не отрываясь от дела, громко приветствовали Воспенниковых и улыбались.

В Крутом Яре Антона Петровича знали все, к его шуткам и чудачествам давно привыкли. Романа узнавали не сразу, но узнавши, одобрительно качали головами: бабы стали звонко, на перебой звать его "Роман Лексеичем", говорить, охать и смеяться:

- Ох, Роман Лексеич, чтой-то вы как мужик в лаптях обулися!

- А я вас сразу и не признала.

- Не уж косить с нами? Ой-ей!

- Антон Петрович, сподобил, стало быть.

- А ён каждый год косит, во как!

- Косит, как мужик.

- Это ж надо так, Царица Небесная, руки бить зря...

- Вы же поуморитесь, Господи...

- Роман Лексеич, водицы испить не желаете?

Доставая из-под сена косы, Роман с улыбкой покачал головой.

Какая-то баба принялась помогать ему снимать холстины с лезвий, другая - молодая, черноглазая - стала ловко распрягать лошадь.

- Привяжи покрепче и дай травы, - властно посоветовал ей Антон Петрович, а сам, подхватив косу на плечо, двинулся к косарям.

Роман, сунув в карман штанов точило, последовал за ним.

"Неужели я снова на покосе?" - с тихой радостью подумал он, проходя ряды свежесрезанной травы. Косящие мужики с любопытством поглядывали на него.

- Давно косите, братцы? - спросил их Антон Петрович, подходя.

- Недавно... Не шибко давно... - последовали ответы вразной.

Мужики остановились, но не сошли со своих мест. Кое-кто достал точило и стал с быстрым лязгом водить им по косе.

- Как косится? Роса хороша? - спрашивал их Антон Петрович.

- Ничаво... Хорошая.. - отвечали мужики.

- Что ж, Петр Игнатьевич был с утра?

- Ён в обед обещался... - почесал в лохматой голове ближайший к дяде мужик.

- Ну, ладно, косите с Богом, а мы за вами...

Мужики принялись косить.

Антон Петрович прошел к краю луга, туда, где начинались ряды, заступил в густую, нескошенную еще траву, достал точило и, наклонившись, стал долго, обстоятельно точить косу. Роман встал чуть поодаль и последовал примеру дяди.

- Господи, благослови, - перекрестился Антон Петрович, взмахнул

косой, срезал первое полукольцо, затем второе, потом третье, и пошел тем неспешным шагом косаря, которым шли на тридцать шагов впереди его крутояровские мужики.

Наточив свою косу, Роман убрал в карман точило и хотел было начать, как почувствовал, что на него смотрят. Он оглянулся. В лесу, сзади него стояли бабы и ребятишки. Все они смотрели на Романа во все глаза.

"Черт бы вас побрал", - весело подумал Роман, - "Эдак я и косить не смогу."

И действительно, взмахнув косой, срезал траву слишком высоко; затем - наоборот - прижал непослушную косу совсем низко, зацепив землю.

"Господи, помоги", - взмолился про себя Роман, чувствуя как краснеют его щеки, - "Я же умел, Господи, не дай осрамиться перед ними".

Но предательская коса не слушалась, вырывалась из рук, резала не там, где надо.

- Господи, Господи, - шептал Роман. Ему казалось, что стоящие сзади бабы уже подсмеиваются над ним, подталкивая друг дружку крепкими плечами.

В это время Антон Петрович оглянулся и, подмигнув Роману, произнес:

- Коси, коса, пока роса!

И, удивительно, после этой строки известной крестьянской поговорки, Роман весь как-то сразу успокоился, ему стало почему-то весело, он оглянулся на баб, подмигнул им и, покрепче взявши косу, пошел пластать траву ровно и складно.

"Господи, как хорошо!" - думал Роман, с каждым движением обретая свободу и уверенность, - "Как это просто: коси коса, пока роса... Коси коса, пока роса... Как просто и хорошо"

Он резал траву, влажную от росы, с каждым взмахом чувствуя радость и знакомый подъем чувств и сил, который переживает каждый молодой человек, взявшийся за серьезное мужское дело и по-настоящему ощутивший себя в этом деле. Хорошо отбитая, острая, как бритва, коса повиновалась ему; мокрое лезвие, двигаясь полукругом, резало траву с неповторимым, возбуждающим звуком; трава ложилась налево, громоздясь сочными охапками. Эти охапки, как иногда мерещилось Роману, появлялись из ничего на месте исчезнувших травинок, - так срезанная, сбитая трава была непохожа на растущую.

- Коси коса, пока роса, роса долой и мы домой! - шептал Роман, сочетая ритм поговорки со своими движениями.

Мужики тем временем, прошли свои ряды и стали громко точить косы. Эта неповторимая какофония заставила Романа остановиться. Оперевшись на косу, он наслаждался происходящим.

Мужики точили косы, Антон Петрович размашисто косил, бормоча что-то вроде "Ой, вы гости, господа", ребятишки, бегая то тут, то там ловили кузнечиков, бабы звонко судачили.

"Какая все-таки благодать разлита в природе," - думал Роман, - "Человек прикасается к лесу или к лугу, активно вмешиваясь в их жизнь, но не становится частью их, ибо природа навсегда отделена от него. Зато на человека сходит ее благодать, делая его чище, проще и добрее. Кто добрее и чище - крестьянин, живущий среди природы и возделывающий ее, или городской рабочий механического завода, ежедневно имеющий дело с мертвым металлом? Кто безыскуснее, беззлобнее? Кто менее развращен и более богопослушен? Кто более искренен, человеколюбив? Конечно - вот эти бородатые, невзрачные на вид мужики. Не совсем прав Красновский - добру надо учиться не у мужиков, а у природы, но пример надо брать с мужиков. А природа... природа существует объективно, она онтологична. И глупо соединять ее с человеком, делая продуктом наших ощущений, что старался доказать Беркли. Мы слишком ничтожны, чтобы своими ощущениями создать этот мир, а называть его миражом - грех еще больший. Природа создана из ничего, она существует помимо нас, как платоновский эйдос, как кантовская вещь в себе, и в этом главное чудо, главное доказательство Божественного промысла..."

- Догоняй, Рома! - вывел его из размышления закончивший свой ряд Антон Петрович. Мужики подождали дядюшку, и теперь он начинал новый ряд в шеренге с ними.

Роман взмахнул косой и снова погрузился в косьбу. Как ни старался, он не смог догнать косцов, - они опережали его почти на пол-луга. Но через час - другой, когда Роман стал уставать, они догнали его, а попросту - сравнялись с ним, перегнав на ширину луга.

Это придало Роману новые силы - он встал с ними в ряд и ходил, радуясь и обливаясь потом до тех пор, пока не загремела бубенчиками в дальнем конце луга рессорная бричка Красновского и старший в артели Фаддей Кузьмич Гирич, отерев жилистой ладонью пот со лба, не сказал наконец долгожданное:

- Шабаш!

Бричка, запряженная поджарой тонконогой Костромой, подкатила к косцам. На облучке сидел Ванька Соловьев по прозвищу Рысь - правая рука Петра Игнатьевича, его помощник в сельском деле. Ванька натянул вожжи, Красновский тяжело приподнялся с места и, оперевшись о Ванькино плечо, произнес как можно громче:

- Здорово, мужики!

Мужики вразнобой, не слишком охотно ответили.

Петр Игнатьевич был в белой косоворотке и черных штанах, заправленных в сапоги. На голове у него покоился сильно заломленный назад белый нанковый картуз.

- Что, приутомились? - спросил Петр Игнатьич, все еще не замечая

среди мужиков дядю и племянника.

- Да есть маленько... - отвечали мужики, подходя к бричке.

- Как травушка? Косить не жестко? - сощурясь от солнца, Красновский снял картуз и вытер лысину платком.

Мужики, заметив стоящий в бричке двухведерный бочонок, отвечали, что "трава жестка, косить тяжело".

- Ничего, сейчас полегче станет! - усмехнулся Красновский, хлопая Ваньку по плечу, - Обслужи-ка трудовой народ.

Ванька занялся распечатыванием бочонка, в котором конечно же была водка. Мужики, положив косы, вплотную обступили бричку, а сам Красновский, сошел на землю и двинулся к скошенной части луга.

Но вдруг в ноги ему бухнулся какой-то полный мужик в широкополой соломенной шляпе и слезно запричитал:

- Батюшка, боярин, подари лужок! Батюшка-боярин, подари лужок! Подари лужок!

Мужик, не поднимая головы, пополз к Красновскому и, хватая его за ноги, все также слезно молил "подарить лужок".

- Что за черт... в чем дело? - ... бормотал опешивший Красновский, отпихиваясь от мужика.

- Подари лужок! Ты ж, подари лужок! Подари лужок! А то утоплюся!

- Кто ... кто такой? - оглянулся, как бы прося защиты у мужиков, Петр Игнатьевич.

Мужики, забыв про водку, тарачились на неожиданное представление.

- Антон, Петрова сын! Антон, Петрова сын! - зачистил мужик, ползая на коленях за уворачивающимся Красновским.

- Черт знает что... пошел вон.. - бормотал Красновский, - Ванька! Кто этот ненормальный?

Собирающийся было разливать водку Ванька с черпаком в руке спрыгнул с брички и сквозь толпу пролез к Красновскому.

- Чаво ты мелешь? Чей это, мужики? - остановился он перед нарушителем спокойствия, но тот вдруг ловко схватил Ваньку за ноги и повалил навзничь, вопя под своей соломенной шляпой:

- Отдай лужок! Отдай лужок!

И только когда соломенная шляпа слетела с его головы, Красновский и Ванька узнали в нем Антона Петровича.

Дружный хохот раскатился по лугу. Смеялись мужики, смеялись бабы, заливались ребятишки, смеялся Роман, глупо хихикал лежащий Ванька, громоподобно хохотал Антон Петрович, и только один Красновский оторопело переводил свои подслеповатые глазки с валяющейся шляпы на Антона Петровича. Наконец, засмеялся и он, что вызвало новый взрыв всеобщего веселья.

Роман смотрел на хохочущих мужиков, радуясь сам по себе и вместе с ними, смотрел, в который раз дивясь силе и чистоте русского смеха.

И правда, какой народ способен смеяться с такой свободой и простотой, с таким неподдельным беззлобным весельем? Роман с жадностью вглядывался в смеющиеся лица, они смеялись так, словно это был их последний смех, смеялись, как будто расплачивались свободной роскошью смеха за столетия серой несвободной жизни, смеялись, забыв себя...

Слезы навернулись на глаза Романа. Как великолепно смеялись мужики! Смеялся Федор Самсонов, чернобородый широкоплечий богатырь, смеялся Яшка Гудин, высокий, худой, как жердь; смеялись Васька и Андрей Авдеевы, Степан Данилов по прозвищу Боровок, рыжебородые Иван, Авдей, Федор и Макар Звонаревы, Ваня, Петр, Матвей и Яков Цыгановы, Николка Кузнецов по прозвищу Невдаль, Федька Кулешонок. Смеялся и Фаддей Кузьмич Гирин - коренастый мужик солидной внешности с густой, тронугой проседью бородой.

- Да... Антон Петрович, потешил ты нас, нечего сказать... - бормотал Красновский, обтирая выступившие слезы и пожимая руку Антону Петровичу, - Теперь понятно, почему тебя столица так долго терпела.

- Что, натурально, брат? Нет, ты скажи - натурально? - попытался, обняв его за талию, Антон Петрович.

- Натурально, натурально! - рассмеялся, качая головой Красновский, - Рома, никак он и тебя косить заставил?

- Отчего же - заставил? Я сам кошу с удовольствием.

- Ой, чудачки... - пробормотал Красновский и, заметив стоящего рядом Ваньку, который, разинув рот, наблюдал за происходящим, молвил ему:

- Разливай! Что рот разинул?

Очнувшись, Ванька проворно влез на бричку и стал черпать водку чаркой, поднося её по очереди каждому косарю.

- Ну, что же, повеселились - пора и потрапезничать, - громко решил Антон Петрович и, обняв Красновского и Романа, повлек их за собой к телеге, - Эй, скатерть самобранная, попотчуй мужичков!

И вскоре они втроем сидели на опушке леса под молодыми березками вокруг настоящей самобранки, собравшей штоф с водкой, стопку еще теплых блинов, вареные яйца, ветчину, соленые огурцы, неизменные моченые яблоки, крынку молока и деревянную чашку сотового меда. Бочонок с квасом стоял рядом со скатертью и служил Антону Петровичу опорой для левой руки.

Напившись прежде всего прохладного игристого квасу, сотрапезники выпили по стопке водки и с аппетитом приступили было к еде, как вдруг со стороны брички Красновского долетели крики и ругань.

- Что за черт, - пробормотал Петр Игнатьевич, хрустя огурцом, - Поесть не дадут...

Все трое посмотрели в сторону окруженной мужиками брички.

Там происходило что-то серьезное: на фоне всеобщего галдежа выделялись голоса Ваньки Соловьева, Гирина и еще чей-то глуховатый, знакомый Роману.

- Не доводи до греха! Отступи, леший! - кричал Ванька.

- Попотворился на дармовое вино, Христа на тебе нет, живоглот! - гремел Гирин.

- Гоните его, пролика, чтоб ему пусто было! - визжала какая-то баба.

Петр Игнатьевич нехотя поднялся, сощуря свои глазки.

- Кого это они? - равнодушно спросил поглощенный трапезой Антон Петрович, разрывая блин пополам.

- Так и есть! - с раздражением заключил Петр Игнатьевич, - Дуролом водку за десять верст почует. И впрямь - леший...

- А! Дитя природы дикий и угрюмый! - оживился Антон Петрович, - Быстро его принесло.

- Парамон! - громко, во весь голос крикнул Красновский, и галдеж постепенно стих, - Ну-ка, иди сюда!

Из притихшей толпы выбралась знакомая рослая фигура и угловато двинулась к обедавшим. Дуролом шел босой, в серой посконной рубахе, с разорванным воротом, доходившей ему чуть не до колен, в рваных, черных портах. Подойдя к сидящим, он остановился и угрюмо уставился на скатерть.

- Ты что себе позволяешь? - сердито спросил его Красновский.

Дуролом молчал.

- Ты же не косил, Парамон, а тянешься за водкой. Не стыдно тебе?

Дуролом поднял опущенную голову и заговорил в своей горячей полубезумной манере:

- Да как же... да как же я не косил?! Ведь вон Гудилихин луг к утру на бок свалил, разбей пралич, а после поспать Господь надоумил, да отдохнул от трудов праведных! Как же не косил? Я ж всю ночь при волчьем солнышке косил, как каторжный, а она, жаба, и не поднесла ничаво! Сунула деньги, а что мне деньги? Что мне деньги, родимые вы мои, что мне деньги, святые заступники!

Он захныкал, выдрал из кармана ассигнацию, бросил под ноги и стал топтать огромной жилистой ногой.

- Bravo! - потрянул головой Антон Петрович, - Вот подлинно русская душа! Так значит ты ночью скошил Гудилихин луг?

- Ночью, ночью, провалиться мне на месте! - Дуролом крестясь, опустился на колени.

- А я думаю - кто же это так ровно и быстро срезал? - пробормотал Красновский.

- Я! Я! Я! - бил себя в грудь Дуролом.

- За этот подвиг Геракла - ему полагается, - убежденно заключил Антон Петрович, взял свой стакан, из которого только что пил квас, и наполнил его водкой, - Держи, всадник без головы .

- Деньги подбери сперва. Деньгами не бросайся, - напомнил Красновский.

Парамон быстро сграбастал брошенную купюру, подбежал и одним духом осушил стакан.

- Ох, родимая моя мамушка - великомученица! - забормотал Дуролом, одной рукой крестясь, другой - возвращая стакан, - Вот ведь, господа великомилостивые, что бедному батраку надобно! А что деньги! Сегодня взял, а завтра на зауспокойный молебен по родителям моим, страстотерпцам, пожертвую, али нищим роздам.

Он вздохнул и опустил ся на землю.

- Отчего же ты ночью косил? - спросил Антон Петрович, разливая водку по стопкам.

- Так от того, что за озорство мое сатанинское наложил на меня Христос-младенец епитимью. Вот от чего.

- За какое же озорство?

Парамон вздохнул, глядя на штоф:

- В прошлом годе, накануне Троицы шатался я по лесу - ставил силки на рябцев. А тут на грех бабы по малину шли. Ну и пристал ко мне диавол-искуситель, змей рогатый, - залез я под малинов куст и лег вот тах-то во, - Дуролом быстро согнулся в три погибели и продолжал, - Лег, значит. Бабы подошли, я дождал пока они стали малину собирать, а потом!.. - тут он искусно заревел медведем.

Все, в том числе стоящие неподалеку мужики и бабы засмеялись.

- Вот талант природный! - воскликнул, поднимая стопку Антон Петрович.

- Бабы-то конечно, с воем, да бежать. А у одной опосля и случись и выкидыш, - Дуролом вздохнул, - Ну и привиделся мне на Спас Христос - младенец босой, да в белой рубашечке. И, говорит, за озорство твое и греходелание нечистое в канун празднества Святой Троицы, за то что представлял себя зверем мохнатым - будешь все лесные дела отныне свершать в лесу ночью, как зверь. Вот и косил я при луне, да волков слушал, прости, Христе-Спасе, грешную мою душу...

Он снова перекрестился.

Антон Петрович качнул головой и, пробормотав, "мда, роковая история", выпил водку. Роман и Красновский поступили таким же образом.

Дуролом, почесывая свои смоляные космы, угрюмо наблюдал как они стали закусывать. Выпившие свою чарку косцы, тем временем тоже расположились возле телег, развязывая узелки со снедью, разговаривая и шутя.

Расправляясь с пухлым, обильно промасленным блином, Роман почувствовал, что совершенно не захмелел от выпитой водки а наоборот, взбодрился, не чувствуя усталости. Зато Антон Петрович явно хотел отдохнуть - движения его стали вялыми, он часто позевывал и поглядывал

на стоящую в тенике телегу. Красновский напротив - был не в меру возбужден и разговорчив. Он непрерывно рассуждал о новейших способах расчистки лугов, об английском клевере, о нынешних ценах на сено. Роман все это пропускал мимо ушей, он весь был поглощен состоянием бодрости и внутренней радости, чувствуя его в каждой мышце тела, ему хотелось опять ходить в ряду с мужиками, не уступая им ни в чем.

- Мда, как однако, летом прохладно в наших кушах, - вздохнул Антон Петрович, - И вот, что я, грешный палестинец, подумал: а не соснуть ли нам?

Красновский пожал плечами:

- Я, собственно, с удовольствием, да не могу - дома ждут.

Он приподнялся с травы, надел свой картуз.

- А я хочу косить, - встал Роман.

- А я хочу спать! - в тон ему со смехом сказал Антон Петрович, с трудом поднимаясь со своего уютного места.

- Кстати, завтра у отца Агафона банный день, он всех приглашал, - проговорил Петр Игнатьевич.

- Отлично, попотешим плоть веничком, - Антон Петрович подошел к телеге и стал в нее забираться.

- До завтра, Рома, - пожал Красновский руку Романа и заспешил к своей бричке.

Дуролом поплелся за ним, по всей видимости надеясь, что в красновском бочонке еще кое-что осталось. Роман же, видя что компания естественным образом распалась, подошел к сидящим вокруг телег крестьянам и, сев в тень, прислонился к стволу березы.

Закусывающие крестьяне смотрели на него с одобрительным любопытством, для них он, как человек иного мира, всегда был интересен, а теперь, в крестьянском наряде, да еще косящий с ними луг - и недавно.

Взбодренные водкой, они почти без стеснения принялись задавать вопросы или просто отпускать хорошо знакомые ему реплики:

- Роман Лексеич, а что дядюшка никак уморились?

- Мозолей не набили, чай?

- Теперича с вами и нам косить ловчей!

- Вот, Ванька, поучись, брат...

- Роман Лексеич, откушайте кваску!

- Чтой-то нонче вы по рыбку не ходили?

- Роман Лексеич, покушайте малинки, только шас на просеке насбирала!

Он слушал их, улыбался, отвечал, шутил, не чувствуя никакой разницы между собой и ими, радуясь, что и они, подчас, увлекаясь, разговаривая, забывали об этой разнице, и та толстая, веками создаваемая стена между русским мужиком и русским барином становилась совсем

прозрачной.

Вдруг кто-то из них затянул песню. Пела молодая крестьянка хорошим мягким голосом:

Туман яром при долине,
Да широкий лист на калине,
Да еще шире на дубочку,
Да понял голубь голубочку.

Роман часто слышал эту песню здесь в Крутом Яре, он знал ее неспешную мягкую мелодию.

Подхватили еще несколько женских голосов и вскоре пели уже все бабы:

Понял свою, не чужую,
Паняночку молодую.
Да паняночка муку сея,
Да на пылочку набивая,
Да калачики натирая,
Да за реченьку отсылая,
Да за реченькой, за рекою
Живет Ваня - ковалёчек...

Их слитые воедино голоса звучали свободно и слаженно. Мужики, ребяташки, Роман - все, притихнув, слушали как льется над лугом русская песня:

Да ты скуй себе топорочек,
Да пойдя, Ваня, во лесочек
Да сруби, Ваня, тополечек,
Сделай Насте холодочек.
Да чтоб Настя не горела,
Да чтоб сердцем да не болела,
Да была б Настя веселая,
Да была б Настя веселая.

Песня кончилась и некоторое время все сидели молча. Тишина и покой стояли над лугом.

II.

15.VII. "Отчего человек хочет непременно что-то добавить к созданному Богом миру? Он пишет картины, книги, сочиняет стихи, создает философские системы, наконец, строит небывалые сооружения, как-бы дополняя промысел Божий. Не оттого ли это, что после нашего грехопадения мир отошел от нас и стоит в отдалении, а мы всеми своими книгами и картинами, симфониями и дворцами стараемся заполнить эту брешь, эту полосу отчуждения, пролегшую между Миром и Человеком? Навсегда ли она? Мне кажется, что навсегда. Так значит все наше творчество - лишь смертная тоска по утерянному раю, по тому времени, когда мы были вместе с миром, вместе со всей природой, вместе с Богом? Но, была ли тогда у нас свобода воли? Трудный вопрос. С одной стороны - первые, обожженные люди, не знали смерти, болезней, неудобств и сомнений, и в этом была их несвобода. Но с другой стороны выбор между раем и не раем был, а возможность выбора - уже свобода, уже автономия воли".

Роман положил ручку, закрыл чернильницу и дневник. Полуденное солнце ярко светило за распахнутым окном, поливая зеленые кущи сада знойными лучами. В комнате было душно. Пахло старой мебелью и засушливым летом. Роман подошел к окну и закурил. К радости крестьян, дождя не было уже недели две, и трава, по меткому выражению Саввы, "сохла прямо на косе".

Сенокос вступил в свою последнюю фазу, по вечерам из Маминой рощи со скрипом и пением потянулись десятки возов и вся дорога была устлана сухими травинками.

Роман любил выходить из дома вечерней зорью, и, расположившись под дубом над рекой, слушать музыку возов. Вечером было хорошо - веяло прохладой от реки, пахло сеном...

Он затыкнулся и шумно выпустил дым в окно.

В мастерской стояла недавно начатая картина, но работа шла тяжело - мешала жара и еще что-то - словно кто-то невидимый держал Романа за руки, сковывая и не пуская.

"Страх перед полотном надо топить в омуте работы", - любил говорить Магницкий, но Роман почему-то не мог, как бывало, стряхнуть этого невидимого врага и ждал пока он сам оставит его. Такая осторожность отчасти была продиктована серьезностью замысла Романа, ведь он первый раз в жизни задумал писать картину С этюдными всегда все получалось, а здесь, - он каждый день стоял перед белой двухметровой плоскостью свежезагрунтованного холста с подробно нанесенным

рисунком, и, хмурясь, тербил кисти. Работа не шла, и уже неделю полотно белело в студии.

Роман курил, разглядывая сад.

Две босые девки в белых платках собирали клубнику, оглядываясь на Романа и тихо хихикая. Клубники в этом году было много, ее собрали почти восемнадцать ведер и эти хихикающие девчата собирали девятнадцатое. Отсюда Роман мог видеть, как играет солнце в груди рубиновых ягод.

- Ромушка, молоко! - раздалось где-то внизу.

Роман потушил папиросу и вышел из комнаты.

Внизу, на притененной плющем и диким виноградом веранде, за столом сидели Антон Петрович и тетушка. Было время полдника и стол был накрыт соответственно.

- Рома, не видел ли ты из своей студии какой-нибудь тучки? - спросила тетушка, пригубивая молоко из чашки.

- Как-то не заметил, - усмехнулся Роман, садясь на свое место и придвигая стакан с молоком.

Антон Петрович, флегматично жуя землянику, листал толстый литературный журнал. Пенснэ и сосредоточенность придавали его лицу угрюмое выражение.

- Как парит, - со вздохом произнесла Лидия Константиновна, глядя на заросли винограда, шевелящегося под слабым ветерком за распахнутыми окнами веранды.

- В здешних краях июль - самый жаркий месяц, - проговорил Роман, отправляя в рот земляничные ягоды и запивая их холодным молоком.

- Ну, не всегда, Рома. В прошлом году наоборот - на Духов день стояла ужасная жара, а в июле пошли дожди. А на Преображение уже три кадушки грибов насолили.

- Это не те ли грибы мы едим?

- Конечно, те.

- Замечательно вы солите, тетя.

- Спасибо, Ромушка, - она улыбнулась своей мягкой женственной улыбкой, - Дай Бог дождичка. Сейчас и грибы и огурчики - все пошло бы.

- Мда... - с тяжелым вздохом Антон Петрович отложил журнал и снял пенснэ, - Печально я гляжу на наше литературное поколение. Грядущее его иль пусто, или темно. А настоящее ужасно.

- Вы так полагаете? - спросил Роман.

Антон Петрович махнул рукой:

- Безыдейность, безнравственность, бесталанность - вот три Б, на которых покоится нынешняя русская литература.

- Дядюшка, вы слишком обобщаете, - откликнулся Роман после небольшой паузы, - Хорошие писатели **есть**.

- Не отрицаю, друг мой, не отрицаю. Но общее состояние плачевно.

Упадок, упадок и разложение. И это - русская литература, литература Пушкина, Тургенева, Толстого! Литература, на которую равнялась Европа. Печально, печально...

Он забарабанил своими огромными пальцами по столу.

- Антоша, ты чересчур строг.

- А что ты предлагаешь? - тряхнул седыми прядями дядя, - Читать эту слабосильную пачкотню и благодушно улыбаться? Лида, я никогда не был благодушным к разложенцам от искусства. Я может и продержался на столичной сцене три десятилетия потому, что равнялся на лучшие образцы. И тоже самое в литературе. Если мы, так сказать, просвещенные читатели, будем спокойно полистывать вот это, - он поддел пальцем свисающий край журнала, - то через какие-нибудь десять лет серость и бездарность займут места Пушкина, Тургенева, Толстого!

- Дядя, а по-вашему во времена Тургенева общий фон нашей литературы не был серым?

- Что ты, Бог с тобой! Он не мог быть серым, потому что каждый литератор относился к своему делу серьезно. Тогда литература занимала огромное место в жизни культурного человека. Теперь же все эти писатели просто водят пером по бумаге, не переживая, не мучаясь. Да и играют так же. Мы зимою ходили в мою так сказать alma mater, смотрели Антигону в новой постановке. Боже мой... - он покачал головой, - Бедняга Софокл в гробу перевернулся, коли глянул бы. Да что Софокл, я, грешный лицедей еле досидел до конца. Боже, Боже мой! Что это было...

Антон Петрович встал и в возбуждении заходил по террасе. Половицы жалобно поскрипывали под его ногами.

- Антигону играла эдакая фифа. Такие вечерком по бульварам прогуливаются. Вся волоокая, пухлогубая. Туника полупрозрачная, кисея, эфир, полубогиня, понимаете, миллион восторгов. И так она ручку выставит и, эдак она, судари мои, плечико покажет, и таким манером ножку отставит (он стал изображать), что прямо невозможно усидеть на месте! Особенно наше браво офицерье. Им, болванам, что Антигона, что водевильчик - один черт, лишь бы на плечики, да на ножки посмотреть! Обвешались артиллерийскими биноклями и смотрят, как эта дура выкаблучивает на манер субретки.

- А она, она, - он по-женски изогнулся, оттопырив зад и жеманно поджав руки, - Могила - брачный мой чертог, мой дом!

Роман рассмеялся, тетушка, качая головой, закрыла лицо рукой.

- А в зале - восторг! - продолжал Антон Петрович, - Господа офицеры, блаародные бородачи, студентики - едят ее глазами! Могила - брачный мой чертог, мой дом! И все - вот эдак, да вот таак! Кисея, ножки, плечики! Какая там трагедия, какое горе - все так красивенько, миленько и главное - приятненько! А какой балбес играл Гемона! Сам тонкий, как фитиль, гнется во все стороны, как вьюн, лицо желтое, как у опиумного

курильщика, руки трясутся, как у пьяницы, глаза горят, как у картежника, голос хриплый, как у кучера! И вот эдакое страшилище вытаскивает меч и хрипит, глазами сверкая: "Умрет она, другой умрет за нею!" - Антон Петрович захрипел, трясясь и дико вращая выпученными глазами.

Роман и Лидия Константиновна смеялись от души.

- Закалывает себя и валится таким манером на сцену... - Антон Петрович согнулся пополам и, с ревом зарезанного вепря, завалился набок, задев и опрокинув стул.

- Антоша! Антоша! - охала тетушка, заливаясь слезами от смеха.

- Но я бы снес и Гемона и Антигону, я снес бы и хор прыщавых семинаристов вместо хора фиванских старейшин и даже Витьку Орловского в роли Тиресия!

Антон Петрович поднялся с пола, выпрямился:

- Но, друзья мои, дети русской Мельпомены, когда я узрел Креонта, я понял, что Quos vult perdere Jupiter, dementat prius! Вообразите, начинается первый эпизодий после пролога, выходит громила наподобие нашего Дуролома, только в два раза шире. Сам - в расшитом золотом хитоне, с жезлом, в мирговом веночке. Бородища - до пояса. Выходит, встает и начинает эдак пожевывать. Стоит и жует. Зал ждет, я тем более, как-никак, Креонта я раз девятьсот сыграл. "Мужи, потряхнув наш город сильной качкой, затишье снова дали боги нам". Да... Ждем. Но, вижу, время идет, этот господарь все жует и жует, а к фиванцам и не думает обращаться. Что за черт! Я уж все передумал. Бывает конечно. У нас Боборыкин в "Генрихе" водой поперхнулся, так кашлял половину акта. Ну я думаю может, скотина, наспех на сцену идучи, сунул себе в ротовую полость пирог с вязигой, а там хрящ попался неразрубленный, вот и мучается? Ан нет, друзья мои! Ларчик просто открывался! Он так пожевал, пожевал и ушел. Все зааплодировали. Оказывается, эта дубина говорила почти шепотом, дальше первого ряда не слышать. В этом, оказывается, проникновенность! И так весь спектакль! Выйдет, пожует, жезлом помашет и назад! Так он натуральным образом прожевал весь спектакль! Каково, а?!

Роман и Лидия Константиновна буквально задыхались от смеха.

- Антоша, Господи, ха-ха-ха!!! Ох, - смеялась тетушка.

Роман просто весь тряся, еле удерживаясь на стуле.

- Bravo, bravo! - раздался за окном веселый, но и, как всегда, спокойный голос Рукавитинова.

- Николай Иванович! Здравствуйте, любезный! - оживленно воскликнул Антон Петрович.

- Прошу простить за подглядывание, - показавшись в окне и отодвинув плеть винограда, Рукавитинов приподнял бежевую старомодную шляпу, - Но я давно уже не имел честь наблюдать такого мастерства. Bravo, Антон Петрович!

- Мерсі, друг мой!

- Заходите, Николай Иванович, - позвала Рукавитинова Лидия Константиновна, - Пополдничайте с нами.

- С удовольствием.

Рукавитинов скрылся и вскоре вошел в дверь веранды. Он был в светлой косоворотке, заправленной в широкие парусиновые брюки. В одной руке он держал шляпу, в другой белый коленкоровый портфель.

- Как чудно, что вы зашли, - проговорила Лидия Константиновна, подходя к нему, - Хотите холодного молока с земляникой?

- С удовольствием!

- Аксюша! Принеси стакан молока! Садитесь, пожалуйста, Николай Иванович.

- Ой, как славно, - пробормотал Рукавитинов, кладя шляпу на подлокотник дивана и садясь за стол, - Сегодня парит, прямо с утра. Я вышел было половить моих чешуекрылых, но дальше огородов не продвинулся.

- Что, так жарко? - спросил Антон Петрович.

- Очень. Но барометр чуть склонился.

- К грозе?

- Да. Понижение давления.

- Дай-то Бог. Хоть огурчики польет, - заметила Лидия Константиновна.

- Грибы! Грибы! Вот что необходимо русскому желудку. Грибы и огурцы! - Антон Петрович прохаживался по террасе, заложив руки за спину.

- Ну, грибы-то не грибы, а я прохладу предпочитаю жару, - заключил Николай Иванович, выкладывая на стол свой портсигар.

Тихо вошла Аксинья, сняла с подноса стакан молока на блюдечке и, поставив перед Рукавитиновым, удалилась.

- Ах, как хорошо, - пригубил он молоко.

- Попробуйте землянику. Эта особенно хороша.

- Спасибо, спасибо. Попробую.

Николай Иванович взял одну ягоду, аккуратно положил в рот и запил молоком.

- Николай Иванович, вы согласны с дядюшкиной критикой современного искусства? - с улыбкой спросил Роман.

Рукавитинов пожал узкими плечами:

- Видите ли. Я почти девять лет не был в городе. Не считая, конечно, нашего. Так что я безнадежно отсталый человек в искусстве. Вот в энтомологии, или, скажем, в неорганической химии я еще кое-что смыслю. А в "Антигоне" я ноль.

- Мда... - Антон Петрович остановился у окна, - Ну а про баню вы не забыли?

- Не забыл. Вон, все мои вещи, - он кивнул на портфель.

- Чудесно! Люблю поповскую баньку. Но туда надобно идти

компанией. Тогда совсем хорошо.

- Хотя при такой погоде и пар не в радость.

- Ничего, ничего! Пар всегда в радость, Николай Иванович, дайте только до бани добраться!

- Доберешься, Антоша, я тебе панамку дам, - усмехнулась тетя.

Николай Иванович выпил молоко, отер усы и бородку платком:

- Чудный напиток. Много кальция.

Антон Петрович посмотрел на часы:

- Однако пора собираться. Красновский скоро подъедет.

- Все давно собрано, Антоша. Вот ваши вещи, - Лидия Константиновна кивнула на стоящую в углу объемную плетеную корзину с крышкой.

- Отлично. Теперь дело за Красновским.

И словно в ответ за окнами послышался легкий шум приближающейся брички.

- Панаму мне, панааааму!! - громким басом пропел Антон Петрович и, подхватив корзину, двинулся к выходу.

Все поспешили за ним.

Красновский на этот раз правил сам, и был настолько озабочен предстоящим событием, что не пожелал даже сойти с брички.

Быстро погрузились и поехали на бойкой Костроме.

- Мой барометр не врет! - со спокойной улыбкой поднял голову Рукавитинов.

Все посмотрели на небо. С запада оно заволакивалось слоистой рябью облаков.

- Дождя не будет, не радуйтесь, - поправил Антон Петрович не очень хорошо сидящую на его голове панаму.

- Посмотрим.

- Только бы не бабы топили, только б не бабы... - бормотал Красновский, похлестывая и без того резво бегущую лошадь.

Роман улыбнулся, вспомнив страсть Петра Игнатьевича к русской бане, и вереница связанных с этим воспоминаний ожила в памяти. Романа всегда удивляло, как сильно преобразался этот флегматичный, не очень подвижный человек, переступая порог бани. В нем словно просыпался другой, неведомый Красновский, ранее дремавший и очнувшийся только в темном жарком пространстве, среди прокопченных бревен и клубящегося пара. Этот второй Петр Игнатьевич был абсолютным антиподом первого: он рычал, ревел, как медведь, с необыкновенной подвижностью и страстью передвигаясь по бане, набрасываясь с веником на окружающих. Одновременно он преобразался и моментально, становясь необыкновенно сообразительным, давал множество дельных советов как кому париться: речь его из вялой и односложной превращалась в живую, быструю, остроумную, он непрерывно извергал массу острот, каламбуров, присказок и поговорок, которые, совместно с

паром, веником и горячей водой производили на всех ошеломляющее впечатление. Даже Антон Петрович как-то терялся и ступешивался во время "банного преображения" Красновского и теперь, когда они на рысях подъезжали к утопающему в зелени дому о. Агафона, Роман заметил первые черты робости на дядином лице. Одновременно все явственней чувствовалось пробуждение второго Красновского.

- Резвей, резвей, цыганочка! - покрикивал он на лошадь.

- Мы к благоверному сначала? - спросил Антон Петрович.

- Время, время дорого! К Каракалле! К Каракалле! - Красновский натянул правую вожжу и лошадь, всхрапнув, и перебрав стройными ногами, свернула, понеслась по узкому проходу между двух плетней. За левым тянулся огромный сад о. Агафона, правый огораживал его пасеку.

- Поттише, расшибемся... - бормотал Антон Петрович, глядя, как стремительно надвигается массив показавшейся впереди бани.

Но Красновский № 2 знал край:

- Прррр! Стоять, холера ясная! Мяснику отдам!

Скала забитый пеной и раздраемый удилами рот, лошадь остановилась в трех шагах от двухэтажного деревянного строения, которое можно было назвать чем угодно, только не баней.

Роман прыгнул на землю. Воистину это было невероятное сооружение: выстроенное на самом берегу крутоярской реки из массивных сосновых бревен, своим первым этажом она напоминала обычную избу с двумя маленькими окнами и просторным резным крыльцом; второй этаж больше походил на сторожевую башню времен крещения Руси или на колокольню раскольничьего скита. Эта башня - колокольня исполняла роль трубы и коптильни, поэтому была вся черная и, если приглядеться, сквозь перила и переборки можно было различить в ней индюшки тушки или рыбины, подвешенные для копчения.

Баня строилась лет пятнадцать тому назад по идее и архитектурным разработкам Красновского, но на средства о. Агафона. Прямо за баней открывалась купальня, то-есть попросту плавный ступенчатый спуск в воду с большим дубовым столом по правую руку, позволявшим пить чай, стоя по грудь в воде. Едва прибывшие слезли с брочки, как в дверь бани высунулась белая голова Тимошки, - пятидесятилетнего бобыля, работающего у о. Агафона на подхвате.

- Ты топил? - быстро спросил его Красновский, и не дождавшись утвердительного ответа, вытер рукавом вспотевший от езды лоб, - Слава Богу, что не бабы.

И тут же заторопил:

- Прошу, прошу, прошу! Пар костей не ломит, да долго не держится!

Он с ходу подхватил свою корзину и корзину Воспенниковых и ступил на крыльцо.

- Бабы они ведь и это... - начал было Тимошка, но Красновский, не замечая его, пошел в дверь, так, что тому пришлось резко

посторониться.

Николай Иванович, Роман и Антон Петрович тоже прошли сквозь дверь и оказались в большом предбаннике.

- Располагайтесь, милостивые государи, прошу! - Красновский поставил корзины на скамью со спинкой.

- Так, так, - Антон Петрович снял панаму и повесил на разлапистые лосиные рога, грозно нависающие над скамьей. Другие рога, но поменьше, висели над другой скамейкой, на которую сразу опустился Красновский. Роман сел рядом с Красновским и стал расстегивать ворот рубашки.

За три года предбанник совершенно не изменился - те же рога, те же коврики, то же овальное треснутое зеркало. И тот же запах - неповторимый, невыразимый запах русской бани.

- Хорошо топил? Сколько охапок? Гарь выгнал? Выгнал гарь? - отрывисто спрашивал Красновский, сдирая с себя рубаху.

- Как же, как же, все как ни на есть... - начал было неподвижно стоящий в углу Тимошка, но новые вопросы и приказания горохом посыпались на него:

- А квас там? Из погреба? Самовар на реку поставил? Беги за батюшкой! Беги за батюшкой! Воды холодной хватит? Беги!

- Да все, все как надобно... я сейчас... - Тимошка, неловко переступая босыми ногами, поспешил за дверь.

- Беги, беги, чтоб тотчас же, чтоб непременно... - бормотал Красновский.

- А здесь и не жарко, - заметил Николай Иванович, расстегивая брюки, - И в жару и в холод одинаково.

- Здесь не жарко, а там вам дадим жару! - засмеялся Красновский.

- Петр Игнатьевич, я тебя прошу по старой дружбе, ты уж, Христа ради, не умори меня, - заговорил Антон Петрович, снимая большой нательный крест на цепочке и пряча его в карман брюк.

- Любезный Антон Петрович, любезнейший наш, да как же я тебя уморю, как же уморю? Кааак же яааа уморюуюю! - запел Красновский, снимая брюки и дергаясь всем своим круглым белым телом. Восторг предстоящего охватывал его все сильнее, движения и слова стали резкими и стремительными.

Раздевшись, он подбежал к массивной дубовой двери, за которой должно было через несколько минут разыгаться нечто неповторимое, рывком распахнул ее, и с ревом ворвался в баню, хлопнув дверью так, что сквозь потолочные щели посыпался песок.

- Ну, дядюшка, держитесь! - засмеялся Роман, - По всему видно, что Петр Игнатьевич нас живьем не выпустит!

Антон Петрович покачал головой:

- Прямо шаман какой-то. В жизни - тише воды, ниже травы, а в бане - просто Никита Кожемяка...

- Петр Игнатьевич - интереснейший феномен, - заметил Рук-авитинов, аккуратно складывая одежду, - Был бы я психологом - написал бы диссертацию о такой вот его, так сказать, метаморфозе. Крайне любопытно.

А за дубовой дверью уже послышалось крикливое пение. Красновский исполнял свою неизменную, всем известную частушку:

Блошка банюшку топила
Вошка парилася;
Как парком ее прибило
Об пол вдарилася!

Вслед за этим послышалась густое шипение выливаемого на раскаленную каменку кипятка.

- Нет, надо хоть помыться успеть, пока он нас не угробил! - голый Антон Петрович вскочил и решительно направился к дубовой двери.

Но в это время сзади со скрипом приотворилась дверь, ведущая на улицу и вошел отец Агафон в сопровождении все того же Тимошки.

- Спаси Христос, милые мои, спаси Христос! - радостно заголосил батюшка, обводя всех своими маленькими добрыми глазками, - Как славно, ах как славно...

Вдруг он замер с удивлением:

- Как... а Петр Игнатьевич?

- Он сказался нездоровым, - громко произнес Антон Петрович, подмигивая Роману.

- Неужели? - с тихой радостью прошептал отец Агафон, снимая свою широкополую шляпу.

- Говорил, что на солнце перегрелся.

Отец Агафон с облегчением сел на лавку:

- Ну, а я идти боялся. Ох, вы, Антон Петрович, прямо камень с души сняли! С Петром Игнатьичем париться - все одно, что по краю адской бездны ходить, прости Господи. Истино одержимый. Я его в бане ой как боюсь.

Он наклонился и Тимошка стал расстегивать ему сзади подрясник.

- Не рви, не рви, торопыша... - мягко приговаривал отец Агафон, - Славно... ох, славно. Теперь мы без страху-то по-стариковски попаримся, спинушки друг друженьке потрем, да кваску попьем...

В это время из-за дубовой двери послышалась все та же частушка про блошку и вошку, исполняемая уже не визгливым бабьим криком, а густым звериным ревом. Затем опять раздалось гулкое шипение. Отец Агафон поднял голову и, вытаращив глаза, открыв рот, посмотрел на Антона Петровича.

Все, за исключением батюшки рассмеялись. Тимошка захмыкал в свою серую бороду. Отец Агафон перекрестился:

- Царица небесная, Владычица-Троеручица... как же это?

- Ничего, ничего, батюшка, - ободрил его Антон Петрович, берясь за ручку дубовой двери, - Бог не выдаст, Красновский не запарит!

Он распахнул дверь и смело шагнул вперед. Роман и Николай Иванович шагнули следом.

Внутри баня была просторной, если не сказать больше. По словам Красновского в ней могла бы спокойно выпариться и вымыться рота солдат. Два подслеповатых окошка освещали баню. В левом дальнем углу располагалась большая печка-каменка с сорокаведерным чугунным котлом, справа во всю стену, словно вавилонский алтарь возвышался ступенчатый полук; несколько шаек, ковшов, лавок, скамеек и стульчаков различных форм и конструкций стояли то тут, то там; в правом ближайшем углу размещался массивный стол с музыкальной шкатулкой и специальным бочонком, выдолбленным из ели, не позволяющим находящемуся в нем квасу нагреваться в жарком воздухе. Возле этого бочонка с врезанным в него самоварным краном встретил вошедших Красновский.

- Прошу! Прошу! Прошу! - закричал он, наполняя деревянную кружку пенящимся хлебным квасом.

В бане было жарко.

- Поддали уже, - пробормотал Антон Петрович, садясь на низенькую скамеечку поближе к двери.

- Поддал?! - засмеялся Красновский, трясясь своим жирным телом, - Разве это - поддал? Это так, для атмосферы! Поддавать будем, когда кворум соберется! Где батюшка? Что? Где?

- В предбаннике крестится, чтоб ты его не запарил.

- А! Ну, ну!

Красновский отпил квасу, крикнул и, отерев губы, направился к длинному долбленому корыту, стоящему между печкой и полоком. В корыте мокли, залитые кипятком, полдюжины веников.

- Ах вы, милые мои ежата-пушата! Ах, вы, проказники-озорники! - склонился над корытом Петр Игнатьевич, - Уж сослужите мне службу, верную! Уж потешьте нас со усердием! Полежите, да помокните! Ух, я вас!

Он погрозил веникам пухлым кулаком. В этот момент дверь отворилась и вошел голый отец Агафон.

- Батюшка! Милости просим, денег не спросим! - закричал Красновский, - Прошу! Прошу!

- Ох, натопили-то как угарненько! - запричитал отец Агафон, приседая и прикрывая наготу руками, - Тимошка - лиходея ... небось охапок пять угробил...

- Если б он плохо вытопил, я б его самого бы под этим котлом сжег! - захохотал Красновский.

Батюшка перекрестился, и опустившись на скамью, подвинул к себе

шайку с водой, попробовал пальцем:

- Хороша, водица...

- Кворум! Кворум! Приступаем! - закричал Красновский, подбежал к котлу и, черпая большим ковшом кипяток, начал умело плескать по каменке.

Раскаленные булжники загудели; белый, густой, как молоко пар потянулся вверх.

- На полок! На полок, господа, присяжные! Все на полок!

Видя всеобщее замешательство, Роман решил первым пройти испытание. Он взошел по деревянным ступеням, и, достигнув полока, вытянулся на нем спиной вверх.

- Под голову, Рома, под голову! - закричал Красновский в клубах пара подавая ему припасенный веник, связанный из березы, мяты и конопли. Роман положил веник под щеку и дивный аромат ударил ему в ноздри. Красновский, вытащив дубовый веник из корыта, подержал его над исходящей паром каменкой и, крикая, принялся стегать Романа по спине, заду, ногам. Стегая, он опять завел свою частушку, исполняя ее так, что каждое слово приходилось на удар веника, словно подстегивая:

Блошка! Банюшку! Топила!
Вошка! Парилася!
Как! Парком! Ее! Прибило!
С полки! Вдарилася!

Вцепившись руками в мокрый полок, вдыхая аромат свежих листьев, Роман с наслаждением переносил удары горячего пушистого веника. Это был так опьяняюще остро и приятно, что слезы выступили у него на глазах. Каждый удар он принимал словно всем существом, содрогаясь и радуясь. Сквозь пар и слезы он видел полутемную баню, головы людей, кричащего Красновского, и невероятное оцепенение овладевало им.

"Так можно лежать целую вечность," - думал он, - "Лежать и наслаждаться этими обжигающими ударами. Какая простота и сила в русской бане. Топится по-черному, сама - примитивной конструкции - вода, огонь, да камень. И этот веник, размоченный в кипятке. Но вот он ударяет тебя по спине и сколько прелести, радости, сколько силы в этом!"

- А вот еще разок по спинке - хватать! А вот другой разок по пяткам - трес! А вот - за дедов, да за прадедов! А вот за папеньку, за маменьку! А вот за женку за молоденьку! А вот за Русь, Россию-матушку! - выкрикивал Красновский, нахлестывая Романа.

Похлестав еще немного, он подскочил к каменке и плеснул на нее ковш кипятка. Камни загудели и через мгновение Роман почувствовал, как дышащее жаром облако пара обволокло его.

- Ну, как, мил-дружок, румяный пирожок, не подгорел? - засмеялся

Красновский, моча веник в корыте и держа его над каменкой.

- Еще, еще! - ответил ему Роман, погружая лицо в листья.

- Петр Игнатьевич, поосторожней! - донесся голос Рукавитинова.

- Рома, не увлекайся! - басил Антон Петрович, намазывая мочало.

- Господи, пару-то сколько... - кричал отец Агафон.

Но Роману был несказанно хорошо лежать на полке. Его тело, словно губка, жадно впитывало жар. Он весь расслабился и, закрыв глаза, дышал дивным ароматом мяты, березы, конопли. А Красновский тем временем, парил его уже березовым веником, на особый манер: сперва резко хлеща по всему телу, потом мягко проводя с головы до пяток.

"Наши прадеды и прапрадеды парились так же," - думал Роман,

- "И тот же самый веник ходил по их спинам, и такой же пар обжигал их, и все было таким, как сейчас, и эти мокрые доски, и шайки с водой, и мочало. И люди. Человек нисколько не изменился за эти века. И никогда, никогда он не изменится".

- Не испекся ль пирожок, длинноногий наш дружок? - раздалось снизу и снова послышалось глухое шипение обратившейся в пар воды.

Новое жаркое облако окутало Романа. Сразу же раздался голоса:

- Брось, Петр Игнатьевич, не губи мне племянника!

- Петр Игнатьевич, Роман Алексеевич три года не парился!

- Господи, да отступитесь ради всех святителей! И так продыху нет!

Но Красновский не внял просьбам: веник его заходил по Роману с новой силой.

Некоторое время Роман испытывал прежнее блаженство, но вскоре стало тяжело дышать, кровь подступила к глазам, застучала в висках. Он вспомнил об одном Крутояровском старике, покойном банщике Красновских, всегда парившемся в зимней шапке и рукавицах.

"И впрямь - это разумно. Пар не действует на голову, да и руки не обожжешь..."

Он лежал, вспоминая этого старика, как он, не торопясь крестился в предбаннике, снимал крест, надевал шапку, рукавицы...

Красновский опять поддал пару.

Вскоре Роману стало неважно, дурнота подступила к горлу, в голове тяжело стучало. Красновский словно почувствовал, прекратив хлестать, он закричал:

- Спекся, спекся, пирожок, дорогой ты наш дружок! Выносите из печи испечены калачи!

Роман знал, что это означало. С трудом приподнявшись, он полез вниз, а банный жрец, тем временем, распахнул другую дверь, рядом с полоком, ведущую к реке.

- Гардемарины, вперед! - подтолкнул Романа Красновский, и Роман пробкой вылетел из бани через дверь на воздух, пробежал по мостику и со всего маху бросился в воду.

"Словно родился!" - мелькнуло в его голове и, действительно, -

трудно было осмыслить по-другому эту мгновенную метаморфозу, это невероятное изменение окружающей среды.

Нырнув, он поплыл под водой, казавшейся с каждым движением все более плотной, похожей на воду. Наконец воздух кончился и Роман всплыл. Удивительное преобразование природы поразило его. Глухая свинцовая туча висела над самой головой, кругом было тихо и сумрачно, как вечером. Солнце, спящее подряд две недели, пропало, казалось, навсегда.

Он жадно, всеми легкими вдохнул воздух и, рассмеявшись, в блаженном изнеможении опрокинулся на спину, замер, глядя в небо. Там, в темной массе тучи происходило что-то медленное, неторопливое, но и в то же время - неминуемое: смешивались, наползая друг на друга, клубы темно-серого, пепельно-розового, фиолетового, словно невиданные существа, собравшись воедино, готовились к чему-то грозно-торжественному.

Роман свободно лежал на спине, чувствуя, как река слабо относит его вправо. В воздухе пахло грозой. Темнело с каждым мгновением все сильнее. Деревня замерла - ни голосов, ни шума работы; только лаяла где-то далеко собака, да позванивало в кузнице. Роман воображал, как он бы написал эту тучу; ему живо представилась палитра, выдавленные краски и воображаемая плоская кисть заходила по ним, пробуя и смешивая...

Только он положил на холст первый мазок, как где-то рядом послышался плеск и чертыхание вполголоса:

- Черт бы побрал...

Роман посмотрел в сторону бани. Там, на широких ступеньках мостка сидел, опустив ноги по колено в воду, Ключин. Совершенно голый, он по-видимому только что разделся: одежда кучей лежала на траве возле угла банного сруба. Не обращая внимания на Романа, фельдшер что-то вертел в руках.

Роман поплыл к нему.

- Андрей Викторович, мое почтение! - крикнул он, с удовольствием разгребая воду.

- Взаимно, взаимно... - пробормотал Ключин, не поднимая своей большой головы.

- Что это вы? - спросил Роман, вставая на дно, - Смотрите туча какая! Чудесно как!

Он захватил пригоршнями воду и бросил вверх над собой.

- Ничего чудесного... что за черт...

- О чем вы? Отчего вы не в бане?

- Да сдалась мне эта баня - раздраженно процедил Ключин сдирая, бумагу с куска грубого темно-коричневого мыла, - Вот ведь прилипла, как сволочь...

Отодрав бумагу, он бросил ее в реку, а сам, поплескав на себя водой,

стал намыливаться.

- Андрей Викторович! - рассмеялся Роман, выходя из воды, - Что вы делаете? Почему здесь, а не в бане?

- В бане пусть парятся господа буржуи. А я уж как-нибудь.

- Да право, идите туда, что же вы так не по-человечески?

- Не хочу. Там этот идиотствующий Красновский. Я слышал как он там ревет, как буйвол кастрированный.

- Но это же невозможно, здесь, прямо в речке?

- Все, все возможно, молодой человек, - пробормотал, усмехнувшись, Клюгин и стал намыливать остатки растительности по краям головы. Причем для этого он низко склонился, едва не касаясь плешью воды. Роман смотрел на фельдшера с любопытством зоолога, разглядывающего невиданную особь.

Вдруг дверь бани распахнулась и в клубах пара из нее белым колом выкатился отец Агафон. Быстро, по-муравьиному перебирая коротенькими ногами и выкрикивая "Караул!", он пронесся по мостку и, чуть не задев Клюгина, бултыхнулся в воду.

В двери показались остальные герои банного сражения.

Вынырнув, отец Агафон, видимо не доставая дна, стал шлепать по воде руками, погружаясь, выныривая и повторяя все то же "Караул!" Все за исключением Клюгина и хохочущего Петра Игнатьевича, бросились его спасать и вскоре вытянули, посадили на ступеньки мостка. Батюшка долго не мог прийти в себя и, крестясь непослушной дрожащей рукой, бормотал, икая:

- Караул... Господи, помилуй... Караул... Господи, спаси и сохрани...

Ох...

Антон Петрович и Роман, поддерживая батюшку, принялись не слишком серьезно успокаивать его. Николай Иванович, улыбаясь, поздоровался с Клюгиным, вошел в воду и поплыл. Красновский же, перестав хохотать, отбросил веник и с диким криком "Поберегись, Навуходоносор!" - бросился в воду.

Батюшка вздрогнул, втянул голову в плечи, закрестился быстрее:

- Господи, Господи, помилуй...

Белый от мыльной пены Клюгин брезгливо поморщился:

- Вот до чего доводит панславянизм. Наберемся, дескать, ума у мужика. Ну, ну...

Он заткнул уши пальцами и опустил с головой под воду. Антон Петрович, красный, как рак, устало рассмеялся и полез в реку, говоря:

- Ай-да Красновский! Ай-да великий человек!

Красновский же, вынырнув на середине речки, поплыл по течению, шумно молотя воду.

- Что случилось, Фёдор Христофорович? - спросил Роман, хотя прекрасно понимал что произошло, даже мог бы представить это в лицах.

- Запарил, запарил, - забормотал батюшка, - В конец запарил. Еще

б малость - и служите панихиду по отцу Агафону... ох, - он всхлипнул и тяжело вздохнул.

- Чего же вы поддались?

- А как же тут, родной мой, не поддашься? Как не поддашься, когда человеком страсти такие владеют? Он же лютует, прости Господи! Ох, запарил... совсем запарил...

- Что же вы, сколько лет паритесь, а не привыкнете, - равнодушно пробормотал Клюгин, выходя из воды и не глядя на о. Агафона.

- Господи... ой, Господи... - вздохнул батюшка, и, оглянувшись, позвал слабым голосом, - Тимоша! Принеси простынь.

Через минуту явился Тимошка и накиннул на плечи батюшки простыню .

Красновский с Антоном Петровичем и Николаем Ивановичем сплавали на другой берег и, вернувшись, возжелали традиционного "водяного чаепития".

К нему все давно было готово и вскоре все, включая Клюгина, стояли по грудь в теплой, пахнувшей илом и песком воде, вокруг квадратного стола, покоящегося на врытых в дно сваях. Посередине стола возвышался начищенный медный самовар, вокруг него теснились розетки с вареньями, тарелки с пирогами, плюшками и ватрушками.

"Водяной чай" всегда пивался здесь из больших фаянсовых кружек и казался особенно вкусным. Роман с удовольствием прихлебывал чудесный напиток, чувствуя как катастрофически темнеет кругом.

Все поняли, что грозы не миновать и пили чай, торопясь, обжигаясь, а поэтому преимущественно молча. Лишь Красновский, шумно втягивая в себя чай, успевал произнести что-то восторженно-дикое.

- Эх, друзья, вот что нам надобно! Вот что сердцу русича угодно! - бормотал он, - Блошка банюшку топила... адская прелесть ! Адская!

- Что вы эдакое говорите, Петр Игнатьевич, - сокрушительно качал головой отец Агафон, - Бога побойтесь!

- В бане он ни Бога, ни черта не боится, - заметил Антон Петрович, с аппетитом поедая плюшку.

- В бане я - адский Наполеон! - хохотал Красновский, вздрагивая жирными покатыми плечами.

- Ох, страшное городите, - тряс мокрой бородой батюшка.

Клюгин молча пил чай, лицо его имело свое постоянное усталое-брезгливое выражение.

Вдруг кругом стало совсем тихо и сумрачно. Не лаяли собаки, не слышались никакие звуки. Все, словно по команде, замерли и подняли головы. Фиолетово-серая туча была так низко, что казалось, вот-вот коснется голов. Петр Игнатьевич собирался что-то сказать, как удар грома раздался наверху. Он был глухой, раскатистый, словно выстрел из старой мортиры.

- Царица Небесная, пресвятая Богородица, помилуй нас, -

торопливо закрестился отец Агафон, отчего потревоженная вода захлюпала вокруг него.

- Ничего, после грозы допьём, - решительно заключил Антон Петрович и полез из воды.

- Тимошка, снеси в предбанник! - крикнул Красновский, захватив с собой ватрушку и неловко следуя за Антоном Петровичем.

- Мерзкая погода... - пробормотал Ключин, направляясь на берег, оступаясь и проваливаясь в воду.

Роман же, зачарованный мощью тучи, остался стоять на месте.

Второй раскат грома был резкий, словно там вверху чьи-то чудовищные руки расщепили и разодрали вдоль огромное дерево и обе половины его повалились на землю, отозвавшись дребезжанием в оконных стеклах.

- Рома, догоняй! - крикнул Антон Петрович и все четверо скрылись в бане. Подбежал Тимошка, захлюпав водой, подхватил самовар и понес прочь.

Роман не двигался.

Третий удар был громче предыдущих; жалобно звякнули забытые в кружках ложечки, Роман почувствовал, как заколебалась вода.

И сразу же крупные капли стали падать все чаще и чаще, тревожа темную гладь расходящимися и смежающимися кругами; кругов становилось все больше и вдруг стена белой воды сразу обвалилась сверху. Река словно вскипела и поднялась. Роман смотрел, как ливень хлещет по столу, играет в кружках, переполняет вазочки с вареньем, стучит по румяным пирожкам и ватрушкам. Он поднял свою кружку и отхлебнул разбавленный дождем чай. Вкус его был изумителен. Прохладные струи текли по лицу, плечам и груди. Он поставил кружку, повернулся к кипящей реке, оттолкнулся и поплыл, раздвигая рыхлую поверхность воды.

Наверху загрохотало, сзади кто-то звал его по имени, но Роман плыл в кипящей белой стихии, не обращая ни на что внимания, плыл и улыбался.

III.

Субботний ливень прошел не даром для крутояровских лесов: миновало три-четыре дня и появились первые босоногие вестники еще одной страсти семьи Воспенниковых. Ими оказались ребятишки и бабы, набравшие по полным кузовкам молодых, только что вылезших из земли грибов.

Решено было идти в четверг, и после долгих сборов, многословных препирательств и подробных обсуждений настал долгожданный час.

Появившееся недавно солнце еще выпутывалось из объятых прохладой лип, когда Аким подогнал к дому Воспенниковых новую, набитую сеном телегу и, спрыгнув, поспешил к крыльцу, на котором стояла Аксинья с двумя корзинами упакованного съестного.

- Здорово, кума! Давай-ка! - взял Аким у нее корзины, - Где же хозяева?

- Здравствуй. Сейчас, чай, выйдут, - усмехнулась кухарка, отводя глаза от белозубой улыбки Акима.

Она была в черном сарафане с серым передником и в лаптях.

- Никак и ты собралась?

- А чаво ж! Покелича грибы полезли, надобно ухватить.

Она стала поправлять свой синий в мелкую белую крапинку платок.

- Ну и ладно. Чего дома сидеть, - заключил Аким и, снеся корзины к телеге, принялся пристраивать их.

Аксинья посторонилась и пропустила на крыльцо Антона Петровича, одетого во всю ту же крестьянскую одежду, с соломенной шляпой на голове, с корзиной в руках.

- Так, так! - он быстро спустился по ступеням, - Пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок! Карета подана! Отлично! Не развалится?

- Помилуй Бог, - качнул головой Аким, - Новехонькая, только что купил.

- Да, да, да... совсем новая телега. Я с крылечка не заметил, - согласился Антон Петрович, и, изогнувшись, выпятив вперед живот, посмотрел на небо, - Что ж, природа дарит нам чудненький денек. Лида! Поспешай, моя радость, не то боровики разбегутся!

Но вместо Лидии Константиновны на крыльце появился Роман. В отличие от дяди он был одет слишком по-городскому - серая шляпа, замшевая куртка, кремовые брюки, заправленные в кремовые сапоги.

- Доброе всем утро! - крикнул он и легко спрыгнул с крыльца на землю.

- Экий вы красавец, Роман свет Алексеевич! - засмеялся дядя,

бросая корзину в телегу и обнимая племянника, - Не боишься в лес, в таком наряде? Я вон в лаптях, по-русски! А?

Антон Петрович слегка присел и, захлопав увесистыми ладонями по коленям, запел:

Эх, лапти, да лапти, да лапти мои!
Эх, лапти, да лапти, да лапти мои!
Ты не бойсь носить-тё,
Тятыка новые сплятётъ!

Аким и Аксинья смеялись, качая головами.

- Ну вот, Антоша, с утра, да за пляску! - послышался мягкий голос тетушки.

Она стояла на крыльце - стройная, в длинном глухом зеленом платье с кружевными манжетами и воротником, с маленькой шляпкой на голове и с корзиной в руке.

- Лидочка, свет мой невечерний! - загремел Антон Петрович, вздевая кверху руки, - Поедем вместе к Берендею в гости!

- Поедьте, поедьте! - весело ответила тетушка, спускаясь вниз, - Аксюша, квас положила?

- Положила, а как ж без него? - в своей манере, вопросом на вопрос, ответила Аксинья.

- Садитесь сюды, Лидья Костатевна! - суетился Аким, расправляя своими смуглыми руками сено в телеге.

- Спасибо, Акимушка.

Сразу шесть мужских рук подхватили ее и она оказалась в середине телеги.

- Ну, совсем как принцесса на горошине! - засмеялась тетушка.

- Не принцесса, а королева, Мария Антуанетта, Жанна д'Арк, Елизавета Английская! - гремел Антон Петрович, целуя тетушкины руки.

- А мне кажется, тетушка, вы сейчас напоминаете боярыню Морозову, - проговорил Роман, подсаживаясь на край телеги.

Воспенниковы засмеялись. Антон Петрович взгромоздился на телегу и закричал:

- Аллюр два креста! Марш, марш!

Аксинья села сзади, Аким спереди, разбирая вожжи.

- Поехали! - крикнула тетушка и лошадь, не ожидая удара вожжой по серой спине, взяла с места.

- Куды править? - спросил Аким, когда проехали липы.

- В Мамину, наверно, Антоша? - откликнулась тетушка.

- Нет, та cheгіе. В Маминой теперь весь Крутой Яр днюет и ночует. Там нам делать нечего.

- Так куда же? - тетушка обеими руками держалась за массивное плечо Антона Петровича.

- Нешто в Выруб? - пробормотал Аким.

- Нет, друзья мои! Дальше! Пугем нехоженным к святоому Граалю! - пропел Антон Петрович и серьезно добавил, - На Усохи! Через бор, через Желудевую падь. Вот каков маневр!

- Ох, далече-то как! - тихо засмеялась Аксинья.

- Круто! - весело мотнул головой Аким, - Часа за два доедем.

- За два?! - грозно воскликнул дядя, - Это ты, солдат отечества, лихой наездник говоришь мне! А ну, гони свою клячу, чтоб через час там были! Гони!

- Антоша, да что ты, право... - начала успокаивающе Лидия Константиновна, но Аким уже стал нахлестывать лошадь вожжами и телега набрала ход.

- Другое дело! - закричал Антон Петрович, - Так держать! Зюйд, зюйд-вест, паруса по ветру!

Подпрыгивая на ухабах, телега неслась к сосновому бору.

Солнце взошло над дальним лесом и косыми лучами заливало засеянные рожью, овсом и гречихой поля. Ехать было свежо и не пыльно, - ливень так промочил землю, что сейчас, четыре дня спустя, земля была влажной, а во впадинах дороги еще стояла вода. По пути телега обогнала несколько крестьян, по-видимому идущих в лес драть лыко. Они снимали шапки и, желая здравствовать, провожали телегу долгими взглядами, загораживаясь руками от низкого, набирающего силу солнца.

Когда въехали в сосновый бор, лошадь пошла шагом, Антон Петрович поворчал, но смирившись под давлением супруги, решил рассказать одну из своих известных всем историй, которыми он обычно коротал дорожное время. Истории эти были совершенно замечательные по своей простоте, ясности и тому особенному русскому юмору, суть которого, по мнению Романа, заключалась не в содержании, а в форме, то-есть в искусстве рассказать в лицах на вид не очень-то и смешной случай. Антон Петрович владел этим искусством в совершенстве и поэтому рассказывал свои истории по многу раз. Их знали и любили все родные и знакомые, кухарки и конюхи, простые деревенские мужики и бабы. Действовали эти монологи безотказно, как бельгийские ружья: стреляя в слушателей зарядом задора и удали, они всегда попадали в цель, вызывая безудержный смех, хотя суть истории и даже манера исполнения была слышана уже десятки раз. И сейчас, когда Антон Петрович вздохнув и как-то подобрившись, начал своим поставленным актерским голосом:

- Мда. Помню лет эдак двадцать назад на Воздвижение отправился я в этот бор пострелять рябчиков... - все повернулись к нему, затихнув в радостном ожидании, стараясь не улыбаться и делая как можно серьезные лица.

- Отправился, друзья мои, не слишком рано, эдак часу в девятом. Походил, поднял пару, но в то утро местная наша Диана благосклонна

ко мне не была. Ну, а у меня правило строгое - коли по паре подряд промазал - поворачиваюсь и иду восвояси. Так тогда и сделал. Иду, ружье за плечом, настроение эдакое сатирическое. А кругом осень - сосны скрипят, трава пожелтела, небо хмуро. В общем - унылая пора, очей очарованье... Так вот. Иду и возле нашего камня вижу коляску, запряженную парой. В коляске мужик почтенного возраста. Но не наш. И сразу я понял, что ждет он свата - то бишь отца жениха, а сам он - отец невесты. А раньше в наших палестинах у селян был такой обычай - после того как сваху засылали к невесте и родители давали согласие, - договаривались "бить по рукам", то-есть, сваты встречались на Воздвиженье возле этого камня, били по рукам, распивали бутылку и разъезжались, чтобы в воскресенье играть свадьбу. Я подхожу, он шапку снял, поклонился. Кого ждешь? - говорю. А, - говорит, - Степана Кузнеца. А сам откуда? Из Мокрого, - говорит. Ну что, говорю - согласны породниться? Стало быть, говорит, согласны. А сам вижу нервничает. Я спросил, а что ты так весь дергаешься, или боишься чего? Да, говорит, хоть сваха-то и говорила про них ладно, а сам-то не видал. Поэтому значит, и нервничает. Ну, я его успокоил, сказал, что семья справная, люди работающие, богобоязненные, все у них на своем месте. Только, говорю, сам-то Кузнец на ухо туговат. Так что ты уж говори с ним как можно громче. А то он, когда тихо разговаривают, не слышит и обижается. Ну, он меня поблагодарил, поклонился. Я пошел. Миновал воон те три сосны, они тогда поменьше были, и прямо на этом месте встречаю Кузнеца. Гонит он свою лошадку, что твой Ганнибал, не жалея. Но, меня увидел - остановился, шапку снял. Желаем, говорит, здравствовать. А сам весь так и сияет. В новом армяке, в поддевке в красной плисовой, сапоги блестят. Здравствуй, говорю, Степан. Видел я твоего свата только что. Ждет он тебя возле камня. Он так весь и задрожал, глаза блестят. Сват-то мужик богатый, сразу видно. Начал меня расспрашивать. Я ему все пересказал, и про коляску, и про лошадей, про дуги расписные. Но, говорю, Степан, есть одно обстоятельство. Сват твой мужик справный, но только на ухо туговат. Так что ты ему говори погромче. Тогда и поладите. Кузнец шапку снял, поблагодарил меня и ну настегивать. А я, неудачный охотник, встал вот так. И стал слушать...

Тут Антон Петрович сделал знак Акиму, тот остановил лошадь, дядюшка прыгнул на землю, отошел и встал чуть поодаль, благоговейно скрестив руки на груди. Слушатели замерли, губы их уже начали расплзаться в улыбке.

- Стою вот так, кругом тишина, только сосны поскрипывают. А там вдали слаabo-слаabo бренчит кузнецова телега. Но, чу - остановилась. Доехал, значит, до камня. Опять тишина. И вдруг, на весь лес...

Антон Петрович глубоким вздохом набрал в грудь побольше воздуха и стал кричать так оглушительно, громко и протяжно, с таким воодушевлением, что все сидящие в телеге закачались от смеха, а лошадь,

- как от выстрела, испуганно присела, оглядываясь и прядая ушами:
- Здорооооово!!!
 - Здороооооовооо!!!
 - Как доехаааал!!!!
 - Ничавооооо!!!
 - Хороши лошаадки!!!!
 - У тебя тоже хорошиии!!!
 - Ну, что столкуимсии?!!!
 - Столкуимсии!!!!
 - А сколько за девкой дааашь?!!
 - Да не обииижууу!!
 - Две коровы дааашь??!!!
 - Даааам!!!!
 - Лошадь дааашь?!!
 - Две даааам!!!
 - Овечек дааашь?!!
 - Дюжину даааам!!!
 - Холстинки дааашь?!
 - Дааааам!!!!
 - Девка-то работящааая???!!!
 - Работашаааа!!!!
 - Прясть, да ткать умеет??!!!
 - Умеет!!!
 - А к моему-то пойдееет?!!!
 - Пойдееетт!!!
 - Сама-то не крива?!!
 - Неет!!!
 - Не горбааата?!!
 - Неееет!!!
 - В церкву ходииит?!!
 - Хооодиит!!!
 - Сынов рооодиитт??!!!
 - Рооодиит!!!
 - Ну, а мы тоже не гооооль!!!
 - Скоко лошадеееей?!!
 - Двеее!!!
 - Скоко короов?! ·
 - Двеее!!!!
 - Семья большая?!!!
 - Семь дуууш!!!
 - Сынов три?!!!
 - Триии!!!
 - Баб три?!!!!
 - Триии!!!

- Ну, по рукаамм?!!!

- По рукаам!!!

Антон Петрович кричал, раскрасневшись, присев, гастопыря ноги и чуть разведя руки на манер орущего мужика. Он искусно изображал Кузнецца - истошным высоким голосом и мокровского мужика - густым надрывистым басом. Сосновый бор гудел от этой переключки, слушатели смеялись изо всех сил.

- Антоша... Антоша... - хохотала, обливаясь слезами, тетушка.

Роман смеялся, упав спиной на сено.

- Ох, лихо мне! - причитала Аксинья, кончиком платка вытирая выступившие слезы.

- Ах-ха-ха-ха!!! - заразительно хохотал Аким, откидываясь назад и скаля белые зубы. Лошадь косилась на них, беспокойно поводя ушами.

- Вот так-то старички шутили! - заключил Антон Петрович, садясь в телегу с довольным видом сделавшего свое дело человека.

- Антоша... Антоша, ты просто настоящий мучитель! - проговорила Лидия Константиновна, в изнеможении склоняясь к нему.

- Да что ты, радость моя. Я твой верный раб, сатрап и вассал! - весело бормотал он, целуя ее хрупкие руки.

- Антон Петрович, вам цены нет! - Роман обнял дядю за плечо.

- Ох, потешили-потешили! Ах-ха-ха!!! - не унимался Аким, поддерживая вожжи и трогая лошадь с места.

Телега дальше поехала по мягкой, усталанной хвоей дороге. После соснового бора потянулся смешанный лес, постепенно перешедший в частый бесконечный березник. Дорога стала забирать вправо, березник опять сменился старым лесом, изредка пересеченным заросшими просеками. По одной из этих просек и пролег путь.

Буйно разросшийся малинник обступил дорогу. Тетушка потребовала остановиться и некоторое время все, кроме Акима, собирали мягкие прохладные ягоды.

Потом поехали дальше, женщины угощали мужчин из ладоней. Просека неожиданно оборвалась, лес расступился и телега въехала на широкий скошенный луг. Залитый солнцем, обрамленный могучей лесной стеною, он был необычайно красив. Это был знаменитый Бабий луг, принадлежащий некогда деревне Усохи, пятнадцать лет назад сгоревшей до тла. Теперь луг косили для какого-то Вениамина Пантелеевича Селиверстова, проживающего в верстах двадцати отсюда.

- Ох, лепота-то! - покачала головой Аксинья, - Поди, годов пять не была здесь.

- Да. Чистый лужок, - произнес Аким, заставляя лошадь объехать поросшую осокой лужу, - Как же они с отседа возют? Далече так.

- Так-то вот и возют. Как возить-то? Как возили, так и возют..

Посередине луга стоял могучий раскидистый дуб.

- Аким, правь под дубок. Там бивуак раскинем, - приказал Антон

Петрович. Аким послушно кивнул.

Когда подъехали и встали под дубом, Роман поразился величию старого дерева. Дуб был в добрые два обхвата, крона раскинулась густой зеленой тучей.

- Вот тут в теничке и постоишь, - Антон Петрович слез с телеги и протянул руки Лидии Константиновне.

Привстав, она обняла его за плечо, а он легко вынес ее из телеги, поставил на землю.

- Как здесь красиво! - воскликнула тетушка, поправляя шляпку, - Антоша, а где же была деревня Я не узнаю мест.

- Вон там, за березняком, - махнул рукой Антон Петрович.

- Там и стояла, родимая, - с припевом произнесла Аксинья.

- Дядя, отчего они сгорели? - спросил Роман, хотя хорошо знал, что Усохи сгорели ночью от шаровой молнии.

- У, брат, это особая история! - веско произнес Антон Петрович, вынимая из телеги свой объемный кузовок, - Стояла душная летняя ночь. Покой и безветрие царили кругом. Березовый лес темнел, понимаешь, неподалеку эдакой зеленой громадой. Покрытые соломой избы казались стогами сена. Цикады выводили свои рулады. И вот во время всей этой красоты вдали, над полем показался светящийся шар. Он медленно плыл, приближаясь. Все, понимаешь, замерло, а он все плыл и плыл, и плыл. Подплыл и ударил в трубу крайней избы. Крыша загорелась, заметались различные тревожные тени... (Аксинья украдкой перекрестилась) Ну и сгорела деревенька Усохи в одночасье дотла!

- Грустная история, - произнес Роман с полуулыбкой.

- Да, бедные мужики, - вздохнула тетушка.

- А что, грибы-то здесь будут?

- Как не быть. Тугова самые грибные места, - с готовностью ответила Аксинья.

- Если мы сегодня не наберем кузовá боровиков, рублю себе руку по приезде! - торжественно объявил Антон Петрович, доставая часы, - Итак, Аким, встретишь нас через два, нет, через три часа у Гнилой канавы. За мной, милые мои!

Он размашисто зашагал в сторону леса. Роман, тетушка и Аксинья, подхватив свои кузовки, двинулись за ним. Лес, обступающий кругом Бабий луг, был исключительно березовым, старым. Мощные, белоствольные деревья стройно тянулись вверх и высоко-высоко наверху раскрывались кудрявыми кронами. В лесу было прохладно, невысокая травка стелилась вокруг черных, бугристых оснований берез.

- Ну, теперь идем веером, направление - норд, курсом на Недоруб и Гнилую канаву! - громко оповестил Антон Петрович и вдруг жестом патриция, повелевающего прикончить побежденного гладиатора, указал перед собой, - Вот он!

Лидия Константиновна пошла по указанному направлению, возле

могучей березы присела и, со словами "ой, какая прелесть!", вытащила из травы крепкий, толстобокий боровик.

- Смотри, Ромушка, какой красавец! - протянула она гриб Роману.

Он подошел и взял гриб из тетиной руки:

- Это к удаче. Значит, белых наберем.

От влажного гриба шел мягкий неповторимый аромат, который заставил Романа затрепетать, вспомнить детские радости грибной охоты. Светло-коричневая шляпка боровика была с одного бока изъедена слизнем, крепкая ножка заворачивала своим плавным текучим изгибом. Роман поднес гриб к лицу и, закрыв глаза, с наслаждением вдохнул грибной аромат.

"Какая красота", - подумал он, рассматривая лежащий на ладони гриб, - "Сколько подробной ювелирной работы проделано для такого невзрачного существа. Да и что такое гриб? Растет из земли, незаметно в траве. И кому нужен? Обойдутся без него и люди и животные. Неужели для одного слизняка сотворена эта плоть с мельчайшими прожилками, эта прелестная шляпка с белой подкладкой, этот чудный, ни с чем не сравнимый запах? Вряд ли. Вряд ли вообще есть причинность в природе, та причинность, что доступна нашей логике, по словам Канта, привносимая в мир явлений познающим субъектом. Нет ее. Этот гриб создан не для нас. И не для слизняка. Вообще ни для чего. С тех пор, как мы потеряли рай, все это - ни для кого, ни для чего... Но, Боже, зачем же это так красиво?"

Очнувшись, Роман пошел за удаляющейся Лидией Константиновой.

Справа, меж белых стволов мелькала соломенная шляпа Антона Петровича, бормотавшего, обходя березы:

- Вот вы где, толстобокие, вот вы где, пухлотелые...

Аксинья была где-то слева.

Догнав тетушку, Роман отдал ей первую находку, а сам направился круто вправо и, оказавшись вскоре в одиночестве, пошел меж деревьев.

По складу своего характера, он не мог быть настоящим грибником - не хватало терпения и душевного равновесия. Он двигался довольно быстро, обходя березы, обшаривая быстрым взглядом траву, и не успел еще вжиться в образ грибника, как россыпь белых грибов встала у него на пути. Роман присел перед ними на корточки. Они росли прямо на чистом месте, в редкой, как бы сваявшейся траве. Очаровательная семейка белых грибов: коренастый крепыш-отец с сухим березовым листом на шляпке, рядом изогнувшаяся в поклоне мать, а кругом - раз, два, три, четыре...

Роман считал толстопуzych крепкоголовых деток и губы его растягивались в улыбке: все, все забытое, детское вставало перед глазами, вылезало из заросшей травой памяти вместе с этими грибами. Он вспоминал как однажды, он - кудрявый десятилетний мальчуган -

заблудившись в Вырубке, наткнулся на поляну, белых грибов. Это было так невероятно, что сперва он решил, что перед ним мухоморы. Но подойдя, он оказался в настоящем грибном царстве. Поляну окружал старый лиственный лес, а на ней росли сотни белых грибов. Тогда, Роман боялся подойти к ним, потому что везде, везде торчали коричневые головки, на них можно было наступить. Он долго стоял, замороженно глядя на поляну, потом вытряхнул из своей корзины рыжую грудку лисичек и принялся за белые. Он вынимал их руками из земли, клал в корзину и, таким образом, прокладывая себе дорогу по поляне. На середине поляны корзина оказалась полной. Тогда он снял с себя рубашку и вскоре наполнил и ее. Тем не менее, на поляне осталось еще множество грибов, они торчали то тут, то там, дразня своей крепостью и чистотой. Десятилетний Роман, принял тогда ответственное решение, - он высыпал грибы из рубашки кучей на середину поляны и стал рвать остальные, складывая в эту кучу. Куча росла, Роману казалось бесконечным эти хождения с вырванными грибами в руках к ней, но он трудился, как одержимый. Когда он сорвал последний гриб, куча поразила его. Добрых десять ведер вмещала эта коричнево-белая грудка. Роман подхватил корзину и побежал на край Вырубке, стараясь замечать дорогу. Он бежал и кричал в надежде, что его услышат кругояровские босоногие ребята, с которыми он отправился по грибы и от которых оторвался, благодаря своему быстрому негрибному шагу. Но ребята были уже где-то далеко. Никто не отзывался. Наконец, маленький Рома выбежал на край, поставил корзину, долгими продолжительными криками вернул ребят. Он показал им корзину и целый день, до самого вечера, они ходили по Вырубке в поисках волшебной поляны. Но старый лес скрыл ее навсегда. А бело-коричневая куча часто потом снилась Роману. Обычно во сне он шел к ней ночью через черный лес и, найдя, долго стоял над серебрищейся под лунной грудой...

"И ведь это действительно было", - думал Роман, выдирая из земли гриб и удерживая его на ладони, - "И грибы были такие же, и лес тот же. И трава, и воздух. Что же другое? Я? Но вот я испытываю те же чувства, что и двадцать лет назад. Но что же все-таки изменилось? Почему так шепчет сердце и так грустно? От того, что этого уже не будет? Но ведь будет другое, много другого - радостного, неожиданного, нового. Отчего же мы так жалеем каждое ушедшее мгновение? Оттого, что уже никогда, никогда не буду я тем десятилетним мальчиком и мир для меня никогда уже не будет так притягателен и, главное, - так бесконечно непознаваем, как тогда. Мы не по молодому телу тоскуем, а по незнанию мира, ибо в незнании человек невинен, безгрешен. Рай - это незнание, а незнание - это вечная молодость".

Уложив в кузовок большой гриб, Роман раскрыл складной нож, и аккуратно срезал остальных "членов семьи". Где-то недалеко стала куковать кукушка.

"Ну-ка, сколько ты мне отпустишь?" - подумал Роман и стал считать вслух:

- Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Кукушка смолкла.

- Немного! - усмехнулся он, вставая и вешая кузовок с первой добычей на плечо, - А впрочем, за шесть лет можно ох как много успеть, Роман Алексеевич! Если, конечно, не лениться.

Слева аукнула Акусьня.

Ей туг же ответили дядюшка и тетушка.

Роман никогда просто так не откликался. Все знали эту манеру и никто повторно не стал кричать.

Солнце уже поднялось и светило сверху, пронизывая белоствольный лес теплыми лучами. Среди берез было спокойно и свободно. Грибы попадались не очень часто, но Роман и не стремился набрать кузовок. Обходя белые деревья и всматриваясь в невысокую траву, он думал вовсе не о грибах, а о чем-то неуловимом, так необходимом ему, что невозможно описать или осмыслить, а можно лишь почувствовать и, окружив картинами приятных шемящих воспоминаний, переживать, переживать с чуть растерянной улыбкою на устах...

Сейчас в этом чистом утреннем березнике он опять вспомнил Зою, их встречи, поцелуи и объятия. Тогда, три года назад, он абсолютно был уверен, что это будут первые и последние познанные им женские губы, что Зоя станет его единственной женщиной, настоящим другом и опорой. Теперь вся былая уверенность, все его надежды и искренние порывы казались детскими, по-мальчишески наивными и опрометчивыми. Красивое Зоино лицо стояло в его воображении, Зоя улыбалась, грациозно сидя на лошади и в этой ослепительной завораживающей улыбке был крах всех надежд и порывов.

Только теперь он понял, в чем он ошибся и чего не смог разглядеть в Зое. Неожиданно на ум пришла эта история с грибной поляной. Роман, усмехнувшись, подумал, что он, как мальчишка, нашел волшебную Зою, и оставив ее, решил вернуться, чтобы забрать уж наверняка, но лес не пустил его к ее душе. Его ошибка была в том, что он оставил ее, не решившись взять все сразу. А не смог разглядеть он в ней то, что была она целиком дитя Леса, Леса по имени Жажда Желаний, и этот Лес навек сохранил ее.

"Она и тогда уже поражала меня своей жадностью к новым переживаниям, к новым поворотам наших чувств. Постоянно, ежеминутно она хотела нового, она жгла огонь нашей любви, бросая в него все новое и новое, ибо только новое могло поддерживать пламя. А теперь ей нечем кормить огонь. Все сожжено и нового нет больше... Но, Боже мой, какая жажда была в ней, какая жажда желаний!"

Прямо перед ногами Романа из травы выглянули три красные

шляпки. Роман срезал грибы, но все три подберезовика оказались гнилыми, несмотря на прелестный цвет и форму.

"Так и человек", - усмехнулся он, отбрасывая прочь изъеденные червями грибы, - "Никто не знает, что у него внутри. А красота... это такое искушение, такая сила. Она может скрыть многое. Но и простить за нее можно многое".

Где-то далеко слева послышалось ауканье.

"Надо бы поближе к ним держаться", - подумал Роман, - "А то будут ждать меня".

Он шагнул влево и пошел по красивой естественной аллейке, но вдруг услышал поблизости какие то странные звуки. Словно кто-то плакал, или хныкал как-то глухо и неразборчиво. Роман осторожно двинулся на звук и вскоре стал различать что-то впереди, меж березовых стволов. Он пошел еще тише и осторожней, прячась за березами. Через шагов двадцать он остановился за развилкой толстых берез.

Отсюда ему открылась небольшая прогалина, на которой лежал мертвый лосенок. Поперек лосенка пристроился матерый волк. Положив передние лапы на разорванный, кровавый живот лосенка, он с жадностью отрывал куски потрохов и, не жуя, быстро проглатывал с каким-то омерзительным всхлипывающим стоном. Серая, приплюснутая сверху голова волка напоминала булыжник, мутные желтоватые глаза казались незрячими. Узкая, словно щучья, морда была вымазана в крови.

Затаив дыхание, Роман смотрел и чувство омерзения овладевало им. Побелевшими руками он осторожно вытащил из кузовка складной нож, опустил кузовок на землю.

Волк вцепился в край ребер, дернул, отчего туша лосенка тоже дернулась. Кости захрустели под его зубами. Роман сжал нож правой рукой. Во всей этой сцене кровавого пиршества среди белоствольного, залитого светом леса было что-то омерзительно-непристойное. Эти утробные всхлипы, этот хруст молодых костей, эти бессильно отброшенные копыта и, наконец, эта серая голова-булыжник с глазами убийцы заставили Романа содрогнуться от ненависти.

Не помня себя, он поднял вверх кулак с ножом и с пронзительным криком бросился из-за берез на волка. Вялый и малоподвижный до этого, волк мягко спрыгнул с туши и, злобно клацнув кровавыми зубами, побежал от Романа в глубь леса. Хвост его, толстый и неподвижный, как полено, волочился за ним. Волк бежал не очень быстро, мягко перебирая лапами, подбрасывая худощавый зад и часто косясь на Романа, который, наоборот, неся изо всех сил, держал руку с ножом наготове.

Видя, что противник не отстает, волк перестал оглядываться и прибавил ходу. Серое длинное тело его стало еще длиннее и как бы распласталось над землей. Расстояние между ними стало расти, Роман начал уже замедлять бег, но вдруг волк резко остановился и, развернувшись мордой к Роману, присел на напружинившихся лапах.

Это было так неожиданно, что Роман тоже остановился.

Шагов десять разделяли их.

Зверь смотрел на человека желтыми глазами, скаля рот и слабо рыча. Хвост его поджался к ногам, словно пружина для прыжка. Роман облизал пересохшие губы и медленно двинулся к волку. В душе его не было и тени страха, желание схватки переполняло Романа, каждый мускул его был напряжен, кровь отлила от лица, сердце гулко стучало. Волк присел ниже, зарычал. Морда его и передние лапы были запачканы кровью.

Роман шел на него.

Зверь слегка подался назад и с резким хриплым выдохом бросился на Романа. Прыжок его оказался настолько стремительным, что Роман лишь успел выставить вперед левую руку, в локоть которой мгновенно вцепились волчьи зубы. Пошатнувшись, отступив назад, но не опрокинувшись, Роман изо всех сил ударил волка ножом в бок, короткое лезвие словно провалилось в пустоту. Волк мгновенно выпустил локоть и, вывернувшись схватил зубами у предплечья руку с ножом. Роман в свою очередь схватил его левой рукой за загривок и упал на него. Волк завертелся всем телом, рыча и сжимая руку так, что Роман вскрикнул от боли и со всей силы ударил левым кулаком волка по голове. Волк выпустил руку. Роман тут же ударил его ножом по морде, потом по голове, схватив при этом левой рукой за шею. Но нож не вошел в эту плоскую широкую башку и, скользя по ней, словно по булыжнику, рассек Роману палец на левой руке. Это придало силы и ненависти: не почеловечески зарычав, он прижал скалящуюся и кусающуюся голову волка к земле левой рукой, а правой стал наносить удары ножом в светло-серый бок. Волк задергался, вывернулся из под руки, зубы его вцепились в бок Романа. Не шадя пальцев, Роман схватил его за морду, отстранился и со всего маха ударил ножом в широкую шею. Короткое лезвие ткнулось во что-то твердое, словно в камень. Волк задергался всем телом, силясь вырваться, но Роман ударил еще, еще и еще, всаживая нож в шею зверя. Лапы волка вытянулись, словно ища что-то в траве, он захрипел и задергался уже бессильно, беспорядочно. Роман держал его до последнего, непрерывно нанося удары и когда, наконец, это серое лохматое тело затихло, вытащил нож и в изнеможении упал на спину.

Бесконечные березы уходили в высокое синее небо, неразличимые листья слабо шелестели, солнце играло в их зелени.

- Я убил тебя... - хрипло прошептал Роман, - Я убил, тебя, убийца...

Глаза его наполнились слезами, березы, небо, листва все смешалось в них.

- Я убил, - шептал он, плача и смеясь, - Я убил, тебя, убил.

Истерическая дрожь стала овладевать его телом. Раскинув окровавленные руки, правая из которых еще сжимала нож, Роман дрожал, всхлипывая. На лице его содрогался каждый мускул, в голубых широко раскрытых глазах стояли слезы, а побелевшие губы все шептали:

- Убил... я убил тебя, убил...

Вскоре он закрыл глаза, перевернулся лицом вниз и после еще нескольких минут дрожи впал в забытье, которое было, по-видимому, нечто средним между обмороком. и сном обессилевшего человека...

Он очнулся от тупой ноющей боли. Приподнявшись, Роман сел.

Ныл укушенный бок, болел локоть левой руки. Роман посмотрел на свои руки - они были все в крови. Из рваных ссадин и пореза сочилась кровь, мизинец на левой руке распух и не сгибался. Морщась от боли, Роман сдвинул прокушенный, намочший кровью рукав куртки с локтя и обнаружил рваную рану. Правая рука тоже была покусана, но тут, к счастью, замша спасла руку от волчьих зубов.

Роман встал, зажав локоть. Перед ним лежал мертвый волк - большой матерый зверь. Пасть его была приоткрыта, помутневшие глаза смотрели в сторону. На волчьих голове и шее виднелись кровавые следы.

"Неужели я убил его?" - подумал Роман, разглядывая зверя, - "Я, вот этими руками? Убил волка, которого ни разу раньше близко не видел?"

- Я убил волка, - произнес он, усмехнувшись, - Я убил волка!

Смех быстро вошел в него и Роман засмеялся, качая головой. Все случившееся показалось ему каким-то детским сном, наваждением. Он смеялся, раскачиваясь над неподвижным волком, кровь капала на кремевые брюки.

Посмеявшись, Роман вспомнил, что он в лесу, что он совсем недавно собирал грибы, слышал как аукаются родственники. Кузовок он бросил у березовой развилки, шляпу потерял, когда бежал за волком.

"Пойду к Акиму", - решил он, поддерживая начавшую побаливать руку, - "Он домой ответит... Или нет, прямо к Ключину, тот перевяжет. А может, пойти дядю найти? Но где? Они ведь часа два еще проходят... черт, возьми, рука ныть начинает".

Оттянув тяжелый, пачкающий кровью рукав он стал осматривать пораненный локоть.

"Да. Как он зацепил глубоко. Я и не почувствовал вначале ничего... Надо перевязать, чтоб кровь не шла..."

Опустившись на колени, он выпростал из брюк низ своей голландской рубашки, оторвал две не очень ровные полосы и перетянул локоть. Тонкая льняная материя сразу пропиталась кровью.

"Какой все-таки неповторимый цвет," - улынулся Роман, - "И мы его носим в себе, все это в нас плещется, как в бочонке".

Бочонок напомнил о воде. Роман облизал сухие губы: пить хотелось сильно.

"У Акима в телеге бочонок с квасом. Пойду к нему. К Гнилой канаве. Это тут рядом... А вдруг он еще не поехал туда и стоит себе под дубом? Мне тогда его ждать придется... Но, хотя, подожду, ничего страшного. Главное - там вода есть. Можно напиться".

Он встал с колен, осмотрелся и, сориентировавшись по солнцу, гревшему уже не по-утренне тепло, двинулся влево.

"А волка я найду потом", - думал он, запоминая место, - "Вот еще прогалина, вон поваленная береза. Найдем потом с Акимом, все умрут от удивления..."

Рука болела и продолжала сочиться кровью. Пурпурные капли выступали на повязке и успевая сверкнуть на солнце, падали вниз, на траву, на брюки, на сапоги.

Роман шел, поддерживая руку, стараясь не замечать боль. Залитый солнцем березовый лес расступался перед ним величественно и неторопливо. Наверху перекликались птицы, кузнечики ожили в траве на прогалинах. Все было радостно, светло, зелено, как будто ничего не произошло. "Вот ведь, как красиво," - устало улыбался Роман, стараясь не сбавлять хода, - "Только что я дрался со зверем, дрался на смерть, и мы оба рычали, стремясь скорее убить друг друга. А эти березы спокойно стояли и ни что бы в них не дрогнуло, если б победил зверь, а не я. Нет, мы навсегда одни, одни на этом свете и неоткуда ждать помощи. Господь оставил нас, когда мы отвергли райскую жизнь, и теперь мы в одиночестве. Лес, звери, трава - все против нас, против человека. Эта трава, эти березы. Господи, я же убил волка! А зачем я бросился на него? А, да, он так отвратительно жрал лосенка, так мерзко. Но, какое мне дело? Они же одно целое - лес, волк, лосенок, у них своя жизнь, зачем же я вмешался? Но это было так мерзко, что я даже не раздумывая, бросился, и все. Будто он ел ребенка. Нет, я не жалею, что убил его. Я бы потом себе никогда не простил".

Березовый лес, тем временем, стал молодеть и потерял чистоту, смешиваясь с осинником, ольховником, зарослями можжевельника. Вскоре Роман пересек неширокую, но длинную прогалину и вступил в довольно частое подлесье, состоящее преимущественно из осинника.

Это взбодрило его.

"Так, подлесье. За ним Желудевая падь, а там и Гнилая канава. Дойти бы скорей, пить хочу невероятно..."

И вправду, пить хотелось сильнее и сильнее. Сильнее стала болеть и рука, словно в ней открылась еще одна рана. Роман ускорил шаг. Молодой осинник обступил его, земля была влажной, неровной, невысокая трава срасталась в пучки, то тут, то там мелькали поросшие мхом кочки.

"Лес, лес. Всюду лес", - машинально думал Роман, прижимая к животу ноющую руку, - "Какой он разный. Только что кругом были березы, а теперь молодое подлесье. А там за ним дубняк Желудевой пади, а потом - старый, милый сердцу лес. Слава Богу, что я могу видеть все это. И так вот идти, идти, идти... Я ранен. Ничего, будет о чем вспомнить. Воображаю, сколько будет рассказано... Запомнить, запомнить все до мелочей, до деталей. Так, я иду по подлесью, вот кочки, вон ольха, вот

мои брюки... Господи, все закапаны кровью... Кровь сочится, надо идти быстрее".

Он еще ускорил шаг.

Перелесье тянулось долго, хотя ему всегда казалось, что от края березняка до дубняка минут пятнадцать ходу. Осинник молодец, сростаясь в густые заросли, стали чаще попадаться разросшиеся кусты ракитника, волчьего лыка и калины. Роман обходил чащобы, чувствуя, как с каждым шагом размягчается, порастает мхом земля. Теперь кочки были на каждом шагу и приходилось перешагивать через них.

"Где же дубняк?" - беспокойно думал Роман, оглядываясь по сторонам, - "Не может быть подлесье таким широким. Бывало его проскочишь за миг. Может я вышел северней, а там оно шире? Странно".

Он шел, широко шагая, хрустя набившимся между кочками валежником, обходя заросли кустов, а подлесье все не кончалось.

Беспокойство стало овладевать им. Впереди маячили все те же острова кустистой зелени разных оттенков, они наплывали, обступали, открывались новые острова, наплывали и они, и так продолжалось бесконечно.

"Куда же я зашел?" - бормотал Роман, прибавляя ходу, - "Где же Желудевая падь?"

Но Желудевая падь не показывалась. Он прошел подлесьем еще некоторое время и остановился. Явно он шел не туда и явно, что это было не подлесье. Роман посмотрел на солнце.

Оно было сзади слева.

"Все правильно, я иду на север. Там дубняк, там и Гнилая канава. Я не могу идти иначе? Что значит этот вечный молодняк, откуда в подлесье эти кусты и кочки?"

Он глянул направо и радостно вскрикнул. Там, над кронами молодняка виднелся верх большого леса.

"Слава Богу!" - облегченно произнес Роман и заспешил туда. Продираясь сквозь кусты и шагая через кочки, он чужь не бежал забыв про боль, про жажду. В его воображении стоял Аким, поспешно достающий из телеги бочонок с квасом и наливающий полный стакан пенящегося игристого напитка.

"А потом засну. Лягу в телегу, в сено и засну, пусть везут меня домой спящего".

Кусты кончились. Роман вышел на чистину и остолбенел. Вместо ожидаемого дубняка перед ним встала стена старого густого ельника. Это было так невероятно и страшно, что холодная волна прошла по спине Романа.

- Боже мой... что это за лес? - спросил он.

Густой ельник ответил ему просторной гулкой тишиной, характерной для старого, долго тянувшегося леса.

"Куда же я вышел?" - лихорадочно соображал Роман, - "Откуда здесь

ельник? Тут должен быть дубняк. Я никогда не видел здесь ельника. Господи, за что мне это все?"

Он в изнеможении опустил на землю. Усталость, жажда и тупая боль в руке словно по команде навалились на него.

"Не может, не может все это быть. Это сон, тяжелый, навязчивый, когда спать уже не могу, а проснуться - сил нет". Разглядывая свои кремовые, выпачканные кровью и землей брюки, Роман засмеялся.

- Сон, сон, сон! - повторял он, и смеялся в изнеможении.

"Убил волка ножом, иду по знакомому лесу и ничего не узнаю".

Promenons-nous dans le bois
Pendant que le loup n'y est pas...

Хриплым надтреснутым голосом пропел он, с трудом встал с земли и, усмехаясь, побрел к ельнику. Старый сумрачный еловый лес принял его в себя, окружил шершавыми деревьями, повел по мягкой, устеленной хвоей земле.

- Сон, сон, сон, - бормотал Роман, бредя наугад, обходя сумрачные стволы.

Ельник был таким высоким и старым, что солнце не проникало вниз, и это создавало впечатление вечернего времени. Здесь не было птиц, глухая тишина стояла кругом и лишь хруст еловых сучков под ногами Романа нарушал ее. С каждым шагом Роман чувствовал нарастающую слабость, он не в силах был поддерживать раненую руку, она бессильно повисла у бедра, кровь теплой струйкой ползла по кисти, с бледных кончиков пальцев капала на хвою.

Роман двигался, как сомнамбула, слабость постепенно стала какой-то далекой и даже приятной. Простирающийся во все стороны лес походил на царство мертвых, на страну забвения, глубоким спокойствием дышал он. И это глубокое спокойствие, словно большая мягкая птица опустилась на плечи Романа. Он шел в хвойном полумраке и яркие картины детства ожили в его памяти. Он попеременно был и мальчиком, и юношей, и взрослым мужчиной. Это было так ярко и правдоподобно, что несколько раз он, не видя окружающего мира, наткнулся на деревья.

Путь ему пересекла дорога. Ничуть не удивившись этому, он свернул и пошел по ней. Двигаясь в полусне, он шел и шел по дороге, повинувшись ее плавному течению.

Вдруг его окликнули.

Он обернулся.

Позади него стояла коляска, запряженная вороной лошадей. В коляске сидел седой человек.

"Это Харон", - безучастно подумал Роман.

Человек выбрался из коляски и подошел к Роману. Роман узнал его. Это был тот самый угрюмый гость отца Агафона, поднявший на

пасхальном обеде тост за детей.

"Что он делает здесь?" - подумал Роман, немо глядя на этого странного человека, который также немо смотрел на Романа, стоя перед ним.

- Что с вами? - проговорил наконец незнакомец низким тяжелым голосом.

- Я только что убил волка, - еле слышно произнес Роман запекшимися губами и, качнувшись, стал падать назад, теряя сознание.

IV.

Лежа навзничь на широких, мягко устеленных шкурами санях, Роман несся через ночной лес. Темные деревья проплывали мимо, верхушками своими то скрывая, то открывая яркое звездное небо. Было свежо, пахло свежеструганным деревом, по-видимому от саней. Роман приподнялся на локте и увидел, что в сани впряжена лошадь, потная спина которой серебрилась под лунным светом.

"А где же возница?" - подумалось Роману. Он заворочался и сел.

Сани неслись глухим лесом, удивительно легко скользя по сбрызганной росой траве, тихо шелестевшей под ними. Лошадь уверенно объезжала деревья, словно давно уже зная эту неезженную дорогу.

"Куда она меня везет?" - мысленно спрашивал Роман, пытаясь узнать проплывающий мимо лес.

Но места были неузнаваемы. Вскоре лес расступился и лошадь понесла сани по просторному лугу, серебристо-белому от яркого света луны.

"Какая красота!" - восхищался Роман, оглядываясь кругом.

Вдруг лошадь фыркнула и понеслась галопом. Ночной воздух засвистел у Романа в ушах.

"С чего бы это она?" - подумал Роман, - "Так и разбиться можно".

Он стал искать вожжи в передке саней, но их не было.

- Тпппрууу! - крикнул Роман, но лошадь неслась изо всех сил. Роман оглянулся назад и обмер, сотни зеленых парных огоньков двигались в темноте следом за ними. Это были волки. Лошадь неслась, не разбирая дороги, но сани по-прежнему легко скользили по земле.

Волки приближались. Роман уже мог различить их темные фигуры; слышалось хриплое дыхание зверей.

Роман стал погонять лошадь, крича изо всей мочи. Но вдруг он заметил, что в сани впряжен скелет лошади, с каждым шагом замедляющий свой бег. Сани остановились на залитой лунной поляне. Роман с ужасом заметил, что волки расположились по краю поляны и немо замерли, посверкивая глазами. Ни жив, ни мёртв, Роман сидел в санях. Скелет неподвижно стоял в конской сбруе. Посередине поляны на куче белых грибов лежал, высунув язык и глядя на Романа, убитый им волк. В шею его торчала рукоятка ножа.

Вдруг он поднялся. Зеленые глаза его налились кровью и стали светиться все ярче и ярче, слепя Романа. Он закрыл лицо руками, но свет волчьих глаз был настолько силен, что пронизывал плоть рук, веки и слепил, слепил. Роман уткнулся лицом в медвежью шкуру, но и там нельзя было спрятаться от испепеляющих волчьих глаз.

- Господи, помоги! - закричал он и проснулся.

Он лежал на просторной кровати в небольшой, но аккуратно прибранной комнате. Солнце, по-видимому только что вставшее, светило в окно, слепя Романа.

Машинально прикрыв глаза правой рукой, он обнаружил, что рука перебинтована. Перебинтован был и локоть левой руки. Роман потрогал локоть. Рука не болела.

- Так значит то был не сон, - улыбнулся он, сел в кровати и стал разглядывать незнакомую комнату.

По зеленому верху яблони, виднеющемуся в окне, можно было догадаться, что комната находится на втором этаже. Стены и потолок были обшиты гладко струганными досками, приятный запах сосны стоял в комнате. Прямо у изголовья кровати на низком столике стояли кувшин с водой, пузырьки и склянки с лекарствами, лежало полотенце. Чуть поодаль располагались две этажерки с книгами, затем старое плетеное кресло. На голый противоположной стене висело ружье. Посередине комнаты стоял круглый стол с двумя стульями, накрытый белой скатертью. На столе стояла голубая ваза с полевыми цветами.

Внезапно дверь отворилась и на пороге показалась женская фигура в глухом и длинном сером платье. Помедлив мгновение у двери, незнакомка подошла к подножью кровати и, опустив левую руку на деревянную спинку кровати, произнесла тихо и доброжелательно:

- С добрым утром.

- С добрым утром, - машинально ответил Роман и вдруг узнал в ней ту самую девушку из церкви:

"Ее же я видел тогда на балконе. Так значит, я в доме лесничего..."

- Как вы себя чувствуете? - спросила девушка, по всей видимости стараясь знакомыми фразами скрыть свое смущение.

- Спасибо, хорошо, - ответил Роман, щурясь от бьющего в глаза солнца.

- Так вам солнце спать не дало? - быстро произнесла она, уже без

всякой позы, удивив Романа внезапной искренностью и непосредственностью, - Это я виновата. Забыла шторы притянуть.

Своей легкой, словно плывущей походкой она подошла к окну и сдвинула штору, так, чтобы свет не падал на Романа.

- Не беспокойтесь, я прекрасно спал, а теперь уже надо вставать.

- Нет, нет. Как же - вставать? Вам приказано лежать, а мне - ухаживать за вами.

- Помилуйте, кто же это приказал?

- Доктор Клюгин, ваша тетушка и мой отчим.

Девушка стояла возле стола с цветами. В ее опущенных руках было столько девичьей робости, скромности и непосредственности, что Роман улыбнулся:

- Простите, мы ведь с вами до сих пор не знакомы. На Пасху в общей суматохе нас никто не представил друг другу. Как ваше имя?

- Татьяна, - быстро ответила девушка и тут же поправилась, - Татьяна Александровна.

- Очень приятно. А я - Роман Алексеевич.

- Мне тоже очень приятно, - ответила она, опять как-бы причесая за фразу.

- По всей видимости, я в доме лесничего?

- Да, в нашем доме.

Она подошла к этажерке и взялась за нее руками, словно стараясь спрятать свои руки, так явно выдающие ее характер.

- Теперь утро. Неужели я так долго спал?

- Вчера вас отчим привез без сознания, - заговорила она, слегка волнуясь, - Он вас в лесу нашел..

- Я это помню, - усмехнулся Роман, - Вот только потом что было - не знаю.

- А потом он привез вас сюда, мы вас перевязали и он поехал за Клюгиным. Ваших родных в ту пору дома не оказалось, они ждали вас в лесу на условленном месте. Приехали они только три часа пополудни. Отчим им оставил записку и они сюда приехали...

- Воображаю, что с ними было! - качнул головой Роман, с улыбкой откидываясь на подушку.

Татьяна тоже улыбнулась и заговорила совсем по простому, несколько не стесняясь:

- Да, вы правы. Это был такой переполох! Тетя ваша плакала, дядя хотел ехать в город, все время кричал чтоб закладывали, Клюгин на них бранился, а вы лежали пластом, в забыты.

- Просто акт из трагедии! - засмеялся Роман.

- Ну теперь-то можно смеяться, - пожалла плечами Татьяна и легкая тень задумчивости сошла на ее лицо, - А тогда все это было страшно. Вас отчим привез всего в крови.

Она замолчала, а потом вдруг спросила тихо и как-то настороженно:

- Скажите, а вы и впрямь убили волка?

- Да. Убил, - ответил Роман, - хотя, признаться, до сих пор не верится. Но, вот подтверждение!

Он поднял забинтованные руки.

- Он на вас бросился?

- Да нет, это я бросился на него с ножом и убил.

На девушку сказанное подействовало странно - она отвела глаза и стала безотчетно водить рукой по точеной рейке этажерки. Роман молча смотрел на нее. На вид Татьяне было лет двадцать. Тогда, в церкви, ее лицо показалось Роману не столько красивым, сколько милым, почти ангельским. Теперь же, рассматривая ее, он с каждой минутой убеждался насколько красива она. Красота Тани не была яркой, поражающей взгляд, подобно Зоинной красоте. В этом лице все складывалось по-другому, не броско, но с тем тихим очарованием, по которому легко отличить русскую девичью красоту от любой другой.

У Татьяны были милые зеленые глаза, под дугами тонких бровей, смотрящие мягким и внимательным взглядом, в котором явно рассудок уступал место сердцу и душе; по-детски припухлые, правильной формы губы и такой же правильный нос. Овал лица ее обрамляли густые русые волосы, заплетенные простой косой, достающей Татьяне до пояса.

Сейчас, когда она стояла у этажерки, голова ее слегка склонилась к плечу, а плечо, хрупкое девичье плечо, обтянутое простым серым малескином, слегка поднялось, словно в недоумении.

В позе неподвижно стоящей девушки было столько тихого очарования, столько простоты и в то же время какого-то особого, только ей присущего достоинства, что Роман замер и неотрывно смотрел на нее.

Татьяна первая нарушила тишину.

- Скажите, зачем вы это сделали? - спросила она, не меняя позы.

Роман хотел было ответить в свойственной ему быстрой, полушутливой манере, но вдруг осёкся, почувствовав какую-то неловкость перед этой девушкой.

Она спросила его так искренно, как давно уже никто не спрашивал.

Именно поэтому ответы вроде "меня толкнул на это азарт охотника", или "я внезапно почувствовал себя воином" показались ему теперь пошлыми и глупыми. Он всерьез задумался: "Действительно, зачем я сделал это? Неужели из-за жалости к лосенку? Ну, с другой стороны - ведь не травой же питаться волку? Но мое сердце содрогнулось от этой сцены. Это все равно, что есть ребенка. Я убил его потому, что не мог вынести этого... просто не мог".

Роман приподнялся с подушки и, оперевшись руками о кровать, заговорил:

- Все дело в том, что я увидел, как этот волк пожирал убитого им лосенка. Это зрелище было так неожиданно, я до этого шел по красивому березовому лесу, собирал грибы. Все было так красиво, безмятежно. И

тут вдруг этот хруст молодых костей, кровь и... и эти налитые кровью волчьи глаза. Я просто весь содрогнулся, выхватил нож и безотчётно кинулся убивать.

Он замолчал и посмотрел на Таню.

Их глаза встретились.

- Вы осуждаете меня? - спросил Роман.

- Нет, - просто ответила она и замолчала.

И действительно, в ее молчании не было ни осуждения, ни удивления, ни скрытого преклонения перед отчаянным поступком Романа. Зато было что-то такое, что бывает у натур глубоких и ищущих.

Внезапно за окном послышался звук подъехавшего экипажа.

Татьяна подошла к окну:

- Вот и Клюгин приехал. Я пойду встречу, а вы лежите покойно.

Она быстро выбежала, прошуршав своим длинным платьем.

"Совсем как девочка," - заметил про себя Роман, проводив ее пристальным взглядом, - "Как однако в ней много всего".

Снизу заскрипели ступени винтовой лестницы и в двери показалась сутулая фигура Клюгина. Он вошел, держа в руке потертый фельдшерский саквояж:

- С добрым утром, господин победитель волков.

- Здравствуйте, Андрей Викторович! - весело откликнулся Роман, усаживаясь поудобнее в кровати.

Поставив саквояж на столик в изголовье, Клюгин взял стул, поднес к кровати и уселся совсем вплотную, так что большая голова его, возникнув перед лицом Романа во всех подробностях, заняла полкомнаты.

- Ну те-с, на что жалуемся? - произнесла голова положенную казенную фразу, глядя на Романа мугными, слегка насмешливыми глазами.

Не переставая улыбаться, Роман ответил в той же манере:

- Спасибо доктор, я абсолютно здоров.

Кривая улыбка тронула бескровные губы Клюгина, он вынул из кармашка потертого жилета серебряные часы, взял руку Романа и, склонив голову, стал шевелить губами.

Через минуту он убрал часы на место, со вздохом изнеможения раскрыл саквояж, достал деревянную слуховую трубку и приказал Роману:

- Ну-ка, задержите-ка рубаху.

Роман выполнил приказание, а Клюгин стал слушать, уперев трубку в грудь Романа, повторяя "дышите", "не дышите".

Продолжалось это не долго. Клюгин убрал трубку и, умехнувшись, произнес в лицо Роману:

- Здоровы, как бык.

- Приятно слышать, - усмехнулся Роман в ответ.

- Да. Сердцу вашему годовалый бычок позавидует. Голова не кружится?

- Нет.

- Вы, батенька, потеряли порядком крови. Не много, но судя по ране - довольно, чтобы продержать вас неделю в постели.

- Да что вы, Андрей Викторович! Зачем превращать все это в трагедию? Я же не Мцыри, в конце концов.

- Вы не Мцыри, это верно. Но рана на локте вовсе не пустяковая. Да, признаться, меня не потеря крови беспокоит.

- А что же?

- Дельце в том, что то четвероногое, коего вы изволили убить...

- А откуда вам известно, что я его действительно убил?

- Как откуда? Он же, голубчик, давно ободран и в виде шкуры покоится на пялках там, у сарая.

- А как он попал сюда?

- Куницын вчера вечером взял собаку и поехал на то место, где вас нашли. Она пошла по следу. Нашла и волка и вашу шляпу. И даже кузовок с грибами. И лосенка дохлого.

- Вот оно что! - радостно удивился Роман и тут же пробормотал, - Постойте... а отчего же Татьяна Александровна спрашивала меня только что - убил ли я волка?

Клюгин равнодушно пожал плечами:

- Ну, кто ж ее знает. По-моему эта девица немного того... Все какими-то притчами изъясняется. А, впрочем, кто по молодости не мудрил? Я вон в лаптях на лекции ходил, читал Григория Сковороду... А недельку вам полежать все-таки придется .

- Почему?

- Да потому что у этой канальи волка между зубами черт знает что. Гнилое мясо в натуральном виде. Раны я обработал как полагается, перевязку сменил теперь же. Но заражение крови - это заражение крови. Вам-то еще пожить хочется. А?

- Хочется! - засмеялся Роман.

- Ну и лежите тихо, - сухо проговорил Клюгин, - Вы теперь герой, Георгий Победоносец. Когда встанете, как раз слух о вас уже пройдет по всей Руси Великой. По всему болоту все заквикают: слава Воспеннику - победителю!

- Вы Андрей Викторович, неизменны, - Роман откинулся на подушку, - Угостите папирсой.

- Bitte.

Клюгин достал папиросы и они закурили.

- Скажите, какого черта вас понесло на этого зверя? - спросил Клюгин, доставая из саквояжа бинты, вату, склянку с мазью и ножницы.

- Он так отвратительно жрал лосенка, что я не выдержал.

- И бросились с ножом?

- И бросился с ножом.
- Удивительно, как он вас не загрыз.
- Я сам до сих пор не верю, что я убил его, а не наоборот.
- Мда... любопытно. Для нашей вялотекущей жизни это прямо подвиг... ну-ка, дайте руку.

Роман протянул Ключину руку и фельдшер стал развязывать повязку на локте.

- Мда! - усмехнулся Ключин, - Значит вот вам как все небезразлично.

- Не знаю, - пожал свободным плечом Роман, - Просто жалко было слабого. А волк так омерзительно жрал. Этот хруст... До сих пор в ушах стоит.

- Да я бы если б даже ребенка он жрал, еще живого, и то б не вмешался. Одним мучеником меньше - и все тут.

- Уж вы-то конечно не вмешались бы, - пробормотал Роман, чувствуя знакомую брезгливость к Ключину.

- Ну, правда, посудите сами, один жрет другого, так что ж с того? Волку надобно жрать кого-то. Он же не корова. Вы не набросились бы на корову, когда она жрала траву. А чем этот паршивый лосенок лучше? Или что, в вас эстетика, так сказать, восстала?

- Скорее этика, чем эстетика.

- Да какая к черту этика, это же четвероногие! - засмеялся Ключин, ловкими, привычными движениями сматывая бинт. Один жрет другого, потом сам дохнет, удобряет землю, из нее растет трава, которую, в свою очередь жрет новый лосенок. Паскудный круговорот жизни. И нечего вмешиваться в него. Другое дело - инстинкт убийцы. Это ясно. Увидели дичь - погнались, убили. Это нормально, хотя тоже скучно. Но зачем объяснять это какой-то этикой, каким-то человеческим отношением? Сказали бы еще, что вам по-христиански стало жалко этого лосенка.

- А я именно это и хотел сказать. В каждом из нас живет автономная мораль, в каждом есть добродетель. И сострадание есть в каждом. Оно может проявляться как угодно и вкладываться в разные, казалось бы пустяковые вещи. Макарий Египетский, к примеру, пожалел однажды попавшую в паучью сеть бабочку. Это показалось ему торжеством греха над добродетелью. И он ее освободил. Конечно, если бы погибла бабочка ничего бы не произошло, никакой трагедии. Но он проявил себя как homo sapiens. Как человек с автономной моралью. Называйте это христианством, буддизмом или просто добротой, как угодно. Во мне откликнулся мой нравственный закон, то есть - моя воля. Она и толкнула меня вперед... - ух, как больно, - Роман поморщился, так как Ключин в этот момент не очень милосердно отодрал присохший к ране бинт.

- Автономная мораль... добродетель... - морщась, Ключин бросил старый, меченный кровью бинт на пол, - Да откуда вы точно знаете, что она обязательно в нас? Что доказывает это? То, что люди стараются до

поры не убивать друг друга? Поверьте мне, милейший, объявите завтра о роспуске всех правительств, государственных учреждений, армий, об отмене всех законов - реки крови затопят землю. Потечет, потечет кровушка и утонут в ней эти ваши "автономия морали", "добродетель", этические категории. Все утонет. Все.

- Тогда позвольте вас спросить, почему же эти злые и дикие по-вашему, люди со времен Адама не только убивали, но и строили города, хранили культуру, объединялись в государства? Не является ли это доказательством того, о чем так просто написал Кант в "Критике чистого разума"?

- Они сбивались в эти самые государства потому что подсознательно боялись себя! - резко отчеканил Ключин, накладывая марлю с мазью на рану, - Армия, полиция, департаменты все создано для обуздания самих себя, своих инстинктов. И культура тоже.

- То есть Бах и Рафаэль тоже по-вашему - для обуздания?

- Да, да. Для обуздания. Не дергайтесь, молодой человек, а то соскочит, - он стал перевязывать рану, - Бах, Бетховен, Рафаэль, - все это ширмы, крышки, под которыми клоочет libido, tanatos, жажда убийства.

- Какая глупость... - вырвалось у Романа.

- Правильно. Это во все времена будет объявлено глупостью. Страх смерти - вот сила, создавшая все религии, породившая государства. Все, все боятся умереть. А я - нет.

Он завязал концы повязки узлом, обрезал ножницами, взял со столика мундштук с папирсой и, затаившись, встал, подошел к окну.

Минуты две в комнате была тишина, потом Роман произнес:

- Мне кажется, Андрей Викторович, вы об этом жалеете.

Ключин в ответ лишь усмехнулся и, вытащив окурок из мундштука, бросил за окно.

- Да. Скажите пожалуйста, отчего я так долго спал?

- Я вам опия дал. Вы тогда бредили, в беспамятстве были. Сон - лучшее лекарство, как говаривал Авиценна. Рана ваша вроде не нагноилась, мазь у меня дельная... Да, я еще вчера барышне порошки дал - будете пить три раза в день. Натощак.

- А почему я здесь лежу, а не дома?

- Я посоветовал вчера оставить вас в покое. Хотя советовать вашим родным - занятие неблагодарное и бессмысленное. Здесь вчера творилось нечто невообразимое. Оплакивание Гектора. Вой, стенания, идиотские советы - тьфу! Терпеть не могу, когда сталкиваются медицина и родные больного. А ваши родственнички могут кого угодно из себя вывести. От их советов камни застонут. Дядюшка ваш, например, посоветовал мне дать вам рому. И знаете почему? Потому что он по цвету напоминает кровь и действует согревающе! Каково, а?

Роман засмеялся.

- Ага, легки на помине, - пробормотал Ключин, глядя в окно, - Едут забирать вас. Но это уже - без меня. Встретаться с ними мне резона нет - и так нервы ни к черту!

Он быстро подошел к столику, побросал в открытый, пахнувший аптекой саквояж свои нехитрые принадлежности, захлопнул его и, подхватив, направился к двери, быстро говоря на ходу:

- Значит, главное - полежать, пить порошки, делать перевязки. Есть получше... Я вас навещу..

Дверь за ним захлопнулась.

"Видно, досталось ему вчера!" - весело подумал Роман и, вспомнив про ром, засмеялся, - "На кровь похож..."

Дверь приоткрылась и вошла Татьяна.

- Едут ваши, - произнесла она, глядя своими внимательными глазами. Роман, с лица которого еще не сошла улыбка, смотрел на нее с нескрываемым интересом.

- Отчего Ключин так выбежал? - спросила она, отводя глаза.

- Испугался встречи с моими. Они вчера его вывели из себя.

Татьяна улыбнулась и глаза их вновь встретились.

"Какое чудное создание. Почему я раньше не обратил на нее внимание?" - подумал Роман и спросил, - А где же ваш батюшка?

- Он на делянки поехал. Там артельные просеку делают.

Положив обе руки на высокую спинку подножья кровати, она смотрела куда-то вбок.

"Как она мила" - думал Роман, глядя на хрупкие плечи и тонкие, по-девичьи беззащитные пальцы - "Как же она все-таки мила!"

- Татьяна Александровна, скажите... - произнес он, желая только одного - чтобы она посмотрела на него.

Она подняла взгляд, глаза их встретились.

- Скажите пожалуйста, - проговорил Роман, чувствуя, как в груди у него при ее взгляде вскипает жаркая волна, заставляющая его трепетать, - Скажите, - повторил он, и она, почувствовав все, снова отвела глаза. Щеки ее заалели.

"Господи, как быстро!" - мелькнуло в голове Романа.

Потупив очи, она стояла перед ним - стройная, прелестная девушка с заалевшими щеками. Внизу послышался шум.

- Это ваши, - очнулась Татьяна от забытья и, коснувшись ладонью щеки, не взглянув на Романа, вышла.

- Это наши, - автоматически повторил Роман, - Наши. Они ведь забирать меня приехали.

Он вздрогнул.

"Значит я уеду отсюда? Как же так... Уеду.. не буду видеть ее? Да.. Но там моя картина, мой дневник... занятия. Занятия? Черт возьми. Как же я ее не увижу? Теперь ведь мне непременно надо видеть ее."

Послышался скрип ступеней и в комнату вошли Антон Петрович с

Лидией Константиновной. Таня вошла следом и стала у двери.

- В здравии, в здравии! - загремел дядя, обнимая Романа и целуя его в обе щеки, - Вот он. Зигфрид наш!

- Ромушка, мальчик мой! - обняла его тетя из-за спины Антона Петровича, - Господи!

Сквозь объятия и руки родных, Роман взглянул на Таню. Она смотрела на происходящее с какой-то радостной грустью, глаза ее радовались, а губы были грустны.

- Как же ты его, а? Расскажи немедля! - гремел дядя, - Я видал, он там висит распяленный! Матёрейший волчище! Как ты его?! Ну, это же невозможно, господа хорошие!

- Антоша, оставь Ромушку в покое, я умоляю тебя! - тетя оттаскивала своими тонкими руками Антона Петровича, - Он же только недавно был без памяти! Татьяна Александровна, голубушка, скажите хоть вы ему!

- Да, да, - произнесла Татьяна, стараясь не смотреть на Романа, - Только что был доктор Клюгин. Он говорил о покое, оставил порошки... вот, они у меня, - Из кармашка платья она достала коробочку с порошками и протянула тетушке.

- Что, он был уже? - удивилась Лидия Константиновна.

- Да был. Был и ушел.

- Так это его экипаж у крыльца?

- Должно быть его. Я оставлю вас? - спросила Татьяна, отдав порошки тете.

- Спасибо вам, голубушка, - проговорила тетя, целуя Татьяну.

- Бог наградит вас за заботу о страждущем! - Антон Петрович подошел к девушке и, решительно взяв ее руки, расцеловал их, чем поверг ее в еще большее смущение.

Она быстро вышла с выражением такого невинного смущения, что Роман содрогнулся. Горячая волна снова ожила у него в сердце.

- Милое дитя! - произнес Антон Петрович в след Татьяне, - Вот послал Бог лесничему утешительницу на старости лет. Ангельское создание.

- Ромушка, милый наш, как ты себя чувствуешь? Говори, не томи нас! - тетя села на кровать к Роману и, обняв, поцеловала в висок.

- Прекрасно, прекрасно я себя чувствую, тетушка, - ответил Роман, внутри несколько расстроенный уходом Татьяны.

- Клюгин был? Он перевязку сделал? Не загноилась рана твоя?

- Все прекрасно, тетушка. Все хорошо.

- Да чего ж хорошего, мальчик мой! Ты же на волосок от смерти был. Ну зачем, зачем ты пошел не с нами?!

- Тетушка, милая, я ни о чем не жалею, ни о чем! - отвечал Роман, все думая о Тане, - "Отчего ж она ушла? Я даже не успел поговорить с ней".

- Вот это слова настоящего мужчины! Воина! Молодец. Коли

бросился зверь - не беги, а прими бой!

- Дядюшка, это не он на меня бросился, а я на него.

Воспенниковы замолчали.

- Как - ты на него? - спросила тетья, непонимающе глядя на Романа.

- То есть как это? - спросил Антон Петрович.

- Очень просто. Я шел, увидел, как волк жрёт лосенка. Меня это просто взбесило. Я вытащил нож и бросился на него. Он немного отбежал, а потом развернулся и принял бой. Вот и все.

Прошли несколько беззвучных секунд затем тетушка поднесла руки ко рту и склонив голову прошептала:

- Боже, Боже мой...

Антон Петрович, стоявший после вышесказанного неподвижно, подошел к Роману, наклонился и поцеловал его в голову. Выражение лица его при этом было тяжелым. Затем он отошел к окну и со вздохом скрестил руки на груди.

- Успокойтесь, тетушка, - Роман обнял Лидию Константиновну за плечи, - Все позади.

- Боже, Боже мой... - повторяла тетья, спрятав нижнюю часть лица в ладони.

- Полноте, тетушка! - улыбнулся Роман, - Зачем так переживать?

Лидия Константиновна опустила руки и произнесла как можно серьезнее:

- Обещай мне Роман, что... что такое никогда больше не повторится. Обещай светлой памятью твоих покойных родителей.

- Обещаю, тетушка, - ответил Роман и поцеловал тетину руку.

Слышно было, как под окнами Савва разговаривал в своей прибауточной манере с кучером Ключинского экипажа.

- Где же твой спаситель? - спросил Антон Петрович, глядя в окно.

- Татьяна Александровна сказала, что поехал на делянки.

- Да. Вовремя он тогда тебя встретил.

- Господи, да мы все должны молиться на Адама Ильича! - воскликнула тетушка, - Если бы не он! Чтобы было б, а? Вы понимаете что могло бы случиться? Ты бы мог просто кровью изойти и погибнуть в лесу! Ты понимаешь это?

Улыбаясь, Роман кивал. Сегодняшнее утро словно приоткрыло перед ним новую неведомую дверь, за которой начинался чудный, переливающийся радугами мир. Он еще не видел этого мира, но уже мог почувствовать его пьянящую прелесть, от которой у него так сладко замирало сердце.

"Я будто заново родился этим утром", - думал он, не слыша тетушкиных причитаний, - "Она словно разбудила меня. Хотя нет - разбудило солнце, а она вошла следом. Как это было прелестно - видеть ее, говорить с ней. Она вон там стояла, говорила со мной. Как она смутилась от моего взгляда! А эти руки, милые, совсем еще детские руки."

Но глаза умны не по-детски. А выбежала тогда, как ребенок, как девочка! И сколько в ней простоты и доверчивости. Эти фразы. Она прятала за ними простоту, искренность и доверчивость. То, что так легко разрушается людьми. То, что я растерял за эти три года..."

А тетушка, между тем, раскрыв внесенный Саввой чемодан, достала белье и летний костюм Романа, стала раскладывать на кровати. Антон Петрович с пустым чемоданом спустился вниз, тетушка хотела было помочь Роману переменить нательную рубашку, но он наотрез отказался и она вышла тоже.

Облачившись в светлые брюки и кремовую рубашку с сиреневым бантом, Роман повесил левую руку на приготовленную тетей перевязь и хотел уже спуститься вниз за всеми, но взгляд его случайно остановился на одной вещице, стоящей сверху на этажерке. Это была небольшая фарфоровая статуэтка лесной богини Дианы, сделанная по-видимому в Мейсоне. Маленькая богиня с очаровательной головкой и белыми ланитами, полуприкрытыми розовой накидкой, мгновение назад выпустила стрелу из золотого лука и теперь, замерев, следила за ее полетом.

Кончиком пальца Роман провел по маленькой руке, сжимающей лук. Рука была хрупкой, тоненькой, но и в то же время сильной, уверенной.

"Хрупкое может быть сильным," - безотчетно подумал Роман, - "И это по-настоящему красиво".

Повернувшись, он окинул взглядом деревянную комнату, словно благодаря ее за все то новое, что вошло в него здесь сегодня. Внизу за окном слышались голоса. Один из них принадлежал Татьяне.

"Еще вчера я бы не выделил этого голоса", - радостно подумал Роман, - "А сегодня я слышу его отдельно от всех других".

Он прошел в дверь и по винтовой лестнице стал спускаться вниз.

Спустившись, он прошел по коридору и вышел на крыльцо. Перед ним стояла старая дядина коляска, запряженная Костромой, с Саввой на козлах, который, завидя Романа, привстал и, кивая плешивой головой, запричитал:

- Здравия желаем, Роман Алексеич, здравия желаем, многоспасительный наш!

- Здравствуй, Савва, - кивнул Роман старику, ища глазами среди суеющихся у коляски родственников Татьяну.

Но ее там не было.

Роман оглянулся и вздрогнул - она стояла рядом с ним, за оббитым плюшем столбиком крыльца и смотрела на него.

- Вы... - произнес Роман и замер, не в силах оторваться от ее глаз.

- Я про лестницу забыла предупредить вас, - сказала Татьяна, отводя глаза, - Очень крута, а вы еще слабы.

- Я уже спустился, благодарю вас, - автоматически ответил Роман,

поражаясь красоте ее рук, нервно и в то же время неторопливо перебирающих листья плюща.

- Поправляйтесь, - произнесла она, не глядя на него. В ее фигуре чувствовалось беспокойство, полуоткрытые губы были прелестны.

- Спасибо вам, - произнес Роман и добавил с внутренним трепетом, - Татьяна Александровна.

Звук своего имени странно подействовал на Татьяну, это словно успокоило ее. Слегка улыбнувшись, она посмотрела Роману в глаза и проговорила:

- Не за что благодарить.

И снова знакомая алая волна затопила грудь Романа по самое горло, не давая вздохнуть. По всей видимости, лицо его в этот момент тоже изменилось, отразившись тут же, как в зеркале, в Татьянинном лице. И по ее взволнованным губам и отведенным глазам, он понял, что с ним творится. Ему стало неловко .

- Рома, мы уже готовы, - тетушка подошла к ним и трижды поцеловала Таню в покрасневшее лицо, повторяя, - Спасибо вам, голубушка, спасибо, ангел вы мой!

Роман зачарованно смотрел, как Татьяна безвольно, с налетом грустного отстранения подставляет лицо под тетушкины губы.

- Спасибо, душа моя! - подошел Антон Петрович и в свою очередь расцеловал прелестные Танины руки, - Жду вас с папенькой на мой день рождения. Не забудьте!

- Как же забыть... - улыбнулась Таня.

Роман чувствовал, что никакие силы не способны оторвать его от общения с этим существом. Превозмогая себя, он неловко поклонился и пошел к коляске, медленно переставляя одеревеневшие, словно не свои ноги.

Забравшись, он сел на кожаный пуф спиной к Савве, в то время как Воспениковы неторопясь разместились напротив.

- Прощайте, голубушка, Татьяна Александровна! - крикнула Лидия Константиновна, махая рукой Татьяне, так и стоящей у обвитого плющем столбика крыльца.

Антон Петрович приподнял с головы белую фетровую шляпу и летним зонтиком тетушки слегка толкнул Савву в плечо. Старик, засмотревшийся на пасущуюся неподалеку стреноженную кобылу лесничего, хлестнул кнутиком Кострому, и коляска резво покатилась.

Полуобернувшись, Роман ничего не видел, кроме стройной фигуры в сером платье. Коляска катилась, дядюшка и тетушка что-то говорили ему, а он все смотрел и смотрел на уменьшающуюся Таню, неподвижную, словно фарфоровая статуэтка. Но - вдруг статуэтка ожила и медленно пошла влево от крыльца.

- Ромушка, как твоя рука, скажи мне правду, - умоляюще склонилась к нему Лидия Константиновна.

Между тем дорога резко вильнула в лес, и Таня пропала за густой, яркой стеной зелени.

Роман повернул лицо к чете своих родственников и, пожалуй, впервые за все времена, они вдруг показались ему скучными.

- Что же ты молчишь? - тетушкина рука коснулась его плеча.

- Что? - вопросительно посмотрел на нее Роман.

- Я спрашиваю, как твоя рука?

- Прекрасно, - усмехнулся он, - Теперь все прекрасно.

- Как прекрасно? Наверняка ведь болит. Ты придерживай ее другой рукой...

- А что же ты, братец, на свой трофей не посмотрел? - спросил Антон Петрович, расстегивая ворот своей косоворотки, - Он же на дворе у них распятый висел, сходил бы!

- Что? Кто распятый? - бормотал Роман, бесцельно обшаривая глазами лес.

- Да, волчище! Волчище твой у них на пялице во дворе, здоровенный, как прямо, медведь! Надо было б посмотреть!

- Антоша, ну что ты с этим волком, будь он неладен! Рома, Ключин тебя перевязал хорошо? Теперь я сама тебе буду перевязки делать, у меня это лучше получается. Не трясет руку? Савва! Что ты гонишь так, езжай потише!

- А и потише́ можно! - замотал головой старик, подтягивая вожжи, - Пр, пр, пр! Охолони-ко!

Кострома побежала медленней.

Антон Петрович во все глаза смотрел на племянника, массивное лицо его источало азарт и чисто охотничье возбуждение.

- Рома, голубчик, ну теперь ты расскажи, расскажи поподробней, как все было! - с нетерпением попросил он.

- Ведь это ж как подумать - волка голыми руками задушить! Эвон, это ж как так можно! - обернулся к ним Савва.

- погоди, старик, - махнул на него рукой Антон Петрович, - Рома, не томи, голубчик, рассказывай!

- Что же мне рассказывать? - рассеянно усмехнулся Роман.

- Расскажи с того момента, как мы тогда разошлись, прямо с этого!

Роман вздохнул и стал рассказывать.

Он говорил спокойно, даже несколько равнодушно, словно речь шла о чем-то обычном, не интересном, а главное - давно миновавшем. Поглядывая по сторонам и в порядке вежливости останавливая взгляд на лицах своих слушателей, он подробно пересказал все случившееся с ним, не реагируя на возгласы испуга или удивления, то и дело раздававшиеся в коляске. Он рассказывал так, будто все это невероятное происшествие случилось вовсе не с ним, даже - не с его близким знакомым, а с каким-то далеким, совершенно чужим человеком, которого он ни разу в жизни не встретил, но историю убийства этим человеком волка слышал, и вот

теперь пересказывает ее своим родственникам, причем далеко не в первый раз. Слушатели же, напротив, так были захвачены рассказом, что вовсе не заметили этого странного состояния Романа, они ахали, охали на все лады, перебивали вопросами, требовали подробностей и главное - давали советы, причем иногда с такой страстью и настойчивостью, словно вся история происходила сейчас, у них на глазах.

- Надо было б ружье взять, Ромушка, милый мой! Зачем же ножом, Господи! Посмотрел бы, да и пошел прочь. Обошел бы роковое место! - закрывала лицо руками тетушка.

- Куртку, куртку на левую руку наверхнул и ему в пасть, а сам в брюхо ножом! В брюхо - ножом! - гремел на весь лес раскрасневшийся Антон Петрович.

- Как же так, Царица небесная! Это ж страсти-то лютыя - с волком бороться! Я и собаку-то, чай, за полверсты обойду, помилуй нас грешных! - болезненно бормотал Савва, непрерывно качая головой.

Романа несколько раздражали их возгласы, но он, не реагируя и не вступая с ними в обсуждения, все рассказывал и рассказывал, пока не дошел до момента своего плутания по лесу. Полагая, что кульминация повествования позади, он с некоторым облегчением поведал как заплутался, хоть и шел по своему убеждению верно, и как попал в незнакомый ельник. Но для слушателей кульминацией, как ни странно, явилось именно это. Когда все трое услышали, что Роман, двигаясь из Усохинского березняка, заблудился в поисках Желудевой пади - негодующие крики, причитания и стоны разнеслись по лесу.

- Господи, Ромушка, я бы шла влево, влево, там и конец березнику! Ой, ты же мог погибнуть, умереть без помощи!

- Зачем, зачем же ты вправо двинул так?! Это же ясно как солнце - вот Бабий луг, вот березник, вот налево подлесье, а там Желудевая падь, Косик и Гнилая канава! Налево пошел, десять минут ходу, - и подлесье! Боже мой, Рома! Ты же наши места должен лучше меня знать, как же тебя понесло к Бучинской?!

- Царица небесная, куды ж там плутать? Это ж с закрытыми глазами добраться можно, родимая моя мамушка!

Их громкие возбужденные советы, укоры и увещевания сыпались на Романа, словно еловые шишки. Он же, рассеянно вглядываясь в лица спутников, думал о своем, и поток мыслей, усиленный движением коляски, нес его, отделяя от всех и вся.

"О чем, говорят эти наивные люди?" - думал Роман, - "Что они хотят от меня? Почему они ничего не видят и не замечают? Там, в доме они прошли мимо нее, как мимо служанки, как мимо вещи, ничего не заметили. Отъезжая, они махнули ей, отвернулись ко мне, чтобы задавать нелепые вопросы. А раньше, раньше, все это время почему они ничего не говорили мне о ней? Или они так слепы и глупы, что ничего не замечают, кроме варенья и соленых грибов? Но как возможно не заметить ее?"

- Ну а потом-то что было, Рома? - спросила тетушка, слегка тряхнув его за плечо, - Рома? Ты что, плохо себя чувствуешь?

Роман, очнувшись, поднял на нее глаза и вдруг спросил:

- Тетушка, вы давно знакомы с дочью лесничего?

- С Танечкой? Ну... меньше года. Как только они приехали, так и познакомились.

- А отчего они не бывают у нас?

Придерживая шляпку, раскачиваясь на сиденье от ухабистой дороги, Лидия Константиновна пожала плечами:

- Не знаю. Адам Ильич человек замкнутый, суровый. А Танечка, она же еще ребенок, разве она одна поедет. Впрочем, нет, она бывала у отца Агафона.

- И у Рукавитинова, - быстро подсказал Антон Петрович и с нетерпением протянул перед Романом свою огромную руку, словно прося милостыни, - Ну, а потом, в ельнике, как тебя Куницын встретил?

- Куницын? - Роман достал портсигар и поспешно раскрыл его, - Куницын... Да Бог с ним, с Куницыным, дядюшка. Скажите лучше, мне и впрямь придется с этой рукой лежать?

- Непременно, Ромушка, непременно лежать! - зачастила тетя, - Ты потерял много крови, у тебя могут быть головокружения, да и рана была глубокой! Лежать, милый мальчик, только лежать!

- Погоди, Лида, дай ему сказать! - нервничал Антон Петрович.

- Говори, говори, Ромушка. Рассказывай.

Но Роман не спешил рассказывать. Достав папиросу, он закурил и, пуская дым, произнес:

- Как странно.

- Что странно? - спросил Антон Петрович.

- Странно, что под боком у нас живет... живуг такие замечательные люди, а мы их не знаем.

Тетя снова пожала своими узенькими плечами:

- Но, Ромушка, мы знаем их и любим. А теперь и вовсе будем все благодарны Адаму Ильичу. Теперь мы будем видеть его чаще.

- И Татьяну Александровну, - утвердительно произнес Роман.

- И Татьяну Александровну, - произнесла тетушка и вдруг осеклась, посмотрев на Романа с полуиспугом.

Антон Петрович смотрел настороженно, хоть и с усмешкой.

Потом дядя и тетя молча переглянулись.

До конца пути больше вопросов они не задавали.

V.

Прошли три дня.

Проснувшись утром сразу после восхода солнца, Роман записал в своем дневнике:

"Теперь утро, четверть шестого. Солнце взошло, я вижу его косые, еще не сильные лучи. Засыпая вчера, я думал о ней. И сегодня, проснувшись, я сразу же вспомнил все, и был невероятно счастлив. Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, спасибо Тебе! Спасибо за то, что позволил нам встретиться, спасибо за то, что в двух верстах от меня живет она! Она - прелесть, она - чудо расчудесное, и я не знаю что со мной происходит! Я сам не свой после нашей последней встречи. Неужели я и впрямь влюблен? Но так быстро, неожиданно и сильно! Возможно ли? Господи, возможно ли?! Мог ли я предположить неделю тому назад, что полюблю Татьяну всего лишь поговорив с ней утром? Мог ли я знать тогда, в церкви, что зажигаю пасхальную свечку от одного огня с девушкой, о которой постоянно, непрерывно думаю теперь? Господи, как мне хочется видеть ее, говорить с ней. Но, главное - видеть. Видеть, как она отводит свои прелестные глаза, как, зардевшись, тербит тонкими пальцами листья. Боже, я должен видеть ее сегодня, непременно должен!"

Он положил ручку, закрыл чернильницу и захлопнул тетрадь, не перечитав написанного. Рана его заживала, и вчера тетушка торжественно пообещала, что сегодня разрешит ему продолжить прерванные живописные занятия.

Отворяя окно, Роман подумал об этом обещании и вдруг поймал себя на мысли о том, что ни разу за трое суток не вспомнил про так и не начатую картину.

Он улыбнулся и покачал головой.

А через полчаса умытый, причесанный, облаченный в белую кофору и белые парусиновые брюки он вошел в свою студию. Закурился и распахнув оба окна, Роман посмотрел на картину.

Большой, укрепленный на крепком дубовом мольберте угольник был нетронутым, светился белизной, на которой английским карандашом был нанесен еле заметный, но подробный рисунок будущего пейзажа.

Глядя на белое полотно, Роман вспомнил мягкий неторопливый голос старика Магницкого: "Всмотритесь попристальней в русский пейзаж и вы убедитесь, что весь он пронизан неким белым светом, словно белую подкладку подложили под него. Свет этот мы не видим, но можем."

должны почувствовать. Он стоит за лесом, за полем, за небом. Этот свет вечен, ибо он не есть солнечный свет, он есть свет нетварный, дающий смысл природе. Художник, почувствовавший этот свет, имеет ключ к русскому пейзажу, к его душе".

Все эти четыре месяца Роман старался увидеть нетварный свет за лесом или полем, но удавалось это далеко не всегда, - свет, словно вдохновение поэта, то появлялся, то исчезал. Целыми неделями Роман мучительно искал его, не в силах начать картину, до боли всматривался в пейзаж. И вдруг теперь почувствовал, что впервые за все время смотрит и на полотно и на зелень за окном не ищущим взором художника, а спокойными глазами простого смертного.

Он улыбнулся, еще не вполне веря этому новому чувству, и подошел к раскрытым окнам веранды. Перед Романом во всей полноте и первозданности раскинулась его чаемая картина, то, что он хотел перенести на холст. Внизу, сразу за неряшливыми ветвями яблонь лежала зеленая трава с голубыми тенями вековых лип, потом могуче и величаво вставали сами липы, чтобы нескоро уступить место молочно-зеленому взгорку с палевой лентой дороги, которая, вместе с ландшафтом двигалась вниз по косогору, забирая с собой кусты ивняка и орешин, петляя и пропадая между дымящимися трубами изб, уступая место другой ленте - блестящей, как дамасская сталь, дробящей солнечные лучи водяной рябью и заставляющей деревянные коробки изб следовать своим резким изгибам. Сейчас, после восхода, река была особенно хороша; подернутая легкой дымкой тумана, обрамленная нежными купами ракушек, она словно обвязывала весь пейзаж прелестной шелковой лентой. За рекой всплывало гречишное поле с голубой полоской леса, над которой висело неяркое утреннее солнце.

Улыбаясь и радуясь своему новому ощущению, Роман смотрел на пейзаж, знакомый с детства до самых мельчайших подробностей.

Еще мальчиком, забираясь на крышу дома, он подолгу смотрел на реку, избы, церковь, деревья, замечая движущихся людей, животных, и приятное оцепенение охватывало его. Тогда он впервые стал чувствовать, что порой наблюдать мир гораздо приятнее, чем жить в нем. И он наблюдал в редкие минуты своего мальчишеского спокойствия, словно замороженный, следя за бегом далекой лошади, считая скворечники, на шестах, или загадывая, как быстро проплывет лодка от мельницы до церкви. Никогда не было такого, чтобы в пейзаже никто не двигался. Даже в пасмурные вечерние часы юные глаза Романа обязательно находили кого-то среди сумеречной зелени.

И теперь, вспомнив это подобие игры, он сразу же заметил первого человека в пейзаже. Им оказалась крестьянка, вышедшая на мосток к реке с тазом белья и деревянным пральником. Склонившись, она принялась полоскать белье, а через некоторое время стала быстро и уверенно отбивать его, поднимая и опуская свой пральник.

Куря, Роман вслушивался в этот единственный пока звук пробудившегося Крутого Яра и с тихим удивлением отмечал про себя, что ему совершенно не хочется смотреть на эту дивную живую картину глазами художника, а главное, что он уже и не смотрит этими глазами, а смотрит совсем обычно!

Но самое удивительное было в том, что его существо абсолютно не противилось этому, ему было хорошо и спокойно. Мысли о Татьяне снова овладели им. Разглядывая пейзаж, он то и дело представлял ее фигуру в том самом простом сером платье, возникающую то на берегу реки, то у церкви, то совсем близко - у родных лип.

“Она, вероятно, часто гуляет по лесу,” - думал он, - “Ходит меж деревьев, трогает их стволы”.

Ее хрупкие руки всплыли в памяти, и сердце забилося. И словно старая рана открылась в груди, - рана сладкая, пьянящая и тревожащая.

- Я должен видеть ее, - произнес он, обращаясь к липам и реке, - Я три дня не видел ее. Целых три дня!

Ничто не могло оторвать Романа от этих мыслей: лицо Татьяны стояло перед глазами, ее робкий чистый голос мерещился повсюду.

Потушив папиросу о подоконник, он бросил ее вниз и повернувшись, посмотрел на единственную глухую стену студии. Вся она была увешана эскизами к будущей картине. Эскизы были разные - почти мгновенные наброски углем, подробные рисунки сангиной и карандашом, несколько акварелей и, наконец, картинки, писанные маслом.

Он подошел ближе к стене. Несмотря на бросающееся в глаза различие эскизов, их объединяло то, о чем знал лишь автор: все они были написаны вечером, перед заходом или во время захода солнца. На всех эскизах край опускающегося светила выглядывал из-за дальнего леса оранжевым, красным или желтым сегментом одинакового размера. Такой же сегмент был нарисован карандашом и на самой картине.

Картина, которую собирался написать Роман, называлась “Закат” и должна была передать то неповторимое мгновение, когда любимый пейзаж озаряется неизбежно исчезающим солнцем, а слабеющий луч скользит по кустам, верхам деревьев, кресту колокольни, словно навсегда прощаясь с ними. Передать это прощание солнца с природой Роман готовился все эти четыре месяца. Раньше это казалось ему невероятно трудным, более трудным, чем увидеть “нетварный” свет, каждый эскиз ему чем-то не нравился, он постоянно заменял старые новыми, а потом - наоборот, и никогда не был доволен.

Теперь же, глядя на увешанную своими “новыми” глазами, он радостно улыбался, эскизы нравились ему все. Да и вообще все окружающее нравилось - и белый нетронутый холст, и разложенные: тюбики красок, и кисти, бодро топорщащиеся из вазочки, и эскизы, и потолок, и окно, и чудная, сбрызнутая росой природа за этим окном.

“Господи, как все хорошо!” - радостно думал он, подходя к стене и

трогая руками эскизы, - "Как славно, что все это есть, все это существует. Теперь во всем этом есть смысл, теперь я все люблю и мне не надо что-то добавлять к этому миру."

Постояв у стены, он взял лежащий в углу на лавке кусок сложенного вчетверо холста и, развернув его, накрыл подрамник с начатой картиной...

За завтраком Роман непрерывно думал о Татьяне, пропуская мимо ушей все, что говорилось за овальным, по утреннему чистым столом. Очнуться от своих мыслей ему пришлось лишь в момент упоминания Антоном Петровичем Гнилого колодца, который находился в лесу неподалеку от дома лесничего, а следовательно - и от Татьяны.

- Вообразите мое замешательство, - говорил дядюшка, делая себе бутерброд с черной икрой, - Я подходил с естественным желанием утолить, так сказать, жажду, пусть и не очень свежей водицей, а тут вдруг эдакая оказия!

Лидия Константиновна засмеялась, отворачивая краник у самовара и добавляя в чашку с чаем кипятка.

- Что? Какая оказия? - спросил Роман, - Вы, дядюшка, там кого-то видели? А у Адама Ильича вы не были? - Воспенниковы переглянулись и дружно рассмеялись.

- Я там, Роман, свет Алексеевич, видал всего лишь медведя! А Адама Ильича двадцать лет назад, здесь и в помине не было! - смеялся дядюшка.

- Рома, ты опять ничего не слушаешь, - улыбалась тетушка, подавая ему полную чашку, - Скажи мне, что гвоя рука?

- Я абсолютно здоров, тетушка, - ответил Роман, - Рука совершенно не болит.

- И все-таки тебе следует быть осторожным. После завтрака не забудь принять порошки.

- Не забуду, - пробормотал Роман, снова погружаясь в мысли о Татьяне.

- Ты был утром в студии, - утвердительно и с теплотой произнес Антон Петрович, - Я слышал скрипы и понял, что это ты. Вот, Лидочка, что значит одержимость творчеством!

- Ты уже писал сегодня? - спросил тетушка, - Не рановато ли?

- Не рановато, радость моя, не рановато! - перебил ее Антон Петрович, откусывая от бутерброда, - Как твоя картина, Рома?

- Никак, - с легкостью ответил Роман, разглядывая стоящую перед собой чашку.

- Как это - никак? - удивился Антон Петрович.

- Я решил пока отложить живописные занятия, - произнес Роман после недолгой паузы, и вдруг спросил, - Скажите, дядюшка, что, Адам Ильич... - он рассеянно потер висок.

- Что - Адам Ильич? - непонимающе поднял брови дядя.

- Адам Ильич... любит охотиться? - спросил Роман совершенно

неожиданно для себя.

- Охотиться? Не знаю, право, - пожал плечами Антон Петрович, - Я с ним ни разу не хаживал...

- А на бильярде он играет? - спросил Роман и вдруг, протянув руку, сжал запястье тетушкиной, руки. - Тетушка! Дядя! Поедемте сегодня к Адаму Ильичу! Я так благодарен ему, мне так хочется видеть его и... и Татьяну Александровну.

Произнеся ее имя, он покраснел и волнение охватило его.

Антон Петрович и Лидия Константиновна переглянулись в недоумении.

- Поедемте, поедете! - повторял Роман, не отпуская тетушкиного запястья.

- Да я... право не против, - произнесла Лидия Константиновна, - Но, Ромушка, ты же еще не совсем здоров, я боюсь что...

- Я совершенно, совершенно здоров! - нетерпеливо перебил ее Роман, вставая с места, подойдя и обнимая тетушку за плечи, - Неужели из-за пустяковой раны я должен отказывать себе во всем?!

- Да в чем же, помилуй, ты себе отказываешь? - она робко смотрела на него снизу вверх.

- Во всем! Во всем! - воскликнул Роман, - Поверьте, я не могу и минуты быть затворником, я не выношу затворничества и больничного режима! Поедемте, прощу вас!

Тетушка в замешательстве перевела взгляд на Антона Петровича.

- Лидочка, ну а почему бы и не поехать? - развел руками он, - Рома здоров, как бык, ты посмотри на его румянец.

- Но Клюгин говорил..

- Да Бог с ним, с Клюгиным! - поморщился Антон Петрович, - Сядем в рессорную коляску, запрежем лошадку поспокойней, да и съездим.

Лидия Константиновна вздохнула и, помолчав, согласилась.

- Ну, коли Роме так нейдет...

В голосе ее чувствовалась обида.

- Все будет прелестно, тетушка!

Антон Петрович, улыбаясь, подмигнул ему.

- Ах, тетушка, они такие добрые люди! - с чувством говорил Роман, садясь на свое место и торопливо отпивая из чашки, - Адам Ильич кажется всем угрюмым, но я знаю, что он чрезвычайно добр. Я чувствую это.

Тетушка пожала плечами:

- Право, не знаю. Я и видела-то его всего раза четыре. Вот Танечка - добрая душа, это правда.

- Танечка - просто ангел во плоти, - согласно кивнул Антон Петрович, громко прихлебывая из чашки, - И я полагаю, что она еще и необыкновенно мила.

Произнеся это, он, старательно сдерживая улыбку, искоса взглянул на Романа.

Водя пальцем по краю блюда, Роман заговорил так, словно разговаривал с собой.

- Татьяна Александровна... Она такая удивительная. Когда я увидел ее в церкви на Пасху, ее лицо так поразило меня. В нем столько добра и света, оно так красиво, так естественно. И теперь, я был у них снова, видел ее. Она удивительна... она добра, она... мне... - он поднял голову и посмотрел в глаза Антону Петровичу,- Мне надо видеть ее.

Дядя, слегка смуглившись этого искреннего взгляда, перевел глаза на тетушку.

Они молча переглянулись.

- Мне надо видеть ее, - повторил Роман, резко вставая из-за стола и подходя к распахнутым створкам террасы.

- Ромушука, мы уже решили, - робко произнесла тетушка, - Ближе к вечеру, когда жара спадет, мы все поедем к Адаму Ильичу.

- Ближе к вечеру? - спросил Рома, поворачиваясь к ней.

- Да. Ближе к вечеру. Сейчас я должна отправиться к Надежде Георгиевне. Мы собирались варить варенье. А ближе к вечеру поедем к Адаму Ильичу и Танечке, угостим их свежим вареньем.

- Как? Ближе к вечеру?! - воскликнул Роман, - Мне не нужно ближе к вечеру, мне надо теперь! Теперь! - Оперевшись руками об узкий подоконник, он выпрыгнул с террасы, пробежал меж кустами сирени и оказался возле крыльца.

- Рома! Ромушка, куда ты? - донеслось с террасы.

Роман хотел было броситься бежать прочь от дома, но краем взгляда заметил фигуру Орлика, пасущегося на выгоне, за садом.

- Вот кто мне нужен! - воскликнул он и через сад помчался к Орлику.

Стреноженный толстой веревкой, конь поднял голову и внимательно смотрел на приближающегося к нему Романа.

Роман, подбежав, стремительным движением расстреножил коня, продел через его зеленый от травы рот болтающиеся под подбородком удила и вмиг вскочил на гладкую, лоснящуюся на солнце спину. Конь сразу взял с места галопом и понес Романа к невысокой изгороди.

Роман хлопнул его рукой по крупу, сжал бока ногами.

Они перелетели через прясла, старая жердь загрела от удара заднего копыта Орлика.

- Айяяя! - пронзительно закричал Роман и они понеслись через кусты, по полю, по дороге.

Бодрый утренний воздух, настоенный на гречихе, объял Романа, засвистел в волосах, затрепетал в складках рубашки. Дорога, рассекающая поле пополам, стелилась прямо, как стрела, легкий шлейф пыли дымил за мелькающими копытами Орлика.

"Вот так! Вот так! Вот так!" - билось в голове Романа в такт скачки.

Две версты, разделяющие дома Воспенниковых и Адама Ильича пронеслись, как показалось Роману, в один миг. С замиранием сердца он сдержал коня, заметив между деревьев белые переплеты окон дома лесничего. Вскрапнув, Орлик пошел шагом. "Боже, помоги!" - подумал Роман, выезжая из леса и неотрывно смотря на дом.

Вокруг стояла лесная тишина. Проехав мимо яблоневого сада, Роман спешился и, взяв Орлика под уздцы, подошел к углу дома и остановился. В доме, как и вокруг, было тихо. Орлик потянулся мордой к бочке с дождевой водой. Роман отпустил его и тихо подошел к крыльцу.

Все те же деревянные столбики, тот же плющ, в треугольные листочки которого она прятала свои прелестные руки.

Дверь была полуоткрыта. Роман осторожно тронул ее рукой. Она бесшумно отворилась и он вошел в темный коридор. Постояв, он прислушался. В доме было тихо.

В коридор выходили три двери. Правая вела на кухню, дверь напротив - наверх. Роман потянул за ручку левой двери. Она отворилась с легким скрипом. Роман увидел часть просторной светлой комнаты, обставленной просто и без затей.

- Кто это? - вдруг раздалось слева. Держась за ручку двери, Роман замер. Это был голос Татьяны. Послышался шорох ее платья и скрип стула.

Роман шагнул через порог и оказался в комнате...

Татьяна стояла возле прищторенного окна, держа в руках пяльцы с натянутой белой материей. На материи что-то было вышито. У ног Татьяны лежал медвежонок, грызя и тиска порванный лапоть.

Застыв на месте. Роман и Татьяна смотрели друг на друга.

- Вы... - произнесла чуть слышно Татьяна.

С трудом сдерживая волнение, Роман шагнул к ней.

- Простите меня, - произнес он и, вздрогнув, добавил, - Прошу вас... простите меня, Татьяна Александровна.

Она молча смотрела на него, лицо ее, побледневшее сперва, теперь стремительно покрывалось румянцем.

- Я... мне так хотелось видеть вас. И вот я приехал, - проговорил Роман пересохшими губами.

Татьяна молча смотрела на него, не в силах проронить звука. Роман приблизился к ней и, глядя в ее широко открытые глаза, произнес порывистым шепотом.

- Я не могу без вас.

Пяльцы с вышивкой выскользнули из ее рук и упали на пол. Медвежонок заворчал и стал обнюхивать их. Роман приблизился к Татьяне и, взяв ее прохладную нежную руку, жадно поднес к своим губам. Татьяна вздрогнула и другой ладонью закрыла лицо. Прижав ее пальцы к своим горячим губам, Роман словно оцепенел. Медвежонок обнюхивал белые ботинки Романа и тихо ворчал.

Татьяна отняла ладони от лица и прошептала:

- Прошу вас...

Роман поднял на нее свои горящие любовью глаза:

- Я не могу без вас. Эти дни я не находил себе места... Я... я не знаю, что со мной. Я... мне нужно видеть вас. Мне....

- Прошу вас, прошу вас... - прошептала Татьяна с дрожью в голосе.

- Татьяна Александровна! - горячим шепотом воскликнул Роман, чувствуя, как дрожь охватывает его. - Позвольте мне видеть вас, быть с вами, не отталкивайте меня! Поверьте, я никогда, никогда не причиню вам вреда, я ни на что не рассчитываю, я недостоин вас, но позвольте мне хотя бы видеть вас, прошу вас, заклиная вас!

Он сжал ее руку в своих руках. Прелестное лицо Татьяны пылало. Она опустила глаза, не в силах выдержать неистового взгляда Романа.

Медвежонок ворчал и ползал у их ног.

- Сейчас придет отец, - прошептала она, - Я не хочу, чтоб он нас застал.

- Вы боитесь?

- Да. Он любит меня, он очень переживает. Он очень, очень хороший, - быстро произнесла она, словно закрываясь этими словами от Романовых глаз.

- Да, да! Он чудный, добрый, сильный! - с жаром подхватил Роман, - Он спас меня в лесу, я так хочу его видеть!

- О, прошу вас, Роман Алексеевич, прошу, - начала она, подняв глаза, но встретившись с его взглядом, вздрогнула, словно от ожога и замолчала, опустив ресницы.

Роман прижал ее руки к своей груди.

- Татьяна Александровна, выслушайте меня. Я понимаю вас. Я прошу простить меня за то, что ворвался к вам так неожиданно, за то что напугал вас. Но послушайте...

Он сильнее прижал ее руки к груди.

Почувствовав биение его сердца, она зарделась еще сильнее и опустила лицо.

- Слышите? Так бьется оно каждый день, каждый час, каждую минуту! Я потерял покой после нашей последней встречи, я забросил все свои занятия. Я не нахожу себе места. Мне хочется только одного- видеть вас, быть подле вас. Я умоляю вас разрешить мне это. Ведь это совсем просто... Но, нет, нет! Прежде скажите мне, умоляю вас, скажите мне правду. Я знаю кто я, знаю все недостатки моего характера, догадываюсь, что вероятно многим испугал вас. Так скажите мне, ради Бога, скажите прямо не противен ли я вам? Коли я вам противен - скажите прямо, не таясь и не щадя меня... я пойму это! Поверьте, после этого я буду уважать и ценить вас еще больше и буду рад если мы останемся добрыми знакомыми. Но тогда я уже ни в коем случае не буду надоедать вам своим присутствием, клянусь вам! Так скажите мне теперь, честно - противен

ли я вам?

Не поднимая глаз и не шелохнувшись, она прошептала:

- Вы не можете быть противны. И я... я... мне...

Она прерывисто вздохнула и произнесла, сильно волнуясь:

- Мне было грустно без вас.

Роман прижал ее руки к своим губам, замер на мгновение, а потом покрыл эти руки быстрыми поцелуями.

- Роман Алексеевич... - взмолилась Татьяна, но он, как безумный, продолжал целовать ее хрупкие руки.

Вдруг за окном послышалось ржание какой-то лошади и Орлика.

- Это отец! - прошептала Татьяна, высвобождая руки с такой нежной решительностью, что у Романа замерло сердце. Порывисто наклонившись, она взяла из лап медвежонка уже успевшие побывать в его зубах пальцы, положила их на стол и, повернувшись к небольшому зеркалу, висящему над комодом, коснулась своих пылающих щек ладонями и потрясенно качнула головой;

- Ах, Боже мой....

Она была столь очаровательна в своем замешательстве, что Роман, оцепенев от обожания, застыл на месте.

За окном залаяла собака.

- Он увидит какая я... Боже, всемилостивый! - шептала Татьяна, качая головой.

Медвежонок, заслышав лай собаки, сопя, заковылял к двери.

- Не бойтесь ничего, - произнес Роман, борясь со своим оцепенением, - Нам с вами нечего бояться!

Он повернулся и вышел вслед за успевшим пролезть в дверь медвежонком.

Роман и Адам Ильич встретились у крыльца, - один спускался с него, другой ж наоборот - подходил, озабоченно и сумрачно глядя в землю.

- Здравствуйте, Адам Ильич, - произнес Роман.

Куницын остановился и, подняв глаза, посмотрел на Романа своим тяжелым взглядом, показавшимся Роману угрожающим. Но через мгновение седые усы лесничего дрогнули и сдержанная, но искренняя улыбка, появилась на лице этого сурового человека.

- Здравствуйте, - произнес он своим глуховатым низким голосом и протянул Роману крепкую руку. На нем был темносиний мундир, фуражка с кокардой, на плече висело ружье.

- А я решил - кто-то из лесников пожаловал, - проговорил Куницын, снимая фуражку и кивнул на Орлика, - А это, значит вы. Неужели поправились?

Он неторопливо достал платок и принялся вытирать им вспотевший бледный лоб.

- Я абсолютно здоров, - произнес Роман, радуясь, что наконец

по-настоящему встретился и заговорил с этим непростым человеком.

- Ну и слава Богу, - качнул седовласой готовой Куницын, косясь на возню медвежонка и грудастого серо-черного пойнтера.

- Адам Ильич, я приехал, чтобы поблагодарить вас за то, что вы спасли меня, - сказал Роман, - Спасибо вам.

- Полноте... - с усталым вздохом произнес Куницын, пряча платок и снимая с плеча ружье, - Пойдемте лучше в дом. Поля! Гаша! - позвал он, повернувшись к стоящему неподалеку большому сенному сараю.

В распахнутых воротах сарая показались две босоногие круглолицые девки. Позевывая и поправляя платки, они подбежали к Адаму Ильичу. Протянув им фуражку и ружье, он приказал:

- Соберите-ка нам закусить.

Девки проворно скрылись за дверью.

Куницын расстегнул верхнюю пуговицу мундира, достал массивный медный портсигар, открыл и протянул Роману:

- Прошу.

Они закурили.

Медвежонок и собака возились на траве поодаль, урча и хватая друг друга, причем мишка часто опрокидывался на спину и отбивался от пойнтера всеми лапами.

- Вот. Мать его подстрелили, а он с зимы прижился, - произнес Куницын, с тяжелым выдохом выпуская дым.

- Прелестное создание, - заметил Роман, искоса поглядывая в полузашторенное окно.

Ему казалось, что Татьяна украдкой наблюдает за ними.

Слышно было, как за домом на скотном дворе конюх выпрягает из брички лошадь лесничего.

- Я велел вашему жеребцу овса задать, - произнес Куницын, глядя на Романа своими усталыми глазами.

- Я и забыл про него! - усмехнулся Роман.

- Хороший конь.

- Да. Для верховой езды просто исключительный. И вынослив поразительно, можно к примеру, проскакать от... от... - Роман рассеянно потрогал усы большим пальцем, теряя мысль и обреченно понимая, что желание видеть Татьяну не позволяет ему даже поддержать разговор. Замолчав, он стоял перед Куницыным теребя усы.

Куницын пристально посмотрел на него и произнес:

- Что же мы здесь стоим. Прошу.

Роман двинулся первым и, миновав коридор, вошел во всю ту же комнату. Волнуясь, он обвел комнату взглядом, но Татьяны здесь не было. Зато Поля и Гаша проворно ставили на стол тарелки с закуской и графины с водками и настойками.

Расставив все, они быстро удалились.

- Прошу, - показал на массивный стул Адам Ильич, а сам сел

напротив.

Потушив папиросу в маленькой железной пепельнице, он спросил, оперевшись кулаками о стол:

- Водки выпьете?

- С удовольствием, - поспешил ответить Роман.

Они выпили и стали молча закусывать.

Роману есть не хотелось, он взял пирожок с вязигой и вяло жевал его, поглядывая на Куницына. Лесничий тоже не очень жаловал все это пряное многообразие сельской кухни. Положив себе кусок копченой курицы, он ел нехотя, устремив тяжелый взгляд в одну точку.

"Где же Татьяна?" - подумал Роман, рассматривая массивную седую голову Куницына и его суровое лицо, - "Должно быть, пошла наверх... Все-таки у него тяжелое выражение лица. Словно он постоянно думает о чем-то безысходном. И горбится так, будто за плечами у него невыносимые страдания. Как удивительно, что рядом с таким суровым человеком - она, тихий, чистый, доверчивый ангел. Мой ангел"...

Он вспомнил ее нежные руки и сладкая волна любовной истомы прошла по сердцу.

Куницын налил еще водки, отер усы большой серой салфеткой и вдруг спросил, прямо взглянув в глаза Роману:

- А вы к Тане приехали. Правда?

Роман замер и, отложив пирожок, тоже взялся за салфетку.

- Значит правда, - мрачно заключил Куницын после обоюдного молчания.

Он поднял свою рюмку и выпил. Роман молчал, теребя салфетку.

- Да вы пейте, пейте, - с тоской в голосе произнес Куницын, и, снова отерев усы, продолжил, - Я ведь тоже не слепой. Она эти дни места себе не находила. Все посылала справиться о вас. Просила, чтоб я поехал. А я... не могу. Вы не сердитесь.

Он замолчал и сидел, уставившись в стол.

Роман вдруг почувствовал острую жалость к этому нелюдимому прямодушному человеку. Одновременно он понял, что если теперь не скажет ему все, то потом никогда не простит себе этой слабости.

Собравшись с духом он произнес:

- Адам Ильич, я люблю вашу дочь.

Не поднимая глаз, Куницын вздохнул и сказал спокойно и мрачно:

- Я знаю.

Он налил водки, выпил и, помолчав, заговорил:

- Я как вас на Пасху у батюшки увидел, так сразу понял что вы ее полюбите. А теперь вот так и есть. Так и есть.

Он замолчал, водя пальцем по салфетке.

- Адам Ильич, выслушайте меня, - заговорил Роман, - Ваша дочь...

- Она не дочь мне, - резко перебил его Куницын, - Но дороже и ближе у меня нет никого.

- Татьяна Александровна - не дочь вам?
- Не дочь... Да это и по отчеству видать.
- По отчеству? Ах, да! А я и не обратил внимание.

Куницын слабо улыбнулся и покачал тяжелой головой.

- Да. Вы не заметили. Ну, да что теперь. Выпейте за здоровье моей Танечки, а я расскажу вам...

Он замолчал и, горько усмехнувшись, продолжил:

- Я вас тогда в лесу встретил и понял, вот оно, от судьбы не скроешься. Да. Как все просто вышло... Да вы пейте, не смотрите на меня.

Роман автоматически выпил налитую в рюмку водку.

- Она вас тоже любит, - продолжал Куницын, - По ней видать все. Она чиста, скрывать не умеет. Да и что скрывать? Что скрывать? Я вижу, что вы человек благородный, честный. И поверьте, мне от этого еще горше. Будь вы другим, каким-нибудь столичным повесой, я бы знал как поступить. А сейчас я не знаю. Не знаю.

- Адам Ильич... - промолвил Роман, но Куницын поднял руку.

- Молчите. Молчите. Я все знаю, мне все видно. Я прожил пятьдесят восемь лет, я командовал полком, дважды ранен. Я видел смерть людей, я много чего видел. У меня была жена. Она умерла. У нас не было детей. Танечку я спас из огня, я удочерил ее, я воспитал ее, вырастил, дал образование, она чудно, чудно поет, поверьте... Да, да, мы уехали из этого гадкого города, где все живы только сплетнями, где ложь, рабство и мерзость. Мы уехали оттуда...

Он прервал свою резкую, сумбурную речь и таким же резким, нетерпеливым, но и в то же время по-стариковски неточным движением оттянул свой черный шелковый галстук.

- Мы уехали оттуда, - продолжил Куницын, глядя вниз и потирая пальцами морщинистую шею, - Я ненавижу этот город. Там нет ни одной живой души, ни одного честного бескорыстного человека. Всюду ложь и обман. И вот теперь вы пришли сюда, вы на нашем пути. И хоть я вижу, что вы честный человек, и вы говорите, что любите Танечку...

Он смолк, поднял на Романа свои сумрачные глаза и произнес:

- Я не отдам ее вам.

Роман похолодел.

Минуту они молча смотрели в глаза друг другу.

Не отводя глаз, Роман произнес с твердостью в голосе:

- Я люблю Татьяну Александровну.

Куницын застонал и склонил голову, словно от невыносимой боли.

- Прошу вас, уходите, - с трудом вымолвил он.

Роман встал и неверными шагами двинулся к двери. Все происходящее казалось ему сном, хоть он и чувствовал необычайный душевный подъем.

- Нет, постойте! - глухо выкрикнул Куницын, тяжело и резко

приподымаясь со стула.

Роман остановился у самой двери.

- Стойте! Погодите! - Куницын сделал по направлению к Роману несколько шагов и остановился, - Я знаю, бессмысленно просить вас, бессмысленно умолять, чтоб вы оставили ее. Я вижу все. Я вижу, вы теперь не отступите, теперь нас двое и так будет, пока один останется. Стойте! Вы сказали, любите ее. Я тоже люблю ее. Люблю, как единственное дитя, единственного ангела. Вы будете отнимать ее медленно, но я не желаю мук, я хочу справедливости! Слышите? Я хочу справедливости!

Он подошел к Роману и глядя в упор, спросил:

- Вы любите Таню?

- Люблю, - твердо ответил Роман,

- Я не отдам вам ее! Я не отдам ее! - гневно произнес Куницын.

- Она будет со мной! - неожиданно проговорил Роман, сильно волнуясь. Куницын отвел взгляд и вдруг быстро спросил:

- Вы готовы умереть за Таню?

- Готов! - искренне ответил Роман.

- И я готов! - в тон ему ответил Куницын, - И вот что я решил....

Повернувшись, он подошел к комоду, выдвинул верхний ящик и достал револьвер.

- Стреляться с вами я не буду, - твердо сказал Роман.

- А мы не будем стреляться! Мы будем судьбу пытаться!

Куницын подошел к двери и, повернув торчащий из замочной скважины ключ, запер ее.

- Мы будем пытаться судьбу! - с револьвером в руке он подошел к столу и резким движением наклонил его.

Тарелки, графины, приборы - все с грохотом полетело на пол.

Сбросив со стола и скатерть, Куницын указал Роману на стул:

- Садитесь!

Роман подошел и сел.

Куницын опустил ся напротив, быстро переломил револьвер и стал вынимать из него патроны.

- Вот... Это будет вернее.

Бросив пять патронов на пол и оставив в барабане один, он захлопнул револьвер и положил на стол:

- Это наша судьба. У нас, у военных это называется русской рулеткой. Ни мне, ни вам не будет жизни без Тани, я это знаю. Коли вы человек сердечный и честный, вы не откажитесь испытать наши судьбы. Вы готовы?

- Я готов на все, - оказал Роман. Он был бледен. За дверью послышались взволнованные голоса, в нее осторожно постучали.

Куницын достал пятак:

- Орел - вы, решка - я.

Он бросил пятак на стол.

Решка была сверху.

Сумрачное лицо Куницына слегка побледнело, он нахмурился, но решительно взял револьвер, не глядя три раза крутанул барабан и быстро прижал дуло к виску. В это время за окном мелькнула тень и послышался вскрик Татьяны.

Куницын спустил курок.

Раздался громкий щелчок.

В дверь застучали сильнее, послышались взволнованные женские голоса.

Куницын отвел руку с револьвером от виска.

Бледный лоб его мгновенно покрылся испариной.

- Ваш черед, - еле слышно произнес он.

Роман взял револьвер.

- Отец! Отец! - послышались крики Татьяны, - Остановись, прошу тебя!

Роман вздрогнул от голоса любимой, но видя перед собой бледное, дышащее решимостью лицо Куницына, его как-то вдруг посветлевшие глаза и подрагивающие усы, три раза прокрутил барабан и прижал тупое дуло к виску.

К крикам и голосам женщин за дверь присоединился глухой бас конюха.

Роман потянул спусковой крючок.

- Нет! - хрипло вскрикнул Куницын, подаваясь к Роману через стол, но Роман потянул сильнее. Щелчок, раздавшийся возле уха, показался Роману выстрелом.

Замерев, он держал револьвер у виска. Куницын закрыл лицо руками и, сгорбившись, затрясся в беззвучном рыдании. Роман опустил револьвер.

В этот миг дверь треснула и распахнулась от сильнейшего удара.

В комнату тяжело ввалился конюх Гаврила - огромный, грузный мужик. Из-за его спины выбежала Татьяна. Мгновенье, она с ужасом смотрела на сидящих, потом бросилась перед отцом на колени и, обняв его, зарыдала.

Роман, положил револьвер на стол и встал. Куницын и Татьяна плакали, обнявшись. На мгновенье Татьяна обернула к Роману свое заплаканное, полное искреннего страдания лицо и прошептала:

- Уйдите!

Роман повернулся и вышел.

VI.

По своему характеру и душевному складу Роман принадлежал к тем чувствительным, смелым и порывистым натурам, которые без страха и упрека, со свойственными им искренностью и прямою готовы отстаивать свои порывы и убеждения, рискуя при этом многим, порой даже - слишком многим, и осознавая, чем они рисковали гораздо позднее.

Это осознание, просыпаясь в душе подобно забытому сну, одних пугает и заставляет сожалеть, других же воодушевляет и делает еще более смелыми и безрассудными.

Роман относился к последним. Остаток дня он провел у себя в комнате, куря и с горечью думая о Татьяне, Куницыне и нелепом происшествии. Ему было мучительно стыдно за все случившееся в доме лесничьего, он ругал и клял себя за все, ни на минуту не вспомнив, не подумав о смерти, которую он сам держал у своего виска. И только глубоко за полночь, неожиданно проснувшись и затепливши свечу, он понял, в о ч т о он сыграл с Куницыным. "Смерть", - думал Роман, глядя на узкое желтое пламя, - "Смерть была рядом, совсем рядом. Там, внутри стального барабана в одном из шести гнезд лежала она аккуратной пулей. Я крутил этот барабан, я подносил револьвер к виску, я нажимал курок. Я выполнил это с такой легкостью, словно пистолет был игрушечный. Ваш черед, - сказал тогда Куницын, и я сделал это. Ваш черед... Господи, словно мы в вист играли. Ваш черед, ваш черед..."

Роман закрыл лицо рукой и потерял еще непривыкшие к огню глаза. "Как он смотрел на меня, какое у него было лицо... И глаза, словно посветлели вмиг. Как он вскрикнул... Несчастный, бедный старик. Он испугался, он лучше меня понимал, во что мы играем. По его воле мы сыграли в смерть..."

- Смерть, - произнес Роман и вдруг улыбнулся и повторил почти что с радостью, - Смерть!

Он встал, набросил на плечи халат и, подойдя к окну, отворил его пошире. Залитый луной сад лежал перед ним, стояла душная июльская ночь, ни один лист не шевелился и лишь цикады оживляли ночной пейзаж.

- Я выиграл, - произнес Роман и улыбнулся в темноте.

Ему вдруг стало удивительно легко и даже весело от мысли, что он обыграл смерть, обыграл благодаря вере в свою любовь к Татьяне. Образ любимой живо встал в воображении, и все сожаления о случившемся тут же отступили, растаяли, словно туман. Роман всем своим существом

понял, что ничто и никто не в силах помешать ему любить эту чудесную девушку, ни смерть, ни ее отец: он понял и почувствовал, что вчерашние игры со смертью только укрепили его любовь, а все дальнейшие испытания укрепят ее еще больше.

Он поставил свечу на конторку, открыл дневник и записал:

“Все случившееся вчера со мной настолько невероятно, что теперь нет нужды подробно описывать все это. В доме любимого мною человека я был на волос от смерти, пошел на это добровольно и ничуть о том не жалею. Я люблю ее и ничего не боюсь, сегодня же я напишу ей об этом. Она чудесная, несравненная, она подобна сошедшему с небес ангелу, ангелу, которого я люблю всей душой, которому я предан всем сердцем”.

Закрыв тетрадь и задув свечу, он лег спать.

Однако сон долго не приходил, Роман лежал с открытыми глазами, радуясь и переживая, и заснул только на рассвете...

Проснулся он, когда стрелки часов показывали без четверти двенадцать. Накинув халат и умывшись из большого голубого кувшина, он достал из конторки лист бумаги и написал следующее:

Татьяна Александровна!

Умоляю Вас, всем сердцем умоляю, простить меня за вчерашнее происшествие в Вашем доме, причиной которого был я и только я. Я нисколько не помышлял рассердить или обидеть Адама Ильича, я пришел в Ваш дом с миром и страстным желанием видеть Вас, говорить с Вами, быть подле Вас, сказать Вам то, что не успел сказать, и о чем теперь пишу Вам. Татьяна Александровна, я люблю Вас. Я пишу эти слова искренно, от всего сердца, и готов повторить их, стоя перед Вами на коленях. Ваш отчим, добрейший и честнейший человек, любящий Вас такой трогательной отцовской любовью, на которую способны только чистые, честные и великодушные люди, Ваш отчим, которого я тоже полюбил, предложил мне испытать судьбу самым решительным способом. Я испытал свою судьбу, хоть по здравому смыслу должен был остановить Адама Ильича в его безрассудном и почти детском стремлении "сберечь" Вас от меня. Но я испытал и выдержал это и теперь повторяю Вам, бесценная и единственная моя: Я люблю Вас! Я готов на любые испытания во имя Ваше, ничего и никто меня не остановит!

Любящий Вас

Роман Воспенников.

Перечитав письмо и оставшись им довольным, Роман запечатал его в конверт, стремительно переоделся и спустился вниз.

В доме было пусто.

Он прошел на террасу и увидел, что его место за столом сервировано, а возле тарелки лежит небольшая записка.

"Ромушка, с добрым утром! Мы у Красновских, завтракай и

присоединяйся”, - было выведено изящным тетушкиным почерком.

Роман сел за стол. Акси́нья принесла ему кофе с гренками, холодную телятину и кусок пирога с земляникой. Быстро выпив кофе и не притронувшись к остальному, он позвал кухарку и попросил чтобы она привела своего двенадцатилетнего сынишку Егорку. Егорка вскоре появился и Роман, дав ему денег на леденцы, отправил его с письмом к Татьяне Александровне, строго-настрога наказав передать письмо только лично ей.

Босоногий Егорка пустился во весь дух исполнять поручение, а Роман, бесцельно прослonyaвшись по дому и выкурив три папиросы, решил отправиться к Красновским. По дороге он вдруг вспомнил, что в письме совсем забыл попросить Татьяну ответить и ничего не сказал определенного об их ближайшей встрече.

"А и впрямь, когда же я ее увижу? Сегодня? Ну, а как же иначе, как не сегодня?" - он остановился, пораженный простой мыслью, что сегодня может не увидеть Татьяну.

Мысль эта показалась ему такой страшной и беспощадной, что Роман похолодел.

"Отчего же я не написал ей, не попросил свидания? Написал в глупом дурацком тоне, ни о чем. Господи! Она, вероятно, страдает, а я шлю ей восторженное глупое письмо. Глупец, Боже, какой я глупец!"

Стоя на дороге, он обхватил ладонями голову и застонал, как от зубной боли.

"Что же делать, что делать?" - мучительно думал он.

Первой мыслью было воротиться, оседлать Орлика и скакать вослед за Егоркой, чтобы перехватить глупое письмо. Роман бросился назад, но тут же остановился.

"Господи, я же совсем забыл про ее отчима! Я же оставил их обоих плачущими. А вдруг ему сделалось плохо, вдруг его сердце не выдержало всего происшедшего!"

- Боже? - простонал Роман и поднял голову, - Ехать, ехать к ним немедленно!

Он бросился бежать к дому и снова остановился.

"Постой, а вдруг он не захочет меня видеть? Коль он так переживал, пошел на такое! И она... Она! Она же сказала мне - уйдите! Боже, отчего же я забыл это?!"

- Вернуть, вернуть Егорку! - воскликнул он и помчался к дому. Вдруг истошный женский крик долетел до слуха Романа.

Крик хоть и неблизкий был так страшен, что Роман тут же остановился, забыв о своих прежних стремлениях.

Крик повторился. Кричали на другом, дальнем конце Крутого Яра. Роман прислушался.

Крик был страшен. На третий раз он понял, что кричали. Это было страшное и неожиданное слово п о ж а р , растянутое и изуродованное

бабьим кликом.

Одновременно он увидел рваные клочья коричневого дыма на южном конце села. Через мгновение кричали уже несколько баб.

Роман бросился бежать к месту пожара. Дым был все больше и больше заметен, бабьи крики раздавались то тут, то там.

Недалеко от церкви Романа чуть не сбила телега, запряженная каурой лошадей, несшейся во весь опор. Завидя бегущего Романа, Сидор Горбатый натянул вожжи, закричал:

- Куды, куды, штоб тебя!

Роман отшатнулся в сторону и на бегу вспрыгнул в телегу:

- Кажется у Ротатого! - уверенно крикнул Горбатый, подпернув вожжи и поворачивая свое рябое, оживленное лицо к Роману.

Роман, не видя ничего, крикнул Горбатуму:

- Гони!

- Нннооо! - закричал Горбатый, злобно глянув на лошадь, и телега понеслась по пыльной дороге, мимо изб, обгоняя бегущих на пожар баб, ребятишек и редких мужиков.

Роман высунулся из-за сермяжной спины Горбатого и впереди, в сумятице зелени, изб, бабьих платков вдруг увидел большие, взвихренные сухим ветром языки пламени. Пламя было жадным, сильным, оно сразу затмило все остальное и Роман уже не помнил, как оказался возле пылающего дома.

Это была изба Степашки Ротатого - не слишком богатого, но и не бедного мужика с многолетней семьей. Жену его Роман и заметил первой в толче мечущихся вокруг женщин, - беременная, невысокая, с длинными, изуродованными работой руками, она кричала истошным голосом, переходящим в плач и причитания, поднимая свои руки и обхватывая ими маленькую, обтянутую темно-синим платком голову. Вокруг Ротатихи (именно так по-местному звали жену Ротатого) плачущей оравой толпились ее дети - один меньше другого.

Изба горела со стороны сеного сарая, вплотную стоящего торцом к избе, и пылающего, как факел. По-видимому, возгорание сена в сарае и послужило пожаром.

Пламя перекидывалось уже и на хлев.

- Свиной, свиной отоприся!!! - истошно кричала Ротатиха, не замечая, что свиньи, корова и теленок были выпущены и мешались с толпой, которая росла с каждой минутой. Бабы и ребятишки бежали со всех сторон. Имущество Ротатых выносилось из избы и сваливалось прямо в толпу. Мешки с мукой и зерном, самовар, половики, грабли, сундук, тулупы, все это валялось в пыли на дороге. Две босые бабы, пятясь и браня друг дружку за нерасторопность, стаскивали с крыльца большую деревянную ступу.

Какой-то старик, высадив окошко, передавал из избы плетеные короба, подушки и бутылки, а Сидор Горбатый ловко принимал их и

передавал бабам, которые оттаскивали все это дальше и клали на дорогу.

- Марфуша! Марфуша!!! Марфуша!!! - закричала Ротатиха, оглядываясь по сторонам, - Где Марфуша?! Марфуша!!

- Да вот она! - выкрикнула седая сгорбленная старуха, с перепачканными мукой, трясущимися руками.

Марфуша - девочка лет десяти подбежала к матери и обняв ее, громко заплакала. Другая девочка, поменьше Марфуши, стояла на месте и, прижав грязные кулачки ко рту, непрерывно пищала, словно зверек, глядя на пожар, округлившимися глазками.

А деревянная крыша, тем временем, занялась уже вся.

Пламя с могучим треском трепетало на ветру, угольки и головешки падали вокруг.

- Ох, Степан-Степан, а и что ж ты нас покинул-то, Степаан! - заголосила Ротатиха пронзительным голосом, - А и горит-то вся наше справа-то, Степааан!

- Ооох, лихо мне, и что ж это и делается! - заголосила в свою очередь сгорбленная старуха, всплеснув руками, - Как же и это теперича-то и жить-то будем!

- Ох, Степаан, ах-ти, Степааан! - вопила Ротатиха, обхватив голову и качаясь.

- Ах и что ж таперича нам и делати, а и как же нам, Христе Боже наш, и жить! - голосила старуха.

С крыши сыпались горящие дранки. Одна из них угодила Горбтому на спину, он завертелся, отряхиваясь и с руганью пятясь от окошка.

Дед, сидящий в избе и передающий через окно всякую рухлядь, что-то закричал ему, видимо, браня за малодушие.

- Что же ты, старый черт, думаешь?! - завопила старуха, семена к окошку и загоразивая лицо от пламени, - Погореть ты решил, окаянный?! Лезь сюды, щас крыша повалится!

Старик что-то кричал из окошка, показывая какие-то тряпки, но старуха подбежала к окну, схватила старика за волосы, и отвернувшись от жаркого пламени, потянула его из окна. Старик вместе с тряпками и черным валенком вывалился из окна в помятые флоксы сломанного палисадника и, поднявшись, хромя, погнался за старухой, размахивая кулаками и глухо выкрикивая:

- У, дура чертова!

Старуха, скрылась в толпе, а он, оглянувшись на пылающий дом, перекрестился и, махнув рукой пошел через дорогу под ракиты, бурча и плача.

Вдруг толпа расступилась и к палисаднику выбежал сам Степашка Ротатый, худой, высокий мужик с черной включенной бородой. Выбившаяся из портов рубаха его была мокра от пота, он тяжело дышал, сжимая в руке топор.

За ним стояло несколько мужиков, с которыми он, по-видимому,

что-то рубил в лесу, и теперь прибежал сюда.

- Степушка! Степушка!!! - завопила Ротатиха, подбегая к Степану и обхватывая его руками.

- Кормилец наш, сыночек, а и вот как мы таперича и жить та будем! - воющая старуха тоже приникла к Ротатому.

Плачущие дети обступили их.

Вдруг Степан с размаху бросил топор и двинулся к пылающей избе. Женщины завопили, повиснув на нем, мужики стали его останавливать, хватая за руки.

- Нет! Нет!! Нет!! - хрипел Ротатый, вырываясь.

Перекошенное лицо его было страшно. В этот момент из толпы выскочил Парамоша Дуролом и, бухнувшись на колени, стал быстро креститься двумя руками, выкрикивая:

- Сбылося! Сбылося! Сбылося! Пожирая - пожирай! Пожирая - пожирай! Пожирая - пожирай!

- Госпоодиинии! И что ж это все деется! - завывала какая-то баба.

- Нет! Нет! Не дам!!! - рычал Ротатый, вырываясь.

- Степа!! Степа!!! - вопила Ротатиха.

- Держи его, сгорит! - кричали мужики, хватая Степана.

- Пожирая- пожирай! Пожирая - пожирай! - выкрикивал, крестясь, Дуролом.

Наконец Степана Ротатого завалили на траву и он зарыдал, бессильно обняв землю.

- Покатимся и по миру катчим камушком! - выла над ним жена.

- Господи! Ох и Гоосподинии! - выла старуха.

Дети плакали.

Роман стоял среди толпы, с неким оцепенением наблюдая за происходящим. Когда он мчался в телеге Горбатого, первый порыв его был помочь, сделать что-то, но попав в кричащую и суеящуюся толпу, он вдруг замер, словно заговоренный, и спокойно смотрел на огонь и на людей. Одновременно с оцепенением, он чувствовал, что помочь им нечем, что он здесь, в их мире, совершенно ни при чем. Они не замечали его, толкали, задевали вещами, кричали, плакали и бранились. "Что со мной?" - думал Роман, безучастно глядя по сторонам, - "Почему я не могу быть с ними? Что мешает? Ведь я же летел сюда, спешил, я чувствовал причастность. Почему же теперь мне что-то мешает быть с ними, с этим народом? С моим народом."

Тоска на мгновенье овладела Романом. "Всегда, всегда нас с ними будет что-то разделять. Это фатально".

Часть крыши затрещала и рухнула, подняв языки пламени

- Господи... а Богородица?! Богородица!!! - пронзительно закричала старуха, всплеснув руками, - Богородицу-то не взяли! Владычицу! Богородицу забыли! Господи, Богородица сгорит!!!

Старуха бросилась было к избе, но та была почти вся охвачена

пламенем, нестерпимый жар шел на толпу.

- Богородицу, Богородицу нашу спасительницу забыли! Забыли! Ох, что ж это! В горнице осталась! - плакала старуха.

- Где? Что? - зашумели в толпе, - Икону забыли? Вот грех-то!

- Господи. За что же мне такое! - убивалась старуха, подступая к избе и снова пятясь назад от палящего жара, - Дитем еще и мамушка мне прикладывала, и молилися во спасение, а не уберегла я дура старая! Владычица Троеручица, прости меня, дуру старую, недосмотрела я, проклятая, ох, недосмотрела!

Старуха упала на колени и ткнулась лицом в землю.

- Пожрет! Пожирая - пожрет Присноблаженную и Пренепорочную Матерь Бога живаго! - закричал Дуролом, истово крестясь обеими руками, - Пожирая - пожрет диавол силы и славы сатанинской, змий, с Престола Божия низвергнутый! Пожрет! Пожирая - пожрет! Ох, пожрет - пожирая!

И он так же повалился лицом в траву.

- Господи, за что нам позор такой! - кричала Ротатиха, - И горюшко, да и позор-то позорный! Ох, за что же это!

- Сами виноваты! - переговаривались в толпе, - Про муку упомянули, а Богородица-то и погорит!

Эти слова вдруг вывели Романа из забытья, он оглянулся и мгновенно принял решение. Увидя двух мальчиков, носящих бегом воду из колодца куда-то за горящий дом, видимо, пытающихся спасти дворные постройки, он выхватил у одного из них ведро и вылил на себя. Студеная вода словно подстегнула его. Роман пробежал сквозь толпу и стал быстро приближаться к полыхающей избе.

Сзади раздались крики.

Он загородил лицо от невыносимого, растущего с каждым шагом жара и, вспрыгнув на горящее крыльцо, проник в сени. Здесь было адское пекло - у Романа перехватило дух, вода на его плечах мгновенно испарилась.

Пожар ревел над ним, уцелевшая часть кровли готова была упасть в любой миг. Пригнувшись и переступая через головни, Роман вошел в избу. Внутри было не так невыносимо, хотя и горело почти все, зато дым стоял плотный, как вата, и нещадно ел глаза. Роман силился рассмотреть что-то, но дым слепил, дышать было нечем. Зажмурившись, Роман двинулся в левый угол, где обычно в крестьянских избах размещался иконостас.

В это мгновение сзади послышался треск и вместе с грохотом жар и пламя ворвались в избу, кровля рухнула, проломив потолок возле двери.

Роман бросился в угол. Страшный жар пошел на него, волосы затрещали на голове и смертельный ужас безвыходности объял Романа. Он отвернулся от пламени и прямо перед своим лицом в красных всполохах разглядел икону Божьей Матери. Жар, навалившийся на него

сзади, прижал к иконе, и глаза Владычицы-Троеручицы глянули ему в глаза.

- Спаси меня! - прошептал Роман, не видя ничего, кроме спасительных черных глаз и доверяясь им, как ребенок, всей душой, - Спаси меня!

Жар давил и жег сзади, Роман чувствовал, что горит и теряет сознание, но вдруг заметил движение одной из трех рук Богородицы: узкая рука словно качнулась вправо и в этом знаке было спасение.

Роман схватил икону и, закрыв ею лицо, двинулся вправо, сквозь поlyingающий ад.

- Спаси меня, спаси меня! - неслышно шептал он только Ей одной.

Впереди раздался грохот, потолок рушился, адское пламя надвигалось, лишало сознания. В отчаянии закрыв глаза, он прижался к стене, вдоль которой шел и вдруг, не почувствовав ее, стал падать куда-то на чьи то крепкие сильные руки...

Роман очнулся лежащим на траве под сенью ракии, сквозь серебристую листву которых проглядывало голубое небо.

Пахло колодезной водой, травой и дымом.

Роман повел глазами.

Вокруг молча стояли, сидели на траве знакомые и крестьяне. Все они смотрели на Романа, и как только он заворочал головой - оживились.

- Вот и слава Богу! Слава Богу! - послышался голос отца Агафона и его мягкие руки коснулись плеча Романа.

- Слава случая и здоровью героя, - насмешливо произнес прямо над головой Романа Ключин, и что-то мокрое и холодное легло на лоб.

- Ромушка, милый мой! - плакала тетушка,

- Все хорошо, все хорошо, - бормотал Антон Петрович.

- Подушку под голову положите! - громко распорядился Красновский. Сразу засуеилось несколько человек, и под головой Романа оказалась подушка.

Только теперь Роман заметил, что лежит под простыней.

Он выпростал из под простыни руки и увидел, что они голые. Тоже самое было и с грудью и плечами. Роман приподнял простыню и обнаружил, что лежит под ней совершенно голый.

- Где икона? - спросил Роман.

Толпа расступилась и пропустила старуху с иконой.

- Вот, батюшка, - со слезами произнесла старуха, стоя возле ног Романа и показывая икону.

- Цела?

- Цела, целая, батюшка! - затряслась в плече старуха, - Спасибо тебе, благодетель, спаситель наш!

Держа икону перед Романом, старуха опустила на колени и склонила голову. Рядом с ней склонились в земном поклоне Степан Ротатый, его жена, отец-старик и дети.

- Дядюшка, дайте им денег, - проговорил Роман, найдя лицо Антона

Петровича.

- Дадим, дадим!- сдержанно улыбаясь и с гордостью глядя на Романа, кивнул тот.

- Спаси, Христос, спаси Христос, - повторяла Ротатиха не поднимая головы.

Клюгин сменил на голове Романа мокрое полотенце. Холодные капли потекли по лбу, щекам и шее.

- Я сильно обгорел? - спросил он Клюгина.

- Только одежда, - усмехнулся Андрей Викторович.

Но Роману и самому стало заметно, что руки и грудь были без ожогов, ни что не болело, только слегка кружилась голова. Роман приподнялся на локте с желанием посмотреть на догорающий дом, толпа стала расступаться, повинувшись его взгляду.

Мужики, бабы, ребяташки расходились в стороны, Роман видел уже кучу горящих бревен, два черных печных столба, как вдруг заметил, что кто-то остался из расступившейся толпы, и стоит между ним и пепелищем.

Это был Куницын.

Он стоял в своей темно-синей форме и смотрел на Романа. Взгляд его был тяжелый, но какой-то потухший и нерешительный. Он был бледен.

Роман не успел открыть рта, как Куницын подошел к нему, опустился на одно колено и, обняв Романа за шею, поцеловал его. От неожиданности все, в том числе и Роман, потеряли дар речи. Куницын же встал и тяжелым шагом прошел к своей коляске, стоящей в стороне от дороги под березой.

Послышалась его негромкая команда, возница хлестнул лошадь и коляска покатилась.

- Остановитесь... Адам Ильич! - вскинулся Роман, обнажаясь до пояса, но было уже поздно.

- Догоните! Догоните его! - закричал Роман, но голова его закружилась и он откинулся на подушку.

- Ромушка, Рома, мальчик мой! - тетушка обняла его и заплакала у него на груди.

- Догоните его! Я же должен был сказать... тетя... Петр Игнатьевич! О, Боже, вы же ничего не знаете...

Толпа с любопытством приблизилась к Роману, но Клюгин сердито осадил крестьян:

- Куда?! Пошли вон!

Толпа попятилась.

- Рома, едем, отдохнешь, едем, - бормотала тетушка, прикрывая Романа простыней.

- Верните, верните его! - повторял Роман, закрыв лицо рукой.

- Рома, голубчик, успокойся.

- Лидия Константиновна, поправьте ему компресс...
- Ромушка, поехали домой, здесь душно...
- Рома, милый мой, а может к нам? - склонился к нему отец Агафон, - К вашим-то эвон сколько по ухабам биться, а мой домик - вот он.

- Домой, домой, - просила тетушка.
Но Роман, отняв руку от лица, сказал:
- К Федору Христофоровичу.
Все согласились и не стали спорить.
- Вот и славненько, вот и ладненько! - забормотал батюшка, шурша рясой.

Романа прямо в простыне подняли и, прикрыв голову шляпой отца Агафона, посадили в экипаж Красновского.

Когда Федор Христофорович разместился напротив Романа, сидящий на козлах Савва уже разобрал вожжи, из толпы выбежала девочка лет двенадцати, быстро поцеловала Роману руку и тут же скрылась в одобрительно зашевелившейся толпе.

Чувствуя неловкость, Роман кивнул Савве, во все глаза смотрящего на него:

- Поехали!

Коляска тронулась, толпа пошла за ней:

- Дай Бог вам здоровьица, Роман Лексеич!
- Спаситель наш, Бога за вас молить будем...
- Батюшка наш, мы за тебя теперь горой!
- Спаси тебя Христос!

- Соколик наш синеглазый!

Дуролом побежал за коляской, крестясь и повторяя:

- Не пожрал змий деву Пречистую! Не пожрал Змий деву Пречистую! Ох, не пожрал, пожирая! Не пожрал, пожирая!

- Отступи, отступи с Богом! - махнул на него о. Агафон и коляска покатила по дороге...

В доме Федора Христофоровича было тихо и прохладно: попадья, к счастью, с утра поехала в город за свечами, так что Роман был избавлен от женских ахов и слез. От этой тишины и мягкого голоса отца Агафона, он задремал и, впад в глубокий сон, проснулся в шестом часу.

Его разбудил Прошка - невзрачный малый, прислуживающий батюшке в церкви и дома. Он принес переданные тетушкой чистое белье и одежду и складывая их на стул в изголовье Романовой постели, нечаянно свалил что-то с комода.

Роман тут же встал, отметив, что голова уже не кружится, и что он вполне оправился после опасного приключения. Одеваясь, он стал было вспоминать о пожаре, но образ Татьяны, мгновенно всплывший в памяти, вытеснил все. Не замечая помогающего ему одеваться Прошку, Роман счастливо по-детски засмеялся. Прошка изобразил на своем рябом

лице улыбку и осторожно произнес:

- Батюшка сказал, что вы бы изволили в баньку сходить, мы уже истопили по-легкому. Я вам пособлю,

- Отлично. А где сам батюшка?

- А он сотки на пасеке с Федькой режет.

Роман оделся и направился в баню. Вымывшись и искупавшись в реке, он вернулся в дом батюшки в состоянии легкости, блаженства и благодушия. Они сидели в притененной столовой Федора Христофоровича, Роман пробовал свежий сотовый мед, запивая его холодным молоком, налитым прислужницей Полиной в большой хрустальный бокал.

Отец Агафон, как настоящий пчеловод, меда не ел и прихлебывал квас из своей любимой расписной кружки, глядя на Романа маленькими добрыми глазками.

- Какой славный мед, - произнес после недолгого молчания Роман, отделяя ложечкой кусочек сот и любясь им.

- Какой ты у нас славный, Ромушка! - покачал головой о. Агафон.

Роман молчал. Случай с иконой был настолько чудесен, что ему не хотелось разглашать это чудо даже такому человеку, как отец Агафон.

- Мы, Ромушка, когда подъехали, так ты уж в домик вошел. А домик весь так и пылает, так и пылает... - Федор Христофорович отхлебнул из кружки, - Я говорю - что ребеночка, чай, забыли? Нет, говорят, икону Троеручицы нашей. А тут уж кровлица-то и повалилась... Ох, тетушка в слезы, я на колени, да Царицу небесную молить. А дядюшка твой, да Красновский рогожицей прикрылись, да к окошку и пошли. А тут ты им, как свечечка пасхальная на ручки и упал с иконой в обнимочку, спаси тебя Христос. Так в рогожке тебя и принесли. А ты иконку-то держишь, ручками прижал. Окатили тебя водичкою, тогда только выпустил.

Приложившись надолго к кружке, Федор Христофорович отер бороду и произнес:

- В воскресенье, Ромушка, отслужу молебен во здравие твое.

Роман рассмеялся и вдруг, вспомнив поцелуй Куницына, замер.

- Что с тобой? - спросил Федор Христофорович.

- Ах, я не догнал его, не остановил, - произнес Роман, вставая из-за стола и подходя к раскрытому окну.

- Кого?

- Куницына.

- Ну так что ж с того, голубчик? Али последний раз видел чай? Что кручиниться-то? Выпей-ка молочка лучше...

- Федор Христофорович! Вы же ничего, ничего не знаете... - с горечью сказал Роман, поворачиваясь, подходя к своему стулу и резко садясь.

- Что я не знаю? - испуганно заморгал белесыми ресницами батюшка.

Роман посмотрел в его глазки и промолчал.

“Что могут понять эти простые, невинные люди?” - подумал он и вдруг неожиданно спросил:

- Федор Христофорович, вы знаете, что Куницын не родной отец Тани?

- Знаю, голубчик, - со вздохом ответил о. Агафон, - Знаю. Это и по отчеству-то сразу видать - она-то Александровна, а он - Адам. Да. Я все знаю, Ромушка. История печальная, но зато в ней все к славе Божьей, все Его зеницею помечено...

Он отхлебнул кваса и заговорил:

- Танины родители родом были из Красноярска, люди богатые, с достатком солидным. Пушниной занимались самым серьезным манером. Танечка у них была единственный ребеночек, лелеяли и любили ее, как голубку беленькую, каталась она у своих родителей, как сырок в масле. Кажись, живи, да радуйся, ан нет, случилось тогда горюшко. Был у них кучером один лихоимец, бывший каторжник. Они его из христианского милосердия на службу взяли, а он, лиходей, страшной лютостью отплатил им за доброту: со своими друзьями-злодеями пробрался ночью в дом, прислугу порубили топорами, Танечкиных батюшку с матушкой, упокой Господи, души усопших раб твоих, ножами резали, золото, да деньги забрали, а домик и подожгли. А Танюшенька, деточка малая, спала-приспала - у себя в детской, как херувимчик эдакий, спала, ничего не ведала. А домик уж горит во всю, уж кровлица занялась. Но Господь - вседержатель, Ромушка, все видел и простер свою руку, дабы не погибла душенька христианская. Там неподалеку был полк расквартирован. И в одном домике сидел наш Адам Ильич у окна, значит, сидел, трубочку курил, полуноничал. Не спалось ему, потому как Господь не велел. И увидел он пожар, и поднял своих солдатиков, и прямехонько к домику. А там уж все в огне. В тот же час деточка наша Танечка пробудилась, испугалась, закричала. Представляю я, Ромушка, живехонько, как она, голубка, ручоночками замахала, папеньку с маменькой стала звать. А папенька с маменькой небось, с облаков-то небесных смотрят, да и сами-то слезами заливаются. Небось, на колени перед Господом падают, целуют Ему ноженьки, молят заступиться за дитяtko невинно терпящее. Плачут, Богородицу слезно молят. А Танечка-то к окошечку подбежала, сквозь пламя ручонки тянет, бьется, как пташечка в клеточке. Но тут солдатушки лестницу приставили к кровле, да Адам Ильич сам, своею силою наверх и полез, да и вытащил Танечку из огня. И только он, беспрепятственный наш, снял ее и вниз спустился - кровлица-то и завалилась, помилуй нас, Боже, по велицей милости Твоей...

Отец Агафон перекрестился, допил квас и, отодвинув кружку, продолжал:

- С тех пор Адам Ильич с Танюшей не расставался. Пригрел ее на груди, как лев голубку малую, взял к себе, растил, как доченьку, заступ-

ник храбрый. Как истинный христианин благодушевный поступил.

Федор Христофорович замолчал.

Молчал и Роман. Рассказ действовал на него сильно, как и все, связанное с Татьяной: перед глазами живо встали картины разыгравшейся ночью трагедии, горящий дом, спасенная из пламени девочка.

Противоречивые чувства овладели душой Романа: он был возбужден, угнетен и одновременно переживал шемящее, нераздельное чувство любви и жалости, от которого сердцу было сладко и больно. Представив себя на месте Куницына, он мысленно поднялся по лестнице и ощутил на руках дрожащее тело этой девочки, и со всей остротой вдруг почувствовал, что любит Татьяну так сильно и глубоко, что готов любить ее не только как девушку, но и как ребенка, любить как живую душу.

Слезы навернулись у него на глазах и, чтобы скрыть их, Роман встал и подошел к окну. Отец Агафон стал рассказывать что-то о своей пасеке, о пчелах, о медосборе в этом году, но Роман не слушал его и думал о своем.

Внезапно где-то далеко, в прихожей, послышалась перебранка. Отец Агафон прервал свой рассказ и вопросительно крикнул:

- Кто шумит?

Дверь открылась и на пороге показался Прошка. Лицо его было обиженным. Оглянувшись назад, он заговорил:

- Батюшка, тут от лесничего конюх ломится без спросу. Говорит, у него к Роману Лексеичу письмо, а мне отдать не хочет, быдто я не передам...

- А мне сказано лично в руки передать! - загремел позади Прошки голос Гаврилы, - Мне лично велено, понял ты?

Прошка обернулся, чтобы ответить конюху, но батюшка махнул рукой:

- Проша, отступи!

Нехотя Прошка шагнул в сторону. Огромный, похожий на медведя Гаврила шагнул через порог, поклонился:

- Здравствуйтя.

Роман подошел к нему.

- Письмо вам, Роман Лексеич, лично, стало быть... - забормотал конюх, доставая из-под рубахи конверт.

Роман нетерпеливо взял его и, отойдя к окну, распечатал. Две строчки ровного, нежного и бесконечно дорогого почерка, могущего принадлежать только одному человеку в мире оказались перед глазами Романа:

Роман Алексеевич, я люблю Вас.

Татьяна

Он перечитывал это, шепча, словно в горячке:

- Роман Алексеевич, я люблю Вас. Я люблю Вас. Татьяна.

Казалось, весь мир перестал существовать и единственное, что

осталось среди небытия - это кусочек бумаги с шестью словами,
- Я люблю Вас, - произнес Роман, отрывая взгляд от письма. Перед ним было открытое окно, за которым лежал чудесный, сине-зеленый мир.
- Она любит меня! - сказал Роман этому миру, - Она любит меня!
Мир слушал его.

- Она любит меня! - выкрикнул Роман и в мгновение ока выпрыгнул наружу и побежал, не разбирая дороги, прижав письмо к устам.

Он бежал изо всех сил, и теплый, залитый вечерним солнцем мир понимающе расступался перед ним.

VII.

Когда человек влюблен, окружающее становится для него прозрачным, не имеющим значения; сквозь все проступает любимый образ, ставший той единственной реальностью, которую видит влюбленный, с которой он считается и к которой стремится. Роман не помнил, как оказался он у дома Татьяны.

Выйдя к дому со стороны сада, он остановился.

Тишина вечернего леса стояла вокруг, солнце скрылось, подсветив алым перистые облака. Держа в руке письмо, Роман стоял меж двух старых яблонь и смотрел на дом. В нем, как и в прошлый раз, все было тихо и ничто не выказывало присутствие людей. Но что-то подсказывало Роману, что его любимая там и он тихо пошел к дому.

Но не успел он приблизиться к нему, как справа, меж сиреневых кустов показалась Татьяна.

Секунду Роман стоял, пораженный ее появлением, потом бросился к ней и, обняв, прижал к своей груди. В свою очередь, она прижалась к нему и замерла, словно окаменев. Обнявшись, они стояли посреди вечерней тишины, не в силах проронить слова. Наконец Роман бережно приподнял склоненную к нему на грудь голову Татьяны и посмотрел в ее лицо.

Оно было прелестным в своем смятении, а выступившие на глазах у Татьяны слезы делали эту прелесть и вовсе неотразимой. Взяв лицо любимой в свои ладони, Роман покрыл его поцелуями и прижался к нему своим лицом, чувствуя на губах Танины слезы. Вокруг обнявшихся было так тихо, словно все - яблони, дом, сирень, трава, лес и небо - благоговейно замерло в их присутствии.

- Я знала, что вы придете, - прошептала Татьяна, - Знала.

- Говори мне ты, прошу тебя! - шептал ей Роман.

Улыбаясь и вздрагивая плечами, она покачала головой:

- Нет, нет... я не смею.

- Ты не смеешь? Ты говоришь мне такое?!

Он взял ее за плечи и произнес в ее смятенное и радостное лицо:

- Я люблю тебя!

Она вздрогнула всем своим стройным телом и, мгновенно покраснев, опустила влажные глаза.

- Я люблю тебя! - произнес он, дрожа и ликуя всем существом.

Татьяна подняла глаза и, встретившись с его полными любви глазами, вздрогнула, как от ожога, но не отвела взгляда.

- Я люблю тебя! - повторил он с таким трепетом, что слезы потекли у него из глаз.

Заметив это, она бросилась ему на грудь и заплакала.

Несколько долгих мгновений они простояли, обнявшись и плача...

- Я нашел тебя! - прошептал сквозь слезы Роман, держа ее лицо в ладонях, - Ты слышишь? Я нашел тебя! Я люблю тебя!

- Я... я люблю вас, - произнесла Татьяна, подняв на него прелестные, полные слез глаза.

Он обнял ее и покрыл ее лицо поцелуями, и вдруг, упав перед ней на колени и сжав ее руки в своих, заговорил горячо и страстно:

- Прости, прости меня за все! Прости, что жил рядом так долго и не видел тебя, прости, что не решался сказать тебе, что люблю тебя!

Она тоже опустилась на колени и, покорно отдав ему свои руки, произнесла:

- Это вы простите меня!

- Тебя - простить?! - воскликнул он, - Ты просишь у меня прощения? Ты - ангел мой, душа и судьба моя!

- Простите меня за вчерашнее, умоляю вас, простите...

- Не смей, не смей просить прощения у меня! Я не достоин тебя, твоей чистоты, твоей ангельской души!

- Нет, нет. Не говорите так! - горячо зашептала она, с желанием объяснить что-то, но тут же замолчала, встретившись с его глазами.

- Я люблю тебя! - произнес он. Она смотрела ему в глаза.

Лицо ее, казалось, излучало свет радости, целомудрия и счастья.

- Я люблю вас, - сказала она.

- Теперь нам нет жизни друг без друга. Понимаешь ли ты это?

- Понимаю, - участливо ответила она.

Роман смотрел на нее, не в силах оторваться. Благоговеющая тишина стояла кругом.

- Понимаешь ли, что мы теперь не можем разлучаться?

- Понимаю.

- Что мы теперь - одно целое?

- Да. Одно целое.

- Что наша отдельная былая жизнь закончена, а началась уже другая, совсем другая жизнь? Понимаешь?

- Понимаю.

- А то, что нам нет дороги назад, к одиночеству, к лицемерию, к пошлости и тоске? Это ты понимаешь?

Она кивнула, не сводя с него счастливых глаз.

Он взял ее за плечи:

- Ты будешь моей женой?

- Да, да, да! - зашептала она, и слезы снова брызнули из ее глаз.

Роман обнял ее и зашептал в ее волосы:

- Я назову тебя своей женой. И буду с тобой всегда, всегда, не отдам тебя никому, никогда. Даже смерти, даже Богу, буду с тобой вечно.

Она всхлипывала, прижавшись к нему.

- Где твой отчим?

- У себя. Он приехал с пожара совсем потерянный, какой-то слабый.

Он плакал, целовал меня. Он рассказал про твой поступок и был, как больной. Я так плакала, я так боялась за тебя... но что-то говорило мне, что все это было чудом и с тобой ничего не случится. Я верила.

- Это и было чудо, - улыбаясь, гладил ее по голове Роман, - чудо, чудо. И ты - чудо. Мое главное, мое самое большое чудо, которое будет длиться вечно.

Он взял ее лицо в ладони и решительно проговорил:

- Идем к нему.

Она вздохнула, на мгновение смешавшись:

- Я... я опасаюсь за него. Он какой-то подавленный. Никогда не видела его таким. Он лежит у себя. Боже, мы погубим его!

- Не бойся, ничего не бойся, - твердо произнес Роман, поднимая ее за плечи с колен и вставая сам, - Мы должны пойти к нему немедленно.

Она кивнула.

Держась за руки, они пошли к крыльцу и вдруг остановились: на крыльце стоял Адам Ильич.

Роман замер. Татьяна сжала его руку, словно держась за него.

Куницын смотрел на них.

Лицо его было спокойным и усталым. Старый шелковый халат был неряшливо распахнут, белая рубашка с расстегнутым воротом виднелась под ним. Прошло томительное мгновение общего молчания.

Наконец, Роман нарушил тишину:

- Адам Ильич...

Но Куницын предупредительно поднял руку, тяжело качнув головой:

- Не надо. Я все знаю.

И, секундою помедлив, продолжил своим глухим голосом, в котором теперь чувствовалась мягкость и некая усталость:

- Я ждал вас, Роман Алексеевич. И тебя, Танюша. Я все знаю...

Пойдемте.

Он повернулся и скрылся в дверном проеме. После недолгого замешательства Роман и Татьяна последовали за ним, и вскоре оказались в кабинете лесничего.

Здесь было сумрачно. Лишь огонек лампадки голубел перед иконостасом. Адам Ильич молча взял со стола спички и неторопливо стал зажигать свечи на двойном медном шандале, стоящим на краю стола.

- Я ждал вас, дети мои. Я знал, что это случится сегодня, - произнес он, задув спичку, - Я вижу все и знаю все. Я знаю, что вы пришли просить благословения. Знаю, что вы хотите быть вместе.

Он помолчал, с улыбкой глядя на них, потом подошел и, взяв Романа и Таню за плечи, сказал:

- Я счастлив. Сегодня - мой самый большой день, самый счастливый день. Сегодня, Таня, ты обретаешь свою половину. Человек, который просит твоей руки, - большой человек. Чудесный человек. Умный, добрый и бесстрашный. Он умеет любить сильнее, чем я. И я счастлив, что такой человек нашелся, что он нашел тебя. А у вас, Роман Алексеевич, я прошу прощения за мой идиотизм, за глупость стариковскую. И еще, хотел сказать вам... но, нет, нет! После! Сейчас - главное. Скажите мне Роман Алексеевич, любите ли вы Татьяну?

- Да, - ответил Роман, глядя в глаза Куницыну.

- А ты, дитя мое, любишь его?

- Да, - тихо и радостно ответила Татьяна. Куницын подошел к иконостасу, перекрестившись, задув лампадку, снял небольшую икону Богородицы и повернулся с ней к молодым.

Татьяна первая опустилась на колени.

Роман опустился следом.

- Во имя Отца и Сына и Святого Духа, - произнес Куницын, подойдя к ним, - Благословляю вас, дети мои.

Перекрестив иконой Романа, он поднес ее к его лицу. Роман поцеловал икону, заглянув в большие глаза Богородицы. Куницын перекрестил иконою Татьяну и она тоже приложилась к ней.

Куницын водрузил икону на место, и долго зажигал лампадку, отвернувшись от молодых, которые, встав с колен и взявшись за руки, радостно смотрели друг на друга.

Когда Адам Ильич обернулся, лицо его было в слезах.

- Папа, что с вами? - шагнула к нему Татьяна, но он успокаивающе поднял руку и, достав из кармана халата платок, приложил к глазам, бормоча:

- Ничего, ничего, дитя мое. Это от счастья, все от счастья. Не обращайтесь внимания. Все, все, славно, славно.

Убрав платок, он поцеловал Татьяну в лоб, потом подошел к Роману и трижды по-русски поцеловал его.

- Вот и все, вот и славно, - бормотал он, обнимая их, - А я так

волновался, что даже вот, руки дрожат!

Он поднял руку, пальцы которой действительно дрожали.

Радостно засмеявшись, он обнял Романа и Татьяну и прижавшись своей большой седой головой к их головам, несколько мгновений стоял так, ничего не говоря.

- Я так счастлива, папа, - вдруг тихо произнесла Татьяна.

- И я, я счастлив, дитя мое, я донельзя счастлив! - заговорил Куницын, целуя ее, - Слава Богу, теперь все так хорошо, слава Богу!

Он перекрестился и, опустив глаза, сокрушительно покачал головой, взглянув на свой наряд:

- Господи, в чем я. Старый дурень! Дети мои, простите мою неряшливость и прошу вас, покиньте меня на минуту, я выйду к вам.

Не став спорить с ним и счастливо переглядываясь, молодые прошли в гостиную. Здесь все было как вчера, и, Роману показалось, что он никуда не уходил. Та же самая вышивка лежала на кресле, возле которого дремал, свернувшись на полу калачиком медвежонок. Почувствовав вошедших, он поднялся на лапы и, проковыляв к ним, стал их осторожно обнюхивать, пофыркивая и ворча.

Татьяна быстро присела на корточки и, обняв медвежонка, поцеловала его. Роман, тоже опустился рядом с ней на колени.

А она, словно девочка, обнимала смешно ворчащего медвежонка, шепча ему что-то детское, давно забытое Романом, отчего любовь и умиление переполняли его сердце, и он смотрел и смотрел на нее. Вдруг, оглянувшись на Романа, она смутилась и, словно девочка, бросилась к нему на грудь. Он обнял ее и замер, благоговейно ощущая всю прелесть и чистоту этого существа.

Медвежонок ворочался рядом, тыкаясь в их руки мокрым холодным носом.

- Я нашел тебя! - прошептал Роман в ее гладкие русые волосы, - Какое это чудо, что я нашел тебя.

Она молча улыбалась прижавшись к нему.

Смеркалось. В гостиной становилось все темнее.

- Знаешь, мне немного страшно, - произнесла Татьяна.

- Отчего?

- Мне кажется, что это сон. Добрый, добрый сон. Я так давно хотела его увидеть и вот теперь он пришел и я... я боюсь, что он вдруг кончится и я проснусь.

- Я тоже думал об этом, - Роман крепче обнял, прижался щекою к ее голове, - Нет, нет. Это не сон. Мы все живые, мы можем умереть, можем жить. Вот это комната, этот милый мишка, этот лес - это все живое, и я верю, что это не сон. Хотя, это так чудесно, что можно поверить, что все нам приснилось. Но я не верю.

- А я не хочу просыпаться.

Дверь открылась и на пороге показался Куницын.

- Почему темно? Дети мои, где вы? - спросил он, входя.

Роман и Татьяна встали.

- Как вы можете без света? Сегодня надо много света, везде должен быть свет!

Он подошел к большой керосиновой лампе, висящей над потолком и, чиркнув спичкой, зажег ее. Фитиль ярко загорелся, от белого плафона потек мягкий свет, осветивший Куницына.

Лесничий стоял в мундире полковника. Лицо его было торжественно, волосы и усы были гладко причесаны, в левой руке он сжимал белые перчатки. Подойдя к молодым, он коснулся ладонями их плеч:

- Дети мои! Сегодня - день вашей помолвки, день святой и славный. У меня никого нет ближе вас, нет, не было и не будет. Я хочу, чтобы мы отпраздновали этот день, это славное событие. Роман, честный мой, добрый Роман! Отныне я буду любить тебя, как сына. Во всем ты можешь положиться на меня, во всем! Я сейчас же пошлю за Антоном Петровичем и Лидией Константиновной, мы все будем радоваться вашему счастью. Все!

Голос его, бывший некогда тяжелым и жестким, теперь звучал мягко, порывисто и как-то по-стариковски трогательно.

- Танюша, дитя мое! - он обнял Татьяну и поцеловал лоб, - Понимаешь ли ты, что произошло сейчас?

- Да, папа, да! - радостно и тихо ответила Татьяна и, обняв его, прижалась к его груди.

- Как я рад за тебя, дитя мое, как рад, - повторял Куницын, глядя ее голову, - Я глупец. Я старый упрямый глупец. Прости меня. Но теперь я другой, я многое понял, многое. О, дети мои, до старости жизнь учит нас, и слава Богу, слава Богу!

Голос его задрожал и чтобы не расплакаться он, отстранившись от Татьяны, взмахнул перчаткой:

- Праздник! Сегодня праздник! Мы будем праздновать, все, все будут праздновать вашу радость!

Подбежав к двери, он распахнул ее и закричал:

- Поля! Гаша! Гаврила! Огня! Огня сюда! Все сюда!

И вскоре все ожило, задвигалось в доме лесничего, во всех комнатах стали зажигаться свечи и лампы, в гостиной сдвигалась в сторону мебель спешно накрывался стол; Гаврила проворно закладывал коляску, чтобы немедля ехать за Воспенниковыми, Гаша и Поля, каких-нибудь десять минут назад собиравшиеся тихо отойти ко сну, носились по дому, исполняя волю своего хозяина.

А он, поскрипывая сапогами, держась, как подобает настоящему офицеру, ходил по залитым светом комнатам, отдавая властные приказы, в которых чувствовалась не столько воля, сколько радость и возбуждение.

- Сдвинуть все! Стол на середину! - командовал он, - Цветов, цветов во все вазы! Гаша! Еще канделябр на комод! Чтоб свет был везде! Больше

свету! Как можно больше!

И вскоре гостиная наполнилась светом, цветами, а длинный стол - простыми сельскими яствами, распространившими вокруг пряный аромат.

- Поля! Неси водку мою лимонную! Давай наливки! Бочонок рома тащи из погреба, пунша подожжем! - выкрикивал Адам Ильич, прохаживаясь по гостиной, - Несите все, ничего не жаль!

И крепкотельные пухлорукие Поля с Гашей ничего не жалели, снуя челноками между кухней погребом, и гостиной. Роман и Татьяна стояли, взявшись за руки и радостно глядя на происходящее. Молодые лица их дышали любовью ко всему окружающему, а глаза сияли так, как уготовано им сиять лишь накануне свадьбы.

Вдруг в раскрытую дверь ко всеобщему удивлению шагнул Гаврила, и как всегда оробев, доложил, что Воспенниковы уже здесь.

Весть эта привела всех в еще большее удивление.

- Так скоро?! - радостно развел руками Адам Ильич.

Из сбивчивого бурчания Гаврилы стало ясно, что едва он отправился в Крутой Яр, как встретил экипаж Воспенниковых, ехавший к лесничему в поисках Романа, так внезапно исчезнувшего из дома о. Агафона. В экипаже находились тетушка, дядя и Красновский.

Через минуту все трое вошли в ярко освещенную, празднично убранную гостиную и остановились в изумлении.

- Здравствуйте, друзья моя! - взволнованно произнес Куницын, подходя к ним, - Здравствуйте и радуйтесь!

- Здравствуйте, - осторожно ответила тетушка, глядя на парадно одетого Куницына и машинально подавая ему руку.

- Мы, кажется не вовремя, Адам Ильич? - пробормотал Антон Петрович, шурясь на свет.

- Вовремя! Как нельзя вовремя! - Куницын поцеловал тетушкину руку, - Как хорошо, что вы здесь! Сейчас вам предстоит многое, очень многое!

В этот момент дядюшка и тетушка одновременно заметили Романа и Татьяну, стоящих у стены и держащихся за руки. Красновский, с вожделением озиравший накрытый стол, тоже перевел взгляд на молодых.

- Рома... Танечка... - пролепетала тетушка и замерла, онемев.

Антон Петрович и Красновский молча переглянулись.

Общее замешательство подействовало и на Куницына, полуобернувшись и сжав руками свои белые перчатки, он смотрел на молодых. Посреди всеобщего оцепенения Роман взял Татьяну за руку и спокойно двинулся навстречу вошедшим. Татьяна последовала за ним. Подойдя, они остановились. Лицо Романа было спокойным и радостным, в Татьянинных чертах наряду с радостью чувствовалось и волнение.

- Тетушка, дядя, Петр Игнатьевич, - заговорил Роман, - Мы с Татьяной Александровной любим друг друга, любим сильно, любим так, что не можем больше жить друг без друга. Мы решили пожениться. Только что я попросил у Адама Ильича таниной руки. Он благословил нас.

Роман замолчал. Все стояли молча. Знакомым жестом тетушка поднесла руки к щекам и глаза ее заблестели от слез.

Роман шагнул к ней и, взяв ее руку, сжал своими пальцами:

- Тетушка, милая моя тетушка Лидия! У меня нет никого ближе вас и дяди, никто не знает меня лучше вас, я люблю вас, как мать и отца, ваше слово, ваше понимание... Тетушка, отчего же вы плачете? - прижав ее руку к груди, Роман смотрел в ее полные слез глаза, - Неужели вы огорчены? Так ли это? Неужели вам не по сердцу мой выбор? Вы не любите Татьяну? Я не поверю, никогда не поверю! Тетушка! Ради всего святого, скажите... согласны ли вы? Дядя Антон, скажите нам? Что же вы молчите? Неужели вам не видно, что мы с Таней должны быть вместе?

Едва Роман произнес это, как тетушка со слезами бросилась обнимать и целовать Татьяну, после, обняла их обоих и заплакала. Антон Петрович, в свою очередь с осторожной угловатостью опустил свои огромные руки на вздрагивающие тетушкины плечи, по щекам его текли слезы.

Плакала и Татьяна, дрожали седые усы у Адама Ильича, слезы блестели в маленьких глазках Красновского. Только один Роман под детски радостно и самозабвенно улыбался прижавшись своей щекой к тетушкиной.

- Господи... - произнесла, наконец, тетушка, поднимая свое лицо, - Ромушка... Танечка... простите меня, милые вы мои... - вытащив платочек из рукава темно-зеленого старомодного платья, она вытерла слезы и, помолчав, сказала:

- Милые мои дети. Будьте счастливы. Я... я люблю вас. Мы все любим вас и желаем вам счастья. Все, все!

Она быстро взяла Татьяну за плечи и поцеловала в обе щеки:

- Танечка... славная моя, добрая, чистая Танечка. Ты любишь его? Но, нет, молчи! Вижу по глазам, что любишь! Нет, нет скажи все-таки! Скажи, милая - любишь?

- Люблю, - произнесла Татьяна.

Это вызвало новую волну объятий и поцелуев.

- Господи, как все сразу! Как все неожиданно! - восклицала тетушка.

- Радость всегда внове, всегда! - повторял Куницын, в возбуждении беря за руки то Антона Петровича, то Красновского, - друзья мои, я сегодня так счастлив, мне так хорошо, вы представить не можете! Антон Петрович, дорогой, как славно, что вы здесь! Поздравьте, поздравьте их скорее! Поздравьте наших детей!

- Лидочка, дай же и мне наконец! - с укоризненным нетерпением

заговорил Антон Петрович, пытаюсь добраться до молодых.

- Милые, милые мои дети! - повторяла Лидия Константиновна, прижимаясь щеками к лицам Татьяны и Романа, - Как вы напугали меня! Как хорошо вы меня напугали!

- Чудеса просто! Как обухом по темечку! - бормотал Красновский, протискиваясь к молодым, - Татьяна Александровна, прелесть вы наша, дайте же мне расцеловать вас!

- Петр Игнатьевич, брат, погоди! - Антон Петрович, слегка отстранив Лидию Константиновну, трижды громко расцеловал пунцовые щеки Татьяны, повторяя:

- Поздравляю... поздравляю... поздравляю, дитя мое.

Затем, несколько театрально-торжественно держа Татьяну за плечи, произнес:

- Знай, дитя! Теперь ты уже не одна. Ты с ним и с нами навек. Твоя радость - наша радость, твоя печаль - наша печаль, твое горе - наше горе.

- Антон Петрович, ну что ты про горе, да про печаль! - воскликнул Красновский, целуя Танину руку, - Татьяна Александровна, голубушка, как я рад за вас! Поздравляю от всей души, от всего сердца!

Поцеловав ее руку, он приблизился и стал целовать ее в щеки.

- Роман! - прерывистым от волнения голосом произнес Антон Петрович и крепко обнял жениха, - Эх... Гамлет ты наш! Поздравляю тебя...

Они поцеловались.

- Почти до апоплексии довел, ах ты, разбойник! - бормотал дядя, обнимая Романа, - Рад, рад, рад за тебя! Тыщу раз согласен! Она - чудо, чудо... Она....

Он взял руку Татьяны и Романа и, соединив их, крепко сжал:

- Вот так теперь!

- Слава Богу, слава Богу! - повторял Куницын, в свою очередь сжимая соединенные руки жениха и невесты, - Они вместе и мы вместе! Будем вместе свою старость пестовать, да на них радоваться!

- Да, но как резко, как по-суворовски резко и быстро! - качал головой Красновский, - Раз - и на тебе! Жених и невеста! У нас здесь - под боком, в нашем лесу!

- Все верно, все правильно! - загремел Антон Петрович, отерев платком слезы и обретя былую уверенность в голосе, - Молодец, Рома! Я сам Лидочку в церковь повел, едва завидел! Как можно сдерживать любовь! Сей зверь клеток не терпит!

- Теперь все мы вместе, все вместе, - повторял Куницын.

- Адам Ильич, дорогой Адам Ильич! Представляю, как вы счастливы! - приблизилась к нему Лидия Константиновна.

- Нет, не можете представить! - он порывисто поцеловал ее руку, - Я теперь, словно родился заново! Я сегодня праздную их помолвку и мое второе рождение!

- Отлично сказано! - воскликнул Антон Петрович, - Право, отлично! За эти два события и выпить не грех!

- Ах, да! Конечно! Я и забыл совсем! - засуетился Куницын, - Прошу вас, прошу к столу! Сегодня и отныне всегда - здесь все ваше, все на радость!

- Эх, каков стол! - качнул головой Красновский, - Жаль, Надюшеньки нет.

- Как нет? - удивился Куницын, - Почему? Пошлем за ней, немедленно! Гаврила! Гаврила!

И тут же конюх был послан за Надеждой Георгиевной, Рукавиным и Ключиным. Лишь батюшку с попадьей решили не тревожить в столь позднюю пору и поведать им обо всем завтра. За столом же царилась радость и веселье.

Все, за исключением жениха и невесты, выпивали, закусывали, наперебой говорили и смеялись.

Роман и Татьяна сидели во главе стола, замерев в блаженном оцепенении. Роман держал Татьяну за руку, глаза их постоянно встречались и подолгу не отрывались друг от друга. И если раньше Татьяна не выдерживала этого противостояния очей и опускала свои глаза, то теперь - наоборот, первым отводил взгляд Роман, сжимая ее руку до боли и бледнея от переполняющей его любви.

Вдруг среди общего оживления Антон Петрович приподнялся со своего места, поправил пенснэ и молча поднял свои громадные ладони, прося тишины. Когда она наступила, он опустил руки, помолчал и заговорил:

- О милая! Любовь моя, мой ангел!
Стоит, не понимая, кто она.
Губами шевелит, а слов не слышно.
Но в мире существует взглядов речь!
О, как я нем! С ней говорят светила!
Ярчайшие созвездия, спеша
Куда-то с неба отлучиться, просят
Ее глаза немного посверкать.
О, если бы глаза ее могли бы
Переместиться на небесный свод!
От их сиянья птицы бы запели,
Принявши их за солнечный восход.
Стоит она, прижав ладонь к щеке
О чем же ты задумалась, украдкой?
О, быть бы на руке твоей перчаткой
О, быть бы мне перчаткой на руке!

- Bravo! - воскликнул Красновский и зааплодировал вместе с

Куницыным и Лидией Константиновной.

Антон Петрович же подошел к Татьяне, и, опустившись на колени, поцеловал ей руку.

- Все это для тебя, светлый ангел наш, - произнес он, держа Татьянину руку, - Но и с резюме. Сейчас я кое-кого поймаю на забывчивости.

Он приподнялся с колена и подошел к тетушке, радостно продолжавшей аплодировать.

- Несравненная Лидия Константиновна, тебе этот монолог ничего не напомнил? - спросил он, наклоняясь к ней.

Она удивленно и радостно посмотрела на него:

- Этот? Мне? Антошенька... я, право...

- Ну, ну! - хитро усмехнулся Антон Петрович, подмигивая молодым.

- Постой, постой! - воскликнула вдруг тетушка, - Антоша. Это же..

Ах!

Она обняла его большую, склоненную к ней, голову и замерла прижавшись к нему.

- Секреты, семейные секреты! - засмеялся Красновский, проворно наполняя рюмки.

- Это любовь, - уверенно сказал Куницын.

Лидия Константиновна повернулась к ним. В ее глазах стояли слезы.

- Это он читал мне... читал ночью под нашим балконом, бросив в окошко камушком... мне было тогда восемнадцать. И он был, - ... она посмотрела на Антона Петрович, - Он был в костюме Ромео.

- Ромео?! - потрянул головой Красновский, - Какой романтизм! Ночью посреди прозаичного города в костюме Ромео! Невероятно!

- Вы помните как это было? - спросил Куницын, приподнимаясь с места.

- Прекрасно помню, - тихо ответил Воспенников, - Ночь. Ни души. Ее балкон и она в белом пеньюаре. И я читаю. И я люблю. Люблю ее.

Голос его дрожал, за стеклами пенсне блестели наполнившиеся слезами глаза. Куницын молча подошел к нему, обнял и поцеловал.

Тетушка тоже встала и прижалась к своему супругу, повторяя:

- Антошенька... милый мой Антошенька...

- И я читал, я читал сейчас это и молодым, и нам старикам, хоть, наверно, молодым это смешным покажется. Так, Рома? Если так, то я не сержусь, право не сержусь...

Роман встал с бокалом в руке и сказал:

- Милый дядюшка. Искреннее чувство смешным может показаться только глупцам и пошлякам. Я люблю вас. Я люблю вас всех, присутствующих здесь и радующихся нашему счастью. Радующихся искренно и непосредственно. Я предлагаю выпить за непосредственность, то есть за эту черту ваших характеров.... нет! Это слишком длинно! За вашу

любовь, дорогие мои люди!

Роман протянул вперед свой бокал и через мгновение с ним чокнулись бы все присутствующие, но за темными окнами послышался шум подъехавшей коляски.

- Это Надюша! - воскликнул Красновский, - Умоляю вас, друзья, подождите, не пейте без нее, она нам этого никогда не простит!

- Подождем, подождем, конечно! - Антон Петрович поставил свою рюмку на стол.

- Для Надежды Георгиевны я повторю свой тост еще раз!

- Быстро Гаврила управился! Ай да конюх!

- Встретим, встретим вновь прибывших, друзья!

Шумно отодвигая стулья, все стали выбираться из-за стола.

Дверь в гостиной распахнулась и первой вошла Надежда Георгиевна Красновская. В руках у нее был букет алых роз, на лице удивление смешалось с живым любопытством.

- Надюшенька! Наконец-то! - замахаля руками Петр Игнатьевич, подходя к супруге и целуя ей руку, но она, проворно обойдя его, направилась к Роману, никого не замечая, и подойдя, тут же спросила в свойственной ей спокойной, с оттенком надменности манере:

- Роман Алексеевич, вы женитесь?

Роман, держащий Татьяну за руку, с улыбкой поклонился Надежде Георгиевне и ответил:

- Да. Я женюсь.

- И Татьяна Александровна - ваша невеста?

- Да. Татьяна Александровна - моя невеста.

- Как дивно! А я полагала, что этот конюх все напутал. Дивно!

В замешательстве она смотрела на радостные лица молодых, затем заговорила, стараясь придать голосу былую уверенность.

- Ну что же, тогда...

- Тогда, Наденька, тебе остается только поздравить жениха и невесту! - перебил ее Петр Игнатьевич и все засмеялись.

Позади Красновской стояли Рукавитинов и Ключин.

Николай Иванович от души смеялся, фельдшер же, как-то ухмыляясь, смотрел по сторонам.

- Ну, что ж... - начала Надежда Георгиевна, вызвав новый приступ веселья.

Оглянувшись на смеющихся, она улыбнулась сама и, передав невесте розы, с достоинством поцеловала ее, затем - Романа.

После Надежды Георгиевны к молодым подошел Рукавитинов.

- Поздравляю вас, Татьяна Александровна, - сказал он и, склонив голову со стариковской трогательностью и осторожностью, поцеловал руку невесты, - От всей души желаю счастья.

- Поздравляю вас, Роман Алексеевич, - легко сжал он после этого руку Романа и, глядя мягкими, слегка грустными глазами, продолжил, -

От всей души желаю счастья.

И, благожелательно склонив седую голову, отошел в сторону, уступил место Клюгину.

- С помолвкой вас, - пробормотал Клюгин, пожимая руки молодым своей безвольною рукою и морщась так, словно у него заломило зубы.

- И нас, и нас всех с помолвкой! - возбужденно заговорил Куницын, - И мы теперь все с вами помолвлены! Мы все нынче одним живы, одной радостью, одною молвкой! Так давайте же праздновать, давайте радоваться!

- Еще как порадуемся! - потрянул головой Антон Петрович, - Дайте мне только пространства для речей!

- К столу, к столу, друзья!

- Непременно!

- Ромушка, Татьяна Александровна, можно к вам поближе? Господи, какие вы красивые!

- Петр Игнатьевич, прошу покорнейше наполнить кубки!

- Спешу, спешу исполнить...

- Поля! Гаша! Почему так мало вина? Вина, вина сюда!

Появились Поля и Гаша с вином, Красновский, заполнивши рюмки и бокалы, поднялся к заговорил:

- Друзья мои. Как старый, наживший плешь профессор истории, я, вероятно, мало что смыслю в любви. Эта единственная область человеческих взаимоотношений всегда притягивала меня, но и слегка пугала. В молодости, когда моя кровь еще была кровью, а не томатным соком, коим она является теперь, я влюбился в Наденьку, еще не понимая и не осознавая всей природы происходящего феномена. Я любил, но я не понимал, что люблю. Я понял это позднее и испытал приблизительно то же, что испытывал Колумб, плывший в Индию и наткнувшийся на новый материк, названный впоследствии Америкой. Ему было и страшно, и чудесно. Также было и мне, и страшно и чудесно. "Есть опьянение в бою и бездны адской на краю". Да! Я ходил по краю адской бездны, пусть это звучит высокопарно, но это так! Любовь - адская бездна, но как она притягательна, друзья мои! Как пьянит и мутит разум жар, выходящий из нее! Как красива огнедышащая лава, клочущая в ее недрах! Мы называем эту лаву страстью, и как символично, что этимологический корень сего наименования - страх! Но! Но, друзья мои, это страх для людей робкого десятка, вроде меня, не для всех. Дабы покончить с моим недолгим хождением по краю бездны, скажу по совести: встретив Наденьку, я влюбился, влюбившись - испугался, а испугавшись - женился!

Дружный смех наполнил гостиную.

- Вот и лекарство от любви. Ха, ха, ха! - громко хохотал Антон Петрович.

Лидия Константиновна восторженно хлопала в ладоши, повторяя:

- Excellent!

Петр Игнатьевич подождал немного и, приподняв двумя пухлыми пальцами рюмку, продолжил:

- И этоттост я провозглашаю за тех немногих смельчаков, которые не боятся бездны и готовы не только ходить по ее краю, но и сорваться! Но и - прыгнуть! Но и, наконец, броситься в лаву, ни о чем не жалея! Я не хочу никого обижать, друзья мои, но на мой взгляд, среди присутствующих здесь мужчин такой человек один. Это Роман Алексеевич Воспенников. Я пью за вас, Роман Алексеевич и за подобных вам!

- Bravo! Прекрасный тост! - тряхнул головой Антон Петрович и потянулся рюмкой к Красновскому.

Роман встал и, подняв бокал, сказал:

- Спасибо, Петр Игнатьевич. Я действительно люблю. Но только не бездну и не хождение по краю. Я люблю Татьяну Александровну. Люблю и ничего не боюсь...

Он помолчал, опустив глаза, и, улыбнувшись, добавил:

- Я вас всех люблю.

Все зашумели и потянулись к нему чокаться.

- Ну, Рома, ну злодей! - забормотал Красновский, выбираясь из-за стола и направляясь к Роману, но Роман вдруг поднял руку, прося тишины. Все смолкли, слушая.

- Татьяна Александровна открыла мне новый мир, - заговорил Роман после небольшой паузы, - Этот мир, чудесный, неповторимый, именуемый любовью. Каждый открывает его только однажды. Мне он открылся недавно. Теперь я совсем другой, я не такой как прежде. Я живу в этом мире, и живу не один. Со мной человек, открывший мне все это чудо...

Он замолчал и, повернувшись к Татьяне, посмотрел ей в глаза.

Она ответила взглядом преданности и любви.

Среди тишины Рукавитинов встал и произнес своим мягким негромким голосом:

- За здоровье Татьяны Александровны.

Все выпили.

Красновский же, стоящий с рюмкой в руке, подошел к Татьяне, склонившись поцеловал ей руку и, подождав немного, сказал:

- Je vous southaite tout le bonheur de l'amour.

И, торжественно выпрямившись, выпил. На некоторое время за столом умолкли разговоры и настал черед пряных яств лесного дома. Гости и хозяин с аппетитом принялись за еду.

И только для Романа и Татьяны ничего не существовало кроме них самих. Глядя в глаза друг друга, они замерли.

- Милая, - еле слышно произнес Роман, накрывая своей рукой Татьянины пальцы.

Он хотел что-то сказать, но, поняв, что слова уже не так нужны им,

улыбнулся.

- Скажи, скажи мне, - прошептала Татьяна, - Тогда, возле сада ты знал, что все так случится? Знал?

- Знал, - прошептал Роман.

- А вчера? Вчера, тоже знал?

- Знал.

- И... когда лежал у нас раненый?.

- Также знал. Я всегда знал. С самого детства. Я ждал тебя, когда тебя еще не было.

Она посмотрела ему в глаза так, словно увидела впервые. Ее пальцы сжали его руку, и он впервые ощутил их молодую силу.

- Я люблю тебя, - произнесли его губы,

- Я жива тобой, - быстро ответили ее губы.

Ее пальцы снова сжали его руку.

Не отрываясь, Роман смотрел на нее. За столом же было шумно и радостно.

Антон Петрович встал и, знакомым жестом откинув седую прядь со лба, заговорил:

- Любезные мои соотечественники! То что произошло сегодня - для всех полнейшая неожиданность, поэтому мои слова могут показаться вам легкомысленными, а мое утверждение - фантастическим и бестактным. Тем не менее, без страха быть причисленным к числу фанфаронистых пустоплетов, я хочу заявить, что для меня сия помолвка вовсе не неожиданна и тем более - не случайна. Не случайна! Романа я знаю с его появления на свет Божий, Татьяну Александровну - всего-навсего год. Казалось бы, какие две абсолютно разные цифры - тридцать и один. Кого из них, рассудите сами, я должен знать лучше? Но вы ошибетесь, друзья мои! Мне достаточно было тех нескольких первых встреч с Танечкой, чтобы не только понять всю неповторимость ее чистой души, но и полюбить ее, полюбить как родного мне человека. Я полюбил ее, как свою дочь, как чудный, чистый цветок! И я часто, очень часто думал вот о чем, друзья! Наша беспокойная, суетливая жизнь куёт из нас лицемеров, заставляя подчас думать одно, говорить другое, а делать - третье. Бог не дал нам с Лидочкой детей, но дал мне Романа, сына моего покойного шурина Алексея Воспеникова. Роман давно уже стал моим ребенком, нашим ребенком, и я был чрезвычайно рад этому. И вдруг ему пришлось потесниться: в мою стариковскую душу вошла Татьяна Александровна! И вошла так легко, так сердечно, как некогда вошел сам Роман! Я любовался Татьяной Александровной, я радовался ее добродетелям, я благодарил Бога, что в нашем медвежьем углу расцвел этот цветок, но! Но я и молчал, как подобает столичному лицемеру. Я молчал, не в силах побороть свое лицемерие и рассказать всем о еще одном ребенке, подаренным мне провидением. Внутри себя я рассуждал по-стариковски, полагая, что мое признание может вызвать недоумение, а кое-кого и

попросту шокировать. И я молчал, как Симеон, никому не в силах открыть своей тайны. Но, уважаемые мои единомышленники, глубины нашего сознания таят в себе поразительно, чтобы преподнести нам невероятное. Два ребенка, живущие в моем сердце, чрезвычайно близкие и похожие друг на друга чертами своих чистых и добродетельных душ, постепенно убедили меня в необходимости их единения. Это произошло постепенно, но с такой силой, с таким взаимопритяжением, что вскоре вместо двух отдельных личностей я обрел в своем сердце сиамских близнецов!

Все засмеялись.

- Да! Я не преувеличиваю! Иначе как невестой и женихом про себя я их не считал, и мне было весьма странно, что в реальной, так сказать, атмосфере они - даже не знакомы друг с другом. Время шло, они все еще не встречались. Но как я насторожился, как затрепетал, когда, наконец, это знакомство произошло! Долгое служение Мельпомене позволяло мне искусно скрывать свои чувства, никто из вас ничего не замечал, а я в душе ликовал и ждал, ждал чуда! И оно случилось! Но если для вас, в том числе и для молодых, это было неожиданное чудо, то для меня, старого лицедея, то чудо было... Эх, дорогие мои! Вероятно вам трудно понять меня, но поверьте, когда то, о чем ты мечтал, случается наяву - это так украшает нашу жизнь! Мы все погрязли в серой обыденности, в пошлых пересудах, черт нас побери! И как прекрасно, что существует чудо, способное разбить и разрушить всю эту проклятую обыденность. И вот оно случилось! Сегодня, здесь, в сказочной лесной избушке они - жених и невеста! Пророчество сбылось! Симеон Крутойяровский может говорить! И я говорю: да здравствует чудо! Да здравствуют вот эти сиамские близнецы! И дай Бог им счастья!

- Bravo, Антон! - выкрикнул Красновский, приподнимаясь с рюмкой в руке.

- Прелестно, чудно! - захлопала в ладоши тетушка.

Роман встал и трижды поцеловался с дядей.

- Антон Петрович явно тревожит прах Демосфена! - говорил Рукавитинов, аккуратно вставая с бокалом красного вина а руке.

- Мда. И камни во рту не понадобились, - усмехнулся Ключин, цепляя вилкой кусок ветчины и перенося его к себе в тарелку.

- Милое, нежное дитя мое,- повторял Антон Петрович, целуя руки Татьяны, - Благословляю тебя на счастье. Трижды Благословляю! Трижды радуюсь твоей радости, трижды одобряю твой выбор!

Татьяна, склонив голову, поцеловала его в щеку. Дядя обнял ее и расцеловал в обе щеки. Все выпили.

- Стол! Стол фантастический! - качал головой Антон Петрович, решительно кромсая ножом кусок копченой индейки.

- Все, все прелестно! - улыбалась тетушка, - Адам Ильич просто кудесник! Рома, ты почему ничего не пробуешь? Смотри какая брусника!

А рыжики! Пробуйте немедленно! Татьяна Александровна, а вы?

Роман и Татьяна благодарили и улыбались.

- Андрей Викторович, как, позвольте спросить, здоровье жениха? - повернулся Руавитинов к Клюгину.

- У жениха со здоровьем всегда все в порядке, - жуя и прихлебывая вино, ответил тот.

- Ну... а рана, да еще и сегодняшнее приключение на пожаре?

Клюгин лениво махнул рукой:

- Да все, все хорошо... в огне не горит, в воде не тонет, зверя не боится... вот полюбуйте на него...

Все рассмеялись.

В этот момент Куницын, сидящий все время в радостном оцепенении и, как будто ничего не понимающий в происходящем, встал и, взяв бокал обеими руками, посмотрел на молодых. Все замолчали.

- Милые, милые мои... - заговорил он глухим поспешным голосом, в волнении перебирая пальцами по бокалу, - У меня теперь такая радость, так все неожиданно и хорошо, что и не знаю как и выразить. Я стар. Вы молоды. Жизнь моя прошла в служении Отечеству. Тридцать четыре года. Да. И все - солдатики, окопы, марши... И кровь. И смерть. Видел я ее предостаточно.. Но, нет, нет! Что я, о чем! Милые мои дети. Что мне говорить теперь, как радость свою выказать! Как поделиться тем, что вот здесь... в сердце поет. Не знаю. Слова все не те подбираются, а радость у меня такая, что в сердце не помещается...

Он замолчал, глядя перед собой, потом поднял глаза на жениха и невесту и продолжил:

- Милые мои, вот что мне сказать вам хочется. Детство мое прошло в столице. Семья наша была богатой, родовитой, все предки мои были военными - и прадед, и дед, и отец. Братьев и сестер у меня не было, рос я один. Мама умерла, когда мне и шести лет не исполнилось, я ее помню совсем слабо. Отец был жестоким человеком и воспитывал меня сурово. Дом наш скорее был на казарму похож. В армию я попал рано и всю жизнь почти провел в ней. Отец вскоре умер, наследство досталось его молодой жене, я ни на что не претендовал. Продолжал служить. Вот так. Могу сказать, что с самого детства узрел я лишь суровые стороны жизни и продолжал их видеть потом, в дальнейшем. И никаких особых нежностей, ничего того, о чем поэты пишут, не было. Никакой красоты. А был лишь - ать, два, ряды вдвой... вот что было. Штыком коли - ать, два. Прикладом бей - ать, два. Вот...

Он вздохнул, помолчал и продолжил;

- Так вот, милые мои, молодые и нежные существа, и вы, друзья. В моей суровой и некрасивой жизни было два чуда. Первое - это когда я вынес Танечку из огня, а потом удочерил ее и возлюбил, как дочь. Это чудо помогло мне не отчаяться и поверить в доброту Божью. Второе чудо случилось сегодня. Я увидел Таню по-настоящему счастливой. Это чудо

всего меня перевернуло. Всего. И я так счастлив, что у меня и слов нет...

Он посмотрел на них, потом улыбнулся и, тремя быстрыми глотками осушив бокал, бросил его об пол, выдохнув:

- Счастья вам, родные...

Это было так неожиданно, что все замерли. Куницын же стоял, улыбаясь и глядя на молодых.

- Виват! - пробасил Антон Петрович, привставая с бокалом с места, - Виват, полковник!

- Bravo. Брависсимо! - закричал Красновский, поднимаясь, - На счастье! Пьем все на счастье!

- На счастье! На счастье! - заговорила тетушка.

- На счастье! - улыбался Рукавитинов.

- На счастье! - слегка испуганно качал головой Красновский.

- Что ж, на счастье, так на счастье... - усмехнулся Клюгин, наливая себе вина. Все, включая и дам, встали.

- На счастье! - громко сказал Куницын, поднимая новый бокал.

- На счастье! - ответили ему все.

Бокалы сошлись, звеня.

Все выпили и стали бросать бокалы об пол.

Дробный звук бьющегося стекла наполнил гостиную.

Роман и Татьяна, держа свои бокалы, смотрели на происходящее, как зачарованные.

Наконец, когда последний бокал, брошенный Клюгиным, разлетелся вдребезги и все посмотрели на молодых, Роман и Татьяна поднесли бокалы к губам.

Выпивши вино залпом, Роман поднял руку и с силой кинул бокал, так что осколки далеко разлетелись по полу. Татьяна быстрыми маленькими глотками выпила вино, жадно вдохнула воздух порозовевшими губами и разжала руку.

Выскользнув из пальцев, бокал ударился об пол и, слегка разбившись, покатился.

- Виват! - произнес Антон Петрович любимое слово.

- Виват! - нестройным разноголосьем ответили ему и стали шумно садиться.

- Поля, Гаша! - хлопнул в ладоши Куницын, - Еще вина! Еще бокалов!

Появились Поля с Гашей, появилось вино, бокалы и новая закуска.

Роман держал руку Татьяны, глядя ей в глаза. Она, в свою очередь, не отрываясь смотрела на него.

- А если побить бокалы, будет счастье? - спросила она.

- Будет.

- А если не побить?

- Все равно будет. У нас с тобой всегда будет счастье.

- Всегда?

- Всегда!

И снова она сильно сжала его руку. Посреди дружного застолья они смотрели друг другу в глаза, до боли сцепившись молодыми сильными пальцами. Тем временем Красновский подошел к полукрытому окну и, заглянув в него, обернулся к собравшимся:

- Друзья! Вы представить себе не можете, какая теперь ночь. Это просто Куинджи, просто Куинджи! Полюбуйтесь, какая луна! Подойдите сюда!

В его голосе чувствовалось легкое опьянение, он жестиковал короткими толстыми руками.

Все, кроме молодых, стали вставать и подошли к окнам.

- Мда! Экая прелесть! - бормотал Антон Петрович, заглядывая из-за спины Красновского.

- Полнолуние! - качала головой тетушка, стоя с Красновской у другого окна и отпивая из бокала - Ах, как пахнет хвоей! Даже тут слышно.

- Тут у меня все слышно! - воскликнул Куницын, отодвигая шторы, - Как этой весной глухари токовали! Музыка, я вам доложу! А соловушко каков наш! Каждую ночь такие переливы...

- Мда, тут глухарей бить можно, не выходя из дому, - бормотал захмелевший Ключин, высовывая в окно свою большую голову и глядя вниз, - Ух ты, сколько плюща... А пахнет и не хвоей вовсе, а мятой перечной...

- Друзья, пойдемте на волю, к природе! - говорил Красновский, - Она - спасение, она поймет, примет и простит человека. *Natura abhorret vacuum!*

- Хороша идея! - воскликнул Антон Петрович, - А что, любезный Адам Ильич, не вынести ли нам сей чудный стол куда-нибудь в сад?

- Непременно, непременно вынесем, Антон Петрович! - с жаром подхватил Куницын и выкрикнул, - Поля! Гаша! Стол а сад! Все в сад немедля!

- Адам Ильич, по-моему лучше не в сад, а воон туда, там где дуб! - показала рукой Лидия Константиновна.

- Под дуб. Стол под дуб! - выкрикнул Адам Ильич неслышно вошедшим Поле и Гаше, - Да растолкайте Гаврилу. Он вам стащить поможет!

- На волю! Все на волю! - в очередной раз провозгласил Красновский и, кряхтя, полез прямо в окно.

Стоящие рядом стали помогать ему, но вдруг он, взмахнув рукой, с греском вывалился в окно, в кусты сирени.

Мужской хохот и женские ахи наполнили гостиную.

- Петя, друг, куда ты! А-ха-ха-ха! - хохотал Антон Петрович, высовываясь в окно.

- Петенька! Где ты? - вскрикивала Надежда Георгиевна.

Роман с Татьяной, заметив, что Поля и Гаша, осторожно обходя их, убирают со стола, встали и незаметно для остальных, вышли.

Опустившись с крыльца, они остановились. Стояла теплая летняя ночь, яркая полная луна хорошо освещала все вокруг. Справа слышались громкие голоса гостей, в кустах с треском и смехом ворочался Красновский. Сзади, где-то в глубине дома послышалось сонное бормотание Гаврилы и укоризненный голос Гаши.

- Пойдем в сад, - шепнула Татьяна и, взяв Романа за руку, двинулась влево.

Они обошли дом, Татьяна отворила калитку палисада и повела Романа по узкой дорожке, сквозь кусты черемухи, жасмина и сирени.

Роман шел, вдыхая чудесный ночной воздух, влажные листья задевали его по лицу. Миновав кусты, они прошли меж двух разросшихся слив и оказались в глубине сада. Здесь, посреди небольшой полянки стояла красивая белая скамья с резной спинкой. Опустившись на нее, Татьяна потянула Романа за руку, и он сел рядом. Татьяна сжала его руку и, приложив палец к губам, другой рукой показала на сад.

Роман огляделся.

Сад дышал тишиной и покоем. Пахло мятой, корой плодовых деревьев, сочной росистой травой и еще чем-то неуловимым, чем может пахнуть ночью в заросшем русском саду.

Лунный свет лежал на всем тончайшей серебристой пленкой, от травы тянуло еле ощутимой прохладой.

После нескольких минут молчания Татьяна произнесла:

- Это мое тайное место.

- Тайное?

- Да, тайное... Здесь я молилась. Я молилась о тебе.

- Обо мне?.

- О тебе. Тогда, когда тебя увезли от нас.

Он взял ее руку и надолго припал к ней губами.

- И еще я молилась знаешь о чем?

- О чем же, ангел мой?

- Я просила Богородицу, чтобы ты полюбил меня... - прошептала Татьяна и, устыдившись своего признания, спрятала лицо в ладони.

Роман обнял ее.

В кустах послышался шорох, фырканье, и Танин медвежонок показался на тропинке. Принюхиваясь к следам своей хозяйки, он смешно ворчал и поводил остренькой мордой, напоминая в темноте какое-то сказочное существо.

Наконец, завидя обнявшихся, он проковылял к скамейке и ткнулся своим холодным носом в Танины колени.

- Ах, это ты! - воскликнула Татьяна, глядя его рукой, - Нашел нас...

Мишка урчал от удовольствия, прижавшись к ее ногам.

Роман протянул руку, мишка ткнулся в нее носом и туг же лизнул

теплым языком.

- Таанюшааа! Рооомаааа! Ауууу! - прокричали гости хором.

- Нас зовут, - проговорила Татьяна, вставая, - Пойдем.

Взявшись за руки, они пошли. Медвежонок заковылял следом.

Вскоре все уже сидели за столом, установленным под раскидистым широкоствольным дубом, освещенным луной и большой керосиновой лампой, подвешенной Гаврилой прямо на дубовую ветвь.

- Вина. Еще вина! - крикнул Куницын Поле и Гавриле, раздувающим у крыльца два самовара.

Антон Петрович, наполнив бокалы присутствующих "Рислингом", стал было подниматься с места, но Рукавитинов, со свойственной ему мягкостью, произнес:

- Антон Петрович, позвольте мне.

- Уступаю, подчиняюсь и внимаю! - продекламировал Воспенников, садясь. Рукавитинов встал, подержал бокал, как бы рассматривая его содержимое, потом поставил его на стол и, привычным жестом учителя сведя ладони вместе, заговорил:

- Друзья... Знаете, я не специалист по тостам и здравницам, поэтому заранее прошу прощения у вас, Татьяна Александровна, и у вас, Роман Алексеевич за естественные огрехи и оплошности. Тем более, тост мой будет несколько сумбурным по форме и странным по содержанию...

- Чрезвычайно интересно, - пробормотал Антон Петрович.

- Так вот, друзья, я хочу рассказать об одной моей фобии, которая преследовала меня до сегодняшнего вечера.

- Позвольте, Николай Иванович, - перебила его Красновская, - А что такое фобия?

Николай Иванович хотел ответить, но Ключин, сидящий напротив Красновской, быстро произнес - полупрезрительно скривя губы:

- Фобия - это непреодолимый навязчивый страх.

- Совершенно верно,- продолжил Рукавитинов, - И этот самый непреодолимый навязчивый страх возник у меня в годы серьезного увлечения наукой. Я был молодой биолог, только что закончивший университет с малой золотой медалью и собиравшийся целиком посвятить себя науке. То бишь - биологии. В те годы я был прогрессистом до мозга костей, место Бога в моей душе занимала Наука, круг моих интересов ограничивался лабораторией, библиотекой, университетскими аудиториями, иногда - зоологическим и ботаническим музеями. На концерты я не ходил, светских знакомств не имел. В университете я был на хорошем счету, профессора ко мне относились как к перспективному молодому ученому и всячески поддерживали, тем более, что работа у меня спорилась, и я был близок к защите диссертации. И казалось, что все так и случится - диссертация, степень, чтение лекций студентам, научная работа, проще говоря - нормальное размеренное продвижение вверх по лестнице научной карьеры, до кресла и мантии академика.

- И что же вам помешало? - спросила Лидия Константиновна пригубивая "Рислинг" из узкого бокала.

- Помешала мне женщина, - произнес Николай Иванович со слегка виноватой улыбкой.

· Все заулыбались.

- Да, женщина, в которую я влюбился.

- И вам стало страшно? - спросила тетушка.

- Позднее, позднее. А поначалу было чудесно. Моя любовная горячка длилась без малого месяц и пришлось как раз на время летних каникул. Месяц пролетел, как один день, все было так замечательно, так ново. Я ведь ни разу до этого не влюблялся...

- А студентом? Неужели не влюблялись? - спросил Красновский, отмахиваясь от комаров.

- В студенческие годы я учился, не поднимая головы, попросту говоря, ничего не видел кроме учебников, да заспиртованных лягушек... Но я отвлекся. Месяц прошел. Бодрый, полный сил и надежд я, как вы понимаете, вернулся в университет и вот тут-то и началось самое страшное. Я вдруг почувствовал, что моя абсолютная вера в Науку поколеблена, и по моим былым убеждениям пролегла этакая узенькая трещинка. А в нее, в эту трещинку лезет всякая всячина самым бессовестным образом. И что самое страшное - лезет, не спросясь, помимо моей воли! Если раньше я был уверен во всем - то после моей любовной истории уверенность стала не столь абсолютной. Этот случай напугал меня на всю жизнь. Каждый раз, когда рядом оказывалась женщина, способная мне понравиться, - я испытывал священный ужас. И дело тут было вовсе не в страхе за биологию, за мою карьеру. Я, друзья мои, боялся того изначального хаоса, который привнесла в мое сознание женщина. И все последующие десятилетия я тщательно заделывал ту самую трещину. И я заделал, зацементировал, заштукатурил. Но.

Он внимательно посмотрел на молодых и сказал:

- Но сейчас я не против этой трещины. Даже более. Я впервые пожалуй, жалею, что я заделывал ее все эти годы!

- Bravo! - воскликнула тетушка, - Bravo, Николай Иванович!

- Да. Я впервые увидел... - он задумался на мгновенье, - Любовь. Признаться, я недолюбливаю это слово. Оно обтрепано и опошлено человечеством. Но сегодня я увидел Любовь. И в этом помогли мне Татьяна Александровна и Роман Алексеевич. Раньше, каждый раз, когда я видел жениха и невесту, готовящихся вступить в брак, меня охватывал страх. Все тот же, хорошо знакомый, пережитый мной доподлинно. Теперь же я... совершенно не боюсь.

Он рассмеялся и за столом тоже засмеялся.

- Более того! - продолжал Николай Иванович с оживлением, - Я, пожалуй, рискнул бы оказаться в положении Романа Алексеевича!

Все громко засмеялись.

- То-есть - стать Таниным женихом? - спросил хохочущий Антон Петрович, - А-ха-ха! Ай да Рукавитинов! Седина в бороду и бес - в ребро! Ха-ха-ха!

Роман и Татьяна тоже смеялись.

- Да нет же... вы меня не поняли, - улыбался Рукавитинов, - Я же не в прямом смысле, а косвенно...

- Косвенно. А-ха-ха-ха! - откинулся назад Антон Петрович, хохоча так, что отдавалось в неблизком ельнике.

- Николай Иванович, какой вы молодец! - восклицала тетушка, вставая так, что стул опрокинулся, и с бокалом в руке направляясь к Рукавитинову, - Вы сказали так прелестно, так трогательно, и за это, позвольте...

Она подошла к нему и поцеловала.

- Bravo, Лида! - зааплодировал, вставая, Антон Петрович.

- Bravo, bravo! - закричал Красновский, тоже аплодируя.

- Друзья, но дайте же ему закончить! - вступилась Красновская.

- А что заканчивать, заканчивать-то нечего... - бормотал Ключин, средь общего шума наливая себе вина.

Несколько смутившись от тетушкиного поцелуя, Рукавитинов поднял бокал.

- Тихо, друзья! Silence, mes amis! - махнула рукой Красновская.

- Как славно, как все славно! - повторял Куницын.

- Вот они, Крутояровские сюрпризы! - тряс головой Антон Петрович, простирая руки над столом, - Пою тебе, бог Гименеей!

- Антоша. Немедленно прекрати!- потянула его за рукав тетушка, - Мы все слушаем Николая Ивановича. Все!

- Silence! Je veux en prie! - требовала Красновская. Наконец, когда относительная тишина установилась, Рукавитинов сказал, поднимая бокал:

- Позвольте мне провозгласить тост за счастье молодых.

- И за ваше избавление от фобий! - резко вставил Ключин.

Все засмеялись и потянулись бокалами к Рукавитинову.

Роман подошел к Николаю Ивановичу и, глядя в его мягкие глаза, сказал:

- Я люблю вас, Николай Иванович.

Рукавитинов обнял его левой рукой и поцеловал, шепча:

- Счастья, счастья вам, голубчик... - Бокал его накренился, вино пролилось на стол.

Чокнувшись, они выпили.

- Эх, хорошо! - воскликнул Красновский, отерев губы салфеткой, - Кому невеста годится, для того и родится. Роман Алексеевич! Ну а когда же свадьбу думаете справлять?

Все посмотрели на Романа.

Роман поставил пустой бокал на угол стола, подошел к Татьяне и

взял ее за руку. Она встала и посмотрела ему в глаза.

Мгновенно они смотрели друг на друга, затем Роман произнес:

- Наша свадьба будет завтра.

Всеобщее удивление было недолгим - через секунду все с ликованием приветствовали молодых.

- Отлично, Рома! Виват! - кричал Антон Петрович, - Сыграем, сыграем свадебку, да такую, что слух о ней пройдет по всей Руси великой!

- Виват, виват! - вторил ему захмелевший Красновский, - Роман, душа моя! Все мои погреба - к твоим услугам. Для вашего с Танюшей счастья ничего не жаль! Urbi et orbi!

- Дети мои, дети мои! - возбужденно разводил руками Куницын, - завтра, конечно завтра. А когда же! Непременно завтра!

- Завтра! Завтра! - хлопала тетушка в ладоши.

- То есть не завтра, а сегодня, - пробормотал Клюгин, глянув на небо, - Скоро светать начнет...

Все тоже посмотрели на небо. Оно уже побледнело, а на востоке, над лесом подернулось нежно-розовой дымкой.

Роман оглянулся и понял, что короткая июльская ночь миновала, все вокруг проступило, стало различимо в бледном предрассветном воздухе, - луг, ельник, дуб на опушке, дорога к дальнему лесу, колодец, сад, дом лесничего, ставший за одну ночь для Романа родным.

Теперь возле этого дома, у крыльца, повитого плющом, сидел Гаврила, склонив голову на колени; возле него слабо курились дымом два самовара.

- А и впрямь светает! - удивился Антон Петрович, - Ну и ночка! Раз - и нет!

- Четверть пятого, - посмотрел Рукавитинов на часы, - еще полчаса, и солнце встанет.

- Солнце чудесного дня! Солнце сочетания, еолнце, так сказать, вечной любви! - говорил Красновский, слегка покачиваясь на своем стуле, - Сегодня все будет радоваться, вся природа...

- Друзья, друзья! - встал со своего места Куницын, - Давайте приветствовать этот рассвет! Давайте... Поля! Вина! Вина сюда!

- Постойте, постойте, Адам Ильич! - тетушка подошла к нему, - Хватит вина, я и так уж совсем пьяная. Сегодня такой знаменательный день, столько хлопот. По-моему, хватит вина, нам надо продумать, взвесить все...

- Вина! Вина! - восклицал Красновский, вставая с пустым бокалом, - встретим Ярило дня наступающего, возрадуемся Перуну, воспросим благодать новоневестным!

- Вина! Вина! - требовал Клюгин, - Не каждый день такие светопреставления случаются... там более, у меня есть тост. Тост у старого смертепоклонника...

- Тост! Тост! - выкрикнул Антон Петрович так, что Татьяна не

выдержав, рассмеялась, спрятав лицо на груди Романа.

- Петя! Антон Петрович! - укоризненно качала головой Красновская.

- Тост! - повторил Ключин, вставая.

- Тост! Тост! - кричал Красновский.

- Тост! Тост! - пел басом Антон Петрович.

- Тост, друзья, тост! - повторял Куницын.

Роман и Татьяна обнялись и смеялись, как дети.

Подошла заспанная, в который раз разбуженная Поля с бутылкой "Рислинга", Антон Петрович выхватил бутылку из ее рук и золотистая струя полилась в подставленные бокалы.

Ключин поднял руку и заговорил:

- Итак, начнем с того, что больше всего на свете я терпеть не могу все эти свадьбы, венчания, свидания и все это... наш уголок я убрала цветами. И главное - хорошо, ну поженились, ну живут вместе вдвоем. Ну а зачем заводить третьего?

Всеобщий хохот перекрыл его слова. Он снова поднял руку:

- Погодите... тут нет ничего смешного... Поймите, мир и так переполнен глупцами и невеждами, и так плюнуть некуда, обязательно в человека попадешь, а тут еще - новые и новые. Зачем? Не пора ли остановиться?

Все опять засмеялись.

Ключин покачал своей огромной головой, обиженно скривив губы:

- Да, поймите же... Это не шутка. Вы думаете, вероятно, что я пьян и вот дурака валяю? Я не против любви, страсти, соития... все, что удовольствие доставляет, надо пользоваться, хотя и удовольствие-то недолгое. Все надоедает, все опошляется и превращается в ложь. Так что любите, пока любится. Но почему, для чего это непрерывное мучительное продолжение рода, эта постоянная чехарда?! Вереница новых мучеников на смену сыгравшим в ящик?

- Ну, брат Ключин, это уж тебя никто не спрашивает... - вставил, смеясь, Антон Петрович.

- А жаль! Жаль, что не спрашивают! - почти прокричал Ключин и все притихли.

Он устало провел рукой по лбу и тяжело вздохнул:

- Да поймите же. Жизнь человека в современных условиях ужасна. Это мука, мука бесконечная. Одно дело - допотопное животное состояние, когда мы не были способны познавать самих себя, это было вполне нормально. Но как только вот здесь, в голове заработал механизм самопознания - жизнь человека стала адом. Человек - мыслящий тростник, мыслящее животное! Вдумайтесь какая нелепость! Ни тростник, ни животное не должны мыслить, а должны просто существовать! Что за дикая промежуточная ступень между животным и каким-то ускользающим небесным разумом! За что такое неестественное существование,

когда мы каждую минуту осознаем свое убожество? Человек заброшен сюда, в этот поганый тесный мир без всякого спроса! Вот в чем ужас! Нас никто не спросил - а хотите ли вы, Андрей Викторович, оказаться вот в таком мире, с такой вот башкой на плечах? Никто! Нам просто дали пинка и выпихнули сюда, в мир болезней, нищеты, пошлости и злобы! И самое тяжелое, что мы можем понимать, что есть пошлость, нищета злорадия, болезнь. Мы разумеем, что плохого в мире больше, чем хорошего. Мы страдаем и когда бедны и когда богаты, и когда больны, и когда здоровы. Страдаем. Но продолжаем впускать в этот адский мир все новых и новых мучеников. С моей точки зрения деторождение - самое безнравственное, что есть на свете. Самое... И я обращаюсь к вам, молодые существа. Вы полны надежд и иллюзий, вам еще не опротивело здесь. Послушайте моего совета: не производите на свет новых мучеников, будьте благоразумны! Поверьте, для вашего счастья довольно вас самих. А ребенок - это ложная попытка материализации любви, ее извращение. Ребенок - это кукушонок, сразу же вытесняющий любовь, обращающий все в пошлость, пахнущую замаранными пеленками. Не делаете этого. Я вас прошу...

Он помолчал и, пробормотав "prosit", выпил свое вино.

Никто не выпил и не проронил ни слова - все сидели, подавленные речью фельдшера.

Вдруг, среди общего оцепенения, Татьяна встала из-за стола и, обращаясь ко всем, произнесла:

- Пойдемте со мной.

В ее голосе, помимо присущей мягкости, чувствовалась решимость, заставившая всех, молча переглянувшись, встать и последовать за ней.

Шурша по траве своим длинным голубым платьем, Татьяна направилась мимо дома, через редкие кусты орешника к опушке ближнего леса. Все шли за ней молча.

Было уже совсем светло, как днем, восток алел с каждой минутой все сильнее; в гулком старом лесу перекликались птицы. Орешник быстро кончился и впереди на гладкой выкошенной опушке показались изба с сараем и скотным двором. В этой избе и жили прислуживающие лесничему сестры Полина и Агафья. Полина была молодой вдовой, год назад пережившая смерть мужа, Агафья уж пять лет была замужем за конюхом Гаврилой.

Большая черная собака, лежащая у завалинки, почуя идущих, тут же вскочила на ноги, но завидя Таню и Куницына, побежала им навстречу, приветливо виляя хвостом.

Татьяна подошла к крыльцу и оглянулась, подождя, когда все подойдет, затем, обведя всех быстрым взглядом, она взяла Клюгина за руку и ступила на крыльцо, проговорив:

- Только тихо, пожалуйста.

Клюгин и остальные двинулись за ней. Миновав темные сени, они

вошли в избу. Внутри все было, как и должно быть - слева два небольших окошка, обеденный стол с лавками, справа большая русская печь, чуть поодаль - два сундука и лежанка.

Приложив палец к губам и не выпуская руки Ключина, Татьяна тихо подвела его к лежанке.

Все последовали за ней и остановились в двух шагах.

Перед ними на большой медвежьей шкуре, застланной домотканной простыней, спали четверо детей. Широкое лоскутное одеяло, из-за жары скомканное ими, покрывало лишь их ножки, а сами они лежали голые, вплотную друг к дружке, перепугавшись ручками, ножками и нательными крестиками. Все четверо были русыми, с гладкими, словно трепаный лен волосами, и, по всей вероятности, были погодками - старшему на вид было лет пять, самому маленькому - года два.

Едва Роман рассмотрел этих спящих малюток, как сердце у него сжалось от смирения. Они спали так, как способны спать только дети - выпростав и раскинув набегавшиеся за день ножки, положив руку на шейку сестры, ткнувшись носом в пухлую щеку брата, свернувшись калачиком; во всех этих сугубо детских позах было столько невинности и неги, что вошедшие взрослые люди оцепенели и стояли, неподвижно созерцая своих братьев, недавно пришедших в этот мир. В тишине было слышно как поцвиркивает за печкой сверчок и слабо трещит фитиль горящей перед иконой лампы.

Роман вдруг понял, зачем привела их сюда Татьяна, и от этого понимания новый приступ умиления ко всему малому и беззащитному сжал его сердце и слезы наполнили его глаза.

"Так вот как она ответила Ключину! Вот как просто, как божественно просто!"

Губы его задрожали, ему захотелось обнять детей, Татьяну, этих пожилых людей, столь похожих на детей, и рыдать вместе с ними, рыдать от умиления, боли и радости... Чувствуя, что не в состоянии сдержать рыданий, Роман повернулся и вышел. Едва он ступил из темных сеней на крыльцо, как луч только что показавшегося над лесом солнца попал ему в глаза, словно отрезвляя.

Достав платок, Роман вытер слезы.

Орешины, луг, лес - все кругом золотилось в мягких несильных солнечных лучах. Сзади послышался скрип сенных половниц и, не успев Роман обернуться, как мимо него, опустив глаза, прошел Ключин, и, спустившись с крыльца, медленно побрел прочь. сугулясь сильней обычного.

Почувствовав его состояние, Роман не стал окликать фельдшера. Темная ссутулившаяся фигура вошла в орешник и пропала.

"Так вот она какая!" - восхищенно подумал Роман, - "Так смело, так неожиданно. Это совсем не в духе робкой, застенчивей девушки. А главное - я совсем не ожидал от нее такого! Такой смелости,

решительности! Едва стоило Ключину пересечь черту допустимого и поставить под сомнение то, что является опорой для каждого человека, как она тут же ответила ему. И как ответила! Сильно, точно, правдиво!”

Ему вдруг захотелось немедленно видеть ее.

Он повернулся к двери и в этот момент, скрипя половицами, из сеней вышел Антон Петрович. В одной руке он держал пенснэ, в другой платок. На щеках его блестели слезы.

Вытерев щеки, он со вздохом облегчения покачал головой:

- Господи... никогда так на ревел... Ну, Рома, тебе Бог такого ангела послал... ой... просто душу всю перевернула...

Позади в сенях показались Красновский и Надежда Георгиевна. Слезы блестели у них на глазах. Красновский, протиснувшись мимо дядей и племянником, спустился с крыльца и отвернувшись, стал смотреть на залитый солнцем лес.

Тетушка, отерев слезы платочком, быстро поцеловала Романа в щеку, прошептав:

- Рома, будь счастлив...

Спустившись с крыльца, она медленно двинулась вдоль палисадника, взяв себя за локти.

Из сеней вышел Куницын. Лицо его было мокрым от слез, белые усы дрожали. Присев на лавку, он закрыл лицо руками и разрыдался. Вышедшие вслед за Куницыным Красновская и Рукавитинов, принялись утешать старика, хотя и в их глазах было отнюдь не сухо.

Прошло некоторое время, и на пороге показалась Татьяна.

Все, в том числе и далеко отошедшие Лидия Константиновна с Красновским, повернулись, словно почувствовав ее появление.

Стоя на крыльце, Татьяна смотрела на солнце. В глазах ее не было слез, на лице лежала печать покоя и благости.

Ее голубое платье в мягких солнечных лучах казалось зеленовато-золотистым, как купол церкви. Роман шагнул к ней. Их взгляды встретились. Он взял ее теплые, нежные руки в свои.

Татьяна смотрела на него, не отрываясь.

- Есть ли у тебя подвенечное платье? - спросил Роман.

- Есть, - ответила она.

Знакомый румянец вдруг покрыл ее щеки и она опустила глаза, совсем как тогда, стоя в изножье у кровати раненого Романа.

Решительным и сильным движением он взял ее на руки и понес к дому через залитый солнцем орешник.

VIII.

В три часа наступившего дня хромой звонарь Вавила, маячивший в проеме звонницы и бесконечно долго смотревший из-под руки в сторону дома Воспенниковых, вдруг свесил чубатую голову вниз и крикнул хриплым надрывным голосом:

- Едуууут!

И тут же привычно потянул засаленную веревку, подведенную к языку старого колокола. Гулкие раскаты поплыли с колокольни и повисли в жарком воздухе над пестрой толпой, окружившей церковь.

- Едут, едут! - прошепестело по толпе и все повернулись к дороге. Мужики в картузах, праздничных жилетках с расшитыми поддевками, парни в кумачовых, розовых и фиолетовых рубахах, бабы и девки в цветастых сарафанах, ребятишки - все в возбуждении смотрели на пыльную дорогу, поднимающуюся от изб в гору и теряющуюся в зелени.

Вот из этой зелени, в клубах пыли вылетела коляска, запряженная тройкой, а за ней - другая, третья. Оживленный гул прошел по толпе, она стала заранее расступаться.

К буханью колокола и гомону крутояровцев стал примешиваться звук дребезжащих бубенцов приближающегося свадебного поезда. Становясь все более отчетливым, он словно успокаивал толпу и она, постепенно стихнув, ждала, замерев. Наконец, три тройки вылетели из-за поворота и стали подъезжать к церкви.

Колокол забухал чаще, народ попятился, освобождая проход к храму, в распахнутых настежь дверях которого стоял дьякон в серебристом стихаре. Завидя приближающийся поезд, он попятился и скрылся в церкви, спеша дать знак отцу Агафону.

Три тройки, между тем, шумно подкатив, остановились.

В первой находились невеста с женихом и Петр Игнатьевич Красновский, избранный на роль шафера. Во второй разместились Антон Петрович с Лидией Константиновной и Адам Ильич с попадьей. На третьей тройке, впряженной в весьма просторную, хоть и не очень новую коляску, приехали Надежда Георгиевна, Рукавитинов и еще четверо родственников батюшки и попадьи - Илья Спиридонович, Валентин Ефграфыч, Иван Иванович и Амалия Феоктистовна.

Едва Аким, правящий первой тройкой, натянул вожжи, как Петр Игнатьевич, облаченный в темно-синий костюм с белой гвоздикой в петлице, грузно спрыгнул на пыльную землю и протянул обе свои пухлые руки, дабы принять руку невесты.

Сидящая рядом с Романом Татьяна протянула руку и встала с такой

осторожностью и робостью, что у Романа защемило сердце.

“Господи, помоги нам!” - взмолился он, видя ее смятение и скованность и начиная ощущать эти же чувства в себе самом.

Она же, опираясь на руку Красновского и чувствуя на себе сотни взглядов, сошла по ступенькам коляски так, словно они были стеклянные и могли расколоться под ее белыми туфельками.

“Господи, Господи, дай силы!” - повторял про себя Роман, вставая с сиденья и пугаясь каждому своему движению.

Ступеньки, земля, Татьяна и Красновский, стоящие на этой земле, - все показалось ему далеким и ускользающим. Крепко взявшись за край коляски, он медленно сошел на землю и впервые за всю жизнь ощутил ее непрочность. Все смотрели на него. Белый фрак был ему немного велик, белоснежный воротничок сжимал шею, ноги в новых длинноносых туфлях казались не своими.

“Господи, что со мной?” - мучительно подумал он, скользнув глазами по замершей толпе и успев заметить в ней высокую фигуру Дуролома, подмигивающего ему и скалящего зубы. Сзади подошли.

Кто-то шепнул ему что-то, он не понял, но покорно двинулся к дверям церкви, стараясь аккуратно ступать по ненадежной земле. Когда вошли внутрь, прохлада храма немного успокоила Романа, он поднял взгляд со своих остроносых туфель и впереди, перед собой увидел покрытый зеленым сукном аналой, дьяка и отца Агафона в расшитой золотом ризе, в фиолетовой камиллавке с двумя витыми незажженными свечами в руке.

И чернобородый, с худощавым беспокойным лицом дьякон, и седой, светящийся нежностью отец Агафон смотрели на Романа, по-видимому ожидая что-то от него. Это ожидание возбудило в нем новый приступ беспокойства и страха, тем более, что сзади слышался гулкий шорох входящей в церковь толпы.

“Неужели началось? Мне что-то нужно сделать, они смотрят на меня... Татьяна!” - мелькнуло у него в сознании и он, поразившись тому, что вспомнил о ней только теперь, быстро повернулся налево.

Она, оказывается, стояла совсем близко, сосредоточенно глядя перед собой, покорно опустив руки в белых перчатках, и так непривычно сжав свои нежные губы. Белое шелковое платье, безжалостно подчеркивавшее стройность ее фигуры, померанцевый веночек с вуалью, нитка жемчуга на шее, - все казалось Роману чужеродным, ярким, все делало ее чужой и незнакомой.

Он похолодел, не в силах совладать с собой. Отец Агафон, тем временем, что-то сказал Роману своим певучим мягким голосом. Роман не понял и снова посмотрел на Татьяну. Она явно почувствовала его взгляд, но не повернулась, а лишь вздрогнула и, разлепив губы, еле слышно вдохнула прохладный церковный воздух.

- Возьми за правую руку и веди, - раздался горячий шепот Краснов-

ского, и Роман, послушно найдя правую руку Татьяны, сжал ее в своих похолодевших пальцах, шагнул вперед, не понимая, что он делает и зачем.

В последний миг он испугался, что она не пойдет с ним - так ярко-красиво и отчужденно стояла она в своем шелковом платье, но платье двинулось, зашелестело. Татьяна пошла рядом, негромко стуча каблучками по старому каменному полу.

Отец Агафон подождал, пока они подошли к аналою, потом зажег обе свечи от своей, горящих у иконы Спасителя и, приблизившись к новоневестным, держа обе свечи в левой руке, правой благословил жениха и невесту, дважды повторив:

- Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Роман попытался найти в его певучем голосе опору в противовес своему смятению, но голос был чужой. Батюшка подал им свечи и, взяв кадило, пошел с ним вокруг аналоя, кадя во все стороны.

"Теперь и навсегда," - мелькнуло в голове Романа, - "Навсегда. И это бесповоротно".

Сердце его сжалось и дрожь прошла по членам, от чего пламя свечи заколебалось.

"Неужели все, что происходит, происходит по моему желанию, по моей воле?" - думал он, глядя на неподвижно стоящего дьяка, начавшего медленно приподнимать на двух пальцах свисающий с плеча орарь.

"Неужели всю жизнь я мечтал об этом и готовился к этому? Но почему такой ужас во всем? Но ведь это необходимо... и я люблю ее. Господи, как все страшно!"...

Дьяк шагнул вперед и, держа на руке орарь, проговорил нараспев сильным голосом:

- Бла-го-сло-ви, вла-дыко!

- Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков, - смиренно ответил батюшка и началась ектенья.

Запел хор деревенских девушек, поддерживая и переключаясь с громким мужественным голосом дьяка.

- О еже ниспослатися им любви совершенней, мииирней и поооомощи, Господу помоооолимся! - выговаривал дьяк, и хор подхватывал, и молился Богу тонкими девичьими голосами, прося милости.

Роман вслушивался в слова и они пугали его, укрепляя в беспоконье и смятении.

"О помощи! Они молятся о помощи," - думал он, стараясь ровно держать свечку, - "Значит они все знают и догадываются, как мне плохо. Но ведь это читается всем, всем! Значит всем плохо?! Всем, миллионам стоящих у аналоя, всем так же плохо, как и мне теперь?! Господи, но почему?"

Для ответа на этот вопрос он поднял глаза на висящий справа у алтаря лик Спасителя и встретился с его взглядом. Карие глаза Иисуса

были отрешены, Роман прочел в них полное равнодушие к происходящему.

А батюшка, стоя у аналоя, уже читал требник, прося Бога благословить Романа и Татьяну, как благословил Он Исаака и Ревекку. Роман слушал, изо всех сил стараясь проникнуться тем знакомым с детства трепетом и благословением к старославянской церковной речи, но то, что раньше успокаивало и давало силы, теперь только пугало.

- Яко милостивый и человеколюбец Бог еси, и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки! - певуче прочел батюшка и невидимый хор нежно откликнулся:

- Амиинь!

В этом нежном выдохе невидимых и, вероятно, невинных еще девушек Роман ощутил вдруг беспомощность и такое же непонимание свершающегося.

“Они поют, не понимая, что поют и зачем. Но почему тогда выходит так нежно, так невинно? Или может, они знают все? Нет, нет! Они не знают, как не знаю я, как не знают все эти люди, творящие этот обряд. Они делают это, потому что так принято, потому что так делали сто, триста, пятьсот лет назад, потому что им заповедовано петь так их прадедами, и вот теперь они поют там за алтарем и батюшка читает, и дьяк стоит в этом странном облачении. Но мне не легче от их непонимания и невинности! Боже, почему мне так тяжело? А ей тоже тяжело?”

Он взглянул на Татьяну и замер, потрясенный: выражение лица ее было таким же, как тогда во время пасхальной заутрени, глаза, губы, заалевшие щеки - все было пронизано единым светом благодати; профиль, шея, грудь - все дышало одним порывом.

Не обращая внимания на обряд, Роман смотрел на нее, не в силах оторваться. Она же, как и тогда, была так захвачена происходящим, что не замечала его взгляда и продолжала сиять, лучиться чудесным светом. И вдруг Роман понял, что это за свет.

Это был свет надежды.

В нем, в этом свете, не было ни восторга, ни опьянения, ни экстаза, а лишь надежда, та самая простая надежда, что наполняет смыслом бессмысленное по всем внешним признакам человеческое существование и освещает весь обстоящий человек^а мир.

“Надеяться, надеяться, что все происходящее - правильно, что все на благо, вот что остается нам! Ни суровая безоговорочная вера, ни слепая страстная любовь не в состоянии потрясти так, как эта тихая светлая надежда. Боже, как это естественно для нас - слабых, не понимающих ничего, боящихся всего! Надеяться, надеяться, что все сбудется, что жестокий мир не раздавит нас - вот что естественно, что так органично. Коль была бы в нас вера, хотя бы с горчичное зерно, мир бы подчинился нам. Но в нас нет веры, мы боимся всего, даже самих себя. Вера дается

подвижникам, титанам духа, только духовным подвигом можно завоевать ее. А надежда живет со всеми, во всех, с самого детства... И эти девушки, поющие за алтарем, и отец Агафон, и Татьяна, и люди за моей спиной - все надеются, что все, что свершается теперь - свершается на благо, что все будет хорошо. И этот свет надежды, тихий, неяркий свет помогает всем нам - слабым, неуверенным, изгнанным за свое неверие в мир произвола..."

А между тем, уж шел обряд обручения.

- Обручается раб Божий Роман рабе Божией Татьяне, - услышал Роман обращенные к нему слова батюшки и протянул руку.

Тонкое колечко Татьяны в белой, слегка дрожащей руке отца Агафона казалось хрупким и ненастоящим. Священник надел его Роману на первый сустав пальца и, повернувшись к Татьяне, произнес:

- Обручается раба Божия Татьяна рабу Божиему Роману.

И кольцо Романа свободно скользнуло по тонкому пальцу Татьяны. Роман подумал, что отец Агафон просто перепутал кольца и, держа перед собой палец с кольцом Татьяны, вопросительно посмотрел на священника.

Но тот вдруг забрал у них кольца и перекрестив их этими кольцами, опять отдал, и опять неправильно - Роману узкое, Татьяне широкое.

Роман взглянул в глаза отцу Агафону, но тот ответил добрым и смиренным взглядом и произнес:

- Наденьте.

"Но как я могу надеть ее кольцо?" - с удивлением подумал Роман, оборачиваясь к Татьяне.

Она тоже посмотрела на него, но в ее спокойном, излучающем благодать взгляде он не нашел подтверждения своему недоумению. Держа свечку в левой руке, правую с кольцом она протянула к нему, и он почувствовал, что она надевает ему кольцо на безымянный палец.

Инстинктивно он помог ей и тут же понял все, устыдившись своей глупости.

"Господи, я же должен надеть ей!"

И покраснев, он стал спешно надевать ей кольцо похолодевшими, неслушающимися пальцами.

Она же ждала, пока кольцо сядет ей на палец, держа руку с такой покорностью и надеждой, что у Романа перехватило дыхание и слезы выступили на глазах.

- ... Сам убо, Господи Боже наш, пославый истину на наследие Твое и обетование Твое, на рабы Твоя отцы наша, в коемждо роде и роде, избранная Твоя: призри на раба Твоего Романа и на рабу Твою Татьяну и утверди обручение их в вере, и единомыслии, и истине, и любви... - читал отец Агафон, золотясь и расплываясь в наполнившихся слезами глазах Романа. Старческий и певучий голос его звучал как-то особенно нежно и смиренно, и в просьбах, обращенных к запредельному Богу

чувствовалась все та же тихая лучезарность надежды...

После обряда обручения отец Агафон расстелил на церковном полу пред аналоем кусок красного бархата, подождал пока хор девушек запел псалом и указал обрученным на бархат. Роман и Татьяна ступили на мягкую ткань, и Роман ощутил вдруг в душе нечто большее, чем просто надежда.

Стоя перед ними, отец Агафон спросил его, желает ли он вступить в брак с Татьяной. Теперь в голосе батюшки помимо смирения чувствовалась сила и уверенность, а знакомое добродушное лицо приняло торжественное выражение.

- Да, - ответил Роман, заражаясь от священника силой и торжественностью, и повторил, словно убеждаясь в этих новых чувствах, наполнивших его, - Да.

Отец Агафон обратился с тем же вопросом к Татьяне, и Роман повернул голову, чтобы видеть, как она будет отвечать, и снова поразился выражению ее чудесного лица. Оно все также дивно светилось надеждой, но в то же время в нем появилось что-то новое, неожиданное, что Роман не мог понять, но мог почувствовать.

С замиранием смотрел он, как это н о в о е покрывает черты ее, когда отец Агафон обратился к ней.

Роману казалось, что она слушает священника своим обновляющимся с каждой секундой лицом, словно впитывая простые слова глазами, щеками, губами, тонкими выгнувшимися бровями, и слова эти оставляют на глазах, щеках, губах неизгладимые следы.

И когда Татьянины губы, разойдясь, произнесли "Да", лицо ее преобразилось полностью. Началась молитва, запели девушки за алтарем, а Роман все никак не мог отвести глаз от Татьяны.

- ... Сего ради оставит человек отца и мать и прилепится к жене, будет два в плоть едину... - читал нараспев священник и древние слова эти, слышанные и читаемые Романом еще в детстве, теперь входили в него, как впервые услышанные и потрясли его...

Отец Агафон надел на обрученных венцы, и руки Красновского и Антона Петровича тут же взяли венцы и, подняв их, держали над головами венчаемых.

И чувствуя над своей головой венец, Роман всем существом своим вдруг понял, что происходит и за чем люди творят этот сложный прекрасный обряд.

"Они же просто верят, что все будет хорошо!" - подумал он и, поразившись простоте и силе этой мысли, слегка повернувшись, посмотрел через свое плечо на стоящих сзади, стремясь сейчас же найти подтверждение открывшемуся. Заметив его взгляд, они все смотрели на него, и под звуки читаемого дьяконом апостольского послания, Роман увидел в глазах этих разных по уму и по положению в обществе людей то общее, что объединяло их. И этим общим была в е р а.

Они верили! Верили, что "будет два в плоть едину", что "тайна сия велика есть", верили, что сбудутся все просьбы и чаяния, все надежды и попечения, произнесенные батюшкой и дьяконом, и пропетые хором девушек.

"Господи, как все просто! Как просто и хорошо!" - пронеслось в сознании Романа и он повернулся лицом к аналою, укрепленный и несказано обрадованный. "Верить. Верить, как эти похожие сознанием своим на детей люди, верить, как этот добрейший и невиннейший священник, верить, как Татьяна. Да и как же не верить? Нет, не одной надеждой живы мы, не одной робкой надеждой. Вера! Это она построила этот храм, создала традицию, помогла написать эти книги. Это она привела сюда этот народ, это она живет в сердце каждого стоящего здесь. Это она живет во мне и, благодаря ей, я верю в Бога, в Татьяну, в добро, в этих людей".

Отец Агафон взял с аналоя серебряную чашу с церковным красным вином и, подойдя со словами благословения, передал ее Татьяне.

Она пригубила, вернула чашу батюшке и посмотрела на Романа.

Роман не успел ответить ей взглядом, как чаша оказалась в его руках. Вино было как всегда - сладким, и как всегда напомнившим о крови убитого Христа. Но теперь это знакомое воспоминание наполнило Романа не болью и содроганием, а радостью и силой. И эта радость и сила, множась и укрепляясь в душе Романа с каждым новым этапом обряда, словно поднимали его вместе с Татьяной над всем бренным, земным, заставляя испытывать то, что он не испытывал прежде никогда. Он посмотрел на Татьяну. Она тут же ответила ему взглядом, полным той же самой радости и силы.

В этот момент мягкие, по-стариковски прохладные руки отца Агафона коснулись рук венчаемых и, слабо сжав их, потянули за собой. Двинувшись вслед за священником, Роман почувствовал легкость и, улыбнувшись, снова взглянул на Татьяну.

Она тоже улыбалась, обходя аналой и отдавши руку; венец, поддерживаемый Красновским, плыл над ее головой, дрожа и покачиваясь.

После того как они дважды обошли вокруг аналоя, отец Агафон снял с их голов венцы и стал читать последнюю молитву. Роман не разбирал слов молитвы, но всем сердцем понимал, о чем она. Свеча в его руке горела ровно, он чувствовал тепло от пламени на своем лице.

Молитва кончилась.

Отец Агафон встал против них и, сложив руки на животе, произнес: - Поздравляю вас. Отныне вы муж и жена.

И эти слова прозвучали для Романа как гром.

"Муж и жена!" - сверкнуло в нем и только теперь он понял, что случилось в его жизни сегодня. Повернувшись к Татьяне, он посмотрел в ее обновленное, ослепительное молодое лицо и замер в благоговейном трепете: перед ним стояла его жена.

"Это моя жена. Боже! И это не сон. Вот стоят люди, вот батюшка, вот церковь моего детства. И здесь теперь - она. Новая, прекрасная и невероятная она..."

Татьяна смотрела, не мигая, ему в глаза. Лицо ее сияло той особой радостью, которая посещает девушку только раз в жизни.

Стоя так, они, казалось, забыли, что в церкви присутствуют люди. Отец Агафон приблизился к ним и сказал не церковным, простым голосом:

- Поцелуйтесь, милые.

Но они, не слыша ничего, по-прежнему неотрывно смотрели в глаза друг другу. Радостное замешательство передалось всем, толпа зашевелилась, послышались приглушенные голоса. Отец Агафон переглянулся с дьяконом и, улыбнувшись, произнес громче, по-церковному:

- Поздравьте целованием жену, а вы поздравьте мужа.

Но и это не было услышано. Молодые стояли, замерев. Казалось, что лица их светятся в сумеречном воздухе храма.

Голоса и шевеление толпы стали громче, дьякон улыбался, Антон Петрович вопросительно смотрел на батюшку, из-за спины Романа отец Агафон невинно развел белыми, выглядывающими из-под ризы руками.

Между родными и друзьями новобрачных начались спешные переговоры вполголоса, послышались советы и взволнованный тетушкин шепот, убеждающий Антона Петровича "ни в коем случае не толкать". Шум толпы нарастал, отец Агафон, косясь на застывших новобрачных, успокаивающе поднял ладони, какая-то баба стала вслух хвалить невесту за "лепоту личика", бородатые мужики что-то бормотали, одобрительно кивая головами, кто-то уже стал пялиться к выходу, как вдруг:

- Бо-го-ро-дица, де-ва, ра-аа-аа-дуйсяаааа! - Эхо разнеслось по небольшому пространству храма подобно грому. Все замерли.

Дьякон и отец Агафон побледнели, остолбенев от чудовищного баса.

Некоторые бабы в толпе испуганно присели, мужики застыли, открыв рты, где-то сзади заплакали двое ребятишек и матери, испуганно крестясь, потащили их к выходу. Оторопь нашла на родных и друзей новобрачных, тетушка замерла, приложив руку к сердцу, Красновская стояла с побледневшим лицом и округлившимися глазами, Куницын и Рукавитинов немо смотрели друг на друга, Красновский, дернулся всем шестипудовым телом и голова его ушла в плечи.

Один Антон Петрович совершенно не испугался, а лишь вздрогнул и, обернувшись, посмотрел назад. А там, справа у большой иконы Богородицы стоял Парамоша Дуролом.

Дюжина свечей у иконы потухла, лампадка раскачивалась. Дуролом медленно перекрестился.

На новобрачных страшный голос Дуролома совершенно не подействовал. Не вздрогнув ни единым мускулом, они по-прежнему

смотрели друг на друга.

Но вдруг Роман стал медленно приближать свое лицо к лицу жены.

Все снова замерли.

Татьяна тоже потянулась к нему. Их губы встретились.

Роман целовал ее так, словно первый раз коснулся женских губ. Прикосновение это было чудесным, совсем близко были ее зеленые глаза, черные ресницы дрожали, губы дрожали, передавая дрожь губам Романа...

И когда их лица разошлись, в сердце Романа ожило то, что он ждал многие годы. Чувство это он вряд ли мог выразить одним словом, человеческий язык не знал его, но язык сердца прекрасно знал.

Роман взял Татьяну за руку и посмотрел на батюшку. Тот кивнул им, блаженно улыбаясь.

Они повернулись и двинулись к выходу.

Шумно расступаясь, толпа пропустила их, и после церковной прохлады и полумрака они оказались в шумном, залитым солнцем мире.

Деревенские ребяташки, не допущенные в церковь, обступали их, две оборванные старушки, кланяясь до земли и желая счастья, протягивали руки за милостыней.

- Дорогу, дорогу новобрачным! - торжественно потребовал Красновский и, на ходу одарив старух медяками, махнул на ребяташек.

Молодые прошли к коляске, толпа двигалась из церкви за ними. Вавила, взобравшись на колокольню, зазвонил в колокол. Роман подал руку, Татьяна взялась за нее и, придерживая длинное шелестящее платье, поднялась в коляску. Опустившись на сиденье, она тут же посмотрела на Романа, словно убеждаясь, что он рядом и за эти мгновенья с ним ничего не случилось.

Он поднялся по ступенькам коляски и сел рядом с ней.

Сейчас же следом влез, нещадно колыша коляску, Красновский и, плюхнувшись напротив новобрачных, выдохнул:

- Ух! Славно...

Аким, уже проворно взгромоздившийся на козлы, смотрел на молодых, сияя белыми зубами и оглаживая густую бороду.

Гости шумно рассаживались по коляскам, окруженным крестьянскою толпой. Отец Агафон с дьяконом стояли на пороге храма, щурясь на солнце и блестя облачением.

Антон Петрович привстал в коляске и громко обратился к народу:

- Православные! Соотечественники! Сегодня праздник для всех! Празднуем всем миром, без всяких пределов! Всех прошу к нам, всех, без исключения. Пир горой! Ура!

- Ураааа! - закричали крутояровцы.

- Батюшка, дьякон! - крикнул Антон Петрович, - Без вас не начнем!

Поспешайте!

Толпа шумела, отец Агафон улыбался и, крестя толпу, кивал

головой. Антон Петрович, повернулся в коляске к новобрачным:

- Аким! Аллюр два креста! С Богом! Марш, марш!

- Огого!!! - закричал Аким, с размаху вытягивая лошадей кнутом.

Широкогрудый вороной жеребец, запряженный коренным, вздрогнул всем своим лоснящимся на солнце телом и, грозно всхрапывая, рванул коляску с места; две серые в яблоках пристяжные, присев и склонив на бок красивые головы, рванули вместе с ним. Коляска понеслась, звеня бубенчиками расписной дуги, увитой фиолетовой лентой.

Вслед за коляской с новобрачными тронулся весь свадебный поезд.

- Ну, слава Богу, слава Богу! - радостно перекрестился Красновский, придерживая шляпу, - Как я волновался, милые мои! Я на своей свадьбе так не волновался, как теперь в церкви!

- Все позади! - ответил Роман сквозь шум несущейся коляски и, улыбнувшись, посмотрел на жену. Татьяна просто и легко улыбнулась и подняла руку с обручальным кольцом.

- Слава Богу! Слава Богу! - качал головой Красновский, - Теперь, как наши предки говорили, - и погулять не грех! Но как я волновался, когда венец держал! Милые мои! Вообразите Татьяна Александровна, держу, а сам думаю - а как уроню, что тогда? Ну да выдержал! Аким, гони, гони, родимый!

Коляска неслась по дороге к дому Воспенниковых.

"Вот я и женился!" - подумал Роман и сжал руку Татьяны.

- Вот я и вышла замуж! - шепнула она ему на ухо.

Он посмотрел в родные полные радостного умиротворения глаза и прижал ее пальцы к своим губам.

А впереди уже показались липы, дорога пошла круто в гору, знакомые кусты и холмики мелькали вокруг.

Подхлестываемые Акимом, лошади легко преодолели подъем, пронеслись мимо лип, и уже готовы были на всем скаку врезаться в дом, как смуглые руки кучера беспощадно натянули вожжи:

- Прррр! Стоять!!!

Храпя и тряся разгоряченными головами, тройка остановилась и вслед за ней стали подъезжать и останавливаться остальные тройки. Красновский первым сошел на землю, а новобрачные, встав с сиденья и держась за руки, смотрели на дом и на преобразившийся вокруг него ландшафт. Окна и двери дома были гостеприимно распахнуты, все в нем дышало ожиданием торжества. Оконные переплеты были сняты с террасы и на ней - непривычно открытой, словно на театральной сцене, стоял большой, белый, утопающий в цветах и хрустале стол. Прямо перед террасой на зеленой траве луга стояли, сдвинутые в два ряда, штук двадцать крестьянских столов, сплошь уставленных бутылками с водкой, вином и закусками.

Более десяти по-праздничному одетых крестьянок, минуту назад

подобно рабочим пчелам сновавших в доме и у столов, теперь полукольцом стояли у крыльца, держа что-то. Роман смотрел на все это, и знакомое чувство гордости за этот простодушный, спорый на работу и на праздники народ, наполнило его.

И как уже случилось в подобные мгновения, он со всей остротой почувствовал себя русским, роднясь в душе и с этими девушками, и с друзьями, и с родными, и с той толпой простых крестьян, которых ожидали эти сдвинутые столы.

"Русские! Как хорошо, что все - русские," - восторженно думал Роман, сходя на землю и подавая руку жене, - "Я русский и она русская. И девушки, и Дуролом. И эта трава, и этот дом, и небо... Все, все русское!"

И по русской траве, в сопровождении родных и друзей они пошли к крыльцу. Девушки тоже двинулись навстречу новобрачным и встретили их у крыльца. Все двенадцать девушек были в ярких праздничных сарафанах, одна из них держала на расшитом рушнике пшеничный каравай с маленькой деревянной солонкой в центре. С поклоном она передала каравай Роману и сразу же девушки запели звонкими голосами Величальную.

Несмотря на большой размер, каравай оказался легким.

Роман поцеловал его золотистую поверхность, еще хранящую теплоту печи, и передал Красновскому.

Свет-соколик, да разудалый!
Ты пригрей, приласкай голубицу,
Ты призри, да покой непорочну,
Проведи ее, да во светелку!
Наглядись да на жену, на молодую,
Успокой ее сердце ретивое!

Продолжая петь, девушки расступились и образовали коридор, подняв руки с цветами хмеля.

Роман взял Татьяну за руку и повел в этот поющий коридор. Девушки стали осыпать новобрачных цветами.

Не красны щеки тихой голубицы,
Яко мелом, да белены-белены!
Ни жива, ни мертва да во светелке
Поневаж тепло сердушко немеет!
А любить, да полюбить молодицу.
А лелеять, да беречь крепо-зельно!

Песня, цветы с дурманящим запахом, сарафаны, Татьяна рука, - все было прекрасно, от всего веяло светлым духом русского праздника, все было родным.

"Господи, как славно! Слава Тебе, Господи!" - молился про себя Роман, поднимаясь по ступеням крыльца.

- На террасу, друзья мои, сразу к столу! - подсказал им сзади Красновский, но Роман, оказавшись в прихожей, повернул к жене и, взяв ее за руки, сказал:

- Пойдем... я должен сказать тебе.

И быстрым движением увлек ее за собой наверх по лестнице.

- Ромушка... - забормотал Красновский, - Как же?

Но старая лестница только громко скрипела под ногами новобрачных.

- Успокойтесь, друг мой, - тетушка взяла растерявшегося шафера под руку, - Les mariages se font dans les sieux. Пойдемте, они к нам выйдут.

И повела Красновского на террасу. Остальные последовали за ними. Роман провел Татьяну к себе в комнату и, опустившись перед ней на колени, стал целовать ее руки.

- Люблю, люблю тебя... - шептал он.

Она же, глядя на него сверху, произнесла тихо и радостно:

- Я жива тобой.

Он замер, встал и, сжав ее руку, произнес, так, словно боясь, что она уйдет:

- Подожди, подожди...

И тут же бросился к конторке, выдвинул ящик и достал маленькую сандаловую шкатулку. Шкатулка была заперта, хоть в ней и не было замочной скважины.

- Это шкатулка моей покойной матери, - сказал он, - Смотри...

Его палец нажал на треугольник резного узора и с мелодичным перезвоном крышка шкатулки откинулась. Внутри был футляр красного бархата, занимавший почти все пространство шкатулки. Под футляром, на дне что-то белело.

Роман достал футляр и протянул шкатулку Татьяне:

- Возьми. Это письмо тебе.

На дне шкатулки лежал конверт.

- Мне? - робко спросила Татьяна.

- Да. В нем все написано.

Татьяна вынула конверт, перевернула и прочла надпись на нем: "Супруге Романа Алексеевича Воспенникова."

Конверт был запечатан.

- Вскрой, - сказал Роман, - Это писала моя мама перед смертью.

- Когда она умерла?

- Давно. Мне было тогда восемь лет.

Татьяна распечатала конверт, вынула сложенный пополам листок голубой бумаги и, волнуясь, прочла вслух:

"Прости меня, милое дитя, за то, что обращаюсь к тебе, не зная твоего имени, хотя верю всем сердцем любящей матери, что оно прек-

расно. Один Бог знает, как хочется мне видеть вас и радоваться вашему счастью, но тяжелый недуг не оставляет надежд, - скоро, милое дитя мое, я предстану перед Господом и будут молиться за вас в мире ином. Знай, дорогая моя, что я люблю тебя всей душой, как родную дочь, и буду вечно благословлять ваш брак. Прими же, ангел мой, сей скромный подарок в знак моей любви и в честь твоего вступления в новую жизнь.

Александра Воспенникова."

Татьяна прочла последнее слово и подняла глаза. В них блеснули слезы. Роман открыл футляр, в нем лежало прекрасное жемчужное ожерелье. Разъединив золотую застежку, Роман одел ожерелье на шею Татьяне.

Она же держала письмо в руках и полными слез глазами смотрела на Романа. Вдруг глаза их встретились, ее губы дрогнули и она, разрыдавшись, бросилась к нему на грудь. Роман обнял ее и тоже не сдержал слез.

Они плакали, вздрагивая и прижимаясь друг к другу.

- Значит и ты... значит и ты знаешь это... - всхлипывала Татьяна, - Она умерла.. и ты тоже сирота, как и я...

- Да, милая, да, любовь моя...- плакал Роман, - Я тоже сирота, я тоже знаю это... но я думал... я думал о тебе, все время, я хотел быть там... с тобой, в горящем доме и умирать с тобой...

- Милый мой... счастье мое... - рыдала Татьяна.

Он опустился на колени и припал мокрыми от слез губами к ее рукам. Но она тоже опустилась на колени и плакала, обняв его.

- Они не дожили... они так хотели увидеть, - повторяла сквозь слезы Татьяна, - Они хотели... хотели нашего счастья, мечтали о нем... и не дожили...

- Они с нами, радость моя, они навсегда с нами, - плакал Роман.

Обнявшись, они стояли на коленях и слезы текли по их лицам. А из открытого окна уже слышался говор людской толпы, подошедшей за это время к дому.

Успокоившись, Роман провел ладонями по милым щекам любимой, отирая слезы. Она смотрела, словно не видя его, но в то же время, отдаваясь ему вся, без остатка.

- Я нашел тебя,- прошептал Роман, - Я нашел тебя.

- Я жива тобой, - прошептала она.

- С тобой я могу все. Я умру и воскресну с тобой.

- Я жива тобой...

- Ничто, ничто не разлучит нас, ничто и никто не помешает нашей любви. Ни смерть, ни Бог...

- Я жива тобой, милый мой...

- И я, я жив тобой, родная, я спал, и вот я ожил, ожил с тобой и я... я люблю тебя так, как не любил никого. Даже Бога.

- Я жива тобой, я жива тобой...

Он взял ее раскрасневшееся лицо в ладони и стал покрывать поцелуями. В дверь осторожно постучали.

- Татьяна Александровна, Роман Алексеевич! - раздался голос Красновского, - Русский народ вас требует! Без вас начать не можем!

Но Роман продолжал целовать жену, не обращая внимания. Красновский пробормотал что-то у двери и заскрипел половицами, удаляясь.

- Нас ждут, - прошептала Татьяна, сияясь улыбнуться под его поцелуями.

Он перестал ее целовать и радостно улыбнувшись, произнес:

- Господи... а я только сейчас вспомнил, что внизу свадьба!

- Наша свадьба! - выдохнула Татьяна и рассмеялась облегченно и радостно.

Роман поднял ее с колен.

- Пойдем. Они ждут нас.

- Пойдем! - ответила она, волнуясь и давая ему руку.

Выйдя из комнаты, они спустились по лестнице и вошли на террасу.

Едва сидящие за столом увидели новобрачных, как стали вставать со своих мест.

- Ура молодым! - крикнул Антон Петрович, и после разногосья разместившихся на террасе друзей и родственников через несколько секунд вдруг ожило, накатило извне, подобно морскому прибою, густое народное "ура-а-ааа!" Новобрачные повернулись к этому звуку и увидели на лугу перед террасой все население Крутого Яра.

Подобно разноцветному морю, разлилось оно от кустов сирени, растущих возле террасы, до вековых лип аллеи, потопив те два десятка столов со снедью.

Роман смотрел, не веря своим глазам. Никогда еще эти простые люди, жившие с ним по соседству, не являлись ему все сразу и, главное, - здесь, у родного дома, под родными окнами!

С шумным оживлением они смотрели на новобрачных, все лица их были знакомы Роману и каждый из них знал Романа и Татьяну.

И от понимания того, что все это людское море собралось здесь только из-за свадьбы, из-за Татьяны, из-за только что начавшейся новой жизни, из-за двух молодых, неистово бьющихся и замирающих сердец, из-за восторга поминутно встречающихся глаз и из-за их с Татьяной счастья, в душе Романа ожило, поднялось и нахлынуло, подобно только что нахлынувшей волне крестьянского ура, чувство братской любви к этим людям.

И это чувство оказалось настолько полным, праведным и глубоким, что вызвало у Романа не восторженные слезы, как случалось прежде, а то новое понимание правды, ради которого он приехал в Крутой Яр.

И новое это понимание правды светилось в его глазах, встретившихся с сотнями крестьянских глаз.

- Неужели здесь все? - осторожно спросила Татьяна.
- Все! Все! - громогласно ответил Антон Петрович, обходя стол, -
Все сорок два семейства нашего славного селения приветствуют вас!
Крестьяне одобрительно зашумели.

Антон Петрович шагнул с террасы на траву и подмигнул тетушке.
Она последовала за ним.

Только теперь Роман заметил, что за кустами сирени стоит их старый рояль. Тетушка подошла к нему, приподняла крышку и села. Антон Петрович встал на траве между террасой и толпой крестьян.

Все притихли.

Тонкие пальцы Лидии Константиновны коснулись пожелтевших клавиш, прозвучало вступление эпиталамы и над лугом раздался бас Антона Петровича:

Пою тебе, бог Гименей,
Ты соединяешь невесту с женихом!
Ты любовь благословляешь!
Ты любовь благословляешь!
Пою тебе, бог новобрачных!
Бог Гименей! Бог Гименей!

Он пел с такой силой и вдохновением, что все замерло вокруг и только его густой сильный голос парил над лугом, толпой, липами и простершимся внизу Крутым Яром, парил свободно и широко в голубом просторе июльского неба.

Счастье, счастье - блаженство новобрачных!
Пою тебе и призываю,
Бог Гименей! Бог Гименей!
Эрот, бог Любви, путь их освящает,
Венера предлагает чертоги им свои!
Слава и хвала Гриде и Нерону!
Слава и хвала Гриде и Нерону!
Пою тебе, бог Гименей!
Бог Гименей! Бог Гименей!

Он кончил так же широко, сильно и неожиданно, как и начал, и гул крестьянского одобрения смешался с аплодисментами на террасе.

Поклонившись толпе и террасе, и переведя дух, Антон Петрович встал в профиль к тем и к другим, и заговорил:

- Друзья мои! Я рад приветствовать всех вас, оказавших своим присутствием честь нашему дому! Сегодня праздник всех праздников - день соединения двух любящих сердец! Только что обручены и обвенчаны на наших глазах две чудесные молодые души, достойные вечного счастья!

Они прекрасны в своем неземном чувстве и, я бы сказал даже, что они божественны...

Он посмотрел на новобрачных и продолжил:

- Да! Они божественны, ибо их божественная любовь сделала их таковыми! Взгляните на них! Давно ли вы видели подобную чистоту и искренность? Радость и простоту? Сердечную воспламененность и духовное величие? Признаюсь вам откровенно, за свою долгую бурную жизнь я не встречал пары более достойной титула божественной! Они божественны в своей любви! Так воздадим же нашу радость этим юным божествам, люди русские, воздадим по обычаю наших предков! Ура!

И снова прибой многоголосья накатил с луга и утопил террасу с гостями, закричавшими "свое ура!"

- Ура! Ура! Ура! - кричал Антон Петрович, подняв кверху руки, - Праздновать всем миром! Всем миром. К столам! К бокалам, друзья!

С шумом все стали садиться, пропустив в центр стола новобрачных. Крестьяне оживленно рассаживались по лавкам за своими столами, некоторые садились прямо на траву или на деревянные комелья.

Но не успели наполниться бокалы и стаканы, как послышался шум коляски и подъехали Федор Христофорович с дьяконом и звонарем Вавилой.

- Ура священнослужителям! - закричал Антон Петрович! - Ура честным пастырям!

- Ура! - закричали все.

Среди всеобщего шума и оживления Роман посмотрел на сидящую рядом жену. Лицо ее светилось радостью и любовью ко всем.

- Тебе хорошо? - спросил он, сжав ее руку.

- Очень, очень! - произнесла она, - Какие они все чудесные, родные! Я всех их люблю!

Роман смотрел на нее, поражаясь и радуясь совпадению их чувств. А батюшку и дьякона уже вели под руки к столу, мужики расступались перед ними, кланяясь, некоторые бабы успевали приложиться губами к белой пухлой руке. Батюшка шел сквозь них в новой фиолетовой рясе с серебряным крестом на груди, белые волосы его и борода были тщательно расчесаны.

Смуглолицый дьякон, успевший переодеться в светское, следовал за ним, неся в руках огромный букет роз. А возле просторной коляски отца Агафона суетились Прошка, Филька и Вавила, вынимая из нее бочонки с водкой и корзинки со снедью.

- Спаси Христос! Спаси Христос! - повторял батюшка добираясь, наконец, до террасы.

- Федор Христофорович! Сюда! Сюда, скорее! - басил Антон Петрович.

- Феденька, а я уже волноваться начала! - громко говорила попадья, поднявшись со своего места и вся сияя от возбуждения и радости.

- Федор Христофорович, как вы служили, как чудно было в церкви!
Я плакала, как девочка! - говорила тетушка.

- Чудно, прелестно!

- Федор Христофорович, сюда пожалуйста!

- Ко мне, сюда, прошу!

Десятки рук поддерживали и направляли батюшку.

Но батюшка двинулся к молодым.

- Танюша, голубушка, - он поцеловал Татьяну, - Счастья, счастья тебе и детушек малых Богу на радость, нам на умиление. Спаси Христос вас... Ромушка!

Он стал целовать Романа:

- Счастья, счастья тебе, сокол ты наш ясный! Высмотрел ты голубицу себе пригожую, так теперь лелей-береги ее, пуще ока, молись за ее здоровье, а мы, старики, за вас помолимся! Кузьма Егорыч! - повернулся он к дьякону, - Что ж ты не поздравляешь голубков наших?!

Но дьякон уже целовал руку Татьяне, предварительно свалив ей на грудь букет. Утопая в розах и не зная, что делать с букетом, она беспомощно улыбалась.

- Чувствительно рад поздравить, - произнес низким голосом дьякон, чопорно пожимая руку Роману.

- Господи, Боже наш, послал нам радость на склоне дней наших! - бормотал отец Агафон, вытирая выступившие слезы.

- Только без минора, Федор Христофорович! - посоветовал Красновский, осторожно забирая букет у Татьяны, - Позвольте Татьяна Александровна...

Наконец батюшка был усажен между попадшей и Надеждой Георгиевной, дьякон опустился на стул рядом с Амалией Феоктистовной и Ильей Спиридоновичем, все сели, а трое молодых парней в красных рубахах подошли и стали наполнять бокалы шампанским. Среди крестьян пошли по рукам бутылки с водкой.

- Шампаня! Шампаня, друзья мои! - любуясь пенящимся вином, Антон Петрович поднял бокал и стал сам подниматься, но Красновский решительно махнул рукой:

- Антон Петрович! Я начинаю, не ломай ритуала!

- Антоша, помилосердствуй! - воскликнула тетушка, - Нельзя быть столь эгоцентричным!

- Подчиняюсь, подчиняюсь! - Антон Петрович опустился на стул.

Красновский встал с бокалом в руке, молча обвел всех взглядом маленьких, блестящих от возбуждения глаз, и заговорил громче обычного:

- Друзья! Я предлагаю поднять бокалы за здоровье новобрачных!

И все сразу стали вставать и потянулись бокалами к Татьяне и Роману. Держа свои бокалы, новобрачные протянули их вперед и сразу же хрустальный перезвон разнесся по террасе, а вместе с ним зазвучали

поздравления:

- Счастья вам, Ромушка, счастья, Танечка!
- Поздравляю!
- Имею честь поздравить!
- Счастливой семейной жизни, дети мои!
- От всего сердца поздравляю!
- Пью за ваше здравие, дорогие Татьяна Александровна и Роман

Алексеевич!

- Искренне рад поздравить вас!
- Поздравляю, Танечка, поздравляю, Роман!
- Крепкой семьи вам и всех благ!
- Рад поздравить! Рад поздравить!
- От всей души поздравляю и пью за ваше здоровье!

А на лугу крестьяне тоже повставали со своих мест со стаканами в руках и до террасы долетели их голоса:

- Ох, слава Тебе, Господи, за ваше здорovie!
- Сладкой свадебки, да славных детушек!
- Поздравляю, Роман Лексеич!
- Жить поживать, да и добра наживать!
- Помилуй вас Бог!
- Таперича и живитя вместе Богу на радость!
- За здравие женишка, да невестки!
- Ох, то-то радости-то!
- Храни вас Божья Матерь!

Среди этого разнобоя голосов вдруг прорезался глухой сильный голос Дуролома:

- На слави! На слави Божье! На радость Отечеству! На почтение родительское. На родопродолжительность богоугодное во имя Отца и Сына и Духа Святаго ныне и приисно и во веки веков!

Все стали пить.

Роман, поднес бокал к губам и с наслаждением выпил свое любимое вино.

Ему было так хорошо, что в душе его вдруг возникла и укрепилась некая самостоятельная часть его Я, от радости сомневающаяся в реальности случившегося и продолжающегося чуда, и он, уверовавший всем сердцем в подлинность этого чуда, ежесекундно доказывал этой сомневающейся части подлинность всего происходящего, заставляя ее смотреть на все своими верящими глазами, давая тем самым душе новый приток радости.

"Нет, нет, это все не сон!" - повторял он про себя, видя, как осторожно пьет из бокала Татьяна, как нежно содрогается от глотков ее шея, как подрагивают ресницы, - "Смотри, какая она, как чудесно пьет она, как чудесно отводит бокал от губ, как чудесно улыбается, глядя на всех, и как чудесно сейчас посмотрит на меня"...

Она посмотрела не него.

- Я люблю тебя! - оказал он ей.

- Я жива тобой! - ответила она.

Руки их встретились сами собой. Крутом, после выпитого шампанского все шумно переговаривались, а Роман и Татьяна застыли, взявшись за руки и глядя в глаза друг другу.

- Так, так! - громко произнес Красновский, запихивая себе за ворот край салфетки и склоняясь над тарелкой, в которую заботливые руки Надежды Георгиевны уже успели положить самых разнообразных закусок.

- Так, так! - продолжил он, разглядывая содержимое тарелки, - А что же это у вас, душенька, Лидия Константиновна, все горькое?

Соседи по столу, уже с аппетитом приступившие к закуске, удивленно подняли головы.

- В каком смысле, Петр Игнатьевич? - непонимающе спросила тетушка.

- Да в том смысле, что есть ничего нельзя! Семга, икра, ветчина - все такое горькое, что и в рот не лезет!

Его нарочито громкий голос заставил всех сидящих за столом недоумевающе притихнуть.

- Как это? - бледнее опросила тетушка, - Позвольте... почему?

- Да потому что... - Красновский укоризненно покачал своей круглой плешивой головой и вдруг закричал изо всех сил, затрясшись и мгновенно побагровев лицом, - Горрькаааа!!!

Все застыли и на террасе, и на лугу, а через мгновение десятки голосов закричали на разные лады:

- Горько! Горько!

С каждым криком к ним присоединялись все новые и новые голоса и вскоре вся масса собравшихся людей кричала в такт это короткое емкое слово, без которого не обходится ни одна русская свадьба.

- Горькоооо! Горькоооо! Горькоооо! - кричали гости на террасе, глядя на молодых, продолжавших стоять, взявшись за руки.

- Горрькаааа!! Горрькаааа!!! Горрькаааа!! - кричали крестьяне на лугу, привстав со своих мест.

Почувствовав, что все смотрят на них, Роман отвел глаза от жены и оглянулся.

"Они хотят чтобы мы поцеловались. Неужели они все хотят чтобы мы поцеловались?!"

Он посмотрел на Татьяну.

"Что же делать?" - спрашивали ее глаза, - "Неужели надо непременно целоваться?"

Щеки ее заалели, она опустила ресницы.

- Горькаааа!! Горькаааа!! Гоооорькааааа! - гремело вокруг.

Роман сжал руку Татьяны. Подняв ресницы, она посмотрела ему в

глаза. Взгляд ее был робким и умоляющим.

"Неужели целоваться?" - говорили ее зеленые глаза, - "Это так страшно, когда все смотрят!"

"Они хотят, чтобы мы поцеловались!" - ответили глаза Романа.

"Сейчас? Нет! Это так страшно!"

Но Роман уже стал приближать к ней свое лицо.

"Ах, нет, нет!" - умоляли ее глаза.

Он коснулся губами ее губ. Они были прохладными.

Он почувствовал, как вздрогнула она, всем существом своим доверчиво отдаваясь ему. Он же не целовал ее, а лишь прижался своими губами к ее губам и стоял так под еще усилившимся криком гостей, словно защищая ее от этого крика. Прошлое долгое мгновение, показавшееся Роману вечностью, и он так же медленно отстранился от лица любимой.

Теперь это лицо было совсем другим: в чертах его не было и тени испуга и робости, и оно все светилось, как в церкви, светом благодати. "Господни, что за чудо она!" - восхитился в душе Роман, не выпуская ее руки.

Крики стали стихать.

- Я люблю тебя! - прошептал Роман, чувствуя в сердце знакомую волну любви и умиления.

- Я жива тобой! - прошептала она.

Слезы выступили на глазах Романа.

"Господи, так совсем невозможно!" - с беспокойством подумал он, - "Здесь все смотрят, а я все время реву, как мальчишка!"

Кругом все оживленно переговаривались, скрипели стулья, звенели приборы.

"Надо чем-то отвлечься", - думал Роман, садясь и пряча свои глаза, - "Совсем потерял контроль над собой. Это не по-мужски..."

- Эх, друзья, мои! - заговорил Антон Петрович, - Ежели вы не воздадите должное сиим прелестям чревоугодия, я сочту себя смертельно оскорбленным!

Но гости и не собирались наносить дядюшке оскорбления, разговоры смолкли, все с аппетитом ели.

"Надо поесть", - подумал Роман, - "Это поможет успокоиться".

Сморгнув слезы, он обвел взглядом тесно уставленный стол.

Каких только закусок не было здесь!

Копченая и заливная осетрина, черная икра, нежнейшая ветчина, семга, буженина, поросенок с хреном, соленые грибы разных сортов, салаты, винегреты, горячие мясные и рыбные закуски и, конечно же, неизменные "староверские" моченые яблоки.

Роман потянулся к своим любимым раковым шейкам в томатном соусе, но вдруг заметил, что Татьяна совсем не ест, а лишь смотрит на него, тихо улыбаясь.

- Любовь моя, тебе надо подкрепить свои силы, - обратился он к ней, - Ты не спала ночь и столько пережила сегодня. Съешь что-нибудь.

Улыбаясь, она покачала головой:

- Отчего же ты отказываешься? Смотри, какое изобилие, и это все для нас с тобой.

Но она снова покачала головой, не смея ни к чему прикоснуться.

- Антоша, Петр Игнатьевич! - обратилась к ним тетушка, - Поухаживайте за молодыми, мне кажется, они несколько растерялись.

- Растеряешься поневоле от такого крика! - усмехнулась Красновская.

- Нет, друзья, обычай - великая вещь! - заговорил Антон Петрович, - А коль мы празднуем с народом, так надобно все делать по-народному!

- Ты, Антоша, совсем уж по-мужицки заговорил! - встала тетушка и все засмеялись.

- А я не стыжусь, душа моя!

- Иной мужик профессора за пояс заткнет! - поддержал Красновский, хлопоча вокруг тарелки Татьяны.

- Не вас ли, Петр Игнатьич, за пояс затыкать будут? - спросила тетушка и новый приступ смеха овладел всеми.

- Дорогая, Лидия Константиновна, меня с моей комплекцией трудненько заткнуть за пояс! - парировал под общий смех Красновский.

- Ну, это уж от мужика будет зависеть, а не от вас! - ответила тетушка.

- Особенно, если Надежда Георгиевна поделится опытом с этим мужиком, - осторожно вставил Рукавитинов, - Опыт по затыканию за пояс профессоров.

Всеобщий хохот сотряс террасу.

- А-ха-ха-ха! - хохотал Антон Петрович, - Эка! Вот вам и *gaudeamus igitur!* А-ха-ха!

- Ничего, Николай Иванович, еще сочтемся! - пообещал Красновский.

За это время он успел нагрузить тарелки молодых различными закусками.

- Друзья мои, вам необходимо подкрепиться, - обратился он к ним, - Подумайте о своем бесценном здоровье и поймите, что не духом единым сыт человек. Татьяна Александровна, особенно это вас касается!

Он поцеловал ее руку:

- Давайте, дорогие мои, не впадать в крайности. Вы же не индусские йоги, в конце концов!

- Танечка, вы непременно должны попробовать моего поэтического салата! - оживленно говорила тетушка.

- Раковых шеек, Рома! - качал головой, жуя, Антон Петрович, - Это вершина кухмистерского мастерства!

- Поросеночка, поросеночка покушайте! - советовала попадья.

- Рекомендую заливное, - басил дьякон.
- Гребешочки, гребешочки петушинные во сметанке! - качал головой, зажуясь Федор Христофорович, - Сладость несказанная!
- Рыжиков попробуйте - во рту тают! - советовала Амалия Феоктистовна.

- Все, все они попробуют! - успокаивающе поднял руку Красновский, - Только не насилуйте! Демьянова уха нам не к стати!

- Нам, брат, здесь любая уха к стати! Даже уха из петуха! - засмеялся Антон Петрович и вместе с ним засмеялись все.

Роман взглянул на Татьяну, которая все так же улыбаясь и, опустив глаза, смотрела в свою тарелку, нагруженную сердобольным Красновским.

"Что же это такое?" - казалось, спрашивали ее глаза, - "Как это называется, и что мне делать с этим?"

Роман, хотел было опять посоветовать ей съесть что-нибудь, но молчал, поняв, что это все равно, что предлагать ангелу вкусить земной пищи.

Парни в кумачовых рубахах подошли с шампанским и стали наполнять бокалы. Едва вино вспенилось в бокале Красновского, он быстро встал и, подняв бокал, произнес, поворачиваясь ко всем:

- Друзья! В далекой и прекрасной Грузии есть замечательный обычай. Когда там играют свадьбу, то избранный старейшинами тамада, то бишь человек, председательствующий за столом и говорящий тосты, обязан сказать свой лучший тост не о женихе и невесте. А о ком бы вы думали?

- О себе самом! - подмигивая, подсказал Антон Петрович.

- Ни в коем случае. Свой лучший тост он обязан сказать о родителях той половины, которая пришла в гости. То есть, если свадьба справляется в доме жениха, то надо посвятить этот тост родителям невесты, а если в доме невесты - тогда родителям жениха. Поскольку у нас свадьба в доме жениха, а я, так сказать, тамада...

- Хоть и ни кем не избранный! - буркнул Антон Петрович.

Петр Игнатьевич погрозил ему пальцем и продолжил:

- Да. А я, стало быть, тамада, то следовательно тост мой будет посвящен вам, многоуважаемый Адам Ильич.

Куницын встал с бокалом в руках. Лицо его было радостным и торжественным, солнце сверкало на погонах и регалиях мундира.

Все притихли.

- Многоуважаемый Адам Ильич, - начал Красновский после небольшой паузы, - С тех пор как Господь создал род человеческий и сказал нам: плодитесь и размножайтесь, мы, простые смертные, честно исполняем этот завет. Встречая свои половины иного пола, мы соединяемся с ними брачными узами, сочетаемся и порождаем на свет потомство, пополняя тем самым род человеческий. И это продолжается

изо дня в день, от века к веку. Это замечательно, потому что это естественно. Замечательны и достойны высочайших похвал люди, производящие на свет потомство и пополняющие свои семьи. Но сейчас я хочу обратить внимание собравшихся не на эту огромную часть человечества, составляющую, вероятно, девять десятых всех смертных, а на другую, совсем небольшую часть, на оставшуюся одну десятую, состоящую, однако из людей удивительных. Эти люди удивительны и высоки тем, что пополняют свои семьи не обычным, так сказать, греховным путем, как все остальные девять десятых, а безгрешно, минуя плотскую страсть, коей все мы с вами подвержены. Да! Их дети безгрешны, потому что родители не р о ж а л и их, а брали от мира и растили, как своих родных. Эти бедные сиротки обретают в лице новых родителей не просто родителей, а нечто большее. Они обретают в е р у, н а д е ж д у, л ю б о в ь. Да, друзья мои! Нет в нашем мире ничего дороже беспорочной отеческой любви к малым мира сего! Нет ничего чище этой любви! Эта любовь достойна жизни вечной. Когда бедные малютки по воле рока остаются сиротами в нашем беспощадном мире, они напоминают мне крохотных птенцов, выпавших из гнезда в бурную реку. Ревущий поток несет их и, кажется, что нет спасения и гибель близка. Но Господь посылает им спасителей! Надежные и нежные руки выхватывают их из стремнины, добрые сердца согревают их и берут под защиту. Что может быть благородней в нашем мире пошлости и коварства?! Есть, есть благородство, и не перевелись еще благородные люди! И такой благородный человек среди нас. Это Адам Ильич Куницын. Вам, досточтимый Адам Ильич, посвящаю я тост свой! Вашей беспорочной отеческой любви, вашему мужеству и благородству! И прежде, чем выпить за здоровье ваше, поклонюсь я вам, как всегда склонял голову перед Любовью, Истиной и Добром!

Поставив бокал, он поклонился.

- Bravo, Красновский! - серьезно оказал Антон Петрович, поднимаясь с бокалом, - За здоровье Адама Ильича!

Мужчины стали вставать со своих мест. Адам Ильич по-прежнему стоял с бокалом в руке. По щекам его текли слезы.

Подрагивающей рукой он стал поднимать бокал, но потом, неловко выйдя из-за стола, двинулся к Красновскому.

Петр Игнатьевич, в свою очередь, направился к нему. Встретившись, они обнялись и трижды поцеловались, плеча шампанским из наклонившихся бокалов.

- Спасибо, спасибо, голубчик... - бормотал Адам Ильич.

- Спасибо, вам, дорогой! - говорил Красновский, - За Таню, за добро! Спасибо!

- Ну, Петр Игнатьич, ну златоуст наш! - бормотал отец Агафон, вытирая слезы, - Так сказать! Царица Небесная, так сказать, по-божески, по-христиански! У меня сердечко так и сжалось, а вот и слезоньки теперь

текмя-текуг...

Попадья тоже прослезилась и вытирала глаза батистовым платочком.

- За здоровье Адама Ильича! - громогласно повторил дядюшка и все стали чокаяться с Кунициыным.

Крестьяне, повставав со своих мест, подняли наполненные водкой и вином стаканы и принялись пить, запрокидывая назад стриженные в кружок головы.

Роман с наслаждением выпил шампанского, речь Петра Игнатъевича ему понравилась, как нравилось все, что происходило вокруг. Татьяна тоже пригубила вино. Во время тоста она была бледна и сидела, опустив глаза.

- Мда, не думал, что наш Петруша может так вдохновиться, - качал головой под общий шум Антон Петрович, с неторопливостью, возвращаясь к закуске.

- Mon cher, он жрец храма науки, - возразила ему тетушка, - Складно говорить умеет.

- Мда. Молодец, - пробормотал Антон Петрович, - Ну, да ничего, мы тоже выступим, мало не покажется...

Красновский, между тем, усаживался за стол.

- Ну, что, Антон Петрович, гожусь я в тамады? - с довольным видом спросил он.

- Еще бы! - ответил дядюшка.

- Прелестно, Петр Игнатъевич! - сказала тетушка, - Вы просто Демосфен!

- Петр Игнатъевич, поздравляю, - вежливо наклонил седую голову Рукавитинов, - Прекрасный тост.

- Очень правильно сказано, - откликнулся дьякон.

- Ну, а коль правильно... - Антон Петрович поднял графин с водкой, - Так и выпить за то не грех!

Привстав, он принялся наполнять рюмки.

В это время попадья подошла к Татьяне и, склонившись к ней, тихо заговорила:

- Татьяна Александровна, душенька, отчего же вы не покушаете ничего? У меня, на вас гляючи, сердце в груди стынет! Разве можно так себя испытывать? Вам же теперь о здоровьице думать надо, душенька вы наша! Съешьте, что-нибудь, не печальте нас! Батюшка, вон тоже печалится, все меня спрашивает: отчего это Танечка-то Александровна ничего не кушает? А я и подавно вся извожуся, боюсь за вас! Голубушка, вы поглядите, какие кушанья-то хорошие кругом, ведь их православные добрые руки готовили в честь вашего праздничка, а вы брезгуете, да стесняетесь. Покушайте, душенька, православные христиане вам спасибо скажут.

И улыбаясь всем своим добрым пухлым лицом, попадья отошла.

Роман, слышавший все, заметил, что на Татьяну увещевания попадали действовали благотворно: она совсем по-детски заулыбалась и расправила плечи, словно стряхивая с них былую скованность. Весело переглянувшись с Романом, она взяла вилку, проколола ей шляпку маленького, аппетитного груздя и отправила в рот.

- Отлично, отлично! - воскликнул Антон Петрович, - Татьяна Александровна, разрушайте, разрушайте эти косные обычаи! Невеста, а тем более, жених должны есть наравне со всеми, и я первый брошу курицей в того, кто скажет обратное! Роман Алексеевич, а ты что отстаешь? Воздай, воздай должное русской кухмистерии!

Романа не пришлось долго уговаривать: подцепив на вилку зажаренный в сметане петушиный гребешок, он отправил его в рот; гребешок оказался нежнейшим, слабо похрустывающим на зубах; за ним последовали: две раковых шейки, пропитавшиеся кисло-сладким томатным соусом, кусок заливной белуги, черная икра, салат из свежих помидоров, соленые волнушки и, наконец, нежнейший поросенок с хреном, солидный кусок которого положил Роману в тарелку Антон Петрович.

- Без поросятины, брат, мы тебя не выпустим! - басил он, сразу наливая ему большую рюмку водки и подмигивая Красновскому, который, понимаяюще кивнув, плюхнул неменьший кусок в тарелку Татьяны.

- Что вы, зачем же.. - беспомощно улыбнулась Татьяна, но Красновский тут же забормотал, накладывая ей белоснежного хрена:

- Татьяна Александровна, этот поросенок утом еще по травке бегал, а теперь вот изволил лежать на блюде, и приветствует вас. Видите, видите, как он подмигивает? Подмигивает и говорит - скушайте мой бочок, Татьяна Александровна, не пожалеете!

- Танечка, не отказывайтесь! - советовала тетушка, - Это прелесть, что такое.

- Не скромничайте, Татьяна Александровна, - заговорила Красновская, быстро управляясь со своим куском, - Здесь все свои, а поросятинка такая нежная, просто тает на языке...

- Да с хренцом, с хренцом! Мммм! - качал головой, быстро жуящий отец Агафон.

- Да и сметаночкой сдобрить можно, - советовала попадья.

- Все, все можно! - поднял свою рюмку с водкой Антон Петрович, - Но сперва - выпить! Выпить непременно!

- За здоровье жениха и невесты, - подсказал знакомый усталый голос.

Все повернулись и увидели Клюгина, стоящего в проеме двери, ведущей в прихожую. На нем был старый черный фрак с длинными фалдами, в руках он держал букет георгинов и продолговатую коробку, перевязанную бечевкой. Появление его было столь неожиданно, что

сидящие за столом замолчали и в полной тишине смотрели на фельдшера.

Только на лугу, у крестьян, было по-прежнему шумно и весело.

Не смутившись замешательства гостей, Ключин подошел к Татьяне и, протянув ей букет, произнес:

- Поздравляю.

Роману он положил на руку коробку, произнеся то же самое.

- Прошу простить меня за опоздание, - обратился он ко всем и в его голосе помимо усталости слышалась грусть.

- А вот и не простим! - первым опомнился Антон Петрович, берясь за горлышко графина и приподнимаясь с места. - Без штрафа не простим, Негг Доктор! Ну-ка, бокал, бокал сюда!

Кудрявый парень в кумачовой рубаше подошел с бокалом, стоящим на подносе.

Воспенников быстро наполнил его водкой:

- Вот этак-с... Извольте, Негг Доктор! Пришла пора платить по векселям!

Дядюшка кивнул головой, парень отошел и поднес бокал Ключину.

Все смотрели на фельдшера. Он молча взял бокал, поднес к губам, выпил, словно воду и, ничуть не поморщась, поставил на поднос.

- Bravo!! - тряхнул головой Антон Петрович, - Вот это по-русски! Просим к столу!

Все оживились и заговорили.

Ключин прошел мимо сидящих и сел в самом конце стола рядом с Валентином Евграфычем.

- Отлично, отлично! - повторял Антон Петрович, потирая руки и оглядывая стол, - Кворум есть, а посему надо непременно выпить под поросенка!

- Прекрасная идея! - воскликнул Красновский, - Только ты, Антон Петрович, сперва скажи что-нибудь. Считай, что я тебе передал рог тамады!

- Ну, брат, спасибо! - усмехнулся дядюшка под общее оживление, - Но только я по заказу говорить не умею. А посему скажу тогда, когда время придет! Теперь же тост мой будет краток:

- За здравие....

- Антона Петровича Воспенникова! - громко произнес Роман, вставая с рюмкой в руке.

Дядюшка стал было укоризненно качать головой, но этого тоста явно все ждали, поэтому тут же раздались одобрительные голоса:

- За Антона Петровича!

- Правильно! Давно уж пора!

- Здравие Антона Петровича!

- Пьем за твое здоровье, Антоша!

- Во здравие дорогого и желанного Антона Петровича!

- Будь здоров, Антон! Будь здоров!

Хор голосов заставил дядюшку смириться и, со счастливой улыбкой, со свойственным ему достоинством, он принялся чокаться со всеми, каждый раз склоняя свою красивую голову и громко говоря:

- Благодарю! Сердечно благодарю!

Крестьяне, заметив, что на террасе приветствуют Воспенникова, стали подниматься с наполненными стаканами в руках, голоса одобрения слышались среди них.

Вдруг какая-то баба, обходя крестьянские столы, стала пробираться к террасе, осторожно неся свой стакан с водкой. Роман сразу узнал в этой бабе Ротатику. Приблизившись к террасе, она подождала, пока ее заметят и, когда Антон Петрович повернулся к ней, заговорила своим высоким резким голосом, сильно волнуясь:

- Я вот тутова хочу вам оказать, благодетель ты наш, Антон Петрович, чтоб... и что спасибочко вам за то, что позаботились о погорельцах бедных, что и поспособствовали нам, храни тебя Господь, родной ты наш! Сама Бога за тебя молить буду и дитям своим прикажу, чтоб молились по гроб жизни! Спаси тебя Христос!

Она быстро поставила стакан на землю и тут же поклонилась в ноги Антону Петровичу.

- Спаси Христос! Дай Бог здоровья! - слышались голоса крестьян.

Антон Петрович подошел к краю террасы и, подняв рюмку, во весь голос произнес:

- Спасибо, честные труженики! Храни вас Бог!

Слова эти вызвали настоящую бурю одобрения: каждый из крестьян захотел сказать что-то, и шум голосов заполнил все вокруг:

- Спасай Христос, спасай Христос!

- Сто лет тебе жить и не умереть!

- Дай Бог здоровьица, да достатку!

- Чтоб и долгие лета Антону-то Петровичу!

- Слава Отцу и Сыну и Духу Святу!

- Живи сто лет, Антон Петрович!

- Родной ты наш, живи не умирай!

Слушая этот неумолкающий хор, Антон Петрович расчувствовался и прослезился. Сняв пенснэ и заморгав, он постоял с проникнувшимся лицом, а потом, повернувшись к крестьянам, поднял руку.

Все разом смолкли, поняв, что он будет говорить.

- Дорогие мои, - прочувственно начал он после небольшой паузы, - Вижу, что любите меня, вижу, все вижу. Один Бог знает, как доволен я, что пришли вы сегодня сюда, ко мне в мой дом, чтобы разделить с нами огромную радость. Смотрю я на вас и вот что мне хочется сказать вам, сказать от всего сердца... - он помолчал и произнес сильно и громко, - Спасибо вам! Спасибо от меня и от всех сидящих на этой террасе! Спасибо за трудную крестьянскую долю, за ваш ежедневный честный труд, плодами которого мы все пользуемся! Вез вашего труда, без ваших

добрых и верных крестьянских рук не может обойтись Россия! Не может обойтись она и без ваших сердец, преданных своей Родине! Как великие Атланты, держите вы на своих трудовых плечах огромную Россию - матушку и верно служите ей! За великий труд сей, за преданность Отечеству спасибо вам, люди русские!

Он склонил седую голову.

- Ура, братцы! - выкрикнул Аким, - Ура Антону Петровичу!

- Ура! Урааа!! Урааа! - на все лады закричали крестьяне. Антон Петрович поднял рюмку, широким движением руки обвел кричащую крестьянскую толпу и эффектно опустошил рюмку. Крик, как по команде стих, и крестьяне, запрокинув головы, стали пить. На террасе все тоже вьпили и с аппетитом приступили к поросенку.

- Ах, смерть моя! - пробормотал Красновский, отправляя в рот солидный кусок, сдобренный хреном, - Ммм... с ума сойти...

- Господи, как все ладно и хорошо! - качал головой Антон Петрович, заправляя салфетку за ворот, - Все вместе, погода отличная, водочка из погреба... Эх! Кабы скинуть еще годочков двадцать! - он подмигнул Роману.

- Кабы тебе Антон Петрович, скинуть годочков.... даже не двадцать, а, скажем - пять, - бормотал, жуя Красновский, - То ты бы...мммм... сначала б всех нас смехом уморил, потом...

- Потом бы заставил мужиков петь "Хованщину"! - подсказала тетушка, - А потом...

- Вызвал бы Романа Алексеевича на дуэль! - со смехом подсказала Красновская.

- И застрелил бы, чтобы занять его место! - воскликнул Красновский.

Все засмеялись.

Антон Петрович, смеясь, покачал головой:

- Ну нет! Романа подстрелить мне б не удалось. Он сам кого хочешь подстрелит! А вот тебя, Петр Игнатьевич, я бы точно подстрелил!

- И куда же ты меня, позволь спросить, подстрелил бы? - поднял голову Красновский, - В сердце, в голову?

Антон Петрович выжидающе помолчал к громко оказал:

- В хлуп!

Все расхохотались.

Роман смеялся, откинувшись назад, и даже Татьяна рассмеялась, спрятав лицо в ладонях.

Крестьяне тоже смеялись, хотя многие не поняли о чем шла речь.

- За мной должок, мсье актер! - грозил пальцем Красновский.

Посмеявшись, все принялись за поросенка, и за какие-то десять минут от него осталась только голова, сжимающая в застывшей улыбке морковку. Роман заметил, что Татьяна совсем перестала стесняться и шаловливая детская улыбка то и дело озаряла ее лицо. Она попробовала

поросенка, запила его клюквенным морсом и, взявшись за руку Романа, смотрела во все глаза на происходящее. Большие часы на террасе пробили шесть.

- Так, так! - восторженно воскликнул Антон Петрович, - Все идет по-плану!

Он встал и, достав из кармана сиреневый шелковый платок, торжественно махнул им.

Тотчас же трое парней в кумачовых рубахах поспешили скрыться, а вслед за ними поднялись со своих мест и тоже заспешили куда-то те самые двенадцать девушек в сарафанах.

Антон Петрович остался стоять.

Гости на террасе смолкли. Крестьяне притихли, вертя головами и переглядываясь.

- Ага. Что-то будет! - пробормотал Красновский, поднимая палец.

В дверь, ведущую через прихожую на кухню послышалось движение и все повернулись к двери.

Двое парней в кумачовых рубахах, осторожно ступая, вынесли из двери длинный узкий поднос, на котором смог бы спокойно разместиться любой из присутствующих. На этом подносе лежал громадный осетр, запеченный на вертеле, а затем разрезанный на десятки кусков. Золотистые бока его, обложенные дольками лимона, окружал искусный венок из петрушки, сельдерея и усыпанных ягодами веточек красной смородины; огромную голову, с серебряным кольцом в носу, с маслинами вместо глаз, венчал узор из красной и черной икры.

Вид появившегося осетра был столь внушителен, что все несколько секунд молчали.

- Voilà! - крикнул Антон Петрович, и все зашумели, встали с мест, чтобы получше рассмотреть гиганта. Парни поставили поднос на два сдвинутых низких столика и перевели дух. Третий парень держал в руках большой фарфоровый соусник, полный белого густого соуса.

Вошли Аксинья, Настасья, Поля и Гаши и, под общий шум, принялись менять приборы.

- Автора, автора! - кричал Антон Петрович, - Где Никита? Где кудесник?

- Никиту, Никиту сюда! - кричал Красновский.

В двери показался худой высокий мальчик лет сорока в белом халате и высоком белом колпаке. Это был Никита, знакомый повар Воспенниковых, спешно привезенный Акимом утром из города. В гладко выбритом лице его было что-то детское и птичье, Никита всегда улыбался блаженной улыбкой.

- Bravo, bravo, Никитушка! - закричал Красновский, опередив Антона Петровича и через секунду все уже кричали "Bravo!", а Никита неловко, словно аист, поклонившись, приблизился к осетру, держа в левой руке серебряную лопаточку, а в правой - острый поварской нож.

- С молодых, с молодых начинай! - командовал Антон Петрович.

- Господи, и где же такого Левиафана выловили? - качал головой о. Агафон.

- Incredible! - восхищенно повторяла тетушка.

- Ну и ну! - удивлялась Красновская.

- Просто акула, - улыбался Рукавитинов.

Но не успел Никитина положить своей лопаточкой первый бело-розовый кусок на подставленную Аксиньей тарелку, как на лугу послышался вздох всеобщего удивления, и за ним нарастающий, как волна, шум.

Все повернулись.

На лугу крестьяне, повставав со своих лавок и выйдя из-за столов, обступили внушительную процессию: двенадцать девушек в сарафанах несли на трех плечевых носилках трех огромных, целиком зажаренных свиней.

Зрелище это вызвало у гостей не меньшее оживление, чем вынос осетра, - все зашумели, захоли и заговорили. Крестьяне стали помогать девушкам, - мужичкие руки подхватывала толстые шесты носилок, бабы бросились освобождать три самых больших стола.

- Пей, гуляй, народ православный! - крикнул Антон Петрович и крестьянская толпа шумно приветствовала его, крича и кланяясь.

Началось пиршество.

На террасе приступили к осетру, на лугу - к свиням.

Парни в кумачовых рубахах подали белого вина из погреба, бокалы вмиг наполнились и сошлись со звоном: пили за здоровье Лидии Константиновны, и она с почти детской радостью принимала всевозможные пожелания, сыплющиеся со всех сторон:

- Многие лета вам цвести первой розою нашего захолюстья, многоуважаемая Лидия Константиновна, и не увядать во век!

- Лидия Константиновна, душенька, пью за ваше здоровье!

- Здравия, здравия тебе, светлая муза моя!

- Да здравствует Лидия Константиновна! Ура!

- Пошли Господь вам здравия, счастья и покоя душевного!

Крестьяне тоже пили за ее здоровье, подхватывая неровными голосами, вспыхнувшее на террасе "ура"!

Роман и Татьяна смотрела на тетушку так же радостно и по-детски, открыто, как и она на всех, взгляды их встретились и тетушка, вдруг подбежав к ним, стала обнимать и целовать их под всеобщее неумолкающее "ура", со слезами восторга на глазах.

Радость и умиление охватили всех и во многих глазах заблестели слезы. Аксинья плакала, закрывшись фартуком, плакали и радостно качали головами многие бабы. Роман тоже почувствовал подступающие к глазам слезы и, чтобы не расплакаться, пригубил вино. Прохладное цимлянское успокоило его.

Тетушка, опустошив свой бокал, вдруг бросила его об пол, чем

вызвала бурю восторга.

Все заплодировали, Антон Петрович выбросил вверх руку и пропел:

- И будешь ты царицей ммираааа!

Все опять заплодировали, а Красновский, взяв обе руки тетушки, стал быстро целовать их.

Роман взглянул на Татьяну, всем сердцем желая застать ее врасплох и насладиться созерцанием ее чудесного взгляда на происходящее, но она тут же почувствовала его глаза и встретила их своими.

" Всех, всех люблю!" - светилось в этих родных зеленых глазах и Роман, приблизившись, поцеловал их. Несмотря на всеобщую суматоху, это не осталось незамеченным, и густой голос дьякона протянул на церковный манер:

- Гооорькооо!

Все замерли, а через мгновенье закричали так, что задрезбжали хрустальные подвески люстры. Крестьяне тоже кричали "горько!", вскочив со своих мест, стаканы с водкой и куски мяса мелькали в их толпе.

Дуролом, вспрыгнув на лавку со свиной головой в руках, поднял ее над собой и тряс, заглушая всех своим голосом.

Роман прижался губами к полуоткрытым губам Татьяны и поцелуй их, как ему показалось, длился вечность...

Свадебное пиршество было в разгаре: Никита непрерывно орудовал ножом и лопаткой, бело-розовые куски осетра, приправленные спаржей и политые соусом, путешествовали по столу в голубых тарелках, вино струилось в бокалы, разговоры, здравицы и смех не смолкали. Пили за дам, за шафера, за батюшку с попадьей, за Надежду Георгиевну, за Рукавитинова, за дьякона, и снова за молодых. В самый разгар застольного веселья и оживления, Роман вдруг почувствовал, что пальцы Татьяны крепко сжали его руку.

- Мне нужно что-то сказать тебе, - прошептала она.

- Скажи, милая.

- Нет... не здесь, - качнула головой она, - Мне нужно оказать с глазу на глаз.

Взявшись за руки, они встали и вышли в прихожую.

Но здесь непрерывно сновала прислуга, и Татьяна потянула Романа за руку в ближайшую комнату, в которой была бильярдная.

Здесь никого не было, а на бильярде теснились стопки тарелок и многочисленная чайная посуда. Татьяна взяла руку Романа, прижала ее к своей груди и, глядя в глаза мужу, произнесла:

- Знаешь... ты не сердись только, ради Бога. Я сейчас поняла, что не смогу любить нашего ребенка так же сильно, как тебя...

Она опустила глаза и румяное лицо ее побледнело. Роман почувствовал, что сильное волнение охватывает ее. Он обнял ее и покрыл лицо поцелуями.

Она же, осторожно взяв его за руки, заговорила под его поцелуями сбивчиво и виновато:

- Милый... но как же... это так меня тревожит... а поделать ничего не могу с собой... но, подожди же, подожди, скажи мне что мне делать?

Роман взял ее вопрошающее, полное прелестной неги лицо в свои ладони и произнес:

- Я люблю тебя.

Она улыбнулась так беспомощно и нежно, что волна обожания захлестнула Романа и он стал целовать родное лицо.

Они обнялись.

- Я люблю тебя! - прошептал Роман,

- Я жива тобой, - прошептала Татьяна.

Держась за руки, они смотрели друг на друга глазами полными любви, и время перестало существовать для них.

Они очнулись, лишь когда на террасе послышался всеобщий шум, а в прихожей не очень трезвый голос Красновского стал настойчиво выпрашивать у прислуги местонахождение молодых.

- Опять нас ищут! - тихо засмеялась Татьяна. Красновский постучал в дверь.

- Входите, Петр Игнатьич! - озорно крикнул Роман и, отворив дверь, встал с Татьяной за ней, прячась от шафера. Раскрасневшийся Петр Игнатьевич, слегка пошатываясь, вошел в бильярдную, бормоча:

- Друзья мои, друзья, спешите, там такое подают...

Но никого не увидев в бильярдной, он остановился и удивленно развел руками:

- Вот те на! Где же они?

Роман со смехом схватил Красновского сзади за плечи.

Все засмеялись.

- Ах, вы, хитрецы! Коварство и любовь! Ричард III и леди Макбет!

- Петр Игнатьевич, правда, что вас батюшка попросил следить за нами? - весело спросила Татьяна, - Я ведь слышала за столом!

- Правда, правда! Посмотри, говорит, Петр Игнатьич, кабы с нашими молодыми не приключалось чего. Уж больно они чувствительны!

- Так и сказал - чувствительны? - воскликнул Роман.

- Так прямо и сказал!

Они засмеялись.

Красновский взял молодоженов под руки.

- А теперь поспешим, друзья мои! Там такое действо - почище Лукуллова пира! Важно не пропустить момент!

Когда они вернулись на террасу, там царили шум и оживление, отчего появление молодых заметили не сразу. Всеобщее внимание было приковано к перемене кушаний: вместо останков осетра на сдвинутых столиках стояли два широких подноса; на одном стояли глубокие блюда с черной, красной и паюсной икрой, на другом же теснились пять

высоких стопок блинов. Наверху каждой стопки лежала роза, цветок которой был искусно вырезан Никитой из сливочного масла, а стебель и листья выложены черной икрой.

Желто-белые цветы роз подтаивали, давая понять, что блины горячие.

- Отлично, отлично!- кричал Антон Петрович появившемуся в дверях Никите, - Пять с плюсом! Егорка! Сооруди-ка быстренько моей холодной водочки! Из погребка!

- Да поживей! - подхватил Красновский, - А то блины пристынут, а гости нам этого не простят! Правильно, Егор Кузьмич? - обратился он к дьякону и тот, хоть его и звали Кузьмой Егорычем, внушительно закивал головой. А когда кудрявый Егорка появился с большим запотевшим графином, пять блинных столпов уже были основательно разрушены Никитой, еле успевавшим накладывать блины в подставляемые Аксиньей, Полей и Гашей тарелки, не забывая спросить:

- Пшеничных или гречишных?

Большинство гостей предпочитало пшеничные блины. Лишь Антон Петрович, Красновский и дьякон потребовали гречишных. ;

- Я, сударь ты мой, в блинах толк знаю! - громко объявлял дядюшка, наливая Роману водки, - После пшеничных-то блинцов - тянет на полатах спать, а после гречишных - ноги просятся плясать!

- Антоша, у тебя еще силы есть плясать? - спросила тетушка.

- Для тебя, моя радость, у меня на все найдутся силы! *Avec plaisir!* Только прикажи! - отчеканил дядя.

Громкий смех раскатился по террасе.

- За здоровье жениха и невесты! - выкрикнул Красновский, поднимая рюмку.

Все чокнулись, выпили и приступили к блинам. В тарелках молодоженов оказались две розочки. Не зная что делать с этим распластавшимся на блине цветком, Татьяна посмотрела на Романа. Он же, отделив вилкой тончайший ноздреватый верхний блин от нижних собратьев, ловко запеленал в него подплывшую маслом розу и отправил в рот.

Татьяна проделала то же самое.

Но ощутив во рту начиненный икрой и маслом блин, Роман понял, что несколько поспешил и покосился на Татьяну. Несчастливая жена его сидела с полным ртом и умоляюще смотрела на Романа. Комизм их положения был настолько очевиден, что через секунду они, с полными ртами, беззвучно давились от приступа смеха, прикрывшись салфетками.

К счастью, на них никто не обращал внимания, так как все были увлечены спором, затеянным Антоном Петровичем и Красновским о том, как правильно едят блины. Петр Игнатьевич утверждал, что стопку нужно непременно разрезать крестом, дядюшка же, обозвав эту манеру порочной и басурманской, доказывал, со свойственной ему резкостью и прямоотой, что по-русски блин не режут, а сворачивают трубочкой,

складывают пополам и отправляют в рот.

- Вот таким манером! - он кинул на блин кусок паюсной икры, проворно намотал его трубочкой на вилку, ловко сложил на вилке пополам и целиком отправил в рот.

- Bravo! - воскликнула тетушка и все зааплодировали.

Молодожены в этот момент с трудом проглотив свои блины, дали волю смеху и, взявшись за руки, смеялись, соприкасаясь головами. Все решили, что они смеются над дядюшкой, который и впрямь, делал довольно-таки комические усилия, чтобы побыстрее проглотить блин.

- Вот, вот, даже молодежь меня поддерживает! - поднял палец Красновский и, взяв нож, стал резать стопку блинов пополам.

- Молодежь смеется своему незнанию! - заключил Антон Петрович, отирая губы салфеткой и вызывая у молодых новый приступ смеха.

- Ну, докажите, докажите, что я не прав! - еще больше горячился дядюшка, - Смеяться легче всего!

- Вот - доказательство! - кивал Петр Игнатьевич на свою тарелку, в которой он размазывал красную икру ножом по четвертинке блина, - Вот оно, наше доказательство!

И, скатав четвертинку, отправил в рот.

- Это не доказательство! - отмахнулся дядюшка, - Блины так не едят!

- Блины едят по-разному, - с улыбкой заметил Рукавитинов, - У нас в семье ели вот так...

Он положил на блин кусочек вымоченной в уксусе налимьей печенки, свернул его четырехугольным конвертом и, разрезав ножом, отравил половину в рот.

- Этак только немцы едят! - махнул ножом Антон Петрович, сворачивая новую трубочку с икрой, - насмотрелись вы в ваших Кельнах, да Марбургах!

- В Германии блины в чистом виде не водятся, - вставил захмелевший Ключин, - Там все, начиная с рыбы и курицы - фаршированное. И блины тоже фаршируют рубленой говядиной, сметаной польют, - вот вам и deutsche Gericht!

И, презрительно рассмеявшись, он стал кромсать ножом стопку своих блинов, вызывая негодование Антона Петровича.

- Резать, резать крестом! - повторял Красновский, - Иоанн Грозный, сразу после взятия Казани устроил пиршество, о котором засвидетельствовал Нестор. Так вот, стольничий был обязан резать блины и пироги, а потом уже подавать царю.

- Чушь! Чушь собачья! Твой Грозный - параноик! - гремел Антон Петрович, - Блин - символ солнца у славян, тебе ли не знать этого?! Как можно резать этакое чудо?!

- Символ солнца, брат, поищи во времена Перуна! - Красновский неторопясь размазывал по четвертинкам паюсную икру, - А мы живем в эру Христову, так что все пироги, кулебяки, а так же и блины люди

православные резали, режут и будут резать крестом, ныне и присно и во веки веков!

- А у нас в полку блины ели вот как! - оживленно заговорил Куницын, разрезая стопку блинов пополам - Вот полюбуйте! Это называлось - á la блиндаж!

Он положил на половинку икры, накрыл ее другой половинкой, потом положил еще икры, накрыл третьей, потом еще икры, накрыл четвертой, потом еще икры, накрыл пятой и, отрезав кусок этого блинного пирога, отправил в рот.

- А я привыкла есть блины "розанчиком"! - воскликнула тетушка и сразу же продемонстрировала: ловко орудуя ножом и вилкой, разрезала стопку на три части, свернула из кусочка блина забавное подобие не то колечка, не то розового бугона, положила внутрь икры и отправила в рот под всеобщий восторженный смех.

- А у нас в Кологриве блины едят "комком"! - оживился Илья Спиридонович.

- Это как же? - с полными ртами опросили дядюшка и Красновский.

- А вот как! - Илья Спиридонович плюхнул себе в тарелку ложку сметаны, скомкал блин, проткнул вилкой, и, обмакнув его в сметану, стал есть.

- Кто - как, а мы - по-простецки! - улыбалась попадья, поливая свой блин сметаной и медом, сворачивая его вручную трубкой и откусывая, - По-поповски, тюфячком!

- Вы по-поповски, а мы по-таковски! - хмыкнул Клюгин, кромсая свои блины в окрошку.

Отложив нож, он набросал в тарелку икры трех сортов, полил сметаной, и стал есть, как салат, низко пригнув к тарелке свою большую голову.

- А меня еще маленькой наша покойная тетушка Ксения Борисовна научила есть блины знаете как? Ровриком! - объявила Красновская.

Все повернули к ней головы, а Надежда Георгиевна положила в центр блина кусочек семги, затем усеяла весь блин кучками черной и красной икры, и стала есть, отрезая кусочки.

- Ну, все-таки, как же правильно есть блины? - спросил Рукави-тинов.

- Крестом, только крестом!

- Целым! Целым и неприкосновенным!

- Да как угодно! Правда, Ромушка?

- Ковриком! Очень мило!

- Тюфячком!

- Окрошкой! Антибуржуазной окрошкой!

- Целым, целым, как Антон Петрович!

Но Антон Петрович вдруг приложил палец к губам и показал глазами на отца Агафона, который склонившись к тарелке, ел свой блин,

отрывая от него кусочки и макая их в сметану. Одновременно он поддакивал спору, хоть глаза его, рот и руки были заняты совсем другим, а так же бормотал какие-то забавные одобрения по поводу блинов и сметаны.

Когда голоса спорщиков стихли, все услышали это милое бормотание:

- Ох... тюфячком, что ж, можно и тюфячком... а можно и ковриком... блинцы-то и так блинцы... ох, и так блинцы... и сметанушка... всем сметанам сметанушка... вот как, слава тебе, Господи...

Вдруг, почувствовав тишину, он поднял голову. На бороде его были следы сметаны, он быстро по-заячьи жевал, в маленьких глазках светилось удивление.

- Вот как надо есть блины! - громогласно заключил Антон Петрович и все дружно засмеялись.

Батюшка долго вертел головой, дожевывая блин, потом стал подсмеиваться своим тихим мелким смешком. Насмеявшись, все с аппетитом приступили к блинам. Роман же совсем не ел, и смотрел на Татьяну, ловя каждое движение ее лица и рук. Сразу заметив его взгляд, она смущенно отложила нож и вилку, и, взявшись рукой за его кисть, стала смотреть ему в глаза.

В такие мгновенья Роман забывал про все, мысли покидали его, он целиком отдавался этим бездонным глазам, погружаясь в их светоносные глубины, лучащиеся бесконечным светом любви...

А вокруг стоял шум застоля, гости и хозяйка оживленно разговаривали, шутили и смеялись, чувствуя себя явно помолодевшими. На лугу тоже во всю шло пиршество, звучал смех и громкие женские голоса, звенела посуда, девки в сарафанах несли к столам ведра с творогом и пареной репой, мужьки катили бочку с квасом.

"Как все весело, просто в чудесно!" - думал Роман, отводя глаза от лица жены и взглянув на луг, - "Разве могло это произойти в столице, разве возможно было бы, среди тамошних пошлости, лицемерия и высокомерия испытать это чувство единения с народом, ощутить свою радость, отраженную, как в зеркале, в чистой народной душе? Нет, нет! Я тысячу раз прав, что выбрал этот уголок своим домом, что порвал с городом, что оказался здесь. Здесь, где ждал меня мой народ, где ждала меня она, мое светлое, мое единственное чудо..."

Среди общего пиршества Куницын встал с бокалом вина, и с мягкой усталой улыбкой на лице стал ждать тишины.

Когда она наступила, он заговорил тихо, но взволнованно, опустив, по своему обыкновению голову и перебирая пальцами по бокалу:

- Дорогие друзья. Никогда еще за всю свою жизнь я не чувствовал большей потребности поделиться своей радостью, как сегодня. Мне трудно говорить, я не привык, но нет сил молчать о моей радости и вы простите меня, но я должен, должен сказать...

Он помолчал, волнуясь, и продолжил:

- Друзья, моя жизнь складывалась сурово. Я рано потерял родителей и практически большую часть жизни провел в полку. Тяжела армейская служба, но крепки узы офицерского товарищества и, пожалуй, только в дружбе знал я душевную опору. Но и радость полковой дружбы отняла у меня судьба. Мой самый близкий друг - Матвей Семенович Холодов погиб, и опять душа моя погрузилась во мрак одиночества. Я женился, но и здесь семейное счастье мое продлилось недолго - смертельная болезнь оборвала жизнь моей супруги... Но, нет, нет! Простите! Простите! К чему эти тяжкие воспоминания, теперь, когда все по-другому, когда я чувствую себя словно заново родившимся! И не только потому, что дорогое дитя мое, Танюша, нашла свою любовь, своего сердечного друга. Я чувствую себя заново родившимся еще и потому что здесь теперь встретил всех вас и полюбил, как родных. Как родных! И это не преувеличение, поверьте, поверьте мне! Я много пережил и знаю цену чувству родства. И сейчас, здесь перед вами от всего сердца хочу сказать вам всем, присутствующим: во всем мире для меня не было и нет людей ближе и роднее вас! Я... я люблю вас, дорогие мои!

Его голос дрожал, дрожала и рука, сжимающая бокал.

Мгновение все сидели молча, под впечатлением взволнованного монолога лесничего, затем восторженные крики и рукоплескания заполнили террасу, многие повставали со своих мест и, подойдя к Куницыну, стали целоваться с ним.

- Виват, виват полковнику! - крикнул Антон Петрович, поднимая бокал и тяжело выбираясь из-за стола.

- Виват! - протяжно закричал Красновский.

- Виват! - произнес, вставая Роман.

- Виват... - пробормотал Ключин, одной рукой берясь за рюмку, другой - вытирая салфеткой испачканный сметаной рот.

- Ах, душа-любезный! - дядюшка подошел к Куницыну и трижды поцеловался с ним, - Мы с тобой в одних летах, дети наши обвенчаны, но и это - не все! Душой, душой мы с тобой родня навеки, дорогой мой человек! Душой и характером русским!

Они обнялись.

- Ура! - закричал Красновский и все подхватили.

Крестьяне, завидя, что гости славят лесничего, тоже закричали "ура" и стали выпивать.

Антон Петрович повернулся к лугу и негодуя спросил:

- Постой-ка, мужики! А что ж это у вас за свадьба за такая?! Где ж песни, да пляски молодецкие?! Что ж это вы, как старухи вековые сидите, да едите?! Иль вам лапти ходу не дают, лыки ж... достают?!

Громкий хохот раздался на лугу.

Крестьяне повставали со своих мест, оживились, задвигались.

Из их толпы выдвинулся Фаддей Кузьмич Гирин и, степенно

огладив бороду, шагнул к террасе:

- Так, мы, Антон Петрович, стало быть, боялися песни играть, думаем, а как помеху создадим?

- Помеху? - негодуяще тряхнул головой Воспенников, - Ну, Фаддей Кузьмич, от тебя я такой глупости не ожидал! Песней и помеху?! Ах, вы черти! А ну - сдвигайте прочь эти столы! Русская свадьба - и молчком! Мы что англичане, что ли? Сдвигать столы прочь! И чтоб - лубяная кадриль, да лыковой перепляс!

Крестьяне дружно взялись за столы, за лавки и потащили их в стороны.

- Бабы! - не унимался Антон Петрович, - А вам как не стыдно?! Ну, коли мужики умом не вышли, - вы то что молчите?! Разве свадьбы так играют?! Вы же православные женщины, лучшие представители слабого пола?!

Бабы засмеялись и заговорили что-то наперебой в свое оправдание, но Антон Петрович затряс головой:

- И слушать ничего не желаю! Сейчас же исправить оказию! А то - не переживу позора, уйду со свадьбы в монахи!

На террасе все смеялись.

Крестьяне же зашевелились так дружно, как будто только и ждали призыва Воспенникова: вмиг столы и скамейки были сдвинуты к кустам и деревьям, а на лугу осталась только одна лавка. На нее уселись три бессменных крутояровских музыканта: гармонист Яшка Гудин, бала-лаечник Иван Панинский и лошкарь Сенька Костючков, по прозвищу Вахлак.

Держа в руках своих инструменты, музыканты весело, но в то же время, с серьезной решительностью посмотрели вокруг, на обступившую их полукольцом крестьянскую толпу.

Этот момент выжидания был всем хорошо знаком, и подбадривающие крики горохом посыпались на музыкантов:

- Жарь "барыню", Яша, не сумлевайся!
- Играйте, ребята, попотешьте старичков!
- Давай, Ванька, дуй камаринскую!
- Эва, Сенечка, тряхни по коленкам!
- Играй, наворачивай, а мы попляшем!

Музыканты переглянулись, скуластый, коротко стриженный Яшка мотнул головой и растянул меха трехрядки. Музыканты грянули "светит месяц". Эта простая и в то же время до удивительного завораживающая каждого русского мелодия отозвалась в душе Романа почти детской радостью. Сколько раз, выйдя вечером к реке, слышал он эти берущие за сердце переливы гармоники, распускающиеся над полусонной водой незримым русским узором!

И теперь этот узор растянулся вместе с мехами трехрядки и поплыл, поплыл над лугом, кружась и плавно переливаясь цветами, словно

праздничный девичий сарафан.

- Давно бы так! - крикнул Антон Петрович.

Гости подошли и встали с краю тарассы, Роман пропустил вперед Татьяну и встал сзади, осторожно обняв ее ладонями за локти.

Татьянины глаза блестели, радостная улыбка светилась на лице. А мелодия лилась, набирая с каждым тактом силу, заставляя баб задорно покачиваться, а мужиков - многообещающее одергивать рубахи и, плюя на ладони, приглаживать волосы.

Вот одна баба затянула сильным высоким голосом:

Светит месяц, светит ясный!
Светит полная луна!

И тут же все остальные бабы грянули ей в поддержку громко, сильно и широко:

Приходи дружок мой милый,
Буду ждать я у окна!

Никогда еще Роману не доводилось слышать, как поют все женщины Крутого Яра, и в восторге он обнял и прижал к себе Татьяну.

Встречу я дружка милова
Да закроюя платком!
Ты свети, луна, не ярко,
Не увидят нас вдвоем!

Из толпы выдвинулась девка в малиновой паневе, с белым платочком в руке, и поплыла по лугу, мелко переступая.

Подбоченясь левой рукой, она покачивала повязанной цветастым платком головой в такт песне и умело поводила плечами. Но не успела она пройти и одного круга, как на луг выскочил парень в белой рубахе, подпоясанный шелковым шнурком, в черных штанах, заправленных в начищенные, приглаженные "гармошкой" сапоги.

Лихо заломив на затылок картуз, он заложил руки за спину и пошел рядом с девкой, мелко топоча своими сияющими сапогами.

Она же, делая вид, что не замечает парня, плыла по лугу, улыбаясь всем загорелым лицом и помахивая платочком. Вдруг парень, до этого приплясывающих рядом, прыгнул вперед и, круто развернувшись, загородил девке дорогу, по-петушиному вытянув шею и разведя руки.

Девка испуганно прикрыла рот рукой и, отвернувшись поплыла прочь, но петушок снова лихо прыгнул и встал у нее на пути.

На этот раз она, пожав плечиком, отведя глаза и сложив руки на груди, поплыла в сторону, всем видом демонстрируя полное равнодушие к парню.

Не скрипи, моя калитка,
Как пойдём мы в палисад!
Куст сирени нас укроет
От чужих бесстыдных глаз!

Сквозь крестьянский хор слышались выкрики мужиков, подбадривающие парня:

- Пляши, Вася, не тушуйся!
- Пройдись кочергой!
- Давай, валяй Васька, не спи!
- Мух не ловишь, кучерявый!
- Поддай жару, чертушко!

В третий раз не дал он ей дороги, и теперь уж она "оттаяла", замахала платочком, и они заплясали вместе, под пение баб, под свист и выкрики мужиков.

В самый разгар пляски, когда все смотрели на пляшущих, Татьяна повернула к Роману свое сияющее счастливое лицо и потянулась к нему губами.

Они поцеловались.

- Я люблю тебя! - прошептал Роман ей в губы.

- Я жива тобой! - ответили ее губы.

А на лугу девка уже неистово кружилась, сарафан ее развевался, обнажая крепкие стройные ноги, парень плясал вокруг нее вприсядку.

Вдруг одна баба в толпе махнула платком, выкрикнула что-то и выбежав вперед, пустилась в пляс. За ней сразу же выбежал Аким и, упервшись руками в бока, пошел выделывать ногами кренделя.

Трое лихих братьев Авдеевых, схватив своих жен за руки, вытянули их на луг и заплясали.

- Пади, пади! - дико закричал Дуролом и, выпрыгнув из толпы, стал выделывать немислимые коленца, во все стороны размахивая ногами и руками.

- Ну-ка посторонися! - по-извозчичьи выкрикнул Фаддей Кузьмич и, степенно выйдя, заплясал нешироко, но крепко и ладно; рядом с ним закружилась его жена, продолжавшая громко распевать "Светит месяц".

- Эх, дорогу, мать честная! - задорно крикнул Степан Парнёнков, и с ватагой мужиков и парней выбежал на луг. Через мгновение на лугу не плясали только музыканты, продолжая изо всей мочи наигрывать всю ту же мелодию, но только быстрее обычного.

Роман смотрел и не верил своим глазам: все пространство перед домом было занято пляшущим и поющим народом, - даже глубокие старики, горбясь, пританцовывали со своими старухами, даже хромой звонарь Вавила приплясывал, лихо хлопая себя по коленкам; плясали: Матвей Костичков, по прозвищу Кутерьма; Макар, Тимофей и Иван Егоровы, Парфен Твердохлебов, прозванный Скобелкиным; Сергей,

Софья и Агафья Волковы, Екатерина, Василий, Мария и Клавдия Гороховы, по-уличному - Боронята; Алексей, Герасим, Степан, Евдокия Самсоновы, Петр, Зосима, Настасья Гороховы, по уличному - Ивановы. Плясали все.

"Господи, как славно, как хорошо!" - думал Роман, обняв Татьяну за плечи и любуясь народным весельем, - "Хоть бы они плясали так вечно, а я все смотрел бы и смотрел! Вот он, дух свободы, ради которого я приехал сюда, бросив все, ради которого я живу. Он в каждом из них, они все дышат свободой - и мужики и девки, и эти милые старики, - все, все они свободны и никто не властен над их свободой, никто не может запретить им, никто! О, это ложь, что они были рабами, нет, не может э т о т народ быть рабом, ибо никто не властен над духом веселья, живущим в нем, а значит никто не властен и над его народной душой!

Вдруг в самый разгар пляски Аким, подбежав к музыкантам дико и пронзительно крикнул:

- Бааастааа!!!

Они тут же перестали играть и пляшущие стали останавливаться. Аким же, выхватив из кармана жилетки бумажник, вырвал из него цветастую бумажку и, с размаху бросив на колени Яшке-гармонисту, выдохнул:

- Русскую!

И не успел Яшка растянуть гармонику, как Аким, повернулся к своему семнадцатилетнему сыну Степану, только что остановившемуся и молодецкато одергивающему свою рубаху зеленого шелка, и, тряхнув головой крикнул:

- Стенька, пляши!

Но тут же раздался хриплый голос Марeya Сухорукова - зажиточного, худощавого мужика с седой бородой и плешивой головой:

- Ну-ка, погодь!

Подойдя к музыкантам, он кинул им две бумажки и крикнул своему сыну Митрохе:

- Пляши, черт, убую!

Высокий статный Митроха выдвинулся вперед и картинно сдвинул рукава красной рубахи на локти.

Коренастый, приземистый Стенька поправил поясок, снял картуз и, бросив прочь, поплевал на ладони.

Яшка-гармонист кивнул своим партнерам, но зычный голос Антона Петровича загремел с террасы:

- Стой, молодцы!

Все повернулись к нему.

- Русскую на траве не пляшут! - заметил он, - А ну, несите два стола пошире, пусть на них спляшут!

- А и то верно! - выкрикнул Савва, - На столах попляшут, руками помашут, ногами посучат, нас, дураков, уму-разуму поучат!

Тут же появились два стола, водруженные друг против друга.

На один вспрыгнул Митроха, на другой - не очень ловко взобрался Стенька.

- Стенька, не выдай! - нервно выдохнул побледневший от волнения Аким.

- Митроха, Митроха, - грозил костлявым кулаком Марей.

Яшка растянул меха и музыканты грянули "русскую".

Вставшие вокруг столов крестьяне тут же принялись хлопать в такт, подбадривая плясунов. Столы задрожали от гулкой дробы начищенных сапогов.

- Лучшему плясуну! - крикнул Антон Петрозич, вынимая из кармана часы на цепочке.

- Bravo!!- закричал Красновский, - Ставлю на Митроху двадцать пять!

- Ставлю на Стеньку! - парировал Антон Петрович.

- На Митроху! На Стеньку! На Стеньку! - раздалась возгласы в крестьянской толпе и мужики полезли в карманы за деньгами.

Плясуны же продолжали плясать, ничего не замечая вокруг, сапоги их били по столам так, что доски гудели. Танец заморозил всех, возгласы смолкли и толпа молча наслаждалась богатым зрелищем. Татьяна, замороженная пляской, замерла, прижав к груди руку обнявшего ее Романа.

Лихо и легко плясал Митроха. Его стройная красивая фигура, казалось, парит над столом, обрушивая на него дробь ударов; колена, были сложны и замысловаты, трудно было уследить за непрерывным чередованием проходов, вывертов, оттяжек и подволакиваний, красная рубаха вся трепетала на нем; после очередного колена он подскакивал со свистом и, откинувшись назад, обрушивал на грудь, колени, голенища лавину сочных хлопков, заканчивая все это каким-нибудь фасонистым приемом: изображая пальцем и ртом звук откупориваемой бутылки, крякая, или прищелкивая пальцами. От его пляски веяло лихостью и бесшабашным озорством сельского повесы - завсегдадая гулянок и девичьего сердцеда.

Совсем по-иному плясал Стенька. В его пляске не было особых замысловатостей и лихих вывертов, - движения его крепкого коренастого тела были общеизвестны, словно приемы косьбы или молотьбы, и давно усвоены мужиками, плясавшими так же, как и он. Стенька не прыгал, не свистал, не крякал уткой, а плясал совершенно обычно. Но в этой обычности, в простоте и силе сенькиного танца, в его искреннем порыве было то, что подкупало и пленяло многих. Стенька плясал, как честный труженик, и народу была по сердцу его пляска.

Хлопающая в такт толпа начала было подбадривать плясунов выкриками, но Фаддей Кузьмич предостерегающе поднял руку:

- Шабаш! Не замай!

Выкрики смолкли.

Состязание шло полным ходом. Стенька и Митроха плясали так, что казалось этому не будет конца, никто из них никогда не устанет и не уступит другому.

Но прошли четверть часа и первые признаки усталости проступили в их движениях: уже не так лихо подпрыгивал и свистал Митроха, не так крепко и ладно бил ногами Стенька.

А еще через четверть часа на лугу творилось невообразимое: толпа редела, заглушая музыкантов, на плясунов же было страшно смотреть - еле двигаясь, шатаясь, едва не падая со столов, они, тем не менее, плясали, повторяя все те же коленца, но только гораздо медленней, рубахи их были мокры, пот струился по багровым лицам, капли летели в стороны,

- Стенька, не выдай! - кричал Аким, так же побагровевший, как и сын.

- Митроха, пляши, убью! - сжимал кулаки Марей.

- Пляшите, черти! - кричал в толпе.

- Стенька, не поддавайся! - кричал Антон Петрович.

- Митроха, Митроха! - не смолкал Красновский.

- О, Боже, я не могу это видеть! - в волнении тетушка отвернулась, закрыв лицо руками.

- Господи, помилуй! - крестился Федор Христофорович.

- Молодцы! Просто молодцы! - восхищенно повторял Рукавитинов.

- Полегче, полегче, братцы! - качал головой Куницын, хотя глаза его сияли восторгом.

- Они же могут умереть! - в сильном волнении Татьяна сжала руку Романа, - Милый, останови их!

В глазах ее светились боль и сострадание.

- От этого не умирают! - порывисто обнял ее Роман, - Это свобода!

А она не даст умереть!

- Ты уверен? - спросила она.

- Да, да! И умоляю тебя, всегда верь свободе, доверяй ей! Она прекрасна, она всем платит благодатью за веру, за преданность! Обещай мне, что ты будешь верна свободе! Обещай!

- Я... обещаю, - произнесла Татьяна, доверчиво глядя ему в глаза.

В этот момент Митроха, неловко взмахнув руками, пошатнулся, и повалился со стола на траву, и все поддерживающие Стеньку, победоносно закричали.

Митроха с трудом поднялся на ноги, шатаясь, оперся руками о стол, слясь вскарабкаться на него, но толпа заревела сильнее, послышались насмешливые выкрики, свист, и он махнул рукой и бессильно сел.

- Ааааа! Наша взяла! - во всю глотку кричал Аким, хлопая себя по коленям.

- Тьфу! Невдаль драный! - в сердцах плюнул Марей в сторону

сидящего на траве Митрохи.

Стенька же, хоть и шатался, как камыш, продолжал по инерции плясать.

Аким с двумя своими братьями - такими же отчаянными, чернобородыми и белозубыми мужиками - подскочил к столу.

- Наша взяла! Наша взяла! - закричали братья, сволокивая Стеньку со стола, и через мгновение его принялись подбрасывать на руках.

- Молодчина! - гремел Антон Петрович, потрясая часами, - Сюда, сюда его несите!

Красновский, морщась, как от зубной боли, полез во внутренний карман пиджака за бумажником.

- Ну, герой, ну герой! - повторял Федор Христофорович.

- А тот-то вон как уплясался! - посмеивалась попадьа, - Ой, вот озорники!

Стеньку поднесли к террасе, поставили на ноги. Антон Петрович подошел к нему, обнял и трижды поцеловал, повторяя:

- Молодец! Молодец! Молодец!

Затем он взял ослабевшую потную руку плясуна и вложил в нее часы.

- Носи, брат, на здоровье!

- Ура! - крикнул сияющий от счастья Аким, и столпившиеся у террасы мужики дружно закричали "ура".

Татьяна вдруг подошла к Стеньке и, произнеся "спасибо вам", поцеловала его в пылающую румянцем щеку.

Крестьяне закричали громче, парень же, зардевшись еще сильнее, потупил глаза.

- Теперь ты веришь? - спросил Роман у Татьяны.

- Верю! - радостно ответила она.

Часы на террасе пробили восемь. Как не был дядюшка захвачен чувством Стеньки, он тут же отреагировал на перезвон.

- Так, так! Отлично! Никита! Никита!

Стоящий неподалеку Никита шагнул к нему, почтительно улыбаясь.

- Как наше чудо-юдо?

- Все готово! - кивнул головой Никита.

- Ну, а коль все готово, - полный вперед, братец!

Никита вместе с парнями в кумачовых рубахах скрылся в двери. Туда же быстро проследовали и девки в сарафанах.

- Отдыхайте, друзья! - крикнул Антон Петрович крестьянам, - Закусите, выпейте, словом, не скучайте!

Крестьяне, отхлынув от террасы, потянулись к столам со снедью. Но вдруг в их толпе прорезались два голоса.

Один из них принадлежал Акиму, другой - Марюю.

- Я тебя не слушаю, мне чихать на вас, волки дранья! - злобно трясясь кричал Марей.

- Тытугова не хозяин, не кипятися! - победоносно скаля зубы, махал на него Аким, - Профурькались - так и сиди молчком, верста пошехонская!

- Ах, ты, бес чернявый! - затрясся сильнее Марей, надвигаясь на Акима, - Да я тебе рожу пробью!

- Кишка тонка! Сам сперва в салазки огребешь, козел сипатый!

- Ах, ты... - выдохнул Марей и, взмахнув костлявым кулаком, бросился на Акима.

- Бей Пантелеевских! - раздался в толпе визгливый крик.

- Бей Сухоруких! - закричали рядом.

Послышались крики, брань, замелькали кулаки, завизжали бабы, и через мгновенье разделившиеся мужики отчаянно дрались между собой. На террасе все замерли в замешательстве, а потом - зашумели, закричали:

- О, Господи, Царица небесная!

- Они же поубивают друг друга, остановите их!

- Петя, Петя, разними их!

- Quel malheur!

- Боже мой!

- Ну-ка, прекратите, дураки!

Но никакие крики и призывы не могли остановить коллективной драки, в мгновенье ока охватившей толпу.

Татьяна прижалась к Роману и смотрела на драку. По ее взгляду Роман понял, что она видит это зрелище впервые. Он взял ее лицо в свои ладони и, повернув к себе, сказал.

- Не бойся этого!

Мгновенье она молча смотрела ему в глаза, потом произнесла:

- Я не боюсь.

А вокруг все кричали, возмущались и охали, требуя прекратить драку.

И вдруг где-то наверху дома грохнул ружейный выстрел, за ним - другой. Теснящиеся у столов бабы завизжали, толпа как-то сразу замерла и поворотилась к дому. Наверху послышался ляг перезаряжаемого ружья и вслед за ним - голос Антона Петровича:

- А ну-ка по бунтовщикам и смутьянам...

За этими словами наступила зловещая тишина.

Толпа дрогнула, стала отползать от дома, бабы, торопливо крестясь, пятились, обходя сдвинутые столы. Грохнул оглушительный третий выстрел. Бабы с визгом бросились врассыпную.

Толпа побежала, теряя фуражки и картузы.

Вдогонку ей загредел четвертый выстрел, и дробь ударила по листьям вековой липы.

На террасе все молча наблюдали за бегством крестьян.

Наверху послышался звук преломленного ружья и две пустые латунные гильзы, громко прокатившись по карнизу, упали к ногам

стоящих. Звук этот вывел всех из оцепенения.

Тетушка со вздохом подошла к Татьяне и обняла ее, произнеся:

- Ах, милое дитя... прости этих грубых мужиков.

- Они по-иному не привыкли, - Красновский нагнулся и подняв одну из гильз, понюхал ее:

- Ай, ай, ай...И запах пороха нам сладок и приятен.

- А из-за чего они подрались? - спросила Красновская.

- Да какая вам разница! - усмехнулся Ключин, ссутулившись и глубоко засунув руки в карманы брюк, - Мужики живут для работы, пьянства и драк. *Suum cuique*...

- Ах, озорники, ах баловцы! - бормотал Федор Христофорович укоризненно качая головой.

- Смутьяны, да и только,- басил дьякон.

Крестьянская толпа, забежав за липы, остановилась в нерешительности.

- Мне кажется, что им нравится драться, - тихо произнесла Татьяна, обращаясь к одному Роман.

В ее голосе чувствовалось разочарование.

- Это нужно им, - ответил Роман.

- Нужно?

- Да. Тебе трудно понять это.

Она отвела взгляд и посмотрела на стоящую за липами толпу.

- Трудно. Но я смогу понять их. Я всех смогу понять.

Роман смотрел, любуясь ею.

На террасу вошел Антон Петрович, напевая что-то бодрое итальянское.

В руках он нес ружье и патронташ.

- *Le combat quairait fin faute de combattants!* - громко произнес он, швыряя патронташ в угол и опираясь на ружье, - Вот так-то, друзья мои!

- Антоша, ты, надеюсь, не в них стрелял? - подошла к нему тетушка.

- Что за глупости, радость моя! - он поцеловал ей руку, - Я стрелял, так сказать, по ветвям. А что, напугал вас? Напугал?

- Нас, брат, напугать трудно! - засмеялся Красновский, - А вот мужики по-моему не в шутку сдрейфили!

- Мужики? - Антон Петрович прислонил ружье к комоду, - Да они через полчаса здесь опять запляшут!

- Безусловно, - согласился Ключин, пробираясь к столу и усаживаясь на свое место, - И любить вас будут еще больше прежнего.

- Все хорошо, все хорошо, друзья мои! - заговорил дядюшка, обнимая мужчин и целуя женщинам руки, - Все чудно и так прелестно, как никогда, Татьяна Александровна! Свет очей наших, тебя испугали?

Он взял обе ее руки и, целуя их, бормотал:

- Прости, прости дитя и этих варваров... и... меня, старого дурня...

- Антон Петрович, я не боюсь! - произнесла Татьяна с улыбкой и

все засмеялись.

- О, смелое, трижды, смелое дитя! - Антон Петрович опустил перед ней на колено и опять припал к ее руке, - Ты поняла, ты все поняла и не винишь ни их, неразумных, ни меня, глупого!

- Антоша, Татьяна Александровна по доброте своей тебя не винит, но мы... - с укоризненной улыбкой покачала головой тетушка, - Мы все еще живы после такой пальбы. Как ты решился на такое?

- Я? - Антон Петрович встал и повернулся к тетушке.

Лицо его мгновенно преобразилось, став строгим, надменным и величественным, он повел плечами, словно почувствовав на них царственную тогу, шагнул к тетушке и, медленно подняв вверх указательный палец, заговорил:

- Будь я, как вы, то я поколебался б,
Мольбам я внял бы, если б мог молить.
В решеньях я неколебим, подобно
Звезде Полярной: в постоянстве ей
Нет равной среди звезд в небесной тверди.
Все небо в искрах их неисчислимых,
Пылают все они, и все сверкают.
Но лишь одна из всех их неподвижна.
Так и земля населена людьми,
И все они плоть, кровь и разумье;
Но в их числе лишь одного я знаю,
Который держится неколебимо
Незыблемо, и человек тот...

Он обвел всех тяжелым взглядом и вдруг, резко опустив свой перст, указал им на фельдшера:

- Андрей Викторович Ключин!

- Bravo! - выдохнул Красновский и все зааплодировали.

- Это совершенно верно! - подтвердил Рукавитинов.

- Андрей Викторович - наш кремь! - хлопала в ладоши тетушка.

- Друзья! - дядюшка подошел к столу и подняв свой бокал, - Я предлагаю поднять бокалы во здравие неутомимого и непоколебимого эскулапа наших хлябей и расселин, ревнителя здравого смысла и критического ума Андрея Викторовича Ключина!

- Отлично! - захмелевший Красновский склонился над столом, ища свой бокал,- Отлично... я бы еще добавил, - он нашел бокал и поднял его нетвердой рукой, - ... Что Андрей Викторович, хоть мы, порой, и ворчим на него, является тем критическим скальпелем, который частенько... да, да, частенько, в спорах пускает нам стариковскую кровь.

- И тем самым поддерживает наше здоровье! - подхватил Антон Петрович, - За вас, Андрей Викторович!

Все потянулись бокалами к фельдшеру, который все это время неподвижно сидел за столом, свесив голову на грудь. Как и Красновский, он сильно захмелел.

- Андрей Викторович! - окликнул его Антон Петрович, - Мы все пьем за вас!

Клюгин со вздохом поднял свое побледневшее лицо, взял бокал и стал медленно приподниматься.

Все стали чокаются с ним.

Клюгин молча кивал головой, глядя вниз и как-будто неотвязно думая о чем-то другом. Роман последним коснулся его бокала своим и произнес:

- Счастья, вам, Андрей Викторович.

Клюгин поднял на него свой тусклый взгляд и сказал еле слышно:

- Я счастлив.

В это время в двери показались двое парней в кумачовых рубахах, тащивших за ручки большой трехведерный самовар. Третий парень нес за ними два объемистых заварных чайника.

- Ага, ага! - воскликнул дядюшка, - Давно забытые, под легким слоем пыли, черты заветные, вы вновь передо мной... Все, все по плану! А я и впрямь забыл, старый фанфарон! Татьяна Александровна, Роман Алексеевич, друзья, прошу к столу, к меднопузому ворчуну!

Все с оживлением стали занимать места за столом.

Самовар водрузили в центре стола, один из чайников взгромоздился ему на решетчатую голову. Девки в сарафанах, тем временем, оставили стол всевозможными вареньями, печеньями, пирожками и плюшками, оставив, однако, в центре, рядом с самоваром просторное пустое место.

Когда девки вышли, Антон Петрович встал:

- Никита, подавай!

Все повернули головы к двери.

Из нее медленно и торжественно вышел Никита, по пояс заслоненный роскошным тортом, который он с трудом нес на специальном круглом подносе.

- Ура - чудеснику! - крикнул Антон Петрович, - Шампанского! Шампанского!

Торт был водружен на стол, появилось шампанское, и дядюшка, приказав налить Никите, выпил, чокнувшись с ним, отчего улыбка на полудетском лице повара стала еще блаженней и глаза его заблестели.

- Какое чудо! - по-детски улыбалась Татьяна, глядя на торт.

Торт был действительно чудесным и представлял собой шоколадную корзину с плодами, искусно сделанными из бисквитов, шоколада и разноцветных кремов. Сверху всей этой прелести, на румяном бисквитном яблоке сидели, целуясь, два голубка, отлитых из белого шоколада.

Такие торты Роман видел и ел только в детстве, и волна знакомого детского восторга проснулась в нем, тем более, что рядом так же

восторгался другой ребенок - Татьяна.

- Какое чудо! - повторила Татьяна и повернулась к Роману.

Лицо ее было лицом девочки.

Роман провел ладонью по щеке любимой.

- Я люблю тебя, моя девочка, - сказал он.

- Я жива тобой! - восторженно ответила она.

Глаза их, казалось, растворялись друг в друге и все окружающее исчезало, словно дым.

А вокруг по-прежнему царило веселье: захмелевшие, радостные люди наперебой подсказывали Никите как резать и делить торт, а он, стоя наготове с большим, похожим на мастерок каменщика ножом, примеривался, блаженно улыбаясь.

- Сбоку, сбоку режь!

- Голубков, голубков молодым сперва!

- Сразу посередке, а потом крестом!

- По яблочку, по яблочку срежь молодым!

- Друзья, прошу покорнейше, держите дистанцию, на сбивайте кудесника с толку!

Но советы продолжали сыпаться на повара. Наконец, он решительно занес нож над тортом и стал искусно резать его на тонкие высокие части.

Вскоре, благодаря проворству Аксиньи, Поли и Гаши, на десертных тарелках перед собравшимися выросли эти высокие нежные клинья, дразнящие прослойками крема, беже и разноцветного шоколада.

Молодым, конечно же досталась куски с голубями.

- Ты знаешь, я хочу тебе сказать, - заговорила Татьяна, - Моя любовь к тебе - это совсем, совсем не то, чего я хотела все эти годы, о чем мечтала. Я мечтала совсем о другом, причем, мечтала так сильно, с таким желанием, что и предположить не могла, что все будет иначе. А сейчас... - она улыбнулась и покачала головой, - Сейчас все просто совсем по-другому. Это так ново и так чудесно, что я... я просто ничего не понимаю...

Она замолчала, глядя на него глазами, полными любви и нежности.

- Я тоже ничего не понимаю, - произнес Роман, - Но зато я знаю.

И это - самое главное, это важнее всего. Я знаю все о нас с тобой.

- И я знаю! - быстро и радостно ответила она, - И мне ничего не нужно, кроме этого знания. Потому что... Я жива тобой.

- А я жив тобой, мой ангел, мой свет. Ты вернула мне жизнь ты вернула мне сердце.

- Я люблю тебя, люблю тебя... - шептала Татьяна в истоме, закрывая глаза. Он взял ее руку и, склонив голову, припал к ней долгим поцелуем.

Антон Петрович с умилением глядя на молодых, приложил палец к губам и громко говорящие и смеющиеся гости стали постепенно смолкать. Вскоре все замолчали и смотрели на молодых, которые,

напротив, никого замечать не хотели.

Так продолжалось некоторое время и вдруг тихий женский голос, появившись как бы ниоткуда, запел нежно и красиво:

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной,
Не отходи от меня:
Мне так отратно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы,
Ближе нельзя нам и быть,
Чище, живее, сильнее
Мы не умеем любить

Если же ты - предо мной,
Грустно головку склоня,
Мне так отратно с тобой,
Не отходи от меня....

Это пропела Лидия Константиновна. Она смотрела на молодых, в глазах ее стояли слезы.

Все происходящее было до такой степени естественно и трогательно, что никто не захопал восторженно, не закричал "браво", все молча сидели, глядя на молодых. Посреди этого молчания медленно поднялся Куницын с бокалом в руке и произнес тихо, но внятно:

- За любовь.

Все встали и выпили.

Вдруг со стороны луга раздалось робкое покашливание. Неподалеку от террасы, возле кустов сирени стоял Фаддей Кузьмин Гирин, Аким и Савва. Крестьянская толпа же по-прежнему темнела за липами.

- Так, так,- Антон Петрович поставил пустой бокал, приложил салфетку к губам и повернулся к мужикам:

- Ну-тес, с чем пожаловали?*

Переминувшись и привычным движением огладив бороду, Гирин заговорил:

- Мы, Антон Петрович, стало быть, о всего общества как бы к вам. Прощения просят мужички. Каются.

- Каются? - переспросил дядюшка, делая знак Аксинье, чтобы она начала разливать чай.

- Каются, ох каются! - забормотал Савва, страдающе качая плешивой головой, - Бес попутал, вот и сцепились, а теперича прощеница просят, чтоб не серчали на них, дураков.

- Не серчали? - Антон Петрович подмигнул Роману, - А ежели осерчаем?

- Не сердчай, Антон Петрович! - заговорил Аким, подходя ближе к террасе и кланяясь в пояс, - На меня, дурака, сердчай, я всю эту смуту затеял, а народ тутова ни при чем! Прости нас, дураков, ради дня такого и вы, Татьяна Александровна, простите, и вы, Роман Лексеич!

- А у меня попросить прощения ты не собираешься? - воскликнула тетушка. Вместо ответа Аким опустился на колени и, коснувшись лбом земли, замер.

- Ну, хватит, хватит! - махнул на него Антон Петрович, - Теперь, чай, не старые времена.

- Акимушка, встань, не доводи меня до слез! - проговорила тетушка.

Аким медленно поднялся с колен. В его посерьезневшем лице тем не менее чувствовалось лукавство.

- Да, брат, на колени падать вы все мастера! - весело заключил дядюшка, - Ну, посуди сам, хорошо ли в такой день и по мордасам бить?

- Не по-божески, ох, не по-божески! - качал головой Федор Христофорович.

- Мда, - дядюшка повернулся к молодым, - Что же с этими карбонари делать будем?

- Простите их, Антон Петрович, - сказала Татьяна.

- Простите, дядя, - вторил ей Роман.

- Прости, Антоша, - улыбалась тетушка.

Антон Петрович посмотрел на гостей:

- Простить! Простить! - заговорили все.

Антон Петрович поднялся и торжественно объявил:

- Прощаю!

Аким радостно повернулся назад и, махнув шапкой, крикнул:

- Прощаает!

Радостный крик толпы долетел до террасы и крестьяне повалили к дому.

Когда они подошли, Антон Петрович крикнул:

- Ну, что, озорники, каетесь?

- Каемся, каемся, батюшка! - закричали мужики.

- Ну то-то же! Чтоб без озорства! А теперь - гуляйте!

Мужики в знак благодарности кинули вверх картузы, бабы тут же затагнули песню и поспешили к столам.

- Какие они милые! - воскликнула Татьяна, следя за крестьянами.

- Они - наши братья, - сказал Роман.

А за столом все уже было готово к чаепитию - ароматный чай дымился в чашках тонкого китайского фарфора, нежные клинья торта дразнили своей прелестью, варенья всевозможных сортов, печенья, сладости теснились на столе.

Но едва все потянулись к чашкам, как Антон Петрович предупредительно поднял палец и произнес:

- Друзья мои, разрешите мне сказать один не совсем обычный тост.

- А у тебя, Антон Петрович, обычных тостов и не бывает! - воскликнул Красновский и все засмеялись.

Антон Петрович встал и прижал руку к груди:

- Прошу вас покорнейше. То что я собираюсь сказать, очень, очень важно...

- Значит, Антоша, все предыдущие твои тосты ничего важного не содержат? - воскликнула тетушка и смех усилился.

- Умоляю! Умоляю! - прижимал руки к груди дядя.

- Как тамада - разрешаю! - кивнул Красновский.

- Но - с условием! - погрозил пальцем Рукавитинов, - Чтобы чай не остыл!

- Не остынет, не остынет, любезные друзья мои, уверяю вас, - качал головой Антон Петрович, - Он не может, не смеет остыть, потому что речь в моем тосте пойдет о его начальнике, о замечательном, удивительном с н а р я д е , о меднобоком ворчуне, известном среди людей под именем с а м о в а р !

- Вот это да! - засмеялся Красновский.

- Первый раз услышу тост о самоваре! - смеялась Красновская.

- Ау, Антон Петрович, кудесник! - качал головой Федор Христофорович.

Дядюшка же привычным жестом поднял обе ладони, прося тишины, и она наступила. Крестьяне, выдвинувшие столы на луг и пирующие за ними, заметили это и тоже смолкли.

- Друзья! - заговорил Антон Петрович, - Будучи полноценными детьми прогресса и цивилизации, все мы являемся в какой-то степени жрецами культуры и аматерами различных искусств, ибо чувство прекрасного, вложенное в наши бессмертные души Создателем, требует удовлетворения если не в сотворении произведений искусства, то, хотя бы, в созерцании этих творений. Созерцая бессмертные шедевры, мы удовлетворяем, так сказать, эстетический голод и одновременно формируем и развиваем свой эстетический вкус, позволяющий нам судить о произведениях искусства, выделяя и превознося бессмертные, оценивая хорошие и отбрасывая дурные. Таким образом, эстетическая самостоятельность людей, или, как выразился бы Николай Иванович, - их эстетическая автономия, складываясь воедино, образует, собственно, эстетику всего человечества, эстетику как феномен культуры, которая, в свою очередь, начинает формировать эстетические вкусы отдельных личностей, замыкая, тем самым, этот божественный круг. Итак, мы учимся у эстетики и эстетика учится у нас. Цивилизованный и культурный человек способен отличить полотно мастера от пачкотни дилетанта, стихи гения от потуг жалкого рифмоплета, игру подлинного трагика от вымученных кривляний театрального проходимца. И все это потому, что нас воспитывала мировая культура на примерах своих лучших представителей. Нас воспитывали Рафаэль и Бах, Шекспир и Пушкин,

Кант и Моцарт. И это прекрасно, что мы культурные люди. Но! Есть в этом прекрасном круговороте эстетического воспитания и свои издержки. Любуясь Рафаэлем, мы автоматически ищем других Рафаэлей, слушаем Моцарта, мы взыскуем новых Моцартов, читая Канта, мы жаждем неизвестных Кантов. Рафаэль, Моцарт, Кант, Гораций светят нам всю жизнь столь ярко, что подчас затмевают все остальное и мы подчас слепнем от сияния этих вечных светил и ищем подобных, не замечая порой поистине ч у д е с н о г о в нашей обыденности и повседневности, которую некоторые столичные снобы привыкли именовать серой. Но не верьте, друзья мои, этим филистерам от искусств, ни на грош не верьте! Человек, по-настоящему понимающий и ценящий красоту "Сикстинской мадонны" разглядит ее и в заброшенной пасеке, а подлинный любитель божественного Моцарта услышит чудесные гармонии и в скрипе невзрачной телеги. И это не шутка, и не курьез, друзья мои! Сегодня, сейчас я собираюсь доказать вам правомерность своего тезиса. Взгляните, друзья! Перед вами посередине стола стоит совсем обычная вещь, к которой мы с детства привыкли. Стоит самовар. Медный, круглобокий трудяга, всю свою жизнь честно поющий нас чаем и не требующий взамен никакой награды. Минуют годы, десятилетия, и после неоднократных починок и полудок этого труженика выбросят на свалку, чтобы никто из тех сотен смертных, что грелись теплом его нутра, уж никогда более не вспомнил бы его. Но эстетическая автономия, о которой я говорил, позволяет нам не только увидеть чудесное, но и п о к а з а т ь его другим людям. Так вот, друзья, мои, я показываю вам это чудесное. Посмотрите! Перед вами стоит чудесный снаряд, изумительная, так сказать, конструкция не имеющая европейских аналогов. Как прост и в то же время изысканен он! Сколько скрытого достоинства в этих ножках, кранике, решетке с чайником! Нет, вы только полюбуйтесь этими круглыми боками, этими изгибами и выступами. Сколько прелести в этом снаряде! Как он прост, как гениально прост он! До какой степени надо любить человечество и человека, чтобы создать такое чудо! Вода, угли - и вот уж кипит он, посвистывает, зовет к столу! Может ли сравниться с ним убогий немецкий чайник на спиртовке? Или английская водогрейка? Нет, не могут! Ибо нет в них д у ш и , а есть только рассудок. Самовар же наш как будто специально создан для русского человека, для русской д у ш и , кочующей по бескрайним российским просторам! Для самого далекого путешествия сгодится он, и никогда не станет лишней обузой; в любом поприще, при любой погоде, выручит, обогреет, наполнит сердце надеждой. На снегу, при лютых метели, под проливным дождем, в промозглой ночи при ледяном ветре будет уверенно стоять он на своих медных ногах, гордо подставя свои бока стихии, дымя трубой и набирая тепло, несмотря ни на какой холод, чтобы вскоре победоносно засвистать паром, наперекор, так сказать, бесчеловечной природе, знаменуя своим свистом торжество русского характера.

Услышит этот свист сидящий рядом путник, и сразу забудет про непогоду, ибо напомнит ему меднобокий свистун о родном доме, об уюте семейном, о родных и близких. Заварит он душистый чай и будет пить, сидя бок о бок с тихо посвистывающим крутобоким другом, хваля и прославляя в душе того безмянного русича из славной породы Кулибиных и Ломоносовых, который впервые смастерил сей замечательный снаряд и тем самым увековечил свою, пусть и безмянную славу...

Дядюшка вдруг замолчал, лицо его стало сумрачно-торжественным. Он вздохнул и заговорил со страстью, громче прежнего:

- Так неужели нам, детям культуры и просвещения, нам, любителям и поклонникам всяческих искусств, надо непременно ждать метели, чтобы оценить прелесть русского самовара?! Неужели только в условиях дорожного неудобства способны мы понять, что есть на самом деле русский самовар? Неужели лишь оказавшись в сотне верст от родного угла способны мы по-настоящему насладиться его прелестным свистом, чудными формами, ароматным дымком?! О, люди русские! Доколе же нам, уподобившись тому столичному глупцу и краснобаю, склоняться в благоговении пред всякой европейской безделушкой, и в упор не желать замечать наших отечественных пизанских башень? Так посмотрите же пред собой! Вот он стоит перед вами, чудесный снаряд, сотворенный руками и сердцем великого народа, вложившего в него свою душу, как вкладывал он ее в собор Василия Блаженного, в Китеж-град, в новгородские фрески! Так давайте же поклонимся еще одному русскому чуду: народной русской душе, воплощенной в металле, ибо нет на свете души более чистой, широкой и - народной!

Он сложил руки на груди крестом и величественно склонил голову. Все, за исключением молодых и Клюгина, встали и поклонились самовару.

- Да здравствует русский самовар! - провозгласил Антон Петрович, поднимая чашку с чаем, словно бокал с вином.

- Ура! Ура самовару и его певцу - Антону Петровичу Воспеникову! - поднял чашку Красновский.

- Ну, Антоша, я от тебя лет десять ничего подобного не слышала! - качала головой тетюшка.

- За самовара-батьюшку! - басил дьякон.

- Святую правду сказал, святую правду! - повторял о. Агафон, вытирая выступившие слезы, - Да и как сказал, Господи! Словно акафист читал!

- Антон Петрович, поздравляю! - Рукавитинов чокнулся своей чашкой с чашкой дядюшки, - Вы просто кладезь талантов!

- За самовар, за самовар, друзья! - не унимался дядюшка, чокаясь со всеми, - Выпьем сей чудный напиток во здравие меднопузого друга!

- За самовар, за самовар! - стали повторять все.

- За самовар! - с улыбкой произнес Роман, поднимая чашку. Татьяна

подняла свою и они чокнулись.

- Правда, мой дядя - чудо? - спросил ее Роман.

- Да, да! Они все чудесные! - восторженно заговорила она, отпив чаю, - Здесь все такое чудесное, такое доброе! И он. И ты! Муж мой!

Они смотрели в глаза друг другу.

- Антон Петрович! - говорил Красновский, - После твоей тирады я, во-первых, по праву тамады, присуждаю твоему тосту первый приз в виде этого чудесного торта, а во-вторых, слагаю с себя венец тамады!

Все засмеялись и зааплодировали, а Антон Петрович поклонился.

- Друзья, а не пора ли нам зажечь свечи? - спросила Красновская.

- И то верно! - встрепенулся дядюшка и крикнул, - Огня! Огня сюда!

Роман, Татьяна, да и многие сидящие за столом только сейчас заметили, что, вслед за давно уж закотившимся солнцем спустились теплые июльские сумерки.

- Неужели вечер? - изумленно спросила Татьяна, - Так быстро?

- Да, Татьяна Александровна, это вечер! - заметил Рукавитинов, озабоченно глядя на часы, - Еще час, и стемнеет, а у меня еще многое не готово...

Он встал.

- Прошу прощения, Татьяна Александровна и Роман Алексеевич, друзья, я должен вас ненадолго покинуть.

- Николай Иванович, куда вы? - забеспокоились все.

- Секрет, секрет! - улыбался Рукавитинов

- А я догадалась! - воскликнула Красновская.

- И я! - сказала тетушка.

- Ну, а я и подавно! - засмеялась попадьа.

- Небось шутихи пускать? - мямлил Клюгин, громко прихлебывая чай, - Видали уж не раз...

- Андрей Викторович, помалкивай, брат! - погрозил ему дядюшка, - Сюрприз есть сюрприз!

- Андрей Викторович, вместо того, чтобы дезавуировать сюрпризы, помогли бы мне лучше, - Рукавитинов сошел с террасы на землю, - А то мои помощники в этом деле весьма и весьма беспомощны.

- Ну, отчего ж не помочь, - равнодушно хмыкнул Клюгин, с трудом вставая, - Ради такого дня я на все готов...

- Отлично. Жду вас вон у того дуба.

Клюгин, пошатываясь, отошел от стола, но вдруг нетвердым шагом приблизился к молодым, наклонился и прошептал:

- А самоварчик-то англичане изобрели!

И усмехнувшись своей желчной, тяжелой усмешкой, двинулся за Рукавитиновым.

- Он похож на ворона, - произнесла Татьяна, следя за неверными движениями сутулой клюгинской фигуры, - На подраненного ворона.

- Я его люблю, - сказал Роман, - Даже больше других.

- Да. Я тоже начинаю его любить... - она повернулась к Роману.
- Чай, чай, друзья! - гремел дядюшка, - Татьяна Александровна, Адам Ильич! Чай пить надобно горячим!

- Я уж и так отведал, - улыбался Куницын, - Как все у вас славно!
- Чай пить - не дрова рубить! - смеялся Красновский.
- Чай не пьешь - откуды силы возьмешь? - вторила ему тетушка.
- Чай - чаек хмель-хмелек выгоняет! - хихикал Федор Христофорович, наливая чай в блюдце.

- Чай - заварочкой силен! - качала головой попадья.
- Как почаяевичаешь - так и попляшешь! - басил дьякон.
- Не то, не то, друзья! - заговорил Антон Петрович, - Чай пей, да дело разумей!

- Отлично! - Красновский с наслаждением прихлебывал из чашки. Меж тем, парни в кумачовых рубахах зажгли лампу и два шандала.
- Неужели уж день прошел? - недоумевала Татьяна.
- Наш первый день. Первый.

- Первый! - повторила она, замерев, - Как это страшно звучит! Страшно и прекрасно!

- У нас с тобой все будет первым, все впервые.
- Я знаю, я знаю это. Но это меня и пугает, и радует.
- Меня тоже. Хотя... - он задумался, не отрываясь от ее чудесного лица, - Я люблю тебя так, что мне все равно, что будет. Я готов ко всему. Ты понимаешь меня?

- Да. Хотя мне и трудно, но я понимаю, - ответила она.
Они улыбнулись друг другу.
Вокруг все с удовольствием пили чай и ели свадебный торт.
К террасе подошел Гирин и осторожно покашлял в кулак.
- Что, Фаддей Кузьмич? - повернул к нему раскрасневшееся от чаепития лицо Антон Петрович.

- Антон Петрович, просят, значитца, мужички, дозволения костерок запалить. Больно в горелки поиграть охота.

- Вот, вот! Это - дело! Палите, палите костры, солдаты Багратиона! - оживился дядюшка, - Чтоб басурман, так сказать, почуял силу... отсель грозить мы будем шведу...

- Значитца - можно?
- Жги, жги, брат! Пусть попрыгают, потешат Ярилу.
- Попрыгайте, а мы посмотрим!
- Formidable! Давно не видела эти прыжки через огонь!
- Только на сожгли бы чего невзначай...
- Зажигай, зажигай, молодцы! Порадуйте жениха, да невесту, люди русские!

На лугу сразу же все пришло в движение, столы опять понесли в сторону, кто-то побежал за дровами. Не прошло и четверти часа, как на лугу запылали два больших костра.

Бабы затагнули песню, а молодые девки, взявшись за руки, стали водить вокруг костров хороводы.

- Как хорошо! - воскликнула Татьяна, неотрывно глядя на луг.

- Еще бы, Татьяна Александровна! - гордо приосанился Антон Петрович, - Когда русский народ гуляет - это всегда хорошо! Лучше и быть не может!

- Мне хочется быть там, с ними! - произнесла Татьяна, вставая.

- Конечно, конечно! - подхватила Антон Петрович, - Друзья, Татьяна Александровна совершенно права! Она предлагает нам присоединиться к народу и повеселиться.

- Отлично! - заворочался, вставая, Красновский.

- Танюша, какая ты умница! - умилялся Куницын, любуясь стоящей Таней. Хмель сделал его еще добрее и счастливее, глаза его слезились.

- Боюсь я этих мужиков! - со смехом встала Красновская, - Наденька, вы пойдете?

- А как же! Будем прыгать через огонь, представляете?

- Impossible! Вы - и через огонь?

- А что! - оживился Антон Петрович, сходя с террасы, - Разбежится, прыгнет и растает, как Снегурочка!

Все засмеялись.

Крестьяне, видя, что молодые и гости Воспенниковых сошли с террасы, повернулись к ним и, расступившись, освободили проход к кострам.

Роман взял Татьяну под руку и они пошли первыми.

Крестьянская толпа шумно приветствовала их. Мужики, бабы, молодежь - все кланялись, глядя с нескрываемым любопытством.

- Ну что, мужички, довольны? - громко спросил Антон Петрович.

- Довольны! Довольны! - дружно заговорили со всех сторон.

- А вы, бабы, довольны?

- Довольны, довольны, батюшка! - закричали бабы.

- Ну, а коль довольны - что ж приутихли?!

Бабы засмеялись и тут же одна из них - краснолицая, дородная - шагнула чуть вперед и затагнула:

У нас нынче - суббота!

Ну, а завтра - воскресенье!

Эх! Барыня ты моя, сударыня ты моя!

Эх! Эх-да! Воскресенье!

Десятки крестьянских голосов сразу подхватили:

Эх! Барыня ты моя, сударыня ты моя!

Эх-да! Воскресенье!

Близость поющей толпы подействовала на Романа, как и всегда, завораживающе, а Татьяна вся вздрогнула и замерла, сжав его руку.

В субботую - работаем!
В воскресенье - отдыхаем!
Эх! Барыня ты моя! Сударыня ты моя!
Эх! Эх-да! Отдыхаем!

В субботую - на делянки!
В воскресенье - на гулянки!
Эх! Барыня ты моя! Сударыня ты моя!
Эх! Эх-да! На гулянки!

В субботую - мы скородим!
В воскресенье - хороводим!
Эх! Барыня ты моя! Сударыня ты моя!
Эх! Эх-да! Хороводим!

Бабы и девки пели, приплясывая и кружась, всполохи костров играли на их сарафанах и паневах.

Вдруг баба, запевшая первой, взмахнула белым платочком и не переставая петь, взяла за руку близстоящую бабу. Та, в свою очередь, нашла руку своей подружки, а подружка с поклоном подала руку Лидии Константиновне. Лидия Константиновна с радостью приняла приглашение, и левой рукой нашла руку Антона Петровича, который тут же схватил свободной рукой руку Надежды Георгиевны, которая, едва не вскрикнув, все же нашла в себе силы протянуть руку Роману. Ему же не пришлось искать - их с Татьяной руки в этот день были неразлучны. Татьяна вздрогнула, словно почувствовала некий незримый ток, идущий по рукам, но, повинувшись правилам игры, тут же протянула свободную руку стоящему рядом Красновскому.

Баба с платочком, тем временем, двинулась к кострам, увлекая за собой хоровод. Крестьяне запели еще громче, слитые воедино голоса колыхали ночной воздух:

В хороводе - нам встречаться!
В хороводе - расставаться!
Эх! Барыня ты моя! Сударыня ты моя!
Эх! Эх-да! Расставаться!

В хороводе - потеряться!
В хороводе - огорчаться!
Эх! Барыня моя! Сударыня ты моя!
Эх! Эх! Огорчаться!

Роман двигался, как зачарованный, душа его растворялась в песне, он радостно сжимал руку Татьяны и смотрел вокруг, как свойственно ему в подобные минуты, - словно боясь что-то упустить из виду. А баба уже вела хоровод восьмеркой вокруг двух жарких костров и взявшаяся за руки толпа людей послушно следовала за ней.

- У нас нынче - суббота! - снова затянула ведущая, когда песня кончилась и крестьяне дружно подхватили.

Ну а завтра - воскресенье!

И песня пошла по новому кругу. Дважды обеда хоровод вокруг костров, баба засемила к липам. Под ними было прохладно и песня звучала глуше. Хоровод замелькал между стволами, оплетая их поющей пестрой лентой.

- Барыня ты моя, сударыня ты моя! - голосила ведущая, обводя хоровод вокруг темных стволов и направляясь к кострам. Пестрая людская лента струилась за ней. Вдруг, когда до костров оставалось шагов двадцать, ведущая пронзительно взвизгнула, отсоединилась от хоровода и, подхватив с боков подол паневы, побежала к кострам.

Песня тут же стихла - по-видимому большинство крестьян, было готово к такому повороту.

Баба же с разбегу перепрыгнула через один костер, и сразу же - через другой, сверкнув над огнем кружевами юбки и крепкими икрами ног.

Едва она, отпустив подол, повернулась к остановившемуся хороводу, как крестьяне грянули:

Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Баба, что шла в хороводе сразу за ведущей, точно так же подхватила подол и, завизжав, побежала к кострам. Перепрыгнув через оба, она подошла к пританцовывающей ведущей и тоже стала пританцовывать, распевая "Гори, гори ясно!"

Третьей в хороводе была Лидия Константиновна. Смущенно улыбаясь, она покачала головой, но крестьяне, видя ее замешательство, запели громче, прихлопывая в такт. Антон Петрович что-то шепнул ей, она со вздохом подхватила свое длинное платье, обнажив тонкие голени в черных чулках и неумело по-женски побежала к кострам, вызвав ликование толпы.

Тонкие ноги перенесли ее через костры, расплатившись с янтарным жаром лакированной туфелькой. Бабы подхватили тетушку под руки и, под всеобщее ликование, смеясь и прихрамывая, она послала хороводу воздушный поцелуй. Антон Петрович не очень проворно скинул пиджак

и, крикнув "асса, варвары!", побежал к кострам, взмахнув руками и смешно согнувшись, перепрыгнул один, затем второй, потом остуился и повалился под ноги ловящих его тетушки и баб.

- Ура! - закричал Аким и мужики подхватили.

- Гори, гори ясно! - снова разнеслось над лугом.

Настал черед Надежды Георгиевны и она, к всеобщему удивлению, перепрыгнула костры с девичьей легкостью и на радостях расцеловалась с поймавшей ее в объятия тетушкой.

Роман понял, что теперь прыгать ему и повернулся к Татьяне. Лицо любимой светилось детской радостью, она вся трепетала от счастья и была необыкновенно хороша в этот миг.

Роман обнял и поцеловал ее.

- Гори, гори ясно! - гремело позади них.

- Прыгай, милый... прыгай! - шептали ее близкие губы, отблеск огня играл в сияющих глазах.

И, повинуясь восторженному приказу этих счастливых глаз, Роман побежал к кострам.

"Я люблю ее!" - успел подумать он, и пламя дважды мелькнуло под ногами.

- Ромушка! Милый! Жив! - обняла его смеющаяся тетушка, но он нетерпеливо повернул лицо назад.

Там, в темноте, под липой стояла Татьяна. Белое платье выделяло ее из хоровода. Вот она двинулась и словно поплыла по лугу, приближаясь к кострам. Затаив дыхание, Роман следил за ней. Казалось, что некая невидимая волна несет ее на костры, а она стоит, отдавшись этой волне, чуть разведя руки. Вот платье ее мелькнуло над первым костром, еще несколько шагов, полет и - Роман сжал ее в объятиях.

Толпа под липами дружно закричала.

- Люблю, люблю тебя! - шептал Роман в ее волосы.

- Жива, жива тобой! - восторженно шептала она.

- Танечка! Танечка! - тянулась к ней Лидия Константиновна.

- Танюша! Bravo! - ловил и целовал ее руки дядюшка, - Эдакий антраша! Брависсимо!

- Лебедушка, лебедушка белая наша! - причитала баба, опускаясь на колени и целуя край Таниного платья.

Вдруг из под лип донесся слитный гул восклицания, тут же сменившийся смехом.

Все повернулись и увидели Красновского, распластавшегося на траве в трех шагах от первого костра.

- Петруша! - всплеснула руками надежда Георгиевна, но Антон Петрович грозно поднял вверх указательный перст:

- Нет! Не верю! Чтоб наш Илья Муромец, да не смог?! Не верю!

Под смех и подбадривающие возгласы Красновский приподнялся, пошатываясь отступил назад, с трудом разбежался и, перепрыгнув костер,

упал снова.

- Господи! - воскликнула Надежда Георгиевна и побежала к нему.

- Вот теперь - верю! - махнул рукой Антон Петрович, повернулся к бабам, - Ну-ка, матушки, уберите Безухова с поля боя!

Бабы подбежали к Красновскому и вместе с Надеждой Георгиевной подняли, повели под руки.

- Как между Сциллой и Харибдой... - бормотал он, показывая пальцем на костры.

Вслед за ним через огонь ловко, с посвистом, перепрыгнул Аким, затем - его сын Стенька, потом, непрерывно визжа, прыгнули две молодые девки, какая-то толстая баба, Фаддей Гирич, Иван Иванович и... настала очередь отца Агафона. В сильном волнении он выступил вперед, крестясь и подхватывая полы рясы, стоящие позади дьякон и попадья что-то наперебой говорили ему, поддерживая под локти, по-видимому упрашивая его не прыгать, но Федор Христофорович упрямо мотал своими белыми прядями.

Видя его решимость, крестьяне грянули:

Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Гори, гори ясно, чтобы не погасло!

Батюшка нетерпеливо увернулся от своих опекунов, просеменил несколько шагов и, снова перекрестившись, присел, подхватив рясу и примериваясь.

- Просим, просим, святой отец! - закричал повиснувший на бабах и супруге Красновский, - *Mens sana in corpore sano!*

- Ведь это так замечательно, так хорошо! - говорила Татьяна.

- Вперед! Вперед! - кричал Антон Петрович.

Но отцу Агафону не суждено было порадовать своих прихожан: в момент, когда он уже собрался было бежать и прыгать, над соседствующими с липами кустами с треском и шипением взвилась петарда, обильно сыпая искрами, поднялась над лугом и взорвалась, рассыпавшись на множество зеленых огней.

Песня и голоса тут же стихли.

- Батюшки... - испуганно протянула баба, поддерживающая Красновского.

- Аааа! Шутихи! - воскликнул Антон Петрович, - Милости просим! А подать сюда шутихи на радость новобрачных!

И словно по команде две петарды взвились в небо и разорвались так громко и ослепительно, что крестьянки завизжали, а мужики ахнули.

Здрогнув, Татьяна прижалась к Роману, но в широко раскрытых, устремленных в освещенное небо глазах ее не было испуга - они смотрели жадно и радостно.

- Какое чудо! - прошептала она, - Какое чудесное чудо!

Едва последний зеленый огонек погас, как три петарды взлетели над кустами, вызвав новый приступ визга и аханья.

- Рукавитинов! Рукавитинов, ты Бог! - кричал Антон Петрович, махая петардам руками, - Bravo! Брависсимо!

- Ура! - кричали Красновский и Аким.

- Magnifique! - хлопала в ладоши тетушка. Бабы крестились, парни замерли с открытыми ртами.

Над кустами затрещало, вспыхнули две пороховые вертушки и отчаянно закрутились, разбрасывая искры, вызвав восторг толпы.

- Отлично! Отлично! - закричал Антон Петрович и в волнении упал на колени перед Татьяной, - Танечка! Изольда наших лесов! Этот свет для тебя! Для тебя и для Ромы!

- И для вас, для вас, милый! - воскликнула Татьяна, склоняясь и целуя седую голову дядюшки.

- Для всех, для всех! - подхватила тетушка, хлопая в ладоши, как девочка.

- Господи, как хорошо! - улыбалась Красновская.

- То-то огня-то! - цокал языком Аким. Роман держал Татьяну за руку, переживая ее восторг, как свой собственный. Едва заряды в вертушках иссякли и вращение их прекратилось, как над кустами загорелись выложенные цветным порохом буквы Т и Р.

- Татьяна и Роман! Татьяна и Роман! - закричали у костров и в толпе.

- Ураа! - во всю силу легких крикнул Антон Петрович и мощное народное "Ура!" прокатилось по ночным окрестностям.

- Люблю тебя! - кричал Роман, радуясь, как мальчишка.

- Жива тобой! - вторила Татьяна, смеясь беззастенчиво, как девочка.

- Славьтесь, славьтесь, славяне! - кричал Красновский.

- Сюда! Сюда, Николай Иванович! Сюда, кудесник! - кричал Антон Петрович, заметив в кустах фигуру Рукавитинова, - Православные! Сюда, сюда его! Сюда героя Шевардинских редутов! Аким! Живым! Живым его сюда!

- А ну, за мной! - озорно закричал Аким, бросаясь к кустам и увлекая за собой мужиков.

- Акимушка! Осторожней, Бога ради! - кричала тетушка.

И не успели инициалы молодоженов догореть в ночном воздухе, как мужики вынесли на луг и принялись качать Рукавитинова и Клюгина. Николай Иванович беспомощно смеялся, взлетая над мужиками, Клюгин сопротивлялся и выкрикивал что-то нечленораздельное, в подброшенном виде напоминая огородное пугало.

- Сюда! Сюда! - Антон Петрович долго протискивался сквозь толпу и, наконец добравшись до Рукавитинова, стал целовать его. Тетушка, Красновская, подбежавшие гости - все протискивались к главному фейерверкеру, целовали и поздравляли его.

- Николай Иванович, - такой роскоши мы не видели уже лет

десять! - повторяла тетушка, держа руку Рукавитинова.

- Экая шутиха, экде бомбометание! - кричал дядюшка, - Осада Казани! Штурм Бастилии!

- Ватерлоо! Это, брат, форменное Ватерлоо! - кричал Красновский, - Разгром узурпаторов, слава новобрачных и ура! ура! ура!

- Николаю Иванычу - ура! - крикнул Куницын и все подхватили.

В общей кутерьме Роман с Татьяной обнялись.

- Господи, за что мне это все... - шептала Татьяна, - Все это счастье...

- Ты мое счастье! Ты свет очей моих, моя первая и последняя любовь, мое светлое солнце! - с трепетом шептал Роман, целуя ее руки.

Она взяла его руку и прижала к своим губам.

Вдруг над лугом раздался угрожающий крик, напоминающий рев раненого медведя. Все замерли и завертели головами, ища источник вопля.

- Дуролом! - с уверенностью заключил Антон Петрович, и все увидели Дуролома, бегущего от лип к кострам. Стоящие возле них бросились в стороны, а Парамоша повторил свой дикий крик.

- Свят, свят, свят... - испуганно перекрестился отец Агафон.

Парамон же с разбегу прыгнул... в костер, подняв облако искр. Бабы завизжали, а Парамон стоя в клубах яростно трещащего пламени, закричал голосом протодьякона:

- Яко же уберег отрочех во печи огненной! Яко же уберег отрочех во печи огненной!

- Оох! Лихушки! - завопила какая-то баба.

Дуролом, окутанный дымом и пламенем, рванулся из костра, сделал два размашистых прыжка и с чудовишным криком прыгнул в другой костер, вызвав новые клубы искр и новый приступ бабьего визга.

- Избави мя огня вечнущаго! - вопил Дуролом, стоя в костре и иступленно крестясь, - Избави мя огня вечнущаго, светоносная Сене небесная!

- Гориит! Гориит! Ах, батюшки! - кричали в толпе.

Роману на миг показалось, что пламя охватило большую фигуру Дуролома, и что косматые патлы его уже трещат в огне.

Но Дуролом вдруг выпрыгнул из огня, упал на колени и, перекрестившись, согнулся в поклоне, бормоча:

- Слава тебе, Пречистая Дева, Слава Тебе, слава Тебе!

Одежда на нем дымилась, но не горела.

Толпа с изумлением обступила молящегося Дуролома, дядюшка вытер платком выступивший на лбу пот.

- Ну, братец, ну, блаженный Ивашка... - Красновский всплеснул руками, - Ну что с ним делать!

- Парамоша... ты нас чужь с ума не свел, - простонала тетушка, в изнеможении держась за плечо Акима.

- Нда... delirium tremens, - процедил Ключин, - И ведь впрямь ни огонь, ни вода не берут болвана...

- Матрен, глянь-ка, порты целы! - восхищенно показывала одна из баб на слегка дымящиеся штаны Дуролома.

- И не обгорел! - качал головой Аким, - Ну дела!

- И не обгорю! Не обгорю! - поднял косматую голову Дуролом, - Ибо веру имею в грудях своих, хучь и не с горчично зернушко, да и она-то и помогает мне, сироте перехожей, сгореть не даст, Богородица Дева Пречистая! Не даст! Не даст!

Он перекрестился.

Вдруг Татьяна подошла к нему, и положив руки на его смоляные космы, произнесла:

- Спасибо тебе.

Дуролом вмиг весь вздрогнул и, припав лицом к ногам Татьяны, заплакал. Татьяна опустила рядом с ним на траву и гладила его вздрагивающую голову.

Шум и возгласы в толпе стихли, все стояли молча.

- Милости... милости прошу, а не жертвы, - всхлипывал Дуролом, - Укрепи бедствующую и худую мою руку... и настави, ох, Господи... настави мя на путь спасения...

- Спасибо, спасибо тебе, - гладила его Татьяна. Лицо ее было спокойно и благостно.

- Вся... вся мне прости, еликим Тя оскорбих во все дни... живота моего... и аще что согреших в ночь сию... оох.. ох... Господи, - сильнее затрясся Дуролом и разрыдался, ткнувшись лицом в траву.

- Милый, ну зачем же так, - Татьяна осторожно взяла его за дрожащие угловатые плечи, - Не плачь. Спасибо тебе. Мы все тебе благодарны.

- Полноте, Парамоша, - наклонился к нему Антон Петрович и ласково похлопал по спине, - Мы все тебя любим, в обиду не дадим.

- И никто тебе плохого не желает, - добавил Красновский, - Что ж это ты... будто тебя обижают.

- Парамошу обидели? - осторожно спросила тетушка.

- Кто? Кто обидел?! - грозно завертел головой дядюшка.

- Да никто не обижал! Кто ж его обидит! - послышалось в крестьянской толпе.

Дядюшка выпрямился и грозно покачал пальцем:

- Всякий, кто обидит Парамошу будет иметь делю со мной! Ясно вам?

- Ясно! Как не ясно! Всем ясно! - заговорили мужики.

- Спасибо тебе, милый Парамон, - повторила Татьяна, сидя возле него на траве. Роман опустился рядом с ней, осторожно взял ее руку и припал к ней губами.

Дуролом, всхлипнув, поднял голову и вытерев рукавом лицо,

пробормотал:

- Яко наг, да гноен, мзды не брал, парчи не напяливал...

- Ну, полно, полно, дружище! - хлопнул его по спине Антон Петрович, - В такой день и расстраиваться по пустякам! Ступай-ка лучше с бабами попляши! А мы, друзья, мы с вами... - дядюшка выпрямился, обвел гостей радостным взором, - Мы с вами в городки сыграем!

- Отлично! - воскликнул Красновский.

- Ну, Антоша, какой ты фантазер! - засмеялась тетушка.

- Надо же, а я и забыл, что на свете существует эта замечательная игра! - довольно смеялся Рукавитинов.

- В городки! В городки! - заговорили вокруг.

- Огня, огня сюда еще! - приказал дядюшка, - Фонарей! Класть вон там будем! Проща, Аким! Несите городки, да бит побольше, там в сарае!

Толпа зашевелилась, парни во главе с Акимом побежали к сараям за городками, бабы - в дом за фонарями, остальные расступались, освобождая место. Дуролом со вздохом поднялся и побрел к темнеющим в стороне столам со снедью.

Бабы затянули негромкую песню.

- Рома, Татьяна Александровна! - обнял их, сидят на траве дядюшка, - Знаете ли вы, что такое городки?! Это же чудесное, расчудесное! Это такая игра!

- Славянская, русская игра! - подхватил, пошатываясь Красновский, - И вы, милейшая Татьяна Александровна, непременно должны попробовать... непременно, да!

- А я знаю эту игру! - с улыбкой ответила Татьяна, вставая и подходя к Куницыну, - Это любимая игра моего отца!

Слова эти вызвали всеобщее оживление.

- Адам Ильич! И в этом мы с тобой духовные братья! - воскликнул дядюшка...

- И в этом! - радостно подтвердил Куницын, и они обнялись под общий смех и рукоплескания.

- Даже я пробовала метать биты! - говорила Татьяна, - Это так увлекательно, но требует сноровки!

- Ты метала биты? - умиляясь и восхищаясь ею, сжимал Роман ее руки, - Говори! Говори еще что-нибудь, моя любовь!

- Я метала биты! - произнесла она, неотрывно глядя в его глаза.

- Я люблю тебя! - произнес он так, словно любить ее было мукой, - Я люблю тебя, я умру за тебя!

- Я жива тобой! - обняла она его, - Жива тобой! И буду жить вечно! Вечно!

- Говори! Говори еще! Говори о битах, о костре, о Парамоне, о чем хочешь! Говори, умоляю!

- Я всех, всех люблю! - страстно заговорила Татьяна, - И хочу, чтобы все любили друг друга и чтоб всем, всем было так же хорошо, как и нам!

- И небу, и траве, и звездам? - спрашивал Роман, держа ее за руки, - Всему-всему?

- И небу, и траве, и звездам! И этим липам, которых я так полюбила сегодня!

- Еще, еще скажи мне, любовь моя! - умолял ее Роман, не замечая никого и видя только прелестное лицо Татьяны.

- Я... я много-много хочу сказать тебе! - говорила она, задыхаясь от волнения, словно на сильном ветре, - Но мне кажется, что я никогда не смогу сказать тебе главного, самого главного! Ты не понимаешь меня?

- Как мне не понимать тебя?! Я знаю каждую твою клеточку, каждое движение души твоей! И я жив тобой так же, как и ты мною! Я люблю тебя и готов любить тебя всякой, всякой!

- А я... я... - выдохнула она и бессильно улыбнулась, - Я не знаю слов, чтобы все тебе сказать. А я хочу сказать тебе все... И не могу...

- Ты все можешь! - с уверенностью произнес Роман, - И все слова тебе известны. И ты говоришь все, и я слышу это. Ты мне веришь?

- Да, - тихо ответила она.

Они смотрели в глаза друг другу.

А вокруг все были в движении - в центре луга, неподалеку от костров устанавливались четыре фонаря, Красновский с Рукавитиновым известкой намечали на земле квадрат, Антон Петрович снимал пиджак, громко распоряжаясь:

- Аким! Клади биты вот сюда! Только, смотри, чтоб все гладкие были, мои, новых мне не надобно! Петр Игнатьич! Николай Иванович! Рисуйте два круга! Будем парами швырять на соперничество, чтоб сразу видать - кто каков!

Крестьяне стояли полукругом за дядюшкой, многие из них были сильно пьяны и опустили на траву.

Вскоре оба квадрата были намечены известкой и дядюшка нетерпеливо попросил Акима поставить на обоих свою любимую фигуру "бабу в окошке".

- Да поживей, братец! - повторял он, не очень ловко закатывая рукав рубашки на правой руке.

Видя его неловкость, тетушка стала помогать ему.

Аким выставил двух "баб" и, довольный, отошел к кострам.

- Только полегче, Антоша, умоляю тебя! - просила тетушка.

Антон Петрович поплевал на руку, погладил биты:

- Ну-с, сударушка-битушка, дубовая подруженька, сослужи мне службу верную, покажи себя не скверною!

Поправив левой рукой пенснэ, он выставил вперед левую ногу, слегка наклонился и, плавным движением вытянув руку с битой, замер, прицеливаясь. Все тоже замерли.

- Лети, дубец, да будь молодец! - внятно с чувством произнес дядюшка и, мощно размахнувшись, метнул биты, присовокупив свое

неизменное, - Гоп!

Пролетев положенные двадцать шагов, бита, ко всеобщему восторгу, снесла “бабу в окошке”, далеко разметав городки.

- Ага-га! - победоносно закричал дядюшка, - Есть еще порох в пороховницах! Аким!

Аким подбежал с новой битой, дядюшка взял ее, погладил, прилаживаясь, но вдруг, передумав, обернулся к толпе:

- Адам Ильич! Тряхни стариной!

Лесничий как-будто ждал этого и вышел вперед:

- Что ж, тряхнем!

Подмигнув молодоженам, он взял протянутую дядюшкой биту.

- Бита славная, бита справная! - с лукавой улыбкой заключил он, погладив ручку биты, слегка выставил левую ногу и, прищурясь посмотрел на фигуру в квадрате.

- Лети, дубинушка, да в серединушку! - произнес Куницын, размахнулся и пустил биту с такой силой, что многие в толпе ахнули.

Попав в самый низ фигуры, бита с громким треском разнесла ее.

- Bravo! - воскликнул Антон Петрович и заплодировал, - Bravo, полковник!

Адама Ильича обступили со всех сторон:

- Адам Ильич, вы нас просто потрясли!

- Чудно! Чудно!

- Вот, Роман Алексеевич, поучитесь!

- Что ж, охотно!

- И где же вы, батенька, эдак кидаться сподобились?

Адам Ильич улыбался, поправляя манжет:

- Я сподобился, почтеннейший Федор Христофорович, в моем полку. Знаете, ходила такая поговорка: настоящий офицер предпочитает бильярд - городкам, карты - бильярду, и пунш-картам. Как вот, я, к вашему сведению предпочитал все наоборот - карты - пуншу, бильярд - картам, и наконец, городки бильярду! И не мудрено, что в полку меня окрестили "полковником ГГ". ГГ - это означает Главный Городошник!

- Bravo! Bravo, Адам Ильич! - воскликнул Антон Петрович, - Вот это настоящее дело! Вот настоящий боец! И посему, я, Антон Воспенников, вызываю вас, полковник ГГ, на поединок! И упаси Бог отказаться!

- Отказаться?! - в тон ему заговорил Куницын, - И не подумаю! Принимаю ваш вызов прямо и безоговорочно!

- Отлично! - взмахнул руками дядюшка, - Будем драться, как Ромео и Тибальт, и да падет один сраженный, а победителя увенчает лавровым венком наша прекрасная Офелия!

Он повернулся к Татьяне и послал ей обеими руками воздушный поцелуй.

- Я согласна! - Татьяна сняла с головы померанцевый венок, - Это

тому, кто победит!

- Bravo! - крикнул Красновский.

- Ура! - закричал Аким и мужики подхватили.

- Неужели они будут состязаться! Как романтично! - восклицала Красновская.

- Да. Романтизма здесь ой как много! - улыбался Рукавитинов.

- Слишком даже... - зевнул усевшийся на траву Клюгин, - И я от этого устал...

- Аким, Аким! - командовал дядюшка, - Найди двух молодых по-понятливей, чтоб биты носили! Да кого-нибудь, чтоб фигуры ставил!

- Сыщем! - откликнулся Аким, оглядываясь на толпу и через мгновение двое парней и двое мужиков уж бежали к квадратам.

А вскоре первые биты седовласых соперников полетели, и под шум толпы, сбили первую фигуру - "солдатика".

- Хорошее начало - пол-дела откачалось! - задорно крикнул Антон Петрович и махнул парням, - Ставьте "пушку", ребята!

Ребята бросились ставить "пушку" и подбирать биты.

- Ну-с, пушечка-подружечка! - повертел в руках биты Антон Петрович, - Лети, дубец да будь молодец! Гоп!

Бита полетела и сбита "пушка".

- Ура! - закричали кругом.

Адам Ильич плавно прицелился, выставив ногу и слегка отклонился назад:

- А на вражескую пушку мы - дубовую ватрушку! Хоп!

И в своей плавной сильной манере метнул биты, которая так же снесла "пушку".

- Ура! - кричали вокруг.

- Ну, полковник ГГ, ну герой Шипки! - восхищенно качал головой Антон Петрович.

Адам Ильич довольно улыбался, поправляя усы.

- Они так ловко кидаются, словно каждый день играли в городки! - удивленно смеялась тетушка.

- Что же вы хотите, душечка, это же любители! - объясняла Красновская.

- Потихе бы, ой потихе! - улыбался отец Агафон, - А то этак и ребрышки поломать можно...

- Аким! "Ворота"! - кричал дядюшка, плюя на руку и крепко берясь за биты.

Вмиг "ворота" были поставлены.

- На чужие ворота у нас дубовая биты! - продекламировал дядюшка и сбил фигуру.

- По воротам - с разворотом! - в тон ему сказал Куницын и метнул биты так же удачно.

- Ура! - кричали все.

- Как хорошо! - радовалась Татьяна, - Какие они чудесные. Как я люблю их! - Роман целовал ее руки.

- "Телегу"! - кричал Антон Петрович.

- "Телегу"! - кричал Куницын

- "Телегу!" - кричала толпа.

Поставили две приземистых "телеги", состоящие из пяти городков.

- А мы на тележку - дубовую долбешку! Лети-ка, дубец, не будь стервец! Гоп!

Бита со свистом врзалась в телегу, но один городок остался в квадрате.

- Ах, мазила-пустоплет, краснобай-Емеля! - в сердцах шлепнул себя по коленкам дядюшка.

Адам Ильич прицелился:

- По тележке Пугача кинем с правого плеча! Хоп!

Но и у него один городок остался.

- Вот я тебе! - погрозил он пальцем строптивому городку и повернулся к дядюшке, - Антон Петрович, мы с тобой настоящие полковые кони. В ногу идем! Ноздря в ноздю!

- Святая правда! - воскликнул дядюшка, - А не испить ли нам шампанию по этому поводу?

- Охотно! - согласился Куницын

- Эй, кто-нибудь, шампанского!

- Антоша, ты после шампанского промажешь!

- Пустое, матушка! Актеры и офицеры после шампанского никогда не мажут! Наоборот!

Парень в кумачовой рубаше побежал исполнять дядюшкино приказание и вернулся с двумя вспенившимися бокалами на серебряном подносе.

Толпа расступилась, парень подошел.

Соперники взяли бокалы.

- За победу! - провозгласил дядюшка, обводя всех бокалом, - Иль на щите, иль со щитом!

- За победу!- по-военному потрянул головой Куницын. Они выпили и по-гусарскому обычаю бросили бокалы через плечо.

- "Баньку!" - потребовал Антон Петрович.

- "Баньку!"- крикнул Куницын.

- "Бааанвку!" - шумела толпа,

- "Бааанвкуу!" - ревел Дуролом. Вмиг сложили по "баньке" в каждом квадрате,

- Разнесу банчишку, да по бревнышку, ты не стой на пути у добра молодца! - с угрозой изрек дядюшка и, метнув биты, снес напрочь "баньку".

- Вчера попарились, нынче состарились, банька мала пара давала, матушка взяла, да сломала! - проговорил Куницын и, недолго

прицелившись, разбил "баньку".

Шум и рукоплескания заполнили луг:

- Bravo, Воспенников!

- Брависсимо, друзья!

- Виват! Отлично!

- Bis!

Антон Петрович поклонился и вдруг поднял вверх руку:

- Silence!

Шум постепенно стих и дядюшка обратился к своему сопернику:

- А что, Адам Ильич, коль мы с тобой такие удачливые аматеры палкометания, не разбить ли нам самую сложную фигуру? А кто разобьет ловчей, тот и победитель?

- Согласен! - ответил Куницын, - Только какую же фигуру нам бить?

Уж не "Каланчу" ли?

- Нет, Адам Ильич, не "Каланчу"!

- Так значит - "Потапыча"?

- Нет, нет, дорогой Адам Ильич! И не "Потапыча"! Сия фигура не всем известна!

- Что же эта за фигура, коль она не всем известна? - Куницын обвел глазами подсмеивающуюся толпу. Антон Петрович взял поданную ему кучерявым парнем битую и подмигнул Аким:

- Ставь "Пустышку"!

- Слушаюсь! - весело крикнул Аким и побежал к квадратам.

Хитро усмехаясь он сделал вид, что что-то поставил в квадраты, хотя все видели, что он ничего не поставил.

- Сделано, Антон Петрович! - отрапортовал он и отошел в сторону.

- Ну-с, Адам Ильич, прошу! - сделал пригласительный жест рукой дядюшка, - Вот она, самая сложная фигура. Разбивается только высшими аматерами! Прощу!

Все замерли.

Адам Ильич взял протянутую битую, посмотрел на белеющий пустой квадрат. Антон Петрович испытующе смотрел на него, оперевшись на свою битую.

- Так значит, говорите, фигура сия разбивается лишь высшими аматерами? - задумчиво произнес Куницын.

- Точно так! - подтвердил дядюшка. Куницын, прищурясь на квадрат, погладил усы, потом, оглянувшись на Антона Петровича и лукаво посмотрел на него. Дядюшка ответил все тем же испытующим взглядом.

Вдруг Куницын отбросил битую, поплевал на ладони и, наклонившись сделал вид, что берет что-то с земли, хотя на самом деле он н и ч е г о не взял.

Повертев это н и ч е г о в руках он прицелился и изобразил свой размашистый плечевой бросок. Когда воображаемая б и т а коснулась воображаемой ф и г у р ы , раздался громкий хлопок - это Аким и

трое парней одновременно хлопнули ладонями по голенищам сапог.

- Попал! Попал! - закричал дядюшка и, подойдя к Куницину, обнял его, - Ай-да Адам Ильич! Ай-да Амагер! Bravo! Ура, полковнику ГГ!

- Урааа! - закричали кругом.

- А вы думали я не догадаюсь? - смеялся Адам Ильич, - Нет, Антон Петрович, отставные полковники тоже не лыком шиты!

- Bravo! Bravo! - кричал дядюшка, - Слава Адаму Ильичу Куницину ныне, присне и во веки веков! Ура!

- Урааа!!!

- Венок, венок ему на голову! - кричал дядюшка, - Катюша, душа моя! Друзья! Разбить "пустышку" не смогли ни Прянишников, ни Бестужев, ни Ардальен Кузьмич! А Адам Ильич Куницин - смог! Смог! Венок, венок ему на благородные седины! Танюша! Мы все требуем!

- Требуем, требуем! - хлопала в ладоши тетушка.

- Требуем! - кричали гости.

- Увенчай, Артемида, лучшего из стрелков! - театрально воздел к ней руки Антон Петрович.

Радуюсь и волнуясь, Татьяна перешла к Куницину, подняла руки с венком, но не выдержала и обняла его.

Куницин тоже обнял ее и поцеловал в обе щеки.

- Венец! Венец - делу конец! - аплодировал во всю силу ладоней дядюшка.

Татьяна водрузила померанцевый венок на голову Куницина. Толпа закрывала и захлопала сильней. Куницин степенно поклонился.

- А теперь, чтоб поставить точку... - Антон Петрович подхватил с травы биту, размахнулся и метнул ее в один из стоящих на лугу фонарей, - Гоп!

Фонарь с треском разлетелся.

Тетушка и стоящие рядом с нею попадья и Красновская ахнули, крестьянская толпа же восторженно закричала.

- Вот так! - заключил дядюшка, - Finita! А теперь - шампанского! Нам - шампанского, мужикам и бабам - водки!

- Урааа! - кричала толпа.

Парни в кумачовых рубахах принесли шампанского, захлопали пробки, и вскоре гости вновь, в который раз пили за здоровье новобрачных.

Аким, прикативший из подвала бочонок с водкой, потчевал обступивших его крестьян.

- Итак, друзья, хочу предложить всем новую игру! - начал Антон Петрович, беря новобрачных под руки.

- Никаких игр! - возмутилась тетушка, - Антоша, побойся Бога! Ты их совсем замучил, ты забываешься! Посмотри на Татьяну Александровну, она устала от твоих игр! Знаешь ли ты, что теперь третий час ночи?

- Третий час?! - вытаращил глаза дядюшка.

- Третий час? - удивился пошатывающийся Красновский.

- Быть не может! - удивлялись гости.

- Может, может... - бормотал полулежащий на траве Ключин, - В этой дыре все может быть...

- Позвольте, позвольте... - Антон Петрович полез в жилетку за часами, - Господи... и впрямь - два часа двадцать три минуты...

- Как быстро! - произнесла Татьяна, не отпуская руки Романа.

Роман смотрел на нее. Время для него давно уж перестало существовать.

- Убедился? - заглянув в часы тетушка зябко повела плечами, - Прохладно... Все устали, молодым пора уединиться, а ты - очередную игру затеваешь.

- Мда... - качал головой дядюшка.

- Лидия Константиновна, кто вам говорит, что мы устали? - начал Красновский, но Надежда Георгиевна цепко взяла его под руку:

- Я, я говорю, что ты устал. Очень устал.

Петр Игнатьевич беспомощно улыбнулся, разведя руками.

- Да, вот как времечко-то летит! - тербил бороду отец Агафон, - Как птичка Божья. Фьють - и ноченька на дворе. Фьють - ан опять солнышко поднялось... так и живем.

- Не знаю, я был уверен, что все чувствуют время, - рассуждал Рукавитинов, - Это так просто - достал часы и посмотрел...

- Николай Иванович, а вы когда женились - тоже на часы смотрели? - спросила тетушка.

- Я? Ну... - улыбаясь, замялся Рукавитинов.

- Да, Жаль, жаль, но придется подчиниться,- пробормотал Антон Петрович, и движением пальца подозвал двух "кумачовых" парней, - Вот что, братцы, принесите-ка сюда воон тот стол.

Парни побежали исполнять и через минуту, в окружении притихшей толпы, помогли Антону Петровичу взбираться на принесенный стол.

Утвердившись на столе, Антон Петрович потребовал себе бокал с шампанским и настоял, чтобы все так же наполнили бокалы и стаканы.

Когда просьба его была исполнена, он заговорил:

- Братья славяне! Грустно, беспримерно грустно сознавать, что чудесный день сей миновал, как мигуют тысячи, миллионы других дней нашей земной жизни. Все, все проходит, сказал иудей Соломон. Но - не проходят вера, надежда, любовь, добавим мы, русские христиане. Не проходят и не пройдут они вовек, ибо они не камни, не песок, не плоть человеческая. Из поколения в поколение передаются они, нетленные и вечные, и благодаря этой нетленности мы знаем их, и храним. Хоть и грустно, что солнце этого дня давно закатилось, и через какие-то два-три часа ознаменует своим появлением другой, новый день, но зато как радостно, что день минувший положил отсчет нового времени для двух

любящих сердец и для всех нас. Вот я сказал про эту радость и... о чуде: я и забыл, что грустил минуту назад о дне минувшем! Новое время, новая жизнь дали нам радость сию, а посему нет и не может быть места грусти в наших сердцах - радость и только радость, дорогие мои соплеменники. Пусть вечно длится для нас эта радость, пусть будет вечной эта свадьба, это веселье! И пока я жив, клянусь Богом, друзья мои, я сделаю это! Завтра, или точнее, - сегодня продолжим мы наш праздник, непременно продолжим! А посему, селяне, поклонитесь новобрачным, и с молитвою, я повторяю - с молитвою! - ступайте по домам, спите, набирайтесь сил, чтобы к обеду снова быть здесь и возрадоваться, так сказать, с новой силой. Да. Но с одним условием отпущу я вас, с одной просьбой, не запирайте нынче двери, оставьте их открытыми, как делали это некогда наши прапрадеды, дабы светлый дух праздника мог беспрепятственно войти в любой дом и осчастливить хозяев своим присутствием. Поистине счастье и достаток не уйдут из этого дома вовек, так что не запирайтесь, люди русские! И не торопитесь встать пораньше, как привыкли вы, выпитесь вволю, наберитесь сил, а к трем часам пожалуйста к нам, все, все, непременно все!

С новой силой будем мы пить и есть во славу нового времени, времени л ю б в и ! Поднимем же последний бокал ушедшего дня за день грядущий! Виват!

- Ураааа! - закричали мужики, поднимая стаканы с водкой.

Все выпили.

Роман с Татьяной пригубили игристое вино и посмотрели в глаза друг друга.

- Неужели нас оставят одних? - опросила Татьяна.

Вместо ответа он поцеловал ее пальцы.

- Мне не верится, что весь этот народ уйдет и будет тишина... - продолжала она.

- Я люблю тебя, - шептал Роман ее пальцам.

- Да и как-то жалко, что они уйдут... они такие хорошие...

- Я люблю тебя.

- Милый... - она провела рукой по его светлым мягким волосам, - Я так люблю тебя, что боюсь чего-то.

- Ты боишься? Чего же?

- Это трудно понять тебе... вот сейчас боюсь поставить этот бокал на поднос. А вдруг это разрушит нашу любовь?

Роман осторожно взял у нее бокал и поставил вместе со своим на поднос, который неподвижно держал "кумачовый" парень.

Татьяна смущенно улыбнулась и опустила голову.

- Я кажусь тебе глупой? - тихо спросила она.

- Я обожаю тебя, - сказал он и, осторожно взяв ее за плечи, поцеловал прелестное опущенное лицо.

Вокруг же все было в движении: крестьяне, выпившие по совету

Красновского еще "на посошок, чтоб прийти вернее", кланялись новобрачным и отходили, направляясь к дороге, Антон Петрович громко упрашивал тетушку "спеть из "Нормы", Рукавитинов, отец Агафон и сидящий на траве Ключин о чем-то спорили, Красновская что-то оживленно пересказывала попадье, "кумачовые" парни мелькали среди гостей.

Тетушка, решительно отказавшись от "Нормы", подошла к новобрачным.

- Ну вот, дети мои. Танечка, ты бледна, ты много вынесла сегодня, ангел мой... - тетушка поцеловала ее, - Ты прекрасная, красивая, я так рада за тебя и за Рому! Я так волновалась, наверно не меньше твоего. Ромушка! - она поцеловала Романа, - Счастье твое вижу глазами покойных родителей твоих и радуюсь еще больше. Милые, милые дети мои! - Она взяла их за руки, - Пойдемте, я провожу вас в ваши покои.

- Как?! Они покидают нас? - воскликнул Антон Петрович, заметив движение тетушки.

- Да, да, друзья! - решительно сказала тетушка, держа новобрачных за руки, - Молодые давно уже хотят уединиться, мы утомили их своим стариковским весельем!

- Ну что вы, тетушка, - Роман поцеловал ее руку, - Нам так хорошо с вами, но просто...

- Просто мы вам немножечко надоели! - вставил Антон Петрович и все засмеялись. Роман и Татьяна переглянулись и заулыбались.

- Милые юные создания! - подошел к ним дядюшка, - Мы вас прекрасно понимаем. Окажись мы с Лидочкой на вашем месте, то сбежали бы гораздо раньше! Вы оказались терпеливей, за что от всей нашей изъеденной молью и посыпанной перхотью стариковской камарильи низкий вам поклон!

Он поклонился.

Гости обступили молодых, а удаляющиеся с песней крестьяне махали платками, шапками и выкрикивали слова благодарности и прощания.

- Счастья вам, дорогие мои, - поцеловал молодых Куницын.

- Здоровьица, здоровьица, милуй вас Господи! - обнимал их отец Агафон.

- Деточек, деточек малых! - шептала, целуя их, попадьа.

- До завтра, друзья мои! - пожал им руки Рукавитинов.

- До сегодня...- нехотя поднялся с травы и кивнул головой Ключин.

Надежда Георгиевна поцеловала их, молча улыбаясь, а Илья Спиридонович, Валентин Ефграфыч, Иван Иванович, Амалия Феоктисовна и дьякон просто поклонились.

- Счастья вам, беспокойного, прелестного счастья! - поцеловал их дядюшка, и вместе с тетушкой новобрачные пошли к дому.

- А нам, друзья, остается только по-стариковски ударить по бубендрасам и отойти на покой! - обратился дядюшка.

- По бубендрасам... это... превосходно! - забормотал Красновский, потирая руки. Молодые, ведомые тетушкой, тем временем подошли к дому. На террасе "кумачовые" ребята, Аксинья и Наталья под руководством Никиты убрали со стола.

- Всем, всем отдыхать! - сказала им тетушка - Завтра приберете, а сегодня - отдыхайте, хватит шуметь. Никитушка, спасибо тебе огромное, ступай, отдохни. Ксюша, уложи ребят на сеновале, а Никитушку в буфетной.

Аксинья кивнула, облегченно отставив в сторону стопку тарелок.

- Пойдемте, пойдемте, мои милые, - повела тетушка молодых мимо террасы к крыльцу.

На ступенях крыльца сидел, сгорбившись и обхватив колени, Дуролом.

- Парамоша! - с усталым удивлением остановилась тетушка, - Что ты здесь делаешь? Дуролом вздрогнул, поднял голову, встал и, сойдя с крыльца, торопливо поклонился:

- Извиняйте, я тутова вот присел, все дождать чтобы...

- Подождать?

- Ага, - кашлянул Дуролом, - Дождать, стало быть, Роман Алексеича, да Татьяну Лександровну.

- Вот как? - улыбнулась тетушка, оглядываясь на Татьяну, - Чего же ты хочешь, неистовый Парамоша? Напоследок напугать их?

- Упаси Господь, Лидия Костатевна, что ж вы говорите такое! - дернулся и перекрестился Парамон, - Я ж не напугать, а поздравить дождал, чтоб, значит, с глазу на глаз.

- С глазу на глаз?

- С глазу на глаз, с глазу на глаз! - бормотал Дуролом.

- Ну, что ж, - тетушка привычным движением обхватила себя за локти, - Если это так конфиденциально, тогда, дорогие мои, я буду ждать вас наверху.

Она поднялась по ступенькам крыльца и скрылась за дверью.

Дуролом, оглянувшись по сторонам, сунул руку за пазуху и что-то с осторожностью вынул. Немытые пальцы его разжались, открыв лежащий на ладони колокольчик, не очень аккуратно вырезанный из дерева.

- Вот... - забормотал Дуролом, беря колокольчик за ушко и показывая новобрачным, - Колоколец деревянный. Я, тово, Роман Алексеич, когда с цыганами странствовал, то одна под Черниговым по лесу шлялся, да на землянку набрел. Туда глянул, а она вся попрела. В нутрях там два комелья, да постель деревянная. На комельях святое писание, уж червием проеденное... Трезубец для лучинок, да вот колоколец этот. Писание-то все поистлело, под пальцами сыплется, а колоколец я взял. Стало быть, святой богоугодник там себя к райской жизни сподаблывал, а как освятился, так и вознесся на небеси во славу Божью. Вот оно как.

А колоколец-то, значица, святой. Сперва потрясешь - деревяшка деревяшкой, а опосля прислушаешься - быдто ангелы поют... - Он поднес колокольчик к уху и затряс им. Колокольчик издавал сухой деревянный звук.

- Во! Слыхали?! - сверкнул глазами Дуролом и сильней затряс колокольчиком, - Во! Во! Поют ангелы Божьи, славят Господа нашего Иисуса Христа, да тятю с маменькой Его. Во! Во! Как послушаю, так жизни вечной алчу, от грехов отрекаюсь!

Он еще немного потряс колокольчиком, дергаясь и пяля глаза, потом вдруг притих и с поклоном протянул колокольчик новобрачным:

- Примите значица, от Парамона Коробова на счастье вечное.

Татьяна протянула руку и Дуролом положил ей на ладонь свой подарок.

- Спасибо, - она взяла колокольчик и осторожно потрясла им, - Какой милый колокольчик.

- Святой, святой, истинный крест! - перекрестился Дуролом, - Сам слышал - ангелы поют, аж сердце стынет!...

- И не жалко тебе с такой святыней расславаться? - сдерживая улыбку, спросил Роман.

- Для добрых людей ничего не пожалею! - забормотал Дуролом, - Землица-то добрыми людьми жива, а коль токмо злоделатели гнездиться будут, тогда и погибель всему корню Адамову! Дьявол-то сеет плевелы, а святые старцы-то корчуют! Сей колоколец святым угодником заповедан, да в мои грешные руки попал, а я вон как вас в церкви-то увидал, так и подумал в сердце: вот голубь с голубицей, на славу Божью обручаются, так им, стало быть, и колоколец сей хранить. Вот оно как!

Он внезапно опустился на колени и поклонился, коснувшись лбом земли, бормоча:

- Будьте в здравии, живите по-божески!

Затем так же резко приподнялся и зашагал прочь, постепенно исчезая в темноте.

- Какой он... - Татьяна задумалась, глядя ему вслед, - Детский.

Роман обнял ее, посмотрел на деревянный колокольчик:

- Фантастический день и подарки фантастические... колокольчик из дерева. Первый раз вижу.

- Я тоже - первый раз! - улыбнулась Татьяна и тряхнула колокольчик.

- Будешь будить меня по утрам,- сказал Роман.

Татьяна прекратила трясти колокольчиком и неумело потянулась губами к щеке Романа.

У костров на лугу раздался дружный хохот гостей.

Татьяна вздрогнула.

Они оглянулись.

На лугу Антон Петрович что-то вполголоса рассказывал

сгрудившимся гостям, запрокинув голову и показывая пальцем на звезды. Гости слушали и смотрели, также запрокинув головы. Антон Петрович сделал рукой два круговых движения и произнес что-то еле слышно. Гости снова засмеялись.

- Пойдем, - Роман взял Татьяну за руку, они поднялись по ступеням и вошли в дом.

В комнатах и на кухне слышались голоса прислуги, и Роман, приложив палец к губам, повел Татьяну наверх по лестнице.

- Ну, вот, слава Богу, - завидя их, сидящая на старом диване тетушка встала, взяла их за руки и повела по коридору, - Пойдемте, милые.

Доведя их до дальней комнаты, она открыла дверь и, встав позади новобрачных, сказала:

- Это ваша комната. Там все - ваше. Поздравляю вас еще раз и желаю вам счастья, дети мои.

Она быстро поцеловала их и, вложив в руку Романа ключ, удалилась. Новобрачные вышли в комнату.

Она была просторной, с двумя зашторенными окнами. Раньше комната служила кабинетом Антона Петровича, теперь же все здесь было устроено по-новому: справа у стены стояли широкая кровать под полупрозрачным зеленым пологом, возле нее находились трюмо и старый, красного дерева, платяной шкаф тетушки. Слева расположились: мраморный умывальник, конторка Романа, этажерка с книгами и большой овальный стол, уставленный коробками, свертками и другими предметами.

- Как тут хорошо, - покачала головой Татьяна, подходя к окну и трогая темно-зеленую бархатную штору.

- Закроемся от мира! - предложил Роман и, закрыв дверь, тут же запер ее на ключ.

Он подошел к Татьяне. Они обнялись и замерли.

- Неужели мы наконец одни? - спросила она, глядя на его волосы.

- Одни! - радостно прошептал он и покрыл ее лицо поцелуями.

- Милый, милый мой... милый... - повторяла она, глядя на его лицо, - как все чудесно, как неправдоподобно...

- Все так правдоподобно! - целовал он ее, - Вот то, что было до этого, то действительно неправдоподобно. Вся жизнь моя, вся моя пустая жизнь!

Он радостно и как-то с облегчением засмеялся, приподнял ее на руки и закружил по комнате.

- Вся, вся, вся жизнь была пустой! - радостно повторял Роман. Туфелька Татьяны задела стоящую на столе коробку, она слетела на пол, в ней что-то хрустнуло.

Роман остановился.

- Что это? - спросила Татьяна, приблизившись к столу.

- А! Это подарки новобрачным! - догадался Роман, - Подарки нам

с тобой.

- Нам? Подарки? - удивилась она.

- Конечно! Нам же положено подарки дарить. Ты забыла это? Лесная фея моя, ты все на свете забыла? - он взял ее лицо в ладони и поцеловал ее в губы.

Она вздрогнула и спрятала лицо у него на груди.

- Мы что-то разбили... - прошептала она после долгой паузы.

Роман поднял с пола коробку, развязал розовую ленту, открыл. Внутри оказалась синяя фарфоровая вазочка с отколовшимся дном.

- Надо же! - засмеялся Роман.

- От кого это? - спросила Татьяна, разглядывая вазочку.

Роман достал из коробки открытку, на которой было аккуратно выведено:

Роману Алексеевичу и Татьяне Александровне
по случаю бракосочетания
от
Ильи Спиридоновича Реброва
на добрую память

Роман показал Татьяне открытку, она прочла и вздохнула с улыбкой:

- Ну вот, первый подарок мы уже разбили.

- Ничего, зато другие пока целы! - засмеялся Роман, - Давай посмотрим?

- Давай! - хлопнула она в ладоши, совсем как девочка.

Они стали развязывать ленты и открывать коробки.

Вскоре стол был уставлен различными предметами. Чего тут только не было! Красновские подарили китайский чайный сервиз на шесть персон, Рукавитинов - великолепный гербарий полевых цветов, батюшка с попадьей - два серебряных кубка, агатовые запонки и парчовый отрез, Куницын - кольцо с изумрудом и бельгийское ружье в красивом деревянном футляре, дьякон - хрустальную вазу, Валентин Ефграфыч - кувшин зеленого стекла, Иван Иванович и Амалия Феоктистовна - шелковое кашне и веер из слоновой кости. Воспенниковы преподнесли молодоженам резную шкатулку сандалового дерева, женские перчатки из тончайшей лайки, томик Цицерона и изумительный театральный бинокль на раздвижной перламутровой ручке.

Роман тут же заставил Татьяну надеть перчатки, взять в руки веер, бинокль и посмотреть на него, обмахиваясь веером. Она покорно исполнила его прихоть, и вскоре он в восторге покрывал поцелуями ее лицо.

Веер выпал из ее рук и, когда Роман поднимал его с пола, то заметил, что на полу возле кровати постелена волчья шкура.

- Смотри! - воскликнул он, сразу узнав безглазую длинную морду, -

Это же тот самый волк!

Присев, он провел рукой по шкуре:

- Тот самый... и шкура еще не просохла.

Татьяна присела рядом с ним и тоже потрогала шкуру.

- Знаешь... - задумчиво произнесла она, - Я всю жизнь ждала любви, но я боялась, что не смогу полюбить.

- Почему? - повернулся он к ней.

- Потому что мне казалось, что я смогу любить только безумно, только всем сердцем, а это может испугать и разрушить любовь.

Роман осторожно поднял ее за плечи и, глядя в глаза, сказал:

- Мою любовь к тебе испугать невозможно. Она ничего и никого не боится.

- Я знаю, - помолчав ответила она, - И именно поэтому мне все кажется чудом. Чудо, что мы встретились, чудо, что мы так любим друг друга.

- Чудо, что мы никогда, никогда не расстанемся, - быстро заговорил Роман, - Я не просто верю в это, я знаю это, как знаю то, что я жив, что я не умер.

- Ты веришь в нас? - спросила она его.

- Верю! - со страстью в голосе произнес он, - Я верю в тебя и в себя верю. Сегодня моя вера укрепилась еще больше.

- И моя, и моя! - воскликнула она, - Я сегодня словно сгорела и возродилась заново, это так трудно объяснить, но теперь я совсем новая и я ничего, ничего не боюсь! Понимаешь? Я с тобой, я вся с тобой, мой любимый, мой единственный человек, я жива только тобой!

Порывисто обняв его, она замерла. Снизу донесся приглушенный смех.

- Неужели они сели играть в карты? - удивился Роман, глядя ее волосы.

- Пусть они играют во что угодно, нам все теперь безразлично, - шептала Татьяна, - Мы одни с тобой и никого больше не будет, кроме тебя и меня. Никого!

Она вдруг высвободилась из его объятий и, закрыв лицо, закружилась по комнате, радостно повторяя:

- Никого! Никого! Никого!

Край ее белого платья задел деревянный колокольчик, оставленный ею на трюмо. Колокольчик упал и покатился по полу.

Она остановилась и подняла его.

- Вот он, милый подарок! - улыбнулась она, тряся колокольчиком и показывая его Роману, - Мне он нравится больше других.

- Мне тоже, - Роман посмотрел на уставленный подарками стол, - Он действительно лучше всех... хотя, ты знаешь мы забыли еще одну коробку. Вон та, за цветами. Это подарок Ключина...

Роман взял ту самую длинную тяжелую коробку, развязал ленту.

В коробке во всю длину лежал скомканный кусок черного бархата. В него было завернуто что-то тяжелое.

- Что это? - спросила Татьяна.

Роман развернул бархат и в руках его оказался красивый топор с толстым, как у колуна, лезвием и длинным дубовым топорщиком.

На лезвие было выгравировано:

Замахнулся - руби!

Роман с улыбкой разглядывал топор:

- Только Ключин способен на такие подарки!

- И Парамоша! - заметила Татьяна, тряся колокольчиком, - Мне так нравится этот звук. Он действительно какой-то неземной, не для людей.

- А мне нравится топор, - Роман гладил и сжимал удобную ручку, - Понимаешь, я... очень люблю Ключина. Это удивительно честный человек. Он честен перед самим собой и перед всеми. Мы все время спорим с ним, потому что его взгляды мне совершенно чужды. И тем не менее, я люблю его.

Татьяна потрясла колокольчиком:

- Тебе нравится?

- Да, - ответил он, - А тебе нравится этот топор?

- Да, он красивый и удобный, - кивнула она, - Но колокольчик мне нравится больше. Никогда я не слышала такого интересного звука. Послушай!

Она трясла колокольчиком и они слушали деревянный звук.

- Очень приятный, необычный звук, - произнес Роман после долгой паузы, - Вообще, колокольчик и топор - самые необычные подарки, и ты знаешь, они как-то очень хорошо на меня подействовали. Они меня успокоили. Вот я держу этот топор, слушаю колокольчик и мне очень спокойно.

- Мне тоже! - воскликнула Татьяна, - Мне очень, очень спокойно. А когда ты сказал, что и тебе спокойно, мне совсем стало хорошо! Послушай!

И она снова стала трясти колокольчиком.

- Еще, еще! - попросил он, глядя ей в глаза, и долго, неподвижно слушал деревянный звук.

- Тебе нравится? Правда? - спросила она, - Ведь правда чудесно он звучит?

- Правда, правда, любовь моя! - радостно ответил он, - Знаешь, мне кажется, я все понял. Я понял в с е !

Он взял ее за руку:

- Пойдем! Я знаю что делать. Пойдем.

Подойдя с топором в руке к двери, он отпер ее, взял Татьяну за руку

и вывел за собой в коридор.

- Позвони, позвони еще! - попросил он ее и повел по коридору.

Татьяна трясла колокольчиком,

Они прошли к лестнице и стали спускаться вниз.

В доме было тихо. Только из дядиной комнаты слышались приглушенные голоса. Спустившись вниз, Роман провел Татьяну в бильярдную. Пока она, стоя возле уставленного остатками чистой посуды бильярда трясла колокольчиком, он задернул шторы на окнах и попросил отойти ее в дальний угол.

- Стой здесь и звони, - сказал он и вышел за дверь с топором в руке.

Подойдя к дядиной комнате, он осторожно открыл ее и, просунув лицо в щель, тихо позвал:

- Дядюшка, можно вас попросить выйти на минуту?

Сидящие за столом Антон Петрович, Куницын, Красновский, Рукавитинов, Клюгин и отец Агафон повернулись к двери:

- Ба! Роман Алексеевич!

- Присоединяйтесь к нам!

- А мы думали, вы уж почивать изволите.

- Ромушка, голубчик...

Антон Петрович отложил карты:

- Простите, друзья, вернусь - дометаю.

Он встал и вышел за дверь. Роман же, быстро пройдя в бильярдную, высунулся из-за двери:

- Прошу сюда, дядюшка.

Антон Петрович двинулся по коридору и вошел в бильярдную.

- Танюша! - удивился он, заметив стоящую у окна и трясущую колокольчиком Татьяну, - И ты здесь?

Татьяна молча смотрела на него.

Роман закрыл дверь за дядюшкой и повернулся к нему, держа в правой руке топор.

- Что случилось, друзья мои? - спросил Антон Петрович, оборачиваясь к Роману. Но едва он повернулся, Роман изо всех сил ударил его топором в лицо. Взмахнув руками, Антон Петрович стал падать навзничь и тяжело ударился спиной о борт бильярда, отчего голова его откинулась назад, разрушив стопку чайной посуды. Ноги его подогнулись и тело стало медленно сползать с бильярда на пол. Кровь хлынула из страшной раны, наискосок пересекающей лицо, разрубленная и вывороченная челюсть тряслась, из открытого рта слышались клокочущие звуки. Роман шагнул к нему и ударил топором сверху по голове. Тяжелое лезвие вошло по самый обух, расколов череп, кровь и мозг брызнули на белый фрак Романа. Пальцы Антона Петровича конвульсивно сжались, он грузно завалился набок. Татьяна, перестав трясти колокольчиком, смотрела на подплывающий кровью труп. Роман взглянул на свой окровавленный топор, обернулся к Татьяне.

Глаза их встретились. Лица их были бледны. Он подошел к ней. Минуту они смотрели друг другу в глаза, затем он тихо произнес:

- Я люблю тебя.

- Я жива тобой,- ответила она, бледнея еще больше.

- Я знаю что нужно делать, - сказал он.

Она молчала.

- Ты сейчас пойдешь к ним в комнату и попросишь сюда Адама Ильича.

- Хорошо, - ответила она и вышла за дверь.

Роман подошел к бильярду, влез на него и, стоя на коленях привернул до минимума фитиль в висящей над ним лампе.

Бильярдная погрузилась в полумрак.

Дверь вскоре беззвучно отворилась и в нее, шурша платьем, быстро вошла Татьяна.

- Он идет,- проговорила она, отходя к окну.

- Стой там и звони, - сказал Роман и подошел к двери.

Татьяна затрясла колокольчиком.

- Вы позволите? - с веселой теплотой в голосе спросил Куницын, приоткрывая дверь.

- Входите, - ответил Роман, заслоня собой комнату и держа топор сзади, - Входите, Адам Ильич.

Но едва Куницын шагнул через порог, Роман схватил его левой рукой за волосы и с силой толкнул через свою ногу.

- Что... - успел произнести лесничий и шумно повалился ничком.

Быстро прикрыв дверь, Роман приблизился к нему сзади и, размахнувшись, обрушил топор на затылок. Удар оказался столь сильным, что, расколов череп пополам, топор с глухим звуком воткнулся в пол, пригвоздив к нему Куницына.

Тело лесничего дернулось и растянулось на полу.

Наклонившись, Роман с усилием вытянул топор из пола. Татьяна трясла колокольчиком.

Роман приоткрыл дверь и, убедившись, что все по-прежнему тихо, вышел в коридор.

Из дядюшкиной комнаты раздался взрыв смеха и веселые голоса наперебой стали пересказывать что-то.

Он подошел к двери, немного приоткрыл ее и, просунув лицо в щель, произнес:

- Петр Игнатьевич, можно вас на минуту?

- Роман Алексеевич! Где наш банкомет? Что там за тайны? - оживились за столом.

- Петр Игнатьевич, - повторил Роман, - Прошу вас, буквально на одно слово.

- Что ж, - Красновский, усмехаясь, встал, - Я к вашим услугам, Роман Алексеевич.

- Мы в бильярдной, ждем вас! - Роман пробежал по коридору и скрылся в бильярдной.

Татьяна, увидев его, подняла руку с колокольчиком и затрясла им.

Стоя у двери, Роман прислушался.

Когда в коридоре зашуршало половицы, он приоткрыл дверь и крикнул приближающемуся Красновскому:

- Петр Игнатьевич, только очень просим вас, когда войдете закройте, пожалуйста, глаза!

- Закрывать глаза? - раздался в коридоре пьяноватый голос Красновского, - Что ж, коль заговорщики просят... Я уже закрыл!

Роман отошел влево от двери и поднял руку с топором.

Звук деревянного колокольчика распространился по бильярдной.

- Вы позволите? - постучал Красновский в дверь.

- Входите, - ответил Роман.

- Так... - дверь медленно отворилась и Красновский вошел, улыбаясь и прикрыв глаза рукой.

- Только не смотрите, - пробормотал Роман, быстро протягивая руку и закрывая за ним дверь.

- Так, так! - усмехнулся Красновский, - Кто-то барабанит... ты, Антон Петрович?

Роман размахнулся и ударил его топором. Голова Петра Ивановича откачнулась назад и стукнулась о дверь. Лезвие вошло в прикрывающую глаза руку по самое топорщице, пригвоздив руку к переносице. Два пухлых пальца Красновского отлетели прочь, рот приоткрылся, исказившись смертельной гримасой, из него вырвался слабый хриплый вой. Другая рука его вцепилась в топор. Роман выпустил рукоятку топора и, сторонясь шатающегося Красновского, схватил ручку двери, готовой вот-вот распасться. Хриплый вой не прекращался, кровь скупно протекла из-под руки Петра Игнатьевича по его щекам.

Держа дверь, Роман свободной правой рукой вцепился в плечо Красновского и потянул его от двери. Ноги Петра Игнатьевича заплелись и он, развернувшись, грузно обрушился спиной на пол, прямо к ногам мертвого Куницына.

Вой тут же прекратился, рука, вцепившаяся в топорщице мелко затряслась, словно стараясь вырвать топор из головы, точно так же затряслись ноги; рот Красновского немой, как у рыбы, открывался и закрывался. Роман подошел к нему и ударил ногой по вцепившейся в топор руке. Она тут же бессильно отпала, но не перестала дрожать мелкой дрожью. Взявшись за рукоятку, он стал вытягивать топор из головы, но голова и пригвожденная к ней рука оказались крепко насаженными на топор и поднялись вместе с ним. Красновский еле слышно хрипел. Роман наступил на кисть пригвожденной к голове руки и, прижав голову к полу, с трудом вытянул топор.

Кровь хлынула из темной дыры в руке, заливая лицо Красновского.

Роман размахнулся и всадил топор в грудь умирающего.

Красновский издал звук, напоминающий слабый кашель, рука его перестала дрожать. Роман легко на этот раз вытянул лезвие из груди, замахнулся, но передумав, опустил топор: труп не шевелился.

Белая, идеально отглаженная сорочка на груди трупа подплывала кровью. Звук деревянного колокольчика не прекращался.

Роман повернулся к Татьяне.

Потряхивая колокольчиком, она смотрела на него.

- Хорошо, звони так же... - пробормотал он и быстро вышел в коридор. Подойдя к комнате дяди, он приоткрыл дверь ровно на столько, чтобы произнести:

- Николай Иванович, прошу вас, зайдите в бильярдную!

И тут же прикрыл дверь.

- Это становится скучным, - послышался голос Ключина, - Что они там, пьянствуют что ли?

- Такой день, Андрей Викторович, изобилует сюрпризами, - ответил ему Рукавитинов, - Не стоит сетовать.

Роман услышал звук отодвигаемого стула и поспешил к бильярдной. Но, открывая дверь и машинально посмотрев вниз, заметил, что на полу в коридоре остались следы его окровавленных подошв. По-видимому, он наступил в лужу крови, расплывшуюся вокруг трупа Антона Петровича, и двумя овальными рукавами ползущую к двери. Мгновенье он соображал что делать с этими следами, потом приоткрыл дверь. В этот момент Рукавитинов вышел в коридор.

- Николай Иванович! - обратился к нему громким шепотом Роман, высовываясь из-за двери, - То что на полу, это необходимо. Это наша тайна.

- На полу? - улыбаясь, остановился Рукавитинов и посмотрел на пол, - А! Я и не заметил. Ай, ай, ай! Ну и шуточки, Роман Алексеевич, хорошо что дамы удалились!

Осторожно обходя кровавые следы, он подошел к двери.

- И пожалуйста, закройте глаза, - так же шепотом попросил Роман.

- Это непременно условие? - спросил Рукавитинов.

- Да, да. Это нужно.

Рукавитинов зажмурился.

Роман открыл дверь и двинулся влево. Татьяна потряхивала колокольчиком. Рукавитинов осторожно шагнул через порог и остановился, с протянутыми вперед руками.

- Николай Иванович, сделайте еще два шага вперед, - сказал Роман, держа топор наготове.

- Раз, два, - с улыбкой отсчитал шаги Рукавитинов, и остановился ступив правым ботинком в лужу крови. Роман притворил за ним дверь, примерился и ударил его топором в правый висок. Николай Иванович, как подкошенный, повалился на бок, задев в падении пирамиду с киями.

Пирамида опрокинулась и кии с шумом попадали на пол.

Роман склонился над Рукавитиновым. Тот лежал неподвижно на боку, словно спал- с закрытыми глазами и со спокойным выражением на лице. Рана в его голове быстро наполнилась темной кровью, кровь потекла по шее под воротничок сорочки. Татьяна опустила руку с колокольчиком и подошла к Роману.

- Ты встань куда-нибудь, - сказал он, беря ее за руку, - Встань вот туда, в угол. Там удобно. Встань и звони.

Она кивнула и направилась в угол. Роман вышел в коридор, приблизился к двери, приоткрыл ее.

Клюгин и отец Агафон сидели за столом, не разговаривая. Андрей Викторович, откинувшись, покачивался на стуле, глядя в потолок, батюшка тербил бороду, опустив глаза.

- Андрей Викторович, прошу вас, зайдите в бильярдную, - проговорил Роман в щель.

- Никуда я отсюда не пойду! - резко откликнулся Клюгин, - Хватит этих дурачеств, мы все устали, в конце концов. Доиграем и по домам...

- Я очень прошу вас.

- Ни-ку-да, ни-ку-да, - упрямо повторил фельдшер, раскачиваясь в такт, - А Антону Петровичу передайте, что я им разочарован. Бросить банк и сбежать... за это в старые времена на дуэль вызывали.... или, в крайнем случае, подсвечником...

- Мы все вас просим, Андрей Викторович, очень просим...

- Ни-за-что! Ни-за-что! А этим всем передайте, коль через минуту они не вернуться, я все бросаю и удаляюсь в свою избушку. И Красноярскому принципиально не заплачу. .

Отец Агафон молчал, с тихим беспокойством поглядывая на Клюгина.

- Андрей Викторович... - опять начал Роман, но Клюгин отрицательно покачал пальцем. Помедлив немного, Роман открыл дверь и вошел, держа топор за правой ногой.

Сидящие за столом посмотрели на него.

- Там что, очередная клоунада? - спросил Клюгин, - Так ведь поздно, да и устали мы... в чем это у вас брюки? Это что краска, или кровь?

- Это кровь, - спокойно ответил Роман, приближаясь.

- Как это?- равнодушно спросил Клюгин, разглядывая бледное лицо

Романа, - Вы что пьяны?

Роман остановился у стола, взмахнул топором и ударил Клюгина. Удар оказался неточным - разрубив щеку, топор вонзился в спинку стула.

- А? - удивленно выдохнул Клюгин и взмахнул длинными руками, словно загораживаясь от уже свершившегося удара.

Роман рывком выдернул лезвие из спинки, одновременно с этим Клюгин, зажав рукой рану, рванулся влево, опрокидывая стул, а отец Агафон закричал несильным тонким голосом:

- Ромушка! Рооооушкаааа!!

Неожиданно быстро и проворно выпрыгнув из стула, Ключин схватил левой рукой стоящий рядом стул и загородился им в тот самый момент, когда Роман наносил второй удар. Топор с треском рассек ножку стула. Ключин схватил стул обеими руками и, плясь к окну, закричал:

- Возьмите... возьмите его! Возьмите!

- Рооооушкаааа! Ромушкааа!!! - кричал отец Агафон.

Роман схватил за ножку направленный в него стул, дернул влево и ударил топором наугад.

Лезвие поранило Ключину плечо и, яростно вскрикнув, он изо всех сил надавил стулом на Романа, стараясь прижать его к книжному шкафу.

Ножка стула уперлась Роману в грудь, Ключин, быстро и угловато перебирая ногами, протиснулся между столом и упавшим стулом стремясь выбраться к двери.

- Ромаааа! Ромушкаааа!! Христа рааади! Христа рааади!!! - вопил Федор Христофорович, приподнявшись и тряся руками возле лица.

Ключин, прижавшись задом к столу, толкнул Романа стулом и, бросив стул, метнулся к двери, но, зацепившись ногой за ножку стола, стал размашисто падать на бегу.

Роман, отшвырнув стул, бросился за ним.

Ожончательно упав возле самой двери, но все же успев вцепиться побелевшей от напряжения рукой в дверную ручку, Ключин потянул за нее и отчаянным движением дернулся всем распластавшимся телом к проему.

Но Роман уже настиг его и ударил топором в спину, прорубив старый черный фрак. Фельдшер задергался, подтягиваясь на руках к порогу, большая плешивая голова его затряслась, и вместе с ней затряслась отрубленная, висящая у подбородка щека.

- Возьмите! - отчаянно всхрипел Ключин, но Роман ударил его по голове раз, другой и третий, начисто размозжив фельдшеру затылок. Вцепившиеся в дверную ручку пальцы разжались и умирающий повалился на пол.

Роман повернулся к столу.

Отец Агафон лежал на полу в глубоком обмороке.

Роман подошел, оттолкнул ногой стул и, опустившись для удобства на колено, с размаху вогнал топор в седовласую голову батюшки. Отец Агафон не пошевелился.

Поднявшись с колена и вытащив топор из развороченной головы, Роман шагнул к двери и замер: на пороге возле трупа Ключина стояла Аксинья. Она была в длинной ночной рубашке и держала в руке зажженную свечу. Другой рукой она зажимала себе рот, издавая при этом еле слышные звуки, напоминающие быстрое икание.

С окровавленным топором в руке Роман двинулся к ней.

Пламя ее свечи дрогнуло, и она стала пятиться от Романа в коридор,

качая головой и издавая все те же звуки.

Роман стал поднимать топор.

- Нееет! - хрипло прокричала зажатым рукою ртом Аксинья, отступая назад. Рука, держащая свечу, тряслась, пламя дрожало.

Роман сделал два быстрых шага.

- Нееет! - снова прохрипела в руку Аксинья, глядя на него округлившимися глазами.

Топор рассек ей лицо, лезвие вошло глубоко, выбив правый глаз из века. Голова Аксиньи откатнулась и кухарка рухнула навзничь прямо, не сгибаясь, как и стояла, со свечой в руке.

Роман склонился над ней.

Пальцы рук ее мелко дрожали, кровь медленно заливала изуродованное лицо.

Свеча, упавшая на пол, продолжала гореть. Роман наступил на нее и фитиль затрещал у сего под подошвой. Дверь бильярдной открылась.

На пороге стояла Татьяна.

- Ты должна быть всегда со мной, - сказал Роман, подходя к ней, - Тогда все будет хорошо.

- Я звонила, - проговорила она, показывая колокольчик, - Стояла и звонила.

- Ты должна быть рядом.

- Хорошо. Я буду рядом. Всегда.

- И звони, звони обязательно.

- Я буду звонить.

Наверху послышался скрип ступеней и сонный голос тетушки спросил:

- Что там происходит?

- Это мы, тетушка, - ответил Роман.

- Как... вы не у себя?

- Нет, нет. Спускайтесь, мы вам все расскажем.

Роман пошел по коридору и лестнице, сделав знак Татьяне, чтобы она следовала за ним.

Подойдя к лестнице, он встал в темном углу, убрав топор за спину.

- Боже мой, а мне приснилось что-то страшное, какие-то пытки, казни... - тетушка спускалась по ступеням, держась за перило. Она была в голубом халате, лицо ее было сонным.

Подойдя к лестнице и глядя на спускающуюся тетушку, Татьяна затрясла колокольчиком.

- Танечка! И ты здесь? - радостно удивилась тетушка, - А я, как старая барыня, улеглась спать и тут же заснула... Что же вы делаете?

Она спустилась и заметила подходящего к ней Романа.

- Мы шугим, тетушка, - ответил Роман и, приблизясь, быстро ударил ее топором.

Удар пришелся в верхнюю часть головы и сразу сбил тетушку с ног. Упав на пол она слабо застонала и обняла руками голову.

- Рома... Рома... - стонала она. Роман опустился на правое колено и стал бить ее топором по обнажившейся шее до тех пор, пока не отсек голову.

Татьяна трясла деревянным колокольчиком.

Кровь хлынула из шеи трупа, заливая пол. Голова лежала рядом, и одна из рук вцепилась ей в волосы. Роман вытер топор полкой тетушкиного халата и пошел по коридору. Татьяна двинулась за ним. Подойдя к двери комнаты Аксиньи, он осторожно открыл ее и вошел. Оставшаяся за порогом Татьяна стала трясти колокольчиком.

В комнате было темно и раздавался равномерный храп.

Постояв немного и привыкнув к комнате, Роман разглядел Полю и Гашу, спящих на печке. Он осторожно приблизился к ним и держа за собой руку с топором, потряс их за плечи.

- Что? Что? - забормотали сонные женщины, поднимая головы.

- Встаньте, пожалуйста, надо помочь, - сказал Роман.

Охая и бормоча, женщины заворочались на печке.

- Быстрее! Тетушке плохо! - громче сказал Роман.

Женщины стали слезать с печки по небольшой приставной лесенке. На них были длинные ночные рубашки. Роман отодвинулся, пропуская их к двери, и как только они оказались впереди него, быстро ударил их топором по затылкам.

Женщины замерли на месте и мгновенно стояли, как каменные. Затем, оказавшая слева Поля стала беззвучно валиться на пол, а Гаша, схватившись за голову, медленно повернулась к Роману, недоуменно проговорив:

- Ой, мамоньки...

Роман ударил топором и сбил ее с ног.

- Мамоньки... мамоньки... - повторяла Гаша и заворочалась в темноте.

Роман стал бить ее наугад и бил до тех пор, пока она не перестала шевелиться.

Потом он дважды ударил по голове неподвижно лежащую ничком Полю. Все это время Татьяна стояла за дверью и трясла колокольчиком. Перешагнув через трупы, Роман вышел к ней в коридор и притворил за собой дверь.

Татьяна опустила руку с колокольчиком. Они посмотрели в глаза друг другу.

- Ты должна быть всегда рядом, - сказал он.

- Я буду всегда рядом, - ответила она и осторожно стерла с его щеки несколько капель крови и желтовато-розовый кусочек мозгового вещества. Рядом с комнатой Аксиньи была буфетная. Роман осторожно открыл дверь и вошел, сделав знак Татьяне. Оставшись за дверью, она тряхнула колокольчиком.

В буфетной было светлей, чем в комнате Аксиньи - шторы не задернули

и свет полной луны проникал внутрь.

На кушетке, у окна, между двумя громоздкими буфетами спал повар Никита.

Он лежал на спине, укрывшись до подбородка узким лоскутным одеялом и скрестив поверх одеяла на груди свои костлявые руки.

Освещенное луной лицо было спокойно.

Роман пошел к лежанке, поднимая топор, но проходя мимо правого буфета задел стоящий с краю подсвечник.

Подсвечник громко упал и покатился по полу.

Никита глубоко вздохнул и, разлепив губы, пробормотал:

- Под... березовое...

Роман осторожно переступил через подсвечник и на цыпочках приблизился к изголовью кушетки.

Повар спал.

Роман, не спеша, примерился и, с выдохом, всадил топор ему в лоб. Скрещенные руки Никиты слабо дернулись, пальцы задвигались. Отсеченная верхняя часть черепа упала за изголовье кушетки, обнаженный мозг в голове повара блестел под лунным светом, лицо оставалось неподвижным.

Роман вытер топор одеялом и вышел из комнаты.

Татьяна ждала его с колокольчиком в руке.

- Иди за мной, - сказал он и двинулся по коридору.

Она пошла следом.

Миновав опустевшую кухню, они дошли до двери, выходящей во двор.

- Нам нужна свеча, - сказал Роман, - Возьми на кухне свечу и спички.

Татьяна зашла на кухню и вскоре вышла со свечой и спичками. Роман открыл дверь, они спустились по трем деревянным ступенькам и оказались во дворе.

Здесь было прохладно и все хорошо освещалось луной. Впереди стояли хлев, стойла, кладовые. Прямо за ними был сенной сарай. Роман пошел влево, Татьяна пошла за ним.

Они обошли стойла и приблизились к сенному сараю.

- Зажги свечу, - тихо сказал Роман. Татьяна зажгла свечу. Роман подошел к лестнице, приставленной к сараю и повернулся к Татьяне.

- Дай мне свечу, - сказал он.

Она передала ему зажженную свечу.

- Стой здесь и звони, - оказал он и полез по лестнице, держа в левой руке свечу, а в правой топор.

Татьяна затрясла колокольчиком.

Роман поднялся до последнего венца сарая и посветил внутрь свечой.

Почти до самой крыши сарай был заполнен сеном.

Справа на широкой подстилке спали шесть парней в кумачовых рубахах.

Слева, прямо на сене, накрывшись тулупом спал конюх Куницына

Гаврила.

Роман осторожно перелез с лестницы на сеновал. Сено зашуршало под ногами.

Он подошел к Гавриле, осветил свечой.

Потом примерился, и ударил два раза топором по голове. Гаврила захрипел и заворочался. Роман ударил еще два раза и Гаврила затих. Роман подошел к остальным.

Крайний слева спал вниз лицом. Роман опустился на колени, осветил свечой, и ударил топором по шее. Спящий не пошевелился. Роман ударил еще раз. Спящий лежал неподвижно. Роман передвинулся ко второму. Тот спал на правом боку. Роман ударил его в левый висок. Спящий зашевелился, застонал и затих. Роман передвинулся к третьему. Тот спал также на правом боку. Роман ударил его в левый висок. Спящий не шевелился. Роман передвинулся к четвертому. Тот спал на спине. Как только Роман осветил свечой, спящий стал просыпаться. Роман ударил его топором в голову. Он закричал и стал биться. Роман ударил еще два раза. Двое оставшихся стали просыпаться и Роман задул свечу. Они проснулись и подняли головы.

- Кто кричал? - спросил тот, что был ближе к Роману.

- Будто плакал кто, - сказал другой.

- Никола! - позвал тот, что был ближе к Роману.

Ему никто не ответил.

- Никола! - опять позвал он.

Никто опять не ответил.

- Слышь, а может хорек? - спросил другой.

- Да то Никола кричал, - ответил ближний к Роману, - Напился черт, теперь орет во сне.

- Во, во! - сказал другой. Они заворочались и легли.

Роман ждал в темноте. Он не двигался. Слышен был слабый звук деревянного колокольчика.

Через несколько минут оставшиеся двое уснули. Роман, стоя на коленях медленно приблизился к ближайшему и ударил топором. Спящего вырвало. Роман ударил его еще три раза. Его сосед заворочался и поднял голову. Роман замер.

- Кто тут? - спросил оставшийся.

- Это я, - ответил Роман, - Не бойся.

- Кто это? - спросил оставшийся.

- Роман Алексеевич, - ответил Роман, двигаясь к нему в темноте. -

Я Гаврилу ишу. Где Гаврила спит?

- Гаврила? А там-то вон, подале, - ответил оставшийся.

Роман быстро ударил его топором.

Оставшийся громко закричал. Роман ударил еще раз. Оставшийся кричал, закрываясь руками. Роман стал бить его топором.

Оставшийся кричал. Роман бил до тех пор, пока он не затих.

Татьяна трясла колокольчиком.

Роман выглянул с сеновала. Она подняла голову. Роман стал спускаться по лестнице вниз. Татьяна перестала трясти колокольчиком.

- Пойдем со мной, - сказал Роман. Он взял ее за руку. Они пошли к дому, потом пошли по дороге вниз. Они прошли липы, прошли кусты. Потом вышли к оврагу и пошли вдоль оврага. Когда они дошли до избы пастуха Николая Горохова, Роман остановился. На них залаяла собака пастуха.

- Звони в колокольчик! - быстро оказал Роман. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Она завиляла хвостом и подошла к ним. Роман с Татьяной подошли к крыльцу.

- Встань на крыльце и звони, - сказал Роман. Татьяна взошла на крыльцо и затрясла колокольчиком. Роман прошел мимо нее. Дверь была открыта. Он прошел в сени. Потом открыл другую дверь и вошел в избу. В избе было темно. Роман постоял и привык к темноте. Слева стоял стол. Справа стояла печь. Возле печи стояла лежанка. На лежанке лежали Николай Горохов и его жена Матрена Горохова. На печи лежали их дети: Степан Горохов, Мария Горохова, Иван Горохов и Петр Горохов. Роман подошел к лежанке и ударил Николая Горохова топором по голове. Николай Горохов застонал. Роман ударил Матрену Горохову топором по голове. Она не двигалась. Роман ударил Николая Горохова. Он перестал стонать. Роман подошел к печке. Крайним на печке лежал Петр Горохов. Роман взял его за руку и потянул. Петр Горохов упал с печки. Роман ударил его топором по голове. Петр Горохов не шевелился. Роман потянул за руку Ивана Горохова. Иван Горохов упал с печки и заплакал. Роман ударил его топором по голове. Иван Горохов перестал плакать. Роман потянул за руку Степана Горохова. Степан Горохов упал с печки и заплакал. Роман ударил его топором по голове. Степан Горохов замолчал. Роман потянул за руку Марию Горохову. Мария Горохова упала с печки. Роман ударил ее топором по голове. Мария Горохова не двигалась. Роман вышел из избы. Он прошел сени и вышел на крыльцо. На крыльце стояла Татьяна. Она трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку. Они сошли с крыльца и пошли к следующему дому. Это была изба Федора Косорукова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Она была не заперта. Он вошел в сени. Потом открыл другую дверь и вошел в избу. Справа стоял стол и комод. Слева стояла печь. Впереди у окна стояла кровать. На кровати спали Федор Косоруков и его жена Наталья Косорукова. На печи спала мать Федора - Дарья Косорукова. Роман подошел к изголовью кровати и ударил Федора Косорукова топором по голове. Федор Косоруков стал биться. Наталья Косорукова проснулась и подняла голову. Роман ударил ее топором по голове. Она застонала и упала на пол. Роман ударил ее топором по голове. Потом он ударил Федора Косорукова. В это время проснулась Дарья Косорукова. Она свесила голову с печи и спросила: -

Кто это? Кто тут?- Это я, - ответил Роман, - Кто это? - спросила Дарья Косоруковч, - Роман, Алексеевич, - ответил Роман. - Господи! - сказала Дарья Косорукова. Роман подошел к печке. - Так чаво ж? - спросила Дарья Косорукова, - Будите их. Роман ударил ее топором по голове. Дарья Косорукова свесила голову с печки и не двигалась. Роман вышел из избы в сени. Потом он вышел на крыльцо. Татьяна стояла и трясла колокольчиком. Роман пошел к соседнему дому. Это был каменный дом братьев Черновых. Роман подошел к крыльцу. За воротами залаяли собаки. Татьяна затрясла колокольчиком. Собаки перестали лаять. Роман взошел на крыльцо и сделал знак Татьяне. Она взошла на крыльцо. Роман потрогал дверь. Она была не заперта. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вошел в сени. В сенях было темно. Он двинулся наощупь. Слева он нашел ручку двери. Он потянул ручку. Дверь открылась. Он вошел. Слева стоял стол. Справа стояла печь. В правом углу стояла кровать. Рядом с кроватью стоял сундук. На кровати спал Степан Чернов и его жена - Агафья Чернова. На печи спали дети Черновых: Иван Чернов, Алексей Чернов и Матвей Чернов. На сундуке спала дочь Черновых - Мария Чернова. Роман подошел к изголовью кровати и ударил Степана Чернова топором по голове. Степан Чернов не пошевелился. Роман ударил Агафью Чернову топором по голове. Она застонала и подняла голову. Роман ударил ее топором по голове. Она упала на кровать и не шевелилась. Роман подошел к сундуку и ударил Марию Чернову топором по голове. Она захрипела. Роман ударил ее топором по голове. Она продолжала хрипеть. Роман ударил ее топором по голове. Она перестала хрипеть. Роман подошел к печи. Первым с краю лежал Иван Чернов. Роман взял его за руку и потянул. Иван Чернов упал с печи. Роман ударил его топором по голове. Иван Чернов не двигался. Роман потянул за руку Матвея Чернова. Матвей Чернов заплакал. Роман потянул сильнее. Матвей Чернов упал с печи. Роман ударил его топором по голове. Матвей Чернов не шевелился. На печи проснулся Алексей Чернов и заплакал. Роман сказал ему: - Не бойся. Иди ко мне. Алексей Чернов заплакал громче. Роман протянул руку и взял его за руку. Алексей Чернов плакал и упирался. Роман подтянул его к краю печи и ударил топором по голове. Алексей Чернов стал биться. Роман ударил его топором по голове. Алексей Чернов перестал биться и упал с печи. В это время Степан Чернов застонал и сел на кровати. Он держался за голову. Роман подошел к кровати и четыре раза ударил его топором по голове. Степан Чернов упал на кровать и не шевелился. Роман подошел к двери и вышел в сени. В сенях было темно. Он нащупал дверь в правую половину дома. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел. Справа в углу стоял сундук. Справа у окна стоял стол. Слева стояла печь. Рядом с печью стояла кровать. Рядом с кроватью висела люлька, на печи спал Михаил Чернов. На кровати спала жена Чернова Екатерина Чернова. Рядом с ней спал сын Черновых Егор Чернов. На сундуке спал

сын Черновых Василий Чернов. В люльке спала дочь Черновых Ксения. Роман подошел к печи. Михаил Чернов громко храпел. От него пахло водочным перегаром. Роман взял его за руку и потянул. Михаил Чернов перестал храпеть. Роман подтянул его голову к краю печи. Михаил Чернов стал просыпаться. Роман ударил его топором по голове. Михаил Чернов задрожал. Его вырвало. Роман ударил его топором по шее. Михаил Чернов перестал дрожать. Екатерина Чернова проснулась - Кто тут? - спросила она. - Это я, Катя, - ответил Роман, - Роман Алексеевич. Твоего мужа рвет. - Господи!- сказала она и стала слезать с кровати. Роман пошел к ней. Екатерина Чернова встала на печи - Ой, что ж это?- спросила она. Роман ударил Екатерину Чернову топором по голове. Екатерина Чернова закричала. Роман ударил ее топором по голове. Екатерина Чернова упала на пол. Она стонала. Роман опустился на правое колено. Екатерина Чернова стонала и шевелилась. Роман ударил ее топором по голове. Екатерина Чернова перестала стонать. Она не шевелилась. Василий Чернов проснулся и закричал: - Тятя! Тятя! Тятя! Тятя! Роман пошел к нему. Василий Чернов побежал к двери. Роман догнал его и ударил топором по голове. Василий Чернов упал и не шевелился. Роман подошел к люльке. Ксения Чернова спала. Роман взял ее за ногу и вынул из люльки. Он положил ее на пол. Ксения Чернова проснулась и стала плакать. Роман опустился на правое колено и ударил Ксению Чернову топором по голове. Ксения Чернова не шевелилась. Роман вытер топор о люльку и пошел к двери. Он открыл дверь и вышел в сени. Потом открыл другую дверь и вышел в сени. Потом открыл другую дверь и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку. Они сошли с крыльца и пошли к соседнему дому. Это был деревянный дом Петра Егорова. Роман подошел к крыльцу. Возле крыльца в траве спал Савва Ермолаев. Роман подошел к Ермолаеву. Савва Ермолаев громко храпел. От него пахло водочным перегаром. Роман подал знак Татьяне. Она затрясла колокольчиком. Роман опустился на правое колено и ударил Савву Ермолаева топором по голове. Савва Ермолаев задергался. Роман ударил его топором по голове. Савва Ермолаев перестал дергаться. Роман взошел на крыльцо. Татьяна взошла на крыльцо за ним. Она стала трясти колокольчиком. Роман нажал на дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. В сенях было темно. Роман вошел в сени. Роман наощупь нашел ручку двери. Он открыл дверь и вошел. Слева стоял стол. Справа стояла печь. Справа у окна стояли две кровати. Прямо у окна стояла кровать. В углу справа стоял сундук. На сундуке спал Петр Егоров. На печи спала жена Петра Егорова Надежда Егорова. У окна на двух кроватях спали дети Егоровых: Любовь Егорова, Иван Егоров Тимофей Егоров, Макар Егоров и Антон Егоров. На третьей кровати спали дети покойных Бориса и Марьи Егоровых: Глафира и Василий Егоровы. Роман подошел к сундуку.

Петр Егоров громко храпел. От него пахло водочным перегаром. Роман подошел к изголовью сундука и ударил Петра Егорова топором по голове. Петр Егоров не шевелился. Роман подошел к печи. Голова Надежды Егоровой виднелась из-за занавески. Надежда Егорова громко храпела. От нее сильно пахло водочным перегаром. Роман ударил ее топором по голове. Надежда Егорова не пошевелилась. Роман подошел к кровати. На ней спали Глафира и Василий Егоровы. Роман ударил Василия Егорова топором по голове. Василий Егоров стал выгибаться. Роман ударил его топором по голове. Василий Егоров застонал. Роман ударил его топором по голове. Василий перестал стонать и не шевелился. Глафира Егорова проснулась. - Мама! - сказала она. Роман ударил Глафиру Егорову топором по голове. Она упала на кровать и не шевелилась. Роман подошел к другой кровати. На ней спали Любовь Егорова и Иван Егоров. Роман ударил топором по голове Любовь Егорову. Она не шевелилась. Роман ударил топором по голове Ивана Егорова. Иван Егоров застонал и упал с кровати. Роман ударил его топором по голове. На другой кровати проснулись Тимофей Егоров и Антон Егоров. - Батя! - крикнул Тимофей Егоров. Антон Егоров заплакал. - Не бойтесь, - сказал Роман и подошел к ним. - Батя! Батя! - кричал Тимофей Егоров. Роман ударил Тимофея Егорова топором по голове. Тимофей Егоров упал на кровать и не шевелился. Роман ударил топором по голове Антона Егорова. Антон Егоров не шевелился. Роман ударил топором по голове Макара Егорова. Макар Егоров не шевелился. Роман подошел к двери. Антон Егоров застонал. Роман подошел к кровати. Антон Егоров стонал. Роман ударил Антона Егорова топором по голове. Антон Егоров перестал стонать. Роман подошел к двери. Он открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на скотный двор. Слева стоял хлев. Справа стоял дровяной сарай. Посередине стоял сенной сарай. Роман подошел к сенному сараю. К сараю была приставлена лестница. Роман полез по лестнице. Он влез на сено. На сене справа спали сыновья Егоровых Семен Егоров и Василий Егоров. Роман опустился на колени возле Семена и Василия Егоровых. Семен Егоров проснулся. - Ты кто? - спросил Семен Егоров. - Я Роман Алексеевич, - сказал Роман и ударил его топором по голове. Семен упал и замолчал. - Рятуйте! Рятуйте! - закричал Василий и бросился к проему. Роман ударил его топором по спине. Василий Егоров упал с сеновала на землю. Он полз по земле и стонал. Роман спустился по лестнице на землю. Василий Егоров полз по земле и стонал. Роман подошел к нему. Василий Егоров повернулся к нему - Не убивай! - сказал он, - Не убивай, ради Бога! Роман ударил Василия Егорова топором по голове. Василий Егоров упал и не шевелился. Роман вытер топор о штаны Василия Егорова и пошел к дому Егоровых. Он прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял ее за

руку. Они пошли к следующему дому. Это была деревянная изба Дарьи Гудилиной. Роман и Татьяна подошли к крыльцу. Из-под крыльца вылезла собака и залаяла. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять и залезла под крыльцо. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна остановилась и стала трясти колокольчиком. Роман толкнул дверь. Она была заперта. Роман сошел с крыльца, подошел к окну и постучал. Ему не ответили. Роман постучал в окно. Ему не ответили. Он постучал в окно. Ему не ответили. Он стучал и стал ждать. В окне показалась Дарья Гудилина - Кто это? - спросила она. - Это я, Роман Алексеевич, - сказал Роман и подошел к окну. - Открой, - сказал он. Дарья Гудилина отошла от окна. Роман подошел к крыльцу. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взошел на крыльцо. Дверь открылась. На пороге стояла Дарья Гудилина. - Это вы, батюшка? - спросила она. - Это мы, - ответил Роман и толкнул ее в грудь. Дарья Гудилина упала на пол. Роман вошел в сени и подошел к Дарье Гудилиной. - Чаво, чаво это? - сказала Дарья и стала подниматься. Роман ударил ее топором по голове. Дарья Гудилина закричала. Роман ударил ее топором по голове. Дарья Гудилина упала на пол и не двигалась. Роман подошел к другой двери. Он отворил дверь и вошел в избу. Слева стоял стол. Справа стояла печь. Слева в углу стоял сундук. Рядом с сундуком стояла лежанка. На лежанке сидел отец Дарьи Гудилиной Парамон Гудилин. - Здравствуйте, - сказал Роман и пошел к Парамону Гудилину. - Дарья! Гадина, - сказал Парамон Гудилин. Он был пьян. Роман подошел к нему и ударил его топором по голове. Парамон Гудилин упал на пол и не двигался. Роман подошел к двери и открыл ее. Он вышел в сени. Потом он вышел на крыльцо. На крыльце стояла Татьяна и трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку. Они пошли к следующему дому. Следующим был каменный дом Матвея Костичкова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу. На дворе залаяли собаки. Татьяна затрясла колокольчиком. Собаки перестали лаять. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Она была не запертой. Роман вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь и открыл ее. Он вошел в дом. Слева стоял стол. Справа стояла печь. Слева в углу стояла кровать. Возле кровати висела люлька. Возле люльки стояла маленькая кровать. Справа в углу стояла лежанка. Возле лежанки стоял сундук. На печи спали Матвей Костичков и Авдотья Костичкова. На кровати спала дочь Костичковых Полина Костичкова (Авдеева) со своим мужем Василием Авдеевым. В люльке спал сын Авдеевых Семен Авдеев. В маленькой кровати спала дочь Авдеевых Наталья Авдеева. На лежанке спал сын Костичковых Иван Костичков. На сундуке спала дочь Костичковых Анна Костичкова. Роман подошел к печи. Матвей Костичков и Авдотья Костичкова громко храпели. От них пахло водочным перегаром. Головы Матвея Костичкова и Авдотьи

Костичковой лежали близко от края печи. Роман ударил Матвея Костичкова топором по голове. Матвей Костичков не двигался. Роман ударил Авдотью Костичкову топором по голове. Авдотья Костичкова стала дергаться. Роман ударил Авдотью Костичкову топором по голове. Авдотья Костичкова не двигалась. Роман подошел к кровати. На кровати спали Полина Авдеева и Василий Авдеев. Василий Авдеев сильно храпел. От них пахло водочным перегаром. Роман ударил Василия Авдеева топором по голове. Василий Авдеев не двигался. Полина Авдеева подняла голову. Роман ударил ее топором по голове. Полина Авдеева застонала. Роман ударил ее топором по голове. Полина Авдеева не двигалась. На маленькой кровати проснулся сын Авдеевых Семен Авдеев. Он поднял голову. Роман ударил его топором по голове. Семен Авдеев не двигался. Роман подошел к лежанке. На лежанке спал сын Костичковых Иван Костичков. От него пахло водочным перегаром. Роман ударил его топором по голове. Иван Костичков задергал ногами. Роман ударил его топором по голове. Иван Костичков не двигался. Дочь Костичковых Анна Костичкова проснулась.

Она закричала и побежала к двери. Роман побежал за ней. Возле двери он догнал ее и ударил топором по плечу. - Убивают! Убивают! - закричала Анна Костичкова и побежала от двери к кроватям. - Мамушка! Мамушка! Убивают! - кричала она. Роман догнал ее и ударил топором по спине. Анна Костичкова закричала громче и побежала к двери. - Убивают! Лихо! Лихушки! - кричала она. Роман догнал ее возле двери и ударил топором по голове. Анна Костичкова упала. Она стонала. Роман опустился на правое колено и ударил ее топором по голове. Анна Костичкова не двигалась, Роман вытер топор ночной рубашкой Анны Костичковой и подошел к люльке. В люльке спал Семен Авдеев. Роман наклонил люльку. Семен Авдеев выпал из люльки на пол и заплакал. Роман опустился на правое колено и ударил Семена Авдеева топором по шее. Голова Семена Авдеева покатила по полу. Роман подошел к двери, открыл ее и вышел в сени. Он прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку. Они сошли с крыльца и пошли к следующему дому. Следующим был каменный дом Фаддея Гирина. Роман подошел к воротам и толкнул их. Ворота были не заперты. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман вошел во двор и взошел на крыльцо. Дверь на крыльце была открыта. Он прошел в сени. В сенях было темно. Он нашел дверь в дом. Дверь была не заперта. Роман открыл ее и вошел в дом. Слева стояла печь справа стоял стол, слева в углу стояла кровать. Справа в углу стоял сундук. На кровати спали Фаддей Гирин и его жена Прасковья Гирина. Роман пошел к кровати. Фаддей Гирин и Прасковья Гирина сильно храпели. От них пахло водкой. Роман подошел к кровати. - Кто тут? - спросил Фаддей Гирин и поднял голову. Роман ударил его топором по голове. Фаддей Гирин упал с кровати и не

двигался. - Батюшки! - закричала Прасковья Гирина. Роман ударил ее топором по голове. Прасковья Гарина упала на кровать. Она стонала. Дверь в другую половину дома открылась. На пороге стоял сын Гириных Демьян Гирин. Он был пьян. - Чего тут? спросил он, - Ах ты! - Демьян Гирин бросился на Романа. Роман ударил его топором по лицу. Демьян Гирин схватился руками за лицо и пошел к печи. Роман ударил Демьяна Гирина топором по голове. Демьян Гирин упал на пол и не двигался. Роман подошел к двери. Он отворил ее и вошел в другую половину дома. Слева стоял стол. Справа стояла печь. Впереди у окна стояла кровать. Возле кровати стоял сундук. Роман подошел к кровати. Он опустился на колени и заглянул под кровать. Под кроватью лежала жена Демьяна Гирина Марфа Гирина. - Господи, помилуй! - говорила она и крестилась, - Господи, помилуй! Господи, помилуй Роман встал с колен, взял кровать за спинку и опрокинул. - Господи помилуй! Господи, помилуй! - говорила Марфа Гирина. Она поползла по полу. Роман пошел за ней. - Не надо! Не надо! Не надо! - закричала Марфа Гирина. Роман ударил ее топором по плечу. Марфа Гирина закричала и заплакала. - Помилуй! Помилуй! - плакала она и поползла к ногам Романа. Она стала обнимать его ноги. - Помилуй! Не убивай! За что? - плакала она. Роман ударил ее топором по голове. Марфа Гарина упала и не двигалась. Роман вытер топор о ее ночную рубашку и пошел к двери. Он открыл дверь, прошел первую половину дома. Потом открыл дверь в сени и вышел в сени. Он прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку и они сошли с крыльца. Они вышли в ворота и пошли к следующему дому. Следующим была деревянная изба Федора Самсонова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу и взошли на него. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Она была не заперта. Роман вошел в сени. В сенях на полу спал Федор Самсонов. От него пахло водкой. Роман опустился на правое колено и ударил Федора Самсонова топором по голове. Федор Самсонов не двигался. Роман открыл дверь и вошел в избу. Слева стоял стол. Справа стояла печь. Возле печи стояла лежанка. Возле лежанки стоял сундук. Возле сундука на полу спала Агафья Самсонова. Роман подошел к Агафье Самсоновой. От нее пахло водкой. Роман опустился на правое колено и ударил Агафью Самсонову топором по голове. Агафья Самсонова стала двигать ногами и руками. Роман ударил Агафью Самсонову топором по голове. Агафья Самсонова не двигалась. Роман вытер топор об ее сарафан и подошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был каменный дом Исая Гудина. Роман и Татьяна подошли к воротам. Роман толкнул ворота. Ворота были не заперты. Собака залаяла за воротами. Татьяна

затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман прошел в ворота. Роман перешел двор и взошел на крыльцо. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. В сенях на лежанке спал Иван Козлов. Роман подошел к лежанке. От Ивана Козлова пахло водкой. Роман ударил Ивана Козлова топором по голове. Иван Козлов поднялся с лежанки и бросился на Романа. Роман ударил Ивана Козлова топором по лицу. Иван Козлов схватил Романа за шею и стал душить. Роман ударил Ивана Козлова топором по голове. Иван Козлов упал и пополз к двери. Роман ударил Ивана Козлова топором по голове. Иван Козлов стонал. Роман ударил Ивана Козлова топором по голове. Иван Козлов перестал стонать и не двигался. Роман открыл дверь и вошел в левую половину дома. Справа стоял стол, справа стояла печь. Лежанка стояла возле печи. Сундук стоял возле лежанки. Кровать стояла слева. На печи спал Исая Гудин. На кровати спали сын Исая Гудина Иван Гудин и его жена Матрена Гудина. На лежанке спали дети Ивана и Матрены Гудиных - Степан Гудин, Алексей Гудин и Яков Гудин. Роман подошел к печи. Исая Гудин сильно храпел. От него пахло водкой. Роман взял Исая Гудина за руку и подтянул к краю печи. - Попотворился, - сказал Исая Гудин. Роман ударил его топором по голове. Исая Гудин не двигался. Роман подошел к кровати. Иван и Матрена Гудины сильно храпели. От них пахло водкой. Роман ударил Ивана Гудина топором по голове. Иван Гудин не двигался. Роман ударил Матрену Гудину топором по голове. Матрена Гудина затряслась и стала приподниматься. Роман ударил Матрену Гудину топором по голове. Матрена Гудина упала на кровать и не двигалась. Яков Гудин проснулся и заплакал. Роман подошел к лежанке и ударил Якова Гудина топором по голове. Яков Гудин упал на кровать и не двигался. Алексей Гудин прыгнул с кровати на пол и побежал к двери. Роман побежал за ним и догнал его. Роман ударил Алексея Гудина топором по голове. Алексей Гудин упал и закричал: - Дядь! Не надо! Дядь! Не надо! - кричал он. Роман ударил Алексея Гудина топором по голове. Алексей Гудин не двигался. Роман подошел к лежанке. Степан Гудин спал на лежанке. Роман ударил Степана Гудина топором по голове. Степан Гудин не двигался. Роман вытер топор об лежанку и пошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман подошел к другой двери. Роман отворил другую дверь и вышел в правую половину дома. Стол стоял справа. Печь стояла слева. Кровать стояла справа в углу. Сундук стоял слева в углу. На кровати спали сын Исая Гудина Яков Гудин и его жена Наталья Гудина. На печи спали дети Якова и Натальи Гудиных Варвара Гудина и Михаил Гудин. Роман подошел к кровати. Яков Гудин сильно храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Якова Гудина топором по голове. Яков Гудин не двигался. Роман ударил Наталью Гудину топором по лицу. Наталья Гудина закричала. Роман ударил Наталью Гудину топором по голове. Наталья Гудина перестала

кричать и не двигалась. Варвара Гудина и Михаил Гудин проснулись. - Мам! Мам! - позвала Варвара Гудина. Роман подошел к печи. - Мам! Я боюсь! - закричала Варвара Гудина. Роман схватил Варвару Гудину за руку и потянул с печи. Варвара Гудина завизжала и упала на пол. Роман ударил Варвару Гудину топором по голове. Варвара Гудина застонала. Роман ударил Варвару Гудину топором по голове. Варвара Гудина не двигалась. Роман протянул руку и взял за руку Михаила Гудина. Михаил Гудин не двигался. Роман подтянул его к краю печи. Михаил Гудин не двигался. Роман ударил Михаила Гудина топором по голове. Михаил Гудин не двигался. Роман ударил Михаила Гудина топором по голове. Михаил Гудин не шевелился. Роман вытер топор о занавеску и пошел к двери. Роман подошел к двери. Роман открыл дверь и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца. Роман и Татьяна прошли в ворота и пошли к следующему дому. Следующей была изба Степаниды Егоровой. Роман и Татьяна подошли к избе и взошли на крыльцо. Роман толкнул дверь. Дверь была заперта. Татьяна затрясла колокольчиком. За дверью было тихо. Роман постучал в дверь. За дверью было тихо. Роман постучал в дверь. - Кто тут? - спросила за дверью Степанида Егорова. - Это я, Роман Алексеевич, ответил Роман. - Кто? - спросила Степанида Егорова. - Роман Алексеевич,- ответил Роман, - Откройте. - Да кто ж это? - спросила Степанида Егорова. - Это я, - ответил Роман, - Роман Алексеевич Воспенников. Откройте. - Царица небесная! - сказала Степанида Егорова, - Да что ж это так? Это вы, батюшка? - Это я, - ответил Роман, - Откройте. Степанида Егорова открыла дверь. Роман ударил Степаниду Егорову топором по голове. Степанида Егорова упала. Роман закрыл дверь. Татьяна Трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца и пошли к следующему дому. Следующим был дом Красновских. Роман и Татьяна прошли холм, прошли липы и подошли к дому. Во дворе дома залаяли собаки. Татьяна затрясла колокольчиком. Собаки перестали лаять. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Роман толкнул дверь. Дверь была заперта. Роман постучал железным кольцом в дверь. За дверью было тихо. Татьяна трясла колокольчиком. Роман постучал в дверь. За дверью было тихо. Роман постучал в дверь. - Кто там? - спросила за дверью Настасья Костичкова. - Роман Алексеевич, - ответил Роман, - Открой. Настасья Костичкова открыта дверь. Роман вошел и ударил Настасью Костичкову топором по голове. Настасья Костичкова закричала и побежала от Романа. Роман побежал за ней и ударил Настасью Костичкову топором по голове. Настасья Костичкова упала на колени. Роман ударил Настасью Костичкову топором по голове. Настасья Костичкова упала на пол и не двигалась. Роман пошел по коридору и повернул направо. Роман подошел к двери спальни и открыл дверь. В спальне было темно. Шкаф

стоял справа, трюмо стояло слева, кровать стояла прямо впереди. На кровати спала Надежда Георгиевна Красновская. Роман подошел к кровати и отдернул полог. - Петруша? - спросила Надежда Георгиевна Красновская. Роман ударил Надежду Георгиевну Красновскую топором по голове. Надежда Георгиевна Красновская задергалась. Роман ударил Надежду Георгиевну Красновскую топором по голове. Надежда Георгиевна Красновская перестала дергаться и не двигалась. Роман вытер топор о полог кровати и пошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в коридор. Роман прошел по коридору, и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял ее за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна обошли дом Красновского и подошли к саду. Роман отворил калитку и вошел в сад. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман пошел налево. Роман прошел мимо яблонь и подошел к деревянной сторожке. Дверь сторожки была открыта. Из двери сторожки вышла собака и легла на траве. Роман вошел в сторожку. Внутри сторожки стояла лежанка. На лежанке лежал Парамон Коробов. От него сильно пахло водкой. Роман подошел к лежанке и ударил Парамона Коробова топором по голове. Парамон Коробов не двигался. Роман ударил Парамона Коробова топором по лицу. Парамон Коробов не двигался. Роман вышел из сторожки и пошел к калитке. Роман открыл калитку. Татьяна стояла возле калитки и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они пошли к следующему дому. Роман и Татьяна прошли липы, прошли холм и остановились. Под ивовым кустом лежали Иван Кузнецов и Татьяна Авдеева. Они громко храпели. От них пахло водкой. Роман подошел к кусту и ударил Ивана Кузнецова топором по голове. Иван Кузнецов закричал. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман ударил Ивана Кузнецова топором по голове. Иван Кузнецов перестал кричать и не двигался. Роман ударил Татьяну Авдееву топором по голове. Татьяна Авдеева не двигалась. Роман вытер топор о штаны Ивана Кузнецова. Татьяна перестала трясти колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Ермолая Кузнецова. Роман и Татьяна подошли к воротам. За воротами залаяли собаки. Татьяна затрясла колокольчиком. Собаки перестали лаять. Роман толкнул ворота. Ворота были не заперты. Роман вошел в ворота и пошел к крыльцу. На крыльце сидел Ермолай Кузнецов и курил. - Здравствуйте, - сказал Роман и взошел на крыльцо. Ермолай Кузнецов встал с лавки и смотрел на Романа. - Чаво это, это кто? - спросил Ермолай Кузнецов. - Это я, - сказал Роман и ударил Ермолая Кузнецова топором по голове. Ермолай Кузнецов упал с крыльца и не двигался. Роман открыл дверь и вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь и открыл ее. Роман вошел в избу. Стол стоял слева, печь стояла справа, лежанка стояла возле печи. На лежанке спала жена Ермолая Кузнецова Любовь Кузнецова. На печи спала жена сына

Ермолая Кузнецова Ивана Кузнецова Дарья Кузнецова. Роман подошел к лежанке. Любовь Кузнецова сильно храпела. Роман ударил Любовь Кузнецову топором по голове. Любовь Кузнецова не двигалась. Роман подошел к печи. Роман взял за руку Дарью Кузнецову и потянул к краю печи. Дарья Кузнецова проснулась и завизжала. Роман ударил Дарью Кузнецову топором по голове. Дарья Кузнецова завизжала громче и вырвала руку. Роман схватил ее за руку. Дарья Кузнецова вырвала руку и завизжала. Роман полез на печь. Дарья Кузнецова спрыгнула с печи и упала на пол. Роман спрыгнул с печи. Дарья Кузнецова поднялась с пола и побежала к двери. Роман побежал за ней. Дарья Кузнецова открыла дверь и выбежала в сени. Она визжала. Роман выбежал за ней в сени. Дарья Кузнецова побежала налево и выбежала на скотный двор. Роман бежал за ней. Дарья Кузнецова забежала в хлев. Роман побежал за ней. Дарья Кузнецова забежала в свинарник. Роман вошел в свинарник. Дверь к свиньям была закрыта. Роман взялся за ручку двери и потянул. Дарья Кузнецова завизжала в свинарнике. Она держала дверь изнутри. Роман стал дергать дверь. Дарья Кузнецова держала дверь и визжала. Роман сильно дернул дверь. Дверь распахнулась. Роман вошел к свиньям. Слева в углу лежали две свиньи. За свиньями лежала Дарья Кузнецова. Роман подошел к свиньям. Дарья Кузнецова обняла свинью и заплакала. Роман ударил Дарью Кузнецову топором по голове. Дарья Кузнецова не двигалась. Роман вышел из свинарника. Роман прошел по двору и вошел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Степана Кузнецова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Из-под крыльца залаяла собака. Татьяна потрясла колокольчиком. Собака ушла под крыльцо. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака ушла под крыльцо. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь. Роман открыл дверь и вошел в избу. Стол стоял слева. Печь стояла справа. Лежанка стояла возле печи. Сундук стоял слева в углу. На лежанке спали Степан Кузнецов и его жена Наталья Кузнецова. На печи спали дети Степана и Натальи Кузнецовых - Петр Кузнецов, Егор Кузнецов и Василий Кузнецов. Роман подошел к лежанке. Степан Кузнецов храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Степана Кузнецова топором по голове. Степан Кузнецов захрипел и задвигался. Роман ударил Степана Кузнецова топором по голове. Степан Кузнецов перестал хрипеть и двигаться. Наталья Кузнецова проснулась и подняла голову. - Ой! Лихо мне! - закричала она. Роман ударил Наталью Кузнецову топором по голове. Наталья Кузнецова упала на кровать. Роман ударил Наталью

Кузнецову топором по голове. Наталья Кузнецова не двигалась. Петр Кузнецов и Егор Кузнецов проснулись и заплакали. Роман подошел к печи. Роман протянул руку и взял за ногу Егора Кузнецова. Егор Кузнецов плакал. Роман стянул Егора Кузнецова с печи. Егор Кузнецов упал с печи на пол. Роман ударил Егора Кузнецова топором по лицу. Егор Кузнецов закричал. Роман Ударил Егора Кузнецова топором по голове. Егор Кузнецов перестал кричать и не двигался. Петр Кузнецов спрыгнул с печи и побежал к двери. Роман побежал за Петром Кузнецовым. Петр Кузнецов упал на колени и сказал: - Дяденька! Роман ударил Петра Кузнецова топором по голове. Петр Кузнецов упал на пол и не двигался. Роман подошел к печи. Василий Кузнецов спал на печи. Роман взял Василия Кузнецова за ногу и стянул с печи. Василий Кузнецов упал с печи и заплакал. Роман ударил Василия Кузнецова топором по голове. Василий Кузнецов не двигался. Роман подошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. На дороге лежал Семен Коновалов. От него сильно пахло водкой. Роман опустился на правое колено. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман ударил Семена Коновалова топором по голове. Семен Коновалов не двигался. Роман встал с колена и взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Авдея Коновалова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь. Роман открыл дверь и вошел в избу. Справа стоял стол. Печь стояла слева. Лежанка стояла рядом с печью. Сундук стоял в правом углу. Второй сундук стоял рядом с первым сундуком. На лежанке спали Авдей Коновалов и его жена Софья Коновалова. На печи спала жена сына Авдея и Софьи Коноваловых Семена Коновалова Марфа Коновалова. На сундуке спал брат Марфы Коноваловой Петр Гирин. Роман подошел к лежанке. Авдей Коновалов и Софья Коновалова громко храпели. Роман ударил Авдея Коновалова топором по голове. Авдей Коновалов задвигался. Роман ударил Авдея Коновалова топором по голове. Авдей Коновалов перестал двигаться. Роман ударил Софью Коновалову топором по голове. Софья Коновалова не двигалась. Роман подошел к печи. Марфа Коновалова храпела. От нее пахло водкой. Роман взял Марфу Коновалову за руку к потянул к краю печи. - Чаво ты, - сказала Марфа Коновалова. Роман подтянул голову Марфы Коноваловой к краю печи. - Чаво дересси, - сказала Марфа Коновалова. Роман удалил Марфу Коновалову топором по голове. Марфа Коновалова задергалась. Роман ударил Марфу Коновалову топором по голове. Марфа Коновалова перестала дергаться

и не двигалась. Роман подошел к сундуку. Петр Гири́н сильно храпел. Роман ударил Петра Гирина топором по голове. Петр Гири́н не двигался. Роман вытер топор о штаны Петра Гирина. Роман пошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Акима Самсонова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. На скотном дворе залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Роман потрогал дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь и вошел в дом. Стол стояла слева. Печь стояла справа. Кровать стояла справа в углу. Сундук стоял слева в углу. На кровати спали Аким Самсонов и его жена Мария Самсонова. На печи спали дети Акима и Марии Самсоновых Степанида Самсонова, Акулина Самсонова и Иван Самсоном. Роман подошел к кровати. Роман ударил Акима Самсонова топором по голове. Аким Самсонов не двигался. Мария Самсонова стала двигаться. Роман, ударил Марию Самсонову топором по голове. Мария Самсонова продолжала двигаться. Роман ударил Марию Самсонову топором по голове. Мария Самсонова продолжала двигаться. Роман ударил Марию Самсонову топором по голове. Мария Самсонова перестала двигаться. Роман подошел к печи. Роман взял за руку Акулину Самсонову и стянул с печи. Акулина Самсонова упала на пол. Роман ударил Акулину топором по голове. Акулина Самсонова не двигалась. Роман взял за руку Степаниду Самсонову и стянул с печи. Степанида Самсонова упала на пол и заплакала. Роман ударил Степаниду Самсонову топором по голове. Степанида Самсонова перестала плакать и не двигалась. Роман взял за руку Ивана Самсонова и стянул с печи. Иван Самсонов упал на пол и заплакал. Роман ударил Ивана Самсонова топором по голове. Иван Самсонов перестал плакать и не двигался. Роман пошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел налево и вышел на скотный двор. Роман прошел по скотному двору и подошел к сенному сараю. Роман открыл дверь и вошел в сенной сарай. Справа на сене спали Степан Самсонов и Мария Горохова. Роман подошел и ударил Степана Самсоном топором по голове. Степан Самсоном не двигался. - Убивают! - закричала Мария Горохова. Мария Горохова побежала к двери. Роман ударил Марию Горохову топором по спине. Мария Горохова закричала и упала. Роман ударил Марию Горохову топором по голове. Мария Горохова двигалась. Роман ударил Марию Горохову топором по голове. Мария Горохова перестала двигаться. Роман прошел по скотному двору. Роман вошел в сени. Роман прошел и вошел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна сошли с

крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Петра Чернова. Роман и Татьяна подошли к дому. За воротами дома залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собаки перестали лаять. Роман и Татьяна подошли к воротам. Роман толкнул ворота. Ворота были заперты. Роман постучал в ворота. Никто не отозвался. Роман постучал в ворота. Никто не отозвался. Роман постучал в ворота. - Кто таков? - спросил за воротами Петр Чернов. - Роман Алексеевич, - ответил Роман, - Откройте. - Какой такой Роман Алексеевич? - спросил Петр Чернов. - Я Роман Алексеевич Воспенников, - ответил Роман. Петр Чернов открыл ворота. Роман вошел на двор и ударил Петра Чернова топором по голове. Петр Чернов упал и не двигался. Роман прошел через двор и подошел к крыльцу. Роман взошел на крыльцо и открыл дверь. Роман вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь и вошел в дом. Стол стоял справа. Печь стояла слева. Кровать стояла слева. Лежанка стояла возле печи. Люлька висела возле лежанки. На кровати спала жена Петра Чернова Екатерина Чернова. На лежанке спали дочь Черновых Мария и ее муж Василий Горохов. В люлке спал сын Василия и Марии Гороховых Пантелей Горохов. На печи спала дочь Василия и Марии Гороховых Клавдия Горохова. Роман подошел к кровати. - Это кто, Петь? - спросила Екатерина Чернова. - Это я, - ответил Роман. Екатерина Чернова повернулась к нему. Роман ударил Екатерину Чернову топором по голове. Екатерина Чернова закричала. Роман ударил Екатерину Горохову топором по голове. Екатерина Горохова не двигалась. Василий Горохов проснулся и бросился на Романа. Мария Горохова закричала и побежала к двери. Роман ударил Василия Горохова топором по лицу и побежал за Марией Гороховой. Василий Горохов упал на пол. Мария Горохова открыла дверь и выбежала в сени. Мария Горохова кричала. Роман выбежал в сени. Мария открыла дверь и выбежала на крыльцо. Роман выбежал на крыльцо и ударил Марию Горохову топором по голове. Мария Горохова упала с крыльца на землю и не двигалась. Роман вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Василий Горохов полз по полу к двери. Клавдия Горохова кричала на печи. Роман подошел к печи. Клавдия горохова кричала на печи. Роман схватил Клавдию Горохову за руку. Клавдия Горохова кричала и вырывалась. Роман подтянул Клавдию Горохову к краю печи и ударил ее топором по голове. Клавдия Горохова упала с печи на пол и не двигалась. Роман подошел к люльке. Роман наклонил люльку. Пантелей Горохов выпал из люльки на пол. Роман опустил на правое колено. Пантелей Горохов заплакал. Роман ударил Пантелея Горохова топором по голове. Пантелей Горохов перестал плакать и не двигался. Роман вытер топор о кровать и пошел к двери. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Мария Горохова лежала на земле и стонала. Роман сошел с крыльца и подошел к Марии Гороховой. Роман ударил Марию

Горохову топором по голове. Мария Горохова перестала стонать. Роман прошел двор к вышел за ворота. Татьяна стояла у ворот в трясла колокольчиком. Роман взяла ее за руку. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Кузьмы Твердохлебова. Роман и Татьяна подошли к дому. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь оказалась не заперта. Роман вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь. Роман открыл дверь и вошел в дом. Слева стоял стол. Печь стояла справа. Кровать стояла возле печи. Другая кровать стояла слева в углу. Сундук стоял слева. На кровати спали Кузьма Твердохлебов и его жена Матрена Твердохлебова. На другой кровати спали сын Твердохлебовых Иван Твердохлебов и его жена Марфа Твердохлебова. На печи спал брат Кузьмы Твердохлебова Парфен Твердохлебов. Роман подошел к кровати. Кузьма Твердохлебов громко храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Кузьму Твердохлебова топором по голове. Кузьма Твердохлебов не двигался. Роман ударил Матрену Твердохлебову топором по голове. Матрена Твердохлебова задвигалась. Роман ударил Матрену Твердохлебову топором по голове. Матрена Твердохлебова перестала двигаться. Роман подошел к другой кровати. Иван Твердохлебов и Марфа Твердохлебова громко храпели. От них пахло водкой. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором по голове. Иван Твердохлебов не двигался. Роман ударил Марфу Твердохлебову топором по голове. Марфа Твердохлебова не двигалась. Роман подошел к печи. Парфен Твердохлебов громко храпел. От него пахло водкой. Роман взял Парфена Твердохлебов. Роман подтянул Парфена Твердохлебова к краю печи. - Они и сделали, - сказал Парфен Твердохлебов. Роман ударил Парфена Твердохлебова топором по голове. Парфен Твердохлебов закричал. Роман ударил Парфена Твердохлебова топором по голове. Парфен Твердохлебов перестал кричать. Роман ударил Парфена Твердохлебова топором по голове. Парфен Твердохлебов упал с печи и не двигался. Роман вытер топор о спину Парфена Твердохлебова и подошел к двери. Роман прошел в сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Ивана Шубенкина. Роман к Татьяна подошли к дому. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман потрогал дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Слева стоял стол. Печь стояла справа. Кровать стояла рядом с печью. Сундук стоял рядом с кроватью. На кровати спал Иван Шубенкин. На печи спал сын Ивана Шубенкина Петр Шубенкин. Роман подошел к кровати. Иван Шубенкин поднял голову. - Грабят, Петька! - закричал Иван Шубенкин. Роман ударил Ивана Шубенкина топором по лицу.

Иван Шубенкин закричал. Петр Шубенкин вскочил с кровати и побежал к двери. Роман побежал за Петром Шубенкиным. Петр Шубенкин открыл дверь и споткнулся о порог. Петр Шубенкин упал в сени. Роман подбежал и ударил Петра Шубенкина топором по шее. Петр Шубенкин закричал. Роман ударил Петра Шубенкина топором по голове. Петр Шубенкин упал и не двигался. Роман вошел в дом и подошел к Ивану Шубенкину. Иван Шубенкин полз по полу. Роман ударил Ивана Шубенкина топором по голове. Иван Шубенкин упал и не двигался. Роман вытер топор о спину Ивана Шубенкина. Роман подошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Рядом с Татьяной стоял Егор Волков. - Оха, Господи, - сказал Егор Волков и сошел с крыльца. Роман сошел с крыльца. - Караул! - закричал Егор Волков и побежал. Роман побежал за Егором Волковым. - Караул! - закричал Егор Волков. Роман догнал Егора Волкова и ударил его топором по голове. Егор Волков упал и не двигался. Роман ударил Егора Волкова топором по голове. Егор Волков не двигался. Татьяна подошла к Роману. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Сергея Волкова. Роман и Татьяна подошли к воротам. Ворота были открыты. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман вошел в ворота и подошел к крыльцу. На крыльце спал Кирилл Волков. От него пахло водкой. Роман ударил Кирилла Волкова топором по голове. Кирилл Волков стал двигаться. Роман ударил Кирилла Волкова топором по голове. Кирилл Волков перестал двигаться. Роман прошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь и вошел в дом. Стол стоял справа. Печь стояла слева. Лежанка стояла возле печи. Другая лежанка стояла справа. На лежанке спала жена Сергея Волкова Софья Волкова. Сергей Волков спал на полу возле лежанки. На другой лежанке спала жена Кирилла Волкова Агафья Волкова. На печи спали дети Кирилла и Агафьи Волковых Матвей Волков и Борис Волков. Роман подошел к лежанке. Сергей Волков громко храпел. От него пахло водкой. Роман опустился на правое колено и ударил Сергея Волкова топором по голове. Сергей Волков часто задышал. Роман ударил Сергея Волкова топором по голове. Сергей Волков перестал дышать и не двигался. Роман встал с колена и ударил Софью Волкову топором по голове. Софья Волкова не двигалась. Роман подошел к другой лежанке. От Агафьи Волковой пахло водкой. Роман ударил Агафью Волкову топором по голове. Агафья Волкова захрипела. Роман ударил Агафью Волкову топором по голове. Агафья Волкова перестала хрипеть и не двигалась. Роман подошел к печи. Головы Матвея Волкова и Бориса Волкова были на краю печи. Роман ударил Матвея Волкова топором по голове. Матвей Волков не двигался. Роман ударил Бориса Волкова топором по голове. Борис Волков закричал и упал с печи. Роман ударил Бориса Волкова топором по спине. Борис Волков

перестал кричать и не двигался. Роман подошел к двери и вышел в сени. Роман повернул налево и вышел на скотный двор. Роман прошел через двор и вышел в сад. Роман прошел мимо вишен и яблонь и подошел к навесу. Под навесом на сене спал сын Сергея и Софьи Волковых Алексей Волков. Роман подошел к изголовью и ударил Алексея Волкова топором по лицу. Алексей Волков схватил руками топор и закричал. Роман вырвал топор из рук Алексея Волкова. Алексей Волков кричал. Роман ударил Алексея Волкова топором по голове. Алексей Волков перестал кричать и не двигался. Роман вытер топор о сено, пошел к дому. Роман прошел через скотный двор. Роман прошел сквозь сени и вышел на крыльцо. Роман сошел с крыльца и ушел за ворота. Татьяна стояла за воротами и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Федора Христофоровича Огурцова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу. На дворе залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман попробовал дверь. Дверь была заперта. Роман дернул ручку дверного колокольчика. Никто не ответил. Роман дернул ручку дверного колокольчика. Никто не ответил. Роман дернул ручку дверного колокольчика - Это вы, батюшка? - спросила за дверью Пелагея Шубенкина. - Это Роман Алексеевич, - ответил Роман. Пелагея Шубенкина открыла дверь. Роман вошел в прихожую и ударил Пелагею Шубенкину топором по голове. Пелагея Шубенкина упала на пол и не двигалась. Роман прошел в прихожую и остановился возле двух дверей. Роман открыл левую дверь и вошел в комнату. Печь стояла слева. Комод стояла справа. Лежанка стояла впереди у окна. На лежанке спал Прохор Самсонов. Роман подошел к лежанке. Прохор Самсоном храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Прохора Самсонова топором по голове. Прохор Самсоном не двигался. Роман вышел из комнаты и открыл другую дверь. Платяной шкаф стоял слева. Сундук стоял справа. Лежанка стояла слева. В углу на лежанке спал Тимофей Чернов. Роман подошел к лежанке. Тимофей Чернов поднял голову. - Кто тут? - спросил Тимофей Чернов. Роман ударил Тимофея Чернова топором по голове. Тимофей Чернов закричал. Роман ударил Тимофея Чернова топором по голове. Тимофей Чернов упал и перестал кричать. Роман вышел из комнаты и пошел к спальне. Роман открыл дверь и вошел в спальню. Платяной шкаф стоял слева. Печь стояла справа. Кровать стояла посередине комнаты. На кровати спала Варвара Митрофановна Огурцова. Роман подошел к кровати. - Феденька? - спросила Варвара Митрофановна, - Господи, кто это? Роман ударил Варвару Митрофановну топором по голове. Варвара Митрофановна перестала двигаться. Роман вышел из спальни и пошел налево. Роман открыл дверь гостиной и вошел. Стол стоял посередине. Диван стоял слева. Буфет стоял справа. Кровать стояла справа. На диване спал Илья Спиридонович Ребров. На кровати спал

Валентин Евграфович Толстиков. Роман подошел к дивану и ударил Илью Спиридоровича топором по голове. Илья Спиридонович зашевелился. Роман ударил Илью Спиридоновича топором по голове. Илья Спиридонович перестал шевелиться. Роман прошел к кровати. Валентин Евграфович громко храпел. Роман ударил Валентина Евграфовича топором по голове. Валентин Евграфович не двигался. Роман ударил Валентина Евграфовича топором по голове. Валентин Евграфович не двигался. Роман вытер топор о простыню и вышел из гостиной. Роман пошел направо и подошел к двери. Роман открыл дверь и вошел в комнату. Стол стоял слева. Сундук стоял справа. Кресло стояло справа. Кровать стояла впереди. На кровати спали Иван Иванович Златовратов и его жена Амалия Феокистовна Златовратова. Роман подошел к кровати. Роман ударил Ивана Ивановича топором по голове. Иван Иванович застонал и замахал руками. Амалия Феокистовна закричала. Роман ударил Амалию Феокистовную топором по голове. Амалия Феокистовна упала с кровати на пол и не двигалась. Иван Иванович стонал и шевелил руками. Роман ударил Ивана Ивановича топором по голове. Иван Иванович шевелил руками. Роман ударил Ивана Ивановича топором по голове. Иван Иванович перестал шевелить руками. Роман ударил Ивана Ивановича топором по голове. Иван Иванович не двигался. Роман вытер топор о простыню и вышел из комнаты. Роман прошел налево. Роман прошел коридор и вышел в прихожую. Роман прошел прихожую и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к пасеке. Роман и Татьяна подошли к калитке. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман открыл калитку и вошел на пасеку. На пасеке залаяла собака. Собака подбежала к Роману. Роман пошел по пасеке. Собака перестала лаять и отошла. Роман прошел мимо ульев и подошел к сторожке. Дверь сторожки была открыта. Роман вошел в сторожку. В сторожке стояла лежанка. На лежанке спал Тимофей Перфильев. Роман ударил Тимофея Перфильева топором по голове. Тимофей Перфильев застонал и упал с лежанки на землю. Роман ударил Тимофея Перфильева топором по голове. Тимофей Перфильев перестал стонать и не двигался. Роман вышел из сторожки и пошел по пасеке. Роман подошел к калитке и вышел из пасеки. Татьяна стояла возле калитки и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Ивана Потапова. Роман и Татьяна подошли к дому. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман попробовал открыть дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. В сенях было темно. Роман прошел сени и вошел в дом. Справа стояла печь. Слева стоял стол. Справа в углу стояла лежанка. На лежанке спали Иван Потапов и его жена Мария Потапова. На печи спала дочь

Потаповых Полина Потапова. Роман подошел к лежанке. Иван Потапов поднял голову. Роман ударил Ивана Потапова топором по голове. Иван Потапов упал на кровать. Мария Потапова закричала. Роман ударил Марию Потапову топором по голове. Мария Потапова упала с кровати. Полина Потапова спрыгнула с печи и побежала к двери. Роман побежал за Полиной Потаповой. Полина Потапова выбежала в сени. Роман выбежал в сени. Полина Потапова взбежала на крыльцо. На крыльце стояла Татьяна и трясла колокольчиком. Полина Потапова упала на пол крыльца. Роман подбежал к ней и ударил Полину Потапову топором по спине. Полина Потапова не двигалась. Роман ударил Полину Потапову топором по голове. Полина Потапова не двигалась. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца и пошли к следующему дому. Следующим был каменный дом Марья Сухорукова. Роман и Татьяна подошли к воротам. За воротами залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман толкнул ворота. Ворота были не заперты. Роман вышел в ворота и подошел к крыльцу. Роман взшел на крыльцо. Дверь в сени была открыта. Роман прошел в сени и столкнулся с Алексеем Сухоруковым. Алексей Сухоруков вошел в сени со скотного двора. - Ты чаво? - спросил Алексей Сухоруков. Роман ударил Алексея Сухорукова топором по лицу. Алексей Сухоруков упал. Роман ударил Алексея Сухорукова топором по голове. Алексей Сухоруков не двигался. Роман открыл дверь и вошел в дом. Стол стоял слева. Печь стояла справа. Комод стоял слева. Лежанка стояла возле печи. На лежанке спал Марья Сухоруков. Роман подошел к лежанке и ударил Марья Сухорукова топором по голове. Марья Сухоруков не двигался. Роман подошел к двери рядом с лежанкой. Роман открыл дверь и вошел в другую половину дома. Стол стоял слева. Печь стояла справа. Кровать стояла справа. Вторая кровать стояла рядом с первой кроватью. Сундук стоял слева. Второй сундук стоял рядом с первым сундуком. На первой кровати спал сын Марья Сухорукова Митрофан Сухоруков. На второй кровати спал сын Марья Сухорукова Иван Сухоруков. Роман подошел к первой кровати. Митрофан Сухоруков храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Митрофана Сухорукова топором по голове. Митрофан Сухоруков не двигался. Роман подошел ко второй кровати. Иван Сухоруков храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Ивана Сухорукова топором по голове. Иван Сухоруков закричал. Роман ударил Ивана Сухорукова топором по голове. Иван Сухоруков перестал кричать. Роман ударил Ивана Сухорукова топором по голове. Иван Сухоруков не двигался. Роман вытер топор простыней и подошел к двери. Роман открыл дверь и перешел в первую половину дома. Роман прошел первую половину дома и вышел в сени. Роман прошел сквозь сени и вышел на крыльцо. Роман сошел с крыльца и подошел к воротам. Татьяна стояла у ворот и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они пошли к следующему

дому. Следующим был деревянный дом Аграфены Шубенкиной. Роман и Татьяна подошли к крыльцу Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была заперта. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман постучал в дверь. - Кто тут? - спросила за дверь Аграфена Шубенкина. - Это я, - ответил Роман, - Роман Алексеевич Воспенников. Аграфена Шубенкина открыла дверь. Роман вошел в сени и ударил Аграфену Шубенкину топором по голове. - Убили! - закричала Аграфена Шубенкина и упала. Роман ударил Аграфену Шубенкину топором в грудь. Аграфена Шубенкина не двигалась. Роман открыл дверь и вошел в дом. Стол стоял справа. Печь стояла слева. Лежанка стояла возле печи. Сундук стоял возле лежанки. На сундуке сидела сестра Аграфены Шубенкиной Ольга Шубенкина. - Груня? Ой, кто это? Груня! Груня! Груня! - сказала Ольга Шубенкина. Роман подошел к сундуку и ударил Ольгу Шубенкину топором по голове. Ольга Шубенкина упала на пол и не двигалась. Роман вытер топор о спину Ольги Шубенкиной и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца и пошли к следующему дому. Следующим был деревянный дом Ивана Самсонова. Роман и Татьяна подошли к воротам. Ворота были открыты. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман вышел на двор. На дворе спал Николай Самсонов. Рядом с Николаем Самсоновым спал его брат Федор Самсонов. Роман подошел к Николаю Самсонову и ударил его топором по голове. Николай Самсонов не двигался. Роман подошел к Федору Самсонову и ударил его топором по голове. Федор Самсонов не двигался. Роман подошел к крыльцу. Роман взошел на крыльцо. Роман прошел в сени. Роман открыл дверь и вошел в дом. Стол стоял слева. Печь стояла справа. Лежанка стояла возле печи. Люлька висела возле лежанки. На лежанке спали Иван Самсонов и его жена Пелагея Самсонова. В люльке спал сын Пелагеи Самсоновой Николай Самсонов. На полу возле печи спал брат Пелагеи Самсоновой Иван Чернов. Роман подошел к лежанке. Роман опустил на правое колено и ударил Ивана Чернова топором по голове. Иван Чернов задвигался. Роман ударил Ивана Чернова топором по голове. Иван Чернов перестал двигаться. Роман ударил Ивана Самсонова топором по голове. Иван Самсонов закричал. Пелагея Самсонова проснулась и бросилась на Романа. Роман ударил Пелагею Самсонову топором по голове. Пелагея Самсонова закричала и упала с кровати на пол. Роман ударил Ивана Самсонова топором по голове. Иван Самсонов не двигался. Пелагея Самсонова лежала на полу и плакала. Роман ударил Пелагею Самсонову топором по голове. Пелагея Самсонова перестала плакать и не двигалась. Роман наклонил люльку. Николай Самсонов выпал из люльки на пол. Роман ударил Николая

Самсонова топором в спину. Николай Самсонов заплакал. Роман ударил Николая Самсонова топором по голове. Николай Самсонов перестал плакать и не двигался. Роман вытер топор о люльку и пошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и взошел на крыльцо. Роман сошел с крыльца и подошел к воротам. Роман вышел за ворота. Татьяна стояла у ворот и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они пошли к следующему дому. Следующим был дом Алексея Самсонова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман открыл дверь и вошел в сени. В сенях на полу спал Герасим Самсонов. От него пахло водкой. Роман ударил Герасим Самсонова топором по шее. Герасим Самсонов не двигался. Роман ударил Герасима Самсонова топором по голове. Герасим Самсонов не двигался. Роман нашел дверь. Роман открыл дверь и вошел в дом. Стол стоял слева. Печь стояла справа. Лежанка стояла слева. Сундук стоял справа. На полу спал Алексей Самсонов. На лежанке спали жена Алексея Самсонова Евдокия Самсонова и брат Алексея Самсонова Степан Самсонов. На печи спали дети Алексея Самсонова и Евдокии Самсоновой Аглая Самсонова и Петр Самсонов. Роман подошел к лежанке и ударил Степана Самсонова топором по лицу. Степан Самсонов застонал. Роман ударил Евдокию Самсонову топором по голове. Евдокия Самсонова не двигалась. Роман ударил Степана Самсонова топором по голове. Степан Самсонов не двигался. Роман ударил Алексея Самсонова топором по голове. Алексей Самсонов не двигался. - Батяня! Батяня! - закричала Аглая Самсонова. Роман подошел к печи. Аглая Самсонова кричала. Роман схватил Аглаю Самсонову за руку и подтянул на край печи. Роман ударил Аглаю Самсонову топором по голове. Аглая Самсонова упала с печи и не двигалась. Роман взял за ногу Петра Самсонова и стянул его с печи. Петр Самсонов упал на пол и заплакал. Роман ударил Петра Самсонова топором по голове. Петр Самсонов перестал плакать. Роман ударил Петра Самсонова топором по голове. Петр Самсонов не двигался. Роман вытер топор о спину Петра Самсонова и вышел в сени. Роман прошел сквозь сени и вышел в сад. Возле двери под навесом спали сын Алексея Самсонова Николай и Мария Шубенкина. Роман подошел к навесу и ударил Марью Шубенкину топором по голове. Алексей Самсонов проснулся и бросился на Романа. Роман ударил Алексея Самсонова топором по плечу. Алексей Самсонов закричал. Роман ударил Алексея Самсонова топором по голове. Алексей Самсонов упал. Роман ударил Алексея Самсонова топором по голове. Алексей Самсонов не двигался. Мария Шубенкина стонала. Роман ударил Марию Шубенкину топором по голове. Мария Шубенкина перестала стонать и не двигалась. Роман вытер топор сеном и вошел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял

Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Кузьмы Самсонова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. На дворе дома залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман толкнул дверь. Дверь была заперта. Роман постучал в дверь. Никто не отозвался. Роман постучал в дверь, Никто не отозвался. Роман постучал в дверь. Дверь открыли. На пороге стояла жена Кузьмы Самсонова Анна Самсонова. Роман ударил Анну Самсонову топором по голове. Анна Самсонова побежала в сени. Роман побежал за Анной Самсоновой и ударил ее топором по шее. Анна Самсонова упала и не двигалась. Роман открыл дверь и вошел в дом. Стол стоял слева. Печь стояла справа. Лежанка стояла возле печи. Сундук стоял слева в углу. На лежанке спал Кузьма Самсонов. - Нюр! Кто там полуночничает? - спросил Кузьма Самсонов. Роман подошел к лежанке и ударил Кузьму Самсонова топором по голове. Кузьма Самсонов закричал. Роман ударил Кузьму Самсонова топором по голове. Кузьма Самсонов перестал кричать и не двигался. Роман подошел к двери и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Георгия Самсонова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в сени. В сенях было темно. Роман нашел дверь в дом и открыл ее. Роман вошел в дом. Стол стоял слева. Печь стояла справа. Лежанка стояла рядом с печью. Кровать стояла рядом с лежанкой. Люлька висела рядом с кроватью. Сундук стоял слева в углу. Второй сундук стоял рядом с первым сундуком. На лежанке спали Георгий Самсонов и его жена Пелагея Самсонова. На кровати спала дочь Самсоновых Мария Самсонова. На сундуках спали дочери Самсоновых Анна Самсонова и Полина Самсонова. В люльке спал сын Самсоновых Георгий Самсонов. Роман подошел к лежанке и ударил Георгия Самсонова топором по голове. Георгий Самсонов не двигался. Роман ударил Пелагею Самсонову топором по голове. Пелагея Самсонова застонала и упала с лежанки на пол. Роман ударил Пелагею Самсонову топором по голове. Пелагея Самсонова перестала стонать и не двигалась. Роман подошел к кровати. Мария Самсонова подняла голову. Роман ударил Марию Самсонову топором по голове. Мария Самсонова задвигалась. Роман ударил Марию Самсонову топором по голове. Мария Самсонова двигалась. Роман ударил Марию Самсонову топором по голове. Мария Самсонова перестала двигаться. Роман подошел к сундуку и ударил Анну Самсонову топором по голове. Анна Самсонова не двигалась. Роман ударил Полину Самсонову топором по голове. Полина Самсонова не двигалась. Роман подошел к люльке и наклонил ее. Георгий

Самсонов выпал из люльки на пол и заплакал. Роман ударил Георгия Самсонова топором по голове. Георгий Самсонов перестал плакать и не двигался. Роман вытер топор о подстилку и пошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Марка Твердохлебова. Роман и Татьяна подошли к воротам дома. За воротами залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман толкнул ворота. Ворота были не заперты. Роман вошел в ворота и подошел к крыльцу дома. Роман взошел на крыльцо. Роман открыл дверь и вошел в сени. Роман нашел дверь и вошел в дом. Стол стоял справа. Печь стояла слева. Лежанка стояла справа. Сундук стоял слева в углу. На печи спал Марк Твердохлебов. На лежанке спали сын Марка Твердохлебова Иван Твердохлебов и его жена Аксинья Твердохлебова. На сундуке спали дети Ивана и Аксиньи Твердохлебовых Настасья и Николай Твердохлебовы. Роман подошел к лежанке. Иван Твердохлебов и Аксинья Твердохлебовы громко храпели. От них пахло водкой. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором по голове. Иван Твердохлебов закричал и вскочил с лежанки. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором по голове. Иван Твердохлебов упал на пол и не двигался. Марк Твердохлебов спрыгнул с печи и ударил Романа поленом по спине. Роман ударил Марка Твердохлебова топором по боку. Марк Твердохлебов ударил Романа поленом по голове. Роман ударил Марка Твердохлебова топором по голове. Марк Твердохлебов упал на колени. Роман ударил Марка Твердохлебова топором по голове. Марк Твердохлебов упал на пол и не двигался. Роман подошел к лежанке. Аксинья Твердохлебова спала. Роман ударил Аксинью Твердохлебову топором по голове. Аксинья Твердохлебова не двигалась. Роман подошел к сундуку и ударил Николая Твердохлебова топором по голове. Николай Твердохлебов не двигался. Роман ударил Настасью Твердохлебову топором по голове. Настасья Твердохлебова задергалась. Роман ударил Настасью Твердохлебову топором по голове. Настасья Твердохлебова перестала дергаться и не двигалась. Роман вытер топор об одеяло и подошел к двери. Роман вышел в дверь и прошел сквозь сени. Роман вышел на крыльцо. Роман сошел с крыльца и подошел к воротам. Татьяна стояла у ворот и трясла колокольчиком. Возле Татьяны на траве сидел Иван Чернов. Он был пьян. Роман ударил Ивана Чернова топором по голове. Иван Чернов упал и не двигался. Роман взял Татьяну за руку и они пошли к следующему дому. Следующим был дом Марья Твердохлебова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман взошел на крыльцо и толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. Роман нашел дверь и вошел в дом. Стол стоял слева. Печь стояла справа.

Кровать стояла слева. Лежанка стояла возле печи. Сундук стоял возле лежанки. На кровати спал Марей Твердохлебов. На лежанке спали брат Марей Твердохлебов Алексей Твердохлебов и его жена Варвара Твердохлебова. Роман подошел к кровати. Марей Твердохлебов поднял голову. Роман ударил Марей Твердохлебова топором по голове. Марей Твердохлебов не двигался. - Убивают! - закричала Варвара Твердохлебова. Алексей Твердохлебов спал. - Убивают! - закричала Варвара Твердохлебова и побежала к двери. Роман побежал за ней. Варвара Твердохлебова выбежала в сени. Роман выбежал за ней и ударил Варвару Твердохлебову топором по голове. Варвара Твердохлебова упала и перестала кричать. Роман ударил Варвару Твердохлебову топором по спине. Варвара Твердохлебова не двигалась. Роман вошел в дом и подошел к лежанке. Алексей Твердохлебов спал. От него пахло водкой. Роман ударил Алексея Твердохлебова топором по шее. Алексей Твердохлебов задвигался. Роман ударил Алексея Твердохлебова топором по голове. Алексей Твердохлебов перестал двигаться. Роман подошел к двери и вышел в сени. Роман прошел сквозь сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Ивана Горохова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман взошел на крыльцо и толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. Роман открыл дверь и вошел в дом. Стол стоял слева. Печь стояла справа. На полу спали Иван Горохов и его жена Мария Горохова. Рядом на полу спали дети Гороховых: Иван Горохов, Петр Горохов, Зосима Горохов и Настасья Горохова. На печи спала дочь Гороховых Анна Горохова. Роман подошел к Ивану Горохову. Иван Горохов сильно храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Ивана Горохова топором по голове. Иван Горохов перестал стонать и не двигался. Роман ударил Ивана Горохова топором по голове. Иван Горохов не двигался. Роман ударил Зосиму Горохова топором по голове. Зосима Горохов закричал. Роман ударил Зосиму Горохова топором по голове. Зосима Горохов перестал кричать. Роман ударил Настасью Горохову топором по голове. Настасья Горохова не двигалась. Роман подошел к печи. Роман взял Анну Горохову за руку и потянул с печи. Анна Горохова закричала. Роман стянул Анну Горохову на край печи и ударил ее топором по голове. Анна Горохова перестала кричать. Роман ударил Анну Горохову топором по шее. Анна Горохова упала с печи на пол и не двигалась. Роман вытер топор соломой и подошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на скотный двор. Роман прошел скотный двор и подошел к сенному сараю. К сенному сараю была приставлена лестница. Роман полез по лестнице вверх. Роман слез на сено. Справа на сене спали сын Ивана Горохова Николай Горохов и Анна Твердохлебова. Роман ударил Николая

Гороховá топором по голове. Николай Горохов не двигался. Анна Твердохлебова закричала и схватила Романа за руку. Роман ударил Анну Твердохлебову топором по голове. Анна Твердохлебова упала и не двигалась. Роман вытер топор о сено и слез с сеновала. Роман прошел скотный двор и вошел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Козьмы Твердохлебова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман и Татьяна взошли на крыльцо дома. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. Роман нашел дверь в дом. Роман открыл дверь и вошел в дом. Стол стоял справа. Печь стояла слева. Лежанка стояла возле печи. Вторая лежанка стояла возле первой лежанки. На лежанке спали Козьма Твердохлебов и его жена Авдотья Твердохлебова. На второй лежанке спал сын Твердохлебовых Антон Твердохлебов. Роман подошел к лежанке. Козьма Твердохлебов громко храпел. От него пахло водкой. Роман ударил Козьму Твердохлебова топором по голове. Козьма Твердохлебов не двигался. Авдотья Твердохлебова закричала. Роман ударил Авдотью Твердохлебову топором по голове. Авдотья Твердохлебова закричала. Антон Твердохлебов вскочил с лежанки и побежал к двери. Роман побежал за Антоном Твердохлебовым. Антон Твердохлебов открыл дверь и выбежал в сени. Роман бежал за Антоном Твердохлебовым. Антон Твердохлебов выбежал на скотный двор и побежал в сад. Роман бежал за Антоном Твердохлебовым. Антон Твердохлебов подбежал к забору сада. Роман бежал за Антоном Твердохлебовым. Антон Твердохлебов полез на забор. Роман ударил Антона Твердохлебова топором по спине. Антон Твердохлебов крикнул и упал с забора на землю. Роман ударил Антона Твердохлебова топором по лицу. Антон Твердохлебов перестал кричать и не двигался. Роман вышел из сада и подошел к дому. Роман прошел сад и подошел к дому. Роман прошел в сени. В сенях на полу лежала Авдотья Твердохлебова. Она стонала. Роман ударил Авдотью Твердохлебову топором по голове. Авдотья Твердохлебова перестала стонать и не двигалась. Роман вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Пантелея Твердохлебова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Из-под крыльца залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман и Татьяна взошли на крыльцо. Роман толкнул дверь. Дверь была заперта. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. - Кто прется? - спросил из-за двери Иван Твердохлебов. - Это я, Роман Алексеевич Воспенников. Открой, - сказал Роман. Иван Твердохлебов открыл дверь. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором

по голове. Иван Твердохлебов упал. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором по голове. Иван Твердохлебов не двигался. Роман вошел в сени. Роман нашел дверь и отворил ее. Роман вошел в дом. Печь стояла слева. Стол стоял справа. Кровать стояла слева в углу. Лежанка стояла справа. Возле лежанки висела люлька. На кровати спали Пантелей Твердохлебов и его жена Галина Твердохлебова. На лежанке спали Петр Шубенкин и его жена Прасковья Шубенкина. В люльке спал сын Шубенкиных Алексей Шубенкин. Роман подошел к кровати. Пантелей Твердохлебов и Галина Твердохлебова сильно храпели. От них пахло водкой. Роман ударил Пантелея Твердохлебова топором по голове. Пантелей Твердохлебов не двигался. Роман ударил Галину Твердохлебову топором по голове. Галина Твердохлебова застонала. Роман ударил Галину Твердохлебову топором по голове. Галина Твердохлебова перестала стонать и не двигалась. - Кто тут? - спросил Петр Шубенкин. Роман подошел к лежанке и ударил Петра Шубенкина топором по лицу. Петр Шубенкин закричал. Роман ударил Петра Шубенкина топором по голове. Петр Шубенкин упал на пол и не двигался. Прасковья Шубенкина закричала и побежала к двери. Роман догнал Прасковью Шубенкину и ударил ее топором по спине. Прасковья Шубенкина упала на пол. - Помогите! - кричала она. Роман ударил Прасковью Шубенкину топором по голове. Прасковья Шубенкина перестала кричать. Роман ударил Прасковью Шубенкину топором по голове. Прасковья Шубенкина не двигалась. Алексей Шубенкин заплакал в люльке. Роман подошел к люльке. Роман перевернул люльку. Алексей Шубенкин выпал из люльки на пол. Роман ударил Алексея Шубенкина топором по голове. Алексей Шубенкин перестал плакать и не двигался. Роман вытер топор марлей и пошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца и пошли к следующему дому. Следующим был дом Ивана Твердохлебова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман вззошел на крыльцо и толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. Роман нашел дверь и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Кровать стояла слева в углу. Лежанка стояла справа. Люлька висела возле лежанки. На кровати спали Иван Твердохлебов и его жена Анна Твердохлебова. На лежанке спала дочь Твердохлебовых Галина Твердохлебова. В люльке спали сыновья Твердохлебовых Семен Твердохлебов и Иван Твердохлебов. Роман подошел к кровати и ударил Ивана Твердохлебова топором по лицу. Иван Твердохлебов не двигался. Роман ударил Анну Твердохлебову топором по голове. Анна Твердохлебова не двигалась. Роман подошел к лежанке и ударил Галину Твердохлебову топором по голове. Галина Твердохлебова не двигалась. Роман наклонил люльку. Семен и Иван Твердохлебовы упали из люльки

на пол. Семен Твердохлебов заплакал. Роман ударил Семена Твердохлебова топором по шее. Семен Твердохлебов перестал плакать и не двигался. Иван Твердохлебов заплакал. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором по голове. Иван Твердохлебов перестал плакать и не двигался. Роман вытер топор марлей и пошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку. Роман и Татьяна сошли с крыльца и пошли к следующему дому. Следующим был дом Тимофея Твердохлебова. Роман и Татьяна подошли к воротам. За воротами залаяли собаки. Татьяна затрясла колокольчиком. Собаки перестали лаять. Роман толкнул ворота. Ворота были не заперты. Роман вошел в ворота. Роман подошел к крыльцу. Роман взошел на крыльцо и вошел в сени. Роман нашел дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Кровать стояла справа. Лежанка стояла слева в углу. Сундук стоял справа в углу. На печи спал Тимофей Твердохлебов. На кровати спал сын Твердохлебова Иван Твердохлебов и его жена Аксинья Твердохлебова. На лежанке спали дети Ивана и Аксиньи Твердохлебовых Яков Твердохлебов и Алексей Твердохлебов. Роман подошел к печи. Тимофей Твердохлебов громко храпел. Роман ударил Тимофея Твердохлебова топором по голове. Тимофей Твердохлебов застонал и упал с печи на пол. Роман ударил Тимофея Твердохлебова топором по голове. Тимофей Твердохлебов перестал стонать и не двигался. - Вань, это кто тут? - сказала Аксинья Твердохлебова. Роман подошел к кровати. - Ваня! Ваня! - закричала Аксинья Твердохлебова. Роман ударил Аксинью Твердохлебову топором по голове. Аксинья Твердохлебова упала на кровать и не двигалась. Иван Твердохлебов громко храпел. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором по голове. Иван Твердохлебов не двигался. Роман ударил Ивана Твердохлебова топором по голове. Иван Твердохлебов не двигался. Роман подошел к лежанке. Роман ударил Якова Твердохлебова топором по голове. Яков Твердохлебов задвигался. Роман ударил Якова Твердохлебова топором по голове. Яков Твердохлебов перестал двигаться. Роман ударил Алексея Твердохлебова топором по голове. Алексей Твердохлебов не двигался. Роман вытер топор одеялом и пошел к двери. Роман открыл дверь и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на скотный двор. Роман прошел скотный двор и подошел к сенному сараю. К сараю была приставлена лестница. Роман полез по лестнице. Роман долез до верха и слез на сено. Слева спала жена Тимофея Твердохлебова Полина Твердохлебова. Рядом с ней спала ее дочь Марфа Твердохлебова. Справа спали дочери Ивана и Аксиньи Твердохлебовых Анна Твердохлебова, Полина Твердохлебова и Мария Твердохлебова. Роман подошел к Полине Твердохлебовой и ударил ее топором во лицо. Полина Твердохлебова задвигалась. Роман

ударил Полину Твердохлебову топором во голове. Полина Твердохлебова перестала двигаться. Роман ударил Марфу Твердохлебову топором по голове. Марфа Твердохлебова не двигалась. Роман подошел к Анне Твердохлебовой и ударил ее топором по шее. Анна Твердохлебова не двигалась. Роман ударил Полину Твердохлебову топором по голове. Полина Твердохлебова закричала. Роман ударил Полину Твердохлебову топором по голове. Полина Твердохлебова перестала кричать. Мария Твердохлебова встала и закричала. Роман ударил Марию Твердохлебову топором по спине. Мария Твердохлебова упала на сено и закричала. Роман ударил Марию Твердохлебову топором по голове. Мария Твердохлебова кричала. Роман ударил Марию Твердохлебову топором по голове. Мария Твердохлебова перестала кричать. Роман ударил Марию Твердохлебову топором по голове. Мария Твердохлебова не двигалась. Роман вытер топор сеном и подошел к краю сеновала. Анна Твердохлебова застонала. Роман подошел к Анне Твердохлебовой. Анна Твердохлебова стонала и двигалась. Роман ударил Анну Твердохлебову топором по голове. Анна Твердохлебова перестала двигаться и стонать. Роман вытер топор сеном и подошел к краю сеновала. Роман слез по лестнице на землю. Роман прошел скотный двор и вошел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Роман сошел с крыльца и подошел к воротам. Роман вышел за ворота. Возле ворот стояла Татьяна и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они пошли к следующему дому. Следующим был дом Степана Гудина. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман взошел на крыльцо и толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Лежанка стояла слева в углу. Сундук стоял справа в углу. На сундуке спал Степан Гудин. На печи спала его жена Наталья Гудина. На лежанке спали сын Гудиных Парфен Гудин и его жена Василиса Гудина. На полу спали дети Парфена и Василисы Гудиных Иван Гудин, Сергей Гудин и Софья Гудина. Роман подошел к сундуку и ударил Степана Гудина топором по голове. Степан Гудин не двигался. Роман подошел к печи. Роман взял Наталью Гудину за руку и подтянул к краю печи. - Чего тебе, - сказала Наталья Гудина. Роман ударил Наталью Гудину топором по голове. Наталья Гудина застонала. Роман ударил Наталью Гудину топором по голове. Наталья Гудина перестала стонать и не двигалась. Роман подошел к лежанке и ударил Парфена Гудина топором во голове. Парфен Гудин не двигался. Роман ударил Василису Гудину топором во голове. Василиса Гудина не двигалась. Роман подошел к спящим на полу и ударил Сергея Гудина топором по лицу. Сергей Гудин застонал. Роман ударил Сергея Гудина топором по голове. Сергей Гудин перестал стонать и не двигался. Софья Гудина проснулась и закричала. Роман ударил Софью Гудину топором по голове.

Софья Гудина закричала. Иван Гудин проснулся и закричал. Роман ударил Ивана Гудина топором во голову. Иван Гудин перестал кричать. Софья Гудина кричала. Роман ударил Софью Гудину топором по спине. Софья Гудина упала на пол и стонала. Роман ударил Софью Гудину топором по голове. Софья Гудина перестала стонать и не двигалась. Роман вытер топор одеялом и пошел к двери. Наталья Гудина застонала. Роман подошел к Наталье Гудиной и ударил ее топором по голове. Наталья Гудина перестала стонать и не двигалась. Роман вытер топор полотенцем и пошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Василия Гудина. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. На дворе залаяла собака. Татьяна затрясла колокольчиком. Собака перестала лаять. Роман взошел на крыльцо и толкнул дверь. Дверь была заперта. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман сошел с крыльца и подошел к окну дома. Роман постучал в окно. Никто не ответил. Роман постучал в окно. Окно открылось. - Кто это? - спросил Василий Гудин. - Это я, Роман Алексеевич Воспенников, - сказал Роман. - Сейчас, - сказал Василий Гудин. Роман отошел от окна и взошел на крыльцо. Василий Гудин открыл дверь. Роман ударил Василия Гудина топором по голове. Василий Гудин упал и застонал. Роман ударил Василия Гудина топором по шее. Василий Гудин перестал стонать и не двигался. Роман прошел сени и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Лежанка стояла возле печи. На лежанке сидела жена Василия Гудина Галина Гудина. - Проходите, батюшка, проходите, - сказала она, - А я думаю, кто стучит, кто ломится. Проходите. Роман подошел к Галине Гудиной и ударил ее топором по голове. - Мамечина! - закричала Галина Гудина и упала на пол. Роман ударил Галину Гудину топором по спине. Галина Гудина застонала. Роман ударил Галину Гудину топором по голове. Галина Гудина перестала стонать и не двигалась. Роман вытер топор о спину Галины Гудиной и пошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Ивана Гирина. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман взошел на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Печь стояла слева. Стол стоял справа. Кровать стояла слева в углу. Лежанка стояла справа в углу. Сундук стоял справа. На печи спали Иван Гирин и его жена Мария Гирин. На лежанке спали дети Гириных Алексей Гирин, Антон Гирин, Авдей Гирин и Савва Гирин.

Роман подошел к кровати и ударил Ивана Гирина топором по голове. Иван Гирин застонал. Мария Гирина проснулась и подняла голову. Роман ударил Марию Гирину топором по голове. Мария Гирина упала с кровати и не двигалась. Роман ударил Ивана Гирина топором по голове. Иван Гирин перестал стонать и не двигался. Роман подошел к лежанке и ударил Савву Гирина топором по голове. Савва Гирин не двигался. Роман ударил Авдея Гирина топором по голове. Авдей Гирин закричал. Роман ударил Авдея Гирина топором по голове. Антон Гирин спрыгнул с лежанки и побежал к кровати. - Тятя, тятя, тятя! - кричал Антон Гирин. Роман ударил Антона Гирина топором по спине. - Тятя! Тятя! - кричал Антон Гирин. Роман ударил Антона Гирина топором по голове. Антон Гирин упал на пол и застонал. Роман ударил Антона Гирина топором по голове. Антон Гирин перестал стонать и не двигался. Роман вытер топор одеялом и пошел к двери. Авдей Гирин задвигался. Роман подошел к Авдею Гирину и ударил его топором по голове. Авдей Гирин перестал двигаться. Роман подошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Пантелея Гирина. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман взошел на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была заперта. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман постучал в дверь. Никто не ответил. Роман постучал в дверь. - Кто тут? - спросила из-за двери Марфа Гирина. - Это я, Роман Алексеевич Восленников, - сказал Роман. Марфа Гирина открыла дверь. Роман ударил Марфу Гирину топором по голове. Марфа Гирина упала на пол и не двигалась. Роман вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Лежанка стояла возле печи. Сундук стоял слева в углу. На лежанке спали Пантелей Гирин и его жена Татьяна Гирина. На сундуке спала дочь Гириных Полина Гирина. Роман подошел к лежанке и ударил Пантелея Гирина топором по голове. Пантелей Гирин захрипел. Роман ударил Татьяну Гирину топором по голове. Татьяна Гирина не двигалась. Роман ударил Пантелея Гирина топором по голове. Пантелей Гирин перестал хрипеть и не двигался. Роман подошел к сундуку и ударил Полину Гирину топором по голове. Полина Гирина задвигалась и упала с сундука на пол. Роман ударил Полину Гирину топором по голове. Полина Гирина перестала двигаться. Роман подошел к двери и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на скотный двор. Роман прошел скотный двор и вошел в сад. Роман прошел мимо яблонь и подошел к лежанке. На лежанке спали дети Полины Гириной Федор Гирин, Яков Гирин, Иван Гирин и Алексей Гирин. Роман ударил Федора Гирина топором во голову. Федор Гирин не двигался. Роман ударил Якова Гирина топором по голове. Яков Гирин застонал. Роман ударил

Алексея Гирина топором во голове. Алексей Гирин не двигался. Роман ударил Ивана Гирина топором во голове. Иван Гирин задвигался. Роман ударил Якова Гирина топором по голове. Яков Гирин перестал стонать и не двигался. Роман ударил Ивана Гирина топором по лицу. Иван Гирин перестал двигаться. Роман прошел сад в подошел к стогу сена. На стоге сена спали дочери Пантелея и Татьяны Гириных Софья Гирина и Аглая Гирина. Роман взял Софью Гирину за ногу и стянул со стога. Софья Гирина упала на землю и закричала. Роман ударил Софью Гирину топором во голове. Софья Гирина перестала кричать и не двигалась. - Ты чего, Софья? - сказала Аглая Гирина. Роман схватил Аглаю Гирину за ногу и потянул со стога. Аглая Гирина закричала. Роман стянул Аглаю Гирину со стога. Аглая Гирина упала на землю и закричала. Роман ударил Аглаю Гирину топором по плечу. Аглая Гирина закричала. Роман ударил Аглаю Гирину топором по голове. Аглая Гирина закричала. Роман ударил Аглаю Гирину топором по голове. Аглая Гирина перестала кричать и не двигалась. Роман вытер топор сеном и вышел из сада. Роман прошел скотный двор и вошел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна вошли к следующему дому. Следующим был дом Семена Гирина. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман взошел на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Кровать стояла слева в углу. Лежанка стояла справа. Сундук стоял справа в углу. На кровати спали Семен Гирин и его жена Агафья Гирина. На сундуке спал брат Семена Гирина Матвей Гирин. На кровати спали сын Семена и Агафьи Гириных Константин Гирин и его жена Мария Гирина. На полу спал Петр Гирин. Роман подошел к кровати и ударил Семена Гирина топором по лицу. Семен Гирин не двигался. Роман ударил Агафью Гирину топором по голове. Агафья Гирина застонала. Роман ударил Агафью Гирину топором по голове. Агафья Гирина перестала стонать и не двигалась. Роман подошел к сундуку и ударил Матвея Гирина топором по голове. Матвей Гирин застонал. Роман ударил Матвея Гирина топором во голове. Матвей Гирин перестал стонать и не двигался. Роман подошел к Петру Гирину и ударил его топором по голове. Петр Гирин не двигался. Роман подошел к лежанке и ударил Константина Гирина топором по голове. Константин Гирин закричал. Роман ударил Марию Гирину топором по голове. Мария Гирина закричала. Роман ударил Константина Гирина топором по голове. Константин Гирин перестал кричать и не двигался. Роман ударил Марию Гирину топором по голове. Мария Гирина упала с кровати на пол и задвигалась. Роман ударил Марию Гирину топором по шее. Мария Гирина перестала двигаться. Роман подошел к двери и вышел в сени.

Роман прошел сени и вышел на скотный двор. Роман прошел скотный двор и подошел к сенному сараю. К сараю была приставлена лестница. Роман полез вверх по лестнице. Роман долез до верха и сошел на сено. Справа на сене спали Иван Гири́н и его жена Анна Гири́на. Роман подошел к ним и ударил Ивана Гири́на топором по лицу. Иван Гири́н застонал. Роман ударил Анну Гири́ну топором по лицу. Анна Гири́на не двигалась. Роман ударил Ивана Гири́на топором по голове. Иван Гири́н перестал стонать и не двигался. Роман вытер топор сеном и подошел к лестнице. Роман слез по лестнице на землю. Роман прошел скотный двор и вошел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. На крыльце стояла Татьяна и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к следующему дому. Следующим был дом Алексея Гири́на. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман взошел на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман открыл дверь и вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Кровать стояла слева в углу. Лежанка стояла справа в углу. Сундук стоял рядом с лежанкой. На кровати спали Алексей Гири́н и его жена Марфа Гири́на. На печи спал брат Алексея Гири́на Семен Гири́н. На лежанке спали сын Алексея Гири́на и Марфы Гири́ной Иван Гири́н и его жена Пелагея Гири́на. На сундуке спала дочь Ивана Гири́на и Пелагеи Гири́ной Анна Гири́на. Роман подошел к кровати и ударил Алексея Гири́на топором по голове. Алексей Гири́н не двигался. Роман ударил Марфу Гири́ну топором по голове. Марфа Гири́на не двигалась. Роман подошел к печи и ударил Семена Гири́на топором по голове. Семен Гири́н не двигался. Роман подошел к лежанке и ударил Ивана Гири́на топором по голове. Иван Гири́н не двигался. Роман ударил Пелагею Гири́ну топором по голове. Пелагея Гири́на застонала. Роман ударил Пелагею Гири́ну топором по голове. Пелагея Гири́на перестала стонать и не двигалась. Роман подошел к сундуку и ударил Анну Гири́ну топором по голове. Анна Гири́на не двигалась. Роман вытер топор одеялом и подошел к двери. Роман вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна пошли к последнему дому села Крутой Яр. Это был дом Ивана Егорова. Роман и Татьяна подошли к крыльцу дома. Роман взошел на крыльцо. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была не заперта. Роман вошел в сени. Роман прошел сени и вошел в дом. Печь стояла справа. Стол стоял слева. Лежанка стояла рядом с печью. На лежанке спал Иван Егоров. На полу спали братья Ивана Егорова Савва Егоров и Алексей Егоров. Роман подошел к лежанке и ударил Ивана Егорова топором по голове. Иван Егоров не двигался. Роман подошел к спящим на полу и ударил Савву Егорова топором по

голове. Савва Егоров задвигался. Роман ударил Алексея Егорова топором по голове. Алексей Егоров не двигался. Роман ударил Савву Егорова топором по голове. Савва Егоров перестал двигаться. Роман вытер топор соломой. Алексей Егоров застонал. Роман ударил Алексея Егорова топором по голове. Алексей Егоров не двигался. Роман вытер топор соломой и вышел в сени. Роман прошел сени и вышел на крыльцо. Татьяна стояла на крыльце и трясла колокольчиком. Роман взял Татьяну за руку и они сошли с крыльца. Роман и Татьяна вошли по направлению к центру села. Они прошли мимо домов Ивана Егорова, Алексея Гирина, Семена Гирина, Пантелея Гирина, Ивана Гирина, Василия Гудина, Степана Гудина, Тимофея Твердохлебова, Ивана Твердохлебова, Пантелея Твердохлебова, Козьмы Твердохлебова, Ивана Горохова, Марья Твердохлебова, Марка Твердохлебова, Георгия Самсонова, Кузьмы Самсонова, Алексея Самсонова, Ивана Самсонова и остановились возле церкви. Роман и Татьяна подошли к двери церкви. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман толкнул дверь. Дверь была заперта. Роман стал рубить дверь церкви топором. Татьяна трясла колокольчиком. Роман разрубил дверь и открыл ее. Роман и Татьяна вошли в церковь. Татьяна подошла к иконостасу. Татьяна остановилась возле иконостаса, повернулась к нему спиной и продолжала трясти колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Николая Горохова. Роман подошел к дому Николая Горохова. Роман вошел в дом Николая Горохова. Роман нашел труп Николая Горохова. Роман разрубил брюшную полость трупа Николая Горохова. Роман вынул из брюшной полости трупа Николая Горохова кишки. Роман взял кишки Николая Горохова и вышел из дома Николая Горохова. Роман пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Николая Горохова на пол. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Косорукова. Роман подошел к дому Федора Косорукова. Роман вошел в дом Федора Косорукова. Роман нашел труп Федора Косорукова. Роман разрубил брюшную полость трупа Федора Косорукова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Федора Косорукова. Роман взял кишки Федора Косорукова и вышел из дома Федора Косорукова. Роман пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Федора Косорукова на пол рядом с кишками Николая Егорова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Чернова. Роман подошел к дому Степана Чернова. Роман вошел в дом Степана Чернова. Роман нашел труп Степана Чернова. Роман разрубил брюшную полость трупа Степана Чернова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Степана Чернова. Роман взял кишки Степана Чернова. Роман вышел из дома Степана Чернова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Степана Чернова на пол рядом с кишками Федора Косорукова. Татьяна трясла колокольчиком.

Романа вышел из церкви и пошел к труп Саввы Ермолаева. Роман нашел труп Саввы Ермолаева. Роман разрубил брюшную полость трупа Саввы Ермолаева. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Саввы Ермолаева. Роман взял кишки Саввы Ермолаева и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Саввы Ермолаева на пол рядом с кишками Степана Чернова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Петра Егорова. Роман вошел в дом Петра Егорова. Роман нашел труп Петра Егорова. Роман разрубил брюшную полость трупа Петра Егорова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Петра Егорова. Роман взял кишки Петра Егорова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Петра Егорова на пол рядом с кишками Саввы Ермолаева. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Парамона Гудилина. Роман вошел в дом Парамона Гудилина. Роман нашел труп Парамона Гудилина. Роман разрубил брюшную полость трупа Парамона Гудилина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Парамона Гудилина. Роман взял кишки Парамона Гудилина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Парамона Гудилина на пол рядом с кишками Петра Егорова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Матвея Костичкова. Роман вошел в дом Матвея Костичкова. Роман нашел труп Матвея Костичкова. Роман разрубил брюшную полость трупа Матвея Костичкова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Матвея Костичкова. Роман взял кишки Матвея Костичкова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Матвея Костичкова на пол рядом с кишками Парамона Гудилина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Фаддея Гирина. Роман вошел в дом Фаддея Гирина. Роман нашел труп Фаддея Гирина. Роман разрубил брюшную полость трупа Фаддея Гирина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Фаддея Гирина. Роман взял кишки Фаддея Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Фаддея Гирина на пол рядом с кишками Матвея Костичкова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Самсонова. Роман вошел в дом Федора Самсонова. Роман нашел труп Федора Самсонова. Роман разрубил брюшную полость трупа Федора Самсонова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Федора Самсонова. Роман взял кишки Федора Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Федора Самсонова на пол рядом с кишками Фаддея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Исайи Гудина. Роман вошел в дом Исайи Гудина. Роман нашел труп Исайи Гудина. Роман разрубил брюшную полость трупа Исайи Гудина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Исайи Гудина. Роман взял кишки Исайи Гудина и пошел

к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Исаяи Гудина на пол рядом с кишками Федора Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степаниды Егоровой. Роман вошел в дом Степаниды Егоровой. Роман нашел труп Степаниды Егоровой. Роман разрубил брюшную полость трупа Степаниды Егоровой. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Степаниды Егоровой. Роман взял кишки Степаниды Егоровой и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Степаниды Егоровой на пол рядом с кишками Исаяи Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ермолая Кузнецова. Роман вошел в дом Ермолая Кузнецова. Роман нашел труп Ермолая Кузнецова. Роман разрубил брюшную полость трупа Ермолая Кузнецова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Ермолая Кузнецова. Роман взял кишки Ермолая Кузнецова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ермолая Кузнецова на пол рядом с кишками Степаниды Егоровой. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Кузнецова. Роман вошел в дом Степана Кузнецова. Роман нашел труп Степана Кузнецова. Роман разрубил брюшную полость трупа Степана Кузнецова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Степана Кузнецова. Роман взял кишки Степана Кузнецова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Степана Кузнецова на пол рядом с кишками Ермолая Кузнецова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Авдея Коновалова. Роман вошел в дом Авдея Коновалова. Роман нашел труп Авдея Коновалова. Роман разрубил брюшную полость трупа Авдея Коновалова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Авдея Коновалова. Роман взял кишки Авдея Коновалова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Авдея Коновалова на пол рядом с кишками Степана Кузнецова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Акима Самсонова. Роман вошел в дом Акима Самсонова. Роман нашел труп Акима. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Акима Самсонова. Роман взял кишки Акима Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Акима Самсонова на пол рядом с кишками Авдея Коновалова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Петра Чернова. Роман вошел в дом Петра Чернова. Роман нашел труп Петра Чернова. Роман разрубил брюшную полость трупа Петра Чернова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Петра Чернова. Роман взял кишки Петра Чернова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Петра Чернова на пол рядом с кишками Акима Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Кузьмы Твердохлебова. Роман вошел в дом Кузьмы

Твердохлебова. Роман нашел труп Кузьмы Твердохлебова. Роман разрубил брюшную полость трупа Кузьмы Твердохлебова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Кузьмы Твердохлебова. Роман взял кишки Кузьмы Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Кузьмы Твердохлебова на пол рядом с кишками Петра Чернова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Шубенкина. Роман вошел в дом Ивана Шубенкина. Роман нашел труп Ивана Шубенкина. Роман разрубил брюшную полость трупа Ивана Шубенкина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Ивана Шубенкина. Роман взял кишки Ивана Шубенкина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ивана Шубенкина на пол рядом с кишками Кузьмы Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Сергея Волкова. Роман вошел в дом Сергея Волкова. Роман нашел труп Сергея Волкова. Роман разрубил брюшную полость трупа Сергея Волкова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Сергея Волкова. Роман взял кишки Сергея Волкова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Сергея Волкова на пол рядом с кишками Ивана Шубенкина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви. Роман пошел к дому Ивана Потапова. Роман вошел в дом Ивана Потапова. Роман нашел труп Ивана Потапова. Роман разрубил брюшную полость трупа Ивана Потапова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Ивана Потапова. Роман взял кишки Ивана Потапова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ивана Потапова на пол рядом с кишками Сергея Волкова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви. Роман пошел к дому Марая Сухорукова. Роман нашел труп Марая Сухорукова. Роман разрубил брюшную полость трупа Марая Сухорукова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Марая Сухорукова. Роман взял кишки Марая Сухорукова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Марая Сухорукова на пол рядом с кишками Ивана Потапова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Аграфены Шубенкиной. Роман вошел в дом Аграфены Шубенкиной. Роман нашел труп Аграфены Шубенкиной. Роман разрубил брюшную полость трупа Аграфены Шубенкиной. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Аграфены Шубенкиной. Роман взял кишки Аграфены Шубенкиной и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Аграфены Шубенкиной на пол рядом с кишками Марая Сухорукова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Самсонова. Роман вошел в дом Ивана Самсонова. Роман нашел труп Ивана Самсонова. Роман разрубил брюшную полость трупа Ивана Самсонова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Ивана Самсонова. Роман взял кишки Ивана

Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ивана Самсонова на пол рядом с кишками Аграфены Шубенкиной. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Алексея Самсонова. Роман вошел в дом Алексея Самсонова. Роман нашел труп Алексея Самсонова. Роман разрубил брюшную полость трупа Алексея Самсонова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Алексея Самсонова. Роман взял кишки Алексея Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Алексея Самсонова на пол рядом с кишками Ивана Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Кузьмы Самсонова. Роман вошел в дом Кузьмы Самсонова. Роман нашел труп Кузьмы Самсонова. Роман разрубил брюшную полость трупа Кузьмы Самсонова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Кузьмы Самсонова. Роман взял кишки Кузьмы Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Кузьмы Самсонова на пол рядом с кишками Алексея Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Георгия Самсонова. Роман вошел в дом Георгия Самсонова. Роман нашел труп Георгия Самсонова. Роман разрубил брюшную полость трупа Георгия Самсонова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Георгия Самсонова. Роман взял кишки Георгия Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Георгия Самсонова на пол рядом с кишками Кузьмы Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Марка Твердохлебова. Роман вошел в дом Марка Твердохлебова. Роман нашел труп Марка Твердохлебова. Роман разрубил брюшную полость трупа Марка Твердохлебова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Марка Твердохлебова. Роман взял кишки Марка Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Марка Твердохлебова на пол рядом с кишками Георгия Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Марья Твердохлебова. Роман вошел в дом Марья Твердохлебова. Роман нашел труп Марья Твердохлебова. Роман разрубил брюшную полость трупа Марья Твердохлебова. Роман вынул кишки из брюшной полости Марья Твердохлебова. Роман взял кишки Марья Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Марья Твердохлебова на пол рядом с кишками Марка Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Горохова. Роман вошел в дом Ивана Горохова. Роман нашел труп Ивана Горохова. Роман разрубил брюшную полость трупа Ивана Горохова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Ивана Горохова. Роман взял кишки Ивана Горохова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ивана Горохова на пол рядом с кишками Марья

Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Козьмы Твердохлебова. Роман вошел в дом Козьмы Твердохлебова. Роман нашел труп Козьмы Твердохлебова. Роман разрубил брюшную полость трупа Козьмы Твердохлебова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Козьмы Твердохлебова. Роман взял кишки Козьмы Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Козьмы Твердохлебова на пол рядом с кишками Ивана Горохова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Пантелея Твердохлебова. Роман вошел в дом Пантелея Твердохлебова. Роман нашел труп Пантелея Твердохлебова. Роман разрубил брюшную полость трупа Пантелея Твердохлебова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Пантелея Твердохлебова. Роман взял кишки Пантелея Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Пантелея Твердохлебова на пол рядом с кишками Козьмы Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Твердохлебова. Роман вошел в дом Ивана Твердохлебова. Роман нашел труп Ивана Твердохлебова. Роман разрубил брюшную полость трупа Ивана Твердохлебова. Роман вынул кишки из брюшной полости Ивана Твердохлебова. Роман взял кишки Ивана Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ивана Твердохлебова на пол рядом с кишками Пантелея Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Тимофея Твердохлебова. Роман вошел в дом Тимофея Твердохлебова. Роман нашел труп Тимофея Твердохлебова. Роман разрубил брюшную полость трупа Тимофея Твердохлебова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Тимофея Твердохлебова. Роман взял кишки Тимофея Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Тимофея Твердохлебова на пол рядом с кишками Ивана Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Гудина. Роман вошел в дом Степана Гудина. Роман нашел труп Степана Гудина. Роман разрубил брюшную полость трупа Степана Гудина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Степана Гудина. Роман взял кишки Степана Гудина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Степана Гудина на пол рядом с кишками Тимофея Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Василия Гудина. Роман вошел в дом Василия Гудина. Роман нашел труп Василия Гудина. Роман разрубил брюшную полость трупа Василия Гудина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Василия Гудина. Роман взял кишки Василия Гудина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Василия Гудина на пол рядом с кишками Степана Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел

к дому Ивана Гирина. Роман вошел в дом Ивана Гирина. Роман нашел труп Ивана Гирина. Роман разрубил брюшную полость трупа Ивана Гирина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Ивана Гирина. Роман взял кишки Ивана Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ивана Гирина на пол рядом с кишками Василия Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Пантелея Гирина. Роман вошел в дом Пантелея Гирина. Роман нашел труп Пантелея Гирина. Роман разрубил брюшную полость трупа Пантелея Гирина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Пантелея Гирина. Роман взял кишки Пантелея Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Пантелея Гирина на пол рядом с кишками Ивана Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Семена Гирина. Роман вошел в дом Семена Гирина. Роман нашел труп Семена Гирина. Роман разрубил брюшную полость трупа Семена Гирина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Семена Гирина. Роман взял кишки Семена Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Семена Гирина на пол рядом с кишками Пантелея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Алексея Гирина. Роман вошел в дом Алексея Гирина. Роман нашел труп Алексея Гирина. Роман разрубил брюшную полость трупа Алексея Гирина. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Алексея Гирина. Роман взял кишки Алексея Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Алексея Гирина на пол рядом с кишками Семена Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Егорова. Роман вошел в дом Ивана Егорова. Роман нашел труп Ивана Егорова. Роман разрубил брюшную полость трупа Ивана Егорова. Роман вынул кишки из брюшной полости трупа Ивана Егорова. Роман взял кишки Ивана Егорова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кишки Ивана Егорова на пол рядом с кишками Алексея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Николая Горохова. Роман вошел в дом Николая Горохова. Роман вырубил кирпич из печи Николая Горохова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Николая Горохова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Косорукова. Роман вошел в дом Федора Косорукова. Роман вырубил кирпич из печи Федора Косорукова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Федора Косорукова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Чернова. Роман вошел в дом Степана Чернова. Роман вырубил кирпич из печи Степана Чернова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Степана Чернова. Татьяна трясла

колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Саввы Ермолаева. Роман вошел в дом Саввы Ермолаева. Роман вырубил кирпич из печи Саввы Ермолаева. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Саввы Ермолаева. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Петра Егорова. Роман вошел в дом Петра Егорова. Роман вырубил кирпич из печи Петра Егорова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Петра Егорова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Парамона Гудилина. Роман вошел в дом Парамона Гудилина. Роман вырубил кирпич из печи Парамона Гудилина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Парамона Гудилина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Матвея Костичкова. Роман вошел в дом Матвея Костичкова. Роман вырубил кирпич из печи Матвея Костичкова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Матвея Костичкова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Фаддея Гирина. Роман вошел в дом Фаддея Гирина. Роман вырубил кирпич из печи Фаддея Гирина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Фаддея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Самсонова. Роман вошел в дом Федора Самсонова. Роман вырубил кирпич из печи Федора Самсонова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Федора Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Исайи Гудина. Роман вошел в дом Исайи Гудина. Роман вырубил кирпич из печи Исайи Гудина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Исайи Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степаниды Егоровой. Роман вошел в дом Степаниды Егоровой. Роман вырубил кирпич из печи Степаниды Егоровой. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Степаниды Егоровой. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ермолая Кузнецова. Роман вошел в дом Ермолая Кузнецова. Роман вырубил кирпич из печи Ермолая Кузнецова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Ермолая Кузнецова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Кузнецова. Роман вошел в дом Степана Кузнецова. Роман вырубил кирпич из печи Степана Кузнецова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Степана Кузнецова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из

церкви и пошел к дому Авдея Коновалова. Роман вошел в дом Авдея Коновалова. Роман вырубил кирпич из печи Авдея Коновалова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Авдея Коновалова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Акима Самсонова. Роман вошел в дом Акима Самсонова. Роман вырубил кирпич из печи Акима Самсонова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Акима Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Петра Чернова. Роман вошел в дом Петра Чернова. Роман вырубил кирпич из печи Петра Чернова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Петра Чернова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Кузьмы Твердохлебова. Роман вошел в дом Кузьмы Твердохлебова. Роман вырубил кирпич из печи Кузьмы Твердохлебова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Кузьмы Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Шубенкина. Роман вошел в дом Ивана Шубенкина. Роман вырубил кирпич из печи Ивана Шубенкина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Ивана Шубенкина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Сергея Волкова. Роман вошел в дом Сергея Волкова. Роман вырубил кирпич из печи Сергея Волкова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Сергея Волкова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Потапова. Роман вошел в дом Ивана Потапова. Роман вырубил кирпич из печи Ивана Потапова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Ивана Потапова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Марая Сухорукова. Роман вошел в дом Марая Сухорукова. Роман вырубил кирпич из печи Марая Сухорукова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Марая Сухорукова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и вошел к дому Аграфены Шубенкиной. Роман вошел в дом Аграфены Шубенкиной. Роман вырубил кирпич из печи Аграфены Шубенкиной. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Аграфены Шубенкиной. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Самсонова. Роман вошел в дом Ивана Самсонова. Роман вырубил кирпич из печи Ивана Самсонова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Ивана Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и

положил кирпич на кишки Тимофея Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Гудина. Роман вошел в дом Степана Гудина. Роман вырубил кирпич из печи Степана Гудина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Степана Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Василия Гудина. Роман вошел в дом Василия Гудина. Роман вырубил кирпич из печи Василия Гудина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Василия Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Гирина. Роман вошел в дом Ивана Гирина. Роман вырубил кирпич из печи Ивана Гирина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Ивана Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Пантелея Гирина. Роман вошел в дом Пантелея Гирина. Роман вырубил кирпич из печи Пантелея Гирина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Пантелея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Семена Гирина. Роман вошел в дом Семена Гирина. Роман вырубил кирпич из печи Семена Гирина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Семена Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и вошел к дому Алексея Гирина. Роман вошел в дом Алексея Гирина. Роман вырубил кирпич из печи Алексея Гирина. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Алексея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Егорова. Роман вошел в дом Ивана Егорова. Роман вырубил кирпич из печи Ивана Егорова. Роман взял кирпич и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил кирпич на кишки Ивана Егорова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Николая Горохова. Роман вошел в дом Николая Горохова. Роман отрубил голову у трупа Николая Горохова. Роман взял голову Николая Горохова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Николая Горохова на кирпич Николая Горохова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Косорукова. Роман вошел в дом Федора Косорукова. Роман отрубил голову у трупа Федора Косорукова. Роман взял голову Федора Косорукова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Федора Косорукова на кирпич Федора Косорукова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Чернова. Роман вошел в дом Степана Чернова. Роман отрубил голову у трупа Степана Чернова. Роман взял голову Степана Чернова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Степана Чернова

на кирпич Степана Чернова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Саввы Ермолаева. Роман вошел в дом Саввы Ермолаева. Роман отрубил голову у трупа Саввы Ермолаева. Роман взял голову Саввы Ермолаева и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман полжил голову Саввы Ермолаева на кирпич Саввы Ермолаева. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и вошел к дому Петра Егорова. Роман вошел в дом Петра Егорова. Роман отрубил голову у трупа Петра Егорова. Роман взял голову Петра Егорова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Петра Егорова на кирпич Петра Егорова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Парамона Гудилина. Роман вошел в дом Парамона Гудилина. Роман отрубил голову у трупа Парамона Гудилина. Роман взял голову Парамона Гудилина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Парамона Гудилина на кирпич Парамона Гудилина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Матвея Костичкова. Роман вошел в дом Матвея Костичкова. Роман отрубил голову у трупа Матвея Костичкова. Роман взял голову Матвея Костичкова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Матвея Костичкова на кирпич Матвея Костичкова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Фаддея Гирина. Роман вошел в дом Фаддея Гирина. Роман отрубил голову у трупа Фаддея Гирина. Роман взял голову Фаддея Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Фаддея Гирина на кирпич Фаддея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Самсонова. Роман вошел в дом Федора Самсонова. Роман отрубил голову у трупа Федора Самсонова. Роман взял голову и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положи голову Федора Самсонова на кирпич Федора Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Исаяи Гудина. Роман вошел в дом Исаяи Гудина. Роман отрубил голову у трупа Исаяи Гудина. Роман взял голову Исаяи Гудина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Исаяи Гудина на кирпич Исаяи Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степаниды Егоровой. Роман вошел в дом Степаниды Егоровой. Роман отрубил голову у трупа Степаниды Егоровой. Роман взял голову Степаниды Егоровой и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Степаниды Егоровой на кирпич Степаниды Егоровой. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ермолая Кузнецова. Роман вошел в дом Ермолая Кузнецова. Роман отрубил голову у трупа Ермолая Кузнецова. Роман взял голову Ермолая Кузнецова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ермолая Кузнецова на кирпич Ермолая Кузнецова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман

вышел из церкви и пошел к дому Степана Кузнецова. Роман вошел в дом Степана Кузнецова. Роман отрубил голову у трупа Степана Кузнецова. Роман взял голову Степана Кузнецова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Степана Кузнецова на кирпич Степана Кузнецова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Авдея Коновалова. Роман вошел в дом Авдея Коновалова. Роман отрубил голову у трупа Авдея Коновалова. Роман взял голову Авдея Коновалова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Авдея Коновалова на кирпич Авдея Коновалова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Акима Самсонова. Роман вошел в дом Акима Самсонова. Роман отрубил голову у трупа Акима Самсонова. Роман взял голову Акима Самсонова и пошел в церковь. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Акима Самсонова на кирпич Акима Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Петра Чернова. Роман вошел в дом Петра Чернова. Роман отрубил голову у трупа Петра Чернова. Роман взял голову Петра Чернова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Петра Чернова на кирпич Петра Чернова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Кузьмы Твердохлебова. Роман вошел в дом Кузьмы Твердохлебова. Роман отрубил голову у трупа Кузьмы Твердохлебова. Роман взял голову Кузьмы Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Кузьмы Твердохлебова на кирпич Кузьмы Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Шубенкина. Роман вошел в дом Ивана Шубенкина. Роман отрубил голову у трупа Ивана Шубенкина. Роман взял голову Ивана Шубенкина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ивана Шубенкина на кирпич Ивана Шубенкина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Сергея Волкова. Роман вошел в дом Сергея Волкова. Роман отрубил голову у трупа Сергея Волкова. Роман взял голову Сергея Волкова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Сергея Волкова на кирпич Сергея Волкова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Потапова. Роман вошел в дом Ивана Потапова. Роман отрубил голову у трупа Ивана Потапова. Роман взял голову Ивана Потапова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ивана Потапова на кирпич Ивана Потапова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Марья Сухорукова. Роман вошел в дом Марья Сухорукова. Роман отрубил голову у трупа Марья Сухорукова. Роман взял голову Марья Сухорукова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Марья Сухорукова на кирпич Марья Сухорукова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Аграфены

Шубенкиной. Роман вошел в дом Аграфены Шубенкиной. Роман отрубил голову у трупа Аграфены Шубенкиной. Роман взял голову Аграфены Шубенкиной и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Аграфены Шубенкиной на кирпич Аграфены Шубенкиной. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Самсонова. Роман вошел в дом Ивана Самсонова. Роман отрубил голову у трупа Ивана Самсонова. Роман взял голову Ивана Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ивана Самсонова на кирпич Ивана Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Алексея Самсонова. Роман вошел в дом Алексея Самсонова. Роман отрубил голову у трупа Алексея Самсонова. Роман взял голову Алексея Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Алексея Самсонова на кирпич Алексея Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Кузьмы Самсонова. Роман вошел в дом Кузьмы Самсонова. Роман отрубил голову у трупа Кузьмы Самсонова. Роман взял голову Кузьмы Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Кузьмы Самсонова на кирпич Кузьмы Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Георгия Самсонова. Роман вошел в дом Георгия Самсонова. Роман отрубил голову у трупа Георгия Самсонова. Роман взял голову Георгия Самсонова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Георгия Самсонова на кирпич Георгия Самсонова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Марка Твердохлебова. Роман вошел в дом Марка Твердохлебова. Роман отрубил голову у трупа Марка Твердохлебова. Роман взял голову Марка Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Марка Твердохлебова на кирпич Марка Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Маррея Твердохлебова. Роман вошел в дом Маррея Твердохлебова. Роман отрубил голову у трупа Маррея Твердохлебова. Роман взял голову Маррея Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Маррея Твердохлебова на кирпич Маррея Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Горохова. Роман вошел в дом Ивана Горохова. Роман отрубил голову у трупа Ивана Горохова. Роман взял голову Ивана Горохова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ивана Горохова на кирпич Ивана Горохова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Козьмы Твердохлебова. Роман вошел в дом Козьмы Твердохлебова. Роман отрубил голову у трупа Козьмы Твердохлебова. Роман взял голову Козьмы Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Козьмы

Твердохлебова на кирпич Козьмы Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Пантелея Твердохлебова. Роман вошел в дом Пантелея Твердохлебова. Роман отрубил голову у трупа Пантелея Твердохлебова. Роман взял голову Пантелея Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Пантелея Твердохлебова на кирпич Пантелея Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Твердохлебова. Роман вошел в дом Ивана Твердохлебова. Роман отрубил голову у трупа Ивана Твердохлебова. Роман взял голову Ивана Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ивана Твердохлебова на кирпич Ивана Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Тимофея Твердохлебова. Роман вошел в дом Тимофея Твердохлебова. Роман отрубил голову у трупа Тимофея Твердохлебова. Роман взял голову Тимофея Твердохлебова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Тимофея Твердохлебова на кирпич Тимофея Твердохлебова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Степана Гудина. Роман вошел в дом Степана Гудина. Роман отрубил голову у трупа Степана Гудина. Роман взял голову Степана Гудина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Степана Гудина на кирпич Степана Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Василия Гудина. Роман вошел в дом Василия Гудина. Роман отрубил голову у трупа Василия Гудина. Роман взял голову Василия Гудина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Василия Гудина на кирпич Василия Гудина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Гирина. Роман вошел в дом Ивана Гирина. Роман отрубил голову у трупа Ивана Гирина. Роман взял голову Ивана Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ивана Гирина на кирпич Ивана Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Пантелея Гирина. Роман вошел в дом Пантелея Гирина. Роман отрубил голову у трупа Пантелея Гирина. Роман взял голову Пантелея Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Пантелея Гирина на кирпич Пантелея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Семена Гирина. Роман вошел в дом Семена Гирина. Роман отрубил голову у трупа Семена Гирина. Роман взял голову Семена Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Семена Гирина на кирпич Семена Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Алексея Гирина. Роман вошел в дом Алексея Гирина. Роман отрубил голову у трупа Алексея Гирина. Роман взял голову Алексея Гирина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Алексея

Гирина на кирпич Алексея Гирина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Ивана Егорова. Роман вошел в дом Ивана Егорова. Роман отрубил голову у трупа Ивана Егорова. Роман взял голову Ивана Егорова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил голову Ивана Егорова на кирпич Ивана Егорова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Антона Петровича Воспенникова. Роман вошел в дом Антона Петровича Воспенникова. Роман отрубил семенники у трупа Антона Петровича Воспенникова. Роман взял семенники Антона Петровича Воспенникова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Антона Петровича Воспенникова на пол. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из дома и пошел к дому Антона Петровича Воспенникова. Роман отрубил семенники у трупа Адама Ильича Куницына. Роман взял семенники Адама Ильича Куницына и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Адама Ильича Куницына на пол рядом с семенниками Антона Петровича Воспенникова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Антона Петровича Воспенникова. Роман вошел в дом Антона Петровича Воспенникова. Роман отрубил семенники у трупа Петра Игнатьевича Красновского. Роман взял семенники Петра Игнатьевича Красновского и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Петра Игнатьевича Красновского на пол рядом с семенниками Адама Ильича Куницына. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Антона Петровича Воспенникова. Роман вошел в дом Антона Петровича Воспенникова. Роман отрубил семенники у трупа Николая Ивановича Рукавитинова. Роман взял семенники Николая Ивановича Рукавитинова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Николая Ивановича Рукавитинова на пол рядом с семенниками Петра Игнатьевича Красновского. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Антона Петровича Воспенникова. Роман вошел в дом Антона Петровича Воспенникова. Роман отрубил семенники у трупа Андрея Викторовича Клюгина. Роман взял семенники Андрея Викторовича Клюгина и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Андрея Викторовича Клюгина на пол рядом с семенниками Николая Ивановича Рукавитинова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Антона Петровича Воспенникова. Роман вошел в дом Антона Петровича Воспенникова. Роман отрубил семенники у трупа Федора Христофоровича Огурцова. Роман взял семенники Федора Христофоровича Огурцова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Федора Христофоровича Огурцова на пол рядом с семенниками Андрея Викторовича Клюгина. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора

Христофоровича Огурцова. Роман вошел в дом Федора Христофоровича Огурцова. Роман отрубил семенники у трупа Ильи Спиридоновича Реброва. Роман взял семенники Ильи Спиридоновича Реброва и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Ильи Спиридоновича Реброва на пол рядом с семенниками Федора Христофоровича Огурцова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Христофоровича Огурцова. Роман вошел в дом Федора Христофоровича Огурцова. Роман отрубил семенники у трупа Валентина Евграфовича Толстикова. Роман взял семенники Валентина Евграфовича Толстикова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Валентина Евграфовича Толстикова на пол рядом с семенниками Ильи Спиридоновича Реброва. Татьяна трясла колокольчиком. Роман вышел из церкви и пошел к дому Федора Христофоровича Огурцова. Роман вошел в дом Федора Христофоровича Огурцова. Роман отрубил семенники у трупа Ивана Ивановича Златовратова. Роман взял семенники Ивана Ивановича Златовратова и пошел к церкви. Роман вошел в церковь. Роман положил семенники Ивана Ивановича Златовратова на пол рядом с семенниками Валентина Евграфовича Толстикова. Татьяна трясла колокольчиком. Роман подошел к иконостасу и открыл царские врата. Роман вошел в алтарь. Татьяна вошла в алтарь. Роман подошел справа к престолу. Татьяна подошла слева к престолу. Роман снял с престола покрывало и положил на пол. Татьяна затрясла колокольчиком. Роман снял с престола крест и положил на пол. Роман снял с престола Евангелие и положил на пол. Роман снял с престола дарохранительницу и поставил на пол. Роман снял с престола антиминс и положил на пол. Роман положил топор на Евангелие. Татьяна трясла колокольчиком. Роман принес головы Николая Горохова, Федора Косорукова, Степана Чернова, Саввы Ермолаева и уложил их на престоле первым рядом. Роман принес головы Петра Егорова, Парамона Гудилина, Матвея Костичкова, Фаддея Гирина и уложил их на престоле вторым рядом. Роман принес головы Федора Самсонова, Исая Гудина, Степаниды Егоровой, Ермолая Кузнецова и уложил их на престоле третьим рядом. Роман принес головы Степана Кузнецова, Авдея Коновалова, Акима Самсонова, Петра Чернова и уложил их на престоле четвертым рядом. Роман принес головы Кузьмы Твердохлебова, Ивана Шубенкина, Сергея Волкова, Ивана Потапова и уложил их на престоле пятым рядом. Роман принес головы Марья Сухорукова, Аграфены Шубенкиной, Ивана Самсонова и уложил их на ранее уложенные головы первым рядом второго яруса. Роман принес головы Алексея Самсонова, Кузьмы Самсонова, Георгия Самсонова и уложил их вторым рядом второго яруса. Роман принес головы Марка Твердохлебова, Марья Твердохлебова, Ивана Горохова и уложил их третьим рядом второго яруса. Роман принес головы Козьмы

Твердохлебова, Пантелея Твердохлебова, Ивана Твердохлебова и уложил их четвертым рядом второго яруса. Роман принес головы Тимофея Твердохлебова, Степана Гудина и уложил их первым рядом третьего яруса. Роман принес головы Василия Гудина, Ивана Гирина и уложил их вторым рядом третьего яруса. Роман принес головы Пантелея Гирина, Семена Гирина и уложил их третьим рядом третьего яруса. Роман принес голову Алексея Гирина и уложил ее первой в четвертом ярусе. Роман принес голову Ивана Егорова и уложил ее второй в четвертом ярусе. Татьяна трясла колокольчиком. Роман взял топор и вышел из алтаря. Роман вышел из церкви и подошел к церковной сторожке. Роман сбил замок с двери церковной сторожки. Роман вошел в церковную сторожку. Роман взял крестильную купель и вышел из церковной сторожки. Роман вошел в церковь, прошел в алтарь и поставил крестильную купель напротив престола. Татьяна трясла колокольчиком. Роман принес кирпич Николая Горохова. Роман отколол угол от кирпича Николая Горохова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Федора Косорукова. Роман отколол угол от кирпича Федора Косорукова и бросил в купель. Роман принес кирпич Степана Чернова. Роман отколол угол от кирпича Степана Чернова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Саввы Ермолаева. Роман отколол угол от кирпича Саввы Ермолаева и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Петра Егорова. Роман отколол угол от кирпича Петра Егорова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Парамона Гудилина. Роман отколол угол от кирпича Парамона Гудилина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Матвея Костичкова. Роман отколол угол от кирпича Матвея Костичкова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Фаддея Гирина. Роман отколол угол от кирпича Фаддея Гирина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Федора Самсонова. Роман отколол угол от кирпича Федора Самсонова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Исайи Гудина. Роман отколол угол от кирпича Исайи Гудина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Степаниды Егорóвой. Роман отколол угол от кирпича Степаниды Егоровой и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ермолая Кузнецова. Роман отколол угол от кирпича Ермолая Кузнецова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Степана Кузнецова. Роман отколол угол от кирпича Степана Кузнецова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Авдея Коновалова. Роман отколол угол от кирпича Авдея Коновалова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Акима Самсонова. Роман отколол угол от кирпича Акима Самсонова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Петра Чернова. Роман отколол угол от кирпича Петра Чернова и бросил угол в купель. Роман привес кирпич Кузьмы Твердохлебова. Роман отколол угол от кирпича Кузьмы Твердохлебова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ивана Шубенкина. Роман отколол угол от кирпича Ивана

Шубенкина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Сергея Волкова. Роман отколол угол от кирпича Сергея Волкова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ивана Потапова. Роман отколол угол от кирпича Ивана Потапова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Марeya Сухорукова. Роман отколол угол от кирпича Марeya Сухорукова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Аграфены Шубенкиной. Роман отколол угол от кирпича Аграфены Шубенкиной и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ивана Самсонова. Роман отколол угол от кирпича Ивана Самсонова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Алексея Самсонова. Роман отколол угол от кирпича Алексея Самсонова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Кузьмы Самсонова. Роман отколол угол от кирпича Кузьмы Самсонова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Георгия Самсонова. Роман отколол угол от кирпича Георгия Самсонова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Марка Твердохлебова. Роман отколол угол от кирпича Марка Твердохлебова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Марeya Твердохлебова. Роман отколол угол от кирпича Марeya Твердохлебова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ивана Горохова. Роман отколол угол от кирпича Ивана Горохова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Козьмы Твердохлебова. Роман отколол угол от кирпича Козьмы Твердохлебова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Пантелея Твердохлебова. Роман отколол угол от кирпича Пантелея Твердохлебова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ивана Твердохлебова. Роман отколол угол от кирпича Ивана Твердохлебова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Тимофея Твердохлебова. Роман отколол угол от кирпича Тимофея Твердохлебова и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Степана Гудина. Роман отколол угол от кирпича Степана Гудина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Василия Гудина. Роман отколол угол от кирпича Василия Гудина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ивана Гирина. Роман отколол угол от кирпича Ивана Гирина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Пантелея Гирина. Роман отколол угол от кирпича Пантелея Гирина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Семена Гирина. Роман отколол угол от кирпича Семена Гирина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Алексея Гирина. Роман отколол угол от кирпича Алексея Гирина и бросил угол в купель. Роман принес кирпич Ивана Егорова. Роман отколол угол от кирпича Ивана Егорова и бросил угол в купель. Роман положил топор на Евангелие. Татьяна трясла колокольчиком Роман вышел из алтаря в придел. Роман взял кишки Николая Егорова и повесил их на икону "Святой великомученик Пантелеймон". Роман взял кишки Федора Косорукова и повесил их на икону "Рождество Иоанна Предтечи". Роман взял кишки Степана Чернова и повесил их на икону "Параскева Пятница, с житием". Роман

взял кишки Саввы Ермолаева и повесил их на икону "Почаевская Божья мать". Роман взял кишки Петра Егорова и повесил их на икону "Иоанн Богослов". Роман взял кишки Парамона Гудилина и повесил их на икону "Нил Столбенский". Роман взял кишки Матвея Костичкова и повесил их на икону "Успение Богородицы". Роман взял кишки Фаддея Гирина и повесил их на икону "Усекновение главы Иоанна Предтечи". Роман взял кишки Федора Самсонова и повесил их на икону "Три святителя". Роман взял кишки Исаяи Гудина и повесил их на икону "Не рыдай мне, мати". Роман взял кишки Степаниды Егоровой и повесил их на икону "Воскресенье Христово". Роман взял кишки Ермолая Кузнецова и повесил их на икону "Николай Зарайский, с житием". Роман взял кишки Степана Кузнецова и повесил их на икону "Божья Мать Неопалимая купина". Роман взял кишки Авдея Коновалова и повесил их на икону "Святой преподобный Иоанн Многострадальный". Роман взял кишки Акима Самсонова и повесил их на икону "Рождество Христово". Роман взял кишки Петра Чернова и повесил их на икону "Святой преподобный Иоанн Дамаскин". Роман взял кишки Кузьмы Твердохлебова и повесил их на икону "Божья Мать О тебе радуется". Роман взял кишки Ивана Шубенкина и повесил их на икону "Сергий Радонежский, с житием". Роман взял кишки Сергея Волкова и повесил их на икону "Святые мученики и исповедники Гурий, Самон, Ави". Роман взял кишки Ивана Потапова и повесил их на икону "Божья мать Знамение". Роман взял кишки Марая Сухорукова и повесил их на икону "Никола Можайский". Роман взял кишки Аграфены Шубенкиной и повесил их на икону "Преображение Господне". Роман взял кишки Ивана Самсонова и повесил их на икону "Иоанн Предтеча Ангел пустыни". Роман взял кишки Алексея Самсонова и повесил их на икону "Божья мать Всех Скорбящих". Роман взял кишки Кузьмы Самсонова и повесил их на икону "Никола с избранными святыми". Роман взял кишки Георгия Самсонова и повесил их на икону "Троица Ветхозаветная". Роман взял кишки Марка Твердохлебова и повесил их на икону "Божья Мать Одигитрия". Роман взял кишки Марая Твердохлебова и повесил их на икону "Обретение главы Иоанна Предтечи". Роман взял кишки Ивана Горохова и повесил их на икону "Святой священномученик Киприан". Роман взял кишки Козьмы Твердохлебова и повесил их на икону "Спас Иммануил". Роман взял кишки Пантелея Твердохлебова и повесил их на икону "Святой мученик Вонифатий". Роман взял кишки Ивана Твердохлебова и повесил их на икону "Святой преподобный Моисей Угрин". Роман взял кишки Тимофея Твердохлебова и повесил их на икону "Божья мать Владимирская". Роман взял кишки Степана Гудина и повесил их на икону "Спас Смоленский". Роман взял кишки Василия Гудина и повесил их на икону "Собор Архангелов". Роман взял кишки Ивана Гирина и повесил их на икону "Святая великомученица

Екатерина". Роман взял кишки Пантелея Гирина и повесил их на икону "Святые мученики Флор и Лавр". Роман взял кишки Семена Гирина и повесил их на икону "Святая великомученица Варвара". Роман взял кишки Алексея Гирина и повесил их на икону "Божья Матерь Казанская". Роман взял кишки Ивана Егорова и повесил их на икону "Святой и праведный Симеон". Роман вошел в алтарь. Татьяна трясла колокольчиком. Роман принес семенники Антона Петровича Воспенникова и бросил их в купель. Роман принес семенники Адама Ильича Куницына и бросил их в купель. Роман принес семенники Петра Игнатьевича Красновского и бросил их в купель. Роман принес семенники Николая Ивановича Рукавитинова и бросил их в купель. Роман принес семенники Андрея Викторовича Клюгина и бросил их в купель. Роман принес семенники Федора Христофоровича Огурцова и бросил их в купель. Роман принес семенники Ильи Спиридоновича Реброва и бросил их в купель. Роман принес семенники Валентина Евграфовича Толстикова и бросил их в купель. Роман принес семенники Ивана Ивановича Златовратова и бросил их в купель. Татьяна трясла колокольчиком. Роман подошел к жертвеннику. Роман снял с жертвенника покрывало и положил на пол. Роман снял с жертвенника чашу и поставил на пол. Роман снял с жертвенника блюдо и поставил на пол. Роман снял с жертвенника копие и подошел с ним к Татьяне. Татьяна трясла колокольчиком. Роман приложил копие к левой щеке Татьяны. Татьяна трясла колокольчиком. Роман положил копие на пол. Роман подошел к горну для разжигания кадил. Роман разжег горн. Роман взял копие и раскалил его на огне. Татьяна трясла колокольчиком. Роман взял копие и подошел к Татьяне. Роман приложил копие к левой щеке Татьяны. Татьяна трясла колокольчиком. Роман подошел к горну и раскалил копие на огне. Роман взял копие и подошел к Татьяне. Татьяна трясла колокольчиком. Роман приложил копие к губам Татьяны. Татьяна трясла колокольчиком. Роман подошел к горну и раскалил копие на огне. Роман взял копие и подошел к Татьяне. Роман приложил копие к шее Татьяны. Татьяна трясла колокольчиком. Роман подошел к горну и раскалил копие на огне. Роман подошел к Татьяне и приложил копие к правому уху Татьяны. Татьяна трясла колокольчиком. Роман подошел к горну и раскалил копие на огне. Роман подошел к Татьяне и при помощи копия срезал с нее одежду. Татьяна трясла колокольчиком. Роман подошел к горну и раскалил копие на огне. Роман подошел к Татьяне и сделает копием разрез на ее животе. Татьяна трясла колокольчиком. Роман взял колокольчик из руки Татьяны и запихнул его в разрез на животе Татьяны. Роман взял топор и подошел к жертвеннику. Роман положил копие на жертвенник. Роман разрубил топором копие на две части. Роман подошел к Татьяне. Роман наклонил Татьяну над купелью и отрубил ей топором голову. Голова Татьяны упала в купель. Роман

поднял тело Татьяны и держал его над купелью. Кровь из тела Татьяны стекла в купель. Роман опустил тело Татьяны на пол. Роман положил топор на пол. Роман снял с себя одежду. Роман взял свою одежду и подошел к горну. Роман сжег свою одежду. Роман взял одежду Татьяны и подошел к горну. Роман сжег одежду Татьяны. Роман взял топор и подошел к телу Татьяны. Роман отрубил левую ногу у тела Татьяны. Роман отрубил правую ногу у тела Татьяны. Роман взял левую ногу Татьяны и положил ее на жертвенник. Роман взял правую ногу Татьяны и подошел к рукомойнику. Роман обмыл правую ногу Татьяны. Роман положил правую ногу Татьяны на топор. Роман подошел к семисвечнику. Роман положил семисвечник на пол. Роман взял с пола крест и положил его на семисвечник. Роман подошел к жертвеннику. Роман снял левую ногу Татьяны с жертвенника. Роман подошел к купели. Роман положил левую ногу Татьяны под купель. Роман вынул из купели голову Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл водой голову Татьяны. Роман подошел к престолу. Роман уложил голову Татьяны на головы Алексея Гирина и Ивана Егорова. Роман подошел к купели. Роман взял левую ногу Татьяны. Роман стал толочь левой ногой Татьяны содержимое купели. Роман оставил левую ногу Татьяны в купели. Роман подошел к телу Татьяны. Роман поднял тело Татьяны и перенес его на два шага ближе к царским вратам. Роман положил тело Татьяны на пол. Роман взял правую ногу Татьяны. Роман взял топор. Роман подошел к жертвеннику. Роман стал рубить правую ногу Татьяны на жертвеннике. Роман разрубил правую ногу Татьяны на куски. Роман сложил куски на жертвеннике горкой. Роман подошел к телу Татьяны. Роман отрубил правую руку у тела Татьяны. Роман положил топор на тело Татьяны. Роман взял правую руку Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл правую руку Татьяны водой. Роман подошел к купели. Роман обмакнул кисть правой руки Татьяны в содержимое купели. Роман подошел к иконе "Божья Матерь Иверская". Роман замазал верхнюю часть иконы кистью правой руки Татьяны. Роман подошел к купели. Роман обмакнул кисть правой руки Татьяны в содержимое купели. Роман подошел к иконе "Божья Матерь Иверская". Роман замазал среднюю часть иконы кистью правой руки Татьяны. Роман подошел к купели. Роман обмакнул кисть правой руки Татьяны в купель. Роман подошел к иконе "Божья матерь Иверская". Роман замазал нижнюю часть иконы кистью правой руки Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман помыл водой правую руку Татьяны. Роман подошел к платяному шкафу. Роман открыл дверь платяного шкафа. Роман вынул из шкафа фиолетовую ясу. Роман завернул правую руку Татьяны в фиолетовую ясу. Роман положил завернутую правую руку Татьяны в правый дальний угол алтаря. Роман подошел к телу Татьяны. Роман взял топор. Роман отрубил левую руку у тела Татьяны. Роман положил топор на тело

Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл водой левую руку Татьяны. Роман вышел из алтаря в придел. Роман подошел к иконе "Спас Иммануил". Роман коснулся нижнего левого угла иконы большим пальцем левой руки Татьяны. Роман коснулся кишок Козьмы Твердохлебова большим пальцем левой руки Татьяны. Роман коснулся пола большим пальцем левой руки Татьяны. Роман коснулся середины своей груди большим пальцем левой руки Татьяны. Роман подошел к двери придела. Роман выбросил левую руку Татьяны из церкви. Роман вошел в алтарь. Роман подошел к телу Татьяны. Роман взял топор. Роман сделал на теле Татьяны пять надрезов. Роман стал сдирать кожу с тела Татьяны. Роман содрал кожу с тела Татьяны. Роман положил топор на тело Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл водой кожу Татьяны. Роман подошел к телу Татьяны. Роман коснулся левой рукой кишок Татьяны. Роман подошел к царским вратам. Роман коснулся левой рукой царских врат. Роман повесил кожу Татьяны на левую створу царских врат. Роман подошел к телу Татьяны. Роман взял топор. Роман разрубил грудную клетку тела Татьяны. Роман вынул сердце Татьяны. Роман положил топор на тело Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл сердце Татьяны водой. Роман подошел к семисвечнику. Роман коснулся сердцем Татьяны семисвечника. Роман подошел к дарохранительнице. Роман коснулся сердцем Татьяны дарохранительницы. Роман поднял с пола антиминс. Роман закинул антиминс в сердце Татьяны. Роман положил сердце Татьяны в левом дальнем углу алтаря. Роман подошел к телу Татьяны. Роман вынул кишки из брюшной полости тела Татьяны. Роман положил кишки на пол рядом с телом Татьяны. Роман подошел к царским вратам. Роман снял кожу Татьяны с левой створы царских врат. Роман подошел к телу Татьяны. Роман наклонился. Роман набросил кожу Татьяны себе на спину. Роман взял кишки Татьяны. Роман привязал кишками Татьяны кожу Татьяны к своей спине. Роман подошел к купели. Роман стал толочь содержимое купели левой ногой Татьяны. Роман подошел к телу Татьяны. Роман взял топор. Роман вырубил из тазовой части тела Татьяны кусок в форме куба. Роман положил куб на пол рядом с телом Татьяны. Роман вырубил из левого плеча тела Татьяны кусок в форме шара. Роман положил шар на пол рядом с кубом. Роман вырубил из шеи тела Татьяны кусок в форме пирамиды. Роман положил пирамиду на пол рядом с шаром. Роман положил топор на тело Татьяны. Роман подошел к купели. Роман стал толочь содержимое купели левой ногой Татьяны. Роман подошел к телу Татьяны. Роман взял куб и подошел к купели. Роман опустил куб в купель. Роман вынул куб из купели. Роман подошел к телу Татьяны. Роман наклонился. Роман стал сосать куб. Роман обсосал весь куб. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл куб водой. Роман подошел к купели. Роман опустил куб в купель. Роман вынул куб из купели. Роман

приложил куб к своей груди. Роман подошел к телу Татьяны. Роман встал на колени. Роман стал обтирать кубом свое лицо. Роман обтер все свое лицо кубом. Роман коснулся кубом печени Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл куб водой. Роман подошел к телу Татьяны. Роман положил куб на пол рядом с шаром. Роман взял шар и подошел к купели. Роман опустил шар в купель. Роман вынул шар из купели. Роман подошел к телу Татьяны. Роман наклонился над телом Татьяны. Роман стал сосать шар. Роман обсосал весь шар. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл шар водой. Роман вышел из алтаря. Роман прошел в придел и вышел из церкви. Роман обвалял шар в земляной пыли. Роман вошел в церковь. Роман прошел придел. Роман вошел в алтарь. Роман подошел к телу Татьяны. Роман наклонился над телом Татьяны. Роман стал лизать шар. Роман облизал весь шар. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл шар водой. Роман подошел к телу Татьяны. Роман положил шар на пол рядом с кубом. Роман взял пирамиду и подошел к купели. Роман опустил пирамиду в купель. Роман вынул пирамиду из купели. Роман подошел к телу Татьяны. Роман лег на пол рядом с телом Татьяны. Роман стал сосать пирамиду. Роман обсосал всю пирамиду. Роман встал с пола и подошел к рукомойнику. Роман обмыл пирамиду водой. Роман подошел к царским вратам. Роман обтер пирамидой обе створы царских врат. Роман подошел к телу Татьяны. Роман наклонился над телом Татьяны. Роман стал лизать пирамиду. Роман облизал всю пирамиду. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл пирамиду водой. Роман подошел к телу Татьяны. Роман положил пирамиду на пол рядом с шаром. Роман подошел к купели. Роман стал толочь содержимое купели левой ногой Татьяны. Роман подошел к жертвеннику. Роман поднял с пола чашу. Роман подошел к телу Татьяны. Роман поставил чашу на пол рядом с телом Татьяны. Роман взял топор. Роман вырубил желудок из брюшной полости тела Татьяны. Роман положил желудок Татьяны на пол. Роман разрубил желудок Татьяны пополам. Роман взял содержимое желудка Татьяны и положил в чашу. Роман взял обе половины желудка Татьяны и пошел к рукомойнику. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл обе половины желудка Татьяны водой. Роман подошел к телу Татьяны. Роман положил обе половины желудка Татьяны на пол рядом с чашей. Роман подошел к престолу. Роман сбросил все головы с престола на пол. Роман выбросил все головы из алтаря в придел. Роман подошел к телу Татьяны. Роман перенес тело Татьяны на престол. Роман взял топор. Роман стал рубить тело Татьяны. Роман разрубил тело Татьяны на крупные куски. Роман разрубил крупные куски тела Татьяны на мелкие куски. Роман изрубил мелкие куски тела Татьяны в кашу. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл топор водой. Роман положил топор в рукомойник. Роман обмыл руки и лицо водой. Роман взял с пола чашу

и одну из половин желудка Татьяны. Роман подошел к престолу. Роман зачерпнул половиной желудка Татьяны часть содержимого чаши. Роман съел часть содержимого чаши. Роман съел половину желудка Татьяны. Роман вывалил содержимое чаши на престол. Роман выбросил чашу из алтаря в придел. Роман поднял с пола евангелие и выбросил его из алтаря в придел. Роман поднял с пола крест и выбросил его из алтаря в придел. Роман поднял с пола дарохранильницу и выбросил ее из алтаря в придел. Роман поднял с пола блюдо и выбросил его из алтаря в придел. Роман поднял с пола семисвечник и выбросил его из алтаря в придел. Роман поднял с пола обе половины копия и выбросил их из алтаря в придел. Роман поднял с пола вторую половину желудка Татьяны и подошел к престолу. Роман зачерпнул второй половиной желудка Татьяны кашу с престола. Роман обмазал себе грудь кашей. Роман зарыл вторую часть желудка Татьяны в кашу на престоле. Роман взял с пола куб. Роман подошел к престолу. Роман зачерпнул кубом кашу с престола. Роман облил куб. Роман зачерпнул кубом кашу с престола. Роман обмазал себе грудь кашей. Роман зарыл куб в кашу на престоле. Роман взял с пола шар. Роман подошел к престолу. Роман зачерпнул шаром кашу с престола. Роман облил шар. Роман зарыл шар в кашу на престоле. Роман взял с пола пирамиду. Роман подошел к престолу. Роман зачерпнул пирамидой кашу с престола. Роман облил пирамиду. Роман зачерпнул пирамидой кашу с престола. Роман обмазал пирамидой свой живот. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл пирамиду водой. Роман подошел к престолу. Роман съел пирамиду. Роман развязал кишки Татьяны и снял их с себя. Роман снял со своей спины кожу Татьяны. Роман подошел к жертвеннику. Роман положил кишки Татьяны и кожу Татьяны на пол рядом с жертвенником. Роман сбросил с жертвенника куски правой ноги Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман взял топор. Роман подошел к жертвеннику. Роман положил на жертвенник кожу Татьяны. Роман положил кишки Татьяны на кожу Татьяны. Роман завернул кишки Татьяны в кожу Татьяны. Роман стал рубить топором кожу и кишки Татьяны. Роман разрубил кожу и кишки Татьяны на мелкие кусочки. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл топор водой. Роман положил топор в рукомойник. Роман подошел к жертвеннику. Роман набрал две горсти мелких кусочков кожи и кишок Татьяны и съел их. Роман собрал остальные кусочки и перенес их на престол. Роман подошел к купели. Роман вынул из купели левую ногу Татьяны. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл левую ногу Татьяны водой. Роман подошел к царским вратам. Роман выбросил левую ногу Татьяны из алтаря в придел. Роман подошел к рукомойнику. Роман обмыл водой лицо и руки. Роман подошел к купели. Роман взял купель и поднес ее к престолу. Роман вывалил содержимое купели на престол. Роман поднес

купель к царским вратам. Роман выбросил купель из алтаря в придел. Роман подошел к иконе "Божья Матерь Иверская". Роман снял со стены икону. Роман подошел к царским вратам. Роман выбросил икону "Божья матерь Иверская" из алтаря в придел. Роман подошел к престолу. Роман стал перемешивать руками лежащее на престоле. Роман тщательно перемешал лежащее на престоле. Роман стал зачерпывать пригоршнями лежащее на престоле и разбрасывать по алтарю. Роман разбросал все лежащее на престоле по алтарю. Роман подошел к рукомойнику. Роман взял топор. Роман подошел к жертвеннику. Роман стал рубить жертвенник топором. Роман изрубил жертвенник на куски. Роман подошел к престолу. Роман стал рубить престол топором. Роман изрубил престол на куски. Роман подошел к платяному шкафу. Роман стал рубить шкаф топором. Роман изрубил шкаф на куски. Роман подошел к рукомойнику. Роман стал рубить рукомойник топором. Роман разбил рукомойник на куски. Роман подошел к горну для разжигания кадил. Роман стал рубить горн топором. Роман сломал горн. Роман подошел к царским вратам. Роман выбросил топор из алтаря в придел. Роман прошел в правый дальний угол алтаря. Роман взял правую руку Татьяны. Роман выбросил правую руку Татьяны из алтаря в придел. Роман прошел в левый дальний угол алтаря. Роман взял сердце Татьяны. Роман выбросил сердце Татьяны из алтаря в придел. Роман взял кусок дерева. Роман зачерпнул с пола кашлицу куском дерева. Роман слизал кашлицу с куска дерева. Роман взял в левую руку кусок мрамора. Роман взял в правую руку кусок дерева. Роман встал на колени. Роман зачерпнул куском мрамора кашлицу с пола. Роман переложил кашлицу с куска мрамора на кусок дерева. Роман слизал кашлицу с куска дерева. Роман постучал куском мрамора по куску дерева. Роман зачерпнул с пола кашлицу куском мрамора. Роман слизал кашлицу с куска мрамора. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском дерева. Роман слизал кашлицу с куска дерева. Роман прошел вправо. Роман опустил на корточки. Роман бросил кусок мрамора. Роман взял в левую руку кусок дерева. Роман взял в правую руку кусок дерева. Роман зачерпнул левым куском дерева кашлицу с пола. Роман стряхнул кашлицу с левого куска дерева себе на колено. Роман слизал кашлицу с колена. Роман зачерпнул кашлицу с пола правым куском дерева. Роман слизал кашлицу с правого куска дерева. Роман бросил левый кусок дерева. Роман взял в левую руку кусок кирпича. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском кирпича. Роман приложил кусок кирпича себе к животу. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском кирпича. Роман облизал кусок кирпича. Роман бросил кусок кирпича. Роман взял кусок мрамора и кусок дерева. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском дерева и куском мрамора. Роман стряхнул кашлицу с куска дерева себе на лицо. Роман слизал кашлицу с куска мрамора. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском мрамора. Роман стряхнул кашлицу с

куска мрамора на пол. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском дерева. Роман слизал кашлицу с куска дерева. Роман бросил кусок дерева. Роман бросил кусок мрамора. Роман встал. Роман вошел налево. Роман остановился. Роман подпрыгнул. Роман наклонился. Роман зачерпнул рукой с пола кашлицу. Роман бросил кашлицу вверх. Роман обтер ладони о лицо. Роман сел на пол. Роман взял кусок дерева. Роман потер руку куском дерева. Роман нагнулся. Роман зачерпнул с пола кашлицу куском дерева. Роман облизал кусок дерева. Роман бросил кусок дерева. Роман лег на пол. Роман обмазал себя кашлицей. Роман встал на колени. Роман взял кусок мрамора. Роман стал соскребать с себя кашлицу куском мрамора. Роман соскребал с себя кашлицу и бросал ее в стороны. Роман соскреб с себя кашлицу. Роман бросил кусок мрамора. Роман взял кусок дерева. Роман постучал куском дерева по своему плечу. Роман встал с колен. Роман пошел прямо. Роман остановился. Роман махал куском дерева. Роман подпрыгнул. Роман махал куском дерева. Роман сел на пол. Роман потрогал пол куском дерева. Роман потрогал свои ноги куском дерева. Роман зачерпнул с пола кашлицу куском дерева. Роман слизал кашлицу с куска дерева. Роман встал с пола. Роман пошел налево. Роман стал хлопать в ладоши. Роман хлопал в ладоши. Роман стал бить себя ладонями по голням. Роман прыгнул. Роман вытянул руки вверх. Роман хлопнул ладонями над головой. Роман шагнул вперед. Роман наклонился. Роман поднял с пола кусок железа. Роман облизал кусок железа. Роман присел на корточки. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском железа. Роман стер кашлицу с куска железа тыльной стороной ладони. Роман опустился на колени. Роман стал бить куском железа по полу. Роман поднял кусок дерева. Роман стал тереть куском дерева по куску железа. Роман зачерпнул кашлицу с пола куском дерева. Роман слизал кашлицу с куска дерева. Роман стал тереть свою руку куском дерева. Роман постучал куском дерева по куску железа. Роман встал. Роман прошел назад. Роман подпрыгнул. Роман стукнул куском дерева по куску железа. Роман бросил кусок железа. Роман положил кусок дерева себе на голову. Роман снял кусок дерева со своей головы. Роман поднял кусок мрамора с пола. Роман бросил кусок дерева. Роман плюнул на кусок мрамора. Роман наклонился. Роман взял с пола немного кашлицы. Роман плюнул на кашлицу. Роман положил кашлицу на кусок мрамора. Роман смешал кашлицу со слюной. Роман плюнул на кашлицу. Роман слизал кашлицу с куска мрамора. Роман похлопал правой ладонью по куску мрамора. Роман наклонился. Роман коснулся куском мрамора пола. Роман прижал кусок мрамора к груди. Роман шагнул вправо. Роман положил кусок мрамора на пол. Роман опустился на корточки. Роман испражнился на кусок мрамора. Роман взял в руки кусок мрамора с калом. Роман взял с пола немного кашлицы. Роман положил кашлицу на кал. Роман перемешал кашлицу с калом. Роман съел половину перемешанного с кашлицей кала.

Роман бросил кусок мрамора на пол. Роман сложил ладони вместе. Роман помочился в свои ладони. Роман выпил мочу из ладоней. Роман вытер свои ладони о щеки. Роман подпрыгнул. Роман наклонился. Роман коснулся ладонями пола. Роман облизал свои ладони. Роман плюнул на левую ладонь. Роман плюнул на правую ладонь. Роман плюнул на левую ладонь. Роман вытер ладони о свой живот. Роман наклонился. Роман опустился на колени. Роман стал лизать пол. Роман встал с колен. Роман подпрыгнул. Роман упал на пол. Роман встал с пола. Роман стер с себя кашицу ладонями. Роман облизал ладони. Роман поднял с пола кусок железа. Роман плюнул на кусок железа. Роман стер слюну с куска железа рукой. Роман подбросил вверх кусок железа. Роман поймал кусок железа. Роман пошел прямо. Роман похлопал себя куском железа по животу. Роман подпрыгнул. Роман прошел направо. Роман сел на пол. Роман постучал кулаком по полу. Роман встал. Роман бросил кусок железа. Роман зачерпнул ладонью кашицу с пола. Роман облизал ладонь. Роман стал хлопать себя ладонью по плечам. Роман похлопал себя ладонью по голове. Роман похлопал себя ладонью по коленям. Роман постучал ногой по полу. Роман наклонился и потрогал свою ногу. Роман поднял с пола кусок кирпича. Роман облизал кусок кирпича. Роман подбросил кусок кирпича. Роман поймал рукой кусок кирпича. Роман бросил на пол кусок кирпича. Роман сел на пол. Роман стал трогать пол. Роман трогал пол руками. Роман поднял с пола кусок дерева. Роман понюхал кусок дерева. Роман положил кусок дерева себе на пах. Роман зачерпнул пальцем кашицу с пола. Роман слизал с пальца кашицу. Роман высморкался в руку. Роман облизал руку. Роман взял кусок дерева. Роман постучал пальцем по куску дерева. Роман понюхал палец. Роман встал с пола. Роман положил кусок дерева на пол. Роман наступил ногой на кусок дерева. Роман шагнул вправо. Роман подпрыгнул. Роман упал на пол. Роман встал с пола. Роман наклонился. Роман поднял с пола кусок мрамора. Роман поднял с пола кусок дерева. Роман шагнул влево. Роман поднял с пола кусок дерева. Роман поднял с пола кусок железа. Роман положил на пол кусок мрамора. Роман положил кусок дерева на кусок мрамора. Роман положил кусок дерева на кусок дерева. Роман положил кусок железа на кусок дерева. Роман отошел вправо. Роман наклонился. Роман вложил себе в рот четыре пальца. Романа вырвало. Роман вложил себе в рот два пальца. Романа вырвало. Роман вложил себе в рот четыре пальца. Романа вырвало. Роман опустился на колени. Роман стал сгребать рвотные массы в кучу. Роман сгреб рвотные массы в кучу. Роман присел над кучей. Роман испражнился на кучу рвотных масс. Роман стал перемешивать кал с рвотными массами. Роман перемешал кал с рвотными массами. Роман зачерпнул пригоршню смеси. Роман намазал смесью кала и рвотных масс свой член. Роман встал на колени. Роман стал мастурбировать. Роман эякулировал в левую ладонь. Роман лег на

спину. Роман стал пальцами заталкивать сперму себе в носовые проходы. Роман затолкал сперму в носовые проходы. Роман лег на живот. Роман подполз к смеси рвотных масс с калом. Роман стал есть смесь. Роман съел всю смесь. Роман стал вылизывать участок пола на месте смеси. Роман вылизал участок пола. Роман встал с пола. Роман подпрыгнул. Роман похлопал себя ладонями по щекам. Роман надул щеки. Роман хлопнул себя ладонями по щекам. Роман надул щеки. Роман хлопнул себя ладонями по щекам. Роман наклонился. Роман засунул себе указательный палец правой руки в задний проход. Роман вынул палец из заднего прохода. Роман засунул указательный палец правой руки себе в правую ноздрю. Роман облил указательный палец правой руки. Роман присел на корточки. Роман помочился себе в ладонь. Роман вылил свою мочу себе на голову. Роман сел на пол. Роман разглядывал и трогал свои ноги. Роман зачерпнул кашицы с пола. Роман положил кашницу себе на ноги. Роман растер кашницу по ногам. Роман согнул ноги в коленях. Роман качал ногами. Роман лег на спину. Роман вытянул ноги. Роман поднял ноги. Роман запрокинул ноги себе за голову. Роман стал мастурбировать. Роман эякулировал себе на лицо. Роман опустил ноги. Роман растер сперму по лицу. Роман встал. Роман прошел направо. Роман подпрыгнул. Роман упал на пол. Роман повернулся на бок. Роман открыл рот. Роман хлопал ладонью по рту. Роман высморкался. Роман разглядывал пальцы рук. Роман трогал пальцами рук свои руки. Роман сел. Роман хлопал ладонями по коленям. Роман встал. Роман прошел налево. Роман подпрыгнул. Роман сел на пол. Романа вырвало. Роман лег на пол. Роман поднял ноги вверх. Роман разглядывал свои ноги. Роман опустил ноги. Роман хлопнул себя ладонью по животу. Роман хлопал в ладоши. Роман встал. Роман выпустил газы. Роман прыгал на месте. Роман встал на колени. Роман трогал руками пол. Роман облизывал свои руки. Роман лег на пол. Роман полз по полу. Роман нюхал пол. Роман закрыл глаза. Роман давил пальцами на глазные яблоки. Роман открыл глаза. Роман встал. Роман подпрыгнул. Роман упал на пол. Роман лег на живот. Роман трогал свою голову. Роман полз по полу. Роман целовал пол. Роман сел на пол. Роман обнюхивал свои ноги. Роман тер руками плечи. Роман хлопал в ладоши. Роман встал на колени. Роман засунул два пальца в задний проход. Роман обнюхивал пальцы. Роман плакал. Роман хлопал себя по щекам. Роман лег на пол. Роман лизал пол. Роман полз по полу. Роман дергался. Роман мастурбировал. Роман встал. Роман бил руками по члену. Роман прыгал. Роман сел на пол. Роман помочился. Роман лег в мочу. Роман полз по полу. Роман лег на спину. Роман поднял ноги. Роман выпустил газы. Роман хватал руками ноги. Роман хохотал. Роман разглядывал ноги. Роман встал. Роман ходил. Роман сморкался. Роман наклонился. Роман трогал пол. Роман трогал свой член. Роман подпрыгивал. Роман хлопал в ладоши. Роман ходил.

Роман мастурбировал. Роман плакал. Роман подпрыгивал. Роман совал пальцы в уши. Роман целовал руки. Роман кланялся. Роман стоял на месте. Роман лег на пол. Роман поднял руку Роман смотрел на руку. Роман поднял другую руку. Роман бил левой рукой по правой. Роман хохотал. Роман хлопал ладонью по рту. Роман лег на бок. Роман трогал член. Роман подтягивал колени к подбородку. Роман выпустил газы. Роман испражнился. Роман потер пол ногой. Роман встал. Роман подпрыгнул. Роман сел на пол. Роман засмеялся. Роман оттянул крайнюю плоть члена. Роман потрогал член. Роман хлопнул в ладоши. Роман посплюнул палец. Роман засунул палец в задний проход. Роман засунул палец в ухо. Роман понюхал палец. Роман встал. Роман ударил себя по плечу. Роман наклонился. Роман поковырял ногти на ногах. Роман подпрыгнул. Роман пошел. Роман остановился. Роман заплакал. Роман стер со щек слезы. Роман облизал руки. Роман выпустил газы. Роман пошел. Роман остановился. Роман качнул головой. Роман закрыл глаза. Роман замахал руками. Роман стукнул ногой по полу. Роман лег на пол. Роман похлопал по полу руками. Роман лег на спину. Роман поднял руку. Роман поднял другую руку. Роман похлопал в ладоши. Роман опустил руки. Роман захохотал. Роман поднял ноги. Роман обхватил ноги руками. Роман подтянул ноги к лицу. Роман нюхал ноги. Роман опустил ноги. Роман перевернулся на живот. Роман пополз по полу. Роман остановился. Роман сжал голову руками. Роман заплакал. Роман постучал кулаком по полу. Роман понюхал пол. Роман пополз по полу. Роман остановился. Роман поднял голову. Роман надул деки. Роман хлопнул ладонями по щекам. Роман затряс ногами. Роман помочился. Роман пополз по полу. Роман остановился. Роман лизнул пол. Роман лизнул ладонь. Роман перевернулся на бок. Роман засунул палец в пупок. Роман потрогал член. Роман облизал палец. Роман подтянул колени к подбородку. Роман понюхал колени. Роман засмеялся. Роман облизал колени. Роман вытянул ноги. Роман потрогал живот. Роман потрогал грудь. Роман поднес руки к лицу. Роман подул на руки. Роман похлопал руками по лицу. Роман перевернулся на спину. Роман поднял ноги. Роман потряс ногами. Роман опустил ноги. Роман похлопал себя по животу. Роман облизал палец. Роман пососал руку. Роман заплакал. Роман перевернулся на живот. Роман пополз. Роман остановился. Роман потрогал пол. Роман похлопал ладонями по полу. Роман пополз. Роман остановился. Роман посплюнул палец. Роман потер пальцем пол. Роман обсосал палец. Роман понюхал пол. Роман понюхал палец. Роман потрогал губы. Роман засмеялся. Роман стукнул рукой по голове. Роман пополз. Роман остановился. Роман потерся об пол. Роман прижался щекой к полу. Роман поднял голову. Роман плюнул на пол. Роман слизал плевки с пола. Роман пополз. Роман остановился. Роман потерся животом об пол. Роман пополз. Роман остановился. Роман засмеялся.

Роман перевернулся на спину. Роман потрогал член. Роман поднял ноги. Роман похлопал руками по ногам. Роман опустил ноги. Роман стукнул ногой по полу. Роман вытянул ноги. Роман перевернулся на бок. Роман махнул рукой. Роман похлопал себя по лицу. Роман пососал ладонь. Роман тронул рукой язык. Роман тряхнул ногой. Роман качнул головой. Роман заплакал. Роман перевернулся на живот. Роман пополз. Роман остановился. Роман подул на пол. Роман подул на пальцы. Роман постучал пальцами по зубам. Роман пополз. Роман остановился. Роман задрожал. Роман пополз. Роман потер рукой пол. Роман пососал руку. Роман заплакал. Роман пополз. Роман остановился. Роман потерялся животом о пол. Роман постучал ногами по полу. Роман хлопнул рукой во лицо. Роман пополз. Роман остановился. Роман понюхал руку. Роман пососал руку. Роман понюхал пол. Роман стукнул ногами по полу. Роман вытянул руку. Роман потер рукой пол. Роман облизал руку. Роман пополз. Роман остановился. Роман потрогал голову. Роман перевернулся на спину. Роман пополз на спине. Роман остановился. Роман потрогал член. Роман хлопнул ладонями по груди. Роман засмеялся. Роман помочился. Роман перевернулся на живот. Роман пососал руку. Роман пополз. Роман похлопал себя по ягодицам. Роман пополз. Роман понюхал пол. Роман плюнул на пол. Роман растер плевки рукой. Роман пополз. Роман остановился. Роман заплакал. Роман покачал головой. Роман облизал пальцы. Роман пополз. Роман хлопал по полу. Роман дергал ногами. Роман остановился. Роман перевернулся на бок. Роман потрогал живот. Роман потряс ногой. Роман засмеялся. Роман замахал руками. Роман лег на живот. Роман пополз. Роман затряс головой. Роман остановился. Роман стукнул рукой по полу. Роман пополз. Роман остановился. Роман вздрогнул. Роман понюхал пол. Роман потер рукой лицо. Роман потер ногой пол. Роман пополз. Роман застонал. Роман остановился. Роман перевернулся на спину. Роман перевернулся на живот. Роман перевернулся на спину. Роман поднял ноги. Роман дернулся. Роман заплакал. Роман хлопнул рукой по члену. Роман плюнул. Роман перевернулся на живот. Роман пополз. Роман остановился. Роман подул на пол. Роман тряхнул головой. Роман дернулся. Роман царапнул пол ногтями. Роман пополз. Роман засмеялся. Роман остановился. Роман дернулся. Роман стукнул по полу. Роман понюхал. Роман облизал пальцы. Роман облизал пол. Роман пополз. Роман остановился. Роман вскрикнул. Роман потрогал зубы. Роман пополз. Роман постучал. Роман пополз. Роман остановился. Роман перевернулся. Роман перевернулся. Роман потрогал. Роман облизал плечо. Роман пополз. Роман остановился. Роман вздрогнул. Роман стукнул. Роман засмеялся. Роман пополз. Роман плюнул. Роман остановился. Роман помочился. Роман потер. Роман пососал. Роман задрожал. Роман царапнул. Роман застонал. Роман пополз. Роман обслюнявил. Роман остановился. Роман дернулся.

Роман засунул. Роман пополз. Роман закричал. Роман понюхал. Роман постучал. Роман поскреб. Роман перевернулся. Роман поднял. Роман схватил. Роман вытянул. Роман плюнул. Роман размазал. Роман засмеялся. Роман хлопнул. Роман задергался. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман остановился. Роман погладил. Роман задрожал. Роман пополз. Роман остановился. Роман вытянул. Роман помахал. Роман царапнул. Роман понюхал. Роман перевернулся. Роман поднял. Роман потянулся. Роман замер. Роман захолопал. Роман выпустил. Роман поднял. Роман опустил. Роман засмеялся. Роман дернулся. Роман пополз. Роман остановился. Роман перевернулся. Роман потряс. Роман засмеялся. Роман вытянул. Роман поднял. Роман опустил. Роман повернул. Роман понюхал. Роман покачал. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман задрожал. Роман остановился. Роман вытянул. Роман поскреб. Роман плюнул. Роман вздрогнул. Роман нажал. Роман лизнул. Роман вскрикнул. Роман пополз. Роман остановился. Роман потерял. Роман стукнул. Роман перевернулся. Роман застонал. Роман махнул. Роман похлопал. Роман царапнул. Роман протянул. Роман замер. Роман повернулся. Роман пососал. Роман потрогал. Роман покачал. Роман опустил. Роман повернулся. Роман дернулся. Роман засмеялся. Роман потерял. Роман положил. Роман коснулся. Роман обсосал. Роман пополз. Роман остановился. Роман закричал. Роман опустил. Роман раздвинул. Роман царапнул. Роман задрожал. Роман положил. Роман сжал. Роман полизал. Роман протянул. Роман понюхал. Роман ударил. Роман погладил. Роман похлопал. Роман потерял. Роман нажал. Роман тронул. Роман пополз. Роман провел. Роман полизал. Роман вскрикнул. Роман заплакал. Роман покачал. Роман ударил. Роман остановился. Роман наклонил. Роман потерял. Роман перевернулся. Роман поднял. Роман подтянул. Роман качнул. Роман закричал. Роман потряс. Роман качнул. Роман тряхнул. Роман вскрикнул. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман потрогал. Роман полизал. Роман вытянул. Роман остановился. Роман повернул. Роман заплакал. Роман хлопнул. Роман помочился. Роман испражнился. Роман пополз. Роман заплакал. Роман остановился. Роман наклонил. Роман замер. Роман поднял. Роман повернул. Роман перевернулся. Роман полизал. Роман вытянул. Роман потрогал. Роман засмеялся. Роман покачал. Роман обсосал. Роман плюнул. Роман обтер. Роман перевернулся. Роман перевернулся. Роман замер. Роман потрогал. Роман наклонил. Роман коснулся. Роман ударил. Роман засунул. Роман потрогал. Роман вытянул. Роман потряс. Роман засмеялся. Роман пополз. Роман засмеялся. Роман замер. Роман перевернулся. Роман потрогал. Роман потерял. Роман оцарапал. Роман вытянул. Роман потрогал. Роман засмеялся. Роман взмахнул. Роман качнул. Роман полизал. Роман вскрикнул. Роман потерял. Роман понюхал. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман остановился. Роман

пополз. Роман потрогал. Роман погладил. Роман ударил. Роман пополз. Роман остановился. Роман согнул. Роман коснулся. Роман вскрикнул. Роман задрожал. Роман замер. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман остановился. Роман протянул. Роман нажал. Роман коснулся. Роман нажал. Роман засмеялся. Роман вытянул. Роман лизнул. Роман засмеялся. Роман нажал. Роман закричал. Роман повернул. Роман пополз. Роман остановился. Роман поскреб. Роман наклонил. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман остановился. Роман качнул. Роман засмеялся. Роман коснулся. Роман наклонил. Роман потрогал. Роман застонал. Роман качнул. Роман обсосал. Роман качнул. Роман стукнул. Роман вскрикнул. Роман пополз. Роман остановился. Роман вытянул. Роман заплакал. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман остановился. Роман хлопнул. Роман повернул. Роман хлопнул. Роман потрогал. Роман погладил. Роман хлопнул. Роман покачал. Роман засмеялся. Роман помочился. Роман потряс. Роман пополз. Роман остановился. Роман помочился. Роман пополз. Роман замер. Роман закричал. Роман перевернулся. Роман погладил. Роман стукнул. Роман засунул. Роман облизал. Роман пополз. Роман замер. Роман постучал. Роман крикнул. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман замер. Роман перевернулся. Роман похлопал. Роман поднял. Роман потрогал. Роман согнул. Роман потер. Роман потрогал. Роман заплакал. Роман вытянул. Роман хлопнул. Роман застучал. Роман крикнул. Роман заплакал. Роман пополз. Роман остановился. Роман погладил. Роман облизал. Роман погладил. Роман потрогал. Роман облизал. Роман наклонил. Роман потряс. Роман дернулся. Роман потряс. Роман дернулся. Роман потряс. Роман дернулся. Роман закричал. Роман коснулся. Роман сжал. Роман потрогал. Роман сжал. Роман повернул. Роман наклонил. Роман сжал. Роман вскрикнул. Роман сжал. Роман засмеялся. Роман взмахнул. Роман стукнул. Роман сжал. Роман пососал. Роман плюнул. Роман вытер. Роман поправил. Роман пососал. Роман вскрикнул. Роман пополз. Роман замер. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман замер. Роман ударил. Роман закричал. Роман наклонил. Роман сжал. Роман вытянул. Роман ударил. Роман вытянул. Роман наклонил. Роман испражнился. Роман обмазал. Роман облизал. Роман вскрикнул. Роман облизал. Роман заплакал. Роман перевернулся. Роман закричал. Роман потряс. Роман закричал. Роман дернулся. Роман закричал. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман дернул. Роман выпустил. Роман испражнился. Роман пополз. Роман закричал. Роман заплакал. Роман пососал. Роман заплакал. Роман сжал. Роман вскрикнул. Роман хлопнул. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман согнул. Роман замер. Роман похлопал. Роман согнул. Роман похлопал. Роман потрогал. Роман сжал. Роман потерябил. Роман схватил. Роман

вытянул. Роман пополз. Роман остановился. Роман пополз. Роман остановился. Роман погладил. Роман выпрямил. Роман наклонил. Роман схватил. Роман постучал. Роман вскрикнул. Роман ударил. Роман вскрикнул. Роман засмеялся. Роман пополз. Роман остановился. Роман протянул. Роман тронул. Роман сжал. Роман тронул. Роман потянул. Роман ударил. Роман сжал. Роман потер. Роман заплакал. Роман схватил. Роман вытянул. Роман поправил. Роман качнул. Роман заплакал. Роман закричал. Роман пополз. Роман закричал. Роман дернулся. Роман закричал. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман перевернулся. Роман закричал. Роман перевернулся. Роман ударил. Роман закричал. Роман вытянул. Роман закричал. Роман ударил. Роман застонал. Роман потрогал. Роман ударил. Роман закричал. Роман перевернулся. Роман пополз. Роман перевернулся. Роман протянул. Роман закричал. Роман дернулся. Роман оттянул. Роман вскрикнул. Роман заплакал. Роман перевернулся. Роман потер. Роман сжал. Роман заплакал. Роман вытянул. Роман дернул. Роман закричал. Роман замер. Роман потрогал. Роман застонал. Роман крикнул. Роман качнул. Роман коснулся. Роман застонал. Роман потрогал. Роман сжал. Роман вскрикнул. Роман затряс. Роман застонал. Роман коснулся. Роман помочился. Роман вытянул. Роман замахал. Роман замер. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман потрогал. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман вытянул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман коснулся. Роман сжал. Роман вскрикнул. Роман пошевелил. Роман протянул. Роман пошевелил. Роман потер. Роман коснулся. Роман застонал. Роман помочился. Роман вскрикнул. Роман замахал. Роман закричал. Роман замер. Роман пошевелил. Роман протянул. Роман коснулся. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман повернул. Роман вздрогнул. Роман застонал. Роман потрогал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман замер. Роман потрогал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман замер. Роман пошевелил. Роман коснулся. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман повернул. Роман пошевелил. Роман дернулся. Роман замер. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман замер. Роман потрогал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман качнул. Роман замер. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман дернулся. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман потрогал. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман потрогал. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман

застонал. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман задрожал. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман дернулся. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман дернулся. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман потряс. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман качнул. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман дернулся. Роман пошевелил. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман застонал. Роман дернулся. Роман пошевелил. Роман дернулся. Роман качнул. Роман дернулся. Роман качнул. Роман пошевелил. Роман дернулся. Роман застонал. Роман пошевелил. Роман вздрогнул. Роман дернулся. Роман пошевелил. Роман дернулся. Роман умер.

ЛР № 070462 от 09.04.1992 г.

Формат 60 90 1/16

Объем 25 п.л.

тираж 2000 экз.

заказ № 1596

OBSCURI VIRI

“ Три Кита ”

**Московская типография №9
Комитета Российской Федерации по печати
109003, Москва, Волочаевская ул., 40**

Владимир СОРОКИН

Родился в 1955 году. Окончил МИНХ и ГП им. Губкина. Занимался книжной графикой, живописью, концептуальным искусством. Участник многих выставок.

Написал:

роман "Очередь" (опубликован в 10 странах)

роман "Норма" (опубликован в России)

роман "Тридцатая любовь Марины" (опубликован во Франции и Германии)

роман "Сердца четырех" (опубликован в России и Германии)

повесть "Месяц в Дахау" (опубликована в России, Германии, США)

рассказы и пьесы переведены на многие европейские языки.

роман "Роман" (1985 - 1989) публикуется впервые.

"Для максималиста Сорокина автор чудовищен не как данный здесь и сейчас индивид, но как таковой, в своей всегдашности, в своей заключенности в тюрьму жанра: имя жанра и имя преступника совпадают. Эстетическое здесь оказывается (...) воистину началом непорочно чудовищного".

И. П. Смирнов, "Новое литературное обозрение"